ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

*

INSTITUTE OF WORLD HISTORY

CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY

RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

55

DIALOGUE WITH TIME

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2016 Issue 55

EDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de Mexíco

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Constance BLACKWELL
International Society
for Intellectual History

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewica
w Poznaniu

Piama P. GAIDENKO
Institute of Philosophy RAS

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Igor V. NARSKIJ
National Research
South Ural State University,
Cheljabinsk

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Gyula SZVÁK
Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Nina A. KHACHATURIAN
Lomonosov Moscow State University

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

Pavel P. SHKARENKOV
Russian State University
for the Humanities

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ
АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
2016 Выпуск 55

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный университет
Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории РАН

Констанс БЛЭКВЭЛ
Международное общество
интеллектуальной истории

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЫГИНА
Северо-Кавказский
федеральный университет

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича,
Познань, Польша

П. П. ГАЙДЕНКО
Институт философии РАН

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Г. П. МЯГКОВ
Казанский
федеральный университет

И. В. НАРСКИЙ
Национальный исследовательский
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии РАН

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

И. М. САВЕЛЬЕВА
Высшая школа экономики
Национальный исследовательский
университет

Дюла СВАК
Будапештский университет
имени Лоранда Этвеша

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Уппсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
Московский государственный институт
международных отношений
(Университет) МИД России

Н. А. ХАЧАТУРЯН
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный
гуманитарный университет

ББК 63.3

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АФАНАСЬЕВА А. Э., кандидат исторических наук, доцент
ВИШЛЕНКОВА Е.А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ЗВЕРЕВА В. В., кандидат исторических наук, доцент
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЕВА М. С., доктор философских наук, профессор
КОРЧИНСКИЙ А. В., кандидат филологических наук, доцент
МАКАРЕНКОВА Е. М., доктор исторических наук
МАЛОВИЧКО С. И., доктор исторических наук, профессор
НЕДАШКОВСКАЯ Н. И., кандидат филологических наук, доцент
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент
(заместитель главного редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
(ответственный секретарь)
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 55
М.: ИВИ, 2016. — 400 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

DIALOGUE WITH TIME 55
Moscow: IWH, 2016. — 400 p.

Journal “Dialogue with Time” is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

ISSN 2073–7564
Эл. № ФС 77-53624

Подписной индекс
в общероссийском каталоге «Роспечать»
36030

© Общество интеллектуальной истории, 2016
© Институт всеобщей истории, 2016
© Журнал «Диалог со временем», 2016

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

А. В. Вдовиченко

МИФЫ ЕДИНСТВА “ЯЗЫКА” И ЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РАННЕЕ ХРИСТИАНСТВО И РУССКИЙ МИР[1]

В статье рассматривается понятие «язык» как инструмент формирования идентичности. Автор приводит доводы в пользу того, что понятие «язык» не эффективно для моделирования процесса естественного говорения/письма, и не может играть прежней доминирующей роли в формировании идентичности, понимаемой как осознанное и признанное неким сообществом единство. Рамочной идеей, способной охватить тенденции переосмысления «языка» в описательных схемах, выступает коммуникация и личное коммуникативное действие. Для вербальных фактов, составляющих естественное говорение/письмо, эти понятия задают единственно возможную систему, в которой вербальный материал может быть корректно интерпретирован и описан. В вопросах идентичности переосмысление (или даже упразднение в прежнем статусе) понятия «язык», признание его мнемотехнической, утилитарной, но не онтологической ценности, ведет к девальвации языкового фактора. Интерпретация эллинистических иудейских и раннехристианских (иудеохристианских) сочинений, к которым относят грекоязычные библейские тексты (Септуагинта и НЗ корпус), до последнего времени была сферой исключительной компетенции строго языкового подхода. Для более адекватного представления статуса этих текстов и языковой идентичности авторов и переводчиков в статье приведена аналогия с современным русскоязычным пространством. Подобно современным церковнославянским текстам, создаваемым в традиционных формах, тексты Септуагинты и НЗ были ориентированы на традиционное сообщество и воспринимались как эпические, архаизирующие, возвышенные, обособленные от прочих современных лингвистических практик. Статус этих текстов и соответствующая трактовка идентичности их авторов становятся возможны при коммуникативной интерпретации естественных вербальных фактов.

Ключевые слова*: *язык, фактор идентичности, коммуникативное действие, тексты Септуагинты и Нового Завета.

Язык как лингвистический объект и как традиционное именование единого инструмента общения нередко мыслится *фактором создания* (возникновения) *идентичности* в широком спектре научной гуманитарной и обыденной аргументации (языкознание, история, культурология, философия, социология, СМИ, художественная литература, обыденное общение и пр.). «Говорить на каком-то языке» часто означает (или понимается по умолчанию как) «мыслить специфически», «иметь особые практики», «принадлежать к уникальной культуре». Если предположить, что в хайдеггеровской метафоре «язык есть дом Бытия»[2] позицию подлежащего занимает конкретный язык (а сделать это весьма просто и даже необходимо в контексте рассуждений самого автора метафоры), то «образы Бытия» будут идентифицироваться и подсчитываться по числу

[1] Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 15-04-00560.

[2] Хайдеггер 1993. С. 192.

языков, соответствовать количеству существующих «домов». Говорящие на этих языках (они же «обитатели домов Бытия») помещаются, таким образом, в более или менее замкнутые резервации, очерченные их языковыми навыками. Между тем современное состояние лингвистического знания в некоторых своих версиях дает шанс на менее масштабный языковой сепаратизм. По крайней мере, фактор языка может не выглядеть столь безапелляционным и неотвратимым в деле форматирования сознания носителей, воздвижения границ между лингвокультурными сообществами, создания анклавов «единомышленников», говорящих на одном «языке», по образцу «русского мира».

Де факто языки никогда не воздвигали непреодолимых преград между искренне желающими вступить в коммуникацию, но теоретически, своего рода *де юре*, им полагалось быть резервуарами «духа народа», «сокровищницами» знания и культуры этноса, выражением идеальной картины мира нации («языковая картина мира»), и вообще, как уже было замечено, «особняками бытия» для живущих в них (говорящих на них). На этих высоко патриотичных, однако, архаичных и пещерных, по сути, идеях паразитирует – открыто или подспудно – гомогенная им националистическая риторика, черпающая нерушимое доказательство единства нации в очевидном факте единого национального «языка» – дома, резервуара, сокровищницы, души, идеальной матрицы национального сознания. Миф о роли языка в формировании идентичности, как и любой предрассудок, следует, скорее, преодолевать и развенчивать, чем полагать в основание методологических схем, в т.ч. академически ориентированных описаний, достигая, тем самым, пущей авторитетности самого мифа и пущей шаткости конструкции гуманитарного знания.

Как более специализированные (лингвистические и лингвофилософские) рассуждения, так и менее тяжеловесные жанровые зарисовки позволяют утверждать, что *понятие «язык» не эффективно для моделирования процесса естественного говорения (письма)*, и не может играть прежней доминирующей роли в формировании идентичности, понимаемой как осознанное и признанное неким сообществом единство.

Рамочной идеей, способной охватить тенденции переосмысления «языка» в описательных схемах, выступает *коммуникация* и личное *коммуникативное действие.* Для вербальных фактов, составляющих естественное говорение/письмо, эти понятия задают единственно возможную систему, в которой вербальный материал может быть корректно интерпретирован и описан.

Вследствие тотальной вовлеченности в коммуникативные ситуации, естественный вербальный материал всегда и непременно существует в связном, дискурсивном, состоянии. Элементы, выделяемые на различных уровнях анализа вербальной материи, имеют значение только как часть личного действия говорящего, который оказывает возмож-

ное, с его точки зрения, влияние на осмысленную ситуацию коммуникации. Иных источников смыслообразования, кроме сознания действующего коммуниканта, в материи слов не присутствует. В пространстве *мыслимой ситуации коммуникативного действия* говорящий (и затем следующий за ним интерпретант) выделяет объекты (дотоле не существовавшие *здесь и сейчас*, не выделенные из гомогенной панорамы, прежде не оформленные в «объект» и не развернутые в направлении данного коммуникативного действия), назначает связи, фиксирует внимание адресатов, подбирает вербальные клише, соизмеряя их с типологическими условиями их использования и возможными особенностями восприятия их адресатом, и пр. Конкретная коммуникативная синтагма, параметрированная говорящим, а затем интерпретатором, становится той единственной системой координат, в которой приобретают значение формальные элементы вербального процесса. В свою очередь, чтобы воссоздать значение изолированного элемента (способность слова «обозначать что-то» без «соединения или разъединения», согласно Аристотелю[3]), необходимо воссоздать некоторую известную интерпретатору коммуникативную синтагму, в которой возможно употребление данного элемента (фонетического/графического комплекса). Порождаются и понимаются не слова, а многофакторные *коммуникативные действия*.

Коммуникативный подход к вербальным фактам ведет к признанию теоретической неэффективности понятия «язык» для многих (зачастую принципиальных) эпизодов. Поскольку смыслообразование является единственной причиной говорения/письма, то именно его невозможно добиться от лингвистического материала, лишенного субъекта, т.е. безличного, не вовлеченного в конкретную коммуникативную синтагму «слова». Выбирая между формой и содержанием, теоретик вынуждается исходить из второго, поскольку смысл существует до внешнего коммуникативного действия, как его помысленный иллокутивный эффект.

Место формального «языка» в дискурсивной модели вербального процесса занимает *коммуникативная типология*, известная участнику коммуникации из опытов реализации коммуникативных действий в аутентичном (родном) сообществе. Она же является источником для создаваемой (если это зачем-то необходимо) грамматической матрицы. Так, например, грамматическая «система лиц» строится на основе типологических позиций говорящего в коммуникативном пространстве и только поэтому встраивается в «систему языка» как ее «подсистема». В этом смысле говорящему «на родном языке» известен не «язык», а *типология коммуникативных синтагм, или ситуаций* (охватить которую *неаутентичному* участнику лингвокультурного сообщества помогает грамматика, представляющая собой неточный, но в ряде случаев удобный инструмент мнемотехники; напротив, *аутентичному* участнику

[3] Аристотель 1978. т. 2. С. 93.

известны способы коммуникативного действия в сегментах лингвокультурного пространства, в т.ч. соответствующие вербальные модели реализации коммуникативных ситуаций, или клише, на основании которых потом и создается грамматическое – не нужное носителю языка – мнемотехническое описание).

Представленные в современном состоянии лингвистического знания направления, часто эксплицируемые формулами «язык в сознании», «язык в тексте» и «язык в употреблении», каждое по-своему ведет к отрицанию самой абстракции «язык».

«*Язык в сознании*», в конечном счете, предполагает *несловесность* выражаемых коммуникантом значений. Мысль локализуется на стадии планирования действия, в т.ч. словесного высказывания. Кванты мыслительного процесса никоим образом не совпадают с автономными словами, которые, в свою очередь, никоим образом не соответствуют платоно-аристотелевским «сущностям вещей» – ни «первым», ни «вторым». Сознание, которому вне коммуникации «язык» не нужен вовсе, назначает объекты и их связи, актуализованные в данный момент, т.е. другими словами, «сущности вещей» не сами по себе отражаются в «языке» и действуют в сознании, а попросту не существуют – не могут быть ни выделены, ни поименованы – до актуального мыслительного процесса. Оформление объектов и их множеств, разбиение на части или классы ранее выделенных объектов происходит в сознании по мере субъектной актуальности. Если результатом «мыслей» становится признание необходимости и возможности действовать в коммуникативном пространстве, коммуникант привлекает известные ему вербальные клише, которым он сам, а затем интерпретатор, приписывает значение, соответствующее мыслимой ситуации. Процесс смыслообразования, протекающий в сознании воспринимающего речь адресата, состоит в усвоении «внутренних состояний», или «мыслей» говорящего (пишущего), послуживших причиной и условиями данного действия.

Последовательное рассмотрение «*языка в тексте*», в конце концов, выводит *за пределы вербального текста* и отсылает к осознанной коммуникативной ситуации, мыслимой в каждый конкретный момент актуального говорения/письма. Текст, составленный из устных или написанных «предложений», представляет собой ряд действий, которые осуществляются в каждый раз заново осознанных меняющихся условиях. Этот ряд организован активным сознательным процессом, направленным на достижение результата коммуникации. Другими словами, место вербального текста, составленного из несамотождественных элементов, занимает «связность» иного рода – мыслимая коммуникативная ситуация (дискурс), предлагающая собственные семантические и синтаксические параметры, посредством которых сознание интегрирует предметные вербальные элементы. Любая совокупность слов вне актуального действия оказывается обманчивой, поскольку никакой текст

(или произвольно избранный его отрезок) не может теоретизироваться как автономный количественный объект, вне принципов, введенных сознанием действующего коммуниканта.

В свою очередь, «*язык в употреблении*» вбирает все аутентичные условия естественного вербального процесса, среди которых со всей очевидностью *не находится места* «единому предметному инструменту говорения и понимания». Актуальный вербальный процесс (использование словесных моделей в целях (воз)действия) всегда реализуется как мыслимый (когнитивность), обусловленный воспринятыми обстоятельствами (ситуативность), необходимый говорящему (актуальность), предполагающий мыслимого адресата (коммуникативность), предназначенный к воздействию (акциональность). *Абстракция «язык» не в состоянии вместить ни одного из аутентичных свойств естественного коммуникативного процесса*, поскольку слово и, соответственно, словесный «язык», понимаемые по-платоновски и признаваемые самотождественными теоретическими объектами, не оставляет никаких шансов коммуниканту, хотя именно он – один из немногих самоочевидных участников реального речевого процесса – задает собой все аутентичные признаки естественного вербального материала. Для концепции «языка» главным неудобством становится свобода говорящего, которую традиционная «языковая» теория фактически вынуждена отрицать, констатируя общий «инструмент» говорения/понимания. Парадоксальным образом в естественном вербальном процессе самотождественным (понимаемым в единстве) оказывается субъективное содержание, а не объективная форма: первое, оставаясь одним и тем же, может быть выражено различными словами, различными способами, на разных языках и пр., в то время как вторая, не имея жесткой платоновской привязанности к «идеям», чтобы приобрести «значение», должна быть наделена субъектным содержанием и субъектно интерпретирована, т.е. сопряжена с говорящим и лично воспринятой ситуацией вербального действия.

Неэффективность абстракции «язык» ощущается особенно остро, когда замечается его внесубъектная бессмысленность, или отсутствие в нем (самом по себе) каких-либо актуальных значений. Комбинаторика элементов, описываемая грамматикой и словарем как всеобщие правила «языка», не выражает ничьих «мыслей», интенций, «ментальности», «духа», или каких-то когнитивных состояний, которые свойственны любому естественному говорению. Только проекция на коммуникативную ситуацию, которая воспринята лично и в которой реализуется личное действие, позволяет осуществить процедуру смыслообразования — со стороны адресанта и адресата. Личное спроецированное на ситуацию действие составляет единственный интерес как самого коммуниканта, так и любого интерпретатора, прямого или косвенного. Любой предметный элемент «языка», лишенный аутентичных условий, в которых он использован (или может быть использован) в личном действии, пре-

вращается в нечто иное, отличное от *актуального* употребления данного элемента. Так, «пришел, увидел, победил» (как и любая из частей этого высказывания) не значит ничего до помещения в актуальную ситуацию (непонятно *кто, где, когда, зачем* сказано и пр.). На фоне того, что «язык» (т.е. оторванные от конкретной коммуникативной почвы «грамматика и словарь») традиционно считался носителем выражаемых значений, его реальная внесубъектная пустота выглядит главным изобличающим свидетельством. Если «частицы» вербальной материи рассматриваются «сами по себе», вне личной актуальной коммуникативной синтагмы, то «свойствами» этой материи на различных уровнях анализа становится нетождественность, хаотичность, бессмысленность[4].

В вопросах идентичности переосмысление (или даже упразднение в прежнем статусе) понятия «язык», признание его мнемотехнической, утилитарной, но не онтологической ценности, ведет к девальвации языкового фактора. Так, тем, кто говорит на одном «языке», нельзя на этом основании приписывать единые идеи, базовые ценности или эмоции. Употребление одних и тех же слов не обязательно означает присутствия одних и тех же «концептов» в сознании, и наоборот, – употребление различных слов не означает обязательного присутствия различных «концептов». Форматирование сознания вербальными «отпечатками» (формирование «языковой картины мира») нельзя считать объективной данностью, несмотря на объективность («телесность» и определенность) вербальных форм. Границы сообществ (в т.ч. этнических) независимы от имеющихся языковых навыков. «Сокровищницы народного духа» с тем же основанием могут быть сочтены собранием народных заблуждений и предрассудков. Процессы понимания коммуникантов осуществляются в тождестве на основании мыслимых практик, далеких от исключительной вербальности. Ценность самого «языка» (в т.ч. стремление к сохранению мнимо-самоценных вербальных форм) не имеет под собой достаточных (бытийственных) оснований. Истинная ценность, скорее, содержится в стремлении к коммуникации и позитивному взаимодействию, в котором вербальные формы сами по себе глубоко вторичны и утилитарны, и в котором понимаются не слова, а целостные коммуникативные действия. Интерпретация форм бескачественного языка помещается в перспективу межличностного взаимодействия, становится более свободной от детерминирующей систематики, более независимой от обманчивого единообразия вербальных форм. Хайдеггеровская метафора значительно корректируется и приобретает форму: «Осознанное бытие есть дом вербальной (и невербальной) коммуникации». Знать чужой язык означает владеть приблизительной мнемотехнической схемой вербальных практик, владеть мнемотехнической схемой не идентично пониманию *конкретных*

[4] Подробнее, см. *Вдовиченко* 2008.

коммуникативных действий, интерпретация которых нуждается в целом комплексе несловесно мыслимых параметров.

Интерпретация эллинистических иудейских и раннехристианских (иудеохристианских) сочинений, к которым прежде всего относят грекоязычные библейские тексты, до последнего времени была сферой исключительной компетенции строго языкового подхода. *Идентичность авторов и переводчиков*, за неимением иных точных сведений и данных, определялась на основе их языковой (переводческой или писательской) деятельности. При этом, несмотря на точность и объективность языковых данных, некоторые историко-культурные факты и консенсусные мнения вступали с ними в конфликт, обернувшийся, в конце концов, очевидным *диссонансом между результатами историко-культурно-религиозной интерпретации библейских текстов*, с одной стороны, и *лингвистической*, с другой.

Лингвистический (структурно-языковой в своих основаниях) подход к анализу вербальных феноменов грекоязычного Танаха (Септуагинты) и Нового Завета фактически представляет собой детальное описание *фактов языковой «ненормализованности»* этих источников. Данная процедура состоит в рассмотрении вербальных клише грекоязычного текста в сравнении с аутентичными образцами эллинистической или классической греческой прозы, с оригинальным текстом еврейской Библии или возможных семитоязычных оригиналов, на фоне постулированного процесса языковой интерференции, с однозначно предметным (структурно-грамматическим) пониманием системных «языков», вовлеченных в лингвистическую ситуацию. В результате таких исследований оказывается невозможным отрицать, что языковые клише, которыми пользуется греческий текст НЗ и LXX, представляют собой кальки и заимствования из древнееврейского или арамейского, соответственно, на грекоязычной почве эти единицы (и весь начиненный ими текст) должны быть признаны *нарушениями* аутентичного греческого строя «языка». Как следствие, в области лингвистической теории, при приложении традиционных методов описания, тексты Септуагинты и НЗ признаются ненормализованными, интерференционными, испорченными, просторечными, а их авторы «малограмотными людьми с Востока», простецами, далекими от классических литературных образцов, не получившими достаточного образования, которые создавали тексты на языке, которого не знали, и пр.[5]

Прямо противоположная ситуация наблюдается в области *историко-культурно-религиозного* подхода. Здесь тексты еврейского Закона и Нового Завета заведомо *не могут считаться ненормализованными*, поскольку они составляют аутентичную принадлежность вполне определенной замкнутой в себе культурно-религиозной ситуации, локализованной в традиции *грекоговорящей иудейской диаспоры*, которая

[5] Porter 1997.

фиксировала *особую практику создания и функционирования священного текста* и, естественно, не допускала и мысли об их ненормализованности. При этом совершенно очевидно, что для *участников* историко-культурно-религиозной ситуации, погруженных в стихию лингвокультурной практики, ненормализованность использованных в текстах языковых клише была бы заметна гораздо более, чем любому *современному интерпретатору* (исследователю), изъятому из живой коммуникативной реальности. Однако интерпретатор, тем не менее, с готовностью констатирует факт языковой неполноценности иудейских и иудео-христианских текстов и, как следствие, недостаточной образованности и, в целом, странности и маргинальности их авторов.

Доказательные базы, возникающие при применении каждого из этих подходов, настолько очевидны, что *один подход полностью исключает другой*. Только с ослаблением системного ига «языка» и применением коммуникативной модели вербального действия, идентичность авторов с их аутентичными языковыми практиками становится возможным определить и вписать в рамки историко-культурной реальности. В упомянутом диссонансе, таким образом, «виноватой» оказывается *лингвистическая сторона*, допустившая *использование неадекватной структурно-языковой модели*, которая порождает теоретические объекты, непригодные для создания непротиворечивой лингвокультурной картины.

Так, при рассмотрении текстов LXX и НЗ ориентированность лингвистического рассуждения на «систему языка» непременно ведет к признанию их испорченности или неправильности (ибо в аутентичных греческих текстах значительное число употреблений LXX и НЗ не засвидетельствованы, более того, очевидно *негреческое* построение текста имеет место в заведомо «неправильном» – калькированном с еврейского – тексте Септуагинты).

Освобождаясь от структурно-языкового диктата, стоит вспомнить, что правильные языковые системы сами по себе в реальности не представлены – в реальности имеют место разного рода сообщества коммуникантов, в которых *считаются* уместными и правильными те или иные языковые модели в различных ситуациях, и на основании узуса таких сообществ вторичный наблюдатель, констатируя уместность и правильность данных языковых моделей, строит «грамматику языка» данного сообщества. Рассуждения, имеющие отношение к *языковой системе*, теряют смысл ввиду единственно оправданного *коммуникативного подхода* к языковому материалу: языковые модели нормализуются *участниками коммуникативной ситуации*. Любое современное состояние «языка» является деформацией (искажением) некоего прежнего состояния «системы» того же «языка», однако, в конечном счете, современные участники языковой ситуации признают за актуальными (в конкретных ситуациях) вербальными моделями нормализованность и правильность. Санкция

участников коммуникации получает затем отражение в описаниях «правильного» состояния «языковых систем» (словари, грамматика и др.). Ввиду этого в ситуации Септуагинты приоритетным следует признать факт того, что сообщество грекоговорящих диаспоральных иудеев признавало за текстом LXX определенный статус и видело в нем способность исполнять определенные коммуникативные функции. Другой «факт», или точнее, вопрос о том, что аутентичная греческая текстуальность в переводе Семидесяти нарушена, просто снимается как *методологически некорректный*: мнемотехническая схема «язык» создается как попытка систематизации аутентичной коммуникативной практики, в т.ч. и такой.

В самом деле, переводчики (подлинные участники языковой ситуации) оставили в недоумении исследователей, исповедующих предметные воззрения на язык: текст LXX изначально возникает как 1) «испорченный» пословной техникой перевода, но при этом 2) приемлемый для субъекта лингвистической ситуации. С одной стороны, нужно признать, что очевидно «испорченный механизм языковой системы» не мог эффективно «работать», и тогда текст следовало бы признать не способным исполнять свои коммуникативные функции. Но, с другой стороны, несмотря на очевидную «испорченность», данный текст успешно функционировал в аутентичной среде и, более того, считался в высшей степени культурно и религиозно значимым. Таким образом, субъекты лингвистической ситуации (т.е. аутентичные участники и пользователи актуального языкового материала, чья переводческая деятельность у субъектов традиции считалась образцовой и священной – Филон, например, называл переводчиков не иначе, как «иерофантами») одобряли то, что, с точки зрения последующих вторичных интерпретаторов, представляет собой «плохой язык».

Это недоумение возникает из априорно мыслимой оппозиции: «система языка» (*явно нарушенная в переводе*) *vs* аутентичное восприятие языкового материала (*явно игнорирующее «правильный язык»*).

Так, если исследователь ищет в грекоязычных библейских текстах подтверждения уже существующей структурно-грамматической схемы («системы языка»), то такой способ исследования закономерно ведет к умножению фактов, изобличающих *нарушения греческой* текстуальности (или греческой «языковой системы»). Библейские источники становятся все более «испорченными», пострадавшими от семитского влияния, незнания или забвения греческих правил построения текста и т.д. Такая констатация заставляет либо *просто игнорировать вопрос о том, как возможен неправильный текст, либо истолковывать ситуацию создания текста в смысле, весьма невыгодном для его создателя* (как, например, идея Ch. Rabin’a о том, что практика пословного перевода, использованная в Септуагинте, восходит к деятельности устных бизнес-переводчиков в порту Александрии)[6].

[6] Rabin 1968. P. 21.

В свою очередь, если исследуются разнообразные литературные аспекты *поэтики* (и, следовательно, аутентичного восприятия) библейских текстов, то такой способ исследования обязывает полностью *игнорировать вопрос о «неправильности языка»* (в самом деле, возможно ли признать, что изучаемый литературный текст написан автором, не имевшим понятия, как правильно это делать?). Чтобы снять это недоумение и устранить противоречие («мнемотехническая схема» *vs* аутентичное восприятие языкового материала), необходимо, по-видимому, обратить внимание на то, что при выборе точки отсчета приоритет – несомненный и недвусмысленный – всегда следует отдавать субъекту лингвистической ситуации. Метафора «язык-инструмент», прочно обосновавшаяся в лингвистических исследованиях со времен античности, не может иметь первостепенного значения ввиду того, что структурно-грамматический язык представляет собой теоретический конструкт, создаваемый для дидактических целей, в то время как подлинные участники изучаемых лингвистических ситуаций владеют вербальными (коммуникативными) клише непосредственно, не зная никакой вторичной (возможно, еще и неточно воссозданной) мнемотехнической схемы, но зная доподлинно, как, когда, в связи с чем и пр. произносить/письменно воспроизводить те или иные языковые формулы (как «носители» знают свой родной «язык» в виде привычных ситуаций коммуникации). В подлинном знании «языка» нет грамматических схем и осознанных правил, которые, тем не менее, навязывает теории метафора «язык-инструмент» – и затем заслоняет собой естественный коммуникативный процесс, не давая исследователю видеть подлинную лингвокультурную реальность.

В действительности любой интерпретатор пробивается к смыслу, используя вербальный материал как систему разметок. Понимаются в тождестве не слова, а многофакторные коммуникативные действия. В конечном счете, «языковой» факт таков, каким он представляется аутентичному субъекту языковой ситуации, оценивающему в перспективе смыслообразования обширный комплекс данных, а не место данной единицы в словесной системе. В языковом факте не может быть собственного («системного») значения, которое было бы независимым от данной ситуации коммуникации, мыслимой непосредственным ее участником.

Для более адекватного представления НЗ текстов как лингвистической практики можно воспользоваться простой аналогией, позволяющей наблюдать, что естественная лингвистическая ситуация в культурном социуме намного более многофакторна, чем та, что предлагается объяснительными концепциями с использованием структурно-грамматического «языка». Речь идет о *современной русскоязычной ситуации*, очевидной и неопосредованной, которую *mutatis mutandis* можно уподобить эллинистической и которая обнаруживает вполне определенные черты для убедительной иллюстрации коммуникативной концепции НЗ данных и определенного статуса авторов текстов.

Непротиворечиво мыслить статус текстов НЗ корпуса можно в том случае, если считать их представителями профетических письменных текстов грекоговорящей иудейской диаспоры, которые по многим признакам подобны образцам современной литургической практики РПЦ: *тексты новозаветного корпуса создавались подобно тому, как в настоящее время создаются новые тексты для православного богослужения* (например, тропарь Новомученикам и исповедникам российским: «Днесь радостно ликует Церковь Русская, / яко мати чада, прославляющи новомученики и исповедники своя…». Или Кондак Соловецким Новомученикам и Исповедникам: «Христовою любовию распаляеми, мученицы,/ и Того крест на рамо вземше, / понесли есте, божественне претерпевающе лютость мук…»).

Создавая эти и подобные им произведения, их современные авторы ориентируются на авторитетный образец, т.е. на литургический библейский текст Славянской Библии (подобно тому как НЗ авторы видели перед собой в качестве образца текст Септуагинты); русскоязычные авторы используют церковнославянские вербальные клише, которые не используются в повседневном общении (подобно тому как НЗ авторы использовали при написании традиционного нарратива – в случае Евангелий – септуагинтальные клише, отличные от обыденных); при этом авторы современных церковнославянских текстов пишут не для носителей обобщенного «русского языка», а для сообщества верующих, в котором приемлема и востребована данная лингвистическая практика (подобно тому как НЗ авторы обращались не к обобщенному греческому читателю, а к традиционной синагогальной аудитории); при этом следует отметить, что родным (разговорным, повседневным) «языком» современных авторов, очевидно, является не церковнославянский, а русский, на котором говорят их церковные и нецерковные современники-компатриоты (подобно тому как «родным языком» НЗ авторов был тот вариант койнэ, или территориальный диалект, на котором говорило их окружение, в большинстве случаев также и языческое).

На основании текста, созданного современным русскоязычным автором по-церковнославянски, нельзя утверждать, что автор не знаком с фактами современной русскоязычной литературы. По крайней мере, такой автор явно не преследовал цель стать участником современного русскоязычного литературного процесса, но исполнял другую задачу (подобно тому как НЗ автор, создавая свой «не вполне греческий» текст, не свидетельствовал тем самым о своем незнании классических и современных для него греческих авторов; он «вписывал» свое сочинение в иную традицию, оснащая текст характерными для нее формальными и содержательными признаками). Ясно также и то, что современный автор церковнославянского текста ожидал адекватного отношения аудитории к своей «необычной» лингвистической деятельности, поскольку

такое отношение предполагается самой литургической практикой в ее традиционных формах (подобно тому как НЗ автор обращался своим сочинением к участникам синагогальных собраний, имеющих особые, сформированные Септуагинтой, понятия о профетическом тексте).

Интересно заметить и то, что в церковнославянских текстах, созданных современным русскоязычным автором, кропотливый исследователь при желании может обнаружить значительное число греческих и арамейских интерференций (как в сфере синтаксиса, так и в сфере лексики), т.е. мнимых следов «билингвального опыта» автора. Однако столь же очевидно и то, что для употребления в тексте таких «грецизмов» и «арамеизмов», т.е. «ошибок в церковнославянском», автору вовсе не потребовалось знание греческого и арамейского языков.

Таблица. Сопоставление традиционной практики создания литургических текстов в грекоговорящих иудейских общинах (I–II вв. н. э.) и современных общинах РПЦ

Критерии сопоставления		*Синагогальная практика создания текстов иудейской грекоговорящей диаспоры, 1-2 вв. по Р.Х.*	*Современная практика создания текстов для литургии РПЦ*
1.	*Целевая аудитория*	Грекоговорящие иудейские общины диаспоры	Русскоговорящие православные общины
2.	*Традиция*	Синагогальная грекоязычная; чтение и изучение Закона	Церковная русскоязычная; православное богослужение
3.	*Лингвистическая периферия создаваемых текстов*	Греческая (языческая) литературная традиция; язык повседневного общения	Современная русскоязычная литература; язык повседневного общения
4.	*Источник вербальных клише*	Септуагинта (как парадигма для создания профетического текста)	Церковнославянский текст Библии (как парадигма для создания литургического текста)
5.	*Древность и авторитет лингвистической практики*	3-5 столетий к моменту создания новозаветных текстов	10-11 столетий на настоящий момент
6.	*«Родной язык» авторов*	Греческий (возможно, арамейский)	Русский

7.	*Знакомство авторов с периферийной литературой*	Знание современной литературы (и «грамотность» в эллинском смысле) вероятны, но данный факт в принципе не может быть установлен по языковым клише, используемым в тексте	Знание современной литературы вероятно, но данный факт в принципе не может быть установлен по языковым клише, используемым в создаваемых текстах
8.	*Знакомство авторов с языком повседневного общения*	Знание в совершенстве языка повседневного общения	Знание в совершенстве языка повседневного общения
9.	*Отношение текста к лингвистическим фактам других языковых страт*	Отличия от других языковых страт намеренно культивируются. Особенно значимо отличать эти тексты от языческой литературной традиции и языка повседневного общения.	Отличия от других языковых страт намеренно культивируются. Особенно значимо отличать эти тексты от светской литературной традиции и языка повседневного общения.
10	*Образованность авторов*	Авторы принадлежат к наиболее образованным представителям общины	Авторы принадлежат к наиболее образованным представителям общины
11	*Статус текста в современной лингвистической ситуации*	Эпический, архаизирующий, традиционный, возвышенный, изъятый из прочих современных лингвистических практик	Эпический, архаизирующий, традиционный, возвышенный, изъятый из прочих современных лингвистических практик

В отличие от схематизма и неповоротливости концепции «языка» (например, языка «койнэ» или «ионийско-аттического диалекта»), заставляющей исследователей, ради сохранения правоты схемы, искажать подлинные параметры лингвокультурной ситуации и, в частности, – роль и содержание деятельности самих новозаветных авторов, идея *литургических письменных текстов* вводит нюансированную картину, гораздо более соответствующую *многоуровневой коммуникативной реальности* культурного социума. Так, автор, рассматриваемый в струк-

турно-грамматической модели как плохо владеющий целевым языком «восточный» писатель, получает, наконец, возможность оставаться высокообразованным, квалифицированным знатоком своего дела, проявившим свой писательский талант и стиль. Механистичность действий автора, в котором, согласно структурно-грамматической интерпретации, действует «язык», сменяется свободой и сознательностью, присущими индивидуальной коммуникативной деятельности.

Если для осмысления идентичности в коллективах эллинистического мира используются языковые инструменты, то вводящими в заблуждение формулами выступают «язык койнэ», «просторечный (разговорный, нелитературный) язык», «арамейское языковое сознание автора, сказавшееся в фактах интерференции (т.е. в пословном калькировании семитских конструкций)», «язык Септуагинты как фактор семитизации греческого текста», «семитоязычные авторы грекоязычного текста» и пр. В результате, при использовании языкового критерия, возникает суждение о малограмотности и семитоязычности авторов грекоязычных библейских текстов (что, якобы, является одним из наиболее значимых атрибутов их идентичности).

Ошибочность такого «языкового» подхода может быть обнаружена построением аналогии с непосредственно наблюдаемым, живым материалом современного русскоязычного пространства, в котором какая-либо идентичность (или ее отсутствие) не может быть напрямую связана с языковым критерием. Коммуникативные клише, используемые членами различных коллективов, не могут составлять слитого с коммуникантом атрибута его личности (что, тем не менее, постулируется в концепции «языка»). Так, современные русскоязычные практики в попытках исследователей обрести языковое тождество распадаются на бесчисленные «варианты языка», каждый из которых вводит новую группу идентичности, вплоть до группы из одного члена: «русский язык» молодежи, хакеров, Достоевского, церковной проповеди, социальных низов, SMS-сообщений, рекламы, поэзии, средств массовой информации, индивидуального говорящего и пр. Невозможно утверждать, что языковой критерий содержит специфические характеристики авторов-«носителей» такой идентичности.

БИБЛИОГРАФИЯ

Porter S.E. The Greek Language of the New Testament, in: Handbook to Exegesis of the New Testament. Ser. «New Testament Tools and Studies», ed. by B.M. Metzger & B.D. Ehrman. Leiden-NY-Kohln, 1997. P. 99-130.

Rabin Ch. The Translation Process and the Character of the Septuagint // Textus 6 (1968).

Аристотель. Сочинения в 4-х тт. М.: «Мысль», 1978. т. 2.

Вдовиченко А.В. Расставание с «языком». Критическая ретроспектива лингвистического знания. М.: Издательство ПСТГУ, 2008.

Хайдеггер М. Письма о гуманизме / Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М., 1993.

REFERENCES

Porter S.E. The Greek Language of the New Testament, in: Handbook to Exegesis of the New Testament. Ser. «New Testament Tools and Studies», ed. by B.M. Metzger & B.D. Ehrman. Leiden-NY-Kohln, 1997. P. 99-130.

Rabin Ch. The Translation Process and the Character of the Septuagint // Textus 6 (1968).

Aristotel'. Sochineniya v 4-kh tt. M.: «Mysl'», 1978. t. 2.

Vdovichenko A.V. Rasstavanie s «yazykom». Kriticheskaya retrospektiva lingvisticheskogo znaniya. M.: Izdatel'stvo PSTGU, 2008.

Khaidegger M. Pis'ma o gumanizme / Khaidegger M. Vremya i bytie: stat'i i vystup-leniya. M., 1993.

Вдовиченко Андрей Викторович, *доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора теоретического языкознания Института языкознания РАН, доцент кафедры теории и истории языка ПСТГУ; an1vdo@mail.ru*

Myths of the unity of language and linguistic identity: Early Christianity and the “Russian world”

In the article, the concept of “language” is viewed as an instrument of shaping identity. The author argues that the concept of “language” is not effective enough for he modeling the process of natural speaking (writing), and cannot play the dominating role in the forming the identity, which is understood as a unity recognized by a certain community. The frame idea, capable to grasp tendencies of reconsideration of “language” in descriptive schemes, is the communication and the personal communicative act (action). For the verbal facts (natural speaking/writing), these concepts set the unique system in which verbal data can be correctly interpreted and described. Towards the identity the reconsideration of the concept of “language” (recognition of its mnemotekhnical, utilitarian, but not ontologic value), leads to devaluation of a language factor. Interpretation of the Hellenistic Judaic and early Christian writings (first of all, Greek bible texts of the Septuaginta and the NT), was until recently the sphere of exclusive competence of “language” approach. Identity of authors and translators, for the lack of other exact data, was defined on the basis of their language (translation or literary) activity. As a result, authors and translators are recognized as semiliterate, poorly educated people from the East writing in the language which they did not know. To understand the status of these texts and authors’ and translators’ language identity better, the article offers an analogy to modern Russian-speaking space. Like modern Church Slavonic texts, created in traditional forms, the Septuaginta and NT texts were addressed to traditional Jewish (Judeo-Christian) community and were perceived as epic, archaizing, traditional, sublime, isolated from other modern linguistic practices. Both this status of these texts, and the corresponding identity of their authors become possible in the communicative interpretation of the natural verbal facts.

Keywords: language, identity factor, communicative action, texts of Septuaginta and New Testament USA, national identity, creed, immigration, assimilation, multiculturalism, challenge, transformation.

Vdovichenko Andrey, *Dr.Sc. (Philology), leading researcher, Sector of Theoretical Linguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Science, lecturer of the Department of Theory and History of Language, Orthodox St Tikhon University for Humanities; an1vdo@mail.ru*

О. И. Тогоева

ЖАННА Д'АРК И ЛИБЕРАЛЬНАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ XIX ВЕКА РОЖДЕНИЕ "НАРОДНОЙ ГЕРОИНИ"[1]

В статье исследуется процесс зарождения во французской научной историографии понятия "народная героиня" применительно к эпопее Жанны д'Арк. Автор анализирует политические, религиозные и социальные обстоятельства жизни французского общества конца XVIII – начала XIX века, которые привели к появлению данной темы в либеральной историографии первой половины XIX в., ее особенности и основные составляющие, нашедшие отражение в работах ведущих историков того периода: Р. Де Шатобриана, О. Тьерри, Ж.-Ш.-Л. Симонда де Сисмонди, Т. Лавале, Ж. Мишле, Ж. Кишра и А. Мартена.

Ключевые слова*: *Франция, XIX век, историческая память, история Жанны д'Арк, «народная героиня», либеральная историография.

О том, что Жанна д'Арк, вне всякого сомнения, являлась истинно народной героиней Франции, которая объединила вокруг себя своих соотечественников, повела их за собой, приложила все силы для освобождения страны в ходе Столетней войны и, наконец, трагически погибла от рук англичан, мы можем прочитать в любом современном школьном или университетском учебнике. Если мы немного расширим круг чтения, то узнаем также, что Жанна родилась в деревне Домреми на границе Лотарингии 6 января 1412 года, происходила из семьи бедных крестьян и в детстве занималась тем, что пасла общинное стадо. В 13 лет она начала слышать некие «голоса» (т.е., как ей казалось, получать Божественные откровения), а через три года сбежала из дома, дабы отправиться в Шинон к дофину Карлу, который не только поверил в ее избранность, но и поставил ее во главе своего войска. Одержав ряд выдающихся военных побед под Орлеаном и в долине Луары, эта простая деревенская девушка сопроводила дофина в Реймс, где 17 июля он был коронован как Карл VII. В последующие месяцы, в результате ряда неудачных операций, Жанна утратила доверие короля и оказалась в Компьене, где была захвачена в плен 23 мая 1430 года. На судебном процессе, начавшемся в феврале 1431 года в Руане, ее осудили как еретичку и приговорили к смерти. Казнь состоялась 30 мая 1431 года[2].

---

[1] Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность» (проект «Профессиональная историография и национальная память: опыт пересечения и взаимодействия в сравнительно-исторической перспективе»).

[2] Наиболее современную и полную версию биографии Жанны д'Арк см. в: Contamine, Bouzy, Hélary 2012. P. 58-293. На русском языке см. прежде всего: Райцес 1964; Райцес 1982.

Огромное количество сохранившихся от XV в. источников и поистине безбрежное море научных (и псевдонаучных) работ заставляют нас верить в то, что история Жанны д'Арк – один из наиболее известных нам средневековых сюжетов[3]. Однако это далеко не так. В действительности личность Орлеанской Девы во многом остается загадкой, и дело здесь не только в том, что о некоторых фактах ее биографии или о ее мировоззрении мы не в состоянии судить по дошедшим до нас документам. Проблема заключается также в особенностях нашей исторической памяти: в ее избирательности, в ее склонности к сознательным или неосознанным деформациям прошлого, вызванным какими угодно – политическими, социальными или религиозными – причинами, наконец, в ее приверженности «традиционным» версиям событий. Именно этот парадокс наблюдается и в случае, когда мы пытаемся рассуждать о «народном» происхождении французской национальной героини. Даже самое беглое знакомство с источниками дает повод усомниться в сведениях, полученных из учебников и научно-популярных изданий, поскольку в документах XV в. мы не найдем упоминаний ни о трудной деревенской жизни девушки, ни о ее родителях – бедных крестьянах[4]. Напротив, все, что мы знаем о семье д'Арк, говорит об обратном.

Так, ее отец Жак долгое время являлся старостой Домреми и имел достаточно средств, чтобы брать в аренду луга, принадлежавшие местным сеньорам де Бурлемон. Кроме того, он вполне располагал свободным временем, и мог, к примеру, на довольно продолжительный срок оставить хозяйство без личного присмотра и отправиться летом 1429 г. в Реймс на коронацию Карла VII, чтобы в последний раз повидаться с дочерью. Мать Жанны, Изабелла де Вутон, происходила из еще более зажиточной семьи, а некоторые ее родственники были, хоть и мелкими, но все же чиновниками. О достатке семейства свидетельствовал и каменный двухэтажный дом в центре их родной деревни, жители которой почитали Жака и его близких весьма зажиточными и исключительно достойными членами общества[5].

---

[3] Электронный каталог Национальной библиотеки Франции предоставляет данные о 8437 только монографических исследованиях по истории Жанны д'Арк: http://catalogue.bnf.fr/servlet/RechercheEquation?host=catalogue

[4] Единственным отечественным научно-популярным изданием до сих пор, насколько можно судить, остается работа А.П. Левандовского «Жанна д'Арк», вышедшая в 1962 г. в серии «Жизнь замечательных людей»: Левандовский 1962. Повествуя о юности своей героини, автор именует ее исключительно «крестьяночкой» и «маленькой крестьянкой».

[5] Об общественном и экономическом положении семейства д'Арк в Домреми см.: Contamine, Bouzy, Hélary 2012. P. 65-73. Ср.: «Долго гулять Жанетте не довелось. Вся ее семья трудилась с утра до ночи… Предел мечтаний честного Жака Дарк не шел дальше самого скромного благополучия семьи: чтобы все были сыты и кое-как одеты» (Левандовский 1962. С. 20).

Что касается самой Жанны, то традиционно приписываемые ей занятия пастушеством также никак нельзя рассматривать как достоверные сведения о ее юности. Хотя именно как «пастушку» характеризовали девушку большинство авторов XV в., более внимательное знакомство с их сочинениями приводит к выводу, что делали они это отнюдь не из стремления следовать реальным фактам, но из желания превратить свою героиню в «простеца», чей разум открыт слову Божьему, кто может слышать откровения Свыше и действовать в соответствии с ними. Такое прочтение образа Девы основывалось исключительно на библейских примерах – историях жизни Иакова, Моисея, Давида – и было необходимо людям Средневековья, дабы осмыслить в привычных для них категориях новое незнакомое явление, с которым они столкнулись[6].

Учитывая все вышесказанное, перед нами встает вопрос: откуда в таком случае в нашем современном сознании возник образ Жанны д'Арк как «народной героини»? Каким образом боговдохновенная особа, которую современники почитали истинным пророком и святой (пусть даже и неканонизированной)[7], за истекшие столетия превратилась в выходца из самых низов общества, ведущего за собой нацию? В какой момент произошла эта удивительная трансформация?

Нужно отметить, что проблема *происхождения* Жанны д'Арк, ее народные корни, во многом сформировавшие ее мировоззрение и подтолкнувшие к активным действиям на политической сцене, начали волновать французов далеко не сразу. Первым, кто обратил на нее пристальное внимание, оказался Вольтер, в своих исторических экскурсах и художественных сочинениях выстраивавший совершенно новый образ Орлеанской Девы, который не был знаком его соотечественникам ни в эпоху Средневековья, ни в раннее Новое время[8]. Признавая в Жанне освободительницу Франции и видя в ней «поддержку трона»[9], великий философ, как кажется, основной упор делал на крестьянском происхождении девушки, которое обусловило не только ее большую физическую силу, сноровку и предприимчивость, но и простоту нравов, здравомыслие, а также цепкий ум и сообразительность, не зависящие от каких бы то ни было политических интриг власть предержащих[10]. Именно личные качества Жанны, ее дух и ее отвага стали, по мнению Вольтера, тем

---

[6] См. об этом прежде всего: Райцес 1997.

[7] О создании подобного образа Жанны д'Арк еще при ее жизни см. прежде всего: Тогоева 2006; 2010 (a).

[8] О трансформациях, которые пережил образ Жанны д'Арк на протяжении XV–XVII в. см., в частности: Тогоева 2007; 2010 (b); 2011; 2012.

[9] Данные характеристики были использованы уже в самом первом сочинении Вольтера, где упоминалась Жанна д'Арк – в поэме «Лига, или Генрих Великий» (1723), переименованной затем в «Генриаду»: "Là brille au milieu d'eux cette illustre Amazone, / Qui delivra la France et rafermit le Trône" ([Voltaire] 1723. P. 98).

[10] Voltaire 174-. P. 317-318.

решающим обстоятельством, которое смогло переломить ход Столетней войны[11]. Охотно признавая военные таланты Девы, автор, тем не менее, категорически отказывался верить в Божественный характер ее миссии и видеть в ней – как и в других женщинах-воинах прошлого – любые признаки святости[12]. Более того, в своем главном произведении, посвященном французской национальной героине, – «Орлеанской девственнице», впервые опубликованной в 1773 г., Вольтер настаивал на том, что никакая святость не смогла бы помочь Жанне в деле спасения страны от иностранных захватчиков. Напротив, простое крестьянское происхождение, детство и юность, проведенные в деревне, сделали девушку физически сильной, выносливой, ловкой и сообразительной – именно эти качества и позволили ей стать настоящей героиней своего народа[13].

Подобная трактовка образа Жанны д'Арк сильнейшим образом повлияла на последующие поколения французов и в первую очередь оказалась воспринята сторонниками *рационального* подхода к изучению истории, республиканцами и либералами[14]. Идея о народной героине, действовавшей не по указке сильных мира сего, а руководствовавшейся собственным умом и черпавшей вдохновение в той среде, которая ее породила, стала в их сочинениях одной из основных, если не самой главной.

Не менее важным фактором в стремительной трансформации Жанны д'Арк из простой боговдохновенной пастушки в героиню «из народа», ведущую за собой нацию, вне всякого сомнения, явились события Французской революции конца XVIII в., главного политического события эпохи, наложившего сильнейший отпечаток не только на развитие страны, ее общественных и государственных институтов, но и на исторические сочинения, авторы которых пытались осмыслить пережитый опыт. Как отмечал немецкий исследователь Герд Крюмейх, именно Революция стала тем переломным моментом, когда произошел раскол в историографии Жанны д'Арк, ее разделение на либеральную и католическую[15].

Представителям первого направления казалось совершенно очевидным, что именно потрясения революционной поры превратили французов в единую нацию, а Орлеанскую Деву – в ее лидера. Так, в «Истории Французской революции» Ж. Мишле вкладывал в уста парижан, штур-

---

[11] "Elle éut assez de courage et assez d'esprit pour se charger de cette entreprise, qui devint héroïque" (Voltaire 1773. P. 35).

[12] "Et une malheureuse idiote, qui avait eu assez de courage pour rendre de très-grands servises au roi et à la patrie, fut condamnée à être brûlée par quarante-quatre prêtres français" (Voltaire 1792. P. 502).

[13] О трактовке образа Жанны д'Арк в «Орлеанской девственнице» Вольтера подробнее см.: Тогоева 2008.

[14] Подробнее о восприятии творчества Вольтера и его трактовки истории Жанны д'Арк во Франции конца XVIII–XIX в. см.: Quicherat 1850. P. 163; Jeanné 1935. P. 48; Vercruysse 1970. P. 200; Krumeich 1993. P. 33-34.

[15] Krumeich 1993. P. 39.

мующих Бастилию, те же слова, с которыми якобы обращалась к своим солдатам Жанна при взятии форта Турель в Орлеане[16]. Подобный взгляд на события конца XVIII в. сохранился в либеральной французской историографии и в начале XX в. Так, Морис Баррес писал в 1920 г.: «Жанна д'Арк – продукт нашего времени. Вплоть до Революции, [ставшей] потрясением основ [общества], мы не понимали, кем была эта девушка. Мы презирали ее, мы рядили ее в античные одежды. [В действительности же] она была находкой демократии, народа, взявшего слово. Первым об этом заговорил Вольтер, а вслед за ним – Французская революция»[17].

Столь восторженные оценки, впрочем, мало соответствовали тем немногим фактам, которые известны нам о восприятии образа Жанны д'Арк во Франции периода Революции. Действительно, в 1790 г. при подготовке празднования дня взятия Бастилии в муниципалитет Парижа поступило прошение о почтении памяти «французской героини, известной под именем Орлеанской Девы», однако, эта просьба была отклонена[18]. Точно так же в 1792 г. муниципалитету Орлеана было предложено уничтожить как «оскорбляющий чувство свободы французского народа» памятник Жанне д'Арк и Карлу VII, установленный на мосту через Луару в честь снятия осады с города 8 мая 1429 г. Власти Орлеана пытались противодействовать данному решению, упирая на то обстоятельство, что «памятник Деве» не является «оскорблением свобод французского народа» (*insultant à la liberté du peuple français*), поскольку представляет собой «славное свидетельство» способности «наших предков освободиться от английского ига». Тем не менее, памятник был разрушен, и представители муниципалитета смогли добиться лишь того, чтобы одна из пушек, на изготовление которых пошел весь металл, носила имя Жанны д'Арк[19]. В том же году снести потребовали и мемориальный фонтан, установленный на месте казни французской героини в Руане. Власти города, однако, смогли спасти монумент, доказав, что Жанна – дитя тре-

---

[16] "Une idée se leva sur Paris avec le jour et tous virent la même lumière. Une lumière dans les esprits et dans chaque coeur une voix: Va, et tu prendras la Bastille" (Michelet 1974 (a). T. 1. P. 207). Ср. с описанием взятия Турели: "Et lors elle luy respondit: "Tout est vostre, et y entrez!" (Journal du siège d'Orléans 1896. P. 86). В предисловии к изданию «Истории Французской революции» 1847 г. Мишле прямо заявлял, что данная эпоха представляется ему очень близкой по духу тому времени, когда жила и действовала Жанна д'Арк, поскольку и в том, и в другом случае речь шла о сплотившихся в единую нацию народных массах (*la nation toute entière*), объединенных одним общим устремлением: Michelet 1974. P. 22.

[17] "Jeanne d'Arc est le fruit de notre temps. Jusqu'à la Revolution, jusqu'à l'envahissement du sol, on n'a pas su ce qu'elle était. On la méprisait, on l'habillait à l'antique. Cette fille du peuple a été une trouvaille de la démocratie, du peuple prenant la parole…C'est Voltaire qui le premier l'entrevit, et après lui, la Révolution française" (цит. по: Krumeich 1993. P. 38).

[18] Une proposition faite en 1790 à l'Assemblée municipale de Paris 1892. Col. 507.

[19] Quicherat 1841-1849. T. 5. P. 240-243.

тьего сословия, и согласившись лишь убрать «роялистские» надписи, содержащие упоминания о Карле VII[20]. Наконец, в 1793 г. в Орлеане был упразднен традиционный «праздник Девы» (*la fête de la Pucelle*), который отмечался каждый год 8 мая в память о снятии английской осады в 1429 г. Только в 1803 г. торжества в честь Жанны д'Арк были восстановлены по прямому указанию Наполеона, писавшего жителям Орлеана: «Знаменитая Жанна д'Арк доказала, что не существует такого чуда, которое не смог бы совершить французский гений, когда в опасности находится независимость нации. Будучи объединенной, французская нация никогда не оказывалась побежденной»[21].

Как мне представляется, связь между Орлеанской Девой и ее «народным» происхождением, достаточно слабо представленная в отрывочных свидетельствах революционной эпохи, получила развитие не столько в конце XVIII в., сколько уже в первой половине XIX в. Связано это было прежде всего с возникновением романтического направления во французской историографии, отличительной чертой которого стало повышенное внимание не только к стилистическим особенностям исторического изложения (*narratio*), но и к истории «низов» общества, роли народных масс в исторических процессах[22].

Во Франции начало романтического поворота в историописании связано с именем Франсуа Рене де Шатобриана (1768–1848) и его «Гением христианства», изданным в 1802 г. Не будучи в строгом смысле слова историческим сочинением, «Гений» представлял собой, скорее, вольный рассказ о наиболее выдающихся событиях времен «старой монархии» и пользовался большим успехом у читающей публики: менее чем за два месяца его первый тираж в 4 тыс. экземпляров оказался полностью распроданным[23]. При этом Шатобриану удалось повлиять на видение истории как католиками, так и либералами: в его интерпретации событий прошлого практически отсутствовали намеки на монархические идеалы самого автора[24], и на первый план выходило откровенное восхищение народом «древней Франции», его повседневной жизнью, пережитыми им страданиями и победами[25]. Основатель французской либеральной историографической школы Огюстен Тьерри отмечал в 1840 г., что именно Шатобриану он, как и все его коллеги, обязан открытием «нового лите-

---

[20] Ibid. P. 235-236.

[21] "L'illustre Jeanne d'Arc a prouvé qu'il n'est point de miracle que le génie français ne puisse opérer lorsque l'indépendence nationale est menacée. Unie, la nation française n'a jamais été vaincue" (Ibid. P. 244).

[22] Подробнее см.: Wellek 1949; Реизов 1956; Зенкин 2002. С. 5-18.

[23] Jeanné 1935. P. 49-51; Krumeich 1993. P. 47-48.

[24] Шатобриан полагал, что причиной любого исторического события является воля Господа, и лишь безбожие людей, отсутствие у них истинной веры приводит к катастрофам, к которым он, в частности, относил Французскую революцию: Chateaubriand 1849. P. 161-162.

[25] Ibid. P. 165, 166-167.

ратурного века» (*le nouveau siècle littéraire*), именно его труды явились основой его образования и источником вдохновения[26].

Непосредственно Жанне д'Арк Шатобриан уделил мало внимания в своих произведениях. В «Истории Франции» он, стараясь лишний раз подчеркнуть роль Провидения в судьбах людей, упомянул о том, что чудесное появление девушки (*quelque chose de miraculeux*) спасло королевство от захватчиков[27], и кратко остановился на характеристике Девы, в которой, по его мнению, сочетались «наивность крестьянки», «слабость женщины», «вдохновение святой» и «мужество героини»[28].

Идеи Шатобриана были подхвачены зародившейся именно в этот период – период ужесточения Реставрации – либеральной школой историографии. В начавших публиковаться в конце 1820-х гг. в журнале *Le Courrier français* «Письмах по истории Франции»[29] О. Тьерри сформулировал основные задачи новой исторической науки, заключавшиеся, с его точки зрения, в изучении «формирования французской нации» (*la formation de la nation française*) и «коммунальной революции» (*la révolution communale*)[30]. Подобное знание истории, по мнению автора, могло оказаться исключительно полезным для будущих читателей: «Я полагаю, что наше чувство патриотизма много бы выиграло, если бы знание истории, а особенно истории Франции, распространилось бы широко в массах, и стало бы в каком-то смысле популярным»[31]. Однако, писал он далее, пока не существует «настоящей» истории, она до сих пор представляет собой всего лишь хроники отдельных привилегированных семейств[32] и должна быть переписана: главный упор следует сделать на изучении простого народа, его корней, его чувств и помыслов[33]. Иными словами, история Франции должна была рассказывать не об отдельных выдающихся личностях прошлого, но обо всей французской нации (*la nation tout entière*)[34]. Именно с этих позиций рассматривал О. Тьерри и эпопею Жанны д'Арк, которой посвятил короткий пассаж в первом из «Писем»[35]: для него девушка являлась воплощением «патриотического фанатизма» и «народно-

---

[26] Thierry 1981. P. 31.

[27] Chateaubriand 1876. P. 258.

[28] "On trouve dans le caractère de Jeanne d'Arc la naïveté de la paysanne, la faiblesse de la femme, l'inspiration de la sainte, le courage de l'héroïne" (Ibid.).

[29] Всего в *Le Courrier français* было опубликовано 10 писем О. Тьерри, остальные 15 появились лишь в первом отдельном издании: Thierry 1827. P. V.

[30] Ibidem.

[31] "Je crois que notre patriotisme gagnerait beaucoup en pureté et en fermeté si la connaissance de l'histoire, et surtout de l'histoire de France, se répandait plus généralement chez nous, et devenait en quelque sorte populaire" (Ibid. P. 2-3).

[32] Ibid. P. 4.

[33] Ibid. P. 6.

[34] Ibid. P. 76.

[35] Данный пассаж отсутствовал в письме Тьерри при его появлении в *Le Courrier français*, а также в первом отдельном издании, он был добавлен автором позднее.

го духа» французов – единственной силы, оказавшейся способной спасти страну и Карла VII от англичан[36].

Сам Огюстен Тьерри, будучи специалистом по раннему Средневековью, не посвятил Жанне д'Арк других строк. Однако его призыв к обновлению исторической науки и к изучению жизни «низов» был услышан его коллегами. Одним из них стал Жан-Шарль-Леонард Симонд де Сисмонди, профессор Женевского университета, в 1821 г. опубликовавший первые тома своей монументальной «Истории французов». Уже само название сочинения Сисмонди указывало на радикальную смену исторической парадигмы, о чем, в частности, писал в своем отклике Тьерри, называя ее «истинно революционной» (*une véritable révolution*)[37]. Именно на работу Сисмонди опирался позднее и Жюль Мишле, полагавший, впрочем, что «враждебность» женевского ученого по отношению к королевской власти и к церкви, которую тот продемонстрировал в своей «Истории», явилась данью традициям XVIII в.[38]

Как истинный республиканец, Сисмонди на самом деле решительно порвал с монархической историографией: для него главным двигателем истории являлся народ, сражающийся за свою свободу[39]. Именно поэтому его особенно интересовала эпопея Жанны д'Арк, истинной «дочери народа», своими руками вершившей судьбу целой страны: о ней рассказывалось в 13 т. «Истории французов», увидевшем свет в 1831 г. Вслед за Вольтером Сисмонди полагал Жанну порождением и воплощением «народного духа», вдохновившим его соотечественников на «великую революцию» – освобождение Франции от захватчиков[40]. Именно у него впервые в XIX в., насколько можно судить, подробно излагалась версия о крестьянском происхождении героини[41], унаследовавшей от своих родителей чувство патриотизма и симпатии к «партии арманьяков»[42].

Данная идея получила свое развитие и в трудах Теофила Лавалле, чья «История французов» была опубликована в 1830–1840 гг. В отличие от Сисмонди, Лавалле видел в Орлеанской Деве не просто воплощение

---

[36] "D'où vint le secours qui chassa les Anglais et releva le trône de Charles VII, lorsque tout paraissait perdu…? n'est-ce pas un élan de fanatisme patriotique dans les rangs des pauvres soudoyés et de milice des villes et des villages? L'aspect religieux que revêtit cette glorieuse révolution n'en est que la forme; c'était le signe le plus énergique de l'inspiration populaire" (Thierry 1839. P. 418).

[37] Thierry 1827. P. VIII.

[38] Michelet 1973. P. 914.

[39] Реизов 1956. Гл. 2.

[40] "Toutefois ce zèle populaire ne brilla de tout son éclat que lorsqu'il produisit au milieu des armées la jeune héroïne…elle enflamma la multitude par son exemple, et elle lui donna le pouvoir d'accomplir une grande révolution" (Simonde de Sismondi 1831. P. 115).

[41] "Son père et sa mère étoient des paysans aisés, qui, de même que tous les habitans de leur village, étoient attachés de tout leur coeur au parti armagnac" (Ibid. P. 115-116).

[42] "Jeanne d'Arc s'étoit livrée de tout son coeur à l'esprit de parti ou au patriotisme de ses parens" (Ibid. P. 116-117).

народного духа[43], но полагал, что именно Жанна спровоцировала само его зарождение, что она стояла у истоков возникновения чувства патриотизма у французов[44], благодаря ее подвигам объединившихся в нацию и устремившихся на защиту своей страны от внешнего врага: «Эта святая девушка открыла народу, кем он на самом деле является, она зажгла в нем священный огонь, она научила его страдать, быть преданным, умирать за свою родину! …Ее чувство патриотизма было глубочайшим! Это была сама Франция, воплощенная Франция!»[45].

Через понятие «народ» рассматривал историю Жанны и Ж. Мишле, постоянно возвращавшийся к ней на протяжении долгой научной карьеры[46]. Незадолго до смерти, в предисловии к очередному переизданию своей «Истории Франции» (1869) знаменитый историк отмечал, что его целью всегда оставалось доказательство того, что появление Девы на исторической сцене не следует считать чудесным, ибо оно было обусловлено совершенно конкретными, «естественными» обстоятельствами, и главным из них он полагал ее происхождение, то, что девушка была частью и самой сущностью французского народа[47]. Только присутствовавший в ней «гений народа» (*génie du peuple*), позволил исполнить ее миссию. Вместе с тем Жанна внесла свою лепту в дело создания нации: встав во главе народного сопротивления захватчикам, она «заставила Францию стать свободной и осознать саму себя»[48]. Причем Мишле жестко ограничивал само понятие «народ»: в его понимании речь шла лишь о «низах» общества, но не о его элите, не о приближенных Карла VII и даже не о ремесленниках. Уже в «Кратком очерке истории Франции» (1833), описывая эпопею Жанны д'Арк, он особо упирал на противопоставлении девушки и королевского двора, который она заставила себя уважать[49]. Освобождение Франции стало, по его мнению, делом рук не монарха, не знати и даже не горожан, но одних лишь «жителей деревень» и их главного представителя – «женщины, девушки, Девы»[50].

---

[43] "Jeanne résumait en elle tous ces sentiments et ces idées du peuple" (Lavallée 1847. T. 2. P. 117).

[44] "Le peuple se sentit renaître; il se reconnut dans Jeanne d'Arc" (Ibid. P. 119).

[45] "La sainte fille avait révélé au peuple ce qu'il était; elle avait allumé en lui le feu sacré; elle lui avait appris à souffrir, à se dévouer, à mourir pour la patrie!... C'est l'être en qui le sentiment national a été le plus profond! c'est la France elle-même, la France incarnée!" (Ibid. P. 128).

[46] Подробнее о понятии «народ» у Ж. Мишле и о роли Жанны д'Арк в истории народных масс см.: Le Goff 1974; Viallaneix 1959. P. 332-351; Jeanné 1935. P. 62-84.

[47] "Il n'a pas d'ailes, ce pauvre ange; il est peuple, il est faible, il est nous, il est tout le monde" (Michelet 1974 (b). P. 23).

[48] Об этом Мишле говорил в лекции, прочитанной в Нормальной школе в 1832 г.: "Jeanne prenant la tête du combat populaire…oblige la France à devenir la France consciente et libre" (цит. по: Viallaneix 1959. P. 335).

[49] Michelet 1973. P 112.

[50] "Cette protestation ne peut sortir ni de grands, ni de roi, ni des villes…, elle sort du peuple, du peuple des campagnes, d'une femme, d'une vierge, la Pucelle" (Ibid. P. 107).

Образ Жанны как «девственного и чистого воплощения народа» развивался и в «Картине Франции» (1833), ставшей введением ко второму тому монументальной «Истории Франции»[51]. В этом последнем сочинении Жюль Мишле, верный своему изначальному тезису о Жанне-народной героине, сравнивал ее с самим Иисусом Христом – еще одним воплощением народного духа, в отличие от священников и прочих представителей официальной церкви. Только народ способен постичь данное различие, рассуждал ученый, только в его сознании существует данный идеал, воплотившийся в фигурах Людовика Благочестивого, Готфрида Бульонского, Томаса Бекета, Людовика Святого, а в XV в. – в Жанне Деве: «Именно она – та, в ком народ погибал за народ, стала последней фигурой Христа в эпоху Средневековья»[52].

С 1834 г., когда Мишле приступил к созданию «Истории Франции», Жанна д'Арк начала интересовать его как исторический персонаж. Уже в курсе лекций, прочитанном в Сорбонне в 1834–35 гг., он представил слушателям тот образ национальной героини, который затем практически не претерпел изменений в его сочинениях. В разные годы Мишле уделял внимание различным проблемам, связанным с эпопеей Девы, но главное оставалось неизменным: он видел в ней воплощение французской нации, «первую патриотическую фигуру» (*la première figure patriotique*) страны, с помощью которой народ осознал свою силу и свои права[53]. В 10-й главе «Истории Франции», озаглавленной в рукописи «Карл VII – Орлеанская Дева», работа над которой началась в 1840 г. и которая затем, начиная с 1853 г., переиздавалась бесчисленное количество раз в виде отдельной книги («История Жанны д'Арк»), нашли отражение все основные идеи автора, касавшиеся его героини: ее крестьянские происхождение и «ментальность», ее приверженность народному благочестию, соответствие всех ее действий тайным чаяниям «низов» французского общества и их сознательное противопоставление политическим целям элиты[54].

Труды Мишле на многие годы вперед определили взгляды французских историков-либералов на эпопею Жанны д'Арк. Влияние выдающегося историка на свои исследования подчеркивал, в частности, Жюль Кишра, которого связывали с Мишле не только творческие, но и дружеские узы и многолетняя переписка[55]. В рецензии на биографию Мишле,

---

[51] "En elle apparut, pour la première fois, la grande image du peuple, sous sa forme virginale et pure" (Michelet 1974 (c). P. 364).

[52] "Celle-ci, en qui le peuple meurt pour le peuple, sera la dernière figure du Christ au Moyen Age" (Michelet 1974 (d). P. 609).

[53] Michelet 1974 (e). P. 300.

[54] "La Vierge secourable des batailles que les chevaliers…attendaient d'en haut, elle fut ici-bas…En qui? C'est la merveille. Dans ce qu'on méprisait, dans ce qui semblait le plus humble, dans une enfant, dans la simple fille des campagnes, du pauvre peuple de France" (Ibid. P. 149).

[55] Об отношениях Жюля Мишле и Жюля Кишра см.: Krumeich 1993. P. 97-100.

написанную Габриэлем Моно, Кишра именовал коллегу «родоначальником» новой историографии во Франции, представители которой способствовали «обновлению» всех областей исторического знания[56].

Для Кишра, как и для Мишле, Жанна д'Арк являлась народной героиней, далекой от короля и его окружения. С его точки зрения, именно непохожесть на советников Карла VII лежала в основе всех неудач девушки, ибо власть предержащие не упускали случая, чтобы «противоречить ей, мешать ей, вредить ей»[57]. Интересно, что знаменитый шартист не попытался каким-то более *научным* способом обосновать свой тезис о противоречиях, возникавших между Девой и королевским окружением: для него вполне достаточно было просто *констатировать* нелюбовь элиты к девушке из народа, главной целью которой всегда оставалась не только защита Франции – этого «святого королевства», «царства Иисуса» на земле – от внешнего врага[58], но и «пробуждение униженного народа»[59]. Вот почему, писал Кишра, только «опыт Революции» (*expérience de la Revolution*) позволяет правильно понять историю Девы – простой крестьянки, вышедшей «из самых низов»[60] и, благодаря зависти и противодействию власть предержащих, отдавшей жизнь за свою страну и за рожденную ее усилиями единую французскую нацию[61].

Столь же явно влияние Мишле сказалось и на творчестве другого либерального историка первой половины XIX в. – Анри Мартена, заслугой которого следует признать популяризацию эпопеи Жанны д'Арк: его «История Франции», опубликованная впервые в 1833 г., переиздавалась затем вплоть до 1855 г. В 1857 г. увидело свет первое отдельное издание главы, посвященной Орлеанской Деве, в том же году вышло еще 5 переизданий, которые затем появлялись регулярно с 1864 по 1880 г. и завершились иллюстрированным изданием 1885 г.[62] Именно сочинению Мартена французские читатели были обязаны знакомством с позициями либеральной историографии относительно личности и деяний Жанны д'Арк. Несмотря на то, что взгляды автора со временем несколько изменились (это коснулось, в частности, проблемы откровений Девы), в вопросе о крестьянском происхождении своей героини и в ее противопоставлении миру знати он всегда оставался верен идеалам либерализма. Для Мартена, как и для Ж. Кишра, решающим моментом в понимании истории Жанны д'Арк являлась Французская революция, поскольку, как

---

[56] Quicherat 1875.

[57] "Les personnages qu'il importerait de mettre en relief dans son histoire, sont moins les braves qui l'ont suivie et servie dans les batailles, que les politiques qui se sont tenus entre elle et le roi pour la contredire, la gêner, la perdre" (Quicherat 1850. P. 22).

[58] Ibid. P. 6.

[59] "Relever un grand peuple abattu" (Ibid. P. 166).

[60] "Sortie des derniers rangs du peuple" (Ibid.).

[61] Ibidem.

[62] Krumeich 1993. P. 117-118.

он отмечал, «история пишется одним лишь свободным народом»[63]. «Новое общество», которое было создано во Франции после революционных событий, готово было, по мнению автора-либерала, к восприятию Девы как «Мессии национальной идеи», как «души Франции»[64], а также к пониманию той сугубо негативной роли, которую сыграли в судьбе героини из народа Карл VII и его ближайшее окружение.

Мне уже приходилось подробно писать о возникновении и развитии во французских источниках и историографии XVI –XIX вв. легенды о предательстве, якобы совершенном в отношении Жанны д'Арк военачальниками и придворными Карла VII[65]. В ее основе лежали неверно истолкованные или сознательно «додуманные» факты биографии Девы и, прежде всего, события, происходившие весной 1430 г. под Компьенем, в результате которых Жанна была захвачена в плен и предана суду. В ее гибели историки последовательно винили Гийома де Флави, капитана Компьеня, других руководителей французских войск, завидовавших военным победам Жанны, а также ближайших советников короля.

Важнейшее значение для развития идеи о жестоком противостоянии приближенных Карла VII и простой крестьянки, имевшей собственные взгляды на происходящее, которые во многом изменили ход Столетней войны, имели, как представляется, труды Вольтера. Именно у него впервые прозвучала мысль о сознательном использовании Жанны французским двором в угоду своим политическим целям. Подобная трактовка событий затем последовательно развивалась в трудах Симона де Сисмонди, Теофила Лавалле и Жюля Мишле[66], достигнув своего апофеоза в работах Жюля Кишра, полагавшего, что Жанна д'Арк в действительности сражалась не только с английскими захватчиками, но и с внутренним врагом – «абсурдным и гнусным правительством» (*absurde et odieux gouvernement*), не считавшимся с чаяниями простого народа[67]. Подобная трактовка истории была подхвачена и развита Анри Мартеном. Он полностью разделял идею Ж. Кишра о несоответствии политических интересов «элиты» общества и «народа», из которого вышла его героиня, и видел причины ее гибели в отношении, которое сложилось к ней при дворе: «Мы обвиняем Карла VII в заговоре против своего королевства…[составленном] в 1429 г., когда Провидение послало ему в помощь небывалую мощь, которая увлекла к сражениям и победам солдат, народ, юных отпрысков знати. Мы обвиняем его в отказе от этой милости, в том, что он не дал Жанне довести ее миссию до конца»[68].

---

[63] "L'histoire ne pouvait s'écrire que chez les peuples libres" (Martin 1855. P. VI).

[64] "Le Messie de la nationalité et l'âme même de la France" (Martin 1857. P. 3).

[65] Тогоева 2014.

[66] Там же. С. 103-107.

[67] Quicherat 1845. P. 146.

[68] "Nous accusons Charles VII d'avoir conspiré contre son royaume… en 1429, alors que la Providence… lui avait envoyé pour auxiliaire une puissance immense… qui entraînait

Важно подчеркнуть, что именно легенда о предательстве Орлеанской Девы, якобы совершенном королем и его приближенными, позволила увязать воедино весь комплекс вопросов, связанных с происхождением французской национальной героини. Ее крестьянское прошлое, ее народные корни и мировоззрение невозможно было подчеркнуть лучше, нежели на противопоставлении. В работах А. Мартена эта идея нашла свое логическое завершение и практически в неизменном виде просуществовала до конца XX в., регулярно воспроизводясь в самых различных научных и популярных работах[69]. Она же позволила либеральным историкам XIX в. по-своему интерпретировать самые разные сюжеты, связанные с личностью и деяниями Жанны д'Арк. В частности, разрыв, который, по их мнению, существовал между девушкой из народа и образованной «элитой» общества, не мог не сказаться на их трактовке важнейшей, пожалуй, проблемы в истории Девы – реальности ее откровений и природы «голосов», которые ее посещали.

Вслед за Вольтером и традицией эпохи Просвещения ученые XIX в. полагали, что способность Жанны общаться со святыми и архангелами не являлась чем-то мистическим. В частности, Симон де Сисмонди подробно рассуждал о состоянии «постоянной мечтательности» (*rêverie continuelle*), присущем, с его точки зрения, выходцам из «низов» общества, в котором по этой самой причине с самого детства пребывала Жанна и которое затем переросло в «экстазы, когда она верила в то, что видела»[70]. Девушка, таким образом, сама себя убедила в том, что на нее возложена «специальная миссия» – коронация дофина Карла в Реймсе[71]. Однако это «всеобщее заблуждение» стало в конце концов источником доблести Жанны д'Арк, поскольку в нем «аккумулировались все чаяния народа, его нетерпение освободиться от ига захватчиков»[72].

Следует, впрочем, отметить, что Сисмонди был практически единственным французским историком первой половины XIX в., который смог – сугубо в традициях романтизма – увязать проблему «голосов» Девы с «народным духом», питавшим ее. Уже у Теофила Лавалле мы наблюдаем возврат к традициям Вольтера, интерпретировавшего откро-

---

soldats, peuple, jeune noblesse, tous les éléments d'action et de victoire... Nous l'accusons d'avoir… refusé cette grâce et arreté Jeanne au milieu de sa mission" (Martin 1857b. P. 346).

[69] Ср.: «Король поперхнулся и замолчал… В конце концов что ему до Девы? Она давно уже стала ему неприятной. Она никого не хотела слушать. Она делала все по-своему. Пусть теперь расплачивается за свое упрямство. Если он начнет волноваться о каждом из своих крестьян, у него не хватит здоровья» (Левандовский 1962. С. 220-221). См. также: Райцес 1964. С. 50-52; Перну, Клэн 1992. С. 371-375. Любопытно, что и в самой последней по времени и наиболее полной биографии Жанны д'Арк воспроизводится та же самая легенда о предательстве, знакомая нам по работам XIX века: Contamine, Bouzy, Hélary 2012. P. 608-615.

[70] Simonde de Sismondi 1831. P. 118.

[71] Ibidem.

[72] Ibid. P. 127.

вения как следствие самоубеждения девушки[73]. Примерно на тех же позициях стоял и Мишле, утверждавший, что «голоса» Жанны являлись не более чем ее собственными галлюцинациями, в которые она искренне верила и в истинности которых смогла убедить окружающих[74].

Как состояние «экстаза» рассматривал видения Жанны в своих ранних работах и Анри Мартен: он полагал, что частые и продолжительные посты, к которым охотно прибегала девушка в детстве и ранней юности, вызывали у нее галлюцинации[75]. Однако, в более поздних версиях истории Орлеанской Девы Мартен, как в свое время Сисмонди, увязывал эти «видения» с «народным духом», который окружал ее в родной деревне: «Она слышала их (голоса – *О.Т.*) в звоне колоколов, столь любимом ею в детстве; она слышала их в шепоте лесов, она слышала их и у фонтана фей, и в церкви»[76].

Следует отметить, что проблема «голосов» и откровений Жанны д'Арк не слишком волновала историков-либералов. Единственным, кто уделил ей особое внимание, был Жюль Кишра, однако проблема общения Девы с посланцами Свыше интересовала его не столько сама по себе, сколько в связи с проблемами источниковедения.

Издание материалов двух процессов Жанны д'Арк наложило, безусловно, неизгладимый отпечаток на всю последующую жизнь Кишра[77] и сильно повлияло на его восприятие текстов исторических источников. Показания Жанны на обвинительном процессе 1431 года в Руане совершенно справедливо представлялись ему важнейшим источником по ее эпопее, однако то значение, которое он придавал ее словам, оставленным в тексте протокола в виде прямой речи, сыграло с ним злую шутку. Кишра рассматривал материалы дела 1431 года как *стенограмму*, как полностью сохраненные для потомков слова своей героини[78]. Отсюда проистекал важнейший для всей последующей историографии Жанны д'Арк вывод: ее показания на процессе следовало, по мнению Кишра, рассматривать как ее собственные, никем не редактированные слова, как

---

[73] Lavallée 1847. P. 117. Сравнивая Деву с другими героинями прошлого, ставшими волею обстоятельств истинными воинами, Вольтер замечал в «Вопросах об "Энциклопедии"» (1770–1772), что все они превосходили своими достоинствами Жанну, поскольку «не притворялись боговдохновенными девственницами»: Voltaire 1792. P. 190-191. Явление девушке «голосов» он полагал легендой: Ibid. P. 498, 502.

[74] "Une enfant de douze ans, une toute jeune fille, confondant la voix de son coeur avec le voix du ciel" (Michelet 1974 (e). P. 37).

[75] Martin 1844. P. 68-70.

[76] "Elle les entendait dans le son des cloches, tant aimé de sa rêveuse enfance; elle les entendait dans les murmures des bois; elle les entendait à la fontaine des fées comme à l'église" (Martin 1855. P. 145).

[77] В письме епископу Орлеана, монсеньору Феликсу Дюпанлу, Кишра отмечал, что Жанна «знает, что я сделал для нее все возможное»: "Elle sais que j'ai fait tout ce que j'étais capable de faire pour elle" (Dupanloup. Fol. 644, письмо от 29.04.1870 (?)).

[78] Quicherat 1850. P. 54.

истину в последней инстанции, как точное описание действительности. Как следствие, именно *реальностью* Кишра считал и предлагал считать другим все, что Жанна говорила о своих откровениях и «голосах». Он категорически не соглашался с теми из своих коллег-историков, которые классифицировали данные видения как «патологию»[79]. Впрочем, следует признать, что его концепция не получила никакого развития в трудах либеральных историков XIX века.

Точно так же не была у них популярной и проблема девственности Жанны, связанная, по мнению многих авторов XVI–XVIII вв., с возможной святостью их героини[80]. Отсутствие интереса к данному вопросу в большой степени, как мне кажется, объяснялось тем обстоятельством, что к XIX в. представления о женской святости, которая прежде всего подразумевала принесение религиозного обета девственности, в достаточной степени устарели. Как отмечает в своей недавней монографии французский исследователь Эрик Суир, уже в конце XVIII в. женщины-святые не привлекали к себе внимания ни представителей официальной церкви, ни простых обывателей, почитавших в большей степени мучеников первых веков христианства, прославленных средневековых теологов (например, Фому Аквинского) или выдающихся правителей прошлого (например, Людовика Святого)[81]. Кроме того, в XVIII в. усилился раскол между разными, часто противоборствующими течениями внутри католичества. Если в XVII в. для янсенистов и их оппонентов существовал лишь один и при этом общий враг – гугеноты, а также одна общая цель – борьба с галликанизмом, то начиная с XVIII в. ситуация изменилась, и у каждого религиозного течения возникли и стали развиваться свои собственные представления о святости[82]. Вместе с тем еще с со второй половины XVII в. интерес к мистикам и провидцам во Франции существенно ослабел: как следствие, ослабел и интерес к фигуре Жанны д'Арк, которую как современники, так и потомки в первую очередь причисляли именно к данному типу святости[83].

Не меньшее влияние на оценку возможной святости Жанны д'Арк в первой половине XIX в. оказали и работы просветителей XVIII в. Позиция Вольтера, согласно которой не обязательно было быть святой девственницей, чтобы спасти свою страну от захватчиков, имела большое значение для последующих поколений французских интеллектуалов. Его отношение к «голосам» и «откровениям» Девы как к ее собственным выдумкам и галлюцинациям, как мы видели, было также подхвачено и развито в первой половине XIX в. Наконец, превращение

---

[79] Ibid. P. 60-61.
[80] Подробнее об этом см.: Тогоева 2010 (b); Тогоева 2011.
[81] Suire 2011. P. 273, 281-284, 294.
[82] Ibid. P. 263-264, 266-269.
[83] Ibid. P. 53-54.

Жанны в истинную «народную героиню» полностью изменило парадигму, в рамках которой отныне рассказывалась ее история. И хотя многие из историков-либералов, чьи сочинения были рассмотрены выше, прямо называли свою героиню «святой», они, безусловно, не вкладывали в это определение никакого конкретного смысла.

В более или менее традиционном ключе в первой половине XIX в. рассматривал проблему девственности Жанны д'Арк, пожалуй, лишь один автор – Теофил Лавалле. Он не только был уверен в реальности обета, принесенного Девой[84], но и подробно описывал последующие события в жизни Жанны, в частности, ее заботу о собственном целомудрии на полях сражений[85] и использование мужского костюма в руанской тюрьме как средства защиты от изнасилования[86]. Он также искренне полагал девушку святой, однако связывал данное обстоятельство не с ее девственностью, но с мученической смертью, которую та претерпела на костре как второй Иисус Христос[87].

На схожих позициях стоял, как представляется, и Жюль Мишле, уделивший довольно много внимания обету Жанны д'Арк. Именно этим историк объяснял, в частности, невозможность возбуждения против девушки дела о колдовстве: ведь дьявол, рассуждал он, не может заключить договор с девственницей[88]. Он также писал о постоянной борьбе за чистоту нравов, которую вела девушка в королевском войске, настаивая на изгнании из него проституток[89]. Он совершенно справедливо замечал, что именно в это время во Франции настоящий расцвет переживал культ Девы Марии, а потому непорочность Жанны следовало воспринимать как «лучшую защиту», которую она могла использовать против своих врагов в тюрьме Руана[90]. И тем не менее главной причиной возникновения у девушки репутации святой Мишле, как и Лавалле, полагал вовсе не девственность, но ее «святую смерть» (*sainte mort*)[91], ее мученичество, которое тем сильнее отличалось от страданий первых христиан, что она выступала за свои убеждения открыто, а не тайно[92].

---

[84] "Elle était belle, forte, simple, d'une piété exaltée, d'une vertu sans tache, ayant voué à Dieu sa virginité" (Lavallée 1847. P. 117).

[85] "Aux villes, elle faisoit sa compagnie des jeunes filles…mais aux champs, jamais elle ne se désarmoit" (Ibid. P. 123-124).

[86] Ibid. P. 128.

[87] "Cette mort… accrédita la sainteté de Jeanne et la vérité de sa mission…La mort de Jeanne d'Arc fut…la rédemption de la France" (Ibid.).

[88] Michelet 1974 (e). P. 61.

[89] Ibid. P. 65.

[90] "La virginalité semblait devoit être une sauvegarde inviolable" (Ibid. P. 89).

[91] Ibid. P. 147.

[92] "Elle a eu la douceur des anciens martyrs, mais avec une différence. Les premiers chrétiens ne restaient doux et purs qu'en fuyant l'action, en s'épargnant la lutte et l'épreuve du monde. Celle-ci fut douce dans la plus âpre lutte, bonne parmi les mauvais, pacifique dans la guerre même" (Ibid. P. 150).

Впрочем, среди историков-либералов XIX в. встречались и более суровые суждения относительно предполагаемой девственности и, как следствие, святости Жанны д'Арк. Так, например, Жюль Кишра вообще не удостоил данную тему вниманием, несмотря на то, что, как кажется, был полностью убежден в реальности откровений своей героини. Симон де Сисмонди, напротив, полагал, что обет девственности, данный Жанной д'Арк в юности и помешавший ей выйти замуж за «молодого человека из Туля», был в действительности такой же выдумкой, как и ее рассказы об откровениях Свыше[93]. Как следствие, он в принципе не касался вопроса о связи целомудрия Девы с ее предполагаемой святостью, отмечая, что святой Жанна быть не могла, ибо, по своей природной скромности, сама себя таковой не считала[94]. Сходной точки зрения придерживался, кажется, и Анри Мартен, писавший, что именно состояние «экстаза», в котором с детства постоянно пребывала девушка, и ее вера в откровения Свыше стали причиной данного ею обета и отказа от замужества[95]. Тем не менее, он считал, что для окружающих было вполне естественным воспринимать спасительницу Франции как святую. Ведь «в глазах народа» она не являлась «обычной святой», чей статус нуждался в официальном подтверждении церкви[96]. Простые люди почитали ее как ангела, спустившегося с неба[97], иными словами преклонялись перед ее чистотой, недоступной обычным смертным.

***

Именно так на протяжении XIX в. постепенно сформировался образ Жанны д'Арк – «народной героини», прекрасно знакомый нам и по более поздним описаниям ее эпопеи. В трудах французских историков республиканского и либерального толка получили развитие и полноценное обоснование все элементы, необходимые для его создания. Впервые, начиная с момента реабилитации Девы в 1456 г., внимание исследователей оказалось приковано прежде всего к ее крестьянскому происхождению и менталитету, к ее детским годам, проведенным в доме родителей, к особенностям ее характера, связанным с обстоятельствами жизни в Домреми: к ее простоте, искренности, благоразумию, сообразительности.

Как представляется, трактовка всех этих вопросов в работах упоминавшихся выше историков оказалась в меньшей степени связана с их

---

[93] Simonde de Sismondi 1831. P. 118.

[94] "Elle avoit cru aux inspirations, aux voix qu'il lui sembloit entendre, sans que sa modestie, sa défiance d'elle-même, l'eussent abandonnée, sans s'être jamais considerée comme une sainte, ou comme douée du pouvoir de faire des miracles" (Ibid. P. 184).

[95] Martin 1957 (a). P. 24.

[96] "Sa sainteté était, aux yeux du peuple, autre que la sainteté ordinaire… Le peuple la béatifie de son vivant sans attendre l'épreuve de la mort ni la consécration de l'Eglise" (Ibid. P. 103).

[97] "C'était la sainteté d'un être descendu du ciel plutôt que d'un être qui lutte pour gagner le ciel" (Ibid.).

знанием собственно источников XV века, которые к началу XIX столетия были уже хорошо известны специалистам, а благодаря пятитомному изданию Жюля Кишра стали доступны самому широкому кругу читателей[98]. В данном случае речь, скорее, следует вести о своеобразной «подгонке» сведений о Жанне д'Арк под уже существовавшую более общую концепцию истории, появление которой обусловили прежде всего политические события недавнего прошлого (Французская революция), а также идеи века Просвещения с его рациональным постижением окружающего мира. Резкое противопоставление «народной героини» верхушке общества, практически полное забвение религиозных вопросов, в действительности являвшихся основой мировосприятия людей Средневековья и определявших понимание феномена Жанны д'Арк как в XV в., так и значительно позднее, на многие годы вперед стали одним из основных путей развития исследований, посвященных ее эпопее. Так была создана и до сих пор продолжает свое существование еще одна историографическая легенда об Орлеанской Деве…

БИБЛИОГРАФИЯ

Зенкин С.Н. Французский романтизм и идея культуры. М., 2002.

Левандовский А.П. Жанна д'Арк. М., 1962.

Перну Р., Клэн М.-В. Жанна д'Арк. М., 1992.

Райцес В.И. Процесс Жанны д'Арк. М.-Л., 1964.

Райцес В.И. Жанна д'Арк: факты, легенды, гипотезы. Л., 1982.

Райцес В.И. «Пастушка из Домреми»: генезис и семантика образа // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 1996 / Под ред. Ю.Л. Бессмертного и М.А. Бойцова. Вып. 1. М., 1997. С. 251-264.

Реизов Б.Г. Французская романтическая историография (1815-1830). Л., 1956.

Тогоева О.И. Исполнение пророчеств: Ветхозаветные герои Столетней войны // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 2005 / Под ред. М.А. Бойцова и И.Н. Данилевского. Вып. 7. М., 2006. С. 88-106.

Тогоева О.И. Ересь или колдовство? Демонология XV в. на процессе Жанны д'Арк // Средние века. Вып. 68 (4). М., 2007. С. 160-182.

Тогоева О.И. Вольтер, Жанна д'Арк и осел. К истории одного мотива // Французский ежегодник – 2008. М., 2008. С. 25-46.

Тогоева О.И. Путешествие как миссия в эпопее Жанны д'Арк // Одиссей. Человек в истории – 2009. М., 2010. С. 91-115 (a).

Тогоева О.И. Жанна д'Арк, Афина Паллада и Дева Мария: Девственница на защите города // Именослов. История языка, история культуры / Отв. ред. Ф.Б. Успенский. М., 2010. С. 110-139 (b).

Тогоева О.И. Жанна д'Арк между католиками и протестантами во Франции XVII в. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2011. Вып. 19. С. 148-170.

Тогоева О.И. Пастушка, ставшая амазонкой. Образ Жанны д'Арк во французских жизнеописаниях знаменитых людей XVI–XVII вв. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2012. Вып. 20. С. 11-36.

---

[98] Свой *opus magnum*, в который вошли не только материалы обвинительного процесса 1431 года и процесса по реабилитации 1455–1456 гг., но и многочисленные хроники, частная переписка, документы из королевской канцелярии, отрывки из художественных сочинений XV–XVI вв., Жюль Кишра готовил с весны 1840 года; последний том вышел в 1849 г.: Quicherat 1841–1849.

Тогоева О.И. Жанна д'Арк и двор Карла VII. История предательства Девы глазами современников и потомков // Французский ежегодник – 2014. М., 2014. С. 92-114 *(переиздано в:* История. Электронный научно-образовательный журнал. 2015. Т. 6. Вып. 4 (37): http://www.history.jes.su/s207987840001052-6-1).

Chateaubriand. Le génie du christianisme // Chateaubriand. Oeuvres complètes. P., 1849. T. 3.

Chateaubriand. Analyse raisonnée de l'histoire de France // Chateaubriand. Oeuvres complètes. P., 1876. T. 8.

Contamine Ph., Bouzy O., Hélary X. Jeanne d'Arc. Histoire et dictionnaire. P., 2012.

Dupanloup. Correspondance (Pontcherron – Quittemel) // Bibliothèque Nationale de France. Nouv. acq. fr. 24703.

Jeanné E. L'image de la Pucelle d'Orléans dans la littérature historique française depuis Voltaire. Liège, 1935.

Journal du siège d'Orléans, 1428-1429, augmenté de plusieurs documents notamment des comptes de ville, 1429-1431 / Publ. par P. Charpentier et C. Cuissard. Orléans, 1896.

Krumeich G. Jeanne d'Arc à travers l'Histoire. P., 1993.

Lavallée Th. Histoire des Français depuis le temps des Gaulois jusqu'en 1830. P., 1847.

Le Goff J. Michelet et Moyen Age, aujourd'hui // Michelet J. Oeuvres complètes / Ed. par P. Viallaneix. T. 4. P., 1974. P. 45-63. *Michelet J.* Sur l'*Histoire des Français* de Sismondi // Michelet J. Oeuvres complètes / Ed. par P. Viallaneix. T. 3. P., 1973. P. 911-914.

Martin H. Jeanne Darc. P., 1844.

Martin H. Jeanne Darc. P., 1855.

Martin H. Jeanne Darc. P., 1857 (a).

Martin H. Des récentes études critiques sur Jeanne d'Arc // Martin H. Jeanne Darc. P., 1857. P. 327-376 (b).

Michelet J. Précis de l'histoire de France // Michelet J. Oeuvres complètes. T. 3. P., 1973.

Michelet J. Histoire de la Révolution française. P., 1974 (a).

Michelet J. Préface à *l'Histoire de France* (1869) // Michelet J. Oeuvres complètes / Ed. par P. Viallaneix. T. 4. P., 1974 (b).

Michelet J. Tableau de la France // Michelet J. Oeuvres complètes / Ed. par P. Viallaneix. T. 4. P., 1974 (c).

Michelet J. Histoire de France // Michelet J. Oeuvres complètes / Ed. par P. Viallaneix. T. 4. P., 1974 (d).

Michelet J. Jeanne d'Arc et autres textes / Ed. établie et présentée par P. Viallaneix. P., 1974 (e).

Une proposition faite en 1790 à l'Assemblée municipale de Paris, pour rendre au 14 juillet un hommage public à Jeanne d'Arc // Intermédiaire des chercheurs. 30 mai 1892.

Quicherat J. Procès de condamnation et de réhabilitation de Jeanne d'Arc. 5 vol. P., 1841–1849.

Quicherat J. Histoire de Jeanne d'Arc, d'après une chronique inédite du quinzième siècle // Bibliothèque de l'Ecole des Chartes. 1845. T. 2. P. 143-171.

Quicherat J. Aperçus nouveaux sur l'histoire de Jeanne d'Arc. P., 1850.

Quicherat J. Jules Michelet, par Gabriel Monod // Bibliothèque de l'Ecole des Chartes. 1875. T. 36. P. 619-620.

Simonde de Sismondi J.-C.-L. Histoire des Français. P., 1831.

Suire E. Sainteté et Lumières. Hagiographie, spiritualité et propagande religieuse dans la France du XVIIIe siècle. P., 2011.

Thierry A. Lettres sur l'histoire de France pour servir d'introduction à l'étude de cette histoire. P., 1827.

Thierry A. Lettres sur l'histoire de France // Thierry A. Oeuvres. Bruxelles, 1839. P. 414-544.

Thierry A. Récits des temps mérovingiens. P., 1981.

Vercruysse J. Introduction // Voltaire. La pucelle d'Orléans / Ed. critique par J. Vercruysse. Genève, 1970. P. 13-250.

Viallaneix P. La voie royale. Essai sur l'idée de peuple dans l'oeuvre de Michelet. P., 1959.

[*Voltaire*]. La Ligue ou Henry Le Grand, poëme epique. Genève, 1723.

Voltaire. La Henriade. S.l. 174-.

Voltaire. Essais sur les moeurs et l'esprit des nations. Neuchatel, 1773.
Voltaire. Questions sur l'Encyclopédie // Voltaire. Oeuvres / Ed. par M. Palissot. T. 38. P., 1792.
Wellek R. The Concept of Romanticisme // Comparative Literature. 1949. № 1. P. 1-23, 147-172.

REFERENCES

Zenkin S.N. Franzuzskij romantism i idea kul'turi. Moscow, 2002.
Levandovsky A.P. Joan of Arc. Moscow, 1962.
Pernou R., Clin M.-V. Joan of Arc. Moscow, 1992.
Raytzes V.I. Prozess Joan of Arc. Moscow-Leningrad, 1964.
Raytzes V.I. Joan of Arc: facti, legendi, gipotezi. Leningrad, 1982.
Raytzes V.I. "Pastushka iz Domremy": genesis i semantika obraza // Kazus. Individual'noe i unikal'noe v istorii – 1996 / Ed. by Ju.L. Bessmertny, M.A. Boitsov. Vol. 1. Moscow, 1997. S. 251-264.
Reizov B.G. Franzuzskaja romanticheskaja istoriographia (1815-1830). Leningrad, 1956.
Togoeva O.I. Ispolnenije prorochestv: Vetchozavetnije geroi Stoletnej vojni // Kazus. Individual'noe i unikal'noe v istorii – 2005 / Ed. by M.A. Boitsov, I.N. Danilevskij. Vol. 7. Moscow, 2006. S. 88-106.
Togoeva O.I. Eres' ili koldovstvo? Demonologia XV v. na prozesse Joan of Arc // Srednie veka. Vol. 68 (4). Moscow, 2007. S. 160-182.
Togoeva O.I. Voltaire, Joan of Arc i osel. K istorii odnogo motiva // Franzuzskij ezegodnik – 2008. Moscow, 2008. S. 25-46.
Togoeva O.I. Puteshestvie kak missija v epopee Joan of Arc // Odissej. Chelovek v istorii – 2009. Moscow, 2010. S. 91-115 (a).
Togoeva O.I. Joan of Arc, Afina Pallada i Deva Maria: Devstvenniza na zashite goroda // Imenoslov. Istorija jazika, istorija kul'turi / Ed. F.B. Uspenskij. M., 2010. S. 110-139 (b).
Togoeva O.I. Joan of Arc mezdu katolikami i protestantami vo Francii XVII v. // Adam i Eva. Al'manach gendernoj istorii. 2011. Vol. 19. S. 148-170.
Togoeva O.I. Pastushka, stavshaja amazonkoj. Obraz Joan of Arc vo franzuzskich zizneopisanijach znamenitich ljudej XVI-XVII vv. // Adam i Eva. Al'manach gendernoj istorii. 2012. Vol. 20. S. 11-36.
Togoeva O.I. Joan of Arc i dvor Karla VII. Istorija predatel'stva Devi glazami sovremennikov i potomkov // Franzuzskij ezegodnik – 2014. Moscow, 2014. S. 92-114 (republished in: Istorija. Elektronnij nauchno-obrazovatel'nij zurnal. 2015. T. 6. Vol. 4 (37): http://www.history.jes.su/s207987840001052-6-1).
Chateaubriand. Le génie du christianisme // Chateaubriand. Oeuvres complètes. P., 1849. T. 3.
Chateaubriand. Analyse raisonnée de l'histoire de France // Chateaubriand. Oeuvres complètes. P., 1876. T. 8.
Contamine Ph., Bouzy O., Hélary X. Jeanne d'Arc. Histoire et dictionnaire. P., 2012.
Dupanloup. Correspondance (Pontcherron – Quittemel) // Bibliothèque Nationale de France. Nouv. acq. fr. 24703.
Jeanné E. L'image de la Pucelle d'Orléans dans la littérature historique française depuis Voltaire. Liège, 1935.
Journal du siège d'Orléans, 1428–1429, augmenté de plusieurs documents notamment des comptes de ville, 1429–1431 / Publ. par P. Charpentier et C. Cuissard. Orléans, 1896.
Krumeich G. Jeanne d'Arc à travers l'Histoire. P., 1993.
Lavallée Th. Histoire des Français depuis le temps des Gaulois jusqu'en 1830. P., 1847.
Le Goff J. Michelet et Moyen Age, aujourd'hui // Michelet J. Oeuvres complètes / Ed. par P. Viallaneix. T. 4. P., 1974. P. 45-63. *Michelet J.* Sur l'*Histoire des Français* de Sismondi // Michelet J. Oeuvres complètes / Ed. par P. Viallaneix. T. 3. P., 1973. P. 911-914.
Martin H. Jeanne Darc. P., 1844.
Martin H. Jeanne Darc. P., 1855.
Martin H. Jeanne Darc. P., 1857 (a).

Martin H. Des récentes études critiques sur Jeanne d'Arc // Martin H. Jeanne Darc. P., 1857. P. 327-376 (b).
Michelet J. Précis de l'histoire de France // Michelet J. Oeuvres complètes. T. 3. P., 1973.
Michelet J. Histoire de la Révolution française. P., 1974 (a).
Michelet J. Préface à *l'Histoire de France* (1869) // Michelet J. Oeuvres complètes / Ed. par P. Viallaneix. T. 4. P., 1974 (b).
Michelet J. Tableau de la France // Michelet J. Oeuvres complètes / Ed. par P. Viallaneix. T. 4. P., 1974 (c).
Michelet J. Histoire de France // Michelet J. Oeuvres complètes / Ed. par P. Viallaneix. T. 4. P., 1974 (d).
Michelet J. Jeanne d'Arc et autres textes / Ed. établie et présentée par P. Viallaneix. P., 1974 (e).
Une proposition faite en 1790 à l'Assemblée municipale de Paris, pour rendre au 14 juillet un hommage public à Jeanne d'Arc // Intermédiaire des chercheurs. 30 mai 1892.
Quicherat J. Procès de condamnation et de réhabilitation de Jeanne d'Arc. 5 vol. P., 1841-1849.
Quicherat J. Histoire de Jeanne d'Arc, d'après une chronique inédite du quinzième siècle // Bibliothèque de l'Ecole des Chartes. 1845. T. 2. P. 143-171.
Quicherat J. Aperçus nouveaux sur l'histoire de Jeanne d'Arc. P., 1850.
Quicherat J. Jules Michelet, par Gabriel Monod // Bibliothèque de l'Ecole des Chartes. 1875. T. 36. P. 619-620.
Simonde de Sismondi J.-C.-L. Histoire des Français. P., 1831.
Suire E. Sainteté et Lumières. Hagiographie, spiritualité et propagande religieuse dans la France du XVIIIe siècle. P., 2011.
Thierry A. Lettres sur l'histoire de France pour servir d'introduction à l'étude de cette histoire. P., 1827.
Thierry A. Lettres sur l'histoire de France // Thierry A. Oeuvres. Bruxelles, 1839. P. 414-544.
Thierry A. Récits des temps mérovingiens. P., 1981.
Vercruysse J. Introduction // Voltaire. La pucelle d'Orléans / Ed. critique par J. Vercruysse. Genève, 1970. P. 13-250.
Viallaneix P. La voie royale. Essai sur l'idée de peuple dans l'oeuvre de Michelet. P., 1959.
[*Voltaire*]. La Ligue ou Henry Le Grand, poëme epique. Genève, 1723.
Voltaire. La Henriade. S.l. 174-.
Voltaire. Essais sur les moeurs et l'esprit des nations. Neuchatel, 1773.
Voltaire. Questions sur l'Encyclopédie // Voltaire. Oeuvres / Ed. par M. Palissot. T. 38. P., 1792.
Wellek R. The Concept of Romanticisme // Comparative Literature. 1949. № 1. P. 1-23, 147-172.

Тогоева Ольга Игоревна, *доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН*; *togoeva@yandex.ru*

Joan of Arc and the liberal French historiography of the 19th century the creation of the "national heroine"

The article looks into the process of creation of the notion of "national heroine" and is focused on the example of Joan of Arc. The author analyses the features of liberal French historiography of the 19th century, its origins and its main topics, which were demonstrated in the historical writings of R. de Chateaubriand, A. Thierry, J.-Ch.-L. Simonde de Sismondi, Th. Lavalée, J. Michelet, J. Quicherat and H. Martin.

Keywords: France, 19th century, historical memory, the history of Joan of Arc, "national heroine", liberal historiography.

Olga Togoeva*, Dr.Sc. (History), Leading Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; togoeva@yandex.ru*

Н. Н. Алеврас, И. М. Нохрин, О. В. Богомазова

ОТКРЫВАЯ НЕИЗВЕСТНОГО КЛЮЧЕВСКОГО ИСТОРИК КАК ТВОРЕЦ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ[1]

Авторы статьи обращаются к такому событию национальной историографии, каковым стал факт современного издания лекций В.О. Ключевского по всеобщей истории, подготовленного Р.А. Киреевой. Впервые перед научной общественностью предстали учебные тексты Ключевского, позволяющие реконструировать систему его представлений о западноевропейской истории XVII-XVIII вв. В первой части статьи внимание сосредоточено на анализе публикационной деятельности Р.А. Киреевой, направленной на издание лекций историка из его архивного фонда, во второй – предлагается интерпретация взглядов В.О. Ключевского на политическую историю Западной Европы. Авторы уверены в неразрывной научной связи ученых-историков разных времён – дореволюционного и современного. Историографические интересы и творческие усилия каждых последующих поколений историков позволяют сохранить в современном национальном сознании память и знание об историках-предшественниках и истории науки, что придает особую значимость работе по публикации не издававшихся ранее научных архивов ученых.

***Ключевые слова*:** *историография, В.О. Ключевский, Р.А. Киреева, Россия, Европа, всеобщая история, национальная идея, коммеморация, национальная идентичность.*

Человек жив, пока жива память о нем. Это почти житейское суждение лежит, тем не менее, в основе традиций и культурного опыта сохранения памяти об интеллектуальном наследии тех людей, которые прочно вошли в историю науки и культуры. Своей деятельностью выдающиеся личности из научного сообщества того масштаба и значения, которых достиг историк В.О. Ключевский, приобрели от благодарных потомков особый статус культурных героев нации, обеспечивая своими научными идеями и интеллектуальными манифестами формирование национальной идентичности.

Процесс введения архивного материала в научный оборот является свидетельством востребованности творческого наследия историка. Однако, следует понимать, что появление новых интерпретаций и профессиональных оценок, неизбежных в процессе его научного освоения, могут спровоцировать не только переоценку личности историка, но и сказаться на судьбе его архивного наследия: будет ли оно осваиваться дальше, или станет «*неприкосновенным* запасом», отложенным до лучших времен. Архив историка для его исследователей и публикаторов выполняет функции своеобразного корпоративного «места памяти», к которому, возможно, будет обращаться еще не одно поколение ученых. При этом научное освоение архивных материалов имеет черты трансляции коммеморативного феномена. Процессы коммемораций в науке, как

[1] См.: Ключевский 2012.

способы сохранения памяти о ее представителях, и практики трансляции научного опыта ученых ушедших поколений, имеют двух «контрагентов»: объекта и субъекта этих научно-интеллектуальных процедур. Коммеморация приобретает характер особой интеллектуальной практики, в основе которой лежит актуальный диалог представителей культур (при историографическом подходе – научных культур) различных эпох. В нем велика роль не только объекта коммеморации, но и другой стороны, выступающей инициативной силой, без которой процедура увековечивания памяти личности, попавшей в систему ценностей национальной культуры, была бы невозможной. Более того, только благодаря упомянутой «инициативной силе» из забвения культурной памяти при помощи историографического анализа восстанавливается ценностный опыт, способный стать основой преемственности научной традиции, либо разрыва с ней. Но в любом случае знание об этом опыте обогащает современную культуру, содействуя процессам культурной идентификации личности и социальных сообществ новых поколений. Коммеморации и опыты сохранения наследия в отношении представителей исторической науки неизбежно становятся элементом историографической культуры.

В поле внимания авторов данной статьи находятся две личности – историк В.О. Ключевский и его давний исследователь-биограф, историограф и публикатор его произведений Р.А.Киреева.

Р.А. Киреева в изучении научного наследия В.О. Ключевского

Раиса Александровна Киреева (1929 г.р.) – известный историк и историограф, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН, пережила в своей профессиональной биографии все периоды развития отечественной исторической науки, начиная с послевоенного времени, когда, закончив МГИАИ, она была принята на работу (с 1952 г.) в Институт истории АН СССР, вплоть до современного периода исторической науки. Понятно, что существенная часть научного творчества Р.А. Киреевой пришлась на советское время, когда под флагом «марксистско-ленинской методологии» осуществлялся процесс институционализации такой области исторического знания как историография, ставшая основным предметом научных интересов Раисы Александровны. В 1960-е гг. она являлась уже ученым секретарем сектора истории исторической науки и была непосредственно связана с подготовкой известных «Очерков истории исторической науки».

Воспитанная замечательными наставниками (ими, несомненно, можно считать М.В. Нечкину и А.А. Зимина – талантливых, хотя разных по характеру, а также методологическим и идеологическим ориентирам ученых) в традициях строгого подхода к получению научно обоснованного исторического факта, Р.А. Киреева в течении своей долгой творческой жизни являлась истинным ученым, ориентированным на выверенный с источниковедческих позиций документальный материал

и аргументированную на этой основе интерпретацию изучаемых ею личностей, исторических и историографических событий и процессов.

Нетрудно заметить, что в ее наследии преобладают исследования, так или иначе связанные с изучением научного облика великого русского историка В.О. Ключевского. После защиты кандидатской диссертации, посвященной Ключевскому-историографу, Р.А. Киреева в 1966 г. публикует ее в виде одноименной монографии[2]. Впоследствии, защитив докторскую диссертацию («История русской историографии (1850-е – 1917 г.)».), она расширила историографическое пространство своих интересов. На базе этой диссертации была создана одна из первых в отечественном опыте монографий, в которой объектом изучения становится история историографии[3]. Теперь имя и историографическая линия интересов В.О. Ключевского были вписаны в общероссийский контекст становления и развития дореволюционной историографии.

Докторская диссертация вывела Р.А. Киреева к разработке и других историографических сюжетов, в том числе связанных с фигурами историков Петербургской школы – К.Н. Бестужева-Рюмина[4], А.С. Лаппо-Данилевского[5], а также представителями «Государственной школы»[6]. Широкий спектр интересов исследователя захватывает также историю декабризма и разные аспекты истории отечественной историографии.

Уже в первых крупных работах Р.А. Киреева продемонстрировала высокую результативность историографического анализа, основанного на изучении научного наследия историков с учетом их творческой лаборатории, которая может быть раскрыта только посредством использования личных архивных фондов ученых. Погружение в материалы архивных коллекций В.О. Ключевского позволило ей в кандидатской диссертации, написанной уже сформировавшимся ученым, имевшим опыт научной работы в секторе истории исторической науки Института истории АН, предложить научному сообществу новые на тот период методы историографического исследования. Одной из первых в целях создания целостного облика Ключевского был использован метод реконструкции творческого наследия историка на основе совокупности различных источников, в том числе и тех, которые не были опубликованы.

Кропотливое изучение рукописей историков в личных архивных фондах станет принципиальным стилем ее работы по созданию общей картины развития истории историографии. В историографическом жанре того периода, когда создавались диссертации-монографии Р.А. Киреевой, преобладал проблемно-тематический подход, ориентированный

---

[2]Киреева 1966.
[3]Киреева 1983.
[4]См.: Киреева 1990.
[5]См.: Киреева 2013. С. 73-76.
[6]См.: Киреева 2004.

на анализ трудов и концепций историков, содержащихся преимущественно, в изданных сочинениях историков. Приобретенный ею опыт работы с рукописями различной видовой природы стал неоценимой основой не только для конкретно-историографических разработок ученых, но и для реализации проектов публикаций их произведений.

В изучении творчества В.О. Ключевского историографический метод Р.А. Киреевой позволил ей реконструировать не только тона, но и полутона взглядов и историографических оценок историка. Можно полагать, что Р.А. Киреева уже тогда, в 1960-е гг., прокладывала дорогу для современной эвристической практики историографических исследований, нацеленной на выявление и изучение всего видового спектра источников, отражающих жизнь и деятельность ученого-историка.

Большое место в ее творчестве занимали проблемы подготовки к публикации неизданных или мало известных работ В.О. Ключевского. Р.А. Киреева стояла у истоков многих начинаний, связанных с публикацией рукописей историка. Сама она, обозначая свою причастность к различным подобного рода проектам, включает в перечень и издания «Сочинений» Ключевского, опубликованных не только в 1980-е гг. в 9-ти томах, но и в 1950-е гг. в 8-ми томах[7]. Это ее свидетельство дает основание предполагать, что уже в начале своей работы в Институте истории ее историографические интересы могли соприкоснуться с сосредоточенным вниманием А.А. Зимина к фигуре Ключевского и его архивному фонду.

В своей первой диссертации она, ссылаясь на сведения А.А. Зимина, обратила внимание на еще не изученные учебные курсы Ключевского по всеобщей истории, которые тот вел в Александровском военном училище[8]. Интерес к ним у Р.А. Киреевой в контексте задач ее тогдашнего исследования не случаен: узловым моментом этих лекций была история Французской революции XVIII в. Именно это, по словам Ключевского, «всемирное» событие, имеющее «общечеловеческий характер»[9], рассматривалось историком в качестве основы периодизации русской историографии. Установление в концептуальной версии Ключевского этой связи всемирно-исторических событий и процессов с ходом становления и поэтапного развития исторического знания открыла для науки именно Раиса Александровна. И сделала она это, опираясь на тщательное выявление и изучение текстов не опубликованных рукописей историка[10].

А.А. Зимин еще в 1961 г. сообщил о существовании упомянутого учебного курса историка[11], но потребовалась целая эпоха со многими ее перипетиями, прежде чем сформировавшееся в те времена у Зимина и

[7] Киреева 2012. С. 22.
[8] Киреева 1966. С. 152.
[9] Ключевский 2012. С. 142.
[10] Киреева 1966. С. 153.
[11] См.: Зимин 1961. С. 195.

Киреевой убеждение в ценности его содержания для реконструкции интеллектуально-концептуальных основ формирования общей картины исторических представлений Ключевского, реализовалось в публикацию этого важного источника.

Неоднократное упоминание имени А.А. Зимина в истории с публикацией наследия Ключевского не случайно: интересы Киреевой и Зимина закономерно пересеклись, если иметь в виду известный факт неосуществленного Зиминым замысла создания диссертации о Ключевском (1947)[12], а также не остывавшие в течение всей его жизни рефлексии в адрес этой неординарной фигуры в науке и культуре. Поэтому не удивительно соединение их совместных подвижнических усилий на поприще выявления актуальных текстов неопубликованных материалов из различных фондов историка и подготовки их к изданию.

Первая работа по изданию рукописей историка, где они выступили составителями, была завершена известной публикацией его писем, дневников и афоризмов (ответственным редактором была М.В. Нечкина)[13]. Состав причастных к изданию людей, можно полагать, отражал те значимые для Раисы Александровны профессионально-корпоративные коммуникации, которые определяли и закрепляли ее научные приоритеты в те годы. Нет смысла говорить, в силу очевидности, о значении этой первой публикации рукописей историка, позволившей теперь уже поколениям историографов проникать во внутренний мир великого историка. Эта книга, изданная в ситуации политической оттепели, стала своеобразным антропологическим прорывом в истории отечественной историографии.

Между этой первой публикацией рукописных материалов историка и современным изданием лекций В.О. Ключевского в Александровском военном училище прошло более 40 лет. Р.А. Киреева презентирует эту публикацию как завершение большого проекта изданий рукописного наследия ученого. С 1968 по 2012 гг. ею было реализовано несколько подобных крупных документально-историографических публикаций.

Но ст*о*ит подчеркнуть, что «Лекции по истории Западной Европы…», ставшие значимым поводом для данной статьи, предполагались быть изданными гораздо раньше. Первоначально ещё в 1970 г. задумы-

---

[12] См.: Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (ПФА РАН). Ф. 934. Оп. 3. Д. 71. Л.64-71; Базанов, Богомазова 2011. С. 26 – 37. Сам историк в «Храме науки» засвидетельствовал, что, ему, начавшему в 1947 г. работать в Отделении истории, было поручено разобрать приобретенный у сына Ключевского архив историка. Эта работа, связанная с описанием и копированием материалов архива Ключевского и длившаяся в течение всего года («Весь 1947 г. прошел у меня с Ключевским»), стала, как подчеркнул А.А. Зимин, основой для подготовки к изданию «Сочинений», «Дневников» и др. трудов историка. Изучение им еще в то время фонда Ключевского выявило и коллекцию неизданных его работ. О задуманной им диссертации, посвященной историку, он лаконично констатировал: «Мои мечты о написании книги о Ключевском оказались неосуществленными» (Зимин 2015. С. 371).

[13] См.: Ключевский 1968.

валось издание «Записок по всеобщей истории», читанных Ключевским юнкерам училища в 1872/73 уч. г. в составе подготовленных «Неизвестных курсов В.О. Ключевского» (в 4-х томах)[14]. «Записки», как свидетельствует Р.А. Киреева, не были опубликованы издательством из опасения обнародовать «немарксистскую оценку Ключевского Великой французской революции». Много позднее, к 165-летию историка (2006), вновь была предпринята попытка (опять неудачная) их опубликовать[15]. Медленно, но благодаря упорству инициаторов изданий научных рукописей Ключевского, к 1983 г. были подготовлены некоторые его неизданные сочинения[16], в т.ч. учебный курс «Западное влияние в России после Петра», который, несомненно, возник в связи с погружением Ключевского в проблематику всеобщей истории. Это издание, снова вышедшее под редакцией Нечкиной, готовилось также в творческом тандеме двух историков – Киреевой и Зимина. Но увидело свет оно уже после смерти последнего. В одной из бесед с Р.А. Киреевой (2013) она, вспоминая непростую историю с изданием этой книги, поведала, как ее создателям не удалось получить согласие издательства на то, чтобы в первых строках Предисловия избавиться от советского клишированного определения «буржуазный» в адрес историка Ключевского.

Осуществляя последующие издания рукописных работ «великого историка России», Киреева с прискорбием замечает, что делать их пришлось уже ей одной. Однако творческой кооперации двух ученых научное сообщество обязано и изданием лекций Ключевского по российской истории, читавшихся им на Высших женских курсах фактически параллельно с занятиями в Александровском училище[17]. В предисловии к публикации лекций на Высших женских курсах Киреева сообщает о давнем интересе Зимина к этим лекциям историка, проявленном им еще в конце 1950-х, когда при подготовке к изданию «Сочинений» историка он обратил внимание на эмигрантскую статью А.А. Кизеветтера (1931) о лекциях Ключевского для курсисток, где автор упомянул, что часть этих лекций находится в его распоряжении. Впоследствии в 1960-е гг. супруга историка – В.Г. Зимина, работавшая в ОР ГБЛ, осуществила в результате переговоров с дочерью Кизеветтера процедуру передачи пражского архива историка в отдел рукописей[18].

---

[14] Зимин подчеркивал роль Киреевой в подготовке неизданных работ Ключевского: «особенно важны были копии материалов Ключевского, по которым нами с Раей (ею в первую очередь) подготовлены четыре тома его неизданных трудов (из которых вышел лишь один). По тем же материалам (результат работы 1947-48 гг.) изданы позднее сочинения Ключевского и еще кое-какие мелочи…» (Зимин 2015. С. 366).

[15] См.: Киреева 2012. С. 15-16.

[16] Ключевский 1983.

[17] Ключевский 1997.

[18] Киреева 1997. С. 18, 20.

В результате тщательных поисков из разных источников хранения составителям удалось представить полновесную реконструкцию текста этого лекционного курса и подготовить его к изданию. Характерно, что Раиса Александровна посвятила его «светлой памяти Александра Александровича Зимина». Сам же факт параллельного чтения Ключевским двух курсов – по русской и западноевропейской истории является важной основой для более глубокого понимания системы его концептуально-методологических построений исторического процесса, учитывающих общие европейские тенденции и специфику «местной истории», под которой он в своем знаменитом университетском курсе подразумевал российскую историю.

Вполне обоснованным в издании «Лекций по истории Западной Европы…» стало размещение уже публиковавшегося в 1983 г. курса Ключевского, прочитанного вел. кн. Георгию Александровичу и вошедшего в научную биографию историка под названием «Абастуманские чтения». Как отметила Киреева, содержание этого курса восходило к текстам лекций в Александровском училище. Не случайно Ключевский после сделанного ему предложения прочесть учебный курс великому князю предпринял попытки раздобыть литографии собственных лекций, читанных в молодые годы юнкерам военного училища[19].Теперь, соединенные воедино его учебные лекции по всеобщей истории, впервые дают возможность реконструкции системы взглядов историка на ход западноевропейской истории в их целостности и эволюции, начиная с 1860-х до 1890-х гг.

Издание подготовлено на хорошем археографическом уровне и сделано с любовью к памяти как самого Ключевского, так и всех тех ученых, кто в течение далеких уже 1960–1970-х гг. открывал Ключевского, работая с его рукописями, издавая и переиздавая его труды, исследуя его творчество. Отметить также тщательный подбор в основной части книги всех текстов Ключевского, имеющих отношение к всеобщей истории, а также интересное Приложение, включающее наброски Ключевского к разным курсам по истории Западной Европы, воспоминания слушателей Александровского училища об историке, его переписку во время пребывания в Абастумане, иллюстративный материал, акцентированный как на фигуре Ключевского, так и исторических личностях – политических деятелей Европы XVII–XIX вв., представленных в виде портретного ряда и ремарок к нему на полях изданного текста лекций Ключевского.

Содержание Приложения, сопутствующего изданию «Лекций по истории Западной Европы…», обогащает кругозор читателя дополнительными сведениями об историке. Обозначенные Р.А. Киреевой вехи биографии Ключевского знакомят с этапами обучения и карьерного роста ученого, представляют деятельность историка в области общественного просвещения. Она приводит внушительный перечень государственных

[19] См.: Киреева 2012. С. 16-19.

наград, которых был удостоен историк. Особо обращает на себя внимание раздел Приложения, посвященный увековечиванию памяти о В.О. Ключевском. Со своей стороны, мы бы хотели дополнить этот список упоминанием о том, что в 1928 г. усилиями столичной культурной общественности и при участии учеников историка, был установлен памятник на могиле Ключевского. Данное событие произошло в условиях борьбы с религиозным «украшательством» кладбищ, поэтому крест, обозначенный в проекте памятника его архитектором Н.А. Пустохановым, не был воздвигнут. Эта история с установкой креста на могиле ученого – выходца из духовного сословия, выпускника Пензенской духовной семинарии и почетного профессора Московской духовной академии, получила свое продолжение в наши дни. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. Р.А. Киреевой вновь был поднят вопрос об установке креста на могиле В.О. Ключевского. Обозначенная проблема нашла искренний отклик в сердцах земляков историка, которые в 2011 г. на конференции, посвященной 170-летию Ключевского, выразили солидарное желание по сбору средств на установку креста. Активность пензенцев в этом направлении вылилась в организацию специального денежного фонда: Содружество пензенских землячеств и исторический факультет Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского в начале 2012 г. объявили о запуске общественной благотворительной акции по сбору денег для создания и установки нового памятника[20]. Эту акцию поддержали представители научного и культурного сообщества Пензы, Казани, Москвы.

Могила известного ученого, как «место памяти», сохраняет свое значение по сей день, причем не только для историков. А.И. Солженицын за пять лет до своей смерти выбрал старинный Донской монастырь местом своего «последнего пристанища» – он завещал похоронить его возле могилы В.О. Ключевского. Без преувеличения можно сказать, что большая роль в актуализации этого «места памяти» и сохранении памяти о Ключевском как о национальном культурном герое принадлежит пензенскому музею В.О. Ключевского и персонально Р.А. Киреевой. Впервые приехав в пензенский архив в 1960-е гг., именно она инициировала долгосрочный процесс восстановления памяти о Ключевском на его родной земле. Поэтому не случайно, что в 2014 г. Р.А. Киреева была удостоена одной из самых престижных премий Российской академии наук в области изучения отечественной истории и славяноведения, носящей имя выдающегося историка России В.О. Ключевского «за серию работ по единой тематике – изучению и публикации наследия В.О. Ключевского».

Таким образом, в рамках академических коммеморативных практик, имена историков разных поколений и эпох – В.О. Ключевского и Р.А. Киреевой – возносятся на пьедестал почета, свидетельствующий о признании вклада этих ученых в российскую науку и культуру.

---

[20]См.: Исторический факультет…

Новая книга, подготовленная Р.А. Киреевой, ценна не только для науки, открывая даже профессиональному современному читателю-историку, практически, «неизвестного» Ключевского, она ориентирована на большое публичное пространство, позволяя привлечь внимание широкой аудитории, интересующейся европейской историей нового времени (от старших школьников и учащихся военных училищ до студентов, учителей и просто любителей исторического чтения).

Обретшие, наконец, жизнь «Лекции по истории Западной Европы в связи с историей России» В.О. Ключевского, венчая длительную историю публикаций когда-то «неизданных» и «неизвестных» работ великого историка – это и научный подвиг публикаторов и, несомненно, значимое событие современной историографии и национальной культуры.

В.О. Ключевский как историк Западной Европы нового времени и создатель классической национальной историографии

С точки зрения сегодняшнего дня, лекции по истории Западной Европы В.О. Ключевского выглядят достаточно необычно. Наличие в учебном курсе по всеобщей истории обширного материала, посвящённого истории России, вероятно, удивило бы не только современных студентов, но и преподавателей, которые привыкли к строгому разделению российской и зарубежной истории по разным учебным курсам, использованию для их изучения самостоятельной учебной и методической литературы, принадлежности авторов изданий к замкнутому кругу «русистов» или «всеобщников».

Стремление Ключевского с первых страниц своих лекций вписать историю России в общеевропейский контекст, доказать её тесную взаимосвязь с Западной Европой, продемонстрировать общность целого ряда социально-политических процессов выглядит заявкой на создание концептуального произведения. Его цель легко угадывается в намерении, с одной стороны, дать студентам целостное представление о мировом историческом процессе в его общих проявлениях, а с другой, в поиске ответа на вопрос о национальных особенностях исторического пути России. Нельзя не заметить при этом, что особенно явственно этот акцент присутствует в первых (порой довольно кратких) конспектах, служивших основой для репетиторской работы историка с кадетами старших классов Александровского училища в 1867–1868 гг.[21] В его последующих «Записках по всеобщей истории» подобные идеи звучат

[21] Ключевский преподавал в Александровском училище с 1867 по начало 1884 г. В первые годы работы он выполнял обязанности репетитора. Этому периоду соответствуют три конспекта по всеобщей истории для кадетов старших классов. С 1871/1872 уч. г. он, защитив магистерскую диссертацию, выступает в училище уже в качестве лектора. Этому времени принадлежат его лекции для младших и старших классов, получившие обозначение «Записки по всеобщей истории» и «История Французской революции». Вернуться к проблемам европейской истории Ключевский был вынужден в 1893-95 гг. в «Абастуманских чтениях».

не столь явно. Но это, однако, не означает полного отказа от них, а скорее, свидетельствует о росте профессионализма ученого, который все меньше нуждался в оформлении «на бумаге» историософской части своего курса, но, тем не менее, продолжал выстраивать повествование в прежнем концептуальном ключе.

Возникновение общего авторского замысла Ключевского легко понять, если обратиться к состоянию общественно-политической мысли России той эпохи. Дискуссии западников и славянофилов, активное становление российской исторической науки и, конечно же, формирование национальной идеологии требовали выработки идейных ориентиров, конструирования национальной системы координат во времени и пространстве, обоснования ценностей и символов, которые бы очертили образ российской нации. Университетская профессура второй половины XIX в. стояла в авангарде социально-политической мысли. В общих дискурсивных практиках историков и юристов, филологов и философов зарождалась «национальная идея», которая порой отражала весьма критический подход русской интеллигенции к оценке государственной власти. И Ключевский стал активным участником этого процесса. Уже на студенческой скамье он проявлял известный нигилизм, переросший впоследствие в скептицизм по отношению к популярному в середине XIX в. «народопоклонству». Историк считал народничество «комичной игрой в куклы», подчеркивая некорректность переноса его представителями «своих собственных идей и измышлений» на народ. Они, на его взгляд, вели себя «словно дети, которые рядят куклы» и потом ведут с ними «умные беседы, слышанные от папеньки и маменьки»[22]. К социализму, набиравшему популярность в первое десятилетие XX в., Ключевский испытывал еще большую недоброжелательность, чем к народничеству[23].

Ученик историка П.Н. Милюков давал оценку политических взглядов Ключевского в период «возрождения» русского общества в середине 1890-х гг., отмечая, что его демократизм пришел тогда в более тесное соприкосновение с его конституционализмом. Ключевский, до известной степени, разделял скептическое и слегка насмешливое отношение к взглядам значительной части демократической интеллигенции. В узком кругу в беседах с учениками этот вопрос вызывал немало шутливых пререканий. Но когда дело доходило до серьезной формулировки, Ключевский всегда признавал неизбежность свободных политических форм для «более справедливого устройства общества» как гарантии против «чувства народного недовольства»[24].

Оригинальный исследовательский подход Ключевского, проявившийся в сопоставлении истории России и стран Запада, сформировался,

---

[22] Ключевский 1968. С. 236.
[23] См., например: Барсов 1991. С. 7.
[24] Милюков 2002. С. 471.

как известно, на фоне параллельного преподавания отечественной и зарубежной истории сразу в нескольких учебных заведениях – Александровском военном училище, Московской духовной академии, на Высших женских курсах В.И. Герье, в Московском Императорском университете. Особенностью Ключевского как лектора была ориентация содержательной части лекционного материала под определенную аудиторию. В частности, выпускники Александровского военного училища, вспоминали, с каким «захватывающим вниманием и истинным наслаждением» слушали они его курс новейшей отечественной и всеобщей истории. По словам юнкеров, Василий Осипович «разбил старый ученый предрассудок, что новейшая история не может быть предметом научного изучения», интерес к его лекциям возрастал с каждым годом. События этой «новейшей истории» он излагал с такой глубиной, основательностью и воспитательным значением, которые оказывали «неотразимое влияние на все миросозерцание» его слушателей[25].

Уже в первых конспектах по всеобщей истории учёный обратился к чрезвычайно важным для каждой национальной идеологии темам «истоков» и «уникальности» нации. Весь исторический путь России Ключевский, только начинавший осваивать стезю преподавателя, разделил на два неравных этапа: до Петра I и после него. Они были охарактеризованы как, соответственно, азиатский и европейский периоды в истории страны. В первых лекциях много внимания уделяется фигуре Петра I и подчеркивается сложный процесс адаптации российской политической программы к европейским реалиям. Именно в этой части В.О. Ключевский подчеркнул, что «с XVIII в. историю Европы надо рассматривать в целости, деятели Восточной Европы сталкиваются с западными. Поэтому век и характеризуется не только Людовиком XIV, но и Петром Великим»[26].

Эпоха Петра I, доказывал молодой историк явно не без влияния своего учителя С.М. Соловьева, имела судьбоносное значение и для России, и для Европы: «Целая половина Европы с особыми свежими началами входит в жизнь Европы, отчего только теперь собирается на исторической сцене вся Европа и ее жизнь становится полнее и сложнее <…> Это открытие России для Европы важнее открытия Америки по своему значению для Европы»[27]. Что же касается самой России, то облик её современной нации, считал Ключевский, кардинально изменился в петровское время. Он стал европейским и по внешнему виду, и по внутреннему содержанию. И это имело, безусловно, положительные последствия, поскольку отныне Россия оказалась частью «цивилизован-

---

[25]Воспоминания некоторых выпускников Александровского военного училища представлены Р.А. Киреевой в Приложении к рассматриваемой публикации: Ключевский 2012. С. 424-429. См. также: Любавский 1912. С. 12-16.

[26] Ключевский 2012. С. 41.

[27] Там же. С. 25.

ного мира» и даже сама начала активно распространять цивилизацию на Восток[28]. Таким образом, в первых учебных конспектах для аудитории кадетов учёный не только сформулировал общую концепцию лекционного курса, но и чётко обозначил свою позицию в жарких дискуссиях на тему национальной самобытности.

Самого Петра I Ключевский неоднократно сравнивал с Людовиком XIV. «Людовик получил богатое наследство, Петр – ничего, государство дикое, можно сказать, бедное, без моря, и создал все сам. Людовик не создал средств взамен растраченных: получив много людей, не оставил своих. Петр вывел даже целые фамилии», – доказывал историк величие российского монарха[29]. Признавая умозрительность проводимого сравнения при явном несоответствии французских и российских реалий начала XVIII в., он не отказывался от самой идеи проведения аналогий, повторяя её в лекциях разных лет. Очевидно, сопоставление исторических портретов российского и европейского монархов преследовало не столько учебную, сколько педагогическую цель. Ученики Ключевского таким образом лишний раз убеждались в исторической близости Европы и России и получали повод для национальной гордости – правитель их страны, едва приобщившись к достижениям «цивилизации», уже превзошел по таланту самого Людовика XIV, «короля-солнце», которого современные им историки, как, например, В.И. Герье, считали наиболее достойным представителем французской монархии нового времени[30].

Возможно, поэтому, Ключевского нисколько не смущал тот факт, что истоки «цивилизованности» были заимствованы Россией, а не выработаны самостоятельно. «Начала цивилизации всегда получаются извне: эпоха Возрождения в новой истории; греческое влияние в Риме указывают, что все европейские народы проходили период этого усвоения чужого», – объяснял он ученикам своё видение мирового исторического процесса[31]. И если самим европейцам не кажется недостойным перенимать достижения древних греков и римлян, то и для русских не может быть постыдно учиться на чужом опыте. Тем более, что Россия, как считал Ключевский, не слепо копировала европейскую культуру, но отбирала и усовершенствовала её лучшие достижения и быстро превзошла «учителей» в их собственной «науке».

Называя императрицу Екатерину II «самой видной фигурой в Европе с 1762 по 1796 гг.»[32], историк больше не проводил аналогий с другими монархами. Сравнение с Фридрихом Великим или, тем более, Людовиками XV и XVI, уже не имело смысла, ибо успехи Екатерины в

[28] Там же. С. 53.
[29] Там же. С. 42.
[30] Герье 2011. С. 35.
[31] Ключевский 2012. С. 24.
[32] Там же. С. 48.

решении «восточного» и «польского» вопросов сами по себе давали достаточно поводов для национального самоутверждения. Подробно описывая их, историк доказывал, что эпоха ученичества прошла, и теперь отношения России и Европы строились на равных началах. Когда же в конце XVIII в. Россия начала борьбу против разрушительных идей французского просвещения, а в начале XIX в. спасла Европу от хаоса революции и нашествия Наполеона, то её историческое значение стало и вовсе исключительным[33]. Таким образом, через тему особой исторической миссии России Ключевский выходил на самую обширную проблему лекционного курса – французскую революцию конца XVIII в.

История французской революции в деталях начинает излагаться им в лекциях начала 1870-х гг. Но и на этапе репетиторства в учебных конспектах он закладывает основы своего в*и*дения ее смысла, пытаясь вскрыть в «организме французского государства» социальные «болезни», ставшие ее причинами[34]. В 1868 г. он разделил их на две группы. С одной стороны, пережитки средневекового феодализма, прежде всего, сословная система: неадекватные привилегии для одних и ущемление в правах других групп населения, с чем основная масса французов больше не готова была мириться. А с другой стороны – литература и идеи эпохи Просвещения, культ разума и признание в качестве нормы «дурных стремлений человеческой свободы», от чего возникла враждебность «к преданию и авторитету, к порядку, на них основанному» и стремление человека перестроить общество на новых началах[35].

Негативное отношение к идеям и ценностям французского просвещения характеризовало точку зрения Ключевского с первых лет его работы в качестве преподавателя. В лекциях 1872/73 гг. он, выявляя причины революции, уже начал не с социальных «болезней», а с морально-нравственного состояния французского общества, которое было названо им «испорченным», породившим «безобразные явления 1793 г.»[36]. Вместе с тем, стремление создать социальную историю, что позднее воплотилось в его докторской диссертации, подталкивало Ключевского всё глубже выявлять противоречия между устаревшей, средневековой социально-политической системой Франции XVIII в., «обломками феодального порядка» и новыми тенденциями в общественной жизни. Таким образом, позиция историка балансировала между характерным для консервативной историографии взглядом на революцию как результат нравственного упадка общества и либеральной концепцией революции как неизбежного зла, которое случается в ситуации крайней запущенности социальных противоречий (из-за неспособности или нежелания правя-

[33] Там же. С. 250, 251, 328.
[34] Там же. С. 92-96, 105.
[35] Там же. С. 93.
[36] Там же. С. 143.

щих элит предоставить народу необходимые права и свободы) и отсутствия иных выходов из охватившего государство кризиса.

Трудно судить, как взгляды Ключевского развивались в дальнейшем, ибо обширная лекция о французской революции 1884 г. доступна нам лишь в форме небольшого отрывка без теоретической части. И на его основе не представляется возможным в полной мере понять концепцию автора. Однако, что касается более позднего материала из Абастуманских чтений, то в нем повествование о французской революции Ключевского уже в гораздо большей степени, нежели в ранних конспектах, соответствовало канонам консервативной политической философии. Истоки этого события, выводились из состояния глубокого духовного кризиса, якобы охватившего общество и правительственные круги Франции «старого порядка[37]. Вновь подвергались суровой критике литература и философия французского просвещения[38]. И хотя российский историк всё же уделял необходимое внимание социальным причинам революционных потрясений, а также находил ряд позитивных достижений в деятельности национального и учредительного собрания в 1789-1791 гг., его позиция оставалась достаточно консервативной[39]. «Французская революция, вызванная местными нуждами и страстями <…> получила характер политического эксперимента, попытки построить образцовый, для всего мира пригодный государственный порядок по отвлеченным началам разума, – резюмировал историк[40]. – Из этих начал революция всего настойчивее пыталась осуществить наименее осуществимое начало народовластия, жертвуя ему сперва равенством, потом свободой. Но так как революционное движение шло сверху вниз <…> то действительным результатом движения было значительное политическое уравнение общества, между тем как свобода и народовластие погибли среди террора и под гнетом военной диктатуры»[41]. Борьба с этой диктатурой во главе с Наполеоном Бонапартом – непосредственным порождением революции – стала концом российского «ученичества». Отказавшись воспринять идеи французского просвещения и революции и даже возглавив борьбу против их последствий, Россия встала на собственный путь развития и с тех пор начала представлять собой совершенно особое, уникальное явление в рамках европейской «цивилизации». Более того, по мнению историка, в России XVIII–XIX вв., по мере сближения с Западной Европой, все «труднее становились проявле-

---

[37]Ср.: Де Местр 1997. С. 14-17, 24-26 и Ключевский 2012. С. 143-146, 358.

[38] Ключевский 2012. С.252-254.

[39] В данном случае важно принять во внимание то обстоятельство, что учеником Ключевского являлся великий князь Георгий Александрович, что требовало от историка определенной политической осторожности.

[40] В этом отношении характеристика французских политических учений эпохи Просвещения, данная Ключевским оказалась крайне близка точке зрения Э. Бёрка. Ср., например: Бёрк 2001. С. 380-396 и Ключевский 2012. С. 252-255.

[41]Ключевский 2012. С.275-276.

ния народной свободы». Из уст Ключевского студенты могли услышать и такую резкую характеристику новой европеизированной России двух последних веков: это была страна «гвардейских казарм, правительственных канцелярий и барских усадьб»[42].

Вслед за темой «истоков» и «самобытности» Ключевский обратился к другому важному компоненту национальной идеологии – образу «исторического» врага[43]. И в данном случае его цель была весьма непростой – доказать, вопреки расхожему мнению националистов-почвенников, что конфликты России и европейских стран не имели эпохального или цивилизационного характера и не являлись свидетельством их принципиальной несовместимости. Ключевский писал: «Европа встретила вступление России в ее общую жизнь враждебно. Причина понятна: господствовавшее доселе в исторической Европе племя германское со времени вступления России в общую жизнь потеряло свою монополию делать историю»[44]. Таким образом, историк пытался объяснить существовавшую напряженность в отношениях между Россией и некоторыми европейскими странами. А развивая свою мысль, он доказывал, что конкуренция и борьба за влияние между европейскими государствами, как и столкновение амбиций их правителей и военачальников наблюдались на протяжении всей истории и не были связаны исключительно с Россией.

Исторический враг России, доказывал Ключевский, находился за пределами Европы. Им была Османская империя – чужое и враждебное государство не только для России, но и для всей «цивилизации». «В то время как французское правительство действовало в Константинополе против России, вожди общественного мнения желали России успеха над Турцией, ибо это было торжество цивилизации над варварством, их идей», – был уверен Ключевский[45]. Что же касается темы «русской угрозы», которая особенно активно культивировалась в немецкой литературе 1860–1870-х гг., то Ключевский старался, по возможности, противодействовать бытованию негативных стереотипов о России, доказывая, что «страх Западной Европы пред завоевательностью России не имеет смысла», поскольку завоевательность России неизменно «уничтожалась громадностью пространств»[46].

Двоякое отношение Ключевского к зарубежной историографии и публицистике заслуживает особого внимания. С одной стороны, историк часто критиковал иностранных, особенно германских ученых за однобокое освещение исторического процесса, в котором «славянскому племени» не уделялось должного внимания. Они «стараются доказать,

---

[42] Ключевский 1997. С. 50.

[43] Об этом и других стереотипах в историографии нового времени см.: Вжосек 2010. С. 5-13.

[44] Ключевский 2012. С. 26.

[45] Ключевский Там же. С. 51.

[46] Ключевский Там же. С. 45.

что все новое в европейской истории вынесено в своих началах из лесов Германии», писал Ключевский, и пренебрегают «трудом славянского племени для европейской цивилизации»[47]. Поэтому задачей «славянских учёных» Ключевский провозглашал «рассеять эту односторонность, обратить внимание на значение своего племени в европейской истории», чем недвусмысленно призывал коллег занять активную позицию в процессе формирования национальной идентичности.

С другой стороны, Ключевский активно использовал труды зарубежных историков при подготовке своего курса. На то указывают как прямые ссылки на привлеченный материал из работ Л. Ранке, Г. Вебера, Ф. Минье, Р. Гейссера и др., так и ряд концептуальных заимствований. В частности, в разделе, посвященном истории английских колоний в Северной Америке, Ключевский воспроизвел характерное для континентальной (французской и немецкой) историографии XIX в. мнение о том, что большинство колонистов состояло из «промотавшихся джентльменов», «беспорядочных людей», «сброда» и преступников самых низких моральных качеств, практиковавших даже «покупку жён» друг у друга[48]. Такая точка зрения не только сегодня считается несостоятельной, но и в XIXв. не имела под собой серьезных оснований, за исключением предвзятого отношения ряда европейских историков, писателей и публицистов к США и всему, что связано с этим государством.

Другой воспринятой из европейской литературы идеей стал классический европоцентризм – противопоставление «цивилизованного» Запада «варварскому» Востоку. Воспроизводя устоявшиеся национальные и расовые мифы эпохи, российский историк наделял всё «азиатское» исключительно негативными коннотациями: противопоставлял «европейское» качество «азиатскому» количеству, «восточное» рабство – «европейской» свободе и т.д. В этом Ключевский не был оригинален, хотя интересно отметить, что сам он не использовал в тексте характерного для европейской науки понятия «раса», заменяя его идентичным по содержанию термином «племя»[49]. И что немаловажно, Россия недвусмысленно позиционировалась им в качестве лидера «славянского племени», наиболее развитого его представителя.

Из расового дискурса европейских стран Ключевский также заимствовал концепцию «цивилизаторской миссии». Как было отмечено выше, он видел в России больше, чем часть европейской «цивилизации» – её активного носителя и распространителя. Вот что он, в частности, писал о последствиях завоевания Крыма: «Внимание России после первой турецкой войны сосредоточилось на юге, на возрождении южной пустыни, что

---

[47] Ключевский Там же. С. 26.

[48] Ключевский Там же. С. 90.

[49] Подробнее о смысловом наполнении понятия «раса» в XIX в. см.: Нохрин 2013. С. 103-108.

составляет блестящую страницу в общеевропейской истории. Цивилизаторской деятельностью на юге, а не капризами ребенка знаменит Потемкин и занимает почтенное место в европейской истории»[50]. По своему пафосу риторика Ключевского, в данном случае не отличалась от сочинений европейских авторов о колонизированных регионах Азии и Африки.

В контексте «цивилизаторской миссии» России интересно обратить внимание на то место, которое занимала в лекциях Ключевского история Польши. Выстраивая собственное повествование о ней, российский историк оказывался в сложной ситуации. С одной стороны, Польша, без сомнения, принадлежала к «славянскому племени» и уже хотя бы в силу этого должна была входить в число «своих». Но с другой стороны, разделы Польши 1772, 1793 и 1795 гг., в которых Россия приняла активное участие, сложно было назвать политикой, приемлемой по отношению к «своим». Это противоречие Ключевский преодолел при помощи идей прогресса и «цивилизации». В своих лекциях он последовательно доказывал, что к середине XVIII в. Польша значительно отстала в развитии от своих соседей, свидетельством чему являлись религиозный фанатизм населения, массовые преследования иноверцев и слабость государственной власти (что наблюдалось в Западной Европе в XVI и XVII вв., но уже стало достоянием истории в XVIII в.). И европейское, и российское, и даже само польское общественное мнение осуждало такое положение дел и требовало перемен. Однако внутри Польши не нашлось сил, которые смогли бы придать стране импульс к развитию. Преследования инакомыслящих и неразбериха в политической жизни продолжались, вызывая негодование и русских, и европейцев. Польское государство умирало[51]. В этой ситуации раздел Польши и присоединение её восточной части к России стали не актом агрессии, но спасением значительной части её населения от бесправия, репрессий или даже физического уничтожения. Соответственно, и вся политика России в «польском вопросе» стала триумфом достижений европейской «цивилизации»: свободы, веротерпимости, развитой государственности, что ставило её в один ряд с победами в «восточном вопросе».

Поиск характерных черт для описания «своего» не менее важен для развития национальной идентичности, чем создание образа «чужого». Наибольшие симпатии среди всех европейских стран Ключевский испытывал по отношению к Франции. Ученый часто сравнивал её прошлое с историей России, проводил аналогии в деятельности правителей двух стран и полагал, что именно французская общественно-политическая мысль оказала наибольшее влияние на развитие российской культуры[52]. Разделам, посвященным истории Франции, Ключевский уделил гораздо

[50] Ключевский В.О. 2012. С. 53.
[51] Там же. С. 49-51, 141-142.
[52] Там же. С. 251.

больше внимания, чем остальным, да и в структуре лекций материал о Франции неизменно располагался в самом начале. Причины такого отношения, вероятно, крылись в сходстве социально-политических систем двух стран: абсолютные монархии с разветвленным и централизованным административным аппаратом, сословной структурой общества, заметно отстававшие в развитии капитализма и товарно-денежных отношений.

Хотя причина могла быть и иной. Ключевский никак не объяснял своё повышенное внимание именно к истории Франции, но логика построения и изложения материала лекций явно указывала на его стремление познакомить студентов с историей именно этой страны, причем с намерением вынести некоторые «уроки» для России. Даже тема революции конца XVIII в. – события, которое Ключевский, фактически, оценивал негативно, – раскрывалась в категориях поучения таким образом, будто «вина» за произошедшее в значительной степени лежала на философах-«софистах» XVIII в., недальновидных, духовно деградировавших придворных и демагогах вроде Робеспьера[53]. Независимо от причин такого повышенного внимания, незримо проводившаяся связь между Францией и Россией помогала, в конечном итоге, Ключевскому методом аналогий доказывать принадлежность России к европейской цивилизации и вновь доказывать, таким образом, её национальную состоятельность.

Социально-политическая позиция историка, отраженная в его лекционных курсах, свидетельствовала о критическом отношении и, можно сказать, органическом неприятии Ключевским такого исторического феномена как революция. Он рассматривал революционный процесс, как признак разложения общественных начал, как силу, расшатывающую основы любой государственности. Открытое выражение профессионального мнения историка впоследствии стало причиной его резкой критики в советской историографии. И исследователям-публикаторам научного наследия Ключевского приходилось вырабатывать своеобразную стратегию по реабилитации «буржуазного» историка Ключевского, чтобы сделать возможным введение его архивных материалов в научный оборот.

Конечно, в ракурсе предложенного взгляда на лекции историка по всеобщей истории, было бы большим преувеличением считать Ключевского одним из проводников русского национализма второй половины XIX в. Как и трудно назвать его лекции по истории Западной Европы ответом Н.Я. Данилевскому и единомышленникам, предлагавшим совсем иной вариант национальной идеологии для России. Свою позицию «историка-реалиста», под критическим углом зрения преподносившего многие страницы прошлого своего отечества, он выразит более всего в университетском курсе лекций по истории России. В некотором смысле концепция историка строилась на убеждении, что воспитание способности у своих подопечных критически оценивать явления своей собствен-

[53] Там же. С. 143, 145-150.

ной и европейской истории является залогом формирования их национального самосознания. Аудитория Ключевского, слушавшая лекции по истории Западной Европы, была сравнительно небольшой, их содержание оказалось недоступным для широкой публики до начала XXI в. Однако сегодня, после публикации книги, подготовленной Р.А. Киреевой, мы можем по-новому взглянуть на творчество знаменитого российского историка, отметить его активную и оригинальную позицию по проблемам всеобщей истории, в контексте которой он попытался представить исторический путь и национальную идентичность России. Творческий портрет историка, таким образом, становится полнее и многограннее.

БИБЛИОГРАФИЯ

Базанов М.А., Богомазова О.В. Замыслы осуществленные и неосуществленные: А.А. Зимин и М.В. Нечкина в работе над монографиями о В.О. Ключевском // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 47. № 23 (238). 2011.

Барсов Елпидифор. Мнение В.О. Ключевского о Максиме Горьком // Московский журнал: История государства российского. 1991. № 11.

Бёрк Э. Правление, политика и общество. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. 480 с.

Вжосек В. Классическая историография как носитель национальной (националистической) идеи // Диалог со временем. 2010. Вып. 30. С. 5-13.

Герье В.И. Идея народовластия и Французская революция 1789 года. М.: Книжный дом «Либроком», 2011.

Де Местр Ж. Рассуждения о Франции. М.: РОССПЭН, 1997.

Зимин А.А. Формирование исторических взглядов В.О. Ключевского в 60-е годы XIX в. // Исторические записки, 1961. Т. 69.

Зимин А.А. Храм науки // Судьбы отечественного наследия отечественных историков второй половины XX века / Сост. А.Л. Хорошкевич. М.: Аквариус, 2015.

Исторический факультет. Внимание: благотворительная акция в Год российской истории. Памяти В.О. Ключевского посвящается. URL: http://ist.spu-penza.ru/novosti/novosti/article/vnimanie-blagotvoritelnaja-akcija-v-god-rossiiskoi-is-1/

Киреева Р.А. «История европейского человечества» (Лекции по истории Западной Европы в связи с историей России) // Лекции по истории Западной Европы в связи с историей России / Под ред. Р.А. Киреевой; ИРИ РАН. М.: НП ИД «Русская панорама», 2012. 504 с. +16 с. вкл.

Киреева Р.А. А.С. Лаппо-Данилевский о русской историографии // Клио. 2013. № 12 (84).

Киреева Р.А. В.О. Ключевский как историк русской исторической науки. М.: Изд-во Наука, 1966.

Киреева Р.А. Государственная школа: историческая концепция К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. М., 2004.

Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М.: Наука, 1983. 214 с.

Киреева Р.А. К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М.: Наука, 1990. 269 с.

Киреева Р.А. Профессорский дебют В.О. Ключевского // Ключевский В.О. Лекции по русской истории, читанные на Высших женских курсах в Москве в 1872-1875 гг. / Под ред. Р.А. Киреевой, А.Ф. Киселева. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997.

Ключевский В.О. Лекции по истории Западной Европы в связи с историей России / Под ред. Р.А. Киреевой; ИРИ РАН. М.: НП ИД «Русская панорама», 2012. 504 с. +16 с. вкл.

Ключевский В.О. Лекции по русской истории, читанные на Высших женских курсах в Москве в 1872-1875 гг. / Под ред. Р.А. Киреевой, А.Ф. Киселева. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. 816 с.

Ключевский В.О. Неопубликованные произведения / Предисл. М. В. Нечкиной; Состав., послесл. и коммент. Р.А. Киреевой, А.А. Зимина. М.: Наука, 1983. 416 с.

Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М.: Наука, 1968. 525 с.

Милюков П.Н. В.О. Ключевский // Очерки истории исторической науки. М., 2002.

Нохрин И.М. Понятия раса и нация в общественно-политической жизни Британской империи // Челябинский гуманитарий. 2013, № 4.

REFERENCES

Bazanov M.A., Bogomazova O.V. Zamysly osushhestvlennye i neosushhestvlennye: A.A. Zimin i M.V. Nechkina v rabote nad monografijami o V.O. Kljuchevskom // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 47. № 23 (238). 2011.

Barsov Elpidifor. Mnenie V.O. Kljuchevskogo o Maksime Gor'kom // Moskovskij zhurnal: Istorija gosudarstva rossijskogo. 1991. № 11.

Bjork Je. Pravlenie, politika i obshhestvo. M.: «KANON-press-C», «Kuchkovo pole», 2001.

Vzhosek V. Klassicheskaja istoriografija kak nositel' nacional'noj (nacionalisticheskoj) idei // Dialog so vremenem. 2010. Vyp. 30.

Ger'e V.I. Ideja narodovlastija i Francuzskaja revoljucija 1789 goda. M.: Knizhnyj dom «Librokom», 2011.

De Mestr Zh. Rassuzhdenija o Francii. M.: ROSSPJeN, 1997.

Zimin A.A. Formirovanie istoricheskih vzgljadov V.O. Kljuchevskogo v 60-e gody XIX v. // Istoricheskie zapiski, 1961. T. 69.

Zimin A.A. Hram nauki // Sud'by otechestvennogo nasledija otechestvennyh istorikov vtoroj poloviny XX veka / Sost. A.L. Horoshkevich. M.: Akvarius, 2015.

Istoricheskij fakul'tet. Vnimanie: blagotvoritel'naja akcija v God rossijskoj istorii. Pamjati V.O. Kljuchevskogo posvjashhaetsja. URL: http://ist.spu-penza.ru/novosti/novosti/ article/vnimanie-blagotvoritelnaja-akcija-v-god-rossiiskoi-is-1/

Kireeva R.A. «Istorija evropejskogo chelovechestva» (Lekcii po istorii Zapadnoj Evropy v svjazi s istoriej Rossii) // Lekcii po istorii Zapadnoj Evropy v svjazi s istoriej Rossii / Pod red. R.A. Kireevoj; IRI RAN. M.: NP ID «Russkaja panorama», 2012. 504 s. +16 s. vkl.

Kireeva R.A. A.S. Lappo-Danilevskij o russkoj istoriografii // Klio. 2013. № 12 (84).

Kireeva R.A. V.O. Kljuchevskij kak istorik russkoj istoricheskoj nauki. M.: Nauka, 1966.

Kireeva R.A. Gosudarstvennaja shkola: istoricheskaja koncepcija K.D. Kavelina i B.N. Chicherina. M., 2004.

Kireeva R.A. Izuchenie otechestvennoj istoriografii v dorevoljucionnoj Rossii s serediny HIH v. do 1917 g. M.: Nauka, 1983.

Kireeva R.A. K.N. Bestuzhev-Rjumin i istoricheskaja nauka vtoroj poloviny XIX v. M.: Nauka, 1990. 269 s.

Kireeva R.A. Professorskij debjut V.O. Kljuchevskogo // Kljuchevskij V.O. Lekcii po russkoj istorii, chitannye na Vysshih zhenskih kursah v Moskve v 1872-1875 gg. / Pod red. R.A. Kireevoj, A.F. Kiseleva. M.: Gumanit. izd. centr VLADOS, 1997. 816 s.

Kljuchevskij V.O. Lekcii po istorii Zapadnoj Evropy v svjazi s istoriej Rossii / Pod red. R.A. Kireevoj; IRI RAN. M.: NP ID «Russkaja panorama», 2012. 504 s. +16 s. vkl.

Kljuchevskij V.O. Lekcii po russkoj istorii, chitannye na Vysshih zhenskih kursah v Moskve v 1872-1875 gg. / Pod red. R.A. Kireevoj, A.F. Kiseleva. M.: Gumanit. izd. centr VLADOS, 1997. 816 s.

Kljuchevskij V.O. Lekcii, chitannye na Vysshih zhenskih kursah v Moskve 1872-1875. Pod red. R.A. Kireevoj i A.F. Kiseleva. M., 1997.
Kljuchevskij V.O. Neopublikovannye proizvedenija / Predisl. M. V. Nechkinoj; Sostav., poslesl. i komment. R. A. Kireevoj, A. A. Zimina. M.: Nauka, 1983. 416 s.
Kljuchevskij V.O. Pis'ma. Dnevniki. Aforizmy i mysli ob istorii. M.: Nauka, 1968.
Kljuchevskij V.O. Pis'ma. Dnevniki. Aforizmy i mysli ob istorii. M., 1968.
Miljukov P.N. V.O. Kljuchevskij // Ocherki istorii istoricheskoj nauki. M., 2002.
Nohrin I.M. Ponjatija rasa i nacija v obshhestvenno-politicheskoj zhizni Britanskoj imperii // Cheljabinskij gumanitarij. 2013, № 4.
Sankt-Peterburgskij filial Arhiva Rossijskoj akademii nauk (PFA RAN). F. 934. Op. 3. D. 71. L.64-71.

Алеврас Наталия Николаевна, *доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России и зарубежных стран Историко-филологического факультета Челябинского государственного университета; vhist@mail.ru*

Нохрин Иван Михайлович, *кандидат исторических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений Историко-филологического факультета Челябинского государственного университета; ivan-nokhrin@yandex.ru*

Богомазова Ольга Викторовна, *кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории России и зарубежных стран Историко-филологического факультета Челябинского государственного университета; olga-bogomazova@mail.ru*

Opening unknown Klyuchevsky: the historian as creator of national ideas
(the edition of V.O. Klyuchevsky's lectures on the history of Western Europe)

The authors refer to such an event of national historiography, which has become a fact of modern editions of V.O. Klyuchevsky's lectures on universal history, prepared by renowned historian R.A. Kireeva. For the first time before the scientific community appeared in educational texts of V.O. Klyuchevsky, allowing to reconstruct the system of his understanding of Western European history of the XVII-XVIII centuries. In the first part of the article focuses on the analysis publikatorskoj activity R.A. Kireeva, while the second introduces the interpretation of the views of V.O. Klyuchevsky on the political history of Western Europe. Putting quite diverse tasks, the authors believe in the inextricable scientific historiographical context historians of different times of pre – revolutionary and modern. Historiographical interests and creative efforts of each successive generations of historians allow to store in a modern national consciousness the memory and knowledge about the history of the predecessors and the history of science, which gives a special importance to the work on the publication of previously unreleased archives of scientific researchers.

Keywords: historiography, V.O. Klyuchevsky, R.A. Kireeva, Russia, Europe, General history, national idea, commemoration, national identity.

Natalia Alevras, *D.Sc. (History), Professor of the Department of Russian and foreign countries, Historical-philological faculty of the Chelyabinsk state University; vhist@mail.ru*

Ivan Nohrin, *Ph.D. (History), Associate Professor of political science and international relations, Historical-philological faculty of the Chelyabinsk state University; ivan-nokhrin@yandex.ru*

Olga Bogomazova, *Ph.D. (History), Lecturer of the Department of Russian and foreign countries, Historical-philological faculty of the Chelyabinsk state University; olga-bogomazova@mail.ru*

Н. А. Селунская

«СВОЯ» И «ЧУЖАЯ» ИСТОРИЯ ИСТОРИКИ-МЕДИЕВИСТЫ МЕЖДУ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ И СОЦИАЛЬНЫМИ ПОТРЯСЕНИЯМИ*

«Национальная идентичность» и «историческая память» – интеллектуальные концепты, которые вырабатывались интеллектуалами и историками, и позже ими же подвергались деконструкции. Естественным выбором при анализе этих концептов видится работа с казусами интеллектуальных биографий, с «историей историков». Автору представляется важным сосредоточить усилия на изучении последних поколений историков, пользовавшихся этим концептом в смысле ре-конструирования, а не де-конструирования понятия. Особым исследовательским интересом стали биографии историков-медиевистов и итальянистов. Притягательность этих казусов биографий в качестве объекта изучения связана частично со специализацией автора, но частично и с тем, что представители школ медиевистики (как в первой половине XX столетия, так и позже), действительно, являлись авторитетами для всей корпорации историков своей страны, умели переключаться на другие, более поздние периоды истории, а также остро реагировали на вызовы современного им мира.

Ключевые слова*: *историческая память, идентичность историка, интеллектуальная биография, медиевистика, итальянистика.

«...Теории и школы – те же микробы или кровяные шарики: пожирают одна другую – и от этого зависит непрерывность бытия».
Марсель Пруст. Содом и Гоморра.

В центре настоящего исследования – интеллектуальные биографии медиевистов начала XX в. и те роли, которые вольно или невольно играли историки в социальном поле и поле науки на протяжении десятилетий с рубежа XIX–XX вв. и вплоть до окончания Второй мировой войны и первых мирных лет. Само понятие «интеллектуальная биография», разумеется, неоднозначно и подразумевает различные трактовки. Кроме того, в сходных по тематике исследованиях (относительно интеллектуалов первой половины XX в.) некоторые современные авторы не употребляют термин интеллектуальная биография (как не употребляли его в сам изучаемый период), другие же делают его ключевым[1].

В университетских курсах и на университетских сайтах (как российских, так и зарубежных) этот термин присутствует, в обосновании специальных курсов, которые нацелены на обучение описанию интеллектуальной биографии, обычно приводятся объяснения, что такой подход требует изучения интеллектуальной и творческой активности инди-

*Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 13–06–00301а), а также в рамках проекта «Историческая память как фактор национальной идентичности: опыт сравнительно-исторического исследования» по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность».

[1] См., например: Caldwell 2004; Caserta 1983.

вида, а также взаимосвязей между «жизнью» и «творческой работой» интеллектуала, а, кроме того, анализа исторического значения интеллектуального наследия[2]. Думаю, последний пункт, как и оценка по какой-либо шкале «высоты» интеллектуального труда моих героев, не являются принципиально значимыми. Связь же между интеллектуальной академической активностью, общественной и просветительской деятельностью и просто обстоятельствами бытовой жизни историков-интеллектуалов представляется мне крайне важной темой изучения, как и широта спектра интересов интеллектуала.

Пользуясь определениями Пьера Бурдье, можно сказать, что речь идет о связи полей: например, поля науки и поля литературы (журналистики) с полем политики[3]. С одной стороны, исследования по теме идентичности историков должны углубляться в вопросы истории исторических дисциплин, с другой стороны, такие изыскания затрагивают самые болезненные точки пересечений социально-политического и общественного с индивидуальным и интеллектуальным. Характеристики и классификации особенностей идентичности той или иной группы, общности – это статика, а эволюция научных взглядов и складывание школ историографии – даны в динамике процессов. Как возможно объединить и то, и другое в одном ракурсе, в поле зрения исследователя?

Интеллектуальная история – это не только и не столько «история интеллектуалов», как предполагает Википедия, сколько система подходов и методов изучения взаимодействия социального, политического и интеллектуального поля, хотя центром этой системы вполне может быть казус интеллектуальной биографии[4]. Итальянистика и итальянисты – сложный объект исследования, который весьма подходит для изучения именно с позиции интеллектуальной истории, принятия такой исследовательской стратегии или видения (или же, используя итальянский термин – ottica). Интеллектуальная история – это, разумеется, не просто истории про интеллектуалов, не просто подробности биографии или curriculum vitae, но способы конструирования интеллектуальной идентичности – один из важных моментов изучения в рамках этого подхода. В сфере внимания интеллектуальной истории не один центр притяжения, наоборот, непременное условие работы метода – анализ одних и тех же аспектов в разных контекстах.

Представляется научно плодотворным проследить ряд сюжетов, связанных с проявлениями идентичности интеллектуала, представителя классического гуманитарного знания – итальяниста, медиевиста, не

---

[2] См., например, подготовленный для университета Орегона курс Intellectual Biography Guidelines (Spring 2004, “Women Thinking) // http://pages.uoregon.edu/eherman/teaching/460/s04%20intellectual%20biography%20guidelines.htm

[3] См., например: Бурдьё П. Поле политики…

[4] Репина 2008; 2011.

только в рамках собственно академической активности, не столько в плане совершенствования успехов в своей исторической дисциплине, но в более обширной сфере деятельности. Я подразумеваю не просто интеллектуала-историка, владеющего спектром смежных гуманитарных компетенций и познаний, например, навыками в области юридических и филологических наук. Интеллектуальная биография существует не только в рамках собственно академической активности, исторической науки, но в различных полях деятельности, в разных жизненных обстоятельствах и социально политических контекстах[5].

Прежде всего, важно увидеть проявления социальной и политической активности интеллектуала в кризисные моменты эпохи, в связи с переломными периодами истории, временем поисков национальной идентичности, крушения и создания новой государственности. В данном отношении XX век демонстрирует чудеса: академичные, дабы не сказать аутичные, сконцентрированные на тонкостях изучения архивных материалов источниковеды, становятся популяризаторами, пишут для максимально широкой аудитории, легко переключаются не только на новые сюжеты исследования в рамках исторической дисциплины, но выходят в иные сферы деятельности, например, занимаясь литературоведением и публицистикой. Особенно любопытна в этом смысле судьба привилегированных «придворных» историков, влиятельных и имеющих массу зависимых протеже «баронов» научного мира, которые вольно или невольно должны заниматься массой сюжетов, контролировать идеологическую направленность работ по нескольким направлениям, заниматься учебниками, учебным процессом и энциклопедиями. По иронии судьбы такова же участь самых маргинальных и ущемленных – лишенных работы и пораженных в правах у себя на родине или же беженцев, эмигрантов, которые вынуждены браться за любую работу, не могут держаться избранной специализации и узких профессиональных рамок по жестокой необходимости. Нередко именно это приносит известность, если не славу таким подневольным работникам.

Меня, прежде всего, интересует историк, который находится на границах культур, преодолевает препятствия и барьеры, раздвигая, в т.ч., и границы собственного опыта (осуществляет зарубежные поездки, научные экспедиции или, наконец, эмиграцию). В то же время, можно предположить, что, даже не покидая родных мест, но встречаясь с вызовами эпохи, историк, кабинетный ученый, меняет свою идентичность коренным образом в моменты социальных кризисов и глобальных перемен. В тот исторический момент – перед назревающими мировыми войнами и в межвоенный период, когда вопросы строительства государства и национальной идентификации обсуждались и на уровне политического дискурса, и с точки зрения обывателя, историки, интеллектуалы, есте-

[5] Репина 2013.

ственно, тоже не могли обойти вниманием эти вопросы, ни в публицистических дискуссиях, ни собственно в академической сфере.

Нет ничего странного в том, что в Италии влиятельными интеллектуалами являлись специалисты по «отечественной» средневековой истории, ведь этот период – время великой славы Италии, а образование, которое требуется специалисту-медиевисту, действительно отличается высоким стандартом, предполагает обучение, как древним, так и новым языкам, и широкую эрудицию. Получившие блестящее образование итальянисты и медиевисты представляли в Италии сам цех историков в буквальном смысле слова: являясь лидерами профсоюзов, сотрудничая в прессе, в энциклопедических трудах. Не удивительно, что интерес к истории средних веков и попытки возвести современные феномены к средневековым корням, имели место в Италии.

Но и в России именно итальянистика (романистика) была необыкновенно привлекательна для интеллектуалов и для читающей публики – это был повод к обсуждению республиканских идеалов, правовых основ, самой идеи свободы, но не в меньшей степени и вопросов средневековой истории церкви и религиозности в Европе и Италии, «стране святых чудес»[6]. Кроме того, романистика и медиевистика, если брать специализацию по историческому периоду, была на высоте, создалась целая школа блестящих ученых, избравших такую специализацию, причем ученых, активных на общественном поприще.

Можно выделить, говоря об интересующем нас начале века, группу образованных молодых людей, близких по социальному происхождению (выходцев из небогатых, но привилегированных семей) и годам рождения: 1870 – начало 1880-х гг. Для большинства из этой плеяды, как и для родоначальников школы медиевистики в России, были характерны интернациональные корни и, в той или иной степени, либеральные взгляды.

Общими «прародителями» для этих ученых-медиевистов можно счесть В.И. Герье и И.М. Гревса.

Владимир Иванович Герье (1837–1919) –член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук (1902), профессор всеобщей истории Московского университета, родился в семье потомков выходцев из Германии, приехавших в Россию в конце XVII в. и полностью обрусевших. Будучи сторонником конституционной монархии, он все же слыл либеральным профессором, вступаясь за опальных студентов и настаивая на неприкосновенности внутриуниверситетской жизни.

---

[6] Это выражение «страна святых чудес» употребил славянофил А.С. Хомяков, назвавший в своем стихотворении «Мечта» (опубл. в 1835 г.) Западную Европу («дальний Запад», «Запад величавый») «страной святых чудес». Достоевский неоднократно использовал в своих произведениях то же выражение, например, в «Дневнике писателя»: «О, знаете ли вы господа, как дорога нам, мечтателям-славянофилам… Европа, эта “страна святых чудес»!.. Европа нам второе отечество, – я первый страшно исповедаю это и всегда исповедовал».

Иван Михайлович Гревс (1860–1941) – историк-медиевист, специалист по истории Римской империи, педагог, краевед и, как и Герье, общественный деятель. Теоретик и проводник экскурсионного метода в преподавании истории, выходец из дворянского рода с шотландскими корнями. И.М. Гревс лично принимал участие в политическом студенческом движении и в народовольческих кружках.

И.М. Гревс и В.И. Герье дали научной специализации по медиевистике массу тем. В паре учитель-ученик была задана модель если не соперничества, то ухода ученика, несмотря на общность исследовательских интересов, на собственную стезю и разрыва с учителем из-за стилистических и методологических разногласий. Для дальнейшего развития русской итальянистики и романистики характерна такая модель: с Гревсом перестанут находить общий язык более молодые коллеги-итальянисты Карсавин, Оттокар и Бицилли, хотя все они (так же, как и О.А. Добиаш, А.Н. Шебунин, Л.Я. Ганчиков) вышли в научную жизнь благодаря семинарским занятиям Гревса и его личному участию в их судьбе.

Особое положение занимает в ряду медиевистов русской дореволюционной школы Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская (1874–1939), первая женщина Российской империи, получившая ученую степень по истории и статус преподавателя, специалист в области романистики, медиевистики, палеографии и писательница, член-корреспондент АН СССР. Добиаш родилась в семье профессора-эллиниста, семья отца была чешского происхождения. Талантливая девушка получала образование на Бестужевских курсах, где училась (1895–1899) у профессора И.М. Гревса, но в 1899 г. за участие в политических волнениях студентов была из курсов исключена. После хлопот профессоров учеба была продолжена, а затем, по приглашению Гревса, выпускница сама служила на Высших женских курсах (Бестужевских), с 1907 г. – преподавателем, с 1916 – профессором. В 1908–1911 гг. она была в научной командировке во Франции, подготовила диссертацию «La vie paroissiale en France au XIII-e siècle d'après les actes episcopaux» и получила степень доктора Парижского университета (1911). По возвращении на родину Ольга Антоновна защитила магистерскую диссертацию «Церковное общество во Франции в XIII в.», а в 1918 г. ей было присвоено звание доктора всеобщей истории за диссертацию «Культ св. Михаила в латинском средневековье». Итальянистика не была специализацией Добиаш, но в сферу ее работы по истории средневековой европейской культуры и специально по истории письма, по истории паломничеств и Крестовых походов, входили итальянские сюжеты, а также и по линии изучения истории церковного прихода возникали мотивы, связанные с итальянским средневековьем.

В принципе, можно сказать, что фигура Добиаш стоит в изучаемом ряду медиевистов особняком, с другой стороны именно эта фигура важна как связующее звено между дореволюционной и постреволюционной эпохами (а также как свидетельство успешного развития системы обра-

зования дореволюционной России, начинавшей включать одаренных женщин и представителей небогатых семей, эта тенденция смогла сказаться в полную силу после революции). Добиаш не разочаровалась ни в ученом наставнике своей юности, ни в реалиях жизни послереволюционной России, хотя и подвергалась в советское время нападкам за «идеализм». Но, если рассматривать эту ситуацию внимательнее, становится понятным, что интеллектуалы дореволюционной России, в сущности, поставили на себе удивительный и наглядный опыт: обладая сходным багажом знаний, представлений и компетенций, они приобрели опыт интеграции в различные культурные среды. При этом представители этого очень узкого слоя, даже лучше сказать, тесного круга интеллектуалов, продемонстрировали такие черты, которые должны были содержаться в коллективном опыте корпорации, но могли различным образом реализоваться в новых и подчас критических условиях.

Медивисты, ровесники Добиаш, которые принадлежали той же дореволюционной школе, и предпочли эмиграцию, весьма несхожи между собой, и их опыт жизни и карьеры на чужбине был различным, но это не отменяет их общих корней и опыта. Забугин Владимир Николаевич (род. в 1880 г.), закончив университет, был командирован Академией наук в Италию, где приобрел не только профессиональный, но и особый духовный опыт, сблизился с представителями традиции византийского обряда, в 1907 г. конвертировался в католичество и постоянно жил в Италии еще до революции в России, при этом кратко возвращаясь на родину и время от времени публикуясь на русском. Этот самобытный ученый и религиозный деятель, успевший стать кардиналом Римской церкви, трагически погиб молодым в Альпах 14 сентября 1923 г., но успел оставить свой яркий след в медиевистике.

Николай Петрович Оттокар (1884–1957), русский и итальянский историк-медиевист, проректор (1917), декан историко-филологического факультета, ректор (1918–1919) Пермского университета. Несомненно, что научные интересы О.А. Добиаш-Рождественской и Н.П. Оттокара, писавшего в до-эмигрантский период работу, посвященную церковному приходу и институту opera seu fabrica, пересекались. Далее по несчастному стечению обстоятельств, Оттокар, уезжая из Европы в начале Мировой войны, потерял большую часть уже готовой работы и скопированных источников, в результате молодой ученый вынужден был переключиться на другую тему, и избрал французский город, что еще более сблизило интересы двух ученых. Оттокар защитил в Петербургском университете диссертацию на тему «Опыты по истории французских городов в средние века». Его официальными оппонентами, а также участниками обсуждения диссертации были И.М. Гревс, О.А. Добиаш-Рождественская и Л.П. Карсавин. С 1922 г. и до самой смерти в 1957 г. провел в эмиграции, в основном во Флоренции, преподавая в университете и занимаясь историей средневековой коммуны Тосканы.

Лев Платонович Карсавин (1882–1952) – более всего известный как религиозный философ, получил образование как историк-медиевист и итальянист. Происходил Карсавин из артистической среды, чем отличался от большинства членов цеха итальянистов, принадлежавших к университетским семьям или привилегированному классу. Своим формированием в качестве историка был обязан, прежде всего, профессору Гревсу, семинарий которого посещал, однако ни о какой преемственности речи не шло, сам Карсавин не считал первого учителя образцом для подражания, а наставнику не была близка ни та тенденция, которая сказалась в магистерской работе ученика, ни тем более, та, что проявилась в его докторской диссертации. Магистерская диссертация-монография «Очерки религиозной жизни в Италии XII–XIII веков» (1912; защитил в 1913 г.), докторская диссертация – «Основы средневековой религиозности в XII–XIII вв., преимущественно в Италии». С 1909 г. Карсавин преподавал в Историко-филологическом институте и на Высших женских (Бестужевских) курсах; надо отметить, что такую активность вслед за учителем проявляли многие ученики Гревса. С 1912 г. Карсавин – приват-доцент Петербургского университета, с 1916 – профессор (с 1916). С 1922 г. в эмиграции в Берлине, затем в Каунасе.

Петр Михайлович Бицилли (1879–1953) – историк-медиевист, а также литературовед и литературный критик, профессор Новороссийского и Софийского университетов. В 1912 г. в Петербургском университете защитил диссертацию на тему «Салимбене. Очерки итальянской культуры XIII века», после чего стал приват-доцентом, а потом и экстраординарным профессором Новороссийского университета в Одессе. Преподавал историю Западной Европы на Одесских высших женских курсах. Один из последних учеников Бицилли, О.Л. Вайнштейн (1894–1980), станет известным исследователем средних веков в науке советского периода. То, что именно учебник Вайнштейна по истории науки, истории историографии был в ходу в советских профильных вузах, играло важную роль в процессе формирования студентов-историков[7].

Таков круг интеллектуалов, прежде всего, воспитанных в традиции петербургской школы и под прямым влиянием одного наставника, я имею в виду, говоря о судьбах русской итальянистики после революции.

Итальянистика между мировыми войнами: интеллектуалы, идеологи, проблемы поиска национальной и политической идентичности глазами историка – таким образом можно определить широкий круг вопросов, которые задают общий фон исследования. Следует выделить и специфический интерес, а также и узкие, казусные вопросы.

Тема идентичности препарируется сквозь призму восприятия «своей» и «чужой» истории, соответственно, историками-итальянистами в самой Италии и иностранными учеными с той же специализацией. В том

[7] Вайнштейн 1940; 1964; 1968.

исследовании, которое я выстраиваю, имеются сюжеты, связанные с историей и России, и Италии, предполагается проанализировать общие или схожие темы историков-итальянистов разных национальных школ. Так, например, средневековые итальянские коммуны превращали в мифы и ученые историки, и политические лидеры, как в Италии, так и в России: русские либералы XIX–XX вв. и коммунисты, а также и фашистские интеллектуалы. При этом вклад историков явно был наибольшим.

То, что основы жизненного строя общин итальянского средневековья интересовали итальянских историков, в XIX – начале XX в. не пренебрегавших модернизацией понятий и одержимых стремлением подчеркнуть ложный континуитет этих основ цивитас, – не требует каких-либо доказательств, хотя таковые имеются и будут предъявлены ниже. Но следует сказать и о том, что итальянистика и медиевистика в России – больше, чем академическая специализация, «итальянские» штудии, например, образ средневековой свободной коммуны-цивитас не просто вызывали неподдельный интерес и энтузиазм, но создавали определенные мифы восприятия истории и формировали культурно-исторические ценности не только в университетской среде, но и в обществе.

Кто и как исследует биографии ученых

Историки, в том числе медиевисты, в долгу перед своими коллегами, представителями прошлых поколений. Опыт изучения русского научного зарубежья – один из показательных примеров. Изучение интеллектуальных биографий историков, проблем трансформации интеллектуальной идентичности в кризисные периоды, казалось бы, должны быть поручены именно их коллегам-специалистам, способным оценить их профессиональное развитие, понять и объяснить научную судьбу. Однако исследование жизни русского зарубежья в срезе научной среды отстает от аналогичных штудий славистов, литературоведов и искусствоведов, посвященных деятелям искусства, писателям, публицистам, и литераторам (например, русским литераторам и представителям мира искусства в эмиграции). Кстати, надо отдать должное итальянским специалистам-славистам, филологам, неустанно ведущим такую работу[8].

Отставание публикаций историков в этом деле настолько заметно, что даже отдельные работы по смежным сюжетам – истории научных школ и их взаимосвязей, научной эмиграции и интеллектуальных биографий, отрывочные характеристики и наблюдения, касающиеся взаимодействия мысли и творчества итальянистов разных стран и эпох, – представляются полезным вкладом, который необходимо вносить каждому из современных работающих историков-медиевистов, итальянистов[9].

---

[8] Гардзонио, Сульпассо 2011; Русская эмиграция в Италии 2015; Гардзонио 2011; Письма Н.П. Оттокара к Вяч. Иванову…

[9] Пример подает международная научная конференция «Италия и русские медиевисты», проведенная Домом Русского Зарубежья. В частности, ряд ученых уделили

При этом неизученные биографии не могут, в сущности, составить стержень исследования по истории историков, ведь рефлексия по поводу научного наследия коллег сама становится объектом изучения. Поэтому и акцентами моего исследования выбраны не оставленные вниманием историков имена итальянистов прошлого.

Среди медиевистов Италии я выделяю имя и наследие Джоаккино Вольпе (1876–1971), интеллектуала с четкой общественной позицией и готовностью выступать не только в академической аудитории, но и на страницах прессы, с разнообразными научными интересами и тягой к популяризаторству, а среди русских медиевистов – пример творческого пути Петра Михайловича Бицилли (1879–1953), совершенно отличного по своему характеру от Вольпе, но также ученого, выступавшего во многих качествах – критика и публициста, исследователя и преподавателя, популяризатора, историка готового к смене изучаемых тем и предметов исследования. При этом именно Бицилли, несмотря на наличие итало-албанских корней не предпринял эмиграции в Италию, как это сделали его коллеги-итальянисты, например, Оттокар и Забугин.

Два указанных специалиста сопоставимы по широте охвата затрагиваемых ими тем, что дает возможность сопоставить работу и идеи каждого из них с несколькими другими коллегами-современниками, а также проанализировать возможности их влияния на последующее поколение ученых. Так, например, наследие Вольпе и его интеллектуальную биографию следует сопоставить с интеллектуальной биографией его сотоварища по научной школе и политического оппонента, эмигранта Сальвемини, а также с биографией его идейного сторонника Каджезе[10]. Творчество Бицилли пересекается с теми или иными аспектами наследия его коллег-итальянистов, работавших в семинарии Гревса.

Между собой Вольпе и Бицилли не имели почти ничего общего в плане социально-политических идеалов, но несомненно наличие общей культурной платформы, увлеченность педагогической деятельностью и склонностью к рецензированию значимых произведений в близких им областях гуманитарного знания.

Вклад Вольпе в развитие историографии XX века изучался с различных позиций учеными разных стран[11]. Отметить имеющийся задел

большое внимание наследию Н. Оттокара: доклады О.Ф. Кудрявцева (Проблемы культуры итальянского Возрождения в трудах Забугина, Бицилли, Пузино), Н.А. Селунской (Ренессанс, Итальянские коммуны, коммунисты и антикоммунисты: русская традиция итальянистики от Забугина и Оттокара до Гуковского и Рутенбурга), Бьянки Сульпассо из Университета Мачераты (Новые материалы к реконструкции жизни и творчества Н. Оттокара в Италии), А.И. Клюева (Споры вокруг флорентийской истории: Николай Оттокар и Гаэтано Сальвемини). – http://inostranka.ru/news221.html.

[10] D'Alessandro V. Salvemini medievista…; Caggese 1907–1909; Capitani 1999; Capriglione 1981.

[11] Campopiano 2011; Clark 1999; Artifoni 2007; Artifoni 1979; Capitani1999; Cervelli 1968; 1969; 1970; 1977; Di Giovanni 1976.

в изучении истории российской науки периода научного становления Бицилли в принципе, и конкретно судьбы и наследия самого Бицилли следует с указанием на то, что значительный вклад здесь внесен рядом российских научных центров – Санкт-Петербурга, Томска и Перми[12]. Нельзя сказать, что в этом деле изучения историографического наследия уже есть традиции. Однако особенно плодотворными представляются те усилия, которые постоянно совершались, вне зависимости от моды и установок времени, внимательным исследователем Б.С. Кагановичем[13], а также авторами обширного труда по публикации и комментированию наследия Бицилли[14]. Надо отметить и вклад в изучение вопроса такого института, как Историческая библиотека, создавшая специальные коллекции и электронный ресурс-каталог Историческая наука Русского Зарубежья (русской эмиграции с 1917 г.)[15].

Россия - Италия: подходы к изучению интеллектуальной коммуникации в контексте социальной истории

Русская и итальянская школы медиевальных и ренессансных исследований, на мой взгляд, имели немногочисленные, но важные общие черты: и в плане признания общих авторитетов, влияния, прежде всего, немецкой историографии, по способам коммуникации с источниками и по выбору предпочтительных тем изучения, прежде всего, проблем средневековой коммуны-цивитас и народа (popolo), а также религиозных и антирелигиозных коннотаций ренессансного гуманизма. Однако назвать работу компаративным исследованием, строго говоря, нельзя. Компаративные исследования – это не стиль, но цель или стратегия, сама по себе важная, почти самодостаточная. В данной работе моменты компаратива – это почти невольная тактика, которую пришлось применить, буквально следуя за материалом. Простые сравнения служат иногда средством создания нарратива или наводят на необходимые для развития исследования вопросы. Становится понятным: если мы говорим об итальянистах России и Италии определенного периода, то каждая деталь одной интеллектуальной биографии наших соотечественников сопоставима с одной или несколькими отличительными чертами биографий итальянских интеллектуалов, а контексты истории, в которых развивалась жизнь академического сообщества, не могут не включать вопросы социальные и политические, более того, не могут не затрагивать вопроса о т.н. национальной идентичности, что было интеллектуальной повесткой, особой приметой времени.

---

[12] Ашурова 2004; Клюев 2011; и др.

[13] Кандидатская диссертация «Петербургская школа медиевистики в конце XIX – начале XX в.» (1987, Ленинградское отделение Института истории АН СССР) и далее цикл работ: Каганович 1994; 1995; 2007; Бицилли 1996; 2012.

[14] Бицилли 2006.

[15] Историческая наука Русского Зарубежья (русской эмиграции с 1917 г.) http://katalog.shpl.ru/shrubr.php?rid=424&base=shpl_gcat&rbase=rsyst

Для меня путь к исследованию судеб ученых, взаимодействовавших с различными режимами в периоды социальных кризисов и перемен, формирования новых идентичностей в социальном поле, пролег крайне витиевато. К теме русских итальянистов, в первую очередь русских-эмигрантов, оказавшихся в Европе, меня привело изучение общей историографической картины, состояния специализации в области медиевистики, именно итальянского средневековья. Не менее важным был опыт изучения условий жизни и деятельности итальянских интеллектуалов (в т.ч. медиевистов по образованию) времен Первой мировой Войны и складывания фашистского режима (здесь в поле внимания были и горячие сторонники этого режима, такие, как Джоаккино Вольпе и Ромоло Каджезе, так и противники-эмигранты, прежде всего, Гаэтано Сальвемини). Да, мы знаем, что русский дореволюционный интеллектуал мог, испытывая разногласия с послереволюционной действительностью пытаться найти себе вторую родину, но, постфактум мы знаем и о том, что эти попытки происходили не просто в абстрактной «Европе», но в Европе, обескровленной войной, в Европе нарождающегося фашизма и тоталитаризма. Как в этой атмосфере жили историки – местные уроженцы, и как могли адаптироваться свободолюбивые изгнанники, русские мигранты. Эти вопросы не могут не задевать исследователя.

Первоначально меня интересовала преимущественно интеллектуальная ситуация в Италии начала XX века и межвоенных лет, когда академические ученые (медиевисты, как ни странно, в первых рядах) были вовлечены в общественные дебаты, создание манифестов, политические и идеологические дискуссии. При этом особенно меня занимала интеллектуальная биография Вольпе[16], весьма успешного и активного ученого, получившего базовое образование и специализацию медиевиста перед Первой мировой войной, но прожившего долгую жизнь в науке (его труды продолжают переиздаваться и в самые последние годы).

Научная деятельность и академическая биография интересуют меня не сами по себе, но как перспектива изучения эпохи: благодаря тому, что каждая из выделяемых биографий ученых напоминает о большом круге тем и проблем историографии периода, а также вырисовывается особая система личных связей. Например, в связи с именем Вольпе сразу возни-

[16] Селунская 2011. В этой работе была сделана попытка охарактеризовать разносторонние дарования и виды деятельности Дж. Вольпе, прожившего долгую (95 лет – почти век!), интересную и счастливую жизнь, за которую успели несколько раз смениться моды, вкусовые предпочтения, политические режимы в Италии. Личность Вольпе, первые интеллектуальные проявления стали знаковыми для начала XX века, без сомнения синтезировала и объединяла многие черты и традиции итальянской интеллектуальной культуры Нового Времени в целом. В то же время, это был интеллектуал, устремленный в будущее, и чутко реагирующий на современность. Также представлялось важным отметить, что ученый, в сущности, выполнял при только что образовавшемся фашистском режиме роль, близкую к роли Луначарского в ранние годы советского режима в России.

кает имя его однокашника, коллеги, соперника Г. Сальвемини, избравшего в отличие от Вольпе, противостояние власти и затем эмиграцию, и другого коллеги Р. Каджезе, соратника по политическим взглядам, сподвижника в деле изучения итальянских коммун, но при всех чертах сходства не избежавшего критики со стороны Вольпе. Вопросы, волновавшие Вольпе как ученого и популяризатора (история коммуны, средневековой религиозности и религиозных движений, связь истории Италии периода средневековья, Ренессанса и Рисорджименто), касаются и развития российской истории исторической науки, пересекаются с интеллектуальными биографиями медиевистов-питомцев российской исторической школы[17]. Ре-конструирование казусов интеллектуальных биографий ученых, сервильных либо толерантных по отношению к власти или оппозиционных, выводит на линию изучения проблемы общественного служения интеллектуала. В частности, именно итальянский пример карьеры интеллектуала – казус Вольпе – показал важность анализа вне-академической, как бы «прикладной» по отношению к научной, деятельности ученого. Дополнительные функции интеллектуала в социуме следует понимать не только в смысле осуществления роли педагога и популяризатора науки, но и в смысле более широком – от публицистики, дань которой отдавал Вольпе и его университетские коллеги, до выбора политических горизонтов и сотворения идеологических манифестов. Те же аспекты – не только академической, но и вне-академической и околонаучной деятельности, те же моменты ре-конструирования, хотя и с существенными поправками, видимо, следует выделить, рассматривая интеллектуальные биографии русских медиевистов. Казус интеллектуальной биографии итальянского ученого не выстраивался без компаративного измерения и выявления ряда параллелей и пересечений с интеллектуальными биографиями других, русскоязычных ученых. Однако эти биографии не интересовали меня на всем протяжении своих сюжетных линий, нужны были некоторые выборочные моменты аналогий или сближений.

Таким образом, по мере развития проекта стала вырисовываться схема построения работы в виде двух связанных между собой частей: первая должна наметить множество сюжетных основ и линий для сравнения, которые будут представлены достаточно схематично, но широко. Другая часть – углубленное исследование нескольких казусов научной биографии, персонажей академического мира и носителей различных историографических дискурсов, которые проявили себя не только на узком специализированном поприще медиевистики. Исследование затем пошло (по определенным пунктам) через сравнение интеллектуальных биографий и наследия русскоязычных историков с историческим опытом Италии в межвоенный период, когда итальянскими интеллектуалами

[17] См.: Селунская 2012; 2013, где, в частности, было показано сходство работ Вольпе и советских историков при характеристике народа как двигателя истории.

предпринимались попытки активного участия в общественной жизни, а в обществе и государстве существовал запрос на поиск национальной идентичности, что и отражалось итальянскими историками (в т.ч., историками-медиевистами по научной специализации первых работ).

Среди представителей отечественной медиевистики и итальянистики выделим имена Забугина, Оттокара, Бицилли, имевших некоторые общие академические связи в России (например, с Гревсом и Карсавиным), предпринявших эмиграцию, но не одновременно и в разных обстоятельствах, и приобщившихся к разным центрам и средам научной и общественной жизни после отъезда из России.

После революции в России, был исторический момент, когда казалось, что ствол древа гуманитарного знания был срублен и повален там, где это древо произросло – в столице, тем не менее, сразу два отводка поверженного дерева проросли: в провинции и в эмиграции. Один и тот же человек, как, например, Н. Оттокар, педагог и ученый, мог привнести модели изучения истории, существовавшие в русской исторической школе до революционных перемен, или взрастить новое зерно знания и в далекой провинциальной Перми, и в итальянском, флорентийском университетском мире. Так возникали тонкие связи между несопоставимыми, но уже не полностью чуждыми друг другу научными средами.

Нельзя сказать, чтобы русская академическая школа полностью была в руинах. Восстановление исторической специализации, которое началось с 1934 г., шло болезненно, и в главных научных центрах было поставлено под жесткий идеологический и цензурный контроль, однако традиция изучения итальянской средневековой истории развивалась и в Москве, и в Ленинграде. Следует отметить, что возрождение медиевистики и итальянистики как ее составной части произошло благодаря оставшимся в стране дореволюционным специалистам и их ученикам.

В кризисные моменты (скажем, в годы Второй мировой войны, как перед началом боевых действий Германии против СССР, так и, конечно же, после начала войны) некоторые советские медиевисты в пылу борьбы с Западом и особенно с Германией, употребляли почти журналистские штампы, говоря о современной им немецкой историографии[18]. Итальянисты не находились в столь жесткой конфронтации с зарубежными коллегами и не допускали таких высказываний (хотя итальянский фашизм изучался почти с самого начала своего существования).

Для специалиста очевидно, что в работах советских итальянистов есть отзвуки трудов и коллег-эмигрантов, и итальянских медиевистов, при том, что открыто их цитировать было невозможно, в силу приписываемого западной науке враждебности и идеологической опасности. Поэтому находить и изучать влияния, общие сферы интересов и точки пересечения русской итальянистики советского периода с трудами эми-

[18] Косминский 1939; Грацианский 1939.

грантов и развитием исторической науки в Италии периода фашизма приходится буквально на ощупь, без четких ссылок и верифицируемых цитат. Однако возможно проводить аналогии и даже делать некоторые выводы о стилистической близости или сходстве подходов, подобно тому, как это делается литературоведами и искусствоведами.

Темы и проблемы итальянистики: общие вопросы

Особенности интеллектуальных сообществ, формирующихся в единое культурное и академическое пространство из специфических локальных и региональных школ, интересны тем, что предстают во многообразии переходных форм и оттенков, которые затем сглаживаются, а также спецификой контактов с внешним академическим миром. Италия в XX в. так и не дала примера формирования единой национальной школы историографии, и процесс интеграции в ее академическую жизнь шел достаточно тяжело, как для иностранца, так и для итальянских представителей иных локальных центров и традиций. В российской академической среде интерес к интеллектуальной жизни Италии разных периодов был всегда высок, в этом процессе изучения итальянской интеллектуальной культуры можно выделить и способы работы с источником, и попытки интерпретировать «мир другого», мир мыслителя и гуманитария разных эпох.

В отношении интеллектуального поля России и Италии можно указать важную параллель: для обеих стран в начале XX в. были важны попытки синтеза социальной и экономической истории, особенно при исследовании общины и религиозности, нестандартных ее проявлений, которые также интерпретировались не в русле истории церкви, но на стыке социальных, политических и культурных особенностей.

Красной нитью, связующей периоды истории науки и разнообразные аспекты деятельности интеллектуалов (получивших университетскую подготовку в качестве итальянистов), может стать как исследование отдельной научной биографии, академической жизни, так и история интересов интеллектуалов, изучения различными учеными, выходцами из разных стран и национальных школ историографии, какого-то отдельного объекта медиевальной истории, такого как, цивитас – городская коммуна средневековья, например, в Тоскане, или же тема ереси и вольнодумства.

Цивитас как сюжет истории живо интересовал и представителей либеральной мысли, специалистов в области медиевистики дореволюционного Петербурга, таких, например, как И.М. Гревс и его ученик Н.П. Оттокар, работавший затем в провинциальной России в университете в Перми и в самой Тоскане в университете Флоренции[19], а также и П.М. Бицилли, связанного с университетами Санкт-Петербурга и Одессы, ставшего затем эмигрантом. Сходные темы увлекали и в юности близкого либеральным кругам, но ставшего виднейшим интеллектуалом

[19] Nicola Ottokar storico del Medioevo… 2008.

фашистского времени Дж. Вольпе, обучавшегося в Пизе и посвятившего первые серьезные труды пизанской коммуне средневековья, а также его коллег и оппонентов либеральных взглядов, например, Сальвемини.

Один и тот же интерес проявлялся как отражение синтеза, произведенного на свой лад, и итальянской школой историков, и русской дореволюционной и эмигрантской научной средой. Преломление и отражение этих идей в советской историографии происходило чаще всего без каких-либо прямых цитат. Формальных доказательств здесь нет или слишком мало, но естественно предполагать, что сходное развитие исторической мысли в различных средах происходило не спонтанно, в особенности те аспекты, которые связаны с осмыслением понятий народ (popolo) и коммуна (comune, comunia)[20].

Нас интересует более всего казус русских историков-эмигрантов послереволюционного периода, их интеграция и карьера на чужбине, особенности их профессиональных и общественных устремлений, узость применения возможностей и познаний, или же наоборот – разнообразие исследований и курсов, подготовленных эмигрантами, а также занятий вне основного поля специализации. Постановка темы включает анализ того, должен ли исследователь объяснить этот вопрос, сообразуясь с логикой жизни научного социума, в котором интеллектуалы находились до или после эмиграции? Рассматривать занятия и достижения интеллектуалов с точки зрения особенностей той школы историков, в которой будущие эмигранты формировались, либо же обратиться к изучению стандартов и списку карьерных целей местных уроженцев, ученых тех стран, куда прибыли бывшие российские подданные? Точно так же заставляет обратиться к проблемам компаратива и вопрос о распространении некоторых работ или хотя бы о присутствии в списках зарубежных авторов, изучаемых в Советской России, итальянского историка, известного в качестве главного фашистского интеллектуала.

Можно предполагать, что некоторые черты сходства между работами советских медиевистов и трудами медиевистов фашистской Италии – это результат общих идеологических установок тоталитарного характера. Можно счесть и иначе: связь здесь не прямая, а опосредованная, через общие интересы медиевистов дореволюционной России и специалистов, работавших в Италии в первой трети XX века.

Вопросы исследования идентичности интеллектуала, историка в моменты трансформаций национальных государств и конституирования национальных школ историографии можно трактовать совершенно различным образом. Можно ограничиться, например, вопросами состава академической номенклатуры или международных связей национальной школы историков, возможно проследить модусы упоминания о народе и народности в исторических исследованиях, но стоит рассмат-

[20] Селунская 2012. С. 250-255.

ривать и различные способы функционирования историка в публичном пространстве: как политически ангажированного или аполитичного, как популяризатора, публициста и педагога. Ко многому обязывает заявление, что в работе рассматривается одновременно и академический дискурс, и публицистический, поле науки и поле политики. Я предпочитаю не делать таких деклараций, но признаю, что такой широкий подход необходим, если нас интересует традиция изучения итальянской цивитас в связи с тем, как эту тему используют интеллектуалы для построения национально-политических дискурсов на фоне мировых войн.

Работа с более широкой аудиторией, нежели академическая и студенческая, бесспорное достоинство науки. Однако смысл и вектор развития такой популяризации мог быть различным. Родоначальник русской медиевистики Т.Н. Грановский читал публичные лекции, действительно открытые и значимые для общества. Говоря современным языком, формально занимаясь популяризацией науки, в ситуации диалога с обществом, ученый использовал науку как своего рода прикрытие: в форме публичной лекции (научного характера) пытался найти и находил отклик в сердцах прогрессивной общественности, старался открыть этому обществу некие идеалы социальной жизни и даже конкретные исторические институты, которые казались общественно полезными, показывая схематичные и несколько приукрашенные образы демократических городских республик средневекового Запада. Вне всякого сомнения, и для Герье, и для Гревса было весьма важным нести знание обществу. Для медиевиста Оттокара такая деятельность педагога-популяризатора была характерна в меньшей степени, но, тем не менее, как и большинство учеников Гревса, Оттокар читал до революции лекции на женских курсах (на Высших историко-литературных женских курсах Н.П. Раева). Однако в послереволюционные годы, когда стало гораздо больше возможностей и каналов популяризации знания, историк не проявил энтузиазма к их использованию: некоторое снижение академического стандарта и упрощение дискурса стали для него тяжким бременем. Разумеется, такая практика была неизбежным долгом во время преподавания в провинции, а затем и руководства университетом, с которым Оттокара связала судьба. Совершенно очевидно, что кабинетный ученый не видел в этом своего призвания, а единственным плодотворным периодом деятельности считал заграничные командировки, все остальное воспринималось им как навязанная обстоятельствами и новой властью необходимость.

Для другого медиевиста – Бицилли, также преподавателя женских курсов и провинциального университета юга России (успевшего, в частности дать курс знаний будущему автору базового для советского времени учебника по историографии средневековья Вайнштейну), а затем балканского эмигранта[21], популяризация, журнальная критика, эссеистика

[21] Българската съдба… 2004 (список трудов Бицилли: С. 157-158); Ковалев 2004.

стали важными сферами интеллектуальной деятельности, помимо того, что были также условием выживания, сохранения себя в профессии в отрыве от западных архивов, и даже скромным источником заработка. Была ли такая активность осознанным общественным долгом, по крайней мере, перед русскоговорящей общиной эмигрантов? Вероятно, да. Для более детального рассмотрения этого вопроса имеется интересная и богатая источниковая база, прежде всего многочисленные номера «Современных записок» (1920–1940)[22]. Это была серьезная интеллектуальная многогранная эмигрантская журнальная пресса, которую никак нельзя назвать просто досужим чтением. Наряду с литературными произведениями, которые затем вошли в классический канон русской литературы, здесь публиковались статьи и очерки ученых. Бицилли (в том или ином качестве: рецензента, рецензируемого, автора статьи или очерка) выступал почти в каждом номере, а иногда и с несколькими текстами в одном номере[23].

Феномен Бицилли удивителен: этот не самый блестящий ученый, (даже в родном провинциальном университете вечный второй) попадает не в центр европейской интеллектуальной жизни, а в европейское захолустье, живет вдали от источников и фондов, которые нужны ему как итальянисту, причем находится в постоянной нужде и вынужден заниматься массой дел за рамками профессиональной карьеры. Но именно эта фигура, на мой взгляд, – знаковая для интеллектуальной жизни русского зарубежья, точка соприкосновения, пересечения интересов «русского мира» и «мира европейского» в космополитическом пространстве эмиграции, университетской культуры, странствования идей. Язык Бицилли – разнообразный, не четкий, навязываемый читателю дискурс, а система аллюзий, *параллелей* (это ключевое слово для интеллектуального мира Бицилли) – побуждает искать черты интонационного и тематического сходства его построений и множества как будто совершенно чуждых ему по духу авторов итальянских и русских итальянистов. Речь идет не о системе прямых цитирований или ссылок, не об анализе и рефлексии, а именно о перекличках, видимо, невольных, между строками Бицилли, написанными в предвоенное время, и высказываниями советских медиевистов 1970-х гг., или же деятелей интеллектуального движения 1968 года в Италии. Бицилли, который, разумеется, не был привержен идеям марксизма и всячески пытался это подчеркнуть, тем не менее, обращался в своих «Параллелях»[24] и к образу Маркса, и к тем

---

[22] В особенности: Бицилли 1929; 1932, 1936.

[23] Для анализа темы: «Бицилли и Современные записки» стоило бы создать простую базу данных или хотя бы систему таблиц, чтобы облегчить ориентирование в многочисленных публикациях, а для интерпретации результатов в разных контекстах потребуется отдельная статья.

[24] Бицилли 1932. Параллели творчеству Бицилли мне видятся в гораздо более ярких и сильных, самодостаточных, на первый взгляд чуждых эмигрантскому миру Бицилли работах Л.М. Баткина и Умберто Карпи: Баткин 1965; 1989; Carpi 2004.

идеям, которые были дороги «нестандартным» марксистам, историкам и филологам Италии и России следующей, по крайней мере послевоенной, но во многом и современной поры.

Темы и проблемы итальянистики: две узловые точки

Моменты кризиса (например, того, что переживала Европа после Первой мировой войны, и последовавшая за этим эпоха перемен), с одной стороны, оказывают большое влияние на среду интеллектуалов, но, с другой стороны, в картине мира, предлагаемой учебниками по истории, с такими моментами обычно ассоциируется политическое переустройство, дипломатические решения, но не успехи или неудачи, переживаемые академическим миром. Тем не менее, этот академический мир продолжал существовать, несмотря на кризисы революционных эпох, эпох военных столкновений, и, более того, подчас историческая мысль продолжала или даже начинала успешно развиваться именно на кризисном для социального мира этапе истории. Интересно проследить какие связи и темпы развития эти процессы демонстрировали, как здесь сказывались на работе по сходным ключевым проблемам исторических академических исследований события актуального момента, как проявлялись моменты социальной мобильности, эмиграции, выживания и приспособления науки к существованию в тоталитарном режиме.

Собираясь в дальнейшем посвятить этому вопросу отдельную статью, скажу кратко и предварительно, что, на мой взгляд, вопросы общего языка при этом влияли меньше, чем вопросы выработки языка влияния путем присоединения к доминирующим политическим дискурсам, что способствовало и частому пересмотру исторических концепций. Ситуация же большей академичности (одной из форм которой является маргинальность) в виде сознательной внутренней эмиграции или вынужденной эмиграции в собственном смысле слова, способствовала, скорее, консервации дискурсов и медленным переменам концептуального уровня развития исторической мысли.

Мы отметили, что итальянисты прошлого века самого рафинированного академического толка не гнушались миром политики, выступали за и против господствующих идеологий, в поддержку или опровержение актуальных общественных идей, социально-политических трендов, которыми было наполнено их время. Но надо сказать и более определенно: само занятие избранными сюжетами истории – «своей» или «чужой», – давало историкам мощный импульс мифотворчества, постоянно возвращала их к вопросам идентичности, в том числе к концепту *народной* или *национальной идентичности*.

Следует еще раз отметить, что для дореволюционной исторической школе медиевистов России типичны были не только изыскания историко-культурного плана, но и определенный интерес к развитию юридического и экономического подхода, который складывается в Ита-

лии благодаря усилиям такого же либерального профессорства, в частности историографического течения экономического и юридического толка, представителями которого в Италии и были Дж. Сальвемини, Дж. Вольпе, Р. Каджезе. Несмотря на то, что последние два имени известны как фашистские интеллектуалы, именно их идеи и исследования парадоксальным образом оставались в постоянном доступе российских итальянистов и пользовались огромным влиянием.

Сам Вольпе по понятным причинам не имел личных контактов с выезжавшими в Италию советскими историками, но именно русские историки-марксисты имели сходные с Вольпе взгляды по поводу общей концепции и Рисорджименто, и Ренессанса, и эпохи расцвета средневековых коммун. Каким образом сложилась и могла сложиться такая ситуация? Именно попытка ответа на этот вопрос помогает проследить множество линий развития историографических школ и течений, но и смены политического и общественного климата в России и в Италии.

В русской дореволюционной итальянистике, с самого начала развития медиевистики была сильна демократическая или либеральная позиция. Интерес к самоуправлению и свободам городских общинам сам по себе был своеобразным выражением вольнолюбия и свободомыслия. Наиболее четко эти общие тенденции развития отечественной медиевистики прослеживаются в начале XX в. в творчестве Н.П. Оттокара, о чем свидетельствует и сам его выбор поля исследования – средневековый город-коммуна, образец демократического строя, Флоренция и Тоскана[25]. Эти темы не только были интересны его современникам, но и оставались предпочтительными темами исследования спустя десятилетия.

Останавливаясь на казусах развития коммунальных институтов Флоренции, Оттокар, тем не менее, полагал задачей исследование и установление некоторых коренных особенностей города как «публично-правовой целостности»; историк прослеживал процесс формирования «городской ассоциативности», особой формы городской идентичности, как мы бы сказали сейчас. Важной характеристикой Оттокар считал не статичные показатели и определения, а потенциал способности общины к коллективному действию и солидарности, а также проявления этой способности. Не ускользнула от его внимания и взаимосвязь общины мирской и общины церковной, приходской, а также роль прихода и общественных советов по делам, связанным с церковным строительством.

Те же темы – институты общины (коммуны), борьба внутри коммуны, роль мирского и церковного в развитии общества – живо интересовала итальянского историка Вольпе, получившего изначально обучение в качестве специалиста по медиевистике и Ренессансу, но ставшего затем певцом истории нации и активным политическим деятелем.

---

[25] Ottokar 1926; 1938; 1948.

Отметим, что в советский период представители отечественной итальянистики являлись весьма потестарными личностями – либо шли на прямой конфликт с нарождающейся новой идеологией и режимом вплоть до эмиграции, либо, оставаясь убежденными марксистами, тем не менее, повергались репрессиям, как это случилось с виднейшим и жестким марксистом В.И. Рутенбургом, в юности арестованным по делу о кружке эсперантистов, или же не менее приверженным марксизму М. Гуковским, учеником Карсавина и Гревса (к которым был близок по научным интересам Оттокар), многократно, на протяжении жизни вступавшим в конфликт с официальной советской идеологий и отбывавшим наказание по политико-идеологическим мотивам (осужден на 10 лет лагерей по ст. 58 п. 10.). При этом оба историка-марксиста не столько стремились к контактам с итальянской академической средой, сколько получали взамен, пользуясь уважением и признанием.

Даже не имея возможности отметить прямые формальные указания, подтвержденные ссылками, которые не делались по вполне понятным причинам, можно постулировать, что особую роль в развитии исследований итальянского Средневековья и Ренессанса в советский период играл тот парадоксальный вклад, который внесли в историографическую традицию российские историки-эмигранты, имевшие контакты в Италии еще до начала Великой войны и кризиса Империи, а затем работавшие в Европе, в Италии. Совершенно очевидно, что на такую опасную черту – «идеологическую слабость», «близость буржуазной культуре» и т.п. – обратили внимание те, кто осуществлял цензуру и идеологический контроль, что неоднократно утверждалось и постулировалось в жанре критики-доноса и в форме открытых преследований. Остается лишь вопрос о том, в какой именно сфере специализации и из каких источников осуществлялось наиболее значительное влияние, не мешавшее самостоятельному развитию итальянистики в СССР, но стимулировавшее ее.

На мой взгляд, наряду с вопросом о происхождении коммуны сферой обмена идеями стали формулировки общих проблем ренессансной культуры, хотя в этой части сходства и различия еще труднее формализовать, чем в исследованиях цивитас. Более того, можно ставить вопрос о взаимосвязи традиций изучения цивитас, социума и того, что в наше время определяется как история менталитета – вопросы религиозности, отношения с церковью, проблема еретических и народных движений.

Здесь мы подходим к важному аспекту, который пока можно лишь наметить. Это вопрос о религиозной и конфессиональной идентичности историков-эмигрантов, бывших российских подданных, оказавших влияние на развитие итальянистики и в России, и в Европе. Вопросы итальянского ренессансного гуманизма в трактовке русского католика В. Забугина, отношения гуманистов к религии и Церкви, например, деятеля римской Академии, единственного из гуманистов, посетившего славян-

ские страны – Помпония Лэта, также оказались весьма влиятельными. П. Бицилли, Н. Оттокар и В. Забугин имели разные, но достаточно артикулированные морально-религиозные позиции, причем последний в качестве деятеля Римско-католической церкви даже принимал личное участие в политическом процессе вплоть до своей смерти (ранней и достаточно загадочной). Бицилли, несмотря на сложную фамильную историю, принадлежность к разным национальным культурам, а также на его либеральные взгляды, держался вполне традиционного православия. Оттокар, при столь же сложной ситуации с фамильными корнями и привязанностью к России постепенно склонился к протестантизму. Забугин, сочувствуя делу унии, и приобщению к богатствам византийского наследия, без компромиссов видел себя сыном Римско-католической церкви. Тем не менее, интерес к религиозным движениям и исканиям Средневековья и Ренессанса был для исследователей общим, достаточно сходными были и их исследовательские позиции. При этом не будет лишним поставить в параллель работам русских медиевистов сочинения Вольпе, постараться наметить возможные точки пересечения тем и интересов.

Бицилли интересовали мотивы францисканской религиозности и эсхатологические ожидания и переживания, но эти вопросы изучения менталитета препарировались на фоне социального полотна. Видимо, следует отметить, что в работах этого итальяниста, волею судьбы не оказавшегося в эмиграции в Италии, на мой взгляд, прослеживается наибольшее приближение к трактовкам Вольпе того же мира средневековых религиозных движений – как сплава социального и ментального.

Живший долгие годы во Флоренции Н. Оттокар, напротив, как мне кажется, достаточно далек от концепции религиозных движений Вольпе. В годы работы в России Оттокар вырабатывал, совместно с Карсавиным, общие для петербургской школы медиевистов и культурологов представления и определения типов религиозности. Содружество между Оттокаром и его старшим товарищем Карсавиным было настолько тесным, что Карсавин публично приносит благодарность Оттокару во введении к книге «Основы средневековой религиозности в XII–XIII вв., преимущественно в Италии», буквально считая свои базовые концепты плодом общих размышлений с другом Оттокаром[26].

Концепция Ренессанса, проступающая сквозь конкретно-исторические исследования В. Забугина, наследует ранней традиции петербургской школы медиевистики, но в то же время сохраняет как бы запасной путь для развития постсоветской итальянистики. Роль религиозной составляющей Ренессанса для Забугина несомненна, более того, в ней он видел истинное лицо эпохи. Религиозность эта в представлении Забугина – нестатичная и неканоничная, поэтому в трудах ученого чув-

[26] Это отмечалось и итальянскими, и русскими исследователями наследия Оттокара: Nicola Ottokar storico del Medioevo… 2008; Клюев 2011.

ствуется нечто сходное с идеями других видных итальянистов, с одной стороны, исследователя итальянской средневековой религиозности Карсавина (особенно с его первой, магистерской диссертацией), а с другой – с модусом смелого исследования Вольпе, посвященного ересям и религиозным движениям средневековья, начатого между 1907 и 1912 г., опубликованного в ряде небольших статей и в виде единого труда в 1922 и в 1926 г.[27], а затем продолженного и обновленного после войны. Этого последнего большого труда Вольпе[28] Оттокар знать не мог, хотя не мог не быть в курсе общих концепций и построений Вольпе.

По другому исследовательскому регистру строилось исследование Бицилли о влиянии идей подвижника Иоахима Флорского на религиозные представления и чаяния мирян. Нельзя сказать, что переклички совсем не могут быть найдены и в трудах Оттокара и Бицилли, однако более очевидным образом их интересы пересекались в той точке, которая была ключевой для историографии итальянской коммуны. Бицилли (как и Оттокар) занимался проблемой формирования коммуны, причем именно тосканской коммуны, постулировал особенности организации popolo, пытался определить соотношение цеховых элементов и того, что в источниках обозначалось термином *popolo* –народ. Любопытно проследить, как эти темы интерпретировались после Второй мировой войны в России, когда наука могла играть идеологическую роль, сходную с той, что осуществлялась интеллектуалами, лояльными к власти или горячими ее сторонниками в период фашистского режима в Италии.

В советской историографии понятие *comunia, comune* определялось не просто как юридический термин для обозначения общины, но как качественно новое явление социально-политического развития. Так, например, акцентировалась борьба за коммуну, а не моменты преемственности в генезисе коммуны. В частности, сами термины *coniuratio, juramentum*, которые сопровождают первые документальные свидетельства появления коммуны, истолковывались в данном ключе. При этом в принципе мог быть подчеркнут мотив приватного договора, но оставались и пути трактовок, позволяющие выделять момент публичности, политического обновления. Обе позиции находят аналогии в развитии исследований в самой Италии периода либерализации и периода перехода к тоталитарному, фашистскому режиму, при том, что и тот, и другой дали академическому миру прекрасных историков.

Медиевисты советского периода почти в равной доле наследуют идеи и способы построения исследований из дореволюционной практики

---

[27] Movimenti religiosi... 1926.

[28] Переиздания происходили постоянно, в основном во Флоренции – издательство Sansoni – 1961, 1971, 1972, 1977; издание 1977 г. снова воспроизведено в 1997 в Риме, издательством Donzelli с предисловием Чинцио Виоланте (Cinzio Violante); издание 2010 г. – под его же редакцией

и из итальянской исторической школы, воспринимая сюжеты разного толка – от экономико-юридического подхода до исследований религиозной культуры и изучения символического капитала цивитас. Для развития медиевистики и итальянистики в СССР характерна манера обращения к истории коммуны видных специалистов по истории средневековой Италии – Л.А. Котельниковой и В.И. Рутенбурга. Специальный и узкий, на первый взгляд, вопрос о частном или же публичном характере коммуны, занимал как итальянских, так и отечественных историков. Рутенбург (а именно он с середины прошлого века являлся одним из самых известных и влиятельных советских исследователей) прямо указывал, что «торжественный момент перехода власти из рук феодального сеньора в руки города отмечали клятвой coniuratio». Как и в трудах европейских историков начала XX века, речь шла о качественно новом моменте развития общины, а само рождение общины, первоначальный этап ее развития (этап conjuratio) связан с приобретением этим объединением публичных функций. И, следовательно, уже в силу этого приобретения нового качества о плавной линии преемственности не могло идти и речи. Однако при этом совершенно никак не доказывается, что время объединения соседей с помощью договора круговой поруки и есть переход к коммуне, что частный характер договора становится непременно публичным.

В итальянской историографии отношение к этому вопросу наиболее показательно у Вольпе. Вольпе получил стигму фашистского интеллектуала (вполне заслужив такую известность), более того, он был не столько пассивным носителем фашистской идеологии, сколько активистом, государственным человеком и разработчиком доктрины интеллектуального манифеста фашизма. В ранней карьере Вольпе был сторонником разных либерально-демократических течений. Конъюнктура и сама идеологическая мотивированность интеллектуала, воспитанного в рафинированной среде медиевистов Пизанской школы, привели Вольпе не только к разработке и преподаванию истории Рисорджименто и Новейшей истории Италии, но также к работе на идеологическом фронте и участию в публицистической и пропагандистской деятельности. В разные периоды он сотрудничал с изданиями разных направлений, иногда пересекаясь и солидаризируясь со своими будущими оппонентами. По вопросу восприятия коммуны взгляды Вольпе и представителей демократического крыла послевоенной историографии разошлись, хотя первоначально их мнения не столь отличались друг от друга, и, надо отметить, что идеи Вольпе были актуализированы в последующий период 1970–1980-х гг.

Однако прививка идей и методов работы Вольпе в России была бы невозможна без той общей основы, которая складывалась благодаря демократической университетской культуре предреволюционного периода. Представитель петербургской школы Оттокар, некоторое время трудившийся в далеком провинциальном университете и затем работавший в

университете Флоренции внес особый вклад в развитие исследований итальянской коммуны, что оказало влияние на ход исторической мысли и в Италии, и в России. При этом идеи Оттокара вернулись на родину, которую он покинул, своеобразным эхом, через отголоски его влияния, сохранившиеся в историографической традиции самой Италии, замкнув круг (разумеется, заимствования через итальянскую историографическую традицию отозвались в России с некоторым смешением акцентов).

Не меньшее взаимовлияние и пересечение в развитии исторических школ итальянистики обнаруживается в таких сферах как критическое издание и комментирование источников. Создание синтетических, универсальных описаний истории Италии периода средних веков и Ренессанса является отдельной проблемой для той академической почвы, для которой всегда была характерно внимание к казусам, полицентризму и региональным различиям. В этом плане удивительным и показательным примером является участие советских историков в создании многотомной истории Италии, что можно объяснить только длительной предысторией взаимоотношений национальных школ историографии.

В русской дореволюционной исторической науке, такими ее представителями, как П. Бицилли, Н. Оттокар, В. Забугин, были подняты вопросы о взаимосвязи светского и сакрального в социальной жизни Италии, о соотношении коммуны и церкви. Одновременно был поставлен вопрос о разнообразии корней Ренессанса, взаимосвязи гуманизма и религиозности, эти вопросы рассматривались и в общем виде, и на уровне малого социума, и на примере частной жизни и индивидуальной биографии. Эти же темы получили отклик и развитие в итальянской историографии, и, с заметным опозданием, совершив круговорот, вернулись и в отечественную традицию исторических исследований.

Менее всего хотелось бы использовать без оговорок для описания того или иного историка некие единые клише, такие как: «фашистский», «советский», «эмигрантский», «демократический», «религиозный» (деятель или интеллектуал), хотя, разумеется, само употребление этих этикеток или, говоря осторожнее, классификаций, неизбежно.

Следует найти какой-то средний путь интерпретации интеллектуальной биографии и значимых для нее личностных связей, академических контактов и способов коммуникации между интеллектуалом и обществом, но для этого нужно на порядок больше участников обмена идеями и данными и на порядок больше контактов итальянистов разных стран. Только тогда итальянистика как интеллектуальный феномен и среда с особыми точками зрения и откликами ее представителей на актуальные события и вызовы своего времени сможет быть реконструирована в менее схематичном и многоплановом виде.

Самоопределение историка, вовлеченность академического ученого в поле политической и общественной жизни характерно для истори-

ков Италии, переживших кризисный опыт Великой войны. С точки зрения внутренней логики развития академического мира, это особый опыт преодоления хронологических и дисциплинарных рамок. Но такая же широта и открытость типична и для отечественных медиевистов ранней формации, когда специализация по истории средних веков еще не была четко выделена, а «всеобщники» владели не только материалом по истории Европы с древнейших времен до современной им поры, но и интересовались широким спектром проблем общественно-политического характера. Сходным был и настрой советских итальянистов послевоенной поры, в годы после Второй мировой, в ситуации относительной стабильности, но при этом и кристаллизации нового общества. Для советской науки последнего периода ее существовании в этом качестве, т.е. и в период брежневской стагнации общества, и в момент перестройки, были типичны совершенно другие принципы цеховой организации и узкая специализация, как и для современной этому периоду итальянской исторической науки. При этом в централизованной и бюрократически организованной позднесоветской науке, несмотря на идеологические установки, не проявлялось такого интереса к вопросам *народности* и *идентичности*, который, бесспорно, спонтанно существовал и в дореволюционной итальянистике в целом, и у отдельных представителей русской школы, прошедших опыт эмиграции.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ашурова Н.И. Петр Михайлович Бицилли. Томск: «Печатная мануфактура», 2004.

Баткин Л.М. Данте и его время: Поэт и политика. М.: Наука. 1965.

Баткин Л.М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989.

Бицилли П.М. Параллели // Современные записки. 1932. Кн. 48. С. 334 345.

Бицилли П.М. Возрождение аллегории // Современные записки, 1936, № 61.

Бицилли П.М. Нация и государство // Современные записки, Париж, 1929, № 38.

Бицилли П.М. Нация и язык // Современные записки, Париж, 1929, № 40.

Бицилли П.М. Место Ренессанса в истории культуры / Сост., статья, комментарии Б.С. Кагановича. СПб., 1996.

Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад /Сост. Ф.Б. Успенский; Отв. ред. М.А.Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006.

Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Подгот. Текста, послесловие и примеч. Б.С. Кагановича. СПб., 2012.

Бурдьё П. Поле политики, поле социальных наук, поле журналистики // URL: http://bourdieu.name/content/burde-pole-politiki-pole-socialnyh-nauk-pole-zhurnalistiki

Българската съдба на проф. П.М. Бицилли / Велева, Мария. София: Гутенберг, 2004.

Вайнштейн О.Л. Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней: Учебник для исторических факультетов государственных университетов и педагогических институтов. М.; Л.: Соцэкгиз, 1940.

Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография. М.; Л.: Наука, 1964.

Вайнштейн О.Л. История советской медиевистики: 1917–1966. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1968.

Гардзонио С., Сульпассо Б. Осколки русской Италии: Исследования и материалы. Кн. 1 / науч. ред. О.А. Коростелева, М.А. Васильевой. М., 2011.

Гардзонио С. Перелистывая «Хождения во Флоренцию», или Тоска по невозвратимому // Знамя. 2011. № 4. (http://magazines.russ.ru/znamia/2011/4/go15.html).

Грацианский Н.П. Немецкий "Drang nach Osten" в фашистской историографии // Против фашистской фальсификации истории. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 135-155.

Каганович Б.С. П.М. Бицилли как историк культуры // Одиссей. Человек в истории. 1993. М.: «Наука», 1994.

Каганович Б.С. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб., 2007.

Каганович Б.С. Е.В. Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995.

Клюев А.И Неизвестный известный медиевист: размышления над страницами книги «Николай Оттокар – историк-медиевист» // Диалог со временем. 2011. № 37. С. 366-375.

Ковалев М.В. Научно-исследовательская деятельность П.М. Бицилли в Болгарии (1924–1953 гг.) // Герои и антигерои в исторической судьбе России. Материалы 35-й Всероссийской заочной научной конференции. СПб., 2004. С. 203-209.

Косминский Е.А. Средние века в изображении германских фашистов // Против фашистской фальсификации истории. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 104-134.

Письма Н.П. Оттокара к Вяч. Иванову / Публикация и примеч. Стефано Гардзонио // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 3. http://www.v-ivanov.it/wp-content/uploads/2012/11/pisma_ottokara_ivanovu_2006.pdf

Репина Л.П. Интеллектуальная культура как маркер исторической эпохи // Диалог со временем. 2008. № 22. С. 5-15/

Репина Л.П. Историко-историографическое исследование в контексте современной интеллектуальной культуры // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры. Сборник статей / Под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. Челябинск: «Энциклопедия», 2011. С. 21-35.

Репина Л.П. Историческая наука в предметном поле интеллектуальной истории / История и историки в прошлом и настоящем. ИВИ РАН. 2013.

Русская эмиграция в Италии: журналы, издания, архивы (1900–1940) / Emigrazione russa in Italia: periodici, editiria e archive (1900–1940 / a cura di S. Garzonio e S. Sulpasso // Europa Orientalis. Salerno, 2015.

Селунская Н.А. Пройденный путь идей: век Джоаккино Вольпе // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 403-422.

Селунская Н.А. Италия, народ, коммуна в тоталитарном дискурсе // Диалог со временем. 2012. № 39. С. 240-255.

Селунская Н.А. Коммуникация историографических школ и path dependence: Россия и Италия // Диалог со временем. 2013. № 45. С. 169-182.

Artifoni E. Gioacchino Volpe e i movimenti religiosi medievali / Reti Medievali Rivista, VIII, 2007 (http://www.retimedievali.it).

Artifoni E. Crivellucci, Salvemini, Volpe e una rivista che non si fece. Nota in margine a una ricerca su Gaetano Salvemini storico del medioevo // Annali della Fondazione Luigi Einaudi. XIII. 1979. P. 273–299.

Caggese R. Classi e comuni rurali nel medio evo italiano, vol. 1–2. Firenze, 1907–1909.

Caldwell B. Hayek's Challenge: An Intellectual Biography of F.A. Hayek. University of Chicago. 2004.

Campopiano M. Tra politica, filosofia e storiografia. Una recente pubblicazione su Volpe e Salvemini //Giornale Critico della Filosofia Italiana, 90, 2011, p. 389-400.

Capitani O. Da Volpe a Morghen: riflessioni eresiologiche a proposito del centenario della nascita di Eugenio Dupré Theseider // Studi medievali, s. III, 40 (1999). P. 305–321.

Capriglione F. La metodologia storiografica di Romolo Caggese tra positivismo e storicismo. Foggia, Grafsud, 1981.

Carpi U. La nobilità di Dante. Polistampa, 2004.

Caserta E.G. Croce and Marxism // Journal of the History of Ideas. 1983. Vol. 44, No. 1. P. 141-149.
Cervelli I. Cultura e politica nella storiografia italiana ed europea fra Otto e Novecento. A proposito della nuova edizione di “Storici e maestri” di Gioacchino Volpe // Belfagor. XXIII. 1968. P. 473–483, 596–616; XXIV. 1969. P. 66–89.
Cervelli I. Storiografia e politica: dalla società allo stato. Note su Gioacchino Volpe // La Cultura. VII. 1969. P. 496–534.
Cervelli I. G.Volpe e la storiografia italiana ed europea fra Otto e Novecento // La Cultura. VIII. 1970. P. 40–80, 257–291, 375–424.
Cervelli I. Gioacchino Volpe. Napoli, 1977
Clark M. Gioacchino Volpe and fashists historiography in Italy // Writing National Histories. Western Europe since 1800 / ed. by Stefan Berger, Mark Donovan, Kevin Passmore. London, Routledge, 1999. P. 189-202.
D'Alessandro V. Salvemini medievista / Gaetano Salvemini fra politica e storia. Laterza, Bari-Roma, 1986. P. 139–197.
Di Giovanni G. Il realismo storico di Gioacchino Volpe. Roma, 1976.
Movimenti religiosi e sette ereticali nella società medievale italiana: secoli 11.-14. Firenze: Vallecchi, stampa 1922 (2a ed. 1926).
Nicola Ottokar storico del Medioevo: da Pietroburgo a Firenze / a cura di Lorenzo Pubblici e Renato Risaliti. Firenze: Olschki, 2008. (Biblioteca dell'Archivio storico italiano; 30).
Ottokar N. Il Comune di Firenze alla fine del Dugento, Firenze, Valecchi, 1926.
Ottokar N. I comuni cittadini del medioevo, 1936.
Ottokar N. Venezia: cenni di ciltura e di storia veneziane, Firenze, 1938.
Ottokar N. Studi comunali e fiorentini, Firenze. La Nuova Italia, 1948.

REFERENCES

Ashurova N.I. Petr Mikhailovich Bitsilli. Tomsk: «Pechatnaya manufaktura», 2004.
Batkin L.M. Dante i ego vremya: Poet i politika. M.: Nauka. 1965.
Batkin L.M. Ital'yanskoe Vozrozhdenie v poiskakh individual'nosti. M., 1989.
Bitsilli P.M. Paralleli // Sovremennye zapiski. 1932. Kn. 48. S. 334 345.
Bitsilli P.M. Vozrozhdenie allegorii // Sovremennye zapiski, 1936, № 61.
Bitsilli P.M. Natsiya i gosudarstvo // Sovremennye zapiski, Parizh, 1929, № 38.
Bitsilli P.M. Natsiya i yazyk // Sovremennye zapiski, Parizh, 1929, № 40.
Bitsilli P.M. Mesto Renessansa v istorii kul'tury / Sost., stat'ya, kommentarii B.S. Kaganovicha. SPb., 1996.
Bitsilli P.M. Izbrannye trudy po srednevekovoi istorii: Rossiya i Zapad /Sost. F.B. Uspenskii; Otv. red. M.A.Yusim. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006.
Bitsilli P.M. Ocherki teorii istoricheskoi nauki / Podgot. Teksta, posleslovie i primech. B.S. Kaganovicha. SPb., 2012.
Burd'e P. Pole politiki, pole sotsial'nykh nauk, pole zhurnalistiki // URL: http://bourdieu.name/content/burde-pole-politiki-pole-socialnyh-nauk-pole-zhurnalistiki
B"lgarskata s"dba na prof. P.M. Bitsilli / Veleva, Mariya. Sofiya: Gutenberg, 2004.
Vainshtein O.L. Istoriografiya srednikh vekov v svyazi s razvitiem istoricheskoi mysli ot nachala srednikh vekov do nashikh dnei: Uchebnik dlya istoricheskikh fakul'tetov gosudarstvennykh universitetov i pedagogicheskikh institutov. M.; L.: Sotsekgiz, 1940.
Vainshtein O.L. Zapadnoevropeiskaya srednevekovaya istoriografiya. M.; L.: Nauka, 1964.
Vainshtein O.L. Istoriya sovetskoi medievistiki: 1917–1966. L.: Nauka, Lenin-gradskoe otdelenie, 1968.
Gardzonio S., Sul'passo B. Oskolki russkoi Italii: Issledovaniya i materialy. Kn. 1 / nauch. red. O.A. Korosteleva, M.A. Vasil'evoi. M., 2011.
Gardzonio C. Perelistyvaya «Khozhdeniya vo Florentsiyu», ili Toska po nevozvratimomu // Znamya. 2011. № 4. (http://magazines.russ.ru/znamia/2011/4/go15.html).

Gratsianskii N.P. Nemetskii "Drang nach Osten" v fashistskoi istoriografii // Protiv fashistskoi fal'sifikatsii istorii. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1939. S. 135-155.
Kaganovich B.S. P.M. Bitsilli kak istorik kul'tury // Odissei. Chelovek v istorii. 1993. M.: «Nauka», 1994.
Kaganovich B.S. Russkie medievisty pervoi poloviny KhKh veka. SPb., 2007.
Kaganovich B.S. E.V. Tarle i peterburgskaya shkola istorikov. SPb., 1995.
Klyuev A.I Neizvestnyi izvestnyi medievist: razmyshleniya nad stranitsami knigi «Nikolai Ottokar – istorik-medievist» // Dialog so vremenem. 2011. № 37. S. 366-375.
Kovalev M.V. Nauchno-issledovatel'skaya deyatel'nost' P.M. Bitsilli v Bolgarii (1924–1953 gg.) // Geroi i antigeroi v istoricheskoi sud'be Rossii. Materialy 35-i Vserossiiskoi zaochnoi nauchnoi konferentsii. SPb., 2004. S. 203-209.
Kosminskii E.A. Srednie veka v izobrazhenii germanskikh fashistov // Protiv fashistskoi fal'sifikatsii istorii. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1939. S. 104-134.
Pis'ma N.P. Ottokara k Vyach. Ivanovu / Publikatsiya i primech. Stefano Gardzonio // Vestnik istorii, literatury, iskusstva. T. 3. http://www.v-ivanov.it/wp-content/uploads/2012/11/pisma_ottokara_ivanovu_2006.pdf
Repina L.P. Intellektual'naya kul'tura kak marker istoricheskoi epokhi // Dialog so vremenem. 2008. № 22. S. 5-15/
Repina L.P. Istoriko-istoriograficheskoe issledovanie v kontekste sovremennoi intellektual'noi kul'tury // Istoriya i istoriki v prostranstve natsional'noi i mirovoi kul'tury. Sbornik statei / Pod red. N.N. Alevras, N.V. Grishinoi, Yu.V. Krasnovoi. Chelyabinsk: «Entsiklopediya», 2011. S. 21-35.
Repina L.P. Istoricheskaya nauka v predmetnom pole intellektual'noi istorii / Istoriya i istoriki v proshlom i nastoyashchem. IVI RAN. 2013.
Russkaya emigratsiya v Italii: zhurnaly, izdaniya, arkhivy (1900–1940) / Emigrazione russa in Italia: periodici, editiria e archive (1900–1940 / a cura di S. Garzonio e S. Sulpasso // Europa Orientalis. Salerno, 2015.
Selunskaya N.A. Proidennyi put' idei: vek Dzhoakkino Vol'pe // Dialog so vreme-nem. 2011. Vyp. 36. S. 403-422.
Selunskaya N.A. Italiya, narod, kommuna v totalitarnom diskurse // Dialog so vre-menem. 2012. № 39. S. 240-255.
Selunskaya N.A. Kommunikatsiya istoriograficheskikh shkol i path dependence: Ros-siya i Italiya // Dialog so vremenem. 2013. № 45. S. 169-182.
Artifoni E. Gioacchino Volpe e i movimenti religiosi medievali / Reti Medievali Rivista, VIII, 2007 (<http://www.retimedievali.it)
Artifoni E. Crivellucci, Salvemini, Volpe e una rivista che non si fece. Nota in margine a una ricerca su Gaetano Salvemini storico del medioevo // Annali della Fondazione Luigi Einaudi. XIII. 1979. P. 273–299
Caggese R. Classi e comuni rurali nel medio evo italiano, vol. 1–2. Firenze, 1907–1909.
Caldwell V. Hayek's Challenge: An Intellectual Biography of F.A. Hayek. University of Chicago Press, 2004.
Campopiano M. Tra politica, filosofia e storiografia. Una recente pubblicazione su Volpe e Salvemini //Giornale Critico della Filosofia Italiana, 90, 2011, p. 389-400.
Capitani O. Da Volpe a Morghen: riflessioni eresiologiche a proposito del centenario della nascita di Eugenio Dupré Theseider // Studi medievali, s. III, 40 (1999). P. 305–321.
Capriglione F. La metodologia storiografica di Romolo Caggese tra positivismo e storicismo. Foggia, Grafsud, 1981.
Carpi U. La nobilità di Dante. Polistampa, 2004.
Caserta E.G. Croce and Marxism // Journal of the History of Ideas. 1983. Vol. 44, No. 1. P. 141-149.
Cervelli I. Cultura e politica nella storiografia italiana ed europea fra Otto e Novecento. A proposito della nuova edizione di “Storici e maestri” di Gioacchino Volpe // Belfagor. XXIII. 1968. P. 473–483, 596–616; XXIV. 1969. P. 66–89.

Cervelli I. Storiografia e politica: dalla società allo stato. Note su Gioacchino Volpe // La Cultura. VII. 1969. P. 496–534.
Cervelli I. G.Volpe e la storiografia italiana ed europea fra Otto e Novecento // La Cultura. VIII. 1970. P. 40–80, 257–291, 375–424.
Cervelli I. Gioacchino Volpe. Napoli, 1977
Clark M. Gioacchino Volpe and fashists historiography in Italy // Writing National Histories. Western Europe since 1800 / ed. by Stefan Berger, Mark Donovan, Kevin Passmore. London, Routledge, 1999. P. 189-202.
D'Alessandro V. Salvemini medievista / Gaetano Salvemini fra politica e storia. Laterza, Bari-Roma, 1986. P. 139–197.
Di Giovanni G. Il realismo storico di Gioacchino Volpe. Roma, 1976.
Movimenti religiosi e sette ereticali nella società medievale italiana: secoli 11.-14. Firenze: Vallecchi, stampa 1922 (2a ed. 1926).
Nicola Ottokar storico del Medioevo: da Pietroburgo a Firenze / a cura di Lorenzo Pubbli-ci e Renato Risaliti. Firenze: Olschki, 2008. (Biblioteca dell'Archivio storico italiano; 30).
Ottokar N. Il Comune di Firenze alla fine del Dugento, Firenze, Valecchi, 1926.
Ottokar N. I comuni cittadini del medioevo, 1936.
Ottokar N. Venezia: cenni di ciltura e di storia veneziane, Firenze, 1938.
Ottokar N. Studi comunali e fiorentini, Firenze. La Nuova Italia, 1948.

Селунская Надежда Андреевна, *кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; liquidmodernity@gmail.com*

“Our” and “foreign” history
Medievalists between the World wars and social upheavals

National identity and historical memory are intellectual constructs made by historians and intellectuals and later deconstructed by them. At the analysis of these concepts, case studies, intellectual biographies, the “history of historians” seems to be a natural choice. The author focuses her attention on the efforts of the last generation of historians who used this concept to re-construct, not de-construct the notion, and on the biographies of medievalists and historians of Italy. Attractiveness of these biographies is explained by the author’s own research interests, but also by that medievalists (both in the first half of the 20th c., and later) were authoritative for all national community of historians, could switch to later periods of history and reacted to the challenges of contemporary world.

Keywords: historical memory, identity of historian, intellectual biography, medieval studies, Italian studies.

Selounskaya Nadezhda, *PhD in History, senior research fellow, Centre for Intellectual History, Institute of World History (RAS); liquidmodernity@gmail.com*

Е. Л. Кауганов

«СПОР ГОЛЬДХАГЕНА» И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ НЕМЕЦКОЙ «ПРОРАБОТКИ ПРОШЛОГО»

В статье анализируются дебаты о книге Д. Гольдхагена «Добровольные исполнители Гитлера» как одна из ключевых дискуссий о немецком историческом и национальном самосознании в 1990-е гг. Автор рассматривает концепцию «элиминаторного антисемитизма» Гольдхагена, рецепцию книги в СМИ, в сообществе профессиональных историков и оценивает влияние книги и дискуссии о ней на немецкую культуры памяти о нацизме. Если большинство историков отнеслось к книге амбивалентно или критически, то основная масса читателей восприняла ее позитивно. Автор объясняет данный феномен тем, что Гольдхаген дал возможность для четкого размежевания между тоталитарным прошлым и демократическим настоящим Германии.

Ключевые слова*: *ФРГ, нацизм, культура памяти, проработка прошлого, национальная идентичность, Гольдхаген.

Несмотря на то, что нацистская эпоха, при всей своей специфике, как кажется, в течение последних десятилетий действительно подверглась «историзации», то есть переместилась из пространства общественных и политических дискуссий в сферу чисто академических исследований, значение нацизма для политики, общественного дискурса и культуры памяти Германии вплоть до сегодняшнего дня нельзя подвергнуть сомнению. Дискуссии о нацистском прошлом стали неотъемлемой частью культурной и интеллектуальной жизни ФРГ начиная с 1980-х гг., в первую очередь благодаря импульсам «спора историков» между «ревизионистско-апологетическим» лагерем Эрнста Нольте и «критической» группой немецких интеллектуалов во главе с Юргеном Хабермасом. В 1990-е годы немецкая «проработка прошлого» продолжилась с возросшей интенсивностью, чему в немалой степени способствовало объединение Германии и связанная с ним рефлексия национальной и исторической идентичности немцев.

В 1996 г., параллельно с жесткими дебатами о резонансной выставке «Преступления Вермахта», в Германии разгорелась другая, не менее масштабная дискуссия о нацистском прошлом страны и проблеме отношения к нему современных немцев. Триггером нового спора стало появление книги американского историка, профессора Гарвардского университета Дэниела Гольдхагена «Добровольные исполнители Гитлера». На основе анализа высказываний немецких журналистов, историков и других интеллектуалов в данной статье сделана попытка выяснить, как книга Гольдхагена повлияла на рефлексию немцами нацистского прошлого, и какой вклад она внесла в немецкую культуру памяти. Отдельно следует подчеркнуть, что автор не задавался целью критически проанализировать методологические и теоретические ошибки и заблуждения Гольд-

хагена[1]. Главный интерес представляет содержательная реконструкция и анализ спровоцированной Гольдхагеном дискуссии и оценка ее последствий для немецкой «проработки прошлого», историко-политического сознания ФРГ и культуры памяти о нацизме. Чтобы вскрыть значение «Спора Гольдхагена» в названных аспектах, автор сконцентрируется на разборе преобладавших дискурсивных позиций его участников и основных линий их аргументации. Отдельный аспект представляет реакция на книгу широких слоев немецкого общества, не принимавших активного участия в дебатах, но являвшихся, несомненно, не менее важным реципиентом книги Гольдхагена, чем академическое сообщество и профессиональные историки. Однако прежде чем перейти к решению данных задач, следует охарактеризовать главные тезисы книги Гольдхагена.

В своем исследовании американский политолог поставил цель дать ответ на фундаментальные вопросы истории Второй мировой войны и нацистской диктатуры: как стал возможен Холокост, и что явилось причиной бесчеловечных преступлений немцев в отношении евреев. Исходный тезис Гольдхагена заключался в том, что Холокост был не только делом рук преступной клики нацистских вождей, но требовал для своего осуществления наличия широкой сети пособников и исполнителей. Отталкиваясь от этого в целом очевидного положения, Гольдхаген ставил вопрос о мотивах, заставивших людей пойти на совершение преступлений. Конвенциональные историографические объяснения Холокоста – такие, как подчинение приказам, авторитету начальства, групповая порука – Гольдхаген расценивал как неудовлетворительные[2]. Главной предпосылкой и мотивом Холокоста, по Гольдхагену, стала готовность большинства обычных немцев в 1930-е гг. «терпимо относиться, поддерживать и участвовать в преследованиях евреев», что являлось ничем иным как проявлением «элиминаторного антисемитизма» (eliminationist anti-Semitism)[3]. Гольдхаген утверждал, что немецкий антисемитизм уходит вглубь истории, а возможность истребления всего еврейского народа обсуждалась в Германии уже в XIX в.[4] Однако концентрированные, координированные и планомерные действия против евреев в кайзеровской Германии были невозможны: «Еще отсутствовали возможности для трансформации антисемитизма в программу физического нападения, и государственный строй не позволял антисемитизму стать базисом коллективного, общественного действия»[5]. Лишь с приходом к власти нацистов были созданы условия для геноцида. Первые шаги антиеврейской программы – систематическое исключение евреев из немецкой обще-

[1] Анализ слабых сторон работы Гольдхагена см: Newman 2002; Schneider 1997.
[2] Goldhagen 1996. P. 13.
[3] Ibid. P. 375.
[4] Ibid. P. 419.
[5] Ibid. P. 72.

ственной и экономической жизни – были поддержаны большей частью немецкого общества. Представители всех его слоев и групп: католики и протестанты, юристы, врачи и учителя принимали участие в сегрегации евреев. При этом лишение евреев гражданских прав, бесчинства, депортации в концлагеря в своей совокупности не вызвали значимого сопротивления со стороны немецких граждан. Более того: сегрегация и последующее уничтожение евреев нашли поддержку даже среди убежденных противников нацизма, поскольку они разделяли антисемитские убеждения. «Удивительный феномен, состоявший в том, что самое большое преступление нацистского режима ни разу не вызвало возмущение тех, кто в остальном всегда ему противостоял, можно понять, исходя из вездесущности антисемитизма в Германии. Если позитивные или, по меньшей мере, нейтральные мнения о евреях нельзя было услышать от таких моральных инстанций, как христианские церкви и заклятые враги Гитлера, то где их, в таком случае, было искать? Культурно-когнитивная модель, сформированная в отношении евреев, определяла и восприятие нацистов, и их противников»[6], – заключал Гольдхаген. Немецкий народ полностью принял нацистский образ евреев, огромное количество обычных немцев стали «добровольными исполнителями» Гитлера. Нацистское движение завоевало политическую власть над обществом, которое было легко мобилизовать для уничтожения евреев[7].

Свои подчас радикальные обобщающие тезисы Гольдхаген стремился подкрепить детальным описанием и анализом конкретных ситуаций. Главным объектом своего анализа историк сделал расстрельный полицейский батальон 101, причастный к убийству около 40 тысяч евреев во время войны. В других частях книги он анализировал поведенческую стратегию преступников в концлагерях и в ходе так называемых «маршей смерти» 1944–1945 гг. Основываясь на судебных актах послевоенных разбирательств против членов батальона 101, Гольдхаген показал, что эти люди совершали свои действия не под давлением начальства, а добровольно, и не с чувством стыда, а с «гордостью и убежденностью в правильности совершаемого»[8]. Гольдхаген также писал, что, в противоположность формуле Ханны Арендт о «банальности зла», Холокост не был для преступников «безэмоциональным процессом»[9]. Из изученных Гольдхагеном данных следовало, что члены батальона имели возможность не принимать участия в расстрелах. Перед первой карательной акцией им было предложено отказаться от этого, однако лишь 10–12 человек из 500 членов батальона воспользовались данной возможностью[10]. Для анализа

[6] Ibid. P. 116.
[7] Ibid. P. 23.
[8] Ibid. P. 225.
[9] Ibid. P. 481.
[10] Ibid. P. 213.

Гольдхагена принципиально важен тот факт, что речь шла не об убежденных нацистах и членах партии – таковые, по его данным, составляли примерно треть членов батальона[11]. Большинство членов батальона были среднестатистическими немецкими гражданами, добровольно поступившими на службу в полицию, так как не попали на фронт по возрастным ограничениям. Таким образом, речь шла о «совершенно обычных», «нормальных» немцах. Поведение членов батальона демонстрировало, насколько сильны были антисемитские убеждения, продолжительное время господствовавшие в Германии, и насколько тонка была грань, отделявшая негативное отношение к евреям от бесчеловечных преступлений. Без содействия тысяч немцев, принявших участие в геноциде, или так или иначе его поддержавших, уничтожение евреев не было бы столь планомерным и систематическим, писал Гольдхаген. «Не экономические трудности, не система принуждения тоталитарного государства, не социально-психологическое давление [...], а представления о евреях, господствовавшие в Германии десятилетиями, заставили совершенно обычных немцев систематически и беспощадно убивать тысячи невооруженных, беззащитных еврейских мужчин, женщин и детей»[12].

Сразу же после своего появления книга Гольдхагена вызвала большой резонанс в немецких и мировых СМИ. Еще до появления немецкого перевода германские журналисты начали дискуссию о книге Гольдхагена и актуализированном им тезисе о «коллективной вине» немцев. По замечанию редактора газеты «Цайт» Фолькера Ульриха, «дебаты Гольдхагена» в определенном смысле стали продолжением «спора историков» 1986–1987 гг.[13] Мнения о книге в немецком обществе поляризовались. В то время как профессиональные историки оценивали книгу сдержанно, подавляющее большинство рядовых читателей восприняли ее с энтузиазмом: 80 тысяч экземпляров первого немецкого издания книги, появившегося 7 августа 1996 года, было распродано за один месяц, и в начале октября 1996 года были дополнительно напечатаны еще 100 тысяч экземпляров. В общей сложности до начала 1999 года было продано 300 тысяч экземпляров книги, что было экстраординарным успехом для исторической монографии.

Как уже было сказано, первоначальная реакция немецких историков и журналистов была преимущественно амбивалентной и скептической. Немецкие критики упрекнули Гольдхагена в грубом упрощении: он «абсолютизирует» коллективную вину немцев и «демонизирует» немецкую нацию. Многие историки и публицисты усомнились в методологических принципах исследования Гольдхагена. Частым был упрек

[11] Ibid. P. 207.
[12] Ibid. P.9.
[13] Ullrich 1996.

в намеренном желании привлечь к себе внимание СМИ. Историк Норберт Фрай отмечал, что книга Гольдхагена «не содержит каких-либо действительно новых научных результатов», и написана «в крайне детерминистском ключе»[14]. Вместе с тем Фрай вынужден был констатировать, что немецкая историография Холокоста действительно уделяла крайне мало внимания и игнорировала факт «чрезвычайно высокой степени идентификации немцев с Гитлером и нацистским режимом». Вслед за Фрайем амбивалентно высказались о книге такие авторитетные историки, как Эберхард Йеккель, Ульрих Херберт, Ганс-Ульрих Велер.

12 апреля в газете «Цайт» вышла статья Фолькера Ульриха, в которой автор отметил, что «жесткая дискуссия, которую книга вызвала в США, показывает, что она задевает за живое, и, несмотря на критические замечания, она достойна дискуссии»[15]. Журналист добавил, что «после празднования пятидесятилетия окончания войны некоторые немцы поддались искушению наконец избавиться от этой темы и беззаботно предаться новой “нормальности”»[16]. От того, как «будет принята немцами тревожная, пугающая книга Гольдханена, – продолжал Ульрих, – можно будет многое понять об историческом сознании этой [Федеративной] Республики».

13 апреля 1996 года в газете «Тагесцайтунг» журналистка Мариам Нируманд упрекнула Гольдхагена в предвзятости исторической интерпретации ввиду его еврейского происхождения[17]. Как и Фрай, Нируманд советовала воздержаться от общественной дискуссии о книге. Двумя днями позже о книге Гольдхагена высказал свое мнение редактор «Франкфуртер альгемайне цайтунг» Франк Ширрмахер. Журналист подверг Гольдхагена критике за то, что тот пытается возродить тезис о коллективной вине и представление об антисемитском менталитете немцев. Жесткие дебаты о книге в США и в Германии, по словам Ширрмахера, вызваны «не сложностью книги, а скорее радикальной простотой, с которой автор излагает свои тезисы». «В целом, тезис о коллективной вине немцев является ядром этой книги, примечательно лишь то, что Гольдхаген его исторически и социологически радикализирует», – писал автор «Франкфуртер альгемайне цайтунг»[18].

Позитивную оценку работа получила от историка и политолога, профессора Потсдамского университета Юлиуса Шепса. Высказывая свое мнение 26 апреля 1996 года в газете «Цайт», Шепс, в отличие от критиков Гольдхагена, подчеркнул необходимость общественной дискуссии о книге. Ученый критически отнесся к возмущению многих

---

[14] Frei 1996.
[15] Ullrich 1996.
[16] Ibidem.
[17] Niorumand 1996.
[18] Schirrmacher 1996.

немецких интеллектуалов работой американского историка. Шепс писал, что и до Гольдхагена публиковались работы, изучающие влияние традиционного антисемитизма на Холокост – например, исследования Алекса Байна, Гельмута Бердинга, Вернера Йохмана, Вольфганга Бенца, Леона Полякова. По мнению Шепса, негативная реакция немецкой публики вызвана «непривычно радикальными, провокационными формулировками и вопросами Гольдхагена»[19].

30 апреля 1996 года в газете «Франкфуртер рундшау» журналист Гертруда Кох одобрительно высказалась о книге Гольдхагена, согласившись с тезисом историка о значимости антисемитизма немцев для осуществления Холокоста. По словам Кох, в послевоенной Германии данная тема подверглась «сознательному замалчиванию». По мнению журналистки, «элиминаторный антисемитизм» немцев был «необходимым, но не достаточным условием» Холокоста, на чем настаивал Гольдхаген, и на протяжении всей эпохи нацизма немцы обладали возможностью индивидуального выбора[20].

В свою очередь, журналист Йост Нольте в статье в газете «Вельт» 16 апреля 1996 года попытался представить немцев в роли жертв «культа вины». Нольте сравнил своих соотечественников с мифическим Сизифом, и заявил, что Освенцим становится у Гольдхагена «первородным грехом немцев»: «Спустя более полувека после смерти Гитлера и после поворота 1989–1990 годов [...] казалось, что история освободила немцев от судьбы Сизифа. Гольдхаген приложил все усилия, чтобы вновь подвергнуть их проклятию»[21], – сетовал Нольте.

8 мая 1996 года Дэниел Гольдхаген отреагировал на дебаты в Германии открытым письмом к немецким книготорговцам, в котором попытался устранить недоразумения по поводу своей книги. Автор заявил, что не отстаивает идею о неизменном антисемитском менталитете немцев, тезис о немецкой коллективной вине, о неизбежности Холокоста в Третьем рейхе, и об антисемитизме как о единственной его причине[22]. Стоит сказать, что в предисловии к немецкому изданию своей работы Гольдхаген также указывал, что категорически отвергает тезис о коллективной вине немцев, и лишь утверждает, что «число совершивших преступные деяния немцев было огромным»[23].

В своем обзоре книги Гольдахена 25 мая 1996 года в газете «Цайт» историк Ганс-Ульрих Велер констатировал наличие «защитного консенсуса» в немецкой прессе по отношению к работе американского ученого, при том, что работа действительно содержит в себе «импульс новиз-

---

[19] Schoeps 1996.
[20] Koch 1996.
[21] Nolte 1996.
[22] Kött 1999. S. 136.
[23] Goldhagen 1996(a). S. 11-12.

ны»[24]. Книга Гольдхагена является «стимулом к новому осмыслению чрезвычайно острых и до сих пор нерешенных проблем прошлого», что, по мнению Велера, следует расценивать позитивно. Положительно Велер оценил и вклад Гольдхагена в изучение социальной психологии преступников на примере полицейских батальонов, концлагерей и «маршей смерти», а также в исследование «повседневного антисемитизма» в Третьем рейхе. «Не прав ли Гольдхаген, что подобная жесткость, ставшая массовым феноменом среди представителей когда-то цивилизованного народа, до сих пор нуждается в объяснении?», – риторически спрашивал Велер. Он критически отнесся к методологии Гольдхагена, усмотрев в ней «редукционизм» и стремление к «монокаузальному объяснению»[25].

Позитивно оценила книгу Гольдхагена историк Ингрид Гильхер-Хольтей 7 июня 1996 года в газете «Цайт». По ее словам, Гольдхаген пытается объяснить не политические процессы, приведшие к Холокосту, а менталитет непосредственных участников и исполнителей геноцида. В этом заключается новаторский подход исследования, и его тезисы заставляют обратиться к недостаточно изученным аспектам Холокоста – прежде всего, к ментальному аспекту. Гольдхаген, как и другие исследователи менталитета, пытается вычленить схемы коллективного мышления и восприятия из поведения индивидуумов и групп[26]. В свою очередь, историк Ульрих Херберт усомнился в тезисе Гольдхагена о Холокосте как «национальном проекте» немцев, но отметил, что Гольдхаген правильно поставил вопрос о «масштабе распространения юдофобии среди немецкого населения и значении антисемитизма для старта и осуществления многомиллионного убийства»[27].

В июле–августе 1996 года дебаты о книге Гольдхагена в федеральной немецкой прессе продолжились в таких изданиях, как «Зюддойче цайтунг», «Франкфуртер рундшау», «Франкфуртер альгемайне цайтунг». В статье в «Зюддойче цайтунг» 20 июля 1996 года Ганс Моммзен отверг тезис Гольдхагена о специфическом немецком антисемитизме как единственном мотиве Холокоста и назвал подход Гольдхагена «намеренно провокационным»[28]. Однако, в отличие от других критиков Гольдхагена, Моммзен был склонен видеть в дебатах определенный смысл, а именно возможность «дискуссии о моральной ответственности немцев, живших при нацистской диктатуре». Моммзен отмечал, что большей части немецкого населения не было непосредственно известно о масштабах уничтожения евреев, однако «информации и определенных показателей было достаточно, чтобы составить приблизительную картину о

[24] Wehler 1996.
[25] Ibidem.
[26] Gilcher-Holtey 1996.
[27] Hebert 1996.
[28] Mommsen 1996.

них». Без широко распространенной индифферентности и нежелания попасть под общественное осуждение, утверждал Моммзен, масштабы преступлений были бы меньше: «Незнание об убийстве не освобождает от коллективной ответственности за допущение общественного беззакония, которое было предпосылкой к убийству»[29], – подчеркивал историк.

Свое мнение о книге Гольдхагена высказали также Ян Филипп Реемтсма и Ханнес Хеер, авторы резонансной передвижной выставки «Преступления Вермахта». 24 июля 1996 года в «Зюддойче цайтунг» Реемтсма писал, что, несмотря на свой провокационный характер, книга Гольдхагена «необходима, так как она способствует дискуссии о немецком антисемитизме и его влиянии на поведение населения во время нацистской диктатуры»[30]. В свою очередь, Ханнес Хеер согласился с тезисом Гольдхагена о том, что между нацистским режимом и тогдашним немецким населением существовал консенсус. Ошибка Гольдхагена, по мнению Хеера, состоит в недостаточном внимании к другим факторам, влиявшим на сознание немцев, к примеру, к пропаганде, внушавшей идею о «судьбоносной борьбе немецкого народа», а также к «эмоциональному ожесточению из-за перманентного насилия, сопровождавшего войну»[31].

Несмотря на амбивалентную оценку немецких историков и публицистов, книга Гольдхагена после появления на прилавках немецких магазинов в одночасье стала бестселлером[32]. После выхода немецкого издания Гольдхаген провел в Германии серию лекций, которые широко освещались СМИ, и на каждой из которых присутствовали 5-6 тысяч человек. О лекциях Гольдхагена в крупных городах Германии писал журналист Кристиан Землер 7 сентября 1996 года в «Тагесцайтунг». Землер сообщал, что широкая немецкая публика, в отличие от профессиональных историков, восприняла работу Гольдхагена положительно[33]. В свою очередь, журналист Йозеф Йоффе 11 сентября 1996 года в «Зюддойче цайтунг» отмечал, что во время дискуссий Гольдхаген находил живой контакт со своими слушателями, критических реакций и выступлений на лекциях практически не наблюдалось[34].

Дебаты о книге Гольдхагена в немецких СМИ завершаются к концу октября 1996 года. Относительно характера и тона дебатов в целом следует сказать, что среди подавляющего большинства критиков имело место постепенное смещение от негативной оценки в сторону более дифференцированного и взвешенного анализа. Если в начале дебатов труд Гольдхагена многими рассматривался как провокационный и не лишен-

[29] Ibidem.
[30] Reemtsma 1996.
[31] Heer 1996.
[32] Kracht 2005. S. 157.
[33] Semler 1996.
[34] Joffe 1996.

ный серьезных ошибок, то для поздней рецепции характерно признание в книге «необходимого вызова»[35] и «ценной провокации»[36].

В 1997 г. историк, профессор института Фридриха Мейнеке в Берлине Вольфганг Випперман попытался дать итоговую оценку дебатам о работе Гольдхагена. Випперман писал, что, несмотря на методологические недостатки, книга достойна позитивной оценки: «“Спор Гольдхагена”, начавшийся ровно через десять лет после “спора историков” [...] показывает, что борьба за культурную гегемонию современности через проработку прошлого продолжается [...]. Гольдхаген написал важную книгу в правильное время»[37]. По мнению Виппермана, книга «Добровольные исполнители Гитлера» достойна высокой оценки, во-первых, потому, что в ней удалось «опровергнуть тривиализирующие сравнения Третьего рейха с другими режимами, в частности, с “тоталитарной” ГДР». Во-вторых, в своем анализе Гольдхаген не использовал нарратив о «трагическом срединном положении Германии». В-третьих, Гольдхаген не оставил никаких сомнений в том, что Германия несет исключительную ответственность за развязывание глобального конфликта, который обернулся беспрецедентной «расовой войной на уничтожение». В-четвертых, Гольдхаген нанес удар по попыткам «новых правых» релятивизировать преступления Третьего рейха ссылками на его якобы «положительные стороны»[38].

Стоит сказать, что определенная «ненаучность» метода и стиля Гольдхагена некоторыми расценивались и до сих пор расценивается не как слабость, а, напротив, как преимущество его книги. К примеру, историк Герхард Шайт пишет, что «именно то, за что Гольдхагена почти единодушно и особенно остро критикуют, является его самой лучшей стороной: попытка монокаузального объяснения, спекулятивный стиль вопросов, который действительно находится на грани научности»[39].

Важно отметить, что колоссальный читательский интерес к книге в Германии (около 300 тысяч проданных экземпляров до 1999 года) способствовал актуализации интереса к нацистскому прошлому далеко за пределами сообщества профессиональных историков. Пытаясь объяснить позитивную рецепцию книги Гольдхагена со стороны широких слоев немецкого общества, исследователь немецкой культуры памяти Алейда Ассман отмечает, что данный эффект был обусловлен не в последнюю очередь тем, что немецкая аудитория Гольдхагена, состоящая в основном из поколения детей и внуков социализировавшихся при нацизме немцев, получила своеобразное «коллективное оправдание».

---

[35] Kött 1999. S. 110.
[36] Rusinek 1998. S. 130.
[37] Wippermann 1997. S. 116.
[38] Ibidem.
[39] Scheit 2000. S. 140.

Элиминаторный антисемитизм действительно был глубоко укоренен в немецкой культуре, но после 1945 года он был радикально и окончательно преодолен. Немецкий народ бесповоротно дистанцировался от антисемитизма и обратился к идеям демократии. Таким образом, по оценке Ассман, книга Гольдхагена в определенном смысле обладала для немцев эффектом «катарсиса»[40].

В то же время, наряду с популяризаторским импульсом, книга представляла и научный интерес, она дала исследователям стимул для постановки новых вопросов в изучении ранее незатронутых аспектов Третьего рейха, в частности, немецкого и – шире – европейского антисемитизма и антисемитского менталитета[41] . Книга Гольдхагена, как и спор о выставке «Преступления Вермахта» 1995-1999 гг., заставляла посмотреть на преступления нацизма не отстраненно, а под личным углом зрения, переместить перспективу с безличных, анонимных структур нацистского государства на индивидуальную биографию и экзистенциальные решения «обычных», среднестатистических немецких граждан, ставших преступниками. Подчеркивая данный аспект, Йозеф Йоффе писал: «Книга должна стать обязательной для прочтения. К примеру, кому известно, что такие легендарные антинацистские теологи, как пастор Нимёллер или Карл Барт, произносили антисемитские проповеди? [...] После этой спорной не только в Германии книги будет не так легко дистанцироваться от беспрецедентных преступлений “во имя Германии” и сохранить грань между нацистами и “обычными немцами”»[42]. Крупный американский политолог Андрей Марковиц также отмечал научную значение работы Гольдхагена: «Книга Гольдхагена нова в своем богатстве интерпретаций и материала, в прямоте своей речи. Прежде всего, она закрывает досадный пробел в немецкой историографии, которая знает довольно много о “преступниках письменного стола”, но пугающе мало – об исполнителях Холокоста»[43]. Поставив акцент на социально-психологическом анализе исполнителей Холокоста, Гольдхаген выступил как оппонент доминировавшему в немецкой историографии того периода структуралистскому подходу в объяснении причин и реализации Холокоста, центрированному на изучении общественных структур, участвовавших в осуществлении геноцида, и в общем индифферентному к перспективе жертв Холокоста. Гольдхаген также выступил как критик интенционалистского подхода, сводящего всю подоплеку Холокоста к «приказу Фюрера» («Führerbefehl»). Работа Гольдхагена, по выражению Фолькера Ульриха, действительно изменила взгляд ис-

---

[40] Assmann 1999. 289.

[41] См. Gerlach 1998; Steinbacher 2000; Aly 1996; Pohl 1996; Paul 2002; Kaiser 2002; Sandkühler 1999.

[42] Joffe 1996(a)

[43] Markovits 1996. S. 667.

ториков на эпоху нацизма, так как вопрос об участии «обычных немцев» в Холокосте был поставлен в ней «так остро, как ни в одной другой книге»[44]. Гольдхаген стал одним из первых исследователей молодого поколения, переместившим фокус с преступной элиты Третьего Рейха на анализ поведенческих стратегий и менталитета «обычных» исполнителей геноцида – солдат и полицейских, и доказал, что «массовые преступления нацизма были не только преступлением по отношению к массам, но и преступлениями масс»[45]. Журналист Die Zeit Роберт Ляйхт отмечал, что книга Гольдхагена «в первую очередь не историческая, а моралистическая – не экспертное заключение, а приговор. Моральные приговоры могут быть односторонними, даже несправедливыми [...], однако, несмотря на это, точными, волнующими, пугающими... Даже за вычетом всех ошибок и недостатков остается сила эффекта... Ярость некоторых критиков – тоже один из вариантов этого эмоционального потрясения»[46]. При этом нельзя не согласиться с рядом критиков Гольдхагена в том, что в своем исследовании он явно недооценивает динамику общественно-политических институтов, которые потенцировали «культурный» немецкий антисемитизм до «практического» «элиминаторного» антисемитизма. Принимая во внимание вышесказанное, следует согласиться с резюме Норберта Фрая: главное достоинство книги Гольдхагена заключалось, прежде всего, в том, что она способствовала «символическому признанию исторической ответственности немцев спустя 50 лет после конца нацистского режима»[47].

Обобщая, можно сказать, что книга Гольдхагена и дебаты вокруг нее маркируют одну из наиболее значимых вех критической рефлексии и проработки нацистского прошлого в объединенной Германии 1990–х гг. Будучи одним из наиболее знаковых исторических дебатов в Германии после «спора историков», и, пожалуй, последними дебатами такого рода, привлекшими внимание всего немецкого общества, «спор Гольдхагена», несомненно, потенцировал значение памяти о нацизме в качестве базового нарратива послевоенной немецкой идентичности и центрального «негативного масштаба» немецкой политической культуры[48]. В связи с этим интересна точка зрения самого автора резонансного исследования. В марте 1997 года за вклад в изучение Холокоста Дэниел Гольдхаген был удостоен «Приза демократии» «Журнала немецкой и международной политики», издаваемого в Бонне. В речи по случаю вручения приза один из главных участников «спора историков» 1986 года Юрген Хабермас заявил, что «на основе проникновенности и моральной силы из-

[44] Ullrich 1996(a)
[45] Geisel 1998. S. 137.
[46] Leicht 1996.
[47] Frei 2003. S. 146.
[48] Benner, Köster 1999. S. 63.

ложения Гольдхагену удалось дать важные импульсы общественному сознанию Федеративной республики». По словам философа, американский ученый «повысил чувствительность к подоплеке и границам немецкой “нормализации”»[49]. В свою очередь, в благодарственной речи Гольдхаген отметил успехи немцев в критической проработке собственного прошлого и выработке «ненационалистического национального самосознания, ответственного перед международным сообществом». В заключение своей речи Гольдхаген назвал ФРГ «позитивной моделью и эталоном, которому другие государства должны подражать». «Я не знаю другой страны, столь открытой и последовательной в обращении с бесславными и страшными страницами собственного прошлого»[50], – подчеркнул американский ученый.

БИБЛИОГРАФИЯ

Кёниг Х. Будущее прошлого: Национал-социализм в политическом сознании ФРГ. М.: РОССПЭН, 2012.

Aly G. Endlösung: Völkerverschiebung und der Mord an den europäischen Juden. Frankfurt/Main: Fischer, 1996.

Assmann A, Frevert U. Geschichtsvergessenheit – Geschichtsversessenheit. Vom Umgang mit deutschen Vergangenheiten nach 1945. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1999.

Benner T., Köster C. R. Auf ewig Sisyphos? Die Goldhagen-Debatte und die politische Kultur der Berliner Republik // Sozialwissenschaftliche Informationen 26 (1). Seezle-Velber: PZ Pädagogika Zentrale, 1997. S. 55–64.

Frei N. Ein Volk von “Endlösern”? // Süddeutsche Zeitung, 13.04.1996.

Frei N. Goldhagen, die Deutschen und die Historiker. Über die Represäntation des Holocaust im Zeitalter der Visualisierung // Zeitgeschichte als Streitgeschichte. Große Kontroversen seit 1945 / Sabrow M., Jessen R., Kracht K.G. (Hrsg.). München: C. H. Beck, 2003. S. 138–151.

Geisel E. Triumph des guten Willens. Gute Nazis und selbsternannte Opfer. Die Nationalisierung der Erinnerung. Berlin: Edition Tiamat, 1998.

Gerlach C. Krieg, Ernährung, Völkermord: Deutsche Vernichtungspolitik im Zweiten Weltkrieg. Hamburg: Hamburger Edition, 1998.

Gilcher-Holtey I. Die Mentalität der Täter // Die Zeit, 07.06.1996.

Goldhagen D. Hitlers willige Vollstrecker. Ganz gewöhnliche Deutsche und der Holocaust. – Berlin: Siedler Verlag, 1996 (a).

Goldhagen D. Hitler's Willing Executioners: Ordinary Germans and the Holocaust. New York: Alfred A. Knopf, 1996.

Habermas J. Warum ein “Demokratiepreis” für Daniel J. Goldhagen? Eine Laudatio // Die Zeit, 14.03.1997.

Heer H. Die große Tautologie // taz, 04.09.1996.

Herbert U. Aus der Mitte der Gesellschaft // Die Zeit, 14.06.1996.

Joffe J. “Die Killer waren normale Deutsche, also waren die normalen Deutschen Killer” // Ein Volk von Mördern? Die Dokumentation zur Goldhagen-Kontroverse um die Rolle der Deutschen im Holocaust / Schoeps J. H. (Hrsg.). Hamburg: Hoffmann und Campe, 1996. S. 162–167.

Joffe J. Das Goldhagen-Phänomen // Süddeutsche Zeitung, 11.09.1996(a)

[49] Habermas 1997.

[50] Кёниг 2012. С. 102-103.

Kaiser W. Täter im Vernichtungskrieg: Der Überfall auf die Sowjetunion und der Völkermord an den Juden. Berlin, München: Propyläen, 2002.
Koch G. Eine Welt aus Willen und Vorstellung // Frankfurter Rundschau, 30.04.1996.
Kött M. Goldhagen in der Qualitätspresse. Eine Debatte über “Kollektivschuld” und “Nationalcharakter” der Deutschen. Konstanz: UKV, 1999.
Kracht K.G. Die zankende Zunft. Historische Kontroversen in Deutschland nach 1945. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005.
Leicht R. D.J. Goldhagens Buch ist ein Urteil, kein Gutachten. Warum der Streit um die Studie sich lohnt // Die Zeit, 06.09.1996.
Markovits A.S. Störfall im Endlager der Geschichte // Ein Volk von Mördern? Die Dokumentation zur Goldhagen-Kontroverse um die Rolle der Deutschen im Holocaust / J. H. Schoeps (Hrsg.). Hamburg: Hoffmann und Campe, 1996. S. 667–674.
Mommsen H. Die Schuld der Gleichgültigen // Süddeutsche Zeitung. 20.07.1996.
Niroumand M. Little Historians // taz, 13.04.1996.
Nolte J. Sisyphos ist Deutscher // Die Welt, 16.04.1996.
Paul G.: Die Täter der Shoah: Fanatische Nationalsozialisten oder ganz normale Deutsche? Göttingen: Wallstein, 2002.
Pohl D. Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941–1944: Organisation und Durchführung eines staatlichen Massenverbrechens. München: Oldenbourg, 1996.
Reemtsma J. P. Die Mörder waren unter uns // Süddeutsche Zeitung. 24.08.1996.
Rusinek A. Die Kritiker-Falle. Wie man in Verdacht geraten kann. Goldhagen und der Funktionalismus // Geschichtswissenschaft und Öffentlichkeit. Der Streit um Daniel J. Goldhagen / Heil J., Erb R. (Hrsg.). Frankfutt/Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1998. S. 110–130.
Sandkühler T. Die Täter des Holocaust. Neuere Überlegungen und Kontroversen // Wehrmacht und Vernichtungspolitik: Militär im nationalsozialistischen System / Pohl K.H. (Hrsg.). Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1999. S. 39–66.
Scheit G. Germans down, Germans up. Daniel J. Goldhagen und die Erben der willigen Vollstrecker Hitlers // Wir kneten ein KZ. Aufsätze über Deutschlands Standortvorteil bei der Bewältigung der Vergangenheit / Schneider W. (Hrsg.). Hamburg: Konkret, 2000. S. 126–161.
Schirrmacher F. Hitlers Code – Holocaust als faustisches Streben? // FAZ, 15.04.1996.
Schneider M. Die “Goldhagen-Debatte”: ein Historikerstreit in der Mediengesellschaft // Friedrich-Ebert-Stiftung [Bonn, 1997]. http://www.fes.de/fulltext/historiker/00144.htm
Schoeps J. H. Vom Rufmord zum Massenmord // Die Zeit, 26.04.1996.
Semler C. Provokateur auf Tour // taz, 07.09.1996.
Steinbacher S. “Musterstadt” Auschwitz: Germanisierungspolitik und Judenmord in Ostoberschlesien. München: Saur, 2000.
Ullrich V. Vertraute Töne // Die Zeit, 14.06.1996(a).
Wehler H.-U. Wie ein Stachel im Fleisch // Die Zeit, 25.05.1996.
Wippermann W. Wessen Schuld? Vom Historikerstreit zur Goldhagen-Kontroverse. Berlin: Elefantenpress, 1997.

REFERENCES

Kenig H. Budusheye proshlogo. Nacional-socialism v politicheskom soznanii FRG. M.: ROSSPEN, 2012.
Aly G. Endlösung: Völkerverschiebung und der Mord an den europäischen Juden. Frankfurt/Main: Fischer, 1996.
Assmann A, Frevert U. Geschichtsvergessenheit – Geschichtsversessenheit. Vom Umgang mit deutschen Vergangenheiten nach 1945. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1999.
Benner T., Köster C. R. Auf ewig Sisyphos? Die Goldhagen-Debatte und die politische Kultur der Berliner Republik // Sozialwissenschaftliche Informationen 26 (1). Seezle-Velber: PZ Pädagogika Zentrale, 1997. S. 55–64.

Frei N. Ein Volk von “Endlösern”? // Süddeutsche Zeitung, 13.04.1996.
Frei N. Goldhagen, die Deutschen und die Historiker. Über die Represäntation des Holocaust im Zeitalter der Visualisierung // Zeitgeschichte als Streitgeschichte. Große Kontroversen seit 1945 / Sabrow M., Jessen R., Kracht K.G. (Hrsg.). München: C. H. Beck, 2003. S. 138–151.
Geisel E. Triumph des guten Willens. Gute Nazis und selbsternannte Opfer. Die Nationalisierung der Erinnerung. Berlin: Edition Tiamat, 1998.
Gerlach C. Krieg, Ernährung, Völkermord: Deutsche Vernichtungspolitik im Zweiten Weltkrieg. Hamburg: Hamburger Edition, 1998.
Gilcher-Holtey I. Die Mentalität der Täter // Die Zeit, 07.06.1996.
Goldhagen D. Hitlers willige Vollstrecker. Ganz gewöhnliche Deutsche und der Holocaust. – Berlin: Siedler Verlag, 1996 (a).
Goldhagen D. Hitler's Willing Executioners: Ordinary Germans and the Holocaust. New York: Alfred A. Knopf, 1996.
Habermas J. Warum ein “Demokratiepreis” für Daniel J. Goldhagen? Eine Laudatio // Die Zeit, 14.03.1997.
Heer H. Die große Tautologie // taz, 04.09.1996.
Herbert U. Aus der Mitte der Gesellschaft // Die Zeit, 14.06.1996.
Joffe J. “Die Killer waren normale Deutsche, also waren die normalen Deutschen Killer” // Ein Volk von Mördern? Die Dokumentation zur Goldhagen-Kontroverse um die Rolle der Deutschen im Holocaust / Schoeps J. H. (Hrsg.). Hamburg: Hoffmann und Campe, 1996. S. 162–167.
Joffe J. Das Goldhagen-Phänomen // Süddeutsche Zeitung, 11.09.1996(a)
Kaiser W. Täter im Vernichtungskrieg: Der Überfall auf die Sowjetunion und der Völkermord an den Juden. Berlin, München: Propyläen, 2002.
Koch G. Eine Welt aus Willen und Vorstellung // Frankfurter Rundschau, 30.04.1996.
Kött M. Goldhagen in der Qualitätspresse. Eine Debatte über “Kollektivschuld” und “Nationalcharakter” der Deutschen. Konstanz: UKV, 1999.
Kracht K.G. Die zankende Zunft. Historische Kontroversen in Deutschland nach 1945. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005.
Leicht R. D.J. Goldhagens Buch ist ein Urteil, kein Gutachten. Warum der Streit um die Studie sich lohnt // Die Zeit, 06.09.1996.
Markovits A.S. Störfall im Endlager der Geschichte // Ein Volk von Mördern? Die Dokumentation zur Goldhagen-Kontroverse um die Rolle der Deutschen im Holocaust / J. H. Schoeps (Hrsg.). Hamburg: Hoffmann und Campe, 1996. S. 667–674.
Mommsen H. Die Schuld der Gleichgültigen // Süddeutsche Zeitung. 20.07.1996.
Niroumand M. Little Historians // taz, 13.04.1996.
Nolte J. Sisyphos ist Deutscher // Die Welt, 16.04.1996.
Paul G.: Die Täter der Shoah: Fanatische Nationalsozialisten oder ganz normale Deutsche? Göttingen: Wallstein, 2002.
Pohl D. Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941–1944: Organisation und Durchführung eines staatlichen Massenverbrechens. München: Oldenbourg, 1996.
Reemtsma J. P. Die Mörder waren unter uns // Süddeutsche Zeitung. 24.08.1996.
Rusinek A. Die Kritiker-Falle. Wie man in Verdacht geraten kann. Goldhagen und der Funktionalismus // Geschichtswissenschaft und Öffentlichkeit. Der Streit um Daniel J. Goldhagen / Heil J., Erb R. (Hrsg.). Frankfutt/Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1998. S. 110–130.
Sandkühler T. Die Täter des Holocaust. Neuere Überlegungen und Kontroversen // Wehrmacht und Vernichtungspolitik: Militär im nationalsozialistischen System / Pohl K.H. (Hrsg.). Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1999. S. 39–66.
Scheit G. Germans down, Germans up. Daniel J. Goldhagen und die Erben der willigen Vollstrecker Hitlers // Wir kneten ein KZ. Aufsätze über Deutschlands Standortvorteil

bei der Bewältigung der Vergangenheit / Schneider W. (Hrsg.). Hamburg: Konkret, 2000. S. 126–161.
Schirrmacher F. Hitlers Code – Holocaust als faustisches Streben? // FAZ, 15.04.1996.
Schneider M. Die “Goldhagen-Debatte”: ein Historikerstreit in der Mediengesellschaft // Friedrich-Ebert-Stiftung [Bonn, 1997]. http://www.fes.de/fulltext/historiker/00144.htm
Schoeps J. H. Vom Rufmord zum Massenmord // Die Zeit, 26.04.1996.
Semler C. Provokateur auf Tour // taz, 07.09.1996.
Steinbacher S. “Musterstadt” Auschwitz: Germanisierungspolitik und Judenmord in Ostoberschlesien. München: Saur, 2000.
Ullrich V. Vertraute Töne // Die Zeit, 14.06.1996(a).
Wehler H.-U. Wie ein Stachel im Fleisch // Die Zeit, 25.05.1996.
Wippermann W. Wessen Schuld? Vom Historikerstreit zur Goldhagen-Kontroverse. Berlin: Elefantenpress, 1997.

Кауганов Евгений Леонидович, *аспирант Института этнологии и антропологии РАН; ekauganov@front.ru*

The “Goldhagen debates” and its importance for the German “dealing with the past”

The author analyzes Daniel Goldhagen’s book “Hitler’s Willing Executioners”, which provoked one of the main discussions about the German historical consciousness and national identity in the 1990s. The author considers Goldhagen’s conception of “eliminationist antisemitism”, depicts the reception of Goldhagen’s book in the German media, in the community of professional historians and evaluates the influence of the book and the discussion about it on German culture of remembrance of Nazism. While for professional historians an ambivalent or critical position was common, the most non-Academic readers of the book perceived it positively. The author explains this by the fact that the book afforded the opportunity for clear demarcation between the totalitarian past and the democratic present of Germany.

Keywords: FRG, Nazism, culture of remembrance, coming to terms with the past, national identity, Goldhagen.

Evgeny Kauganov, *PhD-student, Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Academy of Science), ekauganov@front.ru*

О. Р. Хасянов

ИСТОРИЯ ПОСЛЕВОЕННОГО СОВЕТСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА КАК “ТРУДНАЯ ПАМЯТЬ” РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье на основе анализа научных работ, конкретизирующих феномен «социальная память», и архивных источников рассматривается проблема сохранения в общественном сознании памяти о трудностях жизни советского крестьянства в послевоенное время. В современном российском обществе основное внимание уделяется военному подвигу советского народа и армии в годы Великой Отечественной войны, а судьбы людей и социальных групп, которые внесли решающий вклад в послевоенное восстановление народного хозяйства, остаются за рамками общественного интереса. Автор считает, что в социальной памяти должны быть запечатлены образы жертвенного труда крестьянства, которое, находясь в условиях чрезвычайных материальных лишений, обеспечивало продовольственную безопасность страны.

Ключевые слова*: *советское крестьянство, социальная память, «трудная память», трудодень, колхоз, кампания, репрессия, сельское хозяйство.

Память – особый феномен человеческого существования, призванный сохранять значимость тех или иных событий и явлений в жизни индивида. Но память является также важнейшей характеристикой социума и находит выражение в его культуре. Культура как форма памяти, или культурная память формирует единство коллектива, определяет доминанты настоящего, придает значимость происходящим событиям и формирует гражданскую коллективную идентичность. Формирование и функционирование социальной памяти во многом зависит от идеологических установок правящего режима[1]. Социальная память как явление не только социокультурное, но и политическое проявляется на нескольких уровнях: официальном через конструирование господствующей идеологией официальной версии истории; и «стихийном» («народном»), который проявляется сохранением в коллективной памяти образов и оценок минувших событий, отличных от официальной точки зрения.

Социальная память не есть сумма памятей индивидов, входящих в данное общество. Она представляет собой особый «механизм сохранения и передачи информации во времени и пространстве»[2] и формирует историческое сознание индивидов, которое представляет собой «определенную систему взаимодействия «практических» и «теоретических» форм социальной памяти, народных преданий, мифологических представлений и научных данных…»[3]. В памяти отражается совокупность идей, взглядов, представлений, чувств, оценок и восприятий многообразия исторических событий как обществом в целом, так и различными

[1] Шеуджен 2012.
[2] Илизаров 1985.
[3] Левада 2011. С. 305.

социально-демографическими группами и этносоциальными объединениями[4]. В культурной памяти прошлое приобретает символические формы, а личные воспоминания участников событий становятся лишь дополнением картины минувшего, его иллюстрацией[5].

Историческое сознание и сама социальная память в переломные моменты общественно-политического развития подвергаются культурной трансформации и эрозии. Войны и революции, социальные потрясения и экономические кризисы приводят к переоценке прошлого и пересмотру культурных программ и вектора развития. Неслучайно, М. Хальбвакс утверждал, что «припоминание» и «забвение» тех или иных исторических событий является проявлением изменения рамочных конструкций, определяющих память о прошлом[6].

XX век в отечественной истории оказался богатым на масштабные социально-политические трансформации и социальные эксперименты. Революции и войны, модернизационные сдвиги и технические новации не только изменили вектор общественного развития, но и подвергли эрозии ценностные ориентиры российского общества. В условиях советского эксперимента и постсоветской действительности политические элиты неоднократно предпринимали попытки пересмотра официальной исторической парадигмы с целью удовлетворения идеологических потребностей правящего режима. Данные действия привели к тому, что общество оказалось дезорганизованным и лишенным культурных ориентиров и единства в понимании своего предшествующего опыта.

Одной из опорных точек конструирования современной российской идентичности является оценка советского прошлого, его социокультурного наследия, способов осуществления власти, механизмов реализации социальных проектов. Наибольшую остроту в оценке советской действительности имеет проблема сталинизма, его интерпретаций в социальной памяти и историческом сознании. Процесс десталинизации, начатый на XX съезде КПСС, ограничился осуждением культа личности вождя и методов осуществления власти, а жизнь рядовых граждан в условиях тотального террора так и остается предметом изучения узких специалистов и некоммерческих общественных организаций. В массовом сознании россиян «вождь народов» остается одним из наиболее популярных правителей в истории страны и истинным патриотом, который мог жертвовать своими личными и семейными интересами ради величия и могущества Родины. В глазах миллионов граждан современной России Сталин и его модель управления государством ассоциируются не с миллионными бессмысленными жертвами рукотворного голода 1930-х гг. и

---

[4] Тощенко 2000. Данное обстоятельство приводит к тому, что различные культурные группы по-разному осмысливают прошлое. – Сыров 2013. С. 186.

[5] Ассман 2004. С. 54-56.

[6] Хальбвакс. С. 111.

политического террора, а с выдающимися достижениями советской эпохи, с Победой в Великой Отечественной войне.

Современные политические элиты, оценив распад СССР как геополитическую катастрофу XX в., выбрали курс на восстановление утраченного авторитета России на международной арене и консолидацию «русского мира», раздробленного государственными границами. Формирование постсоветской идентичности россиян, по мнению властной элиты, должно осуществляться на основе героического прошлого российского народа. И особое место в этом прошлом занимает Победа в Великой Отечественной войне. За последнее десятилетие значимость праздника 9 мая в российском политическом пространстве и обществе возросла, расширилось его смысловое наполнение. Этот праздник символизирует доблесть и мужество миллионов советских граждан, сумевших с оружием в руках не только защитить свое Отечество, но и освободить мир от фашизма, доказав жизнестойкость советской общественно-политической системы. Таким образом, именно Победа в одной из самых кровопролитных и жестоких войн в истории человечества выступает как основание консолидации общества. Но в этом героическом дискурсе не уделяется должного внимания судьбам миллионов граждан СССР, которые своим жертвенным трудом в условиях жесточайшей экономии средств восстанавливали подорванную войной экономику страны.

Память не только фиксирует знание о прошлом, но и дает возможность осознать и определить его место в истории. Коллективная память, как и индивидуальная, стремится вытеснить из сознания наиболее болезненные переживания и воспоминания о трагических событиях и явлениях. Память о судьбе российского крестьянства является одной из болезненных тем новейшей истории.

Советский аграрный проект привел к тому, что крестьянство как особая социальная группа советского общества со своими ценностями и идеалами перестала существовать. Уход крестьянства с исторической сцены является не только экономической, но и социокультурной проблемой. Нравственные идеалы и духовные ценности, религиозность и стремление к социальной справедливости, являющиеся мировоззренческими доминантами сельских тружеников, формировали не только крестьянскую, но и российскую ментальность. Насильственная коллективизация, а затем и послевоенное давление на деревню подвергли эрозии не только механизмы культурной трансляции, но и трудовую этику крестьянства.

В памяти миллионов советских крестьян сохранился опыт послевоенного восстановления народного хозяйства, когда власть в очередной раз доказала, что сельские жители – не субъекты, а всего лишь объекты социально-экономического процесса, которые должны безукоризненно выполнять директивные планы по поставкам продовольствия. При осуществлении экономической политики в колхозной деревне власти не учи-

тывали реального материального положения разоренной деревни, а лишь стремились перераспределить ресурсы деревни в пользу города[7].

Неприглядная картина послевоенной колхозной деревни представлена в работе А.А. Базарова. С глубокой эмоциональностью он воссоздает образ советской деревни, представшей перед демобилизованными солдатами-победителями: «Родина встретила победителей нищетой. … Неузнаваемо изменился внешний облик родных мест. И до Отечественной деревня несла шрамы коллективизации, а теперь дошла до повсеместной убогости, которая была особенно унизительной. …Страна обносилась до лохмотьев. Раньше в сельпо можно было что-то купить под индивидуальный хлебозакуп. Теперь – ни зерна, ни товаров»[8].

Женщины и дети, составлявшие основной трудовой ресурс в сельском хозяйстве СССР в военные годы, не смогли справиться с выполнением плановых заданий по хлебопоставкам, а это в свою очередь привело к снижению экономических показателей колхозного производства и, в конечном счете, к снижению уровня жизни колхозного крестьянства. Как известно, колхозники за свой труд в сельскохозяйственных артелях получали заработную плату в натуральном выражении за количество отработанных трудодней. Размер выплат не был неизменной величиной и каждый год зависел от урожайности и валового сбора зерна. Колхозы с крестьянами рассчитывались только после выполнения государственных заданий по хлебопоставкам. Фактически после засыпки семенного материала на хранение товарного зерна для выполнения обязательств колхозов перед колхозниками не оставалось.

Урожайность зерновых и размеры посевных площадей по Ульяновской области за военные годы сократились более чем на 40%[9]. Оплата труда снизилась с 1,5 кг хлеба в 1940 г. до 0,367 кг в 1944 г. По Куйбышевской области за один трудодень в 1940 г. выдавалось 1,4 кг зерна, а в 1945 г. только 0,540 кг[10]. Крестьяне выживали только благодаря своим личным подсобным хозяйствам, которые также облагались налогами. Крестьянство, жившее в условиях нищеты, выискивания различных механизмов выживания в крайне стесненных материальных условиях и перманентного голода, не всегда могло справиться с налоговым бременем. Но фискальные агенты государства были непреклонны – налоговые обязательства колхозники должны были выполнять любой ценой. Так, в областной газете «Ульяновская правда» 26 марта 1946 г. было опубликовано письмо многодетной матери Вилковой, которая проживала в с. Ермолаевка Вешкаймского района[11]. В своем письме она сообщала о

---

[7] Аграрная Россия… 2007.
[8] Базаров 2004. С. 703-704.
[9] ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 3. Д. 128. Л. 3.
[10] ЦГАСО. Ф.Р. 1911. Оп. 1. Д. 10. Л. 6.
[11] Беззаконие // Ульяновская правда. 26 марта. 1946 г. № 62 (791). С. 3.

незаконных действиях налоговых агентов Р.А. и А.А. Шариковых, изъявших у нее 12 метров мануфактуры в счет недоимок по налогам. Вилкова была вдовой участника Великой Отечественной войны, воспитывала малолетних детей, за работу в колхозе практически ничего не получала. Отрез ткани был привезен деверем в качестве подарка племянникам из поверженной Германии. Данный сюжет проявляет реальное отношение государственных институтов к вдовам воинов, несмотря на то что советская партийная агитация декларировала всевозможную поддержку и помощь семьям, потерявшим кормильцев на фронтах войны. За 1946 год только из одного Чердаклинского района Ульяновской области была получена 581 жалоба на незаконные действия со стороны уполномоченного министерства заготовок и финансовых органов «при обложении граждан, семей военнослужащих, семей погибших воинов, инвалидов Отечественной войны и демобилизованных» налогами[12]. При рассмотрении жалоб было установлено незаконное налоговое обложение 355 крестьянских хозяйств, в том числе: 43 хозяйства престарелых колхозников, 46 – семей военнослужащих, 9 – демобилизованных[13].

Демократический импульс войны затронул не только город, но и колхозную деревню. Колхозники, осознавая свой трудовой вклад в дело разгрома врага, ожидали аграрных реформ, в частности ликвидации существующей системы сельскохозяйственных артелей. Эти надежды отразились в слухах, которые циркулировали в сельском социуме. Так, колхозница Вилкова из артели «XIII лет Октября» говорила, что «Америка и Англия поставили перед товарищем СТАЛИНЫМ вопрос о роспуске колхозов, что Америка и Англия надели на товарища СТАЛИНА крест»[14]. Данные слухи были не единичными, донесения спецслужб свидетельствуют о том, что система колхозного производства в послевоенное время вызывала отторжение у крестьян. Но власть не услышала миллионного крестьянства, взамен демократических преобразований и предоставления широкой хозяйственной самостоятельности был выбран курс на ужесточение аграрной политики. 19 сентября 1946 г. Совет Министров СССР принял специальное постановление «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственных артелей», направленное на восстановление контроля над деятельностью колхозов и крестьян, получивших относительную самостоятельность в военные годы.

Данное постановление положило начало очередной кампании, направленной на борьбу с «врагами колхозного строя». К этой категории относили широкий круг лиц, чьи действия, в понимании представителей властных структур, подрывали экономическую мощь и идеологические основы существующей колхозной системы, независимо от

[12] ГАУО. Ф.Р. 2520. Оп. 7. Д. 25. Л. 54.
[13] Там же.
[14] ГАНИУО Ф.8. Оп. 1. Д. 230. Л. 10-11.

занимаемой должности и включенности во властную вертикаль сельской административно-бюрократической системы.

В годы войны, стремясь выжить в условиях нехватки продовольствия, колхозники начали расширять свои приусадебные участки и культивировать на них различные зерновые культуры. На данные действия местные власти (председатели сельских советов и сельскохозяйственных артелей, партийные функционеры) смотрели снисходительно, также в колхозах была распространена практика отпуска продуктов и иных товаров колхозникам и иным категориям населения по специальным запискам председателей без учета нормы выработанных трудодней. Постановлением правительства эти действия были определены как незаконные. В 1947 г. по Ульяновской области размеры приусадебных участков 55379 колхозников и 4301 единоличного хозяйства были приведены в соответствие с записями земельной шнуровой книги[15]. По Куйбышевской области на 1 октября 1947 г. было выявлено 27080 нарушений закона об охране общественной собственности от расхищения. Самовольный захват колхозной земли допустили 38 организаций и учреждений, 488 единоличников, 7 605 семей рабочих и служащих, 18949 хозяйств колхозников[16]. За первые месяцы реализации постановления только в пределах Ульяновской области было выявлено 12735 случаев нарушения Устава сельскохозяйственной артели, выражавшихся в незаконном присвоении отдельными лицами и организациями принадлежащего колхозам имущества, в том числе 555 лошадей, 455 коров, 421 овцы, 621 пчелосемей, 110 жилых домов[17].

Многие председатели колхозов, которые в тяжелых материальных условиях послевоенного времени не могли выполнить государственные планы по хлебопоставкам, были освобождены от занимаемых должностей и осуждены. Только за 1946 г. по Ульяновской области сменилось 565 председателей колхозов, что составило 44% от их общего состава[18]. В качестве примера можно привести председателя колхоза «Сталь» Ульяновского района Романова, который был избран на эту должность по рекомендации райкома в конце 1945 года, а уже через 5 месяцев был снят с должности за «саботаж хлебозаготовок»[19]. Частая смена председателей колхозов по инициативе региональных властей свидетельствовала не о силе партийных органов, контролирующих процесс восстановления сельского хозяйства, а об их бессилии, неумении оказать поддержку сельским должностным лицам в процессе мотивации крестьян к труду при отсутствии материальных стимулов и технических возможностей.

---

[15] ГАНИ УО. Ф.8. Оп. 5. Д. 2. Л. 50.
[16] ЦГАСО. Ф.Р. 1911. Оп. 1. Д. 1. Л. 36.
[17] ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 3. Д. 2. Л. 49-50.
[18] ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 5. Д. 2. Л. 46.
[19] ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 4. Д. 306. Л. 5.

Следует отметить, что большинство председателей колхозов, осознавая в каком тяжелом материальном положении находятся колхозники, стремились под различными предлогами избежать сдачи хлеба государству. Так, председатель колхоза «Кызыл Кеч» Чердаклинского района Ульяновской области Хасянов, укрыл 40,5 центнеров ржи и 15 центнеров намолоченного проса от сдачи государству в ржаных отходах[20]. Укрытое зерно предполагалось использовать для натуральной отплаты труда колхозников. Председатель колхоза «Пражская коммуна» Игнатовского района С.М. Егоров в период весеннего сева 1947 г. «смолол на общественное питание 70 кг овса, который подлежал обмену на семенное зерно»[21]. За данное решение райком партии объявил ему выговор. Действия председателей колхозов свидетельствуют о том, что они не следовали конъюнктурным целям правящей партии, и несмотря на сильную зависимость от властных институтов старались оказывать посильную помощь колхозникам.

В лучших традициях советской пропаганды во всех колхозах прошло обсуждение положений постановления от 19 сентября 1946 г., и колхозники приняли на себя обязательство «вести беспощадную борьбу с нарушителями Устава сельскохозяйственной артели»[22]. А партийные руководители стремились к тому, «чтобы сельские работники прониклись всей полнотой ответственности за состояние и развитие колхозов…»[23].

Несмотря на административно-карательные меры, вырабатываемые партийными функционерами, трудовая дисциплина в колхозах продолжала падать, и все более выраженным становился процесс эрозии трудовой этики крестьянства. Только по отдельно взятому Кутузовскому району Куйбышевской области за 1947 г. из 5081 трудоспособного колхозника за первый период сельскохозяйственных работ не выработало минимума трудодней 1169 человек[24]. По отдельным колхозам эти цифры выглядели еще более удручающими. Так, в колхозе «Красный партизан» из 109 колхозников не выработали минимум трудодней 55 человек, а в артели «Красная Аврора» из 123 членов – 55 человек. Из года в год увеличивался процент колхозников, уклоняющихся от общественной работы и в сельскохозяйственных артелях Ульяновской области. Так, по отдельно взятому Ульяновскому району Ульяновской области количество колхозников, не выработавших установленным законом минимум трудодней, в 1940 г. составляло 14,5%, а в 1945 г. – уже 20,5% от общего количества трудоспособных членов артелей[25]. В колхозе «Ленинец» данного района из 142

[20] Алексеенко 1946. С. 2.
[21] ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 5. Д. 303. Л. 1.
[22] ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 4. Д. 292. Л. 6 об.
[23] ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 5. Д. 2. Л. 6.
[24] ЦГАСО. Ф.Р. 1911. Оп.1 Д. 4. Л. 5.
[25] ГАНИ УО. Ф. 8. 4. Д. 306. Л. 4

членов колхоза на работу выходило в 1946 г. только 66 человек[26]. Низкое участие колхозников в общественном производстве объясняется тем, что они основное внимание уделяли работе в личных подсобных хозяйствах.

Борьба с самовольным расширением приусадебных участков колхозников, которая была ключевым элементом кампании по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели, все же не смогла привести к кардинальному пересмотру отношения крестьян к труду в артельном хозяйстве. В данных условиях после апробации основных механизмов репрессивной политики на украинских крестьянах 2 июня 1948 г. Президиум Верховного Совета СССР принимает Указ «О выселении в отдаленные районы страны лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни». В разработке указа личное участие принимали И.В. Сталин и Н.С. Хрущев[27]. Сталин собственноручно на проекте указа написал: «не для печати»[28]. Это был один из самых репрессивных, затрагивающих колхозное крестьянство, указов послевоенного времени, преследовавший цель запугивания крестьян, воскрешая в их памяти практики времен коллективизации и раскулачивания.

Указ от 2 июня 1948 г. предусматривал исключение из колхоза и выселение в отдаленные районы СССР (районы рек Енисея, Оби, Лены) лиц, злостно нарушающих трудовую дисциплину в колхозах. Но власти ответственность за выселение колхозников перекладывали на плечи самих же крестьян, именно собрания сельских граждан принимали решения о выселении «тунеядцев», а райсоветы приговоры сходов только утверждали. Передавая репрессивные функции собранию членов сельскохозяйственной артели, власти отсылали к дореволюционному опыту крестьянской общины, когда сельские сходы являлись не только местом решения хозяйственных вопросов, но и местом установления справедливости, решения различных споров.

Практика реализации Указа от 2 июня 1948 г. показала, что колхозники в своих действиях по выбору кандидатов на выселение не были самостоятельными. Повестку дня сельских сходов, списки на выселение заранее готовили сельские властные институты. В очередной раз власти использовали сельчан лишь как массовку для придания законности своим действиям. Во многом сходы превращались в судилища, и нередко вышестоящие инстанции приговоры сельских сходов отменяли как незаконные, так как местные власти чаще всего предлагали выселять наиболее немощных, больных членов артелей. Как отмечал секретарь райкома ВКП (б) Радищевского района Ульяновской области Минеев, «с 13 июля 1948 г. РК ВКП (б) и Исполком Райсовета подробно изучили ряд колхоз-

[26] ГАНИ УО. Ф. 8. 4. Д. 306. Л. 9.
[27] Зима 1994.
[28] Хасимутдинова 2002. С. 57.

ников и колхозов, как организацию труда, так и трудовую дисциплину колхозников». Исполком Райсовета решил провести первое собрание колхозников в артели им. Чкалова, «где наиболее слабо с трудовой дисциплиной». А в преддверии колхозного собрания 25 июля «рано утром» было проведено закрытое партийное собрание, где «единодушно договорились о кандидатуре, подлежащей выселению… утвердили список актива, которые должны участвовать на совещании, предварительно распределили обязанности между коммунистами и активом, кто выступает, кто выносит предложение, утвердили счетчиков». После совещания было проведено собрание колхозников, на котором по заранее утвержденному сценарию выступили восемь активистов, потребовавших выселения 46-летней колхозницы М.И. М-вой. Выступающие утверждали, что она с первого дня создания колхоза не принимала участия в полевых работах и в некоторые годы «имела очень малое количество трудодней за счет ухода за овцами»[29]. На нее также возлагалась вина мужа, осужденного в 1947 г. за хищение колхозного хлеба. Принятое решение о выселении М.И. М-вой имело кратковременное воздействие на трудовую дисциплину колхозников данной артели. На следующий день «дисциплина труда и качество работы резко повысилось», на работу вышло 160 трудоспособных членов из 189-ти[30], но уже через месяц количество уклоняющихся от общественных работ стало расти.

После проведения собраний и принятия репрессивных мер к колхозникам, систематически не вырабатывающим минимума трудодней, трудовая дисциплина по сравнению с предшествующим периодом в колхозах Ульяновской и Куйбышевской областей стала укрепляться. Так, только в Сенгилеевском районе количество колхозников, уклоняющихся от общественной работы, снизилось с 12 % до 4,4%[31].

К 15 октября 1948 г. только в Павловском районе Ульяновской области на основе Указа состоялось 3 колхозных собрания и 2 сельских схода. На них было принято решение о выселении 14 человек, но фактически приговоры были исполнены только по отношению к 10 колхозникам. По отношению к четырем гражданам решения сельских сходов были отменены исполкомом Райсовета как ошибочные. Так, «при подборе кандидатур для обсуждения на общем собрании граждан сельский Совет ошибочно показал М-вой год рождения 1929, а при рассмотрении этого вопроса на исполкоме выяснилось, что гражданка М-ва 1931 г. рож. и в 1948 г. окончила 7-й класс средней школы», а остальные оказались тяжело больными колхозниками, среди них Стешина, которая с «с 1940 по 1947 г. работала трактористкой и была ударницей»[32], но в 1948 г. в кол-

[29] ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 6. Д. 404. Л. 3.
[30] ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 6. Д. 404. Л. 4.
[31] ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 6. Д. 404. Л. 7.
[32] ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 6. Д. 404. Л. 1.

хозе работать не могла, ухаживала «за больной, умалишенной матерью»[33]. В Сенгилеевском районе в с. Артюшкино к выселению были приговорены многодетные матери, «не способные к физическому труду», имеющие «заключения медицинской экспертизы»[34].

Во многих колхозах крестьяне, помня опыт коллективизации и насильственного раскулачивания, после оглашения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июля 1948 г., ощущая безвыходность положения, безропотно голосовали за выселение и предупреждение заранее определенных властями лиц. За редким исключением колхозники воздерживались от голосования, но никогда не смели возражать. Собрания, которые готовились районными властями, проходили в присутствии первых лиц района и работников правоохранительных органов, что было одним из факторов морального давления на крестьянство. За первые месяцы реализации Указа в Ульяновской области только в одном колхозе им. Молотова Старомайнского района колхозники осмелились нарушить заранее определенный ход событий. На предложение властей подвергнуть высылке инвалида Великой Отечественной войны А.Н. К-ва и А. Г-ва, выработавших в 1948 г. соответственно – 68 и 119 трудодней, собрание единогласно постановило: «Выселять никого не будем!»[35]. Такая самостоятельность вызвала крайнее недовольство партийных функционеров. Вина за срыв собрания была возложена на председателя Райисполкома Алексеева и его заместителя Шеляка.

История послевоенного восстановления народного хозяйства насыщена трагическими событиями. Героическая патетика о спасении мира от фашистской угрозы не должна заслонять память о лишениях, которые сопровождали труд миллионов советских крестьян после войны.

Память о крестьянстве является проблемной темой исторического сознания российского общества. Внимание исследователей и правозащитников в основном направлено на период коллективизации и массовых политических репрессий, но советское крестьянство страдало от всесилия советской бюрократии и в послевоенное время.

Задача исторической науки – сохранить знание о нелегкой судьбе советского крестьянства. В настоящее время мы наблюдаем процесс естественного ухода поколения граждан, которые своим трудом реализовывали «советский аграрный проект» и познали в полной мере «заботу партии» об их благополучии. Мы должны помнить, какой ценой и чьим трудом государство обеспечивало продовольственную безопасность страны. Какой бы трудной не была память, мы должны избежать культурной «амнезии».

---

[33] ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 6. Д. 221. Л. 119.
[34] ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 6. Д. 404. Л. 7.
[35] ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 6. Д. 221. Л. 116.

БИБЛИОГРАФИЯ

Аграрная Россия: история, проблемы, перспективы / Под общ. ред. В.М. Володина. Тамбов, 2007.

Алексеенко А. Хасянов и Гилязетдинов – саботажники хлебопоставок, враги советского государства // Колхозная стройка. 1946. № 52. С. 2.

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. 2004.

Базаров А.А. Хроника колхозного рабства. М.: Возвращение, 2004.

Беззаконие // Ульяновская правда. 26 марта. 1946 г. № 62 (791). С. 3.

Государственный архив Новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО). Ф. 8. Оп. 1-6.

Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф.Р. 2520. Оп. 7. Д. 25.

Зима В.Ф. «Второе раскулачивание» (Аграрная политика конца 40-х – начала 50-х годов) // Отечественная история. 1994. № 3. С. 109-125.

Илизаров Б.С. Роль ретроспективной социальной информации в формировании общественного сознания (В свете представлений о социальной памяти) // Вопросы философии. 1985. № 8. С. 60–69.

Левада Ю.А. Историческое сознание и научный метод // Памяти Юрия Александровича Левады. М., 2011. С. 298-352.

Сыров В.Н. В каком историческом сознании мы нуждаемся: к методологии подхода и практике использования // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 1. С. 183-190.

Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния / Новая и новейшая история. 2000. №. 4. Электронный ресурс. Точка доступа: http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST /HIMEM.HTM

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

Хасимутдинова Р.Р. Антикрестьянская сущность Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. и его осуществление на Урале // Вестник ОГУ. 2002. № 8. С. 56-62.

Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.Р. 1911. Оп. 1. Д. 1, 4, 10.

Шеуджен Э.А. «Места памяти»: модная дефиниция или историографическая практика? // Вестник Адыгейского государственного университета. 2012. №. 1. URL: http://vestnik.adygnet.ru/files/2012.2/1748/sheudzhen2012_2.pdfC.

REFERENCES

Agrarnaya Rossiya: istoriya, problemy, perspektivy / Pod obshch. red. V.M. Volodina. Tambov, 2007.

Alekseenko A. Khasyanov i Gilyazetdinov – sabotazhniki khlebopostavok, vragi sovetskogo gosudarstva // Kolkhoznaya stroika. 1946. № 52. S. 2.

Assman Ya. Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti. M. 2004.

Bazarov A.A. Khronika kolkhoznogo rabstva. M.: Vozvrashchenie, 2004.

Bezzakonie // Ul'yanovskaya pravda. 26 marta. 1946 g. № 62 (791). S. 3.

Gosudarstvennyi arkhiv Noveishei istorii Ul'yanovskoi oblasti (GANI UO). F. 8. Op. 1-6.

Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti (GAUO). F.R. 2520. Op. 7. D. 25.

Zima V.F. «Vtoroe raskulachivanie» (Agrarnaya politika kontsa 40-kh – nachala 50-kh godov) // Otechestvennaya istoriya. 1994. № 3. S. 109-125.

Ilizarov B.S. Rol' retrospektivnoi sotsial'noi informatsii v formirovanii obshchestvennogo soznaniya (V svete predstavlenii o sotsial'noi pamyati) // Voprosy filosofii. 1985. № 8. S. 60–69.

Levada Yu.A. Istoricheskoe soznanie i nauchnyi metod // Pamyati Yuriya Aleksandrovicha Levady. M., 2011. S. 298-352.
Syrov V.N. V kakom istoricheskom soznanii my nuzhdaemsya: k metodologii podkhoda i praktike ispol'zovaniya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 1. S. 183-190.
Toshchenko Zh.T. Istoricheskoe soznanie i istoricheskaya pamyat'. Analiz sovremennogo sostoyaniya / Novaya i noveishaya istoriya. 2000. №. 4. Elektronnyi resurs. Tochka dostupa: http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST /HIMEM.HTM
Khal'bvaks M. Sotsial'nye ramki pamyati. M.: Novoe izdatel'stvo, 2007. 348 s.
Khasimutdinova R.R. Antikrest'yanskaya sushchnost' Ukaza Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 2 iyunya 1948 g. i ego osushchestvlenie na Urale // Vestnik OGU. 2002. № 8. S. 56-62.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Samarskoi oblasti (TsGASO). F.R. 1911. Op. 1. D. 1, 4, 10.
Sheudzhen E.A. «Mesta pamyati»: modnaya definitsiya ili istoriograficheskaya praktika? // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. №. 1. URL: http://vestnik.adygnet.ru/files/2012.2/1748/sheudzhen2012_2.pdfS.

Хасянов Олег Ренатович, *кандидат исторических наук, доцент Ульяновской государственной сельскохозяйственной академии им. П.А. Столыпина, докторант Самарского государственного университета; Oleg-has@yandex.ru*

The history of the post-war Soviet peasantry as ‘difficult memory’ of the Russian society

The article explores the ways the memory of post-war hardships in the life of Soviet peasantry. According to the author, the contemporary Russian society focuses on the military deeds of the Soviet soldiers during the Second World War, and the fate of ordinary people and social groups who made a decisive contribution to post-war reconstruction of the national economy, are beyond the scope of public interest. The author believes that because the fact that after the war, the Soviet government initiated several repressive campaigns against the Soviet peasantry, it is necessary to preserve the knowledge of the events. The social memory should keep the images of sacrificial labor of peasants who experienced the conditions of extreme material deprivation, and yet managed to ensure food security of the country.

Keywords: Soviet peasantry, social memory, "difficult memory" workday, farm campaign, repression and agriculture.

Oleg Khasyanov, *PhD (History), Associate Professor, Ulyanovsk State Agricultural Academy named after P.A. Stolypin; Samara State University; Oleg-has@yandex.ru.*

С. А. Экштут

ВОРОТА ХРОНОТОПОВ

«Без… временно-пространственного выражения невозможно даже самое абстрактное мышление. Следовательно, всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов»[1]. Под *хронотопом* М.М. Бахтин понимал существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенные литературой[2]. Это утверждение обладает гораздо большей общностью и может быть распространено не только на художественную литературу, но и на изобразительное искусство.

Ключевые слова*: *хронотоп, интеллектуальная история, литература, искусство.

Интеллектуальная история занимается изучением исторических аспектов всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты. Что же специалист по интеллектуальной истории может осмыслить, войдя в те или иные ворота хронотопов?

1. Временной лаг от возникновения творческого замысла до его завершения или фактического прекращения. Возможны два диаметрально противоположных варианта.

Вариант первый сравнительно прост. Этюд или небольшая картина, как правило, пишутся а-ля прима, то есть в один присест. Это очевидно и не требует пояснений. За несколько сеансов может быть создан живописный портрет. В 1902 г. Михаил Васильевич Нестеров вступил в брак с Екатериной Петровной Васильевой. Портрет жены (1905) стал первой крупной работой художника в портретном жанре и одновременно одной из самых блистательных работ живописца, для завершения которой потребовалось немногим более десяти сеансов. Екатерина Петровна вспоминала: «Я сидела однажды в кресле, у окна, в зимнее солнечное утро, около стола, на котором стоял букет ярких азалий, – Михаил Васильевич остановился и сказал: Вот так и написать. Сиди, как сидишь… Я опомниться не успела, как портрет был готов. Так это было молниеносно»[3]. За непродолжительный промежуток времени могут быть сочинены рассказ, новелла, эссе, лирическое стихотворение. Кажется, что окружающий мир остался неизменным: ведь на создание произведения был затрачен лишь один миг, лишь краткий промежуток времени от замысла к воплощению. Краткость этого промежутка никак не влияет ни на самого творца, ни на его будущих читателей или зрителей. Но это всего-навсего иллюзия. Сжатость акта творчества на оси

[1] Бахтин 1975. С. 406.
[2] Там же. С. 234.
[3] Дурылин 1949. С. 39-40.

времени, его относительно небольшая временная протяженность мешают нам должным образом зафиксировать и оценить те необратимые изменения, которые происходят в мире после появления произведений, созданных за один присест. Однако «Я помню чудное мгновенье» Пушкина или «Двенадцать» Блока необратимо изменили весь интеллектуальный хронотоп, став вехой не только в истории литературы.

Второй вариант более сложен. Творческий замысел может быть столь грандиозен, а материальные и иные ресурсы, необходимые для его воплощения в жизнь, – столь значительны, что сам акт творчества растягивается на годы, десятилетия и, даже, когда дело касается сооружения иных архитектурных сооружений, на столетия. Меняется мир, меняются эстетические критерии, публика, меняется и сам автор.

Недаром – нет! – промчалась четверть века!
Не сетуйте: таков судьбы закон;
Вращается весь мир вкруг человека, –
Ужель один недвижим будет он?[4]

Автор еще до завершения своего замысла может в нем разочароваться и прервать работу над уже начатым произведением, так было с Карлом Павловичем Брюлловым, прекратившим писать монументальную историческую картину «Осада Пскова» и зафиксировавшим этот важный для его творчества момент на обороте холста. Для великого Карла, разуверившегося в своем замысле, огромное полотно стало настоящей «Досадой от Пскова»[5]. Примерно так же смотрели на ситуацию и его современники: монументальная живопись переставала быть магистральной линией развития изобразительного искусства. Однако в большом времени Истории ситуация может измениться. Я не рискую делать прогнозы относительно тех оценок, которые дадут этому полотну специалисты по монументальной и исторической живописи, однако, если учесть тенденцию развития российско-польских отношений, можно предположить, что «Осада Пскова» будет использована как очень важный аргумент в грядущих интеллектуальных баталиях, нарастание накала которых неизбежно.

По тем или иным причинам автор может вообще так и не приступить к реализации замысла, который ранее, в момент возникновения, почитался им главным делом всей будущей жизни. Однако отсутствие практической реализации мечты-идеи не мешает самому замыслу стать фактом культуры и занять достойное место на страницах интеллектуальной истории. Исследователь либо стремится выявить строго определенную, однозначную логику творчества и продемонстрировать закономерный характер отторжения одних вариантов и неизбежность принятия других, либо осознанно «хитрит» с будущим читателем – и тогда под его пером интеллектуальная история предстает в своей первозданной неза-

[4] Пушкин. Была пора: наш праздник молодой…
[5] Экштут 2003. С. 269–270.

вершимости, непредсказуемости и многовариантности. При этом для самого исследователя не играет существенной роли степень зрелости и завершенности дошедшего до нас результата, избранного им в качестве объекта исследования[6]. В предельном случае исследователь может реконструировать один лишь творческий замысел, который никогда не осуществлялся и потому в принципе не мог быть завершен. Такова история многих технических изобретений и вся история «бумажной архитектуры» – отвергнутых или не рассчитанных на реальное воплощение проектов.

Жизнь и судьба Павла Дмитриевича Корина – наиболее яркое свидетельство справедливости этого утверждения. 12 апреля 1925 года во время отпевания патриарха Тихона в Донском монастыре художник нашел свою тему. Патриарх Московский и всея Руси Тихон был убежденным противником Советской власти: за свою антисоветскую деятельность он привлекался к судебной ответственности и был подвергнут заключению. На его похороны собралась вся православная Россия – от нищего странника до высших церковных иерархов. Отовсюду съехались калики перехожие, странники, слепые с поводырями, нищие монахи. Точно ожила картина XVI–XVII вв. Они предчувствовали свою обреченность, но перед лицом предстоящей гибели смогли сохранить ни с чем не сравнимое человеческое достоинство и чувство собственной внутренней правоты. Верующие стояли с зажженными свечами, раздавался неумолкающий плач, звучало заупокойное пение. На всю жизнь художник запомнил слова старинного напева: «Сердца на копья поднимем!» Рисунки с натуры, сделанные Кориным во время похорон патриарха, стали первыми подготовительными материалами для работы над картиной, написание которой должно было стать делом всей жизни художника. Корин решил назвать ее «Реквием» и посвятить Русской Православной церкви, выходящей на свой последний бой с новой властью. В 1929–1937 гг. он пишет целую серию этюдов-портретов для задуманной картины: «Трагедия моих персонажей была моей бедой». Подобная жизненная позиция требовала большого мужества. Центральным, но так и не выполненным, полотном художника, должен был стать именно «Реквием» («Русь уходящая»). Считается, что второе название предложил Максим Горький, посетивший мастерскую Корина в 1931 г. и решивший, что еще не созданная автором картина уже нуждается в охранной грамоте: писатель хотел защитить художника от весьма вероятных репрессий. Благодаря помощи Горького, в 1933 г. Корин получил отдельное одноэтажное здание на Малой Пироговской улице, которое было перестроено

[6] Именно так поступил Ю.М. Лотман в статье с красноречивым названием «Опыт реконструкции пушкинского сюжета об Иисусе». Известный литературовед И.Л. Фейнберг (1905–1979) практически всю свою жизнь посвятил *незавершенным* работам Пушкина – «Истории Петра I» и Автобиографическим запискам, – обосновав огромное историческое и художественное значение этих пушкинских произведений. Более подробно: Экштут 2003. С. 263–295.

в квартиру и мастерскую художника, а в Ленинграде по заказу Горького специально изготовили огромный холст без швов для «Уходящей Руси»: по площади он в три раза превосходил полотно Александра Иванова «Явление Христа народу». Холст был доставлен в мастерскую, укреплен на подрамнике и загрунтован. Всё было готово для написания монументальной картины. 19 сентября 1935 г. Павел Дмитриевич написал письмо Нестерову, в котором поведал о работе: «Я здесь целый месяц на бумаге устраиваю своим хромым, слепым и убогим смотр и вожу их во главе с Михаилом Кузьмичом (Холмогоровым) по кремлёвским соборам и площадям, наконец, привел их внутрь Успенского собора, где они на фоне великолепной архитектуры в боевом и торжественном порядке»[7].

Горький сделал все от него зависевшее, чтобы Корин написал эту картину и не один раз говорил ему: «Павел Дмитриевич, если Вы не напишите её, я Вам с того света буду пальцем грозить». Горький мечтал дожить до завершения замысла. Судьба распорядилась иначе. Для будущей картины были выполнены 29 подготовительных портрета, ряд эскизов-вариантов композиции, этюды интерьеров Успенского собора Московского Кремля. Однако подготовленный для картины холст остался нетронутым. 22 ноября 2013 – 30 марта 2014 г. в здании Государственной Третьяковской галереи на Крымском Валу экспонировалась выставка, ставшая проектом года, и посвященная именно нереализованному творческому замыслу. По сути, это было новое слово в истории экспозиционной деятельности ГТГ. На протяжении нескольких лет Третьяковская галерея готовилась к реализации сложного спецпроекта, полностью посвященного картине Павла Корина «Реквием. Русь уходящая», одному из самых грандиозных и загадочных художественных замыслов XX века, который остался незавершенным. Впервые после проведения больших реставрационных работ ГТГ экспонировала весь корпус портретов, этюдов и эскизов к картине, включая предназначавшийся для нее крупноформатный загрунтованный холст (551×941 см), который на протяжении десятилетий стоял нетронутым в мастерской художника. Этот белый холст стал главным действующим лицом спецпроекта. И устроителями выставки, и зрителями он воспринимался своеобразным камертоном, благодаря которому становилась понятна грандиозность авторского замысла. Мастер поставил перед собой сверхзадачу – внести свой вклад в «большой стиль» эпохи. И он это сделал. Замысел «Руси уходящей» свидетельствует о Корине как продолжателе традиции создания «большой» исторической картины, важнейшей для национального искусства, а весь ряд произведений, созданных к «Руси уходящей» и представленных на Крымском Валу, читался на фоне белого холста наиболее значительно, подчеркивая масштабность не реализованной художником мечты-идеи.

[7] Нестеров 1988. С. 497.

2. *Время Ч* – момент публичного обнародования произведения автором. В этой точке времени и пространства происходит встреча интеллектуальной истории с юриспруденцией, точнее с тем институтом гражданского права, который занимается *авторским правом* и регулирует правоотношения, связанные с созданием и использованием (изданием, исполнением, показом и т.д.) произведений науки, литературы или искусства, т.е. объективных результатов творческой деятельности людей в этих областях. *Время Ч* имеет определяющее значение для авторского права, выступая в качестве важного ориентира при разборе судебных тяжб или решении спорного вопроса о чьем-либо приоритете. Не менее важно оно и для интеллектуальной истории: с него начинается бытование произведения во времени и пространстве, завершается творчество, наступает чудотворство самостоятельной жизни произведения в малом и большом времени Истории. Отныне произведение отчуждено от автора и живет своей собственной жизнью.

Следует отличать момент представления только что завершенного произведения узкому кругу «немногих, но верных друзей» (П.А. Вяземский) от предъявления его широкой публике. Во-первых, на оси времени между этими двумя точками нередко пролегает длительный промежуток, который может оказаться больше, чем жизнь автора: писатель далеко не всегда имеет возможность увидеть свою книгу напечатанной, а режиссер – свой уже снятый фильм показанным. Во-вторых, сам факт принадлежности современников к узкому кругу друзей автора нередко сопряжен для них с реальной или мнимой сопричастностью и к самому творческому акту создания произведения. В-третьих, такая принадлежность вызывает у некоторых из друзей ощущение собственной избранности, которое они и пытаются конвертировать как при жизни автора, так и после его смерти, и это чувство личной избранности оказывает влияние на их слог и образ мыслей, вводя в заблуждение доверчивых исследователей.

Из этих общих рассуждений можно вывести два частных следствия.

Следствие первое. Феномен закрытого показа нового кинофильма, спецхран научной библиотеки; книги, намеренно издаваемые только для служебного пользования или для научных библиотек и не поступающие в свободную продажу, – все эти выразительные приметы былого времени в наши дни превратились в ушедшую натуру, требующую обстоятельных комментариев. Очевидно, что без знания этих реалий прошлого нельзя понять ни литературу и искусство тоталитарной эпохи, ни функционирование различных институций или повседневную жизнь творческой интеллигенции, например, советской эпохи.

Следствие второе. Тоталитарное государство стремится к последовательному осуществлению всепроникающего контроля над всеми без исключения пространственными и временными отношениями, освоенными литературой и искусством. Применение административного ресур-

са и последовательное игнорирование рыночных механизмов, государственная цензура – важнейшие рычаги осуществления тоталитарным государством своего контроля над интеллектуальным пространством. Закрытие кинофильма или запрещение спектакля к публичному показу, индексы запрещенных книг и изъятие уже завершенных и поступивших в публичное обращение произведений из интеллектуального пространства – подобные примеры «государственного регулирования» творческой деятельности многократно описаны и хорошо известны.

Эти два частных следствия позволяют нам сделать *итоговый вывод*. Интеллектуальная история, изучая *время Ч*, не должна отбрасывать и проводимые на государственном уровне разнообразные попытки остановить бег времени или повернуть его вспять, что в конечном итоге сводится к стремлению государственных институций переписать Историю, мифологизируя её в интересах сиюминутной политической конъюнктуры.

3. Бытование обнародованного произведения во времени и пространстве, то есть хронотоп самостоятельного бытия произведения. Отсчет этого бытования следует начинать с той точки на шкале времени, в которой произошло отчуждение произведения от своего творца. Существуют три различных варианта подобного бытования:

1) при жизни автора произведения;

2) при жизни поколения его современников, чья память сохраняет отчетливое или смутное воспоминание о моменте первого представления произведения публике;

3) после смерти самого автора и последнего представителя поколения его современников, то есть в большом времени Истории.

Любой из этих трёх относительно простых вариантов бытования произведения может быть осложнен *интерференцией поколений.* В этом случае мы имеем дело с бытованием второй степени. Первыми читателями или зрителями произведения литературы и искусства зачастую выступают не только те его современники, которые вместе с автором принадлежат к одному поколению, но и та часть публики, которая принадлежит к предшествующему и последующему поколениям. Автор, ставящий перед собой сверхзадачу создать шедевр и запечатлеть своё имя на страницах Истории, изначально адресует собственное произведение не только своим *сопластникам*, но и более широкой аудитории. Иными словами, он созидает не только для города, но и для мира. Жизнь и судьба автора соприкасаются с судьбой – прижизненной и посмертной – его произведения, о чём сам творец может лишь гадать, но не в состоянии знать наверняка. Со времён «Памятника» Горация существует устойчивая поэтическая традиция, продолжателями которой в России были Ломоносов, Державин, Пушкин: поэты первого ряда воспевают собственные стихи, предсказывая им бессмертие в большом времени Истории. Не отстают от них и те, кого современники считали поэтами «второстепенными». Современники нередко ошибаются, но большое

время Истории расставляет всё по своим местам. И былые «второстепенные» поэты со временем могут быть переведены в разряд фигур первого плана. Поэт Евгений Баратынский очень точно написал об этом:

Мой дар убог, и голос мой не громок,
Но я живу, и на земли мое
Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдет далекий мой потомок
В моих стихах. Как знать? душа моя
Окажется с душой его в сношенье,
И как нашел я друга в поколенье,
Читателя найду в потомстве я[8].

О посмертной судьбе своих стихов размышляла и Марина Цветаева:

Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет!),
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед[9].

4. Динамика восприятия произведения читателями или зрителями: успех – провал. Типология неудачи совершенно не разработана, хотя потребность в такой классификации очевидна: весьма существенна разница между оглушительным провалом первого публичного представления произведения, сопровождавшегося скандалом и разгромными рецензиями, и полным отсутствием какого-либо контакта между автором и его потенциальными читателями или зрителями, даже не заметившими появление в интеллектуальном пространстве нового имени и (или) нового произведения. Исследователь, взявший на себя труд разработать типологию неуспеха, столкнется с оксюмороном, с сочетанием несочетаемого: неуспех подлежит количественному исчислению – он может быть большим или меньшим. Это напоминает известный парадокс теории множеств: из двух бесконечно больших множеств одно будет больше, а другое – меньше. Столь же парадоксальным может быть и успех. Колебания читательских или зрительских симпатий и (или) антипатий, с учётом прижизненного и посмертного хронотопов бытования произведения, могут быть весьма значительными.

Поэт Владимир Бенедиктов дебютировал в 1835 году небольшой книжкой стихов, имевшей, однако, громкий успех. На первую книгу юного поэта обратили внимание, и она не канула в Лету, подобно большинству подобного рода произведений начинающих авторов. И читатели, и рецензенты встретили книжку громкими похвалами: она имела коммерческий успех, покупалась нарасхват, так что скоро потребовалось новое издание. Только критик Виссарион Белинский в статье, опубликованной в журнале «Телескоп», взглянул на произведения поэта с иной точки зрения и, не преувеличивая ни их достоинств, ни недостатков, по-

[8] Баратынский 1989. С. 144.
[9] Цветаева 1980. С. 38.

казал, что в них виден только талант стихотворца, т.е. умение ловко владеть размером и рифмой, но почти совсем отсутствует поэтическое дарование. «Г-н Бенедиктов воспевает все, что воспевают молодые люди: красавиц, горе и радости жизни; где же он хочет выразить мысль, то или бывает слишком темен, или становится холодным ритором».

Критик добился диаметрально противоположного результата: своим нелицеприятным отзывом он не только не уничтожил новую поэтическую репутацию, но лишь подогрел читательский интерес к поэзии Бенедиктова. О книге заговорили в образованном обществе. Когда номер «Телескопа» со статьей о Бенедиктове появился в Петербурге, в частности в кондитерской Вольфа и Беранже, куда многие ходили с одной единственной целью – пролистать свежие номера газет и журналов, выписываемых владельцами кондитерской, то студенты университета с негодованием отзывались о «критикане», осмелившемся занести руку на любимого поэта. Вспоминая об этом знаковом событии из студенческой жизни через тридцать с лишним лет, Иван Сергеевич Тургенев писал: «Я немедленно отправился к Беранже, прочел всю статью от доски до доски – и, разумеется, также воспылал негодованием. Но – странное дело! – и во время чтения и после, к собственному моему изумлению и даже досаде, что-то во мне невольно соглашалось с «критиканом», находило его доводы убедительными <...> неотразимыми»[10].

Впрочем, какими бы противоречивыми ни были критические отзывы рецензентов, они не могли изменить сложившуюся ситуацию: в какой-то миг начинающий поэт стал притчей на устах у всех, и с этим ничего нельзя было поделать. «Литературные воспоминания» писателя, литературного критика и журналиста Ивана Ивановича Панаева донесли драгоценные подробности этого казуса:

> «…Появились разборы стихотворений Бенедиктова: в “Телескопе” – Белинского, в «Литературных прибавлениях» – Краевского (в то время еще все статьи в “Литературных прибавлениях” приписывали самому редактору) и Полевого в “Сыне отечества”, редакцию которого он принял, переселившись в Петербург. Г. Краевский безусловно восторгался поэтом, а Полевой почти повторил о нем то, что высказал Белинский в “Телескопе”.
> Появление стихотворений Бенедиктова произвело страшный гвалт и шум не только в литературном, но и в чиновничьем мире. И литераторы, и чиновники петербургские были в экстазе от Бенедиктова. О статьях Полевого и Белинского они отзывались с негодованием и были очень довольны статьею профессора Шевырева, провозгласившего Бенедиктова поэтом мысли. Жуковский, говорят, до того был поражен и восхищен книжечкою Бенедиктова, что несколько дней сряду не расставался с нею и, гуляя по Царскосельскому саду, оглашал воздух бенедиктовскими звуками. Один Пушкин остался хладнокровным, прочитав Бенедиктова, и на вопросы: какого он

[10] Тургенев 1967. С. 23.

мнения о новом поэте? – отвечал, что у него есть превосходное сравнение неба с опрокинутой чашей; к этому он ничего не прибавлял более...».

Инерция успеха сохранялась в течение нескольких лет, затем о поэте Владимире Бенедиктове дружно забыли и читатели, и критики. Имя поэта стало символом бездарной безвкусицы, добившейся краткого, но исключительно непродолжительного успеха у публики. Попытки пересмотреть настоящий приговор, впервые предпринятые некоторыми литературоведами еще в 1920-е годы, до сей поры не увенчались успехом.

Колебания читательских или зрительских симпатий и антипатий происходят не в безвоздушном пространстве, испытывая значительное, а подчас и агрессивное воздействие средств массовой информации. Такое воздействие может существенно деформировать первоначальный спрос публики на произведение. Результат подобной деформации нельзя заранее однозначно просчитать, а его результаты – выявить. Резкий критический отзыв, инспирированный властью, способен как уничтожить произведение, так и, наоборот, подогреть читательский или зрительский интерес. Административный ресурс торжествует в настоящем, создавая видимость своего всесилия: он может сломать профессиональную карьеру или безнадежно испортить репутацию, он в состоянии лишить автора заказов и, весьма возможно, даже заставить его расстаться с творческой профессией, он имеет возможность физически уничтожить талант, возвеличив и увенчав ничтожество. Систематическое использование административного ресурса в тоталитарном государстве снижает уровень создаваемых при этой власти произведений и понижает нравственную планку. Об этом казусе очень точно сказал поэт Давид Самойлов:

Вот и все. Смежили очи гении.
И когда померкли небеса,
Словно в опустевшем помещении
Стали слышны наши голоса.

Тянем, тянем слово залежалое,
Говорим и вяло и темно.
Как нас чествуют и как нас жалуют!
Нету их. И все разрешено[11].

5. Деньги как критерий успеха. Долгое время в русском образованном обществе любой разговор о размерах писательских гонораров или о цене тех или иных книг почитался не вполне приличным. Сама мысль о том, что масштаб плодов творческого вдохновенья может быть сведён к рублёвому эквиваленту и найти своё количественное выражение в нём, казалась кощунственной. Ни о каком гласном обсуждении таких деликатных предметов в публичном интеллектуальном пространстве не могло быть и речи, что не исключало их обдумывания в узком дружеском кругу и проговаривания в частной переписке. Великий Пушкин в 1825 г. мог

[11] Самойлов 1999. С. 87.

позволить себе эту роскошь – печатно заявить читающей публике, пусть от лица корыстолюбивого Книгопродавца, что наступили новые времена.

Позвольте просто вам сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать[12].

Однако прошло всего-навсего пять лет, и в 1830-м Пушкин, первоначально намеревавшийся публично ответить тем, кто обвинял его самого в избыточной для поэта меркантильности, в конечном итоге так и не решился напечатать свой обстоятельный и подробно аргументированный ответ. Уж больно щекотлив был для той эпохи сам предмет обсуждения, четко сформулированный гением:

«Между прочими литературными обвинениями укоряли меня слишком дорогою ценою “Евгения Онегина” и видели в ней ужасное корыстолюбие. Это хорошо говорить тому, кто отроду сочинений своих не продавал или чьи сочинения не продавались, но как могли повторять то же милое обвинение издатели “Северной пчелы”? Цена устанавливается не писателем, а книгопродавцами. В отношении стихотворений число требователей ограничено. Оно состоит из тех же лиц, которые платят по 5 рублей за место в театре. Книгопродавцы, купив, положим, целое издание по рублю экземпляр, все-таки продавали б по 5 рублей. Правда, в таком случае автор мог бы приступить ко второму дешевому изданию, но и книгопродавец мог бы тогда сам понизить свою цену и таким образом уронить новое издание. Эти торговые обороты нам, мещанам-писателям, очень известны. Мы знаем, что дешевизна книги не доказывает бескорыстия автора, но или большое требование оной или совершенную остановку в продаже. Спрашиваю: что выгоднее – напечатать 20 000 экземпляров одной книги и продать по 50 коп. или напечатать 200 экземпляров и продавать по 50 рублей?
Цена последнего издания басен Крылова, во всех отношениях самого народного нашего поэта (le plus national et le plus populaire – самого национального и самого популярного), не противоречит нами сказанному. Басни (как и романы) читает и литератор, и купец, и светский человек, и дама, и горничная, и дети. Но стихотворение лирическое читают токмо любители поэзии. А много ли их?»[13]

Осенью 1835 года в неоконченной повести «Египетские ночи» Пушкин возвращается к важной для него проблеме адекватного денежного вознаграждения за творческий труд и на минимальном пространстве текста формулирует два диаметрально противоположных подхода к решению непростой задачи. С одной стороны, сам акт творчества выше любых низменных меркантильных расчетов, но с другой – желание творца извлечь максимальную прибыль из своего божественного дара, хотя и вполне обоснованное, со стороны смотрится не очень приглядно:

«Однако... надобно подумать о моем первом вечере. Как вы полагаете? Какую цену можно будет назначить за билет, чтобы публике не слишком

[12] Пушкин. Разговор книгопродавца с поэтом. С. 94.
[13] Пушкин. Опровержения на критику. С. 154.

было тяжело, и чтобы я между тем не остался в накладе? Говорят, la signora Catalani (госпожа Каталани) брала по 25 рублей? Цена хорошая...
Неприятно было Чарскому с высоты поэзии вдруг упасть под лавку конторщика; но он очень хорошо понимал житейскую необходимость и пустился с итальянцем в меркантильные расчеты. Итальянец при сем случае обнаружил такую дикую жадность, такую простодушную любовь к прибыли, что он опротивел Чарскому, который поспешил его оставить, чтобы не совсем утратить чувство восхищения, произведенное в нем блестящим импровизатором. Озабоченный итальянец не заметил этой перемены и проводил его по коридору и по лестнице с глубокими поклонами и уверениями в вечной благодарности»[14].

Повесть «Египетские ночи» была опубликована уже после смерти Пушкина в основанном им журнале «Современник» (№ 8 за 1837 г). Однако и после этой посмертной публикации никакого гласного обсуждения проблемы авторского гонорара не произошло. В русском образованном обществе она продолжала оставаться фигурой умолчания. Прошло без малого целое столетие. Торжество царства Ваала уже не было новостью для русского интеллигента, по традиции, идущей еще со времен народников, продолжавшего обличать язвы капитализма. И некогда щепетильный предмет давних споров, не потеряв своей актуальности, стал более приемлем для любого осмысления – коммерческого, этического, теоретического и, даже, обывательского. В 1915 г., в разгар войны Василий Васильевич Розанов без обиняков объяснился со своими критиками.

«...“дорого назначаете цену книгам”. Но это преднамеренно: книга – не дешевка, не разврат, не пойло, которое заманивает “опустившегося человека”. Не дева из цирка, которая соблазняет дешевизною.
Книгу нужно уважать: и первый этого знак – готовность дорого заплатить.
Затем, сказать ли: мои книги – лекарство, а лекарство вообще стоит дороже водки. И приготовление – сложнее, вещества (душа, мозг) положены более ценные»[15].

Прошло еще сто лет. Однако ни специалисты по истории культуры, ни специалисты по интеллектуальной истории практически не интересовались проблемой авторского гонорара за творческий труд. Не был накоплен необходимый эмпирический материал, на основании которого можно было бы сделать приблизительные умозаключения. И проблема из разряда не совсем приличных была переведена в разряд «третьестепенных». Однако продажная цена книги отнюдь не является «третьестепенным предметом», как полагают, например, некоторые исследователи творчества поэта Иннокентия Анненского[16]. Высокая продажная цена книги может оттолкнуть потенциальных покупателей. Именно так произошло с реализацией капитального книгоиздательского проекта, который замыслил поэт, любивший книгу, но плохо разбиравшийся в

[14] Пушкин. Египетские ночи. С. 270.
[15] Розанов 1990. С. 236–237.
[16] Анненский 2007. С. 373.

реалиях книжной торговли. В 1905 г. Иннокентий Федорович Анненский подготовил к печати первый том своих переводов древнегреческого трагика, снабдив его таким заглавием: «Театр Еврипида (Полный стихотворный перевод всех пьес и отрывков, дошедший до нас под этим именем. В трех томах, с двумя введениями, статьями об отдельных пьесах, обстоятельным указателем и снимком с античного бюста Еврипида)». Лето 1905-го было посвящено исключительно «трагику из трагиков»: «Пишу понемножку и все Еврипида, все Еврипида, ничего кроме Еврипида»[17]. Главное дело всей жизни близилось к завершению, но то чувство, которое испытывал поэт, любовно вылизывая рукопись книги перед сдачей её в печать, не имело ничего общего ни с простой человеческой радостью от окончания многолетней работы, ни с предощущением творческой удачи. Поэт трезво смотрел в будущее.

Для «Театра Еврипида» быстро был найден издатель, товарищество «Просвещение», однако деловые переговоры завершились лишь осенью. Их итог был неутешителен: «Нет опасности, чтобы Еврипид прославил меня, но еще меньше, кажется, может быть опасения, что он развратит меня приливом богатства...»[18] Книга вышла из печати в конце 1906 года, продавалась за очень высокую цену – 6 рублей за 628-страничный экземпляр, читательским спросом не пользовалась. Этот амбициозный издательский проект оказался убыточным. 23 июля 1909 года издательство с прискорбием сообщило Анненскому, что первый том «Театра Еврипида» «расходится до сих пор очень слабо»[19]. Итог продаж был неудовлетворительным: из напечатанных 1600 экземпляров в течение нескольких лет с большим трудом удалось реализовать лишь 484 экземпляра[20]. Если учесть, что издательские расходы в пересчете на экземпляр составляли 2 рубля 8 копеек, то легко сделать вывод: издав первый том «Театра Еврипида» и вложив в эту книгу 3328 рублей, товарищество «Просвещение» не только не получило никакой прибыли, но так и не смогло вернуть вложенные деньги. (Замечу в скобках, что прекрасно разбирающийся в конъюнктуре книжного рынка Алексей Сергеевич Суворин в 1907 г. большим для того времени тиражом в 2000 экземпляров выпустил до той поры запрещенные в империи скандальные «Записки императрицы Екатерины Второй». Книга была прекрасно издана, имела иллюстрации на отдельных листах и продавалась по 4 рубля за пухлый 750-страничный том увеличенного формата[21].) Не помог и министерский циркуляр, рекомендовавший средним учебным заведениям Российской империи приобретать «Театр Еврипида» для пополнения библиотек.

---

[17] Е.М. Мухиной. Царское Село, 5.07.1905 // Анненский. Письма. Т. 1. С. 399.
[18] А.В. Бородиной. Царское Село, 14.07.1905 // Анненский. Письма. Т. 1. С. 416.
[19] Цит. по: Анненский. Письма. Т. 2. С. 150.
[20] Анненский 2007. С. 379.
[21] [Суворин] Дневник Алексея Сергеевича Суворина. 2000. С. 497.

Административный ресурс был бессилен повлиять на законы функционирования книжного рынка: заплатить 6 рублей за «Театр Еврипида» могли очень немногие. Судите сами. Годовая подписка на исключительно популярный ежемесячный иллюстрированный научно-популярный и литературный «Журнал для всех», предназначавшийся «для большой провинциальной публики», составляла всего-навсего 1 (один) рубль. За 6 рублей подписчик «Нивы» получал не только годовой комплект лучшего в России «толстого» журнала с отличным подбором современной беллетристики, но и бесплатное приложение – многотомное собрание сочинений Достоевского, Гончарова, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Чехова. За 6 рублей можно было купить: 10 бутылок водки двойной очистки (0,61 литра; в народе по белому сургучу, которым запечатывалась бутылка, называлась «Белоголовкой»), 3 кг черного кофе в зернах или 2 кг лучшего листового чая, 2 кг чёрной зернистой икры, 2 выходных мужских рубашки из батиста или 3 пары летних кожаных штиблет.

Сбылся пессимистический прогноз Анненского. Первый том «Театра Еврипида» не развратил его приливом богатства. Однако и издательство не смогло вернуть вложенные деньги: основная часть тиража первого тома (около 70%) мертвым грузом лежала на складе. В книжной торговле господствовал застой, и товарищество «Просвещение» не стало торопиться с печатанием второго и третьего томов «Театра Еврипида»: произведения древнегреческого трагика не были востребованы читающей публикой.

Итак, подведём неутешительные итоги. Если мы рискнём войти в эти ворота хронотопов, то все полученные сведения ограничатся несколькими рабочими понятиями, хотя и получившими распространение в профессиональной среде, но в настоящее время еще не имеющими чётких количественных характеристик. Речь идет исключительно о сфере книжного бизнеса, где специалисты по продажам хорошо уяснили разницу между бестселлером и лонгселлером. **Бестселлер** (от англ. *best seller* – «продаваемый лучше всех»), или **ходкая книга** – популярная книга или другое тиражируемое издание (например, музыкальный альбом, компьютерная игра), попавшее в список наиболее продаваемых. Термин *бестселлер* не определяет какого-то конкретного уровня продаж или литературного качества произведения, он просто говорит о большой популярности, как, например, термин *блокбастер*, используемый в индустрии кино, или термин *хит*, употребляемый для описания очень популярного музыкального произведения. В разных странах существуют различные эмпирические правила по поводу того, что именно считать бестселлером. Например, в Великобритании – это от 4000 продаж за неделю, а в Канаде – от 5000. Если бестселлер в течение долгого времени остается в списке наиболее продаваемых книг, то он переходит в новое качество и становится лонгселлером. Однако книга, в момент выхода не вызвавшая ажиотажный читательский спрос и не попавшая в разряд бестселлеров,

со временем может стать лонгселлером. **Лонгселлер** – это книга, которая длительное время хорошо продается и покупается. Даже в среде профессиональных издателей не существует однозначного ответа на вопрос, что лучше для успешной издательской политики – бестселлер или лонгселлер, то есть яркая вспышка читательского интереса или продолжительные высокие продажи? Но какой бы ни была стратегия издательства, ни специалист по истории культуры, ни специалист по интеллектуальной истории, изучая бытование произведения, не могут игнорировать и коммерческий аспект этой проблемы – адекватность авторского гонорара за творческий труд. И это, пожалуй, всё что нам известно.

Столь же неутешительный вывод мы сделаем, если обратимся к истории изобразительного искусства. Мы можем лишь зафиксировать неинвариантность (неравновесность) двух систем иерархий – иерархии художественных ценностей и их авторов, закреплённой историей изобразительного искусства, и аналогичной иерархии, отмеченной историей продаж. Картины Генриха Семирадского или Константина Маковского всегда высоко ценились собирателями и стоили дорого – и при жизни живописцев, и после их смерти, однако современное отечественное искусствознание отвело им исключительно скромное место на страницах специальных изданий: первоклассные живописцы были оттеснены на периферию художественного пространства и в течение многих десятилетий проходили по разряду «плохого» искусства. Лишь в 2005 г. Государственная Третьяковская галерея предприняла в высшей степени убедительную попытку реабилитировать русское академическое и салонное искусство XIX века и провела широкомасштабную выставку «Пленники красоты», в центре которой были именно работы Семирадского и Маковского. Этот масштабный выставочный проект в ГТГ включал в себя около 500 произведений живописи, графики, скульптуры, а также афиши, рекламную упаковку, открытки, фотографии, мебель, фарфор, бронзу, стекло, костюм, шедевры ювелирного искусства 1830–1910 гг. Он охватывал разные жанры и виды искусства, имена прославленные и малоизвестные. Помимо ГТГ, выступившей инициатором проекта, в нем участвовали Государственный Русский музей, Государственный Исторический музей и Музей декоративно-прикладного искусства, музейные собрания Омска, Таганрога, Перми, Серпухова, Переславля-Залесского, Новгорода, Самары, Минска, а также частные коллекционеры. Прошло десять лет, однако неравновесность двух систем иерархий до сих пор не стала предметом специального теоретического исследования.

6. Произведение в большом времени Истории. Возможны два сценария изучения творческой истории завершённого произведения. Следует различать бытование произведения внутри жанра и его бытование вне эволюции жанра. Вступая в эти ворота хронотопов, мы сталкиваемся с тем, что Юрий Николаевич Тынянов называл *литературным рядом*: со временем младшие жанры заступают место старших и

выходят на первый план, а некогда старшие жанры (эпос, большая героическая поэма) отходят на задний план текущего литературного процесса или если не навсегда, то надолго его покидают, вступая в сферу истории литературы. И небывалый успех, выпавший на долю комедии в стихах Александра Сергеевича Грибоедова «Горе от ума», объясняется не только талантом автора, но предшествующим развитием жанра русской стихотворной комедии, история которой в настоящее время известна лишь очень узким специалистам. Зерно упало на хорошо обработанную предшественниками почву и проросло. Талантливый автор, опираясь на забытые в наши дни достижения своих предшественников, написал гениальную комедию. Аналогичная ситуация наблюдается в истории архитектуры и изобразительного искусства.

7. Поиск «большого стиля». Обращая свой взор в прошлое и рассматривая его в длительной временной протяженности, мы в известной степени мифологизируем былое время и обнаруживаем в минувшем наличие «большого стиля». Этот «большой стиль» с его грандиозными творческими задачами и масштабными проектами, пафосом и дидактикой, с ориентацией на просвещение и воспитание читателя или зрителя воспринимается как живой упрек настоящему с его мелкотемьем, борьбой личных амбиций и утратой социально значимых созидательных идей и творческого порыва. При таком ракурсе рассмотрения фактически аннигилируется, казалось бы, неустранимое противоречие между решением задач чисто художественных и задач познавательных, воспитательных, просветительских и коммуникативных. В своей практической деятельности с этим противоречием неизбежно сталкивается любой творец, причем этот неизбывный в настоящем конфликт может способствовать как взлету творческой активности, так и ее практически полному прекращению: неустранимость противоречия в настоящем может стать катализатором затяжного творческого кризиса. Но в большом времени Истории этот некогда весьма актуальный конфликт отходит на второй план, либо исчезает. На авансцену выходит поиск «большого стиля».

Поиск «большого стиля» требует стабильного государственного финансирования и не может осуществляться исходя лишь из внутренних закономерностей развития литературы, искусства, архитектуры или исключительно из внутренней творческой потребности автора произведения и из материальных ресурсов самого творца. Поиск «большого стиля» носит дискретный, то есть прерывный, дробный характер в малом времени Истории и непрерывный – в большом. Процесс поиска всегда абсолютен, тогда как его конечный результат – неизменно относителен. Такова, пожалуй, самая существенная особенность этих ворот хронотопов. Требуется длительная временная протяженность, чтобы выявить либо само существование «большого стиля», либо его настойчивое отыскивание как отдельными творцами, так и государственными институтами. Искусство сталинской эпохи, которое иногда уничижительно трактуют

как «ампирку под копирку», стремясь сделать упор на его эклектическую вторичность, не может быть правильно понято и оценено, если мы не будем учитывать тот непрерывный поиск «большого стиля», который шел все эти годы в литературе, искусстве, архитектуре. Поиск вели как отдельные творцы, так и государственные институции.

8. Институции (академии, творческие союзы и объединения, толстые журналы, салоны) в большом времени Истории. У государственных и негосударственных институций есть своя история: они, подобно живым организмам, знают периоды внутриутробного развития, рождения, формирования, развития, угасания, смерти, т.е. фактического или формального прекращения своей деятельности. Совпадение или несовпадение временных ритмов возникновения, формирования и развития творческого замысла произведения с тем или иным периодом в истории институции, к которой принадлежит или не принадлежит автор произведения, – эти ворота хронотопов практически не выявлены, не описаны и не изучены как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне. Однако причины многих конфликтов – как творческих, так и межличностных – станут ясны и понятны, если попытаемся их осмыслить, войдя именно через эти ворота хронотопов.

Лишь очень немногие мастера способны творить, только исходя из внутренних мотивов творчества и не считаясь с тем социальным заказом, который формулирует государство, поощряющее одни и подавляющее другие институции. Таким человеком был Михаил Васильевич Нестеров.

С 24 апреля по 18 августа 2013 года в Государственной Третьяковской галерее на Крымском Валу экспонировался крупнейший выставочный проект года, посвященный выдающемуся живописцу, графику и монументалисту М.В. Нестерову (1862–1942), чье творчество представляет особую страницу в истории Серебряного века. Живописные поиски мастера шли в русле национально-романтического направления отечественного символизма и стиля модерн. Около 300 произведений из 24-х музеев России, Украины, Беларуси и 10 частных коллекций демонстрировали широкий диапазон художественных интересов Нестерова: картины на религиозные темы, портрет, пейзаж. Помимо станковых работ, в экспозицию вошли эскизы к храмовым росписям и мозаикам. Многие произведения были специально отреставрированы к выставке. Центром экспозиции стало масштабное полотно «На Руси (Душа народа)» (1914–1916, ГТГ). В нем предстает собирательный образ России: своеобразный крестный ход объединил людей разных эпох, сословий и состояний, типические фигуры русской истории, воплощающие национальный дух.

«1917-й год положил конец всем моим замыслам…»[22] Революция сделала живописца нищим. После революции и Гражданской войны, которую он пережил на Северном Кавказе в Армавире, Михаил Василь-

[22] Нестеров 2006. С. 194, 438.

евич в июле 1920 года вернулся в Москву. Его квартира и мастерская на Новинском бульваре были реквизированы Реввоенсоветом, а имущество, библиотека, архив, «материал за 30 лет работы» – за исключением картин, сданных на хранение в музеи, – расхищены[23]. «Временно» Нестеров поселился на Сивцевом Вражке у своего зятя известного юриста профессора Виктора Николаевича Шретера (1885–1938), мужа старшей дочери Ольги. У Шретеров он прожил до самой смерти. Большой террор коснулся и его семьи. На глазах у Михаила Васильевича были арестованы зять и дочь. В 1938-м Шретер был расстрелян, но Ольгу благодаря настойчивым хлопотам отца перед самой войной удалось вернуть из ссылки в Москву. Советская власть отделила церковь от государства, а школу от церкви. Официальная пропаганда стала настойчиво внедрять в массы воинствующий атеизм. Отныне художник уже не мог позволить себе создавать большие картины, посвященные религиозной тематике, но Нестеров продолжал много работать. Воспроизводил некоторые свои картины для продажи «на картошку». По памяти восстанавливал часть утраченных этюдов и картин. Писал этюды в Троице Сергиевой Лавре и Абрамцеве. В эти годы все русские художники сильно нуждались. «Все спекулянты сыты по горло, и им сейчас не до нас»[24]. Друзья выхлопотали академику живописи Нестерову академический паёк, который сам художник не без иронии перевёл в систему координат Российской империи: такой паёк – это «Станислав 1-й степени»[25].

В 1923 г. художник создал картину «Девушка у пруда» – портрет дочери Наташи в костюме времён Директории, когда, как известно, в результате контрреволюционного переворота было покончено с якобинской диктатурой. Была ли эта визуальная аллюзия с Великой французской революцией случайной? Возможно, в этом полотне воплотились подспудные мечты Нестерова о грядущем Термидоре, который покончит с затянувшейся русской Смутой. Во всяком случае, у него никогда не было ни пелены на глазах, ни интеллигентских иллюзий по поводу «музыки революции». В том же 1923-м он после долгого перерыва он побывал в «городе трёх революций», который упорно продолжал именовать Петербургом, и дал точный социологический анализ интеллигентских настроений. Давние знакомые Нестерова, восторженно принявшие революцию, уже успели утратить иллюзии и испытывали в это время сильнейшее разочарование. «Людей я видел много, впечатление от них, как и от города Петербурга, очень приятное и неожиданное. Они духовно возмужали, пелена с их глаз спала. Содеянное им сейчас ясно, и они ушли в дело, в работу, стараясь в ней найти себе оправдание»[26].

---

[23] Там же. С. 507.
[24] Нестеров – М.В. Статкевич. Москва. 20 сентября 1922 г. // Нестеров 1968. С. 220.
[25] Нестеров – В.К. Менку. Москва. 21 ноября 1920 г. // Там же. С. 217.
[26] Нестеров – П.П. Перцову. Москва. Апрель 1923 г. // Там же. С. 227.

В начале 1926 г. Михаил Васильевич сказал своему давнему другу и биографу Сергею Николаевичу Дурылину: «Современные художники привыкли не высказываться, как прежде, а выбалтываться своими произведениями»[27]. В том же 1926-м Нестеров написал портрет Дурылина «Тяжёлые думы», который хранится в Сергиевом Посаде, в Церковно-археологическом кабинете Московской православной духовной академии. Нестеров полагал, что он как художник уже завершил свой путь в искусстве: «Жизнь пролетела быстро, и какой печальный преждевременный конец (как художника)»[28]. В это время главной его жизненной задачей стала работа над мемуарами, основной текст которых был им написан в 1926–1928 гг. «Лучшее, так сказать «праздничное» моё «Я» останется в моих картинах, «будничное» – в воспоминаниях»[29]. В этих блистательно написанных мемуарах нет ни слова о жизни Нестерова в Советской России, а повествуется лишь о России, которую мы потеряли. «Воспоминания свои я решил довести до событий 1917-го года, к коим я не был подготовлен: жизнь и деятельность моя проходили в иных понятиях, иной среде»[30]. Нестеров был наделен несомненным литературным талантом и редким даром кратко и чётко формулировать и излагать выразительные приметы времени. В одном из своих писем он с афористической точностью зафиксировал наступление новой эпохи. «Зима у нас наконец установилась, но ни санок, ни троек не видно, по новым улицам Москвы мчатся линкольны, лимузины и просто ваньки-фордики. Ушла старина, пришла новизна»[31]. Об интеллигентах старой формации, которые активно сотрудничали с советской властью и по любому поводу пытались этой власти угодить, художник отзывался с нескрываемым сарказмом. Таковых было много в разных музеях, и Третьяковская галерея не составляла исключения. «Галерейные “политики и дипломаты”, все гг. “Талейраны” из Лаврушинского переулка, сейчас деятельнее своих праотцев времён Венского конгресса, Священного союза… Они и жить торопятся, и угождать спешат…»[32].

Лишь в 1930-е гг. мастер перестал считать, что его время в искусстве безвозвратно миновало, ощутил «второе дыхание» и до конца своих дней работал преимущественно в жанре психологического портрета. «Начал работать, пишу и, быть может, скоро окончу портрет Мухиной. Ей нравится, я же могу сказать, что пишу с неожиданным увлечением. Искусство, как алкоголь, – стоит раз-другой к нему прикоснуться, потом от него никак не отстанешь…»[33]. Нестеров не писал портреты на заказ,

---

[27] Дурылин 2006. С. 170.
[28] Нестеров – А.А. Турыгину. Москва. 8 марта 1927 г. // Нестеров 1968. С. 262.
[29] Нестеров 2006. С. 29.
[30] Там же. С. 30.
[31] Нестеров 1988. С. 409.
[32] Нестеров – П.И. Нерадовскому. Москва. 10 апреля 1929 // Нестеров 1968. С. 286.
[33] Нестеров – М.В. Статкевич. Москва. 15 июня 1940 г. // Нестеров 1968. С. 352.

нередко отказываясь от выгодных и лестных предложений, но сам выбирал модели для картин. Его моделями были далекие от созерцательности цельные и незаурядные личности, оставившие свой след в истории русской культуры. Нестеров запечатлел своих героев в порыве созидательного вдохновения. Скульптор Вера Мухина самозабвенно лепит, хирург Сергей Юдин полностью поглощен операцией или чтением лекции студентам, художники братья Корины работают в своей мастерской, академик Иван Павлов энергично сцепил руки и готов отстаивать свою научную правоту не только перед собратьями по интеллектуальному сообществу, но и перед власть предержащими. Ощущается духовное родство живописца с его персонажами: «Характер Михаила Васильевича был неровный, деспотичный, он мог быть “неистовым”, как сам определял некоторые свои вспышки»[34]. Вместе с тем он часто бывал общительным и приветливым, поражал «тонким умом, неподкупностью своих художественных идеалов, горячим сердцем и пылким темпераментом художника»[35]. И сам Нестеров, и персонажи его портретов – все эти творческие личности своим активным порывом созидательного вдохновения постоянно утверждали и, в конечном счете, наперекор всему смогли утвердить себя в нелегкое для мыслящей личности время. Скончавшийся в октябре 1942 года во фронтовой Москве художник и его модели отстояли свою самость и право на творчество. Михаил Васильевич прожил долгую жизнь и остался в истории русской живописи олицетворением непрекращающихся творческих исканий, живой связи качественно различных эпох и воплощением бескомпромиссного творческого служения.

Закат Нестерова был светел и почти безоблачен. В марте 1941 года за портрет академика Павлова и другие портреты деятелей науки и искусства художник был удостоен Сталинской премии I степени. 1 января 1942-го в прифронтовой Москве вышла его книга воспоминаний «Давние дни», мгновенно ставшая библиографической редкостью. 30 мая – 1 июня было торжественно отмечено 80-летие Нестерова с присвоением ему звания заслуженного деятеля искусств РСФСР и награждением орденом Трудового Красного Знамени. В сентябре Михаила Васильевича приняли в члены Союза писателей СССР. Ко всему этому официальному почитанию сам мастер относился без особого пиетета. Но это была лишь обманчивая внешняя оболочка. Мне довелось видеть большеформатный винтажный отпечаток фотопортрета Нестерова, выполненного в 1941 г. Навсегда запомнились мудрые и страдающие глаза мастера – это были глаза матёрого волка, обложенного охотниками со всех сторон; глаза хищного зверя, прекрасно понимающего, что настал его смертный час, но не собирающегося сдаваться без боя. Ещё летом 1939 года Нестеров при разговоре с Сергеем Николаевичем Дурылиным «о звани-

[34] Прахов. 1958. С. 203.
[35] Остроумова-Лебедева 1974. С. 203.

ях, чинах, титулах и наградах живописцам, сказал: – Ничего этого не надо. Всё вздор. Высочайшее из званий, – так я думал всегда, так думаю и теперь, – это имя: художник. Это самое почётное звание. Немногие имеют на него право. И ничего бы я так не хотел, как заслужить это звание, чтоб на кресте на моей могиле было по праву написано: “Художник Нестеров”»[36]. Так и было сделано после его смерти.

9. Бытование произведения, которое автор начал публиковать еще до его окончательного завершения. Нередко момент публикации первой главы и момент обнародования завершающей главы капитального произведения, требующего много времени для его окончательного завершения, разделяет не только весьма продолжительный временной лаг, но распад связи времён. За тот протяженный период, в течение которого автор работает над своим творением, время успевает вывихнуть свой сустав. Такова творческая история романа в стихах «Евгений Онегин». Время создания романа и время его действия совпадают лишь частично: первая глава романа вышла в свет на излете Александровской эпохи – в 1825 г.; этим же годом завершается и время действия романа, хотя в хронотопе романа пытливый ум исследователя обнаруживает ряд анахронизмов из времен царствования Николая I. Пушкин работал над романом свыше семи лет – с 1823 по 1831 г., а первое полное издание в одном томе вышло лишь в 1833-м, т.е. уже в Николаевскую эпоху. За эти годы «переломилось» не только само время, но и судьбы многих людей: после восстания 14 декабря 1825 года их жизнь и судьба отчетливо разделились на периоды «до» и «после». И это исключительно существенное обстоятельство нельзя не учитывать, если мы хотим понять восприятие романа современниками поэта, читавшими его по мере выхода в свет отдельных глав «Евгения Онегина». Через эти же ворота хронотопов следует входить, если мы захотим постичь феномен толстых журналов, публиковавших художественные произведения «с продолжением», и занимаемое ими место в истории журналистики, книгоиздания и повседневной жизни образованного общества.

10. Бытование незавершённого произведения. Поле физическое представляет собой непрерывное распределение физических величин. Поле интеллектуальное – это непрерывное распределение интеллектуальных величин: 1) завершенных и обнародованных; 2) начатых, частично обнародованных, но еще полностью не завершённых; 3) начатых, но еще не обнародованных и еще не завершённых; 4) существующих лишь на уровне созидательного замысла. Войдя через ворота хронотопов, мы постигаем принципиальную ограниченность правового подхода к творческой деятельности и проводим демаркацию между интеллектуальной

[36] Дурылин 2006. С. 857. 27 января 1941 г. Нестеров в письме П.Е. Корнилову вернулся к этой теме: «Надо сказать, что труднее всего заслужить звание *художника*, и я желал бы его заслужить и после того, как меня не будет» (Нестеров 1968. С. 355).

историей и юриспруденцией. *Авторское право* описывает частный случай этой деятельности: произведение завершено и публично обнародовано; не реализованный автором замысел не может быть защищен авторским правом и не подлежит его юрисдикции, но он интересует специалиста по интеллектуальной истории.

11. Следует различать пять пластов времени: индивидуальное время творца произведения – время институции, членом которой он состоит или которой он отвергнут, – время поколения, к которому принадлежит автор и его первые читатели, – большое время Истории – время внутри самого произведения. Войдя через ворота хронотопов, мы начинаем распознавать эти пять различных пластов времени, которые могут отличаться друг от друга как синхронностью, так и асинхронностью.

12. Что считать монадой, простейшей клеточкой, тем пределом рассмотрения, после которого явление, изучаемое историей творческой деятельности, перестает быть данным? Монада – термин, употребляемый в философии для обозначения простейшего элемента, неделимой части бытия. Если речь идет об истории изобразительного искусства или литературы, то в качестве такой монады могут выступать: 1) произведения; 2) авторы; 3) жанры; 4) институции; 5) меценаты; 6) критики; 7) маршаны (торговцы искусством) или книгопродавцы; 8) публика. В зависимости от того, что мы примем за монаду или простейшую клеточку наших последующих рассуждений, мы получим как минимум восемь различающихся между собой историй изобразительного искусства или историй литературы и творческой деятельности художников или писателей, написанных в разных и нередко не пересекающихся между собой плоскостях. Однако нет необходимости загонять себя в прокрустово ложе, ограничиваясь изучением одной монады и игнорируя прочие, ибо никто не запрещает изучать всех их одновременно. При таком подходе интеллектуальная история плавно трансформируется в монадологию, причем более высоким уровнем постижения творческой деятельности станет именно изучение взаимоотношений между восемью выявленными монадами. Впрочем, всё это – дело будущего.

Войдя через ворота хронотопов, мы формулируем *основной вопрос интеллектуальной истории* и сталкиваемся с насущной необходимостью, хотя бы в рамках своего профессионального сообщества, заключить предварительную конвенцию о том, что мы признаём монадой интеллектуальной истории, а что – не признаём. Без внятного ответа на этот вопрос и заключения такой конвенции все последующие индивидуальные исследования будут лишены должной теоретической эффективности, а совместные работы – какого-либо практического смысла.

…Больше ничего
Не выжмешь из рассказа моего[37].

[37] Пушкин. Домик в Коломне. С. 93.

БИБЛИОГРАФИЯ

Анненский И.Ф. Письма: В 2-х тт. / Сост., предисл., коммент. и указатели А.И. Червякова. Т. 1: 1879–1905. СПб. 2006.

Анненский И.Ф. Театр Еврипида / Сост., подгот. текста и коммент. В. Гитина; вступ. ст. М.Л. Гаспарова. СПб.: Гиперион, 2007.

Баратынский Е.А. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1989.

Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975.

Дурылин С.Н. В своём углу. М.: Молодая гвардия, 2006.

Дурылин С. Нестеров-портретист. М.; Л., 1949.

Нестеров М.В. Из писем. Л.: Искусство, 1968.

Нестеров М.В. О пережитом. 1862–1917 гг. Воспоминания. М.: Молодая гвардия, 2006.

Нестеров М.В. Письма. Избранное. 2-е изд., перераб. и доп. Л.: Искусство, 1988.

Остроумова-Лебедева А.П. Автобиографические записки. Т. 3. М. 1974.

Прахов Н.А. Страницы прошлого. Очерки-воспоминания о художниках. Киев. 1958.

Пушкин А.С. Была пора: наш праздник молодой… // *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 19-ти тт. Т. 3. Кн. 1. М.: Воскресенье, 1995.

Пушкин А.С. Домик в Коломне // *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 19-ти тт. Т. 5. М.: Воскресенье, 1994.

Пушкин А.С. Египетские ночи // *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 19-ти тт. Т. 8. Ч. 1. М.: Воскресенье, 1995.

Пушкин А.С. Опровержения на критики // *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 19-ти тт. Т. 11. М.: Воскресенье, 1996.

Пушкин А.С. Разговор книгопродавца с поэтом // *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 19-ти тт. Т. 2. Ч. 1. М.: Воскресенье, 1996.

Розанов В.В. Опавшие листья. Короб второй и последний // *Розанов В.В.* Уединенное. М.: Политиздат, 1990.

Самойлов Д.С. Предначертание: Стихи. Баллады. Поэмы. М.: Русская книга, 1999.

[*Суворин А.С.*] Дневник Алексея Сергеевича Суворина / Текстологическая расшифровка Н. Роскиной. Подготовка текста Д. Рейфилда, О. Макаровой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Независимая Газета, 2000.

Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми тт. Соч. Т. 14. М.; Л., 1967.

Цветаева М.И. Сочинения: В 2-х тт. Т. 1. М.: Художественная литература, 1980.

Экштут С.А. Битвы за храм Мнемозины. Очерки интеллектуальной истории. СПб.: Алетейя, 2003.

REFERENCES

Annenskii I.F. Pis'ma: V 2-kh tt. / Sost., predisl., komment. i ukazateli A.I. Cher-vyakova. T. 1: 1879–1905. SPb. 2006.

Annenskii I.F. Teatr Evripida / Sost., podgot. teksta i komment. V. Gitina; vstup. st. M. L. Gasparova. SPb.: Giperion, 2007.

Baratynskii E.A. Polnoe sobranie stikhotvorenii. L.: Sovetskii pisatel', 1989.

Bakhtin M.M. Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoi poetike // Bakhtin M.M. Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1975.

Durylin S.N. V svoem uglu. M.: Molodaya gvardiya, 2006.

Durylin S. Nesterov-portretist. M.; L., 1949.

Nesterov M.V. Iz pisem. L.: Iskusstvo, 1968.

Nesterov M.V. O perezhitom. 1862–1917 gg. Vospominaniya. M.: Molodaya gvardiya, 2006. (Biblioteka memuarov: Blizkoe proshloe. Vyp. 19).

Nesterov M.V. Pis'ma. Izbrannoe. 2-e izd., pererab. i dop. L.: Iskusstvo, 1988.

Ostroumova-Lebedeva A.P. Avtobiograficheskie zapiski. T. 3. M. 1974.

Prakhov N.A. Stranitsy proshlogo. Ocherki-vospominaniya o khudozhnikakh. Kiev. 1958.
Pushkin A.S. Byla pora: nash prazdnik molodoi… // Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenii: V 19-ti tt. T. 3. Kn. 1. M.: Voskresen'e, 1995.
Pushkin A.S. Domik v Kolomne // Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenii: V 19-ti tt. T. 5. M.: Voskresen'e, 1994.
Pushkin A.S. Egipetskie nochi // Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenii: V 19-ti tt. T. 8. Ch. 1. M.: Voskresen'e, 1995.
Pushkin A.S. Oproverzheniya na kritiki // Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenii: V 19-ti tt. T. 11. M.: Voskresen'e, 1996.
Pushkin A.S. Razgovor knigoprodavtsa s poetom // Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenii: V 19-ti tt. T. 2. Ch. 1. M.: Voskresen'e, 1996.
Rozanov V.V. Opavshie list'ya. Korob vtoroi i poslednii // Rozanov V.V. Uedinen-noe. M.: Politizdat, 1990.
Samoilov D.S. Prednachertanie: Stikhi. Ballady. Poemy. M.: Russkaya kniga, 1999.
[Suvorin A.S.] Dnevnik Alekseya Sergeevicha Suvorina / Tekstologicheskaya rasshifrovka N. Roskinoi. Podgotovka teksta D. Reifilda, O. Makarovoi. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Nezavisimaya Gazeta, 2000.
Turgenev I.S. Poln. sobr. soch. i pisem: V 28-mi tt. Soch. T. 14. M.; L., 1967.
Tsvetaeva M.I. Sochineniya: V 2-kh tt. T. 1. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1980.
Ekshtut S.A. Bitvy za khram Mnemoziny. Ocherki intellektual'noi istorii. SPb.: Aleteiya, 2003.

Экштут Семен Аркадьевич, *доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; semenekshtut54@gmail.com*

Gates of chronotopes

“Even the most abstract thinking is impossible without … the expressions of time and space. Thus, any entrance into the sphere of meanings is made only through the gates of chronotopes”. M.M. Bakhtin understood a chronotope as an essential connection between temporal and special relations interpreted in literature. This statement can be applied not only to literature, but also to art. The article looks into what an intellectual historian can see having entered a particular gate of chronotope.

Keywords: chronotope, intellectual history, literature, art.

Semen Ekshtut*, Dr.Sc. (Philosophy), Leading Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; semenekshtut54@gmail.com*

М. А. Ковалёв

ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТОРИЙСКОЙ ОППОЗИЦИИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА

В статье анализируются философские взгляды представителей оппозиции по отношению к олигархии вигов, сложившейся в первой половине – середине XVIII в. Антивигская оппозиция включала в себя разнородные социальные элементы. Ведущую роль в ней играла интеллектуальная элита, которая формировала альтернативные представления об общественном развитии. Мировоззренческие принципы, лежавшие в основе этих проектов, рассматриваются на материале философских трактатов Г. Болингброка и Д. Юма, философской поэзии А. Поупа и публицистики раннего Э. Берка.

Ключевые слова: *Великобритания, XVIII век, Просвещение, тори, скептицизм, Г. Болингброк, А. Поуп, Д. Юм, Э. Бёрк.*

Просветительское движение на Британских островах родилось в результате революционных потрясений и мощных социальных сдвигов, развивалось в острой политической борьбе, тесно связывало себя с партийной жизнью и позиционировало в контексте актуальной политики[1]. Исследователи отмечают реалистическую заострённость английского Просвещения, его ориентированность на решение практических вопросов, что объясняется не только его тесной привязкой к нарождающейся буржуазной системе отношений, но и характерным для англичан эмпиризмом самого способа научного и философского мышления[2]. Однако, подходя к анализу социальных, политических, правовых, моральных, культурных вопросов, которые ставили просветители, невозможно игнорировать общие мировоззренческие установки. XVIII век считался «эрой философии». Если в начале столетия политические взгляды почти полностью определялись религиозными («высокая церковь» почти всегда ассоциировалась с тори, веротерпимость – с вигами, диссентеры – с республиканцами, католики – с роялистами[3]), то в конце века возникает феномен политической идеологии и само это понятие[4].

В 1730–1750-е годы происходит острое столкновение между монополизировавшей парламент вигской олигархией и широкой внепарламентской оппозицией, консолидированной значительными торийскими фигурами, которые формировали идеи, ставшие основой торизма. Основная масса идей разрабатывалась в рамках художественной критики общественных отношений, тогда как собственно торийскими мыслителями можно назвать только двух просветителей. Первым из них является

[1] Просветительское движение в Англии… С. 101-102.
[2] Лабутина 2005. С. 8; Гайденко 1987. С. 244.
[3] Доброва 1981. С. 5.
[4] Иванов 1977. С. 10.

Г. Сент-Джон, виконт Болингброк, который, будучи отлучённым от политической деятельности, предался философской рефлексии. Нас интересует его трактат «О природе, пределах и подлинной сущности человеческих знаний», относящийся ко второй половине 1730-х гг.[5] Другой мыслитель – Д. Юм, чьи базовые идеи сформировались в 1740–1750-е гг. Его главный философский трактат данного периода – «Трактат о человеческой природе» (1734–1737). Взгляды, изложенные в нем, в определённой мере нашли продолжение в двух работах Юма на тему религии: «Естественная история религии» (1752–1755) и «Диалоги о естественной религии» (1751)[6]. Выделим также пронизанные оксфордским платонизмом произведения близкого друга Болингброка поэта А. Поупа. Его поэтический «Опыт о человеке» (1733–1734) представляет собой скорее философский трактат в стихах, что отмечал и сам автор[7]. Наконец, необходимо отметить памфлет молодого Э. Бёрка «Защита естественного общества» (1756), отличающийся глубоким, не свойственным публицистике философским характером[8]. Хотя Бёрк в 1750-е гг. ещё не занимался политикой, мощное влияние, оказанное на него Болингброком, а также сам характер идей заставляет отнести его к торийской оппозиции.

Все четверо происходили из разной социальной среды, имели различный род занятий, выражали свои мысли в разной форме. Болингброк – английский лорд, обратившийся к философии после поражения на политическом поприще[9]. Юм – обедневший шотландский дворянин, занимавшийся философией профессионально[10]. Поуп – состоятельный, но ущемлённый в правах (как католик) поэт[11]. Бёрк – молодой адвокат, родом из Ирландии, выражавший свой жизненный опыт в небольших произведениях[12]. Хотя этих мыслителей объединяла общая проблематика и в значительной степени общие выводы, их философские взгляды не часто становились предметом отдельного исследования. Среди таких работ – коллективная монография Т.Л. Лабутиной и Д.В. Ильина «Английское Просвещение: общественно-политическая и педагогическая мысль»[13], где указанные мыслители рассматриваются в общем контексте английского Просвещения. Обычно же их взгляды анализируются в отдельности[14].

---

[5] Болингброк 1978. С. 244-273.

[6] Юм Д. Диалоги о естественной религии; Юм Д. Естественная история религии; Трактат о человеческой природе...

[7] Поуп А. Опыт о человеке…

[8] Бёрк Э. Защита естественного общества…

[9] Лабутина 2005. С. 304-305.

[10] Грязнов 1996. С. 4.

[11] История английской литературы. Т. 1. Вып. 2. С. 301.

[12] Чудинов 1992. С. 12.

[13] Лабутина, Ильин 2012.

[14] Так, философия Юма проанализирована в специальной работе И.С. Нарского, трактат Болингброка рассмотрен во вводной статье М.А. Барга к изданию сочинений просветителя, «Опыт о человеке» Поупа – в работе А.Л. Сидорченко, памфлет

Следует также сделать несколько предварительных замечаний. Во-первых, отметим, что в рассматриваемый период меняется философская проблематика. Философские построения ушедшего XVII столетия получили наименование «метафизических доктрин», поскольку были сосредоточены на вопросах бытия, объективной реальности, вселенной, природы, её закономерностей, её научного объяснения[15]. Однако интересующие нас тексты смещают акцент с онтологии на гносеологию: мыслителей интересует проблема возможности познания, а также его характер. Во-вторых, в основе размышлений просветителей лежит понятие «естественного», которое, несомненно, переосмысливается, но остаётся главным критерием истины для них. Указанные характерные черты прослеживаются даже по названиям литературных произведений.

Философский по содержанию текст понимается как особая реальность, несущая определённую идею, которая обладает своей внутренней логикой, философским языком, собственным фактическим материалом и аргументацией. В нем, в первую очередь, следует выделить первоэлементы авторской картины мира – основные идеи, понятия, мысли. Затем – восстановить причинно-следственные связи внутри текста[16]. При реконструкции картины мира нужно обращать внимание на понятийный аппарат, восстанавливая аутентичное значение слов в пределах источника, т.е. рассматривая их в контексте. Определённое содержание заключено и в неосознанной части высказывания. Речь идёт об авторской образности: сравнениях, метафорах и прочих средствах выразительности[17].

Приступая к анализу трактата Болингброка «О природе, пределах и подлинной сущности человеческих знаний», следует упомянуть о глубокой традиции английского эмпиризма, которая не могла не повлиять на автора. К непосредственным его предтечам относятся Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Дж. Локк, Дж. Беркли. Не случайно, Болингброк ссылается на них в своём трактате[18]. Попробуем воспроизвести ход рассуждения автора. По его мнению, знание бывает двух видов. К первому относится знание «идеальное», отталкивающееся от изначально заданных аксиом, которые не могут подвергаться сомнению, ко второму – знание эмпирическое, базирующееся на чувственных ощущениях, которое может быть подвергнуто критике[19]. Процесс познания сложен и неоднозначен, он затрудняется всевозможными догмами и предрассудками. Реальность трудно поддаётся изучению. В познании уместен определённого рода скептицизм, затрагивающий, в том числе и религию. Причинно-следственные связи, хотя и

Бёрка – во вводной статье А.В. Чудинова к его тексту. См.: Нарский 1967; Барг 1978. С. 274-315; Сидорченко 1987; Чудинов 1992.

[15] Гайденко 1987. С. 146.

[16] Юрганов. URL: http://www.krotov.info/lib_sec/27_yu/yur/rganov.htm

[17] Первушина 2009. С. 124.

[18] Болингброк 1978. С. 244, 268.

[19] Там же. С. 247-249.

имеют место, выражены слабо и потому трудно поддаются выявлению. В природе присутствует определённый индетерминизм[20]. В силу вышеизложенных причин процесс познания происходит поэтапно. Сначала выдвигается определённая идея, затем для её развития и аргументации подбираются факты. Автор отмечает, что эмпирический уровень познания сильно зависит от органов чувств. Рациональные идеи, напротив, относительно самостоятельны, так как разум, по его мнению, является эманацией, проявлением божественного в человеке[21]. Новые идеи возникают не столько в результате обобщения фактического материала, сколько порождаются самими же идеями. Говоря о том, что факты выстраиваются вокруг определённой идеи (системы идей), Болингброк подчёркивает особую роль воображения в их обобщении[22].

Несмотря на скорее литературный, чем философский способ изложения, авторская концепция просматривается довольно чётко. Болингброк разделяет и противопоставляет два уровня познания – теоретический и эмпирический, причем не только констатирует, но особо подчёркивает этот дуализм, относя теоретизирование непосредственно к Богу, а чувственный опыт – к материальным органам чувств. В какой взаимосвязи находятся эти уровни познания? Когда они автономны, процесс познания становится невозможным, так как факты сами по себе ничего не говорят, а идеи оказываются оторванными от жизни. В случае, если чувственный опыт затмевает теоретические построения, имеет место предрассудок. Абстрактная идея не выводится из фактических данных, напротив, будучи аксиоматической, она сама подбирает факты, способствующие её раскрытию. Таким образом, Болингброк закладывает основы понятия об особой единице познания, которая значительно позднее получит название научной парадигмы или научной программы[23].

Здесь можно говорить о зачатках понятийного аппарата. С известной регулярностью в тексте встречаются следующие понятия: идея, ощущение, предрассудок, воображение, догма, Бог, здравый смысл. Они, конечно, не имеют специфического философского значения. Поэтому нас в данном случае будет интересовать контекст их употребления. Идея всегда представляет собой теоретическое знание, имеющее аксиоматический источник. Она противопоставляется ощущению как эмпирическому знанию, основанному на чувственных ощущениях[24]. Предрассудок и догма выступают как синонимы и представляют собой чувственное, нерефлексивное знание[25]. Бог всегда связывается с разумом[26]. Особый интерес

[20] Там же. С. 250-251.
[21] Там же. С. 252, 255, 257.
[22] Там же. С. 266, 270.
[23] Гайденко 1987. С. 7.
[24] Болингброк 1978. С. 247-248.
[25] Там же. С. 249-250.
[26] Там же. С. 247-248, 257.

представляет понятие «здравый смысл», которое, по всей видимости, является системообразующим. Оно не отождествляется ни с рациональным, ни с чувственным знанием, но является конструктивным синтезом их обоих, итогом исследования и основным его выводом. Сюда же можно отнести высказывание об «учёном невежестве» (т.е. рациональном знании, которое осознаёт свою ограниченность) как идеале познания[27].

Неоспоримо значение авторских метафор и сравнений в тексте. Первая метафора отождествляет категориальный аппарат исследователя с деньгами. Подобно тому, как деньги в обществе являются эквивалентом товаров и услуг, понятия в науке выполняют аналогичную посредническую функцию[28]. Другое сравнение мыслитель помещает в финал своего трактата, как бы иллюстрируя им свои выводы. Он отождествляет здравый смысл со столбовой дорогой, по обочинам которой располагаются, с одной стороны – невежды, погрязшие в предрассудках, с другой – философы, ушедшие в созерцание абстракций[29].

Гносеологию Болингброка можно охарактеризовать как умеренный скептицизм. Он объясняется исходными установками познания, согласно которым два уровня исследования – теоретический и эмпирический – изолированы и в чём-то даже конфликтны. Авторские тирады о слабости и недостоверности человеческого знания имеют трагический оттенок[30]. В качестве решения данной проблемы просветитель предлагает «золотую середину» – разумное сочетание двух способов познания, в котором теория первенствует, однако, сознавая собственную ограниченность, вынуждена прощупывать каждый шаг и подтверждать его фактами.

Подобный поворот от рационализма (как своего рода просветительской ортодоксии) к скептической переоценке всех ценностей не мог не сказаться на социальных и политических выводах автора. М.А. Барг относил Болингброка к предшественникам эмпирической теории естественного права[31]. Отмечают также печать пессимизма и особую роль воображения в его теории познания, что, вероятно, подготовило предромантические искания Э. Бёрка[32].

Переходя к рассмотрению взглядов Д. Юма, необходимо отметить строго философский характер его исследования, хотя некоторые из работ облечены в литературные формы: «Трактат о человеческой природе» является чисто философским произведением, а «Естественная история религии» и «Диалоги о естественной религии» носят элементы художественного вымысла. Основные закономерности познавательного процесса раскрыты в «Трактате…», тогда как произведения о религии лишь

[27] Болингброк 1978. С. 273.
[28] Там же. С. 269.
[29] Там же. С. 273.
[30] Там же. С. 248, 250, 251.
[31] Барг 1978. С. 294.
[32] Рубинштейн 1999. С. 44.

дополняют авторскую концепцию, а также представляют материал для художественного анализа.

Хотя «Трактат о человеческой природе» представляет собой достаточно солидный по объёму текст, воспроизведение изложенных в нём основных идей будет лаконичным, благодаря чёткости структуры самого произведения. Идеи Юма можно представить следующим образом. Первичными элементами познания являются аффекты. Аффекты складываются в более крупные конструкции посредством ассоциации. Ассоциация бывает нескольких типов: по аналогии и противоположности, по смежности, по причинности[33]. Посредством такого сцепления аффекты создают ощущения второго, третьего и т.д. порядков, что означает всё более утончённую степень удовольствия или изощрённую степень страдания. К примеру, обладать богатым и благоустроенным домом комфортно – это удовольствие первого порядка. Но ловить восхищённые и завистливые взгляды гостей и соседей – удовольствие второго порядка[34]. Рациональное мышление существует автономно от чувств. Разум инертен и не препятствует аффектам. Философия и наука – род игры, забавы[35]. В связи с этим исследователи особо подчёркивали «разбухание» чувственной сферы, которая как бы вставала стеной между познающим субъектом и познаваемым объектом[36]. Нормы человеческого общежития также выводятся не из разума, а из чувственного опыта[37].

Общая концепция в трактате Юма довольно близка к таковой у Болингброка. Однако дуализм рационального и эмпирического проведён ещё резче. Эмпирическое познание также связано с социально-политической областью, в то время как разуму предоставлена автономия. Фактически Юм познаёт свои собственные, а не природные или социальные закономерности.

В данном случае имеется уже строгий категориальный аппарат, включающий в себя следующие понятия: аффект, удовольствие, неудовольствие, удовольствие и неудовольствие второго порядка, гордость, униженность, ассоциация, симпатия, антипатия, смежность, разум. Аффект – первичное ощущение, получаемое человеком от соприкосновения с объективной реальностью. Удовольствие и неудовольствие – конкретные виды аффектов, наиболее распространённые из них. Гордость и униженность – проявления удовольствия и неудовольствия второго порядка соответственно[38]. Ассоциация – способ взаимосвязи аффектов, действующий в форме отождествления по определённому признаку. Симпатия, антипатия, смежность, последовательность – признаки, по которым осу-

[33] Юм Д. Трактат о человеческой природе. С. 336-337.
[34] Там же. С. 411-412.
[35] Там же. С. 456, 490, 498.
[36] Вильчинский 1972. С. 153.
[37] Юм Д. Трактат о человеческой природе. С. 499, 501, 510.
[38] Там же. С. 348-349.

ществляется ассоциация аффектов[39]. Разум – неэмпирический, аксиоматический уровень познания, который осуществляет ассоциацию аффектов. Законы разума автономны относительно ощущений[40].

Интересный материал, хотя и не выстроенный в столь логической последовательности, представляют произведения Юма на тему религии. Прежде всего, автор разграничивает единобожие и многобожие. Житейские проблемы и заботы приводят людей к вере во множество богов, с которыми верующие устанавливают «договорные» отношения. Этому уровню духовности автор даже отказывает в праве именоваться религией[41]. Однако философское созерцание природы, исследование её закономерностей, напротив, ведет к отрицанию многобожия и к вере в единого Бога. Дело в том, что созерцание закономерностей мира приводит к мысли о едином плане бытия, а, следовательно, и о едином Творце, что, по мнению Юма, является религией в строгом смысле слова[42]. Таким образом, он предвосхитил идею религиоведов-позитивистов XIX века о разграничении магии и религии. Если политеизм просветитель выводит из человеческой психологии, то монотеизм как абстрактную рациональную идею считает «необъяснимой», т.е., опять же, автономной от чувственной стороны человека.

Хотя метафора в указанных сочинениях Юма присутствует в единственном числе, однако её яркость и образное наполнение таковы, что следует процитировать её целиком. В уста одного из участников диалога автор вкладывает «идею о слепой природе, оплодотворённой великим животворящим началом и рождающей из своих недр искалеченных и недоношенных детей с полным безразличием к ним и без всякой материнской заботы о них»[43]. По контексту понятно, что такая точка зрения представляет собой полную противоположность авторской позиции. В юмовской теологии очевиден рационализм. Кроме того, у него имеется интересное «отождествление» религиозного и атеистического мировоззрений: верующие отталкиваются от идеи Бога и приходят к человеку как его разумному подобию; атеисты, напротив, отталкиваются от индивидуального разума и приходят к универсальному разуму, который сопоставим с Богом[44].

Если мировоззрению Болингброка присущи элементы скептицизма, то Юм с полным основанием считается основателем скептической философии. Антагонизм эмпирического и теоретического уровней познания у него предельно заострён. Строго говоря, познанием являются только чувственные ощущения, их ассоциации и комбинации, которые

---

[39] Там же. С. 336-337, 409.
[40] Там же. С. 456.
[41] Юм Д. Естественная история религии. С. 318, 334, 367.
[42] Там же. С. 316, 321-322, 378.
[43] Юм Д. Диалоги о естественной религии. С. 464.
[44] Там же. С. 472.

осуществляются посредством воображения. Разум в данном случае играет исключительно «консультативную» функцию, не являясь активным познающим субъектом. Его роль, освобождённая от построения причинно-следственных связей, фактически сводится к пассивному созерцанию абстракций, близких к богословским реалиям. Подобный философский подход иногда характеризуют как «позицию паралитика»[45].

Анализ взглядов А. Поупа и Э. Бёрка следует за рассмотрением позиций Болингброка и Юма, поскольку изложены не в форме философских трактатов, а в первом случае – в форме художественного произведения, во втором – в форме памфлета. Поэма Поупа «Опыт о человеке» по замыслу, содержанию и структуре является вполне философским произведением. Нестандартная форма выражения своих взглядов объяснена самим автором в послании к Болингброку. Он утверждает, что стихотворение, во-первых, позволяет изложить мысли более чётко и компактно, во-вторых, производит более сильное впечатление[46]. Данные замечания следует учитывать при исследовании текста. Также необходимо иметь в виду влияние античной философии, прежде всего Платона и Аристотеля на формирование мировоззрения Поупа[47].

Главные идеи, рассыпанные по тексту поэмы, имеют художественную взаимосвязь, а потому логическая связь между ними менее жёсткая. Поэтому процесс реконструкции авторской картины мира окажется сложнее, чем в философских трактатах. В частности, литературные тропы будут иметь не подчинённое, а самостоятельное значение. Идеи поэмы таковы. Человек – преимущественно разумное существо. Вместе с тем, его разум ограничен. Прежде всего, ему неведом весь божественный замысел. Цель жизни составляет правильно понятый гедонизм[48]. Мир устроен иерархически. Свет и тьма – необходимые составные части мироздания[49]. Отношения между живыми существами определяются симпатией. В жизни следует придерживаться умеренности. Человек неповторимо индивидуален[50].

Мир, в представлении Поупа, достаточно прост, своей разумной упорядоченностью он напоминает платоновские построения. Высший мир, мир разума, противопоставлен земной материальной жизни. Однако последняя не понимается однозначно негативно. Она – такое же истечение божественного разума, как и горный мир, только на низших уровнях. Зло – тоже часть божественного замысла, который в частных случаях может восприниматься негативно, но как элемент единого плана бытия – светел и разумен. Пантеистический идеализм подчёркнут авторским

[45] Нарский 1973. С. 71.
[46] Поуп 1988. С. 142.
[47] Сидорченко 1987. С. 181.
[48] Поуп А. Опыт о человеке. С. 145-146.
[49] Там же. С. 161-162.
[50] Там же. С. 180.

утверждением о единой душе, как бы разлитой во множестве индивидуальных тел[51]. Эта мысль ярко проиллюстрирована в небольшом стихотворении Поупа «Умирающий христианин», где душа верующего уподобляется искре единого божественного пламени[52].

Понятий, как и следовало ожидать, в произведении Поупа немного. Следует обратить внимание только на взаимозаменяемость понятий Бога и природы, что подтверждает пантеистическую трактовку поэмы[53]. Образных приёмов, напротив, значительно больше, и они весьма богаты по содержанию. Одна из метафор уподобляет человека запряжённому коню. Человек – живое существо, но его природа ограничена, в частности, он должен соблюдать определённые нормы (включая нормы познания), не пытаясь их осмыслить, поскольку ему неведом весь божественный замысел. В другом случае человек – это ягнёнок, беззаботно пасущийся на лугу, не подозревающий, что скоро его зарежут. Здесь проводится мотив гедонизма, непредсказуемости жизни, наслаждения сегодняшним днём[54]. Далее, нерасторжимое диалектическое единство добра и зла автор показывает на примере картины художника, где свет и тень позволяют придать изображаемым фигурам объём и таким образом сообщить им определённый реализм[55]. Наконец, жизнь, включая особенно интеллектуальную и художественную деятельность, сравнивается с игрой[56].

Поэтическое мировосприятие Поупа, в отличие от Болингброка и Юма, не строится на антагонизме и противоречии. Напротив, оно монистично, поскольку имеет единый источник; целостно, поскольку все имеющиеся противоречия замыкаются в едином объекте и эстетически выражено, поскольку бытие в его понимании органично и разумно. Бытие – это вереница ступеней, начиная от совершенного Бога и заканчивая мраком материи. Человек в ней занимает срединное место. По мнению А.Л. Сидорченко, поэт представляет человека своеобразным микрокосмом[57]. Нужно отметить, что данное произведение является самым онтологическим из всех анализируемых в данной статье. Однако его центральной темой остаётся индивид и его отношение к миру.

Памфлет Э Бёрка «Защита естественного общества» был опубликован анонимно и имитировал стиль и логику Болингброка. Однако само произведение было в значительной степени полемическим по отношению к идеям последнего[58]. Отметим тот факт, что в середине 1750-х гг. молодой Бёрк активно рефлексирует над общественной действительностью и

---

[51] Там же. С. 165.
[52] Поуп А. Умирающий христианин. С. 155.
[53] Поуп А. Опыт о человеке. С. 151, 174.
[54] Там же. С. 146.
[55] Там же. С. 161.
[56] Там же. С. 163.
[57] Сидорченко 1987. С. 131.
[58] Чудинов 1992. С. 11-12.

письменно излагает свои мысли. Результатом его размышлений становятся не только упомянутый памфлет, но также «Записная книжка», содержащая социальные и моральные наблюдения, и трактат по эстетике «Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного». Таким образом, мировоззрение Бёрка начало складываться в данный период, и интересующий нас памфлет следует рассматривать именно в данном контексте.

За исключением пространных рассуждений и многочисленных исторических примеров идей у Бёрка в данном памфлете немного. Перечислим их. Законы логики не имеют познавательной ценности, а представляют собой софистику[59]. Разум подчиняет природу искусственным правилам. Общественные отношения строятся не на законах разума, а на предрассудках[60]. Внутри человеческой личности существует конфликт между его чувственной и рациональной сторонами[61]. При построении авторской картины мира особенно бросается в глаза её иррационализм. Противоречие между разумом и чувством является антагонистическим. Фундаментальные общественные институты и нормы выведены из чувства и имеют положительную характеристику. Разум, понимаемый в значительной мере негативно, фактически выходит за рамки авторского рассмотрения. Возможно, ему также придаётся функция «игры», по крайней мере, конструктивных функций ему не предписано.

Понятия в концепции Берка существуют в зачаточной форме. Фактически можно говорить только о четырёх, укладывающихся в две бинарные оппозиции: естественное, искусственное, закон, предрассудок. Естественное связывается с природой мира и человека. Понятие предрассудка выводится из предыдущего, рассматривается как общественное выражение и реализация естественных чувств и устремлений[62]. Закон и искусственное связаны с противоположным влиянием разума. Единственная метафора – «истина в чём-то подобна ликёру – далеко не каждая голова может с ней справиться»[63]. Речь идёт об уже знакомом нам самоограничении рационального познания. Однако в данном случае роль иррационального элемента выведена гораздо резче.

У трёх рассмотренных выше авторов нет столь явного противопоставления двух сфер человеческой личности, двух уровней познания, которое мы наблюдаем у Бёрка, хотя исследователи отмечают, что противопоставление естественного и искусственного в данном случае восходит к Болингброку[64]. Бёрк, что характерно для одного из основоположников предромантизма, выводит на первый план иррациональный,

[59] Бёрк 1992. С. 43-44.
[60] Там же. С. 48-49.
[61] Там же. С. 51.
[62] Там же. С. 48-50.
[63] Там же. С. 88.
[64] Чудинов 1992. С. 9.

чувственный элемент познания и деятельности. И хотя роль разума не отрицается, ему отводится вспомогательная роль.

Подведем итоги. Произведение Поупа, написанное в 1733–1734 гг., провозглашает идеи рационализма. Его философская тематика склоняется к онтологии, т.е. к вопросам бытия, мироустройства, законов природы. Поуп считает бытие внутренне целостным, разумным, иерархически устроенным, а потому эстетически выраженным и этически оправданным. Зло и уродство в мире – результат отдаления испорченной материи от высшего совершенства – Бога. В целом Поуп наследует идеи рационализма (в частности, платонизма) XVII века[65].

Сочинение Бёрка, созданное в 1756 г., развивает во многом противоположные идеи. Тематически оно близко к философской антропологии, поскольку акцентирует внимание на внутренней природе человека и его фундаментальных ценностях. Бёрк иррационалист, поскольку выводит общественные нормы и отношения из человеческих чувств, интересов, инстинктов и определяет это понятием естественного. Последнему он противопоставляет понятие искусственного, которое связывается с рациональными конструкциями и наделяется негативными чертами, хотя и не лишается позитивного значения полностью. Идеи Бёрка предвосхищают романтические искания конца XVIII – начала XIX в.[66] Несмотря на различные выводы, общим местом у Поупа и Бёрка является антиномия разума и чувства, соотношение которых определяет бытие.

Философские трактаты Болингброка и Юма, которые относятся к середине 1730-х –1750-х гг., занимают во всех отношениях промежуточное положение. Основной темой в их концепциях также является гносеология, т.е. проблема отношения познающего субъекта и познаваемого объекта. Соотношение рационального и эмпирического уровней взвешенное, в рамках которого они дополняют друг друга. Однако Болингброк выдвигает подобие понятия научной программы, где факты группируются вокруг первоначально выдвинутой идеи, в то время, как Юм считает эмпирические единицы способными самоорганизовываться в сложные конструкции при лишь косвенном участии разума.

Видимо, именно позиции Болингброка и Юма следует считать основополагающими для интеллектуалов торийского направления середины XVIII в. Во-первых, по характеру подхода к проблеме, выразившемся в написании философских трактатов. Во-вторых, по содержанию взглядов, базировавшихся на умеренном скептицизме, понятии «золотой середины», разумном сочетании рационального и иррационального. В-третьих, исходя из логики развития английского Просвещения, которое на протяжении XVIII века эволюционировало от рационализма, классицизма, либеральных доктрин к иррационализму, романтизму и консерватизму. Се-

[65] Сидорченко 1987. С. 76.
[66] Мееровский 1979. С. 37.

редина XVIII века, характеризуемая в данном случае господством скептицизма, эмпиризма, сентиментализма, отражает переходный характер эпохи и неустойчивое положение социальных групп и политических сил.

БИБЛИОГРАФИЯ

Барг М.А. Историческая мысль английского Просвещения: Болингброк // Болингброк Г. Письма об изучении и пользе истории. – М., Наука, 1978. С. 274-315.

Бёрк Э. Защита естественного общества // Эгалитаристские памфлеты в Англии середины XVIII в. – М., Наука, 1992. С. 41-110.

Болингброк Г. О природе, пределах и подлинной сущности человеческих знаний // Болингброк Г. Письма об изучении и пользе истории. М., Наука, 1978. С. 244-273.

Вильчинский В.Я. Этика Д. Юма, её генезис и интерпретация в неопозитивистской философии морали. Дис. … канд. филос. Наук. – М., 1972. С. 153.

Гайденко П.П. Эволюция понятия науки (XVII-XVIII вв.). – М., Наука, 1987.

Грязнов А.Ф. Разумный скептицизм в жизни и философии // Юм Д. Сочинения. В 2 т. Т. 2. – М., Мысль, 1996. С. 3-42.

Доброва Е.А. Английское Просвещение и борьба тори и вигов в 30-е годы XVIII в. // Из истории Просвещения: экономика, политика, идеология. – М., Ин-т всеобщей истории, 1981. С. 3-41.

Иванов В. Идеология: характер и закономерности развития. – М., Изд-во политической литературы, 1977.

История английской литературы. Т. 1. Вып. 2. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945.

Лабутина Т.Л. Культура и власть в эпоху Просвещения. – М., Наука, 2005.

Мееровский Б.В. Эдмунд Бёрк как эстетик // Бёрк Э. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного. – М., Искусство, 1979. С. 14-38.

Нарский И.С. Давид Юм. – М., Мысль, 1973.

Нарский И.С. Философия Давида Юма. – М., Изд-во МГУ, 1967.

Первушина О.В. Картина мира: возможность феноменологического подхода // Мир науки, культуры, образования, 2009, № 5 (17). С. 123-126.

Поуп А. Опыт о человеке // Поуп А. Поэмы. – М., Худож. литература, 1988. С. 141-190.

Поуп А. Умирающий христианин // Английские поэты в биографиях и образцах. – СПб., Типография А. М. Котомина, 1875. С. 155.

Просветительское движение в Англии / Под ред. Н. М. Мещеряковой. – М., Изд-во Московского университета, 1991.

Рубинштейн Е. Б. Лорд Болингброк: путь философа // Человек эпохи Просвещения. – М., Наука, 1999. С. 33-48.

Сидорченко Л. В. Александр Поуп: в поисках идеала. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1987.

Чудинов А. В. Предшественники социализма поневоле // Эгалитаристские памфлеты в Англии середины XVIII в. – М., Наука, 1992. С. 5-40.

Юм Д. Диалоги о естественной религии // Юм Д. Сочинения. В 2 т. Т. 1. – М., Мысль, 1996. С. 379-482.

Юм Д. Естественная история религии // Юм Д. Сочинения. Т. 2. С. 315-378.

Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Сочинения. Т. 1. С. 53-656.

REFERENCES

Barg M.A. Istoricheskaya mysl' angliiskogo Prosveshcheniya: Bolingbrok // Bo-lingbrok G. Pis'ma ob izuchenii i pol'ze istorii. – M., Nauka, 1978. S. 274-315.

Berk E. Zashchita estestvennogo obshchestva // Egalitaristskie pamflety v Anglii se-rediny XVIII v. – M., Nauka, 1992. S. 41-110.

Bolingbrok G. O prirode, predelakh i podlinnoi sushchnosti chelovecheskikh znanii // Bolingbrok G. Pis'ma ob izuchenii i pol'ze istorii. – M., Nauka, 1978. S. 244-273.

Vil'chinskii V.Ya. Etika D. Yuma, ee genezis i interpretatsiya v neopozitivistskoi filosofii morali. Dis. … kand. filos. Nauk. – M., 1972. S. 153.
Gaidenko P.P. Evolyutsiya ponyatiya nauki (XVII-XVIII vv.). – M., Nauka, 1987.
Gryaznov A.F. Razumnyi skeptitsizm v zhizni i filosofii // Yum D. Sochineniya. V 2 t. T. 2. – M., Mysl', 1996. S. 3-42.
Dobrova E.A. Angliiskoe Prosveshchenie i bor'ba tori i vigov v 30-e gody XVIII v. // Iz istorii Prosveshcheniya: ekonomika, politika, ideologiya. – M., IVI RAN, 1981. S. 3-41.
Ivanov V. Ideologiya: kharakter i zakonomernosti razvitiya. – M., Izd-vo politicheskoi literatury, 1977.
Istoriya angliiskoi literatury. T. 1. Vyp. 2. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1945.
Labutina T.L. Kul'tura i vlast' v epokhu Prosveshcheniya. – M., Nauka, 2005.
Meerovskii B.V. Edmund Berk kak estetik // Berk E. Filosofskoe issledovanie o proiskhozhdenii nashikh idei vozvyshennogo i prekrasnogo. – M., Iskusstvo, 1979. S. 14-38.
Narskii I.S. David Yum. – M., Mysl', 1973.
Narskii I.S. Filosofiya Davida Yuma. – M., Izd-vo MGU, 1967.
Pervushina O.V. Kartina mira: vozmozhnost' fenomenologicheskogo podkhoda // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya, 2009, № 5 (17). S. 123-126.
Poup A. Opyt o cheloveke // Poup A. Poemy. – M., Khudozh. literatura, 1988. S. 141-190.
Poup A. Umirayushchii khristianin // Angliiskie poety v biografiyakh i obraztsakh. – SPb.: Tipografiya A. M. Kotomina, 1875. S. 155.
Prosvetitel'skoe dvizhenie v Anglii / Pod red. N. M. Meshcheryakovoi. – M., Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1991.
Rubinshtein E. B. Lord Bolingbrok: put' filosofa // Chelovek epokhi Prosveshcheniya. – M., Nauka, 1999. S. 33-48.
Sidorchenko L. V. Aleksandr Poup: v poiskakh ideala. – L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1987.
Chudinov A. V. Predshestvenniki sotsializma ponevole // Egalitaristskie pamflety v Anglii serediny XVIII v. – M., Nauka, 1992. S. 5-40.
Yum D. Dialogi o estestvennoi religii // Yum D. Sochineniya. V 2 t. M., Mysl', 1996. T. 1. S. 379-482.
Yum D. Estestvennaya istoriya religii // Yum D. Sochineniya. T. 2. S. 315-378.
Yum D. Traktat o chelovecheskoi prirode // Yum D. Sochineniya. T. 1. S. 53-656.

Ковалёв Максим Александрович, *аспирант кафедры всеобщей истории Владимирского государственного университета, mkovalyov.89@mail.ru*

Philosophical views of the members of the Tory opposition in mid-118th century Britain

The article analyses philosophical views of the members of the opposition to the Whig oligarchy, which formed in the first half – middle of the 18th c. Anti-Whig opposition included various social elements. It was led by intellectual elite that offered alternative views on social development. The author studies the philosophical principles of such projects; these can be found in treatises by Henry Bolingbroke and David Hume, philosophical poetry by Alexander Pope and in early works by Edmund Burke.

Keywords: Great Britain, 18th century, Enlightenment, Tories, Henry Bolingbroke, Alexander Pope, David Hume, Edmund Burke.

Maxim Kovalyov*, postgraduate student of the Department of world history, Vladimir state University; mkovalyov.89@mail.ru*

Е. Ю. Жарова

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОЕ VS БИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УНИВЕРСИТЕТАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ПУТЬ К СПЕЦИАЛИЗАЦИИ

Важной проблемой университетского образования является проблема специализации. Приращение научного знания, неизбежно вело к специализации в русле той или иной научной дисциплины. Физико-математический факультет стал на путь специализации на рубеже 1830–1840-х гг. с разделения на два отделения – естественных и математических наук. В дальнейшем, в конце XIX – начале XX в. естественное отделение имело в своем составе несколько секций, что позволяло проводить более узкую специализацию, но это вступило в конфликт с потребностью в учителях средней школы, которые должны были иметь более широкое образование.

Ключевые слова*: *история университетов, Российская империя, история биологии, специализация, естественные отделения, физико-математические факультеты.

Датой начала высшего естественнонаучного образования в Российской империи, можно назвать 1804 год, когда в структуре российских университетов появились физико-математические отделения (для «иностранных» Виленского и Дерптского университетов – 1803 год). Однако компоненты естественнонаучного образования существовали и в учебных заведениях XVIII в. Это готовившие врачей госпитальные школы, из которых впоследствии выросли Московская и Санкт-Петербургская медико-хирургические академии, где преподавали известные врачи (А.М. Шумлянский, Н.М. Максимович-Амбодик, К.И. Щепин, П.И. Погорецкий, Н.Г. Ножевщиков, А. Шафонский[1]), имелась основательная материальная база подготовки, и наряду с другими предметами изучались анатомия, физиология и ботаника[2]. Естественные науки изучались также в университетах – Академическом и Московском, но, как и в госпитальных школах, они были вспомогательными дисциплинами.

Начало широким преобразованиям в сфере университетского образования положили реформы Александра I. К ним относятся: создание Министерства народного просвещения, открытие новых университетов в Дерпте, Вильно, Харькове, Казани, педагогического института, затем и университета Санкт-Петербурге, принятие университетских уставов, а также утверждение первого Положения о производстве в ученые степени. Именно эти законодательные инициативы заложили прочную основу естественнонаучного образования в университетах Российской империи.

В результате изменения структуры факультетов, введенного уставами 1803–1804 гг. в университетах Российской империи появились че-

[1] См. подробнее: Палкин 1959.

[2] Материалы для истории Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии… 1850.

тыре равноправных факультета. Московский, Харьковский, Казанский и Виленский университеты имели четыре отделения или факультета – физико-математический, словесный, нравственно-политический и медицинский, Дерптский же состоял из богословского, медицинского, юридического и философского отделений. К философскому отделению относились четыре класса: физико-математический, естественных наук, филологическо-исторический и технологико-экономический. Именно структура Дерптского университета несла в себе признаки обособления естественнонаучного образования от математического, которое в русских университетах появилось только в конце 1830-х гг.

Предметная система, господствовавшая в университетах, малочисленность студентов (любопытно, что в первой четверти XIX в. физико-математические факультеты университетов были самыми многочисленными по числу студентов[3]), нехватка преподавателей в начале XIX в. – все это обусловило длительный процесс адаптации, как русского общества к университетам, так и университетов к русскому обществу. Поэтому первые два десятилетия XIX века можно назвать периодом «отладки» новой университетской системы. В это время студенты изучали весь спектр наук по всем кафедрам физико-математического отделения.

Впервые вопрос о разделении физико-математического факультета на два отделения, математических и естественных наук, как это было в Дерптском университете, возник в 1820-е гг. в Петербургском и Харьковском университетах. В первом из них в 1820 г. по ходатайству Конференции казеннокоштных студентов физико-математического факультета разделили на два разряда – физико-математических и естественных наук. Как подчеркивал В.В. Григорьев, «это был едва ли не первый в русских университетах опыт раздробления факультетских предметов на однородные группы, с целью, если не специализации, то облегчения занятий»[4]. Существовал и проект разделения физико-математического факультета Харьковского университета. Попечитель Е.В. Карнеев в 1823 г. представил в министерство ходатайство совета университета, где в качестве причины плохой успеваемости студентов факультета указывалась перегруженность предметами, «кои студенты должны выслушать в течение трех лет, то они никак не могут во всех равно успевать, так что успевающие в естественных науках, отстают в математических и наоборот»[5]. Несмотря на то, что ученый комитет Главного правления училищ одобрил этот проект с незначительными изменениями, он так и не был реализован. Заключение было препровождено новому попечителю А.А. Перовскому, а тот

---

[3] Андреев 1999. Приложение 3; Краткий очерк истории Харьковского университета… 1906. С. 88. В Казанском же университете длительное время не существовало деления на факультеты, так как большинство студентов слушали только приготовительные курсы.

[4] Императорский Санкт-Петербургский университет… 1870. С. 31-32.

[5] РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 57. Л. 1.

ответил министру, что «ныне дела до подобных предметов касающиеся, подлежат суждению и разбирательству Высочайше утвержденного комитета устройства учебных заведений, то я, по этому комитету, в свое время не премину представить вам, милостивый государь, и вышеозначенное заключение мое»[6]. Но ни в следующем 1826 году, ни позднее, попечитель свое заключение не представил. Связано это было, в первую очередь, с тем, что началась подготовка нового университетского устава.

Университетский устав 1835 г. изменил структуру университетов, объединив физико-математическое и словесное отделения в единый философский факультет. Несмотря на то, что новый устав не ввел разделения физико-математического отделения на разряды, этот вопрос был поднят в 1836 г. в Санкт-Петербургском университете ввиду обширности изучаемых предметов: «Судя по обширности и разнородности учебных предметов, причисляемых уставом к обоим отделениям философского факультета, нет сомнений, что в одинаковой степени основательные знания их превышает меру способностей учащихся и если бы для некоторых счастливых умов оно и оказалось возможным, то наибольшая часть студентов, развлекаясь многими весьма различными предметами учения, в которых требовалось бы от них одинаковых успехов, приобрели бы в каждом поверхностные познания, и цель университетского учения была бы таким образом вовсе потеряна»[7]. Согласно этому проекту предметы разделялись на: «а) Специальные или собственно факультетские предметы, служащие основанием к определению достоинства каждого студента, в) Общие, дополняющие образование всякого благовоспитанного юноши, с) Второстепенные или дополнительные факультетские предметы, посредственность знания которых не должна служить препятствием для получения ученых степеней»[8]. Министр народного просвещения С.С. Уваров, который видел основной задачей университетов приспособление наук к решению задач промышленности и сельского хозяйства, не мог быть против такого проекта, поэтому утвердил его в качестве опыта на 1 год, а через год, 16 сентября 1837 г. – в виде опыта на 4 года. В этом же году распоряжением министерства были разделены физико-математические отделения Московского и Казанского университетов[9].

В 1840 г. о разделении ходатайствовал самый молодой из российских университетов – университет св. Владимира в Киеве[10]. Разделение было разрешено министром с 1840/41 учебного года, а в 1842 г. вошло в новый устав университета[11]. Тогда же была продлена специализация студентов II отделения философского факультета остальных университетов.

---

[6] Багалей 1904. С. 646.
[7] РГИА. Ф. 733. Оп. 23. Д. 2. Л. 1об.
[8] РГИА. Ф. 733. Оп. 23. Д. 2. Л. 3.
[9] Сборник распоряжений по МНП. Т. 2. 1835–1849. Стб. 207-208.
[10] РГИА. Ф. 733. Оп. 69. Д. 518. Л. 1.
[11] Петров 2003. С. 302.

В сборнике, составленном к 100-летию физико-математического факультета Харьковского университета, указано, что в Харьковском университете разделение II отделения философского факультета «состоялось в промежуток времени 1842–1845 гг.»[12].

Несмотря на то, что попечитель Киевского учебного округа князь С.И. Давыдов в обращении в министерство по поводу разделения отделений в университете св. Владимира указал, что «господин министр народного просвещения утвердил 6 мая 1837 г. в виде опыта на 4 года распределение предметов в университетам по отделениям наук, предписал тогда же попечителям учебных округов СПб, Московского, Казанского и Харьковского ввести это распределение в вверенных им университетах (от начала будущего академического года) в виде опыта на 4 года»[13], тем не менее, скорее стоит доверять распоряжениям по Министерству народного просвещения, которые в числе университетов не называют Харьковский университет, в котором это разделение было произведено позднее, чем в остальных. Обозрения преподавания предметов свидетельствуют о том, что лекции по естественному разряду «имеют открыться только с 1842/43 учебного года»[14]. Готовя будущее разделение Харьковский университет, в 1841 г. готовя будущее разделение направил министру списки предметов, где к вспомогательным наукам для обоих отделений отнесены алгебра, геометрия, тригонометрия для естественников, а обязательными для обоих отделений названы начертательная геометрия и рисование[15].

В 1840 г. в Московском университете, подводя итоги существования разделения физико-математического факультета на 2 отделения, признавали, что полной реализации этого проекта мешает отсутствие преподавателей на некоторых кафедрах, поэтому некоторые предметы должны быть заменены другими. Но опыт этот нашли полезным и просили продлить разделение еще на 2 года[16]. В 1842 г., когда Московский университет предоставлял проект разделения на два отделения, профессор математики Н.Д. Брашман указывал, что студентам-естественникам было легче учиться, нежели математикам, так как почасовая нагрузка их была меньше, и подчеркивал, что это оказывает вредное влияние на нравственность студентов, а, кроме того, замечал, что ни в одном отделении университета не было столь малого числа часов преподаваемых наук, как в естественном отделении[17]. Меньшее число часов объяснялось тем, что кафедры технологии и сельского хозяйства не были заняты, но в то же время у естественников существовали практические занятия и экскурсии, кото-

---

[12] Физико-математический факультет Харьковского университета… 1908. С. 13.

[13] РГИА. Ф. 733. Оп. 69. Д. 518. Л. 3.

[14] Обозрение преподавания предметов… Распределение учебных предметов по 2-му отделению философского факультета.

[15] РГИА. Ф. 733. Оп. 90. Д. 22.

[16] ЦХД до 1917 г. ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп. 2. Д. 440. Лл. 2об., 3 об.

[17] ЦХД до 1917 г. ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп. 2. Д. 440. Лл. 24, 24 об.

рые тоже занимали определенное время. В ответ на замечания Брашмана естественное отделение указывало, что обучение на нем требовало не меньших усилий, чем на математическом[18]. Как можно заметить из этой полемики, уже в 1840-е гг. сложились условия для полного отделения математических наук от естественных, поэтому в дальнейшем многие университеты стали поднимать вопрос об ограничении, а то и вовсе об отказе от математики среди преподаваемых на естественном отделении наук. Впоследствии и этот опыт был признан вредным, и университеты предприняли попытки вернуть математику в число обязательных дисциплин для студентов-естественников, однако этому процессу помешало готовящееся принятие нового университетского устава (1884 г.).

В 1842 г. в Казанском университете был создан проект разделения естественного отделения на пять разрядов – химии, ботаники, зоологии, минералогии и сельского хозяйства, причем, разделение начиналось со 2-го курса[19]. Однако этот проект реализован не был.

Можно заметить, что предложение Петербургского университета о разделении физико-математического факультета (на тот момент – II отделения философского факультета) на два отделения, университеты, равно как и министерство, приняли с энтузиазмом, поскольку этот проект соответствовал развитию науки того времени – обширная некогда естественная история с принятием устава 1835 г. была разделена на три ветви, и в университетах появились три отдельные кафедры ботаники, зоологии, минералогии. Кроме того, происходило накопление научных знаний, и век энциклопедического образования остался в прошлом вместе с самими энциклопедистами. Реалии второй трети XIX века требовали более углубленных специальных знаний, а среднестатистический студент физически не мог успевать по всем наукам, входящим в состав физико-математического отделения философского факультета.

После разделения отделений философского факультета на разряды последовало разделение факультета: 26 января 1850 года два отделения философского факультета стали двумя самостоятельными факультетами – историко-филологическим и физико-математическим. 13 марта философский факультет Дерптского университета был разделен на два таких же факультета[20]. Разделение физико-математического факультета на два отделения и выделение его из состава философского факультета оказалось поворотным моментом развития естественнонаучного образования в целом и биологического образования в российских университетах. Несмотря на то, что разделение студентов на математиков и естественников существовало только с 3-го курса, оно было прогрессивным шагом. Некоторые мемуаристы указывали на то, что на самом деле разде-

[18] ЦГА ЦХД до 1917 г. ЦГА Москвы М. Ф. 459. Оп. 2. Д. 440. Л. 32-32 об.
[19] РГИА. Ф. 733. Оп. 90. Д. 22. Лл. 71об-72.
[20] ПСЗ. Второе собрание. Т. XXV. С. 88, 162.

ление было малозаметным: «В то время в Московском университете не было разделения физико-математического факультета на два самостоятельных отделения: чисто-математическое и естественное…»[21]. Впрочем, законодательно разделение на два разряда естественных и математических наук не было закреплено, а так и оставалось «опытом».

Вопрос о полном разделении факультета был поднят перед принятием нового университетского устава. 19 декабря 1862 г. Московский университет предложил разделить физико-математический факультет на два отделения с первого курса[22]. Такое разделение, разрешенное министром народного просвещения 21 марта 1863 г., уже исключало чтение естественникам большого числа математических дисциплин, делая два разряда факультета фактически независимыми друг от друга. Технически существовавшее разделение физико-математических факультетов всех университетов было окончательно закреплено уставом 1863 г.[23], который не только допускал разделение факультетов на отделения (§7 устава), но и увеличивал число кафедр, способствовавшее этому разделению.

Чтобы закрепить уже привычное наличие двух отделений в составе физико-математических факультетов, университеты обращались с прошениями в Министерство народного просвещения. Главным было ограничение круга обязательных предметов для естественников, которое зависело в первую очередь от местных возможностей.

Харьковский университет, в котором еще в 1840-е гг. факультет был разделен с первого курса, пошел еще дальше. Обращаясь с прошением о разделении физико-математического факультета, Харьковский университет представил проект, включающий три отделения – математическое, физико-химическое и естественное[24]. Несмотря на то, что некоторые члены ученого комитета были против подобного разделения, проект был передан министру, и 21 октября 1864 г. физико-математический факультет Харьковского университета был разделен на три разряда – математический, физико-химический и естественный[25]. Физико-химическое отделение просуществовало двадцать лет, до принятия нового устава 1884 г.[26]

Университеты, открытые после принятия общеуниверситетского устава, практически сразу «получали» разделенный на два отделения физико-математический факультет: в Новороссийском университете, открытом в 1865 г., разделение состоялось 5 июня 1865 года, в Варшавском университете факультет был разделен 17 августа 1870 года.

---

[21] Московский университет в воспоминаниях современников… 1956. С. 248.

[22] РГИА. Ф. 733. Оп. 38. Д. 258. Лл. 1-2.

[23] Пункт о том, что факультеты могут быть разделены на отделения, вошел также в уставы 1865 и 1869 гг.

[24] РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 200. Л. 229.

[25] Сборник распоряжений по МНП. Т. 3. 1850-1864. Стб. 761.

[26] Физико-математический факультет Харьковского университета… С. 19.

Таким образом, организация естественных отделений в структуре физико-математических факультетов российских университетов началась в конце 1830-х – начале 1840-х гг., окончательно закрепившись уже после принятия устава 1863 г., разрешавшего деление факультетов на разряды, что привело к появлению проектов деления факультетов не только на два отделения. Три отделения имел Харьковский университет. Молодой Новороссийский университет в 1866 г. представил проект из четырех отделений – математических, физико-химических, естественных, технических наук и агрономии[27]. Он был признан ученым комитетом Министерства «рациональным», но его полной реализации помешало отсутствие кадров. В 1870–1875 гг. существовало третье, агрономическое отделение, которое было закрыто, и с 1875/76 учебного года физико-математический факультет Новороссийского университета имел только два разряда – математических и естественных наук, как было принято во всех университетах.

Вопрос о более узкой специализации студентов физико-математических факультетов появился после принятия устава 1863 г. В Московском университете основными причинами углубления специализации называли: 1) нагрузку, не рассчитанную на среднего студента, 2) преобладание пассивного элемента над активным (т.е. не самостоятельный поиск информации, а использование готовых записок или литографированных лекций), 3) преобладание абстрактного и формального элемента над конкретным и реальным, т.е. отказ студентов от необязательных практических занятий из-за обилия занятий теоретических[28].

Можно сказать, что 1860-1870-е гг. были временем поиска оптимальной модели специализации студентов. 26 октября 1864 г. Казанский университет представил министру проект о разделении с 3-го курса математического и естественного разрядов на несколько отделений. Для естественного разряда предлагалось ввести отделения: a) зоологии b) ботаники c) химии, минералогии и геологии[29]. 1-й и 2-й курсы предполагались общими для трех разрядов, а 3-й и 4-й – заняты специальными курсами в каждом отделе наук. 1-й и 2-й курсы должны были обнимать все естественные науки для того, чтобы студенты имели основательную подготовку и могли выбирать дальнейшую специализацию, основываясь на уже пройденном материале. Факультет подчеркивал, что «цель разделения заставить учащихся специально и в более обширном виде заниматься изучением известной группы предметов теоретически и практически»[30]. Естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета было разделено 30 декабря 1864 года[31].

---

[27] РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 200. Л. 343.
[28] ЦХД до 1917 г. ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 461. Д. 169. Л. 1-1об.
[29] РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 200. Л. 246об.
[30] НАРТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 4652. Л. 68, 82.
[31] Сборник распоряжений по МНП. Т. 3. 1850-1864. Стб. 821.

В 1866 г. Санкт-Петербургский университет посчитал, что преподавание предметов естественного отделения следует разделить на общие и специальные курсы: первые должны быть обязательны для всех, а из вторых ищущие степени кандидата будут сдавать два предмета. К общим курсам относились богословие, физика и физическая география, химия (неорганическая, органическая и аналитическая), минералогия, геология, зоология, анатомия человека и физиология, ботаника; к специальным – химия теоретическая, аналитическая и органическая, кристаллография, специальная минералогия, геология и палеонтология, специальная зоология, сравнительная анатомия, специальная физиология, физиология и анатомия растений, технология и агрономия[32]. Проект давал возможность лучшим студентам специализироваться по двум наукам из предложенных и не запрещал изучать больше специальных дисциплин, но на обязательный кандидатский экзамен по итогам обучения выносились лишь две.

Проект был вынесен на обсуждение в университетах. Если другие университеты интересовало, как именно будут выбираться специальные курсы, так как они в целом одобряли подобную специализацию (университет св. Владимира, например, указывал, что требовать специальных знаний по всем отделам не следует, но в предлагаемом проекте не усматривается решение этой проблемы[33]), то Московский университет назвал подобное разделение неудобным и недопустимым, считая, что оно «не только не принесет ожидаемой пользы, но скорее повредит делу, а противореча цели университета, превратит естественное отделение математического факультета в специальную школу, из которой будут выходить лишь узкие (по недостатку общего образования) специалисты, а не ученые деятели, что едва ли желательно»[34]. Декан физико-математического факультета Московского университета А. Давыдов, критикуя специализацию, подчеркивал: «Дело университета иное. Как гимназия приготовляет молодого человека, имеющего общие, необходимые для каждого образованного человека сведения, к выбору известного отдела человеческих знаний, к выбору факультета, соответственно его способностям, так окончивший курс в университете делается способным к выбору одной науки, которой может, если пожелает, посвятить всю свою жизнь. Университетский устав предвидел это: не дается степени кандидата химии, зоологии и проч., а выдается диплом на степень кандидата естественных наук вообще. Магистерство и докторство, напротив, распределены по отдельным наукам. Университет не должен и не может готовить специалистов, а лишь людей, получивших возможность сделаться впоследствии специалистами в той или другой отрасли человеческих знаний»[35].

---

[32] РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 524. Лл. 2-2об.
[33] РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 524. Л. 22.
[34] РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 524. Л. 10-10об.
[35] ЦХД до 1917 г. ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 35. Д. 216. Л. 6.

В позициях Московского и Санкт-Петербургского университетов выразились два противоположных мнения, одно из них видело в университете «храм наук», дающий представление обо всех науках выбранного факультета в максимально широком понимании, а другое – «специальную высшую школу», которая дает углубленные знания по определенной специальности, т.е. готовит специалистов для конкретных отраслей промышленности и сельского хозяйства. Подход Московского университета, ратовавшего за классическое образование, был хорош при подготовке учителей средней школы, а подход Санкт-Петербургского университета учитывал стремительное развитие естественных наук (по определению К.А. Тимирязева, «пробуждение естествознания») во второй половине XIX в. и последовавшее за ним развитие промышленности, т.е. был нацелен на будущее. Противоборство двух позиций сказалось и на обсуждении проекта в Ученом комитете министерства, который не смог принять однозначного решения. Министр граф Д.А. Толстой предложил вынести обсуждение вопроса на съезд естествоиспытателей. Попечитель Казанского учебного округа известный педагог П.Д. Шестаков также считал, что нельзя отдавать решение на откуп нескольким специалистам. В результате вопрос о специализации студентов-естественников рассматривался комиссией профессоров физико-математических факультетов: геолога Г.Е. Щуровского (Москва), физика И.А. Больцани (Казань), зоолога И.А. Маркузена (Одесса), химика Д.И. Менделеева (Санкт-Петербург), математика И.И. Рахманинова (Киев), зоолога А.В. Черная (Харьков), геолога К.М. Феофилактова (Киев) под председательством Щуровского в заседаниях 28, 30 декабря 1867 года и 4 января 1868 года. В первую очередь, комиссия большинством голосов решила, что нужна специализация занятий студентов, так как «требование от студентов подробных знаний в одинаковом объеме по всем наукам, входящим в том или другой разряд физико-математического факультета не дозволяет им сосредоточивать свои силы над изучением более ограниченного круга предметов»[36]. Кроме того, при специализации студентов могло бы появиться требование обязательности практических занятий, которые впоследствии стали бы частью итогового экзамена в виде оценки за практические работы.

Члены комиссии посчитали правильным, по примеру Казанского университета, начинать более глубокую специализацию студентов не с 1-го, а только с 3-го курса – после прослушивания общих и основных предметов своего разряда. Еще одним принципиальным решением комиссии явился отказ от унификации преподавания и специализации в университетах, так как единообразие «не составляет необходимости и во многих случаях могло бы вредно действовать на самостоятельное развитие физико-математического факультета того или другого университета»[37]. Это

[36] РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 524. Л. 69об.
[37] РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 524. Л. 71об.

было связано с тем, что профессора считали специализацию только тогда плодотворной, когда она выражалась в развитии порядка занятий, считая, что специализацию могут определить только научные интересы того или иного профессора. В итоге комиссия решила, что право решать вопрос о специализации или сохранении действующего порядка разделения на два отделения должно быть передано непосредственно факультетам.

Член ученого комитета Министерства химик А.И. Ходнев, напротив, считал, что разделение факультетов может быть сделано только министром и должно быть единообразно[38]. При понимании специализации в виде дальнейшего разделения факультета, считал Ходнев, необходимо его унифицировать, так как специальные отделы «должны быть составлены так, чтобы науки, входящие в известный отдел, находились между собой в тесной, так сказать органической связи»[39]. В том виде, в каком специализацию предлагал Санкт-Петербургский университет, он не видел необходимости дальнейшего разделения, так как достаточным было выделение разрядов естественных и математических наук из состава физико-математического факультета. Более того, Ученый комитет обратил внимание, что Санкт-Петербургский университет имел в виду специализацию для соискателей звания кандидата, то есть для наиболее успешных студентов, оставляя остальным перечень общих предметов. Дальнейшее рассмотрение этого вопроса было передано министру.

13 декабря 1868 г., заслушав вопрос о специализации преподавания на физико-математических факультетах, совет министра народного просвещения предоставил окончательное решение о специализации студентов с 3-го курса на усмотрение советов, но без разделения факультета на отделения[40]. В отношении же Санкт-Петербургского университета было принято решение о требовании испытания из двух специальных курсов для всех оканчивающих естественное отделение студентов.

После разрешения специализации со стороны Министерства аппетиты некоторых университетов в этом вопросе выросли. В Казанском университете в 1868 г. начался пересмотр существовавшего с 1864 г. разделения естественного отделения на три разряда. При обсуждении проекта профессор А.О. Ковалевский высказался против имевшегося разделения ботаники и зоологии на два различных отделения: «Я считаю необходимым соединить зоологию и ботанику в одно отделение, потому что как зоологу необходимо иметь точное понятие о жизненных процессах в растительном царстве, так и ботанику необходимо тоже относительно животного царства. Общие же курсы в наших университетах далеко не дают точного понятия об организации животных или растений, они по необходимости очень кратки, так как профессор

[38] РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 524. Л. 74.
[39] РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 524. Л. 78.
[40] Сборник распоряжений по МНП. Т. 4. 1865-1870. Стб. 656-661.

(вследствие уничтожения занятий естественными науками в гимназиях) встречается со слушателями, не имеющими подчас никаких предварительных сведений по естественным наукам»[41].

В дальнейшем проект претерпел изменения, и естественное отделение было предложено разделить на пять отделов 1) отделение зоологии, 2) отделение ботаники и 3) отделение минералогии и геологии 4) отделение химии и физики, 5) отделение практических наук, т.е. технической и агрономической химии и практической механики. В 1870 г., учитывая мнение Ковалевского, работавшего уже в Киеве, проект предусматривал разделение на четыре отделения: 1) зоология и ботаника, 2) минералогия и геология 3) химия теоретическая и практическая 4) отдел практических наук[42]. В 1872 г. Казанский университет отказался от более дробного разделения на разряды, приняв за образец предложенную в 1866 г. специализацию по группам наук с целью дать более широкое естественнонаучное образование. Студентам, перешедшим на 3-й курс, предлагалось выбрать одну из трех групп: а) зоология, ботаника и палеонтология; б) химия, опытная физика, теоретическая и агрономическая химия; в) минералогия, геогнозия, палеонтология и практические упражнения в химическом анализе[43]. Предложение физико-математического факультета о том, что 3-й и 4-й курсы должны быть посвящены практическим занятиям по предметам выбранной группы наук, было принято большинством голосов в Совете Казанского университета 22 мая 1872 г. Голосуя против, профессор медицинского факультета И.М. Гвоздев заметил: «Выслушав факультетскую бумагу о разделении предметов естественного разряда, начиная с 3 курса на несколько групп, сходных более или менее по своей специальности я имею честь заявить, что такое деление на группы не сообразно, во-первых, с универсальным изучением естественных наук вообще, во-вторых, с экзаменом на звание кандидата естественных наук в особенности и, в-третьих, с позволением Совета министра, где специальность преподавания того или другого предмета по естествознанию должна быть, по моему мнению, понимаема не в смысле ограничения числа предметов естествоведения, но более или менее специальное изложение всякого предмета, входящего в состав факультетского преподавания. В бумаге министра прямо говорится, что из студента нельзя приготовить специалиста»[44]. Кстати, Гвоздев был воспитанником Московского университета и служил в нем до 1865 г., и его возражения отражают мнение Московского университета. Однако рациональное зерно в них присутствовало: именно эту позицию – о расширении числа специальных курсов, начали впоследствии проводить в самом Московском университете.

---

[41] НАРТ. Ф. 977. Оп. Физико-математический факультет. Д. 382. Л. 6.
[42] НАРТ. Ф. 977. Оп. Физико-математический факультет. Д. 382. Л. 18.
[43] НАРТ. Ф. 977. Оп. Физико-математический факультет. Д. 587. Л. 1 об.
[44] НАРТ. Ф. 977. Оп. Физико-математический факультет. Д. 587. Л. 3 об – 4.

Вопрос о пределах специализации в Казанском университете был поднят вновь в 1878 г. профессором В.В. Заленским. Среди проблем, с которыми сталкивались студенты из-за принятой в 1872 г. специализации, он называл большую скученность предметов на первых двух курсах при невозможности заниматься ими практически, занятия только специальными предметами на 3 и 4 курсах, в течение которых студент мог совершенно забыть все то, что изучал в первые два года, а также потребность для учителей в широком образовании. В связи с этим он поставил вопрос: насколько разделение соответствует целям естественнонаучного образования и подготовки учителей?[45] Комиссия физико-математического факультета назвала специализацию вредной для подготовки учителей и естествоиспытателей из-за скученности общих предметов на первом и втором курсах, а поскольку студенты поступали в университет неподготовленными, факультет добавил курс математики, что усугубило эту ситуацию. В качестве выхода предлагалось распределить общие предметы на первых трех курсах, перенеся специализацию на 4-й курс обучения[46], при этом число групп для специализации было увеличено, студентам предлагалось выбрать одну из четырех групп: ботаники, зоологии, геологии и минералогии, химии. Это предложение было утверждено Советом Казанского университета 27 мая 1878 года.

В Новороссийском университете, подобно Казанскому, тоже существовал план специализации по группам предметов на 4 курсе, который пытались утвердить в 1875 г. По плану должно было быть 7 групп специальностей: химии, минералогии, географии, ботаники, зоологии, прикладной химии и физиологии[47]. Однако реализован он не был.

В самом Санкт-Петербургском университете, который выступил инициатором специализации, существовало пять групп специальностей, по которым читались специальные курсы: химия, биология, физика, геология, агрономия[48], а специализация начиналась с третьего курса.

Киевский университет в 1870 г. ввел разделение физико-математического факультета на три разряда, как было принято в Харьковском университете. В 1871 г. министр разрешил оставить разряды, но впоследствии товарищ министра народного просвещения И.Д. Делянов указал попечителю Киевского учебного округа, что «допуская в университете подразделение факультетов преимущественно физико-математического на подобные разряды, как разряд физико-химических наук, мы можем дойти до того, что университеты наши потеряют свое настоящее значение и примут характер, свойственный высшим специальным заведениям»[49]. Поэтому физико-математический факультет университета св. Владимира остался в

[45] НАРТ. Ф. 977. Оп. Физико-математический факультет. Д. 798. Л. 2 об.
[46] НАРТ. Ф. 977. Оп. Физико-математический факультет. Д. 798. Л. 4 об.
[47] ГАОО. Ф. 45. Оп. 11 Д. 4 (1875). Л. 15.
[48] ЦГИА СПб. Ф. 16. Оп. 1. Д. 7781. Л. 4.
[49] РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 524. Л. 114.

составе двух отделений[50]. В 1878 г. Киевский университет вновь обращался с просьбой о разделении факультета на три разряда, в удовлетворении которой ему было отказано по причине малочисленности студентов.

В 1879 г. о разделении естественного отделения на два разряда биологических и физико-химических наук просил Варшавский университет. Среди причин подобного разделения некоторые преподаватели называли «затруднение» студентов многочисленными теоретическими лекциями в ущерб практических занятий. Главными предметами будущего биологического разряда являлись ботаника, зоология (сравнительная анатомия и систематика, анатомия и физиология), палеонтология, дополнительными – физика, химия, минералогия с кристаллографией и геологией[51]. Некоторые преподаватели высказались против разделения, считая, что переизбыток лекций – это намеренное заблуждение, а физико-химический разряд следовало бы организовывать в математическом отделении. Они предлагали «обязать студентов естественного отделения слушать все теоретические лекции, как это имело место до сих пор; что же касается практических занятий студентов, то предоставить каждому из них выбор одного или нескольких предметов для более специального изучения при посредстве практических занятий»[52]. Такое решение мог принять и Совет университета без специального разрешения министра. В любом случае, в январе 1880 года министр ответил отказом в виду малочисленности студентов. В 1889 г. в Варшавском университете рассматривался вопрос о создании биологического отделения, однако образованная с этой целью комиссия нашла это нецелесообразным[53].

Особенность Дерптского университета состояла в том, что студент мог специализироваться по любой из 9 кафедр по уставу 1865 года[54] в соответствии с положением об испытаниях на звание действительного студента 1866 года[55]. Согласно правилам для студентов (1869) в университете существовали следующие направления специализации – математика, астрономия, физика, химия, минералогия, ботаника, зоология, сельское хозяйство[56]. Специализация начиналась с первого полугодия, как указывал Е.В. Петухов, ранняя специализация «вообще в Дерптском университете поощрялась»[57]. Этот порядок действовал до того момента, пока Дерптский университет не подвергся русификации и был переименован в Юрьевский. Начало новым порядкам в специализации положили новые

---

[50] Отчет по императорскому университету св. Владимира…

[51] РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 524. Л. 148об.

[52] РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 524. Л. 151.

[53] Archiwum Państwowe m. st. Warszawy. Zesp. Cesarski Uniwersytet Warszawski (Ф. 214). Д. 458.

[54] ПСЗ. Второе собрание. Т. XL. С. 22.

[55] Сборник распоряжений по МНП. Т. IV. Стб. 373-380.

[56] ИАЭ. Ф. 402. Оп. 4. Д. 769. Лл. 731р-733.

[57] Петухов 1906. С. 143.

правила о зачете полугодий и полукурсовых испытаниях 1891 г. (для физико-математического факультета), а также распоряжение Министерства от 12 мая 1892 г., по которому прекращалась специализация при сдаче итоговых экзаменов, кроме как по двум установленным министерством отделениям – математическому и естественно-историческому[58]. Однако новый учебный план, принятый в 1896 г. оставил в Юрьевском университете четыре отделения: математическое, естественно-историческое, агрономическое и химическое[59], сохранившиеся и в дальнейшем.

В 1884 г. был принят новый университетский устав, который не только ломал привычную систему обучения, но и сократил число кафедр на физико-математическом факультете с 12-ти до 10-ти[60]. Были объединены в одну кафедру физика и физическая география, минералогия и геология. В связи с принятием нового устава и появлением учебных планов вновь был поднят вопрос о специализации. Профессор Московского университета А.П. Богданов писал, что в спорах «обыкновенно смешиваются понятия о концентрации учения с специализацией его»[61]. Концентрацией он называл переход от преобладающего лекционного метода к лабораторно-практическому, от зазубривания лекций к самостоятельной работе в лаборатории. Богданов считал, что сам «факт появления значительного числа защитников специализации университетского учения есть печальный факт, указывающий вообще на понижение общеобразовательного уровня между специалистами, есть причина размножения хотя и дельных специалистов, но мало образованных»[62]. Считая специализацию гибельной, Богданов ставил в пример немецких натуралистов, которые по образованию являлись врачами, поэтому имели широкое образование.

Как вышло, что Московский университет, который во второй половине XIX в., не следуя веяниям, поощряемым в других университетах, был последовательным противником специализации студентов, на рубеже XIX–XX вв. (см. Приложение) оказался флагманом специализации и предлагал самый обширный перечень групп? Еще при обсуждении учебных планов по уставу 1884 г. проявилось противоборство противников и сторонников специализации. Выше было приведено мнение противника специализации А.П. Богданова. Сторонником специализации в то время выступал В.В. Марковников: «Мы выпускаем из университета энциклопедистов-естественников, между тем как жизнь и интересы государства давно уже предъявляют запрос на основательные знания, на специалистов»[63]. В 1885 г. Совет Московского университета принял сторону Бог-

---

[58] Там же. С. 144.

[59] РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 220. Л. 88.

[60] Позднее в состав физико-математического факультета вошла кафедра географии и этнографии, прежде относившаяся к историко-филологическому факультету.

[61] РГИА. Ф. 733. Оп. 149. Д. 849. Л. 40.

[62] РГИА. Ф. 733. Оп. 149. Д. 849. Л. 40об.

[63] ЦХД до 1917 г. ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 54. Т. 1. Л. 18 об.

данова, считая, что «главная задача университетского преподавания состоит в получении студентами общего научного образования по всем предметам, входящим в состав факультетского преподавания»[64]. Но Марковникова поддержал министр народного просвещения И.Д. Делянов, который даже обратился к Богданову через попечителя, «не отказать и в будущем в его содействии к более равномерному и концентрическому распределению преподавания на естественном отделении физико-математического факультета»[65]. Несмотря на то, что в дальнейшем факультет старался придерживаться курса Министерства, вопросы, касающиеся специализации, периодически поднимались. Так, в 1889 г. в связи с принятием правил о полукурсовом испытании разгорелся жаркий спор о судьбе химии, которую некоторые профессора желали исключить из перечня обязательных предметов. На этот счет емко выразил свое мнение К.А. Тимирязев, задав вопрос: «Почему в Московском университете отделение естественных наук должно стремиться к вырождению в отделение описательной биологии, понимаемой при том в узком ограниченном смысле?»[66]. В результате единогласного голосования химия вошла в состав полукурсового испытания. В дальнейшем Московский университет двигался в русле министерской политики, даже предлагая еще большую специализацию, чем в любом другом университете Российской империи.

На самом деле проблема специализации была глубже – противоборство двух позиций отражало колебания государственной политики в этом вопросе: само Министерство никак не могло решить, что важнее – подготовка учителей для средней школы или специалистов для промышленности. Эти колебания продолжались до конца существования Российской империи и были связаны с отсутствием высших учебных заведений под эгидой Министерства народного просвещения, где могли бы выпускаться педагоги для средней школы по всем специальностям (существовало только два Историко-филологических института, которые мало восполняли этот пробел, по мнению автора статьи в словаре Брокгауза и Эфрона[67]). О том, что необходимо учебное заведение, где бы готовились не только учителя, но и профессора для университетов, писал в 1904 г. инициатор специализации 1866 года в Санкт-Петербургском университете Д.И. Менделеев. Что же касается специализации студентов, то и в начале XX в. он не поменял своего мнения о ее необходимости: «Громадное усложнение знаний всякого рода, совершившееся особенно в истекшем XIX ст., приводит высшие учебные заведения при всем разделении на специальности по факультетам или отделениям все же в весьма большое затруднение, потому что слушателям желают сообщить полноту сведе-

[64] ЦХД до 1917 г. ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 54. Т. 1. Л. 81.
[65] ЦХД до 1917 г. ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 54. Т. 1. Л. 318.
[66] ЦХД до 1917 г. ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 54. Т. 2. Л. 91 об.
[67] Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 23 (45). 1898. С. 83.

ний, каких, надо сознаться, в сущности не имеют и сами профессора, учившиеся в прежнее время, лет 20-30 назад»[68].

Проведенная в 1906 г. реформа образования, внедрившая предметную систему обучения, подразумевавшую усиление специализации, привела к возрождению старой проблемы выбора между подготовкой учителей для средней школы и узких специалистов для нужд промышленности и науки. В результате уже в 1911 г. Министерство ввело обязательный перечень предметов на полукурсовом и итоговом испытаниях, без сдачи которых было невозможно получить право преподавать в гимназиях. Студентов загоняли в рамки одной профессии, а так как в большинстве случаев выпускники физико-математических факультетов могли работать только в школах, выбор был заведомо известен.

В 1911 г. в связи с подведением итогов реформы 1906 г. появились негативные оценки специализации, точнее, опыта специализации. Так, профессор Киевского университета С.Н. Реформатский писал министру: «обязательность специализации мы признали неосуществимой», а число обязательных предметов «стремились довести до возможного minimum'а, чтобы оставить время желающим на специализацию»[69]. Профессор Харьковского университета В.Ф. Тимофеев указывал, что глубокая специализация – видимость, так как разница между отдельными специальностями в ботанике или в зоологии практически отсутствует[70]. Геолог А.А. Иностранцев считал, что «задача естественного отделения физико-математического факультета дать желающим широкое естественноисторическое образование, а не создавать искусственно специалистов»[71]. Фармаколог Н.П. Кравков считал необходимым подвергнуть коренному пересмотру «вопрос о разделении наук, преподаваемых на физико-математических факультетах на ряд специальных циклов»[72].

Реформа 1911 года привела к сворачиванию углубленной специализации, поставив во главу угла приоритет выпуска школьных учителей как специалистов более широкого профиля. Ошибочность такого подхода министерство осознало в 1915 г., назвав причиной реформы 1911 г. именно необходимость увеличения контингента преподавателей средней школы[73], но ничего предпринять с целью реформирования сложившейся системы оно уже не смогло. Спорившие между собой сторонники двух противоположных подходов (необходимости широкого естественнонаучного образования или узкого биологического), чьи позиции попеременно поддерживались Министерством народного просвещения, никак не могли повлиять на государственную политику в этом вопросе, которая выража-

[68] Менделеев 2008. С. 335, 326.
[69] РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 1115. Л. 87.
[70] РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 1115. Лл. 91, 92.
[71] РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 1115. Л. 142.
[72] РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 1115. Л. 174.
[73] РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 561. Л. 105об.

лась в неспособности определить задачи университетов. Не стало существовавших в первой половине XIX в. механизмов подготовки учителей в педагогических семинариях или институтах при университетах, Главном педагогическом институте, однако альтернативы им так и не появилось, а потребность в учителях для средней школы не только осталась, но и возросла. Успехи естественных наук во второй половине XIX в. приводили к углублению специализации студентов, для которых существование естественного отделения оказалось уже недостаточным. Однако непоследовательная политика Министерства народного просвещения, как в отношении университетов, так и высшего образования в целом, не приводила к желаемому результату, а лишь осложняла положение высшей школы, хотя решение вопроса было на поверхности – разграничение научных и педагогических сфер даже путем создания педагогических институтов при университетах (или отдельных педагогических институтов), как это было сделано позже во времена СССР.

БИБЛИОГРАФИЯ

Андреев А.Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX в. М.: Языки русской культуры, 1999. 312.

Багалей Д.И. Опыт истории Харьковского университета. Т. 2. Харьков, 1904. 1136 с.

Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. Историческая записка составлена В.В. Григорьевым. СПб.: в тип. В. Безобразова, 1870. 432 с.

Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования / Д.И. Багалей, Н.В. Сумцов, В.П. Бузескул. Харьков, 1906. 329 с.

Материалы для истории Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии, в память пятидесятилетия ее, собранные ординарным профессором Григорием Прозоровым. СПб.: Воен. тип., 1850. 451 с.

Менделеев Д.И. Познание России. Заветные мысли. М.: Эксмо, 2008. 688 с.

Московский университет в воспоминаниях современников. Под ред. П.А. Зайончковского, А.Н. Соколова. М.: Изд-во МГУ, 1956. 487 с.

Обозрение преподавания предметов в императорском Харьковском университете на 1842-43 учебный год. Харьков, 1842. 21 с.

Отчет по императорскому университету св. Владимира за 1872 год // Университетские известия. 1873. Т.6.

Палкин Б.Н. Русские госпитальные школы XVIII века и их воспитанники. М.: Медгиз, 1959. 272 с.

Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 3. М.: Изд-во МГУ, 2003. 480 с.

Петухов Е.В. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет в последний период своего столетнего существования (1865-1902). СПб.: Сенатская типография, 1906. 211 с.

ПСЗ. Второе собрание. Т. XL (1865). Отделение первое. СПб., 1867.

ПСЗ. Второе собрание. Т. XXV (1850). СПб., 1851.

Сборник распоряжений по МНП. Т. 2. 1835-1849. СПб., 1866. 1104 стб.; Т. 3. 1850-1864. СПб., 1867. 1118 стб.; Т. 4. 1865-1870. СПб., 1874. 996 стб.

Физико-математический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805-1905) / Под ред. И.П. Осипова, Д.И. Багалея. Харьков: Тип. А. Дарре, 1908. 605 с.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 23 (45). СПб., 1898. 474 с.

REFERENCES

Andreev A.Yu. Moskovskii universitet v obshchestvennoi i kul'turnoi zhizni Rossii nachala XIX v. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 1999. 312.

Bagalei D.I. Opyt istorii Khar'kovskogo universiteta. T. 2. Khar'kov, 1904. 1136 s.

Imperatorskii Sankt-Peterburgskii universitet v techenie pervykh pyatidesyati let ego sushchestvovaniya. Istoricheskaya zapiska sostavlena V.V. Grigor'evym. SPb.: v tip. V. Bezobrazova, 1870. 432 s.

Kratkii ocherk istorii Khar'kovskogo universiteta za pervye sto let ego sushchestvovaniya / D.I. Bagalei, N.V. Sumtsov, V.P. Buzeskul. Khar'kov, 1906. 329 s.

Materialy dlya istorii Sankt-Peterburgskoi Mediko-khirurgicheskoi akademii, v pamyat' pyatidesyatiletiya ee, sobrannye ordinarnym professorom Grigoriem Prozorovym. SPb.: Voen. tip., 1850. 451 s.

Mendeleev D.I. Poznanie Rossii. Zavetnye mysli. M.: Eksmo, 2008. 688 s.

Moskovskii universitet v vospominaniyakh sovremennikov / pod red. P.A. Zaionchkovskogo, A.N. Sokolova. M.: Izd-vo MGU, 1956. 487 s.

Obozrenie prepodavaniya predmetov v imperatorskom Khar'kovskom universitete na 1842–43 uchebnyi god. Khar'kov, 1842. 21 s.

Otchet po imperatorskomu universitetu sv. Vladimira za 1872 god // Universitetskie izvestiya. 1873. T.6.

Palkin B.N. Russkie gospital'nye shkoly XVIII v. i ikh vospitanniki. M.: Medgiz, 1959. 272 s.

Petrov F.A. Formirovanie sistemy universitetskogo obrazovaniya v Rossii. T. 3. M.: Izd-vo MGU, 2003. 480 s.

Petukhov E.V. Imperatorskii Yur'evskii, byvshii Derptskii, universitet v poslednii period svoego stoletnego sushchestvovaniya (1865–1902). SPb.: Senatskaya tipografiya, 1906. 211 s.

PSZ. Vtoroe sobranie. T. XL (1865). Otdelenie pervoe. SPb., 1867.

PSZ. Vtoroe sobranie. T. XXV (1850). SPb., 1851.

Sbornik rasporyazhenii po MNP. T. 2. 1835–1849. SPb., 1866. 1104 stb.; T. 3. 1850–1864. SPb., 1867. 1118 stb.; T. 4. 1865–1870. SPb., 1874. 996 stb.

Fiziko-matematicheskii fakul'tet Khar'kovskogo universiteta za pervye sto let ego sushchestvovaniya (1805–1905) / Pod red. I.P. Osipova, D.I. Bagaleya. Khar'kov: Tip. A. Darre, 1908. 605 s.

Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona. T. 23 (45). SPb., 1898. 474 s.

Жарова Екатерина Юрьевна, *кандидат биологических наук, Брянский государственный университет имени академика И.Г Петровского; zharova_ekaterina@bk.ru*

Education in natural sciences vs education in biology in the universities of the Russian Empire: the road to specialization

The problem of specialization is an important aspect of the evolution of university education. The expansion of scientific knowledge led inevitably to specialization Physics and Mathematics faculty begun specialization by dividing into two departments of natural and mathematic sciences. In the late 19th – early 20th cc. the department of natural sciences had several divisions that helped further specialization, but this conflicted with the need to produce in school teachers with broader education in science.

Keywords: university history, Russian empire, history of biology, specialization, natural departments, Physic and mathematic faculties.

Ekaterina Zharova, *Candidate of Science in Biology, Bryansk State University; zharova_ekaterina@bk.ru*

Перечень секций в составе естественных отделений российских университетов в конце XIX – начале XX в.[1]

Московский	С.Петербургский	Харьковский	Казанский	Киевский	Новороссийский
1.Физико-химия	1.Основная группа:	1.Биология:	1.Химия	1.Химия	1.Зоология
2.Техническая химия	Минералогия	Морфология и систематика растений	2.Минералогия с геологией	2.Минералогия	2.Ботаника
3.Почвоведение	Геология	Зоология позвоночных	3.Ботаника	3.Геология	3.Химия
4.Агрономическая химия	Зоология	Зоология беспозвоночных	4.Зоология	4.Зоология	4.Геология и палеонтология
5.Кристаллография и минералогия	Ботаника	2.Агрономия	6.Технология	5.Ботаника	5.Минералогия
6.Геология	Физиология животных	3.Минералогия	7.География	6.Агрономия	6. Физиология животных
7.Биология описательная: Ботаника Зоология	Физиология растений	4.Геология			7. Физиология растений
8.Биология экспериментальная: Физиология животных Физиология растений	2.Химия	5.География			8.География
9.География	3.География				9.Агрономия
10.Антропология	4. Агрономия				

[1] В таблицу не вошли сведения по Юрьевскому и Варшавскому университетам. РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 1115. В Харьковском университете секция химии относилась к математическому отделению. Впоследствии в Московском университете разделили на 2 секции №№ 7 и 8.

Е. Г. Маргарян

СОВРЕМЕННЫЕ НОМОТЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ДИНАМИКИ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ «переORIENTация» или «ориентализация современного исторического сознания?*

В статье рассматриваются основные тенденции развития одного из перспективных направлений современной историографии – мир-системного анализа, разбираются современные номотетические подходы к анализу исторической динамики, стремящейся описать весь мир в целом.

Ключевые слова*: *постколониальная критика, макросоциология, оксидентоцентризм, ориентоцентризм, переориентация, мир-система, мир-экономика, Передняя Азия.

Официальная история, изложенная на страницах школьных учеников, энциклопедий, университетских и академических изданий, отображает преимущественно события древней истории Греции, Рима, Средневековой, Новой и Новейшей Европы. Чуть больше повезло Древнему Египту, Месопотамии, Византии, Арабскому халифату. Остальные народы и страны Азии, Африки и Америки, как правило, выпадают из поля зрения историков (за исключением узких специалистов), как будто их не существовало до тех пор, пока они не вошли в соприкосновение с Западной цивилизацией и не испытали на себе ее благотворного влияния. Американский историк Эрик Вульф охарактеризовал эту ситуацию так: «Европа и народы без истории»[1]. В большинстве учебников и научных исследований восточные народы и страны, несмотря на свою древнюю историю, представляются отсталыми и косными, отвергающими несомые европейцами блага цивилизации и прогресса, а эпохи, предшествующие появлению европейцев, оказываются сплошным белым пятном[2].

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российско-Армянского (Славянского) Университета в рамках проекта «Армяно-Китайских исследований».

[1] Wolf 1982.

[2] Тот же подход доминировал и в официальной советской историографии. В большинстве учебников история древних народов СССР представлялась как пребывание в некоем летаргическом состоянии, в ожидании, когда придут русские и, пробудив их от многовековой спячки, включат в свою империю, приобщив к высокой русской культуре, и опосредованно к западной культуре и западным ценностям. Главное же событие, согласно советской историографии, для народов империи было впереди: после большевистской революции 1917-го был установлен советский строй, что позволило народам империи, вслед за русскими, дружно двинуться на штурм «зияющих высот» коммунизма. Что касается предшествующей упомянутым эпохальным событиям истории некоторых народов, со временем она стала представляться хотя и очень древней, но не продуктивной и по сути тупиковой. Таким образом, продвижение России за свои естественные пределы в официальной историографии представлялось не колонизацией или империалистической экспансией, а своего рода высокой миссией, в духе провиденциалистской теории Третьего Рима.

И все же это не означает, что на Западе или в России совсем не было интереса к Востоку. Отнюдь, интерес был, причем двусложный – онтологический и практический, на основе этого двуединого интереса со временем сформировалось два типа ориентализма – академический и политический[3]. Безусловно, говорить о том или ином виде ориентализма в чистом виде не приходится, границы между ними размыты. Академические изыскания о Востоке имеют прикладное значение, и наоборот, добытая для практических целей информация со временем пополняет базу фундаментальных знаний. Многие известные ориенталисты, проводившие полевые исследования в Азии и Южной Америке, на поверку оказались тайными агентами держав, имевших интерес в регионе. Для многих откомандированных на государственную службу интеллектуалов, Восток почти сразу стал предметом страсти. В романе «Танкред» Бенджамен Дизраэли писал: «Восток – это профессия». Как справедливо подметил Эдвард Саид: «…он имеет в виду, что интерес к Востоку станет для блестящих молодых представителей Запада всепоглощающей страстью»[4], а не простой рутинной работой, на благо своей державы.

Стоит отметить и другие формы ориентализма, временами неожиданные и занятные: например, мода. Речь не только о вплетении восточных мотивов в одежду и интерьер жилищ и имитации предметов восточного искусства (т.н. стиль шинуазри)[5], но и о моде на китайские и японские сады, персидские фонтаны и греческие бани, а также о стремлении европейцев окружать себя восточными предметами быта – армянскими коврами, китайскими вазами и фонарями, японскими гравюрами, ширмами и мелкой пластикой, среднеазиатскими шелками и атласом. После походов Наполеона и расшифровки Шампольоном Розеттского камня надолго доминирующей в Европе стала египетская тематика. В литературе и искусстве (особенно в эпоху романтизма) на Западе появились бесчисленные произведения, в которых Восток представал в самых разных обличьях – идеализированных или демонизированных, но мало общего имеющих с реальным, сложным и многообразным миром[6].

Ориентализм, во всех своих проявлениях, необходим Западу, необходим, прежде всего, для самоидентификации, ведь осознание себя возможно только через оппозицию. Однако именно поэтому любой ориентализм оксидентоцентричен[7] – в основе его всегда лежит европей-

---

[3] Это ориентализм политиков, аналитиков, разведчиков и пр.

[4] Саид 1995. С.13.

[5] От фр. *chinoiserie* – дословно китайщина – использование мотивов и стилистических приёмов средневекового китайского искусства в европейской живописи, декоративно-прикладном искусстве, костюме, в разбивке и оформлении садово-парковых ансамблей XVIII века (см.: Сокольникова, Крейн 2006. С. 111-113).

[6] Julian 1977; Nochlin 1983. P. 118-131, 87-191.

[7] Оксидентоцентризм или оксидентализм (от лат. occidens – запад) – доктрина, основанная на выделении Запада как особого культурного, идеологического, истори-

ский взгляд на неевропейские предметы и явления. Такой ориентализм Э. Саид охарактеризовал как: «…западный стиль доминирования, реструктурирования и осуществления власти над Востоком»[8]. Для европейцев и американцев Запад – всегда субъект, Восток же был и остается объектом, миром, обладающим безусловным очарованием[9], но вместе с тем на протяжении веков остающимся косной, застылой, застрявшей в прошлом средой. В противоположность ему, Запад представляется носителем истинного знания и агентом прогресса – технологичным, динамичным, открытым, нацеленным на перманентную модернизацию мира. Особая роль в укоренении подобных взглядов и представлений, безусловно, принадлежит историографии и политэкономии.

Однако именно историография первой попыталась обойти эти мировоззренческие парадигмы, расширив горизонты своего исследования. Разработанная О. Шпенглером и А. Тойнби парадигма локальных цивилизаций, значительно потеснившая концепцию глобальной истории, а также исторические труды М. Ростовцева, Л. Гумилева, политэкономические и географические разработки А. Петерса, историко-философские труды Н.И. Конрада, В.П. Чалояна, и др. пробили брешь в евроцентристской картине мира и, по выражению Мартина Бернала, «ослабили культурное высокомерие европейцев», однако не смогли поколебать его основ. Интенсивное развитие индустрии в Западной Европе и Северной Америке, с одной стороны, и промышленное отставание остальных частей земного шара – с другой, продолжало подпитывать оксидентализм, в явной или неявной форме провозглашающий превосходство западноевропейской цивилизации и европейского образа жизни, особую, мессианскую роль некоторых европейских народов в мировой истории[10].

ческого, политического феномена и ориентира в реализации культурной или политической деятельности. В широком смысле оксидентализм представляет собой изучение западной цивилизации как наиболее эффективной и успешной в истории человечества, через призму ее ценностей. В узком смысле, термин может иметь негативную коннотацию. Такой подход характерен для ориентоцентричных авторов и идеологов, рассматривающих Запад как антигуманную, деструктивную силу, тлетворно влияющую на традиционные культуры. Дискурсу оксидентализма посвящены книги Яна Бурумы и Авишая Маргалита «Оксидентализм: Запад глазами его врагов» и «Оксидентализм: краткая история антизападничества» (Buruma, Margalit 2004; 2005). Авторы деконструируют распространенные негативные стереотипы о Западе, в которых Запад представлен как этакий Город-блудница, Новый Вавилон, носитель многочисленных архетипических пороков, отклонений от божественных установлений; а Восток – как Деревня, окраина, обреченная всегда быть второй. Примером идеологического “оксидентализма” можно считать отношение старозаветных израильтян к ханаанеянам и филистимлянам, в России – славянофильство, в странах мусульманского Востока – современный политический ислам.

[8] Саид 1995. С.10.

[9] Однако на бытовом уровне ксенофилия европейцев вызывает на Востоке столь же сильное раздражение, что и ксенофобия.

[10] Ферро 1993. С. 10-16.

Веру в превосходство европейской цивилизации поколебали изменения, происшедшие вскоре после Второй мировой войны в Восточной Азии, особенно экономическое чудо, сотворенное вначале Японией, затем «четырьмя азиатскими тиграми» и вслед за ними «четырьмя азиатскими драконами». Окончательный же удар по европоцентризму нанес постмаоистский Китай, стремительно ворвавшийся в мировую экономику и уверенно занявший в ней доминирующие позиции. По сути, на глазах одного поколения произошло четыре «высадки десанта» из восточноазиатских стран: первая волна пришла из Страны восходящего солнца, вторую «высадку» осуществили «тигры» (Корея, Гонконг, Сингапур, Тайвань), третью – «драконы» (Малайзия, Таиланд, Филиппины, Индонезия), и наконец, четвертую, самую массивную – «Поднебесная». При этом, каждая из четырех волн не перекрывала предыдущие, а наслаивалась на них, создавая стойкое ощущение того, что все это происходит не случайно и подчиняется некоей телеологической целесообразности. Все четыре волны исходили из разных ареалов единой мир-системы, которую некоторые исследователи уже давно окрестили конфуцианской цивилизацией. Пожалуй, не случайно завершающий аккорд в восточноазиатском оркестре сыграла именно Срединная империя, во все времена занимавшая центральное место в этом Номосе и исполнявшая роль дирижера, законодателя мод. В завершение добавим, что в спину восточноазиатским драконам дышит набирающая обороты индийская экономика.

Вслед за экономической перестройкой и перемещением «центра тяжести» происходят изменения и в мировоззренческих парадигмах. Вместе с японскими, корейскими, малазийскими и китайскими товарами в мир пришло осознание того, что прежние политэкономические модели и политологические парадигмы в новых условиях не работают, евроцентристская картина мира перестала быть убедительной и потеряла актуальность. И все же в отличие от мировой экономики, сразу отозвавшейся на изменения, западная социологическая мысль, на наш взгляд, отреагировала с опозданием. Главной причиной такой неповоротливости сознания современных историков и политологов был и остается своего рода веберовский оксидентный нарциссизм – самодостаточность западных мировоззренческих парадигм, существенно не менявшихся со времен Просвещения и ранних гегельянцев. Существующую картину мира следовало если не поменять, то хотя бы откорректировать в соответствии с новыми реалиями, но для этого нужно было расчистить культурное пространство. Эту задачу на себя взяла постколониальная критика, которая возникла под влиянием постмодернистского дискурса Мишеля Фуко, построенного на анализе культурного наследия эпохи колониализма. Дальнейшее развитие эти идеи получили в работах Эдварда Вади Саида, Гаятри Чакраборти Спивак, Хоми К. Бхабхи (Бабы)[11]. Характерно, что

[11] Саид, 1995; 2003; Spivak, 1987; 1988; Bhabha 1990; 1994.

три американских исследователя имеют азиатское происхождение и их опыт челночного (по сути, маргинального) проживания на границе между метрополией и колонией[12] дал возможность им выступать от имени разных культур. Схожую позицию занимает профессор Чикагского университета Дипеш Чакрабарти: автор нашумевшей книги с провокационным названием «Провинциализируя Европу»[13], называет современный мир постзападным и постамериканским, стоящим на пороге появления незападных систем оценки, например, иного понимания идеи демократии.

Будучи, по сути, западными интеллектуалами, они путем деконструкции, разрушения/ниспровержения западных стереотипов и культурных образцов, попытались создать новую картину мира, построенную по принципу «гибридности»[14]. Постколониальная критика имеет различное происхождение, отсюда два противоположных, иногда расходящихся, иногда же пресекающихся антиимперских вектора – националистический и космополитический (глобалистский). В результате гибридизации этих двух антиимпериалистических движений появился такой феномен как глокализация[15] – термин, введенный в оборот британским социологом и теоретиком процессов глобализации Роландом Робертсоном[16]. Представители этого движения главной задачей считали само-репрезентацию и формирование мультикультурной личности, что в значительной степени отражало процессы формирования государственности и национальной идентичности на постимперском пространстве, с одной стороны, и становление мультикультурного общества в странах Западной Европы во второй половине XX в., с другой.

Вместе с тем, практически все постмодернистские политические философы оспаривают стержневую для марксизма идею об изначально экономической природе империализма и, как отмечалось выше, делают акцент на дискурсе культурной и социальной эксплуатации. В противоположность им, неомарксистские историки строят постколониальную

---

[12] Э. Саид, по происхождению, иерусалимский араб, а Х. Бхабха – индийский парс, рожденный в зажиточной зороастрийской семье. По сути, все трое упомянутых ориенталистов родились и как личности сформировались на границе различных социальных групп, систем, культур, испытывая влияние их противоречащих друг другу ценностей. Это позволило им создать собственную систему норм и ценностей, отличную как от туземных, так и от колониальных ценностных систем.

[13] Chakrabarty 2007.

[14] Сходные явления происходили в эпоху эллинизма, что позволяет назвать эту эпоху неоэллинистической.

[15] В широком смысле глокализация – явление мировоззренческого уровня. Оно отражает такой слой мирового сознания, для которого характерно одновременно и отстаивание обществами своей самобытности (локальность) и стремление к стиранию прежних пространственных границ, к укреплению внешних связей. В этом смысле глокализация отражает сопряженность между гомогенизацией, которую несет глобализация, и гетерогенизацией, как проявлением локального, специфического, традиционного.

[16] Robertson 1992.

критику, прежде всего, с позиций политэкономических и макросоциальных. Одним из первых неоколониальных макросоциологов стал Андре Гундер Франк, более четверти века исследовавший мировые экономические процессы, один из соавторов мир-системного подхода. Уже в своих первых работах он довольно жестко раскритиковал доминировавшие тогда либеральные экономические, особенно кейнсианские теории[17]. По его мнению, все эти теории отличает некий догматизм, и они опираются на нерепрезентативный по масштабу исторический опыт. Гундер Франк одним из первых отказался от взглядов на Европу, как на место рождения модерной мир-системы. Он первым заговорил о «переОРИЕНТации»[18], предлагая заменить «оксидентоцентризм» на «гуманоцентризм». Однако самому Франку это, пожалуй, не удалось. Трудно не согласиться с замечанием киевского социолога Павла Кутуева о том, что «…Франкова “переОРИЕНТация” предлагает новый региональный уклон вместо прежней “зачарованности” Оксидентом»)[19].

Можно не соглашаться с некоторыми леворадикальными выпадами Франка против западных ценностей и с определенными оговорками относиться к его утверждениям о том, что главная причина отставания стран Третьего мира кроется преимущественно в колониальной политике западных стран, но нельзя не признать, что предложенный им дискурс как нельзя более подходит для обобщающего анализа конфуцианской цивилизации и политэкономической ситуации в современном Китае.

В основе азиацентристской (позднее – китаецентристской) концепции мирового развития Гундера Франка лежит мир-системный исследовательский метод Фернана Броделя, который разработал теорию о ряде смежных мир-систем, взаимосвязанных в единую «мир-экономику»[20]. Каждая мир-система, по Броделю, имеет свой центр (со своим «сверхгородом»), второстепенные, но развитые общества и окраинную периферию. Внутри мир-системы существуют прочные связи: торговые коммуникации связывают разные регионы в единое макроэкономическое пространство. При этом имелась в виду не мировая экономика в целом. Такая глобальная экономика («рынок всего мира») сформировалась, по мнению Броделя, относительно недавно. Слово «мир» в его понимании означает самодостаточность, независимость от других подобных образований: «Мир-экономика... затрагивает лишь часть Вселенной, экономически самостоятельный кусок планеты, способный в основном быть самодостаточным, такой, которому его внутренние связи и обмены придают определенное органическое единство»[21]. Мирами-экономиками были,

[17] Frank 1980. P. 13.
[18] См.: Frank 1998.
[19] Кутуев 2007. С. 27.
[20] Wallerstein 1974; Валлерстайн 1998. С. 105-123, 3.
[21] Бродель 1992. С. 14.

например, Индия, Китай, Финикия, Карфаген, Рим, мир ислама. Каждая такая система пространственно ограничена и довольно стабильна. Она непременно имеет свой стержень, который Бродель называет центром, а Валлерстайн – ядром. Таким центром/ядром всегда является мировой город, «сверхгород», которому подчинены и который обслуживают другие города. Ядро и периферия мир-системы могут трансформироваться и меняться местами, что отражается на системе в целом.

В мир-системе возможно единоборство двух доминирующих центров. Победа одного из них неизбежно приводит к деградации другого. Мир-экономика может делиться на несколько зон, образующих иерархию. «Всякий мир-экономика, – пишет Бродель, – есть складывание, сочетание связанных воедино зон, однако на разных уровнях. В пространстве обрисовывается, по меньшей мере, три ареала, три категории: узкий центр, второстепенные, довольно развитые области и в завершение всего огромные внешние окраины... Центр, так сказать, «сердце», соединяет все самое передовое и самое разнообразное, что только существует. Следующее звено располагает лишь частью таких преимуществ, хотя и пользуется какой-то их долей; это зона “блистательных вторых”. Громадная же периферия с ее редким населением представляет, напротив, архаичность, отставание, легкую возможность эксплуатации со стороны других»[22].

В отличие от Фернана Броделя и вторящего ему И. Валлерстайна[23], Франк не признает возможности одновременного существования в мире нескольких, а то и десятков «мир-систем», что, по его мнению, во многом обессмысливает само понятие мир-системы[24]. Согласно Франку, речь может идти лишь об одной мир-системе, которая возникла не менее 5000 лет тому назад, а затем через многочисленные циклы экспансии и консолидации вобрала в себя весь мир[25]. При этом Франк отметает также термин *цивилизация* и цивилизационный подход к истории.

Согласно Франку, центр мир-системы сформировался в Китае, а затем, в ходе эволюции, постепенно стал смещаться на запад – в Индию, Переднюю Азию, Средиземноморье, Северную Европу, Новый свет. Теперь, завершив цикл, он возвращается к своей исходной точке – в Китай. Наблюдающийся в настоящее время подъём Китая исследователь считает вполне естественным и закономерным. Экономическое восхождение Срединной страны он интерпретирует как репатриацию центра Мир-Системы, после ее кратковременной европейско-североамериканской «интерлюдии», в исходную точку – «естественное» место пребывания. Суть иконоборческой теории Франка заключается в том, что он размещает центр мир-системы в Восточной Азии и доказывает, что именно

[22] Бродель 1992. С. 170.
[23] Валлерстайн 1998. P. 216, 231.
[24] Frank 2000.
[25] Frank, Gills 1996. P. 3, 23; 1998. P. 1, 81; Gills, Frank 2002. P. 151. 178.

этот регион сохранял свою экономическую гегемонию вплоть до конца XVIII века. В «ПереОРИЕНТации»[26], которую Франк считал своей лучшей книгой, видна тенденция к отказу от привычного оксидентного взгляда на историю мира. Автор ограничивает хронологическую перспективу своего анализа периодом с 1400 по 1800 г. и стремится разработать глобальный подход к экономической истории данного периода. По его мнению, все явления мировой истории следует рассматривать в контексте единой мировой экономической системы, так как историческое событие является порождением не столько внутренних структур, сколько закономерностей развития глобальной мир-экономики.

Франк утверждает, что Европа не обладала ни одним из приписываемых ей конкурентных преимуществ (рациональность ее институтов, предприимчивость, гонка высоких технологий и пр.)[27]. Такой подход он объявляет расистским. Даже хищническая эксплуатация богатств Нового Света Европой в XVI–XVII вв. не подстегнула структурных изменений в европейской экономике. В реальности «Европа использовала деньги из своих американских колоний с целью насильственного приобщения к азиатскому производству, рынкам, торговле, т.е. для получения прибыли от взаимодействия с Азией, которая доминировала в мировой экономике»[28]. По мнению Франка, гегемония Запада стала ощутимой и бесспорной лишь в XIX в., а потому практика ее проекции в отдаленное прошлое, как это делают многие западные исследователи, является ошибочной. Франк убежден, что Китай эпохи династии Сун (XI–XII вв.), в экономическом плане был наиболее развитым регионом мира. Посему не удивительно, что Синский номос смог сохранить свою ведущую роль в мировой системе и в дальнейшем, в течение всего периода с XV по XVIII вв. С учетом того, что Китай был главным мировым производителем и мировым экспортером шелка и фарфора, нет ничего удивительного в том, что Европа и Япония находились в положении реципиентов по отношению к Срединной империи: они импортировали китайские товары, расплачиваясь за них серебром (Япония – из собственных приисков, Европа же использовала ресурсы, выкачиваемые из Нового света).

В этом же контексте должны восприниматься ускоренные темпы экономического развития Восточной Азии последних нескольких десятилетий. Хотя они и не вписываются в общепринятые тренды западноцентристского обществознания, однако должны восприниматься не как спонтанное изолированное развитие отдельного региона, а в контексте постоянных перемещений центров гегемонии и периферии в мировой системе. По мнению Франка, гегемония Китая в мир-экономике прервалась лишь на двести лет, чтобы возродиться в наши дни. Таким образом,

[26] Frank 1998.
[27] Weber 1993.
[28] Frank 1998. P. 4-5.

современный сдвиг гегемонии с Запада на Восток он рассматривает как возврат мир-системы к своим истокам.

Концепции Франка имеют много общего с идеями американского антрополога Эрика Вульфа, который сосредоточил свое внимание на вопросах власти, политики и колониализма. Самая известная его книга «Европа и народы без истории»[29], написанная в русле мир-системного анализа Валлерстайна и Франка, объясняет отставание Азии и Южной Америки ограблением европейскими завоевателями. Развенчивая стереотипы о застойности неевропейских культур, Вульф отмечает, что они не были «изолированными» или «застывшими во времени» и никогда не выпадали из контекста мирового исторического процесса [30]. С неомарксистских позиций Вульф объясняет механизмы, позволившие Западной Европе периода Великих географических открытий обогнать в экономическом развитии другие регионы мира и подчинить их своему влиянию. Особое внимание уделено тому, как автохтоны угнетались западным капитализмом через глобальные процессы, подобные работорговле или торговле пушниной.

Идеи Франка и Вульфа оказались созвучны взглядам женевского историка экономики Поля Бэйроха. В своем фундаментальном исследовании «Мифы и парадоксы экономической истории»[31] Бэйрох доказывает, что успех западной экономики в Новое время объясняется не либерализацией экономики и политической жизни большинства европейских стран, а политикой протекционизма и выкачивания ресурсов из Азии, Африки и Южной Америки. Либерализацию торговли европейцы навязывали другим странам для того, чтобы получить беспрепятственный доступ к рынкам третьего мира и паразитировать за их счет[32].

Франку и Бэйроху вторит другой теоретик мир-системного анализа Джованни Арриги, который еще не так давно пребывал на позициях евроцентризма. В работе «Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени», опираясь на исследования процессов на рынке труда, в образовании и экономическом развитии, Арриги рассуждает о причинах и последствиях неравенства в богатстве, о власти и о статусе наций, а в своей последней книге «Адам Смит в Пекине»[33], он рассматривает два главных фактора, предопределившие расстановку политических и экономических сил в начале нового тысячелетия. Один из них – появление и провал неоконсервативного проекта «За новый американский век», другой – выдвижение Китая в качестве лидера восточноазиатского экономического возрождения. В свете теории экономического развития Адама

---

[29] Wolf 1982.
[30] Wolf 1999.
[31] Bairoch 1995.
[32] Bairoch 1965, pp. 304–335; Bairoch, 1973; 1974; 1989.
[33] Арриги 2009.

Смита Арриги показывает, почему эпицентр мировой политической экономики перемещается из Северной Америки в Восточную Азию, и какова роль двух государств – США и Китая – как главных действующих лиц разворачивающегося преобразования мира.

Природе колониализма и ассиметричному развитию разных регионов мира было посвящено немало работ и в первые десятилетия XXI века. Так, в капитальном исследовании «Рождение современного мира, 1780–1914»[34], опубликованном в 2004 г. британским историком С.А. Бейли выявляются и соотносятся связи между отдаленными частями земного шара, подчеркивается рост сетей связи и трансформаций. В заключение автор описывает «великое ускорение» 1890–1914 годов, когда весь мир с головокружительной скоростью катился к катастрофе, на фоне крушения либеральных надежд и веры в гуманистические идеалы. По мнению Бейли, империалистический контроль над менее развитыми регионами укреплялся посредством аннексий и экономического доминирования; последствием этих процессов стало разделение мира на Север и Юг, сохраняющееся по сей день. Признавая безусловное экономическое превосходство Севера, Бейли, тем не менее, утверждает, что преимущества западных держав были «случайными, интерактивными и сравнительно недолговечными». «В истории этого периода, – пишет он, – наблюдается немало разнообразных и по видимости взаимно противоречащих явлений. Смиряясь с жестоким фактом западного доминирования, мы должны проследить взаимозависимость мировых событий. В то же время следует показать, что во многих частях мира это европейское доминирование носило лишь частичный и временный характер». Бейли придерживается признанного в традиционной историографии постулата о том, что главным фактором опережающего развития Запада стали внутренние экономические преобразования, прежде всего в Британии. Однако источником британского могущества он считает вовсе не промышленную революцию, поскольку, по его мнению, показатели реального индустриального роста в XVIII в. были еще весьма сомнительны. Темпы экономического роста были намного ниже, а технологические прорывы имели куда более ограниченный масштаб, чем считалось прежде, и, если можно говорить о настоящем промышленном рывке, то он произошел позже, во второй или третьей четверти XIX в., а потому для объяснения того, почему одним странам в XVIII в. повезло, а другим – нет, нужен другой механизм.

Практически всегда, глобальная история рассматривалась как движение в один конец – Запад выступал субъектом, Восток объектом. Наблюдаемый в современной историографии «глобальный поворот» основывается на иных концептуальных началах. Предполагается, что недостаточно продемонстрировать влияние западных держав на остальной мир. Необходимо рассматривать историю с точки зрения взаимо-

[34] Bayly 2004.

действия и взаимовлияния, показывать, как, в свою очередь, остальной мир воздействовал на Запад: какие идеи и практики заимствовались и передавались дальше по цепочке, в нескончаемом потоке присвоения, трансформации и сопротивления; как гнет сильных столкнулся с «орудием слабых». Иначе говоря, задача историка состоит не просто в развенчивании мифов об особой «цивилизаторской миссии» европейцев, от которых многие на Западе, по крайней мере формально, отказались. Современному исследователю необходимо услышать голос безмолвствующего большинства, голос «подчиненного», показать, как даже в относительно далеком прошлом, глобальные системы движения, обмена, эксплуатации и агрессии сформировали феномен, который однажды был воспринят историками как исключительно локальный. Характерно, что исследователи здесь применили образ «сети», применив к достаточно отдаленным историческим эпохам метафору управления, относящуюся преимущественно к цифровой эре.

Подобный подход, выдержанный в русле постколониального дискурса, и в наши дни вызывает неприятие и критику со стороны ведущих европейских историков[35]. Однако, несмотря на это, уже через несколько лет вышла в свет еще одна работа по всемирной истории XIX столетия, посвященная т.н. «переломному времени» (Sattelzeit)[36]. Эта объемная работа (1568 стр.), озаглавленная «Метаморфоза мира. История XIX века», написана немецким исследователем Юргеном Остерхаммелем[37].

Остерхаммель представляет панорамный обзор периода с 1760-х гг. до Первой мировой войны, анализирует эпоху с точки зрения всемирной истории. Наряду с Европой, здесь симметрично представлены остальные регионы мира. Он показывает неравномерное развитие экономики, военного дела и государственности, которое объясняет подъем Европы, США и Японии. Его интересуют глобальное развитие мобильности, односторонний процесс культурного трансфера из Европы на весь мир, напряже-

---

[35] Так британский историк В. Чиббер с раздражением пишет о том, что Бейли основой подъема Британии считает не зарождение капитализма, «туманное понятие “революции трудолюбия” не представляется подходящим для объяснения тех эпохальных сдвигов, которые происходили в то время» (Чиббер 2014. С. 249-250). При этом Чиббер забывает, что формирование капиталистических отношений в Европе началось на рубеже XIII–XIV вв. в североитальянских городах-государствах, Швейцарии и Нидерландах, однако, именно Британия, по образному выражению Чиббера, превратилась в «геополитический колосс, в течение всего XVIII и XIX вв. неустанно оказывавший мощное давление на соперников» (Чиббер 2014. С. 250).

[36] Термин был введён в научный оборот Райнхардом Козеллеком и применен им к переходу европейского мира в Новое время (между 1750 и 1850 гг.).

[37] Остерхаммель 2009. Этой книге предшествовала другая работа Остерхаммеля «Колониализм: теоретический обзор» (Osterhammel 2005), в которой колониализм определен как отношения между местным большинством и меньшинством иностранных захватчиков. Недавно, совместно с Акирой Ирийе Остерхаммель завершил издание шеститомной всемирной истории, которая вышла в свет одновременно на немецком и английском языках.

ние между правовым равенством и иерархией. Но главное внимание уделено освободительной роли, которую сыграл XIX век в мировой истории.

В 2009 г. Остерхаммель удостоился престижной в Германии премии имени Лейбница. В ФРГ его книга признана самым значительным исследованием на немецком языке по современной истории за последнее десятилетие. Но в то же время, как и книга Бейли, этот фундаментальный труд вызвал шквал критики со стороны собратьев по гильдии[38]. Это является дополнительным свидетельством того, что оксидентоцентристское мировидение за последние десятилетия, хотя и дало брешь, все еще не потеряло своей актуальности и сохраняет привлекательность для многих интеллектуалов, как на Западе, так и на Востоке.

Как ни странно, евроскептицизм и ориентоцентристские идеи Франка, Вульфа, Арриги и др. пока не нашли широкого круга сторонников среди азиатских ученых. Единственным крупным историком и макросоциологом данного направления считается известный китаевед, профессор Токийского университета Такеши Хамашита[39]. По его определению, Восточная Азия – самостоятельная мир-экономика, правда скорее в броделевском, нежели в франкианском формате. Центром этой мир-экономики, согласно Хамашите, был и остается Китай. Исследователь весьма оригинально описывает функционирование синской мир-системы в терминах даннической или данническо-торговой традиции[40].

Среди китайских исследователей на сегодняшний день, пожалуй, нет крупных фигур, специализирующихся в области сравнительной исторической социологии и анализа мировых систем. Исключение составляют так называемые китайские новые левые – политическое и экономическое движение, появившееся в Поднебесной в середине 1990-х гг. Свои теоретические выкладки лидеры этого движения строят на основе неоколониального макроэкономического подхода, который являет собой, прежде всего, леворадикальный ответ на неолиберальные реформы в КНР. Своё название это мировоззренческое направление получило по аналогии с новыми левыми движениями в остальном мире – из-за критики слева официальных структур (в данном случае КПК). При этом китайские новые левые во многом находятся под влиянием маоизма и даже троцкизма, ориентируясь на протестное рабочее движение.

---

[38] В рецензии «Что происходит, когда историки злоупотребляют идеей глобальной сети. Глобализация обыденности как проблема исторического знания» профессор Принстонского университета, автор «Первой Тотальной войны» Дэвид А. Белл, подвергает резкой критике представителей макросоциологического подхода за то что они, вслед за Бейли, злоупотребляют синтетическим методом и рассматривают историю стран и регионов в неразрывном единстве. Таким образом, история, еще в недавнем прошлом «первостепенных» и «второстепенных» стран оказывается на одной плоскости, и они обретают одинаковую значимость (Bell 2013).

[39] Gills, Frank 2002.

[40] См.: Frank 1998. P. 113.

Ключевыми фигурами этого движения стали китайские экономисты, получившие, что характерно, образование в США. Сказанное относится к Ли Миньци, одному из первых разработчиков мир-системного анализа в Китае[41]. Профессор Университета Юты, а также Массачусетского и Йоркского университетов, Ли перевел на китайский ряд книг западных левых авторов (включая революционера троцкиста Эрнеста Манделя). Другой китайский экономист Цуй Чжиюань в 1985 г. окончив инженерное отделение Национального университета оборонных технологий, был командирован на обучение в США. В 1995 г. он окончил Чикагский университет, а в 2004 г. вернулся в Китай, где стал профессором Университета Цинхуа и одной из ключевых фигур китайских новых левых. Однако исследования китайских экономистов носят, в большей степени политологический, нежели историософский или политэкономический характер, они не отличаются глубиной анализа и несравнимы с академическими штудиями западных историков и макросоциологов.

Крупных успехов в анализе мировых систем за последние два десятилетия достигла российская историография. В монографии «Восток и Запад во втором тысячелетии»[42] В.А. Мельянцев провел сравнительное исследование уровней, траекторий и факторов экономического развития Востока и Запада за последнее тысячелетие. Ретроспективный анализ Мельянцева опирается на широкий круг источников и исследований по методологии и практике социально-экономических измерений, сопоставлений, факторному анализу экономической динамики, современным проблемам экономического развития стран Востока и Запада, а также всемирной экономической истории. Автор старается разобраться в генезисе еще недавнего экономического преуспеяния западных стран и догоняющих их развивающихся восточноазиатских стран, прежде всего Китая.

Современные номотетические подходы к анализу исторической динамики, призванные описать весь мир в целом, характерны и для московского историка-востоковеда и экономиста А.В. Коротаева, который в своих исследованиях рассматривает различные аспекты эволюции Мир-Системы за последние десять тысяч лет, удачно сочетая два таких базовых понятия как “макроэволюция” и “Мир-Система”. Согласно Коротаеву, основные тенденции макроэволюции, такие как необратимость, ее особая направленность, вариативность и прочее, находят свое отражение, как в чертах системности, так и в трансформациях Мир-Системы. В свою очередь, свойства Мир-Системы, такие как сверхсложность, многоуровневость или предельность, существенно модифицируют сам ход социальной эволюции. Коротаев пытается осмыслить ход социальной эволюции, исторического процесса и их важнейших аспектов с помощью комплексного подхода, который только и может быть продуктивным для решения

[41] См.: Li 2009.
[42] Мельянцев 1996.

подобных крупномасштабных научных задач. Для этого в своих работах исследователь старается в разумной мере интегрировать разные социальные теории и методы, включая и опыт математического моделирования в социальных науках (особенно в экономике и демографии), а также привлечь достижения других наук, в частности биологии. Интересы автора распространяются от сравнения социальной и биологической макроэволюции – через анализ технологического, производственного, демографического, культурного и других аспектов развития Мир-Системы – до изучения генезиса и эволюции государства, а также конкретных проблем современной глобализации и Тропической Африки. Замечания Коротаева о функционировании социальных систем определенного типа можно понимать так, что система репродуцирует, пока осуществляются действия, с одной стороны, обусловленные самим существованием системы, с другой же – необходимые для поддержания этого существования. В качестве примера исследователь приводит милитаристскую Османскую империю, главным условием существования которой были война и аннексия территорий высокоразвитых и богатых стран. Как только завоевания прекратились, империя, не имеющая внутреннего ресурса для своего развития, вступила в полосу упадка. Те же отличительные закономерности, очевидно были характерны для Ассирийской державы, Древнего Рима, Монгольской империи и др. В отличие от Франка и многих других макросоциологов, центром зарождения первой Мир-Системы Коротаев считает не Китай, а Переднюю Азию[43]. Также, в отличие Франка, А.В. Коротаев и Е.С. Бондаренко[44] время возникновения Мир-Системы датируют девятым тысячелетием до Р.Х.[45], связывая ее с неолитической революцией.

Продолжая тему культурного измерения в макросоциологии, Е.С. Бондаренко акцентирует идею эволюционного поля, которая в ее работах пересекается с идеей информационного поля. Понятия «поле», «среда» или «сеть», в ее интерпретации обозначают состояние, а не процесс, эволюционное же поле, в отличие от процесса эволюции, представляет собой нелинейное образование, а не путь развития от простого к сложному с точки зрения вертикальной иерархии. Мощность информационного поля определяется не степенью интеллектуальной и технической развитости того или иного общества (носителя информации), вовлеченного в некий хронологический процесс эволюции, накопления и реализации знаний, а уровнем концентрации еще не полностью реализованной информации, проявляющейся, однако, через психический опыт, в первую очередь, через искусство и религиозность.

---

[43] Коротаев 2005. С. 90-92; 2007. С. 117-121.

[44] Бондаренко 2006, 2: 47–66.

[45] Для сравнения А.Г. Франк начало мир-системы относит к 3000 г. до н.э., Дж. Абу-Луход ведет ее отсчет от создания державы Чингисхана, а И. Валлерстайн – с XV–XVI вв.

Представителем неоэволюционистского подхода к истории является Л.Е. Гринин[46]. Эволюционизм имплицитно встроен в его теоретико-методологическую концепцию об историческом процессе. Гринин и Коротаев придерживаются так называемой четырехчленной схемы этого процесса, популярной среди сторонников теории модернизации. Активным приверженцем теории четырехчленного макроэволюционного процесса считается Ю.М. Кобищанов. В своих исследованиях Гринин и Коротаев используют солидную систему аргументации для обоснования авторской концепции социокультурной эволюции и выявлению крупномасштабных трендов динамики Мир-Системы с древнейших времен до наших дней. Большой интерес работы Гринина и Коротаева представляют, как новизной вводимого материала, так и важными выводами, а также с точки зрения корреляции между эволюцией политических систем и динамикой роста городов. Вместе с тем российские мир-системщики по-своему интерпретируют закономерности взаимовлияния ядра и периферии, раскрывая их на примере взаимодействия китайской цивилизации и степных кочевников Монголии.

Американский исследователь советского происхождения П.В. Турчин[47] в своих работах размышляет о методологии нового и перспективного междисциплинарного подхода – теоретической, или математической истории, о методах математического моделирования исторической динамики, о необходимости разрабатывать исследовательские подходы, которые учитывали бы эту сложность, оставаясь объективными, воспроизводимыми, надежными и эффективными. В логике этого подхода им строятся математические модели исторических процессов, и результаты моделирования сравниваются с данными, доступными исследователям. В основе подхода лежит теория самоорганизации – синергетика. Строя соответствующие математические модели, Турчин рассматривает территориальную динамику аграрных государств. По его мнению, рост или уменьшение территорий государств коренным образом зависят всего от нескольких ключевых факторов. С позиций предложенной теории рассмотрено историческое развитие России и Франции.

Новосибирский философ Н.С. Розов[48] также обращается к некоторым философским и методологическим аспектам применения математических методов в истории и обосновывает тезис о том, что математическое моделирование и математические методы наряду с логическими, графическими, компьютерными и разнообразными концептуальными средствами, являются не самоцелью, а лишь вспомогательным инструментом для главной познавательной стратегии – построения объяснительных (а в идеале также предсказательных) теорий относительно при-

[46] Гринин, Коротаев 2009; Гринин 2011.
[47] Turchin 2005; Турчин 2008.
[48] Розов и др. 2001.

чинных закономерностей исторической динамики. По мнению Розова, если закономерность можно раскрыть и представить на обычном языке и на структурном, качественном уровне, то математизация излишня[49]. При всем этом, в теоретическом анализе в некоторых ситуациях никак не обойтись без математики и чисел.

Анализ взглядов и аргументации перечисленных историков следует признать продуктивным и своевременным. Предлагаемые ими подходы нуждаются в осмыслении и самом серьезном отношении к ним. «Поиск современного взгляда на бесконечное разнообразие исторического опыта актуализирует сравнительно-исторические исследования и формирует новую стратегию компаративной истории, которая связана не с деконтектуализацией сходных явлений в рамках универсалистской, или же эволюционной (европоцентристской, по своей сути) парадигмы, а с преодолением европоцентризма, с пересмотром роли и наследия империй…»[50].

Задача, которую стараются решить критики евроцентризма, способствует, на наш взгляд, дальнейшим размышлениям. Кроме онтологического значения, упомянутые подходы имеют важное прикладное значение, показывая, как результаты теоретико-методологического анализа могут использоваться при выработке рекомендаций для разрешения конкретных практических вопросов. Изучение макроэволюционных процессов и новые методики, основанные на математическом моделировании и математическом прогнозировании, открывают новые перспективы для историков, пытающихся постичь непостижимое – а именно законы истории. Однако нельзя не учитывать мнения критиков постколониальной историографии и макросоциологии, игнорирующих некоторые механизмы, которые позволили Западу аккумулировать важные преимущества, определившие его гегемонию на протяжении последних трех столетий. Действительно существует опасность незаметного скатывания от евроскептицизма к востокоцентризму, что может привести к другим крайностям. Но как бы то ни было, современные макро-социологические концепции способствуют формированию более сбалансированного подхода к преодолению дебатов между сторонниками двух противоположных позиций – оксидентоцентризм versus ориентоцентризм. Истина (или проблема?), как всегда, посредине.

БИБЛИОГРАФИЯ

Арриги Дж. Адам Смит в Пекине. Что получил в наследство XXI век. Пер. с англ. Т.Б. Менская. М.: Институт общественного проектирования, 2009. – 456 с.

Бондаренко Д.М. Бенин (I тыс. до н.э. – XIX в. н.э. // Цивилизационные модели политогенеза / Ред.: Д.М. Бондаренко, А.В. Коротаев. М.: РАН, 2002. С. 101-148.

Бондаренко Д.М. Доколониальный Бенин при династии Оба: траектория сакрализации верховной власти // Сакрализация власти в истории цивилизаций. Ч. I. / Ред.: Д.М. Бондаренко. М.: ЦЦРИ РАН, 2005. С. 171-190.

[49] Розов 2009.

[50] Репина 2011. С. 232.

Бондаренко Е.С. Информационное поле неолита Ближнего Востока // История и современность. 2006. № 2. Р. 47–66.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. Т. 3. Время мира. М., 1992.

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001.

Валлерстайн И. Миро-системный анализ // Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций / Новосибирск, 1998. Вып. 1.

Гринин Л.Е. Истоки глобализации: мир-системный анализ // Век глобализации. 2011. Вып. № 1(7).

Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Социальная макроэволюция: Генезис и трансформации Мир-Системы. ЛИБРОКОМ/URSS, 2009. 568 с.

Коротаев А.В. Законы истории. Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография, экономика, культура. 2-е изд. М.: КомКнига/URSS, 2007.

Коротаев А.В. Макроэволюция в живой природе и обществе. М.: ЛКИ/URSS, 2008 (в соавторстве с А.В. Марковым и Л.Е. Гининым).

Коротаев А.В. Ближневосточный мир в мировой цивилизации (X–I тыс. до н. э.) // Исторические источники Евроазиатских и Северо-Африканских цивилизаций. М.: Институт востоковедения РАН, 2005.

Коротаев А.В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М.: Восточная литература, 2003. 283 с.

Кутуев П. Мировая система как предмет социологического анализа: новая исследовательская программа Андре Гундер Франка. // Социология: теория, методы, маркетинг. Киев: «Пресса», 2007. № 2.

Маргарян Е.Г. Приевфратская контактная зона. На стыке древних мир-систем // Историческое пространство. М.: Наука, 2012.

Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 306 с.

Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XX1 вв. Социальная теория и историческая практика. Москва: Кругъ, 2011. – 560 с.

Розов Н.С. и др. Разработка и апробация метода теоретической истории. Новосибирск: Наука, 2001 (Теоретическая история и макросоциология, 1).

Розов Н.С. Историческая макросоциология: становление, основные направления исследований и типы моделей // Общественные науки и современность. 2009. № 2. С. 151-161.

Розов Н.С. Теоретическая макросоциология и эмпирическая история: возможен ли продуктивный диалог? // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. 13. № 4. С. 86-91.

Саид Э. Восток путешественников и ученых: между словарной дефиницией и живой мыслью // Отечественные записки. № 5 (14) 2003.

Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб: «Русский Міръ», 1995.

Сокольникова Н.М., Крейн В.Н. История стилей в искусстве. М.: Гардарики, 2006.

Турчин П.В. Историческая динамика: На пути к теоретической истории. М.: УРСС, 2008. (Серия «Синергетика: от прошлого к будущему»).

Турчин П.В. Перспективы математической истории. Существует ли качественное различие между исторической и естественными науками? // История и Математика: Макроисторическая динамика общества и государства / Ред. П.В. Турчин, Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. М.: КомКнига/УРСС, 2007. С. 8–18.

Ферро М. Европоцентризм в истории: расцвет и упадок // Метаморфозы Европы. М.: Наука, 1993.

Чиббер В. Запад не причем? (Рецензия). Пер. с англ. Н.Эдельмана // The New Republic. № 371, 28. 04. 2014.

Bairoch P. European Foreign Trade in the XIX Century: The Development of the Value and Volume of Exports (Preliminary Results) // Journal of European Economic History, Vol. 2, no. 1, 1973.
Bairoch P. European Trade Policy 1815-1914 // Peter Mathias and Sidney Pollard (eds.), Cambridge Economic History of Europe, Vol. XIII. N.Y.: CUP, 1989.
Bairoch P. Geographical Structure and Trade Balance of European Foreign Trade from 1800 to 1970 // Journal of European Economic History, Vol. 3, no. 3, 1974.
Bairoch P. Mythes et paradoxes de l'Histoire economique. Paris: La Decouverte, 1995.
Bairoch P. Population urbaine et taille des villes en Europe de 1600 à 1970. // Revue d'histoire économique et sociale, 1965, Vol. 54, pp. 304–335.
Bayly C.A. The Birth of the Modern World, 1780–1914. Oxford: Basil Blackwell, 2004. 540 p.
Bell D.A. This Is What Happens When Historians Overuse the Idea of the Network. // New Republic. Oct. 25, 2013 / http:www.newrepublic.com/article/114709/world-connecting-reviewed-historians-overuse-network-metaphor
Bernal M. Black Athena: The Afroasiatic Roots of Classical Civilization. New Brunswick, 1987.
Bhabha H.K. Nation and Narration. Routledge, 1990. N.Y.: Routledge, 1990. 333 p.
Bhabha H.K. The Location of Culture. New York: Routledge,1994. 257 p.
Buruma I., Margali A. Occidentalism: The West in the Eyes of Its Enemies. Penguin Books Ltd., 2004.
Buruma I., Margali A. Occidentalism: A Short History of Anti-Westernism. Atlantic Books, 2005. 208 p.
Chakrabarty D. Provincializing Europe: Postcolonial thought and historical difference. Princeton University Press, 2007. 336 p.
Frank A.G. Crisis in the World Economy, New York: Holmes & Meier Publishers, 1980.
Frank A.G. Critique and Anti-Critique, New York: Praeger, 1984.
Frank A.G. Immanuel and Me With-Out Hyphen // Journal of World-Systems Research. . 2000. Vol. 6. No. 2.
Frank A.G. ReORIENT: Global Economy in the Asian Age. Berkeley, 1998.
Frank A.G. World System in Crisis // Contending Approaches to World System Analysis / Ed. by W.R. Thompson. Beverly Hills: Sage, 1983. P. 27-42.
Frank A.G., Gills B.K. The Five Thousand Year World System in Theory and Practice // World System History: The Social Science of Long-term Change / Ed. R.A. Denemark, J. Friedman, B.K. Gills, G. Modelski. L.; N.Y., 2000.
Frank A.G., Gills B.K. The Five Thousand Year World System: An Interdisciplinary Introduction // Humboldt Journal of Social Relations. 1992. Vol. 18.
Frank A.G., Gills B.K. The World System: Five Hundred Years or Five Thousand? L.: Routledge. 1996.
Gills B.K., Frank A.G. A Structural Theory of the Five Thousand Year World System // Structure, Culture and History: Recent Issues in Social Theory / Ed. by S.C. Chew, J.D. Knottnerus. Lanham, 2002.
Julian Ph. The Orientalists: European Painters of Eastern Scenes, Oxford: Phaidon, 1977.
Li M. The Rise of China and the Demise of the Capitalist World Economy. Monthly Review Press, 2009.
Nochlin L. The Imaginary Orient // Art in America, May 1983. P. 118-131, 187-191.
Osterhammel J. Colonialism: A Theoretical Overview. Princeton, 2005.
Osterhammel J. Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts. München: C.H. Beck Verlag, 2009. 1568 S.
Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. L.: Sage, 1992.
Spivak G. “Can the subaltern speak?” Marxism and the Interpretation of Culture // Ed. by C. Nelson and L. Grossberg. Urbana, IL: University of Illinois Press, 1988: 271-313.
Spivak G. Other Worlds: Essays in Cultural Politics. Foreword by Colin MacCabe. London: Methuen, 1987.

Takeshi H. The Future of Norteast Asia: Southeast Asia? // Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East. Ed. by St. Kotkin and D. Wolff. N.Y. 1995.

Turchin P. War and Peace and War: Life Cycles of Imperial Nations. New York: Pi Press, 2005.

Wallerstein I. The Modern World-System. Vol. 1: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. San Diego, 1974.

Weber Protestant Ethic: Origin, Evidence, Context / Ed. by H. Lehmann, G. Roth. Cambridge, 1993.

Wolf E.R. Envisioning Power. University of California Press, 1999.

Wolf E.R. Europe and the People without History. Berkeley: University of California Press, 1982. 536 p.

REFERENCES

Arrigi Dzh. Adam Smit v Pekine. Chto poluchil v nasledstvo XXI vek. Per. s angl. T.B. Menskaya. M.: Institut obshchestvennogo proektirovaniya, 2009. – 456 s.

Bondarenko D.M. Benin (I tys. do n.e. – XIX v. n.e. // Tsivilizatsionnye modeli politogeneza / Red.: D.M. Bondarenko, A.V. Korotaev. M.: RAN, 2002. S. 101-148.

Bondarenko D.M. Dokolonial'nyi Benin pri dinastii Oba: traektoriya sakralizatsii verkhovnoi vlasti // Sakralizatsiya vlasti v istorii tsivilizatsii. Ch. I. / Red.: D.M. Bondarenko. M.: TsTsRI RAN, 2005. S. 171-190.

Bondarenko E.S. Informatsionnoe pole neolita Blizhnego Vostoka // Istoriya i sovremennost'. 2006. № 2. R. 47–66.

Brodel' F. Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm XV-XVIII vv. T. 3. Vremya mira. M., 1992.

Vallerstain I. Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire. SPb.: Universitetskaya kniga, 2001.

Vallerstain I. Miro-sistemnyi analiz // Vremya mira. Al'manakh sovremennykh issledovanii po teoreticheskoi istorii, makrosotsiologii, geopolitike, anali-zu mirovykh sistem i tsivilizatsii / Novosibirsk, 1998. Vyp. 1.

Grinin L.E. Istoki globalizatsii: mir-sistemnyi analiz // Vek globalizatsii. 2011. Vyp. № 1(7).

Grinin L.E., Korotaev A.V. Sotsial'naya makroevolyutsiya: Genezis i transformatsii Mir-Sistemy. LIBROKOM/URSS, 2009. 568 s.

Korotaev A.V. Zakony istorii. Matematicheskoe modelirovanie razvitiya Mir-Sistemy. Demografiya, ekonomika, kul'tura. 2-e izd. M.: KomKniga/URSS, 2007.

Korotaev A.V. Makroevolyutsiya v zhivoi prirode i obshchestve. M.: LKI/URSS, 2008 (v soavtorstve s A.V. Markovym i L.E. Grininym).

Korotaev A.V. Blizhnevostochnyi mir v mirovoi tsivilizatsii (X–I tys. do n. e.) // Istoricheskie istochniki Evroaziatskikh i Severo-Afrikanskikh tsivilizatsii. M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2005.

Korotaev A.V. Sotsial'naya evolyutsiya: faktory, zakonomernosti, tendentsii. M.: Vostochnaya literatura, 2003. 283 s.

Kutuev P. Mirovaya sistema kak predmet sotsiologicheskogo analiza: novaya issledovatel'skaya programma Andre Gunder Franka. // Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing. Kiev: «Pressa», 2007. № 2.

Margaryan E.G. Prievfratskaya kontaktnaya zona. Na styke drevnikh mir-sistem // Istoricheskoe prostranstvo. M.: Nauka, 2012.

Mel'yantsev V.A. Vostok i Zapad vo vtorom tysyacheletii: ekonomika, istoriya i sovremennost'. Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta, 1996. – 306 s.

Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv. Sotsial'naya teoriya i istoricheskaya praktika. Moskva: Krug", 2011. – 560 s.

Rozov N.S. i dr. Razrabotka i aprobatsiya metoda teoreticheskoi istorii. Novosi-birsk: Nauka, 2001 (Teoreticheskaya istoriya i makrosotsiologiya, 1).

Rozov N.S. Istoricheskaya makrosotsiologiya: stanovlenie, osnovnye napravleniya issledovanii i tipy modelei // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2009. № 2. S. 151-161.
Rozov N.S. Teoreticheskaya makrosotsiologiya i empiricheskaya istoriya: vozmozhen li produktivnyi dialog? // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii. 2010. T. 13. № 4. S. 86-91.
Said E. Vostok puteshestvennikov i uchenykh: mezhdu slovarnoi definitsiei i zhivoi mysl'yu // Otechestvennye zapiski. № 5 (14) 2003.
Said E. Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka. SPb: «Rucckii Mir"», 1995.
Sokol'nikova N.M., Krein V.N. Istoriya stilei v iskusstve. M.: Gardariki, 2006.
Turchin P.V. Istoricheskaya dinamika: Na puti k teoreticheskoi istorii. M.: URSS, 2008. (Seriya «Sinergetika: ot proshlogo k budushchemu»).
Turchin P.V. Perspektivy matematicheskoi istorii. Sushchestvuet li kachestvennoe razlichie mezhdu istoricheskoi i estestvennymi naukami? // Istoriya i Matematika: Makroistoricheskaya dinamika obshchestva i gosudarstva / Red. P.V. Tur-chin, L.E. Grinin, A.V. Korotaev, S.Yu. Malkov. M.: KomKniga/URSS, 2007. C. 8–18.
Ferro M. Evropotsentrizm v istorii: rastsvet i upadok // Metamorfozy Evropy. M.: Nauka, 1993.
Chibber V. Zapad ne prichem? (Retsenziya). Per. s angl. N.Edel'mana // The New Republic. № 371, 28. 04. 2014.
Bairoch P. European Foreign Trade in the XIX Century: The Development of the Value and Volume of Exports (Preliminary Results) // Journal of European Economic History, Vol. 2, no. 1, 1973.
Bairoch P. European Trade Policy 1815-1914 // Peter Mathias and Sidney Pollard (eds.), Cambridge Economic History of Europe, Vol. XIII. N.Y.: CUP, 1989.
Bairoch P. Geographical Structure and Trade Balance of European Foreign Trade from 1800 to 1970 // Journal of European Economic History, Vol. 3, no. 3, 1974.
Bairoch P. Mythes et paradoxes de l'Histoire economique. Paris: La Decouverte, 1995.
Bairoch P. Population urbaine et taille des villes en Europe de 1600 à 1970. // Revue d'histoire économique et sociale, 1965, Vol. 54, pp. 304–335.
Bayly C.A. The Birth of the Modern World, 1780–1914. Oxford: Basil Blackwell, 2004. 540 p.
Bell D.A. This Is What Happens When Historians Overuse the Idea of the Network. // New Republic. Oct. 25, 2013 / http:www.newrepublic.com/article/114709/world-connecting-reviewed-historians-overuse-network-metaphor
Bernal M. Black Athena: The Afroasiatic Roots of Classical Civilization. New Brunswick, 1987.
Bhabha H.K. Nation and Narration. Routledge, 1990. N.Y.: Routledge, 1990. 333 p.
Bhabha H.K. The Location of Culture. New York: Routledge,1994. 257 p.
Buruma I., Margali A. Occidentalism: The West in the Eyes of Its Enemies. Penguin Books Ltd., 2004.
Buruma I., Margali A. Occidentalism: A Short History of Anti-Westernism. Atlantic Books, 2005. 208 r.
Chakrabarty D. Provincializing Europe: Postcolonial thought and historical difference. Princeton University Press, 2007. 336 p.
Frank A.G. Crisis in the World Economy, New York: Holmes & Meier Publishers, 1980.
Frank A.G. Critique and Anti-Critique, New York: Praeger, 1984.
Frank A.G. Immanuel and Me With-Out Hyphen // Journal of World-Systems Research. . 2000. Vol. 6. No. 2.
Frank A.G. ReORIENT: Global Economy in the Asian Age. Berkeley, 1998.
Frank A.G. World System in Crisis // Contending Approaches to World System Analysis / Ed. by W.R. Thompson. Beverly Hills: Sage, 1983. P. 27-42.

Frank A.G., Gills B.K. The Five Thousand Year World System in Theory and Practice // World System History: The Social Science of Long-term Change / Ed. R.A. Denemark, J. Friedman, B.K. Gills, G. Modelski. L.; N.Y., 2000.
Frank A.G., Gills B.K. The Five Thousand Year World System: An Interdisciplinary Introduction // Humboldt Journal of Social Relations. 1992. Vol. 18.
Frank A.G., Gills B.K. The World System: Five Hundred Years or Five Thousand? L.: Routledge. 1996.
Gills B.K., Frank A.G. A Structural Theory of the Five Thousand Year World System // Structure, Culture and History: Recent Issues in Social Theory / Ed. by S.C. Chew, J.D. Knottnerus. Lanham, 2002.
Julian Ph. The Orientalists: European Painters of Eastern Scenes, Oxford: Phaidon, 1977.
Li M. The Rise of China and the Demise of the Capitalist World Economy. Monthly Review Press, 2009.
Nochlin L. The Imaginary Orient // Art in America, May 1983. R. 118-131, 187-191.
Osterhammel J. Colonialism: A Theoretical Overview. Princeton, 2005.
Osterhammel J. Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts. München: C.H. Beck Verlag, 2009. 1568 S.
Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. L.: Sage, 1992.
Spivak G. “Can the subaltern speak?” Marxism and the Interpretation of Culture // Ed. by C. Nelson and L. Grossberg. Urbana, IL: University of Illinois Press, 1988: 271-313.
Spivak G. Other Worlds: Essays in Cultural Politics. Foreword by Colin MacCabe. London: Methuen, 1987.
Takeshi H. The Future of Norteast Asia: Southeast Asia? //Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East. Ed. by St.Kotkin and D.Wolff. N.Y. 1995.
Turchin P. War and Peace and War: Life Cycles of Imperial Nations. N.Y.: Pi Press, 2005.
Wallerstein I. The Modern World-System. Vol. 1: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. San Diego, 1974.
Weber Protestant Ethic: Origin, Evidence, Context / Ed. by H. Lehmann, G. Roth. Cambridge, 1993.
Wolf E.R. Envisioning Power. University of California Press, 1999.
Wolf E.R. Europe and the People without History. Berkeley: University of California Press, 1982. 536 p.

Modern nomothetic approaches in the analysis of the dynamics of world history: “reORIENTalization” or “orientalization” of modern historical consciousness

This paper examines the trend to replace of displacement occidentocentric concepts in by orientocentric ones in contemporary historiography; the chinacentric world-system approach by Gunder Frank occupies a prominent place among such theories.

Keywords: occidentocentrism, orientocentrism, reorient, the world-system, the world-economy, China, West Asia.

Margaryan Yervand, *Head of the Department of World History and Area Studies abroad of the Institute for Human Sciences RAU, Leading Researcher of Institute of History NAS RA; margar.erv@mail.ru*

Д. С. Моисеев

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ИТАЛЬЯНСКОГО ФАШИЗМА СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Работа посвящена рассмотрению современных подходов к интеллектуальной истории итальянского фашизма. Рассматривается эволюция исследований фашизма с 1960-х годов до нашего времени, обозначаются ключевые точки современных дискуссий о фашизме: истоки и основания фашистских теорий, мифологический базис фашизма, фашизм как политическая религия, фашизм как доктрина. В работе анализируются позиции ряда авторитетных современных исследователей данного вопроса, в том числе Эмилио Джентиле, Роджера Итвелла, Энтони Джеймса Грегора, Роджера Гриффина, Стенли Пейна.

Ключевые слова*: *фашизм, политическая философия, интеллектуальная история, тоталитаризм, радикализм, политические религии, доктрина фашизма.

История политической мысли XX века дала множество различных концепций, пытающихся объяснить фашизм, но как политический феномен, обладающий собственным идеологическим содержанием, фашизм изучается только с 1960-х гг. Авторами первых теоретических исследований фашизма были итальянские и немецкие историки. В дальнейшем подобные исследования активно развивались в Великобритании и США в результате чего был сформирован корпус исследовательских текстов[1].

Задача статьи – определить возможности и пределы интеллектуальной истории для выявления и объяснения истоков и ключевых аспектов фашистской доктрины, а также соответствующей ей политической онтологии. Решение данной задачи приблизит нас к пониманию фундаментальных оснований политического радикализма правого толка, в том числе и его современных вариаций.

В политической философии и интеллектуальной истории XX века можно выделить несколько теорий, исследовавших фашизм: марксистская политическая философия, либеральная теория тоталитаризма, консервативный подход. Принципиально различные ракурсы анализа фа-

[1] Обращаясь к положению дел в российской науке, нельзя не признать, что итальянский фашизм является малоизученной темой. В советское время данная тематика разрабатывалась в русле марксистской критики фашизма (работы Б.Р. Лопухова). В современный период, за исключением исторических работ Л.С. Белоусова («Муссолини: диктатура и демагогия»; «Режим Муссолини и массы»), переводов и монографий А.Л. Зорина об итальянском неоидеализме (в том числе, о философии Д. Джентиле), работы М.М. Ильинского «Жизнь и смерть Бенито Муссолини» и некоторых переводов оригинальных («Доктрина фашизма» Б. Муссолини; «Моя биография» Б. Муссолини) и вторичных текстов («Муссолини» Д.М. Смита; «Дуче! Взлет и падение Бенито Муссолини» Р. Колье), в нашей стране об итальянском фашизме не писали. При этом, как следует из отмеченного выше, подавляющее большинство текстов построено вокруг фигуры Муссолини.

шистского феномена, предложенные перечисленными теориями, объясняются их сущностно различной политической онтологией.

Марксистская реакция на фашизм последовала практически сразу после прихода последнего к власти в Италии – в ноябре 1922 года. На IV конгрессе Коммунистического интернационала фашизм был охарактеризован как «орудие в руках крупных землевладельцев»[2]. Один из лидеров итальянской компартии Амадео Бордига отмечал, что проблема не только в том, что фашистское движение является контрреволюционной террористической организацией, но и в том, что фашизм – опасная социальная демагогия, стремительно завоевывающая поддержку широких масс. Для коммунистов фашизм является выразителем интересов консервативной буржуазии, и укрепление фашистов у власти в Италии – не революция, но лишь следствие того, что капиталисты «изменили модель управления государством»[3]. Фашизм, таким образом, с точки зрения коммунистов – империалистическое реакционное движение, враждебное социализму, демократии и гуманизму, буржуазная диктатура, подавляющая революционные настроения трудящихся; инструмент монополистического капитала, направленный против рабочего класса[4].

Либеральные теоретики действуют в радикально иной системе координат. Классический либерал Фридрих фон Хайек в своей знаменитой книге «Дорога к рабству» (1944) поставил знак равенства между итальянским фашизмом, немецким национал–социализмом и советским сталинизмом. Ханна Арендт в «Истоках тоталитаризма» (1951), как и Хайек, отмечает сущностную тождественность коммунистического и фашистского тоталитаризма, укоренных в массовом обществе и установившихся в результате экономических и политических кризисных явлений в Европе. К схожим выводам приходят Збигнев Бжезинский и Карл Фридрих в «Тоталитарной диктатуре и автократии» (1956)[5]. Согласно либеральным теоретикам, фашизм представляет собой разновидность тоталитаризма, в котором ключевую роль играют националистическая государственная идеология, репрессивная внутренняя политика, социалистический уклад экономики. Для классических либералов фашизм является отрицанием Просвещения (позднее этот тезис будет поставлен под сомнение) и одной из главных ошибок человечества в XX в.[6]

---

[2] *Camett* 1967. P. 150.

[3] *Degras* 1956, Vol 1. P. 137.

[4] См. *Димитров* 1975; *Adamson* 1980; *Wistrich* 1976.

[5] Мнение об отсутствии сущностных различий между коммунизмом и фашизмом характерно не для всех либералов, а скорее для тех, кто представляет «правый», классический либерализм. Доказательством этого является т.н. «спор историков» 1986–1987 гг., в ходе которого левый либерал Ю. Хабермас жестко критиковал Э. Нольте за сравнение коммунизма и фашизма, обвиняя его в апологетике последнего и «деморализации» прошлого.

[6] См. *Hayek* 2001; *Arendt* 1973; *Brzezinski, Friedrich* 1956.

Отдельного упоминания заслуживают теории фашизма, которые условно можно назвать консервативными. Эрик Фёгелин доказывал, что лингвистическая вульгарность и использование языческих символов свидетельствуют о том, что подлинная сущность фашизма – преступное варварство. По Ивану Солоневичу, социальная революция устраивается «биологическими подонками человечества», сея хаос и разрушения. Террор, организованный фашистскими и коммунистическими режимами, имеет физический, экономический и духовный характер. Для консерваторов фашизм – примитивное явление, вынесенное массами на авансцену мировой истории. Его язык и нравы вульгарны, варварские методы жестоки, у него нет глубокого внутреннего содержания. Консервативный подход оценивает фашизм в соответствии с собственной внутренней логикой – элитаристской, иерархической, анти-эгалитарной[7].

Все три вида описывающих фашизм теорий, представляют в той или иной мере идеологизированный ракурс анализа феномена, что во многом обусловлено аспектом персонального вовлечения в исследуемый предмет – перечисленные мыслители и политические деятели были, в большинстве своём, современниками фашизма; для многих из них политическая и интеллектуальная деятельность, оппозиционная фашизму, закончилась трагически. Бордига неодократно арестовывался и был отправлен в ссылку, Антонио Грамши был осужден и скончался в тюрьме; Арендт и Фёгелин были вынуждены эмигрировать. Многие из перечисленных преследовали не только научные, но и политические задачи, от чего не могла не пострадать объективность исследования.

Что касается исторических штудий, то, как отмечает Э. Джентиле, «до начала 1960-х гг. даже итальянские историки практически не проявляли интереса к исследованию фашизма. Книги по данной теме, появлявшиеся после 1945 года, были написаны либо фашистами, либо антифашистами, и представляли собой прямолинейный нарратив. Какие-либо серьёзные попытки поместить фашизм в исторический контекст не имели влияния»[8]. Только в 1960-е гг. начал формироваться подход, который можно отнести к направлению интеллектуальной истории. В исследованиях итальянских, американских и британских ученых предлагаются новые ракурсы исследования феномена: фашизм оценивается как одно из следствий европейской политической истории и культуры, исследуется собственное политико-философское содержание фашизма, фашизм рассматривается как самостоятельное политическое явление, заслуживающее непредвзятого исторического исследования.

Для исследований в русле интеллектуальной истории идеологические аспекты фашизма, тесно связанные с историческим и духовным контекстом эпохи, стали ключом к пониманию всего феномена, а также

---

[7] См. *Voegelin* 1999; *Porter* 2002; *Солоневич* 1995.

[8] *Gentile* 1986. P. 180.

институциональных особенностей, духовного климата и интеллектуальной атмосферы, царившей в фашистских государствах. В Италии вопрос о глубоком изучении фашизма был поднят историками Ренцо де Феличе и Нино Валери. В 1967 г. была опубликована работа Роберто Виварелли «Послевоенное время в Италии и становление фашизма», в которой рассматривались, в том числе, психологические аспекты ситуации, сложившейся в стране после Первой мировой войны. В Германии вышла книга Эрнста Нольте «Фашизм в его эпохе» (1963), в которой была предложена концепция фашизма как радикальной формы сопротивления марксизму, буржуазным ценностям и духу модерна.

При анализе комплекса современных теорий, объясняющих фашизм, можно отметить несколько наиболее популярных точек дискуссии: истоки и основания фашистских теорий, мифологический базис фашизма, фашизм как политическая религия, фашизм как доктрина.

Британский профессор политических наук Роджер Итвеллом в одной из своих наиболее известных работ «Фашизм: история» (1995), которая переиздавалась несколько раз, указывает на то, что правым радикалам XX века удавалось привлечь под свои знамёна таких влиятельных философов, как Мартин Хайдеггер и Джованни Джентиле, и потому отношение, в частности, к итальянскому фашизму как к чему-то иррациональному и идеологически бессодержательному ошибочно. Итвелл считает, что без наличия идеологии, которая вдохновляет и придаёт форму политическому действию, добиться практического успеха в realpolitik невозможно. Каковы же, согласно британскому учёному, основные истоки фашистской идеологии и философии, которая её вдохновляла?

В анализе истоков фашизма Итвелл не оригинален, и его позиция схожа с объяснительной моделью, выдвинутой либеральными теориями тоталитаризма. Фашизм, по его мнению, вырос из противостояния идеям 1789 года, философии Просвещения со свойственным ей индивидуализмом, моделью конституционного государства и экономической доктриной laissez-faire. Таким образом, «фашизм являлся отрицанием Просвещения, частью контрреволюции, отрицающей основополагающие принципы современности»[9]. Итвелл выводит корни философии, оказавшей влияние на развитие фашизма, из немецкого романтизма – в частности, из работ Гёте и Фридриха Шеллинга, в которых историческое и национальное воспевалось в противовес вневременному и универсальному. Он также проводит линию преемственности между философией Гегеля и фашистской мыслью – в той части, что касается гегелевского образа государства и отрицания абстрактного рационализма.

Второй исток фашизма по Итвеллу – национализм XIX века. Итвелл отмечает влияние на становление фашизма в Европе французского журналиста и писателя Мориса Барреса, создавшего понятие «укорене-

[9] *Eatwell* 1997. P. 5.

ния» (*enracinement*). Баррес писал о «мистическом общественном союзе между живущими и умершими»[10]. Национализм Барреса был консервативным и антимодернистским, крайне критичным к индивидуалистическому материализму. В частности, именно ему принадлежит фраза «Француз рождается человеком, а умирает бакалейщиком»[11].

Третьим истоком фашистских концепций, Итвелл провозглашает теории расизма. Он видит «заслугу» мыслителей-расистов XIX века в развитии фашистских теорий. Француз Жозеф Артур де Гобино, разделив человечество на кавказскую, монгольскую и негроидную расы в своей работе «Эссе о неравенстве человеческих рас» (1853–1855), выступил с утверждением, что именно расовые конфликты являются истинным двигателем истории. Британец Хьюстон Стюарт Чемберлен в книге «Основания XIX века» (1899) объединил европейские народы в «арийскую расу», выступив с аргументами в пользу превосходства «нордических» и «тевтонских» народов. По мнению Итвелла, дополнительное развитие расизму XIX века придал дарвинизм, понимаемый политически. В частности, одна из популярных политических трактовок работ Дарвина сводилась к тому, что государство должно взять на себя функцию обеспечения выживания расы. Такой этатистский расизм в дальнейшем привёл к развитию евгеники.

Наконец, элитистские теории. Данное направление в общественных науках утверждает неизбежность руководящей роли меньшинства («политического класса») над большинством. В первую очередь, Итвелл пишет о социологах Роберте Михельсе и Вильфредо Парето. Британский историк отмечает отдельно частный случай итальянского фашизма, на который меритократия элитистов оказала наибольшее влияние. В этой связи он также отмечает влияние Фридриха Ницше и Жоржа Сореля, выделяя в философии Ницше аспект противостояния декадансу, а в теории Сореля – концепцию мифа как мобилизующей силы и утверждение о том, что социализм не обязательно означает ликвидацию института частной собственности, что, в свою очередь, даёт почву для различного синтеза «левых» и «правых» экономических моделей.

Иную позицию в отношении истоков фашизма выражает американский историк Стенли Пейн из Висконсинского университета в Мадисоне. Он заявляет, что фашистские идеи являются продуктом идеалов Просвещения, «идей 1789 года». По Пейну, фашизм «выводится из современных, секулярных аспектов Просвещения, прометеевских концепций XVIII века»[12]. Разница в том, что вместо материализма, идеализма и эгалитаризма фашизмом предлагаются витализм, идеализм и метафизика воли, которые также являются продуктами преимущественно XVIII века.

---

[10] Ibid. P. 7.
[11] Цит. по: Ibid. P. 7.
[12] *Payne* 1996. P. 8.

Американский историк Дэвид Робертс в книге «Синдикалистская традиция и итальянский фашизм» (1979) демонстрирует логику интеллектуальной эволюции итальянского революционного синдикализма, прослеживая очевидное влияние последнего на фашистскую доктрину. Робертс показывает, что синдикалисты сыграли определенную роль как в процессе прихода фашистов к власти (влияние «Хартии Карнаро», соавтором которой был А.Де Амбрис, на становление фашистского корпоративизма), так и в процессе эволюции концептуальных основ фашизма, участвуя в ключевых спорах об экономике и государстве в эпоху ventennio (к примеру, спор между С. Панунцио и К. Костаманья о сути государства и роли фашизма)[13]. Данная работа оригинальна тем, что демонстрирует «левые», социалистические корни фашизма.

Отдельная дискуссия касается вопроса о мифологических основаниях фашизма. Наиболее авторитетным исследователем, представляющим данный подход, является Роджер Гриффин, британский доктор философии и профессор департамента истории факультета гуманитарных наук Университета Оксфорд Брукс. Гриффин – один из наиболее активных авторов научного журнала «Тоталитарные движения и политические религии» (“Totalitarian Movements and Political Religions”), основанного Робертом Малеттом в 2000 г., на страницах которого активно обсуждаются современные подходы к исследованию фашизма.

Особенность подхода Гриффина в том, что он видит единый базис фашистских теорий не в идеологической, а в мифологической плоскости, то есть не на рациональном уровне высказанных идей и оспариваемых аргументов, а на структурном уровне мифа, зависимого от национальных, культурных, исторических особенностей. Гриффин утверждает: «Сам термин «миф» здесь привлекает внимание не к утопизму, иррационализму или явному безумию попыток объяснить современную реальность, но к его способности освободить сильные аффективные энергии посредством восстанавливающей силы видения реальности, содержащейся в них, для тех, кто восприимчив к этому»[14]. Ядром подобного мифа, как правило, выступает кризис нации и стремление к новому порядку. Нация должна воскреснуть из небытия, в котором оказалась вследствие культурного и духовного кризиса. У каждого праворадикального движения были свои громкие лозунги, выражающие эту идею: в Румынии (К. Кодряну) – “*omul nou*” («новый человек»), в Германии (А. Гитлер) – “*Deutschland erwache!*”, в Великобритании (О. Мосли) – *“Greater Britain”*. Нация в подобном мифе воспринимается как высшая реальность, имеющая трансцендентный характер – это единый организм, обладающий коллективным сознанием. Все представители определённой культуры или этноса являются его составными частями, объединёнными

[13] См. *Roberts* 1979.
[14] *Griffin* 2009. P. 3.

общей судьбой. Нация вправе потребовать от своего представителя самопожертвования во имя величия и славы общего организма. Современный мир представляется материалистичным и эгоистичным; этому противопоставляется идеал единой духовной национальной общности, получаемой путём «алхимического превращения»[15] пессимизма и отчаяния в оптимизм и «чувство цели».

Согласно Эмилио Джентиле (профессор Римского университета Ла Сапиенца), ключевым для объяснения фашизма является понятие «политическая религия», которое он определяет следующим образом: «Тип религии, который переводит идеологию, движение или политический режим в сферу сакрального путём деификации секулярной сущности, преобразованной в миф, считает её первичным и неоспоримым источником смысла, определяющим цель человеческого существования»[16]. Саму по себе идею о «секулярных религиях» нельзя назвать методологической инновацией Джентиле. Так, протестантский теолог Адольф Келлер ещё в 1936 г. писал о том, что большевизм преобразовал научную систему марксизма в «секулярную религию», Эрик Фёгелин в 1938 г. достаточно подробно изложил собственную теорию о политических религиях, Раймон Арон в 1944 г. писал о политических доктринах, обещающих «спасение в этой жизни». Тем не менее, Э. Джентиле внёс значительный вклад в развитие данной теории, актуализировав её в исследовании «Политика как религия» (2001), в котором он обращается не только к тоталитарным режимам XX века, но и к современному американскому опыту. Частный случай итальянского фашизма он рассматривает в статье «Фашизм как политическая религия» (1990). Джентиле ссылается на прямую речь идеологов фашизма: «В 1932 г. Муссолини заявил, что фашистское государство в отличие от Робеспьера не создало своего Бога, но признало «Бога аскетов, святых и героев, как и Бога, которого видит и почитает простое и искреннее сердце народа»[17]; «В 1920 г. Маринетти писал: «Сегодня человечество нуждается в новой религии, способной синтезировать и организовать все маленькие, глубоко личные религии, все суеверия и тайные общества»[18]; «В 1922 г. Серджио Панунцио, революционный синдикалист, ставший идеологом фашизма, высказал схожую мысль: «Существует отчаянная потребность в религии, вне всяких сомнений имеет место большое религиозное чувство... однако религии нет»[19]. В конечном итоге, Джентиле приходит к тому, что весь символический мир итальянского фашизма как институционализированной идеологии сводился к социализации собственного «сакрального космо-

[15] Ibid. P.3.
[16] *Gentile* 2005. P. 34.
[17] *Gentile* 1990. P. 229.
[18] Ibid. P. 233.
[19] Ibid. P. 233.

са», навязывание массам «религиозного чувства государства» в противовес уже существующей традиционной религии.

В дискуссии о фашизме как политической религии активно участвовал Стенли Пейн. Согласно его позиции, одной из фундаментальных черт фашистских доктрин является стремление к созданию светской религии, объединяющей как элиту, так и её последователей. В качестве подобной религии выступает, как правило, сама доктрина фашистского движения, содержащая определённый набор мифов. Подобный подход отводит настоящим религиям роли второго плана в фашистском государстве.

Последняя работа Энтони Джеймса Грегора (Калифорнийский университета в Беркли) «Тоталитаризм и политическая религия. Интеллектуальная история» (2012), также посвящена дискуссии на данную тему. Автор считает религиозными особенностями радикальных движений XX века сакральное восприятие определённого политического текста, харизматические лидерство вождя, обещание спасения через беспрекословное подчинение, стремление к самопожертвованию. Он выводит интеллектуальную историю радикализма из творчества Людвига Фейербаха, Карла Маркса, Джузеппе Мадзини и Рихарда Вагнера. По Джеймсу Грегору, и итальянский фашизм, и немецкий национал-социализм, и сталинизм обладали чертами политической религии.

Джеймс Грегор является одним из главных действующих лиц и в современных дискуссиях о доктринальных основаниях фашизма. Он отверг ранние интерпретации фашизма как идеологически пустого, иррационального движения, лишённого интеллектуального содержания, и выступил против рассмотрения итальянского фашизма в связке с немецким национал-социализмом, поскольку, по его мнению, между двумя революционными режимами очевидны значительные идеологические различия. Результаты четырёх десятилетий исследований идеологических основ итальянского фашизма американский учёный изложил в книге «Интеллектуалы Муссолини: фашистская общественная и политическая мысль» (2005). В результирующей части автор пишет: «Фашизм, как и любая другая революционная идеология XX века, стремился опереться на моральные и эмпирические разумные основания в целях легитимации собственного господства»[20]. Он находит подобные основания в идеалистической философии Джузеппе Мадзини, итальянском национализме Энрико Коррадини, теории этического государства Джованни Джентиле, национальной политической экономии Альфредо Рокко. Теоретический подход Джеймса Грегора укоренил фашистские идеологии в европейской истории и политической культуре.

Стенли Пейн выделяет как доктринально ключевую для всех фашистских идеологий идею о преодолении упадка, декадентских настроений. Следствием этого является стремление создать революционную

[20] *James Gregor* 2005. P. 255.

культуру, элита которой сможет занять место старых элит – как консервативных, так и либеральных. Это также является реакцией на современность. Таким образом, Пейн делает вывод, что фашистские доктрины не обладают содержанием, выходящим за пределы XVIII века.

С точки зрения организации народного хозяйства, у всех фашистских режимов было общее убеждение в главенстве государства над экономикой. При этом «подчинённая» экономика европейских фашистских государств оставляла в силе право частной собственности, а также допускала проявление экономической инициативы и конкуренции. Итальянский фашизм был нацелен на создание корпоративного государства, в чём была его оригинальность, но он, в данном аспекте, скорее исключение из общего ряда. Общими были устремления к экономической модернизации, к устранению автономии крупного капитала, к созданию новых производственных отношений, фундаментом которых являлись установленные режимом приоритеты и государственный контроль.

Пейн также развенчивает ряд идеологических мифов о фашистских режимах – в частности, то, что, якобы, они все были империалистическими и расистскими. И то, и другое относится преимущественно к немецкому национал-социализму, который в данном случае является скорее исключением из правила. Фашистский национализм как правило носил оборонительный характер, представлял собой следствие специфического инстинкта защиты национальной самости. Империализм, безусловно, был свойственен итальянскому фашизму и немецкому национал-социализму, но у других режимов подобного толка не было ярко выраженных устремлений к завоеванию новых земель.

Наконец, уникальным свойством фашистских доктрин было искусное совмещение элитистских и популистских элементов. Фашизм обращался ко всей нации, пытался найти народным массам место в новом обществе и новой мифологии, и в то же время отводил особую роль элите.

Гриффин выстроил типологию характерных особенностей фашизма. По его мнению, у фашизма есть десять ключевых черт, имеющих как доктринально-философский, так и идеологический характер: антилиберальность фашизма, его антиконсервативность, опора на харизматическую власть, антирациональность, социалистические элементы, тоталитарность, гетерогенность социальной поддержки фашизма, расизм, интернационализм (антикоммунистический универсализм), эклектичность (многообразие социальных и философских подходов в рамках одного режима). Принципиальным моментом является то, что каждая из перечисленных особенностей оказывает значительное влияние на практическую деятельность фашистских движений.

Комплексное видение развития идеологической платформы фашизма представлено в работе итальянских учёных Марко Пираино и Стефано Фиорито «Фашистская идентичность. Политический проект и

доктрина фашизма» (2008). Во-первых, фашизм – это современное тоталитарное политическое движение, альтернативное как либерализму, так и марксизму-ленинизму. Его оригинальная и ясно выраженная доктрина предлагала революционный социально-экономический идеальный проект, в ходе реализации которого необходимо было поддерживать революционное сознание масс. Во-вторых, новая доктрина не вписывалась в классические идеологические рамки «левого» или «правого», поскольку предлагала строго унитарную модель государства и нации. Согласно фашистской модели (в понимании Пираино и Фиорито), осознавшая себя нация должна самоидентифицироваться с корпоративным государством. Государство рассматривалось как принцип, имманентный каждому гражданину. В-третьих, идеологическая суть доктрины базируется на этико-идеалистической эволюции социалистической и националистической мысли; она противоположна либерализму и марксизму. Основой доктрины является этическое тоталитарное государство, источник духовного и политического империализма.

Согласно Пираино и Фиорито, фашистский империализм глубоко укоренён в европейской и итальянской культуре и философии. Концепция данных авторов значительно отличается от «классических» подходов к пониманию фашизма, которые, по их мнению, в большой мере обусловлены идеологическими факторами. Три аспекта, отмеченные выше, расширяют понимание фашистской доктрины с учётом её социального и революционного значения, а также её глубинных этических мотивов. Более того, авторам удалось показать, что «различные группы и политические движения современных правых (как радикальных, так и умеренных) не могут быть идеологически связаны с историческим фашизмом, несмотря на утверждения об этом»[21]. Более того, по Пираино и Фиорито, фашизм Муссолини не имеет аналогов в современный либерально-демократической политической культуре, принципиальное значение для которой имеют парламентаризм и многопартийность.

Исследования в русле интеллектуальной истории, развиваемые итальянскими, американскими и британскими учеными на протяжении последних 50 лет, привели к появлению корпуса этически нейтральных, научных, не идеологизированных текстов, позволяющих проследить внутреннюю логику эволюции доктрины итальянского фашизма, определить истоки и основания фашистских теорий, распознать мифологический базис фашизма, определить его основные идеи.

Р. Гриффин, С. Пейн, Р. Итвелл создали определенную типологию фашизма, Э. Джентиле, Д. Робертс и Э. Джеймс Грегор предложили оригинальное видение данной проблематики. Корпус научных текстов, опубликованный на итальянском и английском языках за последние 25 лет,

---

[21] *Piraino, Fiorito* 2013. P. 218.

позволяет рассматривать идеологическое содержание фашизма без каких-либо моральных предубеждений, с научной точки зрения.

Подводя итоги, необходимо обратиться к тому, что есть интеллектуальная история и её метод. «Интеллектуальная история – необычная дисциплина, эклектичная как в плане метода, так и в плане предмета исследования»[22]. По определению Р. Арона, интеллектуалы – это «те, кто преобразует мнения или интересы в теории; по определению, им недостаточно просто жить, они хотят ещё и осмыслять своё существование»[23]. Интеллектуальная история во многих аспектах пересекается с рядом дисциплин: историей философии, историей политической мысли, историей культуры, социологией. Она зачастую использует подробную реконструкцию философских аргументов и в этом аспекте практически неотличима от истории философии. Более того, она стремится рассматривать идеи как производные истории, понимаемые в максимально широком контексте, будь то контекст институциональных изменений, социального противоборства или интеллектуальной биографии. Однако, в ситуации с итальянским фашизмом, можно утверждать, что для его понимания методов интеллектуальной истории недостаточно.

В первую очередь, необходимо отметить фрагментарность историко-философских экскурсов, предпринятых интеллектуальными историками. Линия рассуждения в подавляющем большинстве опубликованных работ не идет дальше первого десятилетия XX века, охватывая, в лучшем случае, предвоенный период (в качестве исключения можно назвать тексты Джеймса Грегора и нескольких современных итальянских авторов, приступивших к анализу философских основ фашистской идеологии, в первую очередь, на основании трудов Джованни Джентиле). Если внимательно обратиться к первоисточникам («Доктрина фашизма» Б. Муссолини, «Фашизм как интеллектуальная революция» Д. Боттаи, «Политическая доктрина фашизма» А. Рокко, многочисленные работы Д. Джентиле), то можно обнаружить гораздо более глубокий интеллектуально-философский фундамент, на который ссылались сами фашистские идеологи – философы Возрождения, мыслители Рисорджименто (в первую очередь, Д. Мадзини, А. Ориани, В. Джоберти, А. Росмини Сербати), немецкая классическая философия (преимущественно работы Г. Гегеля). Как правило, недостаточно внимания уделяется идущей от Ж. Сореля традиции революционного синдикализма и её итальянской интерпретации (упор на этом делает только Д. Робертс).

Во-вторых, центральной фигурой интеллектуальной истории фашизма и соавтором «Доктрины фашизма» является Дж. Джентиле, академический философ, отмечавший, что, философствуя, мы всегда делаем выбор, основанный на некоторых критериях, которые, в свою очередь,

---

[22] *Gordon* . What is intellectual history?

[23] *Арон* 2005. С. 186.

также являются философскими категориями. Можно утверждать, что в данном случае получается порочный круг, но Джентиле, ссылаясь на Росмини, предпочитает называть его прочным (circoli solidi): «Нет философии, которая не была бы основана на истории философии, и нет истории философии, которая не опирается на философию, поскольку философия и её история вместе являются единым процессом сознания»[24]. Аргументы Джентиле, понимание которых необходимо для выявления политической онтологии фашизма, понятны только при должной глубине историко-философского погружения в его интеллектуальное наследие. К сожалению, данная исследовательская перспектива практически не представлена в современной интеллектуальной истории фашизма.

В-третьих, историко-философское исследование может позволить создать более глубокий базис для интерпретации таких нефилософских, но крайне важных для рассматриваемого предмета текстов, как «Политическая доктрина фашизма» Альфредо Рокко. Автор был юристом, а не философом. Вместе с тем, в его тексте имеется множество отсылок к Данте, Макиавелли, Вико и Мадзини, которые позволяют обнаружить укорененность фашистского философствования в итальянской интеллектуальной традиции, что, несомненно, заслуживает внимательного изучения с историко-философской точки зрения.

Ввиду сказанного выше, представляется целесообразным продолжить работу по изучению идеологических основ фашистского режима, обратившись к историко-философскому ракурсу исследования, что может способствовать как более глубокому осознанию наследия XX века, так и пониманию корней политического радикализма нашего времени.

БИБЛИОГРАФИЯ

Adamson W.L. Gramsci's Interpretation of Fascism // Journal of the History of Ideas. 1980. Vol. 41. No. 4. P. 615-633.

Арон Р. Опиум интеллектуалов // М: Логос 6 (51), 2005.

Arendt H. The Origins of Totalitarianism. Harcourt, 1973.

Brzezinski Z.K., Friedrich C.J. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Harvard Un-ty Press, 1956.

Camett J.M. Communist Theories of Fascism, 1920-1935 // Science & Society. 1967. Vol. 31. No. 2. P. 149-163.

Gordon P.E. What is intellectual history? A frankly partisan introduction to a frequently misunderstood field // Sydney Intellectual History Network. URL: http://sydney.edu.au/ intellectual-history/documents/gordon-intellectual-history.pdf

Degras J. The Communist International, 1919-1943: Documents. London, 1956, Vol 1.

Eatwell R. Fascism: a History. New York: Penguin Books, 1997.

Gentile E. Fascism as Political Religion // Journal of Contemporary History. 1990. Vol. 25. No. 2/3, P. 229-251.

Gentile E. Fascism in Italian Historiography: In Search of an Individual Historical Identity // Journal of Contemporary History, Vol. 21, No. 2, Twentieth Anniversary Issue (Apr. 1986). P. 179-208.

[24] *Gentile* 1922. P. 213.

Gentile G. The Theory of Mind as Pure Act. L.: Macmillan and Co. Ltd., St. Martin's 1922.
Gentile E. Fascism, Totalitarianism and Political Religion: Definitions and Critical Reflections on Criticism of and Interpretation // Fascism, Totalitarianism and Political Religion / Ed. by R. Griffin. London and New York: Routledge, 2005, pp. 32 – 81.
Gentile E. Politics as Religion. Princeton University Press, 2006.
Griffin R. Fascism. Oxford University Press, 2009.
Griffin R. Modernism and Fascism. The Sense of a Beginning under Mussolini and Hitler. London: Palgrave Macmillan, 2007.
Hayek F.A. The Road to Serfdom. Routledge Classics, 2001.
James Gregor A. Mussolini's Intellectuals. Fascist Social and Political Thought. Princeton University Press, 2005.
James Gregor A. Totalitarianism and Political Religion. An Intellectual History. Stanford University Press, 2012.
Kitchen M. Ernst Nolte and the Phenomenology of Fascism // Science & Society, Vol. 38, No. 2 (Summer, 1974), pp. 130-149.
Mosse G.L. E. Nolte on Three Faces of Fascism / Journal of the History of Ideas, Vol. 27, No. 4 (Oct. - Dec., 1966), pp. 621-625.
Payne S. A History of Fascism 1914-1945. The University of Wisconsin Press, 1996.
Piraino M., Fiorito S. Fascist Identity. Political Project and Doctrine of Fascism. Lexington, 2013.
Porter C.F. Eric Voegelin on Nazi Political Extremism. Journal of the History of Ideas, Vol. 63, No. 1 (Jan., 2002), pp. 151-171.
Roberts D.D. Syndicalist Tradition & Italian Fascism. Un-ty of North Carolina Press, 1979.
Voegelin E. The Political Religions // The Collected Works of Eric Voegelin, volume 5. University of Missouri Press, 1999.
Wistrich R.S. Leon Trotsky's Theory of Fascism // Journal of Contemporary History, Vol. 11, No. 4, Special Issue: Theories of Fascism (Oct., 1976), pp. 157-184.
Димитров Г. Наступление фашизма и задачи Коммунистического интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма // VII Конгресс Коммунистического интернационала и борьба против фашизма и войны. Сборник документов. М, Издательство политической литературы: 1975. С. 119-192.
Солоневич И.Л. Диктатура сволочи. Русское слово, 1995.

REFERENCES

Adamson W.L. Gramsci's Interpretation of Fascism // Journal of the History of Ideas. 1980. Vol. 41. No. 4. R. 615-633.
Aron R. Opium intellektualov // M: Logos 6 (51), 2005.
Arendt H. The Origins of Totalitarianism. Harcourt, 1973.
Brzezinski Z.K., Friedrich C.J. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Harvard Un-ty Press, 1956.
Camett J.M. Communist Theories of Fascism, 1920-1935 // Science & Society. 1967. Vol. 31. No. 2. R. 149-163.
Gordon P.E. What is intellectual history? A frankly partisan introduction to a frequently misunderstood field // Sydney Intellectual History Network. URL: http://sydney.edu.au/ intellectualhistory/documents/gordon-intellectual-history.pdf
Degras J. The Communist International, 1919-1943: Documents. London, 1956, Vol 1.
Eatwell R. Fascism: a History. New York: Penguin Books, 1997.
Gentile E. Fascism as Political Religion // Journal of Contemporary History. 1990. Vol. 25. No. 2/3, R. 229-251.
Gentile E. Fascism in Italian Historiography: In Search of an Individual Historical Identity // Journal of Contemporary History, Vol. 21, No. 2, Twentieth Anniversary Issue (Apr.,1986), pp. 179-208.
Gentile G. The Theory of Mind as Pure Act. L.: Macmillan and Co. Ltd., St. Martin's, 1922.

Gentile E. Fascism, Totalitarianism and Political Religion: Definitions and Critical Reflections on Criticism of and Interpretation // Fascism, Totalitarianism and Political Religion / Ed. by R. Griffin. London and New York: Routledge, 2005, pp. 32–81.
Gentile E. Politics as Religion. Princeton University Press, 2006.
Griffin R. Fascism. Oxford University Press, 2009.
Griffin R. Modernism and Fascism. The Sense of a Beginning under Mussolini and Hitler. London: Palgrave Macmillan, 2007.
Hayek F.A. The Road to Serfdom. Routledge Classics, 2001.
James Gregor A. Mussolini's Intellectuals. Fascist Social and Political Thought. Princeton University Press, 2005.
James Gregor A. Totalitarianism and Political Religion. An Intellectual History. Stanford University Press, 2012.
Kitchen M. Ernst Nolte and the Phenomenology of Fascism // Science & Society, Vol. 38, No. 2 (Summer, 1974), pp. 130-149.
Mosse G.L. E. Nolte on Three Faces of Fascism / Journal of the History of Ideas, Vol. 27, No. 4 (Oct. - Dec., 1966), pp. 621-625.
Payne S. A History of Fascism 1914-1945. The University of Wisconsin Press, 1996.
Piraino M., Fiorito S. Fascist Identity. Political Project and Doctrine of Fascism. Lexington, KY, 2013.
Porter C.F. Eric Voegelin on Nazi Political Extremism. Journal of the History of Ideas, Vol. 63, No. 1 (Jan., 2002), pp. 151-171.
Roberts D.D. Syndicalist Tradition & Italian Fascism. Un-ty of North Carolina Press, 1979.
Voegelin E. The Political Religions // The Collected Works of Eric Voegelin, volume 5. University of Missouri Press, 1999.
Wistrich R.S. Leon Trotsky's Theory of Fascism // Journal of Contemporary History, Vol. 11, No. 4, Special Issue: Theories of Fascism (Oct., 1976), pp. 157-184.
Dimitrov G. Nastuplenie fashizma i zadachi Kommunisticheskogo internatsionala v bor'be za edinstvo rabochego klassa, protiv fashizma // VII Kongress Kommunisticheskogo internatsionala i bor'ba protiv fashizma i voiny. Sbornik dokumentov. M, Izdatel'stvo politicheskoi literatury: 1975. S. 119-192.
Solonevich I.L. Diktatura svolochi. Russkoe slovo, 1995.

Моисеев Дмитрий Сергеевич, *аспирант школы философии факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ; dmitry.s.moiseev@gmail.com*

Intellectual history of Italian Fascism: contemporary approaches

This paper is dedicated to the modern approaches to the intellectual history of fascism in Italy. The research outlines the evolution of the fascist studies since the 1960-s, reviews the critical points of modern discussions about fascism: its fundamental grounds, its mythological basis, fascism as a political religion, fascism as a doctrine. The paper presents the positions of the key modern researchers of fascism including Emilio Gentile, Roger Eatwell, Anthony James Gregor, Roger Griffin, Stanley Payne.

Keywords: fascism, political philosophy, intellectual history, totalitarianism, radicalism, political religions, doctrine of fascism.

Dmitry Moiseev, *post-graduate student, School of Philosophy, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics; dmitry.s.moiseev@gmail.com*

С. А. Алтухова

БРИТАНСКИЕ ТЕОРИИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Феномен мультикультурализма рассматривается как этнокультурное многообразие современных сообществ и политико-идеологическая реакция на сложившееся многообразие. Одним из практических примеров современных мультикультурных государств является Великобритания. Британский мультикультуралистский дискурс представляет собой сложное и внутренне полемичное явление, в рамках которого происходит обсуждение современных проблем межкультурного взаимодействия, а также предлагаются конкретные рекомендации по их разрешению. Автор сравнивает различные британские концепции мультикультурализма, а именно, «диалогический мультикультурализм» Б. Парекха, «либертаристский мультикультурализм» Ч. Кукатаса и «конфликтный мультикультурализм» Дж. Рекса.

Ключевые слова: *теории мультикультурализма, Б. Парекх, Ч. Кукатас и Дж. Рекс, сравнительный анализ.*

Начало складывания мультикультурного общества в Великобритании относится к середине 1950-х гг., когда после распада британской колониальной системы жители колоний получили статус граждан Британского Содружества и возможность свободного переселения на территорию метрополии согласно закону о Гражданстве 1948 года[1]. В итоге к началу XXI века население иммигрантского происхождения насчитывало в Великобритании 4,6 млн. чел., что составило около 8%[2].

Наибольший интерес в британском научном сообществе к концепции мультикультурализма пришелся на начало 2000-х гг., что было обусловлено возникшими сложностями в отношениях между иммигрантами и коренным британским населением, а также первыми сомнениями в эффективности проводимой политики[3]. В сфере общественно-политического дискурса было инициировано активное обсуждение этой проблематики, с целью преодоления отрицательных последствий мультикультурализма. Множество различных правительственных, а также независимых исследовательских организаций занялись и продолжают заниматься изучением межэтнических отношений[4]. В рамках академического анализа мультикультурализм стал одной из центральных тем и выступил как направление политической философии и теоретической

[1] British Nationality Act. 1948.

[2] *Owen*. Profile of Black and Minority ethnic groups in the UK.

[3] В Великобритании официально политика мультикультурализма не провозглашалась, однако правительство в конце 1990-х – начале 2000-х гг., в особенности возглавляемое Т. Блэром, активно реализовывало идеологию мультикультурализма на практике: *Кондратьева* 2011.

[4] Подробнее о деятельности британских исследовательских организаций см.: *Баринова* 2012; *Алтухова* 2015.

социологии. На рубеже 2000-х гг. ведущими британскими интеллектуалами (Б. Парекхом, Ч. Кукатасом и Дж. Рексом) были разработаны собственные теории мультикультурализма, некоторые положения которых использовались в политической сфере для выработки идеологической составляющей проводимой политики.

В настоящее время проблематика мультикультурализма сохраняет актуальность в сфере политического и общественного обсуждения, хотя заметно снизился накал страстей и споров вокруг результативности данной стратегии и необходимости ее внедрения в европейских странах. После категоричного заявления в конце 2010 – начале 2011 г. действующего премьер-министра Д. Кэмерона и глав двух других европейских держав о провале мультикультурализма вектор увлеченности этой политикой резко меняет свое направление. Среди политиков, ученых и представителей общественности возрастает число ее противников, однако в академическом сообществе многие не спешат отказываться от идейных принципов, лежащих в основе идеологии мультикультурализма[5]. В центре продолжающейся полемики находится ключевой вопрос о выработке действенной политики по отношению к культурно, этнически и религиозно отличным членам британского социума.

В условиях крайнего многообразия оценок, интерпретаций и коннотаций, которыми «обросло» явление мультикультурализма, а также неоднозначных определений его сущности крайне важно проводить анализ авторских позиций, рассматривать плюсы и минусы мультикультуральных теорий. В рамках данной статьи сравниваются положения концепций мультикультурализма трех британских ученых (Б.Парекха, Ч. Кукатаса и Дж. Рекса), составляющих основу британского мультикультуралистского дискурса. Названные теории сопоставляются по следующим вопросам: каким образом ученые определяют феномен мультикультурализма и его современную специфику[6]; в каком ключе они трактуют принципы взаимоотношений человека и социума, на основе которых выстраиваются их концепции гармоничного мультикультурного общества; какие механизмы и инструменты реализации «справедливого» мультикультурного общества предлагают авторы. Методологиче-

---

[5] О сохранении актуальности мультикультуральной проблематики, а также продолжении академических исследований в рамках теории мультикультурализма свидетельствуют переизданные работы Т. Модуда, продолжателя идей Б. Парекха (См.: *Modood* 2015), а также изыскания независимых аналитических центров, таких как «Общество диалога» (см., например, Sense of Belonging in a Diverse Britain. 2014), «Теос» (*Barclay* 2013). В российском научном сообществе также сохраняется интерес к изучению британского мультикультурализма, хотя некоторые ученые критично оценивают его перспективы. См.: *Антонова* 2012; *Карпов* 2012).

[6] Стоит отметить, что в данном случае используется термин «современная» применительно ко времени создания учеными их концепций мультикультурализма, а именно, конец 1990 – начало 2000-х гг.

ской основой проведенного анализа служит представление о дискурсе мультикультурализма как о сложном, внутренне противоречивом и полемичном процессе обсуждения фундаментальных вопросов современности (проблем межкультурного взаимодействия), требующих вполне конкретных рекомендаций по их разрешению (политики и идеологии). В качестве названий рассматриваемых концепций, предлагаются термины, данные самими учеными и признанные в научном сообществе (например, теории Б. Парекха и Ч. Кукатаса), либо сформулированные автором этой статьи (теория Дж. Рекса).

Отечественные ученые неоднократно обращались к теоретическим разработкам названных британских интеллектуалов, в основном при рассмотрении отдельных сюжетов темы современного межкультурного взаимодействия, в том числе и на российском примере. Некоторые исследователи сравнивают мультикультурные теории британских философов с аналогичными, созданными их американскими или канадскими коллегами[7]. А.В. Веретевская сопоставляет различные концепции мультикультурализма, в том числе и британских исследователей Б. Парекха и Т. Модуда, с современными представлениями о нации и государстве, не сравнивая их между собой[8]. Концепция же Дж. Рекса рассматривается в отрыве от мультикультуралистского академического дискурса и в курсе современных социологических теорий, как правило, в сравнении с теорией Т. Парсонса[9]. К последовательному сравнению теоретических разработок мультикультурализма, созданных названными британскими философами, в данной статье обращаются впервые.

***

Биографии Б. Парекха, Ч. Кукатаса и Дж. Рекса, а также данные об их профессиональной деятельности позволяют лучше понять специфику предлагаемых ими теорий мультикультурализма[10]. Все три исследователя родились и получили образование вне Великобритании, куда они впоследствии иммигрировали и где продолжили свое образование и научно-исследовательскую деятельность. В дальнейшем ученые работали и продолжают работать[11] во многих университетах Великобритании и по всему миру. Помимо научных исследований они активно занимаются общественно-политической деятельностью и известны далеко не только в пределах академического сообщества.

---

[7] *Тонкова* 2009; *Хомяков* 2007; *Канарш* 2011; *Нестерова* 2012.

[8] *Веретевская* 2010.

[9] *Громов и др*. 1996.

[10] Информация о биографиях ученых взята с их личных страниц в Интернете: Ч. Кукатас – URL: http://www.lse.ac.uk/government/whosWho/Academic%20profiles/CKukathas@lseacuk/Home.aspx; Дж. Рекс – URL: http://www2.warwick.ac.uk/fac/soc/crer/staff/jrex/; Б. Парекх – URL: http://www.westminster.ac.uk/about-us/our-people/directory/parekh-bhikhu.

[11] Дж. Рекс скончался в декабре 2011 года.

На протяжении нескольких десятков лет (Дж. Рекс с конца 1980-х гг.[12], Ч. Кукатас с 1992 г., Б. Парекх с 2000 г.) названные ученые занимаются разработкой концепций урегулирования межкультурных отношений в условиях этно-конфессионального разнообразия, считая, что они могут иметь практическое значение и возможности реализации в политической сфере. По мнению Парекха, мультикультурализм выступает в качестве философии, достаточно фундаментальной, чтобы под ее влиянием можно было пересмотреть принципы построения и функции государства[13]. Дж. Рекс утверждал, что теоретико-социологические разработки вообще и, например, в проблематике мультикультурализма, имеют не только узко-академические, но и общественно-политические функции, а социология «может быть рассмотрена как радикальная критическая дисциплина», предназначенная для разработки практически ориентированных концепций[14].

«Диалогический[15] мультикультурализм» Б. Парекха

Б. Парекх определяет культурное разнообразие как феномен, исконно присущий человеческому сообществу. Ученый выделяет *досовременные* и *современные* мультикультурные общества. Первые, по его мнению, отличаются тем, что их культурное разнообразие сложилось изначально и существовало всегда. Второй тип культурного разнообразия возникает в условиях всемирного распространения либерально-демократических принципов государственного устройства, идей равных прав и свобод, в том числе и культурных. Это разнообразие формируется уже внутри гомогенных национальных государств, ставших гетерогенными в условиях экономической и культурной глобализации[16]. С точки зрения Парекха, все современные общества представляют собой мультикультурные сообщества, в которых сталкиваются несколько «пониманий хорошей жизни», зачастую противоположных.

Ядро концепции «диалогического мультикультурализма» Парекха составляют три постулата о природе взаимоотношений человека и социума. Во-первых, это так называемый «социальный тезис» коммунитаризма о «включенности» индивида в культуру. Согласно этому тезису, «человек растет и живет в культурно структурированном мире, организует свою жизнь и социальные отношения с точки зрения смыслов и

---

[12] Свои первые работы в русле теоретической социологии Дж. Рекс начал публиковать еще в 1960-е гг.

[13] *Parekh* 2000. P. 336.

[14] *Rex* 1961. P. VII-VIIL.

[15] М.Б. Хомяков называет мультикультурную теорию Парекха «делиберативным мультикультурализмом», используя понятие «делиберативный» в синонимичном значении «диалогический», т.е. акцентирующий особую роль общественных дискуссий или диалога в процессе принятия государственно важных решений: *Хомяков* 2007.

[16] *Parekh* 1996.

значений культуры и придает большую ценность своей культурной идентичности». Второе утверждение ученого заключается в том, что «различные культуры представляют собой различные системы значения и понимания хорошей жизни», каждая из которых заслуживает уважения. В-третьих, практически все культуры «внутренне плюральны и представляют собой постоянный разговор между различными традициями и направлениями мысли»[17]. Для построения гармоничных отношений внутри мультикультурного общества Парекх предлагает руководствоваться идеей диалога. С его точки зрения, в мультикультурной перспективе «хорошее общество» не должно связывать себя с какой-либо одной особенной политической доктриной или пониманием благой жизни, препятствующей его будущему развитию[18].

Данная доктрина или понимание вырабатываются в процессе диалога, для которого требуются определенные институциональные параметры: равные права, ответственная и подотчетная народу структура власти, свобода выражения, а также общие публичные пространства. Для этого со стороны государства, как считает Парекх, должен быть выполнен ряд условий. Во-первых, эти государства должны быть признаны мультикультурными. Во-вторых, необходимо отказаться от доминирующей концепции блага и единой концепции справедливости. В-третьих, нужно стремиться к достижению равенства в социальной и политической областях, в том числе используя опыт «иммигрантских» стран (политика «позитивной дискриминации» США)[19].

Однако, по мнению ученого, мультикультурное общество не меньше, чем культурно-однородное, требует сплоченности и единства, а также усилий государства в этом направлении: «Диалогически конституированное мультикультурное общество обладает сильным понятием общего блага, состоящего в уважении к основанной на консенсусе гражданской власти и основным правам, сохранении справедливости, институциональным и моральным условиям делиберативной демократии, жизненной и плюральной составной культуре, а также широком понимании сообщества»[20]. Чувство сплоченности и приверженности единому государству должно вырабатываться посредством системы образования и эмоционально подпитываться символами коллективного единства (национальный гимн, флаг, политические обряды и ритуалы, памятники погибшим героям). Большую роль в этом процессе должны играть международные правовые организации, в частности ЮНЕСКО.

Концепцию Б. Парекха можно назвать детально проработанной, однако вопрос об отношении к нелиберальным, или, по словам самого

---

[17] *Парекх* 2008. С. 722–724.
[18] Там же. С. 722–734.
[19] *Parekh* 1996. С. 7.
[20] *Парекх* 2008. С. 730.

ученого, «внутренне репрессивным» общинам[21], остается не решенным. Парекх считает, что не все нормы подобных общин приемлемы для свободного западного общества, но он не дает ответа на вопрос о критериях выбора приемлемых норм, а также о способах согласования либеральных ценностей с ценностями традиционных «недемократических» сообществ, занявших прочное место в британском социуме. Решение данного вопроса предлагает другой британский философ – Ч. Кукатас.

Теория «либертаристского мультикультурализма» Ч. Кукатаса

Кукатас согласен с тезисом Парекха о социальной (в терминологии ученого, *исторической*) обусловленности человеческой природы и возникающего культурного многообразия. Однако он иначе определяет принципы взаимоотношения человека с социумом и мотивы его поведения. Отталкиваясь от юмовских представлений о рациональности человека, он пишет, что «привязанности индивида и его стремление к выполнению своих целей носят рациональный характер, а само это стремление управляется совестью <…>. Присущее человечеству разнообразие представляет собой случайную, а не строго необходимую черту»[22].

С точки зрения Кукатаса, усиление миграционной динамики, в результате которой в пределах одного национального сообщества происходит столкновение различных культурных стандартов в отношении прав и обязанностей человека, внешнего облика, норм поведения, ценностей, есть ключевой фактор, повлекший глобальные социальные проблемы современности[23]. В связи с этим фундаментальным становится вопрос правового регулирования межкультурного взаимодействия.

Кукатас определяет мультикультурализм как государственную политику по урегулированию межэтнических отношений внутри национального сообщества. Кроме мультикультуралистской политики, ученый выделяет политику Изоляционизма, Ассимиляторства и Апартеида. Саму политику мультикультурализма Кукатас разделяет на два типа, жесткий и мягкий, первый из которых он квалифицирует как всестороннюю поддержку культуры меньшинств и ее сохранение. Наконец, «мягкий» мультикультурализм, которому и отдает предпочтение автор концепции, предполагает поддержку общего культурного поля и проповедует ровное и равное отношение к этническим культурам, которые хотят сохранить локальное своеобразие[24].

Как подчеркивает Кукатас, жесткий вариант мультикультурализма отражает идеи современного либерализма, которые частично поддер-

---

[21] В данном случае речь идет о сообществах, в которых распространены не признаваемые западным либерализмом ценности и практики: такие как полигамия, принудительные браки, дискриминация людей по признаку пола и др.

[22] *Кукатас* 2011. С. 97.

[23] *Кукатас* 2010.

[24] *Кукатас* 2007.

живает Б. Парекх, тогда как его «мягкий» вариант восходит к классической интерпретации либерализма. В «мягком мультикультурализме» акцент делается на разработке механизма сосуществования в рамках одного общества различных точек зрения, а не способа их согласования[25]. Ученый считает, что именно в этом и заключается существенная разница, поскольку в данном случае нет необходимости приходить к единому мнению по различным трудно согласуемым вопросам, в частности: «какое общественное устройство можно назвать справедливым». Согласно концепции Кукатаса необходимо лишь разработать и согласовать правила, регулирующие взаимоотношения отдельных этнокультурных сообществ, и всем их придерживаться.

В основе реализации «мягкого мультикультурализма» Кукатас видит три ключевых принципа гармонизации отношений человека и социума. Первый из них воплощается в предоставлении человеку свободного права создавать ассоциации, так называемая «свобода ассоциаций», т.е. неотъемлемое право индивида на свободный вход и выход из ассоциации, а также право не состоять ни в одной из них. Второй принцип теории, «принцип толерантности», заключается в принятии равноправия всех точек зрения, даже нелиберальных. Согласно позиции ученого, там, где мягкий мультикультурализм выступает как норма социальной жизни, «свобода ассоциации порождает открытое общество, членами которого легко могут стать представители других культур <...>. Присутствие иных культур и традиций воспринимается толерантно, даже если эти традиции не согласуются с либерализмом и либеральными ценностями»[26]. Третий принцип теории Кукатаса гласит, что главная функция современного государства должна заключаться в поддержании общего культурного фона без оказания каких-либо протекций, либо давления на существование локальных культур. С точки зрения ученого, «хорошо устроенное» общество лучше всего может быть понято как либеральный архипелаг обществ, который «представляет собой сообщество сообществ, не порожденное и не управляемое какой-либо единой властью, <...> является разновидностью устройства, при котором власти действуют в соответствии с законами, которые сами по себе неподконтрольны какой-либо единичной власти»[27].

В качестве конкретных механизмов и инструментов реализации политики «мягкого» мультикультурализма Ч. Кукатас предлагает, во-первых, «исключить из правовой и политической практики и риторики такие категории, как расовая и этническая принадлежность»; во-вторых, отказаться от построения общей государственной национальной идентичности и культуры, поскольку «национальная идентичность не может

[25] Там же.
[26] *Кукатас* 2007.
[27] *Кукатас* 2011. С. 31.

быть врожденной, исконной, постоянной или даже особенно продолжительной. Ведь отличительные черты, характерные для британца, малазийца, индуса или австралийца, не могут оставаться неизменными, так как испытывают влияние времени и места их жительства»[28]. Именно в минимизации роли государства в сфере этнокультурного регулирования заключается либерталистский характер теории мультикультурализма, предлагаемой Ч. Кукатасом.

М.Б. Хомяков сравнивает описываемое Ч. Кукатасом общество с бакунинскими общинами, в котором «властный режим <…> является настолько слабым, что приближается к анархистскому отрицанию государства вообще»[29]. Противоречиво толкуемым, не проработанным элементом теории можно назвать абсолютизируемый релятивизм ученого, отрицающий универсальность каких-либо культурных норм в условиях многообразного мира, а неизбежно возникающий вопрос, об обоснованности самой ценности различия, как всеобщей универсалии, остается без ответа. Теория Кукатаса разрабатывалась как некий утопический идеал или нереализуемый абсолют, в направлении которого должны двигаться все современные общества, но каждое из которых сможет остановиться на каком-либо из этапов следования, исходя из внутренних характеристик самого общества.

«Конфликтный мультикультурализм» Дж. Рекса

Дж. Рекс разделяет ставшее уже традиционным представление о трех уровнях феномена мультикультурализма: культурной и этнической неоднородности современных обществ; политики по управлению ими, а также идеологическом и научном дискурсах. Однако, он считает что мультикультурным британское общество становится не только под действием иммиграции, но и вследствие процессов сецессии, например, шотландского сепаратизма[30].

Специфику современного мультикультурализма Рекс описывает исходя из своих представлений о новейшей мировой истории. Он рассматривает ее в парадигме четырех мировых войн: первые две общепризнанны в исторической науке (1914–1918 гг. и 1939–1945 гг.), в качестве третьей мировой называется холодная война и биполярное противостояние двух сверхдержав, а четвертой мировой войной Рекс считает войну США и их союзников против террористической угрозы[31].

В своей концепции мультикультурализма Дж. Рекс соединяет теории конфликта и расовых отношений, согласно которым рассматривает межрасовые отношения как один из вариантов реализации социального конфликта, как производные от общественного межклассового разделе-

---

[28] *Кукатас* 2010.
[29] *Хомяков*. 2007. С. 89.
[30] *Rex*. 2004.
[31] Ibidem.

ния труда. Анализируя основные принципы, на которых базируется взаимодействие социума и человека, ученый пишет, что общество состоит из «конкретных групп» и «реальных индивидов, действующих независимым путем»[32]. В условиях многокультурного государства такими частями выступают этнические сообщества, или, как принято их называть в Великобритании, расовые общины.

Согласно теории мультикультурализма Дж. Рекса, конфликт занимает центральное место в жизни любого общества, соответственно, порядок носит черты «перемирия» вследствие победы одного из классов. Рекс отрицает существование целостной культуры общества как основы неформального социального контроля, а все происходившие в прошлом и происходящие в настоящее время социальные изменения описывает как результат межклассовых конфликтов, в рамках которых любое социальное действие рационально и направлено на выбор наиболее эффективного способа достижения власти[33].

Дж. Рекс пишет, что всякая социальная система, к которой относится и государство, сталкиваясь с фактом ограниченности ресурсов, вырабатывает собственные механизмы их распределения. Во-первых, государство осуществляет экономическое регулирование материальных ресурсов между различными частями социальной системы и устанавливает систему властных отношений, предупреждающих любое ее нарушение. Во-вторых, провозглашаются ценности, защищающие легитимность власти, вырабатываются религиозные верования и ритуалы, выступающие за строгое соблюдение ценностных предписаний[34]. Интеграция государства выступает как результат распределительных процессов, но при этом сохраняется возможность конфликта, например, из-за неравенства средств и поощрений, предлагаемых обществом. В данном случае «характеристикой структуры расовых отношений является то, что одна группа эксплуатирует другую»[35].

В теории Дж. Рекса предлагаются лишь базовые принципы, интерпретирующие социальные конфликты, а также возможные пути их преодоления, хотя и без детально прописанных механизмов. Способом разрешения конфликта и гармонизации отношений в социуме может быть, с точки зрения ученого, признание неизбежности и «нормальности» конфликтного состояния общества: «Жизнеспособной мультикультурная политика будет тогда, когда будут признаваться конфликты идей и интересов между различными группами и рассматриваться способы, которые могут привести к переговорам и компромиссу»[36]. Описывая

---

[32] *Rex* 1961. P. 93.
[33] Ibid. P. VII-VIIL
[34] *Rex* 1961.
[35] *Rex* 1983. P. 118.
[36] *Rex*. 2004. P. 22.

конкретные социальные процессы: революции, войны, перемирия, Рекс вынужден указывать на существование неких «идеальных», иррациональных факторов, влияющих на практическое развитие межрасовых отношений, реализуемых через конфликты. Данный постулат вносит несоответствие в общие теоретические построения ученого, приводя к противоречию, неразрешимому в рамках теории, абсолютизирующей рациональные мотивы поведения.

***

Появление концепций Б. Парекха, Ч. Кукатаса и Дж. Рекса в британском академическом пространстве не случайно, они были сформулированы в ответ на ситуацию в усложнившемся в культурном и этническом отношении обществе и возникли в зоне взаимодействия культур. На сами идейные постулаты названных авторских теорий, отразивших сплав европейских и восточных культурных традиций, наложила отпечаток «пограничность» культур, которая имеет место в жизни этих ученых.

Б. Парекх, Ч. Кукатас и Дж. Рекс рассматривают феномен мультикультурализма как свойство культурного многообразия современных обществ, причем именно политической составляющей авторы уделяют максимальное внимание. Ученые настаивают на принятии культурного многообразия как изначальной константы человеческого существования, непреложного условия социального бытия, которое претерпевает в настоящее время колоссальные изменения. Однако понимание природы и источников формирования культурного многообразия у авторов разнится. Кукатас и Парекх считают причиной его природу человека, тогда как Рекс утверждает, что культурные противоречия есть лишь отражение иерархии и борьбы рационально осознаваемых интересов. В то же время взгляды Дж. Рекса частично совпадают с представлениями о мотивах человеческого поведения Ч. Кукатаса, однако последний считает, что они могут носить и иррациональную природу.

Различаются теории и предлагаемыми способами гармонизации межкультурного взаимодействия. Парекх и Рекс считают, что с помощью межкультурного диалога можно выработать общие представления о построении «справедливого» общества – при условии, что этот диалог будет основан на либерально-демократических принципах западно-христианской культуры. Однако Рекс пишет, что невозможно преодолеть конфликтность в межсоциальном и межэтническом общении и акцентирует внимание на разработке способов перевода открытого столкновения в русло компромисса. Кукатас, указывая на возникающие при разработке единой ценностно-нормативной системы сложности, предлагает только согласовывать принципы взаимоотношений сообществ, главными из которых выступают свобода индивида и толерантное отношение к инаковости.

В целом можно сказать, что ни одна из представленных концепций не дает исчерпывающего ответа на непростые вопросы о феномене мультикультурализма и механизмах снятия напряженности, возникающей в британском обществе при его реализации. В то же время, некоторые положения этих теорий могут стать ценным ресурсом в разработке эффективной межэтнической политики.

БИБЛИОГРАФИЯ

Алтухова С.А. Британские центры изучения современных межэтнических отношений // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 69–75.

Антонова В.К. Мультикультурализм: идеология, политика и культурный код современности. М.: Вариант, 2012.

Баринова Е.Е. «Мозговые центры» Великобритании: история типология и значение // Государственная служба. № 5. 2012. С. 107–109.

Веретевская А.В. Значение и значимость мультикультурализма // Политическая наука. 2010. № 1. С. 29–45.

Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная теоретическая социология. СПб.: Ольга, 1996.

Канарш Г.Ю. Философские теории мультикультурализма // Знание. Понимание. Умения. 2011. № 2. С. 33–41.

Карпов Г.А. Британский мультикультурализм: мина замедленного действия // Азия и Африка сегодня. 2012. № 5. С. 26–32.

Кондратьева Т.С. Великобритания в ловушке мультикультурализма. (http://rusmir.in.ua/pol/1700-velikobritaniya-v-lovushke-multikulturalizma.html)

Кукатас Ч. Либеральный архипелаг: Теория разнообразия и свободы / Перевод с англ. М.: Мысль, 2011.

Кукатас Ч. Теоретические основы мультикультурализма. 2007. URL: http://polit.ru/article/2007/05/27/multiculturalism.

Кукатас Ч. Всякая культура служит, прежде всего, адаптационным механизмом / Круглый стол «Важна ли культура для развития», 26.05.2010. (доклад). URL: http://www.liberal.ru/anons/4755 (дата обращения: 18.01.2015).

Нестерова А.Г. Построение межкультурных отношений в мультикультурных регионах: опыт Росси и европейских государств // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7, Филос. 2012. № 3 (18). С. 132–137.

Парекх Б. Переосмысляя мультикультурализм: культурное разнообразие и политическая теория / Перевод с англ. // Хрестоматия: История конфликтологии. Екатеринбург, 2008. С. 722–734.

Тонкова Е.Г. Понятие мультикультурализма: основные концепции // Фундаментальные проблемы культурологии. Том 7. Культурное многообразие: теории и стратегии. Ред. Д.Л. Спивак. М., Спб.: Новый хронограф, Эдос, 2009. С. 5–16.

Хомяков М.Б. Брайан Бэрри: либеральный универсализм против мультикультурализма и национализма // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Том X. № 1. С. 74–100.

Barclay D. Making multiculturalism work: enabling practical action across deep difference. London. 2013.

British Nationality Act. 1948. (http://www.legislation.gov.uk/ukpga/ 1948/56/pdfs/ukpga_19480056_en.pdf).

Modood T. Rethinking Multiculturalism, Interculturalisms and the Majorit / V. Uberoi and T. Modood (eds.) Multiculturalism Rethought: Interpretations, Dilemmas and New Directions. Edinburgh University Press, 2015.

Owen D. Profile of Black and Minority ethnic groups in the UK. URL: http://www2. warwick.ac.uk/fac/cross_fac/healthatwarwick/publications/occasional/ethnicprofile.pdf

Parekh B. A Commitment to Cultural Pluralism. 1996. http://www.powerofculture.nl/uk/archive/commentary/.
Parekh B. Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory. London: MacMillan Press, 2000.
Rex J. Key Problems in Sociological Theory. London: Routledge and Kegan Paul, 1961.
Rex J. Race Relations in Sociological Theory. London, 1983.
Rex J., Singh G. Multiculturalism and Political Integration in Modern Nation-States. Barcelona, 2004.
Sense of Belonging in a Diverse Britain. 2014. URL:www.dialoguesociety.org/ publications/AWP_Sense_of_Belonging.pdf.

REFERENCES

Altukhova S.A. Britanskie tsentry izucheniya sovremennykh mezhetnicheskikh otnoshe-nii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 396. S. 69–75.
Antonova V.K. Mul'tikul'turalizm: ideologiya, politika i kul'turnyi kod so-vremennosti. M.: Variant, 2012.
Barinova E.E. «Mozgovye tsentry» Velikobritanii: istoriya tipologiya i znachenie // Gosudarstvennaya sluzhba. № 5. 2012. S. 107–109.
Veretevskaya A.V. Znachenie i znachimost' mul'tikul'turalizma // Politicheskaya nauka. 2010. № 1. S. 29–45.
Gromov I.A., Matskevich A.Yu., Semenov V.A. Zapadnaya teoreticheskaya sotsiologiya. SPb.: Ol'ga, 1996.
Kanarsh G.Yu. Filosofskie teorii mul'tikul'turalizma // Znanie. Ponimanie. Umeniya. 2011. № 2. S. 33–41.
Karpov G.A. Britanskii mul'tikul'turalizm: mina zamedlennogo deistviya // Aziya i Afrika segodnya. 2012. № 5. S. 26–32.
Kondrat'eva T.S. Velikobritaniya v lovushke mul'tikul'turalizma. (http://rusmir.in.ua/pol/1700-velikobritaniya-v-lovushke-multikulturalizma.html)
Kukatas Ch. Liberal'nyi arkhipelag: Teoriya raznoobraziya i svobody / Perevod s angl. M.: Mysl', 2011.
Kukatas Ch. Teoreticheskie osnovy mul'tikul'turalizma. 2007. URL: http://polit.ru/ article/2007/05/27/multiculturalism.
Kukatas Ch. Vsyakaya kul'tura sluzhit, prezhde vsego, adaptatsionnym mekhanizmom / Kruglyi stol «Vazhna li kul'tura dlya razvitiya», 26.05.2010. (doklad). URL: http://www.liberal.ru/anons/4755 (data obrashcheniya: 18.01.2015).
Nesterova A.G. Postroenie mezhkul'turnykh otnoshenii v mul'tikul'turnykh regi-onakh: opyt Rossi i evropeiskikh gosudarstv // Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Ser. 7, Filos. 2012. № 3 (18). S. 132–137.
Parekkh B. Pereosmyslyaya mul'tikul'turalizm: kul'turnoe raznoobrazie i politi-cheskaya teoriya / Perevod s angl. // Khrestomatiya: Istoriya konfliktologii. Eka-terinburg, 2008. S. 722–734.
Tonkova E.G. Ponyatie mul'tikul'turalizma: osnovnye kontseptsii // Fundamen-tal'nye problemy kul'turologii. Tom 7. Kul'turnoe mnogoobrazie: teorii i strategii. Red. D.L. Spivak. M., Spb.: Novyi khronograf, Edos, 2009. S. 5–16.
Khomyakov M.B. Braian Berri: liberal'nyi universalizm protiv mul'tikul'turalizma i natsionalizma // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii. 2007. T. X. № 1. S. 74–100.
Barclay D. Making multiculturalism work: enabling practical action across deep difference. London. 2013.
British Nationality Act. 1948. (http://www.legislation.gov.uk/ukpga/ 1948/56/pdfs/ukpga_19480056_en.pdf).
Modood T. Rethinking Multiculturalism, Interculturalisms and the Majorit / V. Uberoi and T. Modood (eds.) Multiculturalism Rethought: Interpretations, Dilemmas and New Directions. Edinburgh University Press, 2015.

Owen D. Profile of Black and Minority ethnic groups in the UK. URL: http://www2. warwick.ac.uk/fac/cross_fac/healthatwarwick/publications/occasional/ethnicprofile.pdf
Parekh B. A Commitment to Cultural Pluralism. 1996. http://www.powerofculture.nl/uk/archive/commentary/.
Parekh B. Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory. London: MacMillan Press, 2000.
Rex J. Key Problems in Sociological Theory. London: Routledge and Kegan Paul, 1961.
Rex J. Race Relations in Sociological Theory. London, 1983.
Rex J., Singh G. Multiculturalism and Political Integration in Modern Nation-States. Barcelona, 2004.
Sense of Belonging in a Diverse Britain. 2014. URL:www.dialoguesociety.org/ publications/AWP_Sense_of_Belonging.pdf.

Алтухова Светлана Алексеевна, *Национальный исследовательский Томский государственный университет, методист экскурсионно-просветительского Центра музеев, lana.asol@mail.ru*

British theory of multiculturalism: A Comparative aspect

The phenomenon of multiculturalism is considered as ethnic and cultural diversity of modern societies and political and ideological reaction to it. One of the practical examples of modern multicultural state is the United Kingdom. British multiculturalist discourse is a complex of internal polemical phenomenon in terms of which there is a discussion of modern problems of intercultural interaction. There are also supposed specific guidelines for their resolution in the form of politics and ideology. The article compares the British concept of multiculturalism, namely, the "dialogical multiculturalism" by B. Parekh, "libertarian multiculturalism" by Ch. Kukatas and "conflict multiculturalism" by J. Rex.

Keywords: theories of multiculturalism, B. Parekh, Ch. Kukatas, J. Rex, comparative analysis.

Svetlana Altukhova, *methodologist, tourism department, National Research Tomsk State University; lana.asol@mail.ru*

М. А. Базанов

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ БИОГРАФИЯ КОНТУРЫ НОВОГО ЖАНРА В РОССИЙСКОЙ И УКРАИНСКОЙ ИНСТОРИОГРАФИИ

Автор анализирует российские и украинские работы, посвященные специфике жанра интеллектуальной биографии. На основе их изучения, а также собственного опыта создания интеллектуальной биографии он предлагает интерпретации объекта и предмета исследования нового жанра.

Ключевые слова: *интеллектуальная биография, интеллектуальная история, новая биографическая история, объект исследования, предмет исследования, жанр исторической литературы, рефлексия, теория и методология исследования.*

В 2001 г. философ О.Д. Волкогонова выпустила в свет книгу, озаглавленную ею как «Н.А. Бердяев: интеллектуальная биография»[1]. Она стала первым исследованием в России, заявленным в качестве этого сравнительно нового для отечественной историографии жанра[2]. За прошедшие с этого момента полтора десятилетия последовал еще ряд статей и монографий конкретно-исторического характера[3]. Однако это обилие работ соседствует с чрезвычайно слабой теоретической рефлексией об их основах. Подавляющее большинство авторов, употребляя данный термин, не поясняют, что, собственно, они под ним подразумевают. Как правило, все сводится к фразе о том, что интеллектуальная биография ставит в центр своего внимания исключительно внутренний мир изучаемых персонажей, и на этом разговор о новом жанре завершается.

В сложившейся ситуации нет ничего катастрофического или однозначно негативного. Ситуация, когда конкретно-исторические разыскания, в которых на основе анализа эмпирического материала происходит развертывание новых принципов и методов исследования, предваряют

---

[1] *Волкогонова* 2001.

[2] Отметим, что сам термин «интеллектуальная биография» как наименование особого исследовательского жанра фигурировал в российской исторической литературе и ранее. Так, А.Я. Гуревич назвал «интеллектуальными биографиями» ряд работ французского историка Л. Февра (см.: *Гуревич* 1993. С. 45). Однако нам не известно ни одного случая (до 2001 г.), когда сами авторы исследований относили бы свои труды к этому жанру.

[3] Перечислим лишь некоторые из них: *Воробьева* 2003; *Емельянов* 2003; *Мочкин* 2005; *Шестаков* 2006; *Хатунцев* 2007; *Казаков* 2008.

появление теоретико-методологических работ оптимальна. Это позволяет избежать создания абстрактных схем, не соотносящихся с источниковой реальностью. Однако полтора десятилетия существования и даже некоторая популярность нового жанра обязывают подвести итоги. Обратимся к немногочисленным попыткам сформулировать его специфику.

Полагаю, что у концепта «интеллектуальной биографии» был весьма любопытный, но несколько подзабытый предшественник. В 1999 г. в сборнике «Персональная история» появилась статья Д.М. Володихина «Экзистенциальный биографизм в истории»[4]. Отправной точкой его рассуждений стало признание за исторической наукой помимо прочих «экзистенциальной функции». Прошлое человечества, подчеркивал автор, содержит немало фактов о том, каким образом люди определяли смысл и назначение своего существования, как они его реализовывали, какой способ существования был ими избран. Тако опыт мог бы значительно помочь современному человеку в процессе его жизнеполагания. Однако, считает Володихин, привычная методология не в состоянии вычленить необходимые для этого сведения. Традиционные исторические исследования направлены на изучение общих законов исторического развития, в то время как для последователя «экзистенциального биографизма» «определяющее значение получает особенное, единичное, индивидуальное». Составитель «экзистенциальной биографии» должен работать с «динамикой психологического мира индивида». К числу вопросов, которые должен выяснить ученый, Д.М. Володихин относит: избранный изучаемым персонажем смысл и способ существования, моменты их выбора и степень следования ему, причины выбора, и, «в итоге», то, как «он решал проблему адаптации к собственному небессмертию и решил ли».

Такие цели формируют отличное от традиционного отношение к источникам. Главными становятся «продукты сознательного творчества индивида», «отзывы современников или близких людей персонажа» и «кинофотодокументы», в то время как «на второй план» отходят «документальные источники». Источниковой базе придается громадное значение. Если материалы, оставшиеся от изучаемого персонажа, не содержат в себе ответов на интересующие «экзистенциального биографа» вопросы, он должен отказаться от проведения исследования, оставив всякие попытки восполнить пробел косвенными источниками и реконструкциями.

Главным следствием подобной «оптики зрения» становится отход на задний план экономического, политического и культурного контекста, в котором жил изучаемый персонаж. Общественная деятельность не представляет интерес для «экзистенциальной биографии», ей интересно только сознание исследуемого исторического героя. Поэтому при выбо-

[4] *Володихин* 1999.

ре объекта не имеет значения его прижизненная или посмертная слава, можно исследовать жизнь рядового человека, но если «для разработки выбрана личность масштаба Наполеона, то это, скорее всего, Наполеон без Ваграма, Аустерлица и Ватерлоо»[5].

Конечно же, столь провокативная как по своим идеям, так и по стилистике статья не могла не вызвать критики. В роли главного оппонента «экзистенциального биографизма» выступила Л.П. Репина[6]. Основной мишенью ее замечаний стали высказывания Д.М. Володихина о незначительной роли контекста в «экзистенциальной биографии», поскольку это противоречит самим принципам биографического анализа как такового. Человек является продуктом, порождением социокультурной ситуации своего времени, а, значит, нет никакой возможности отсечь ее от него. Любые действия человека разворачиваются именно в социальной среде, сами по себе они не подлежат трактовке и пониманию.

Д.М. Володихин достаточно кратко и емко ответил на эти замечания в небольшой трехстраничной статье[7]. Он назвал тенденциозной трактовку своих высказываний, в частности фразы о «Наполеоне без Ваграма, Аустерлица и Ватерлоо». Историк подчеркнул, что он вел речь не об отказе от изучения контекста, но просто об иной оптике исследования, в которой ценность будут представлять не социальные действия (битва), но их отражение и влияние на сознание исторического субъекта (Наполеона). Подобная тенденциозность в оценке его высказываний, полагает Д.М. Володихин, является следствием того, что он и Л.П. Репина принадлежат к противоположным «платформам микроистории». Для наиболее распространенной среди историков «платформы» характерен взгляд на единичный случай как проявление общей закономерности, биография для них лишь один из способов постижения социального окружения персонажа и обстоятельств эпохи в целом, для Д.М. Володихина же она представляет ценность сама по себе. Полагаем, что возражения Д.М. Володихина против прозвучавшей в его адрес критики обоснованы. Стоит добавить, что помимо прочего непониманию способствовал и свойственный ему художественный, литературный язык изложения (широкой публике автор более известен как писатель-фантаст), открывающий поле для множественности трактовок.

Можно было бы привести немало иных критических замечаний к данной работе. Так, например, ее автор весьма эмоционально подчеркивал новаторство провозглашаемых им принципов, хотя ряд их уже находил свое отражение в предшествующей литературе. Не совсем ясно то,

---

[5] Там же. С. 4-6, 9.
[6] См., напр.: *Репина* 2002.
[7] *Володихин* 2002.

как изучение совершенно уникальных, а, значит, невоспроизводимых в дальнейшем случаев может помочь в определении собственного жизнеполагания для современных исследователей или читателей подобных биографий? Да и столь уж неповторимы и уникальны эти казусы? Кроме того, стоит ли ограничиваться в изучении персонажа исключительно теми вопросами, на которых ориентирует исследователя Д.М. Володихин? Однако важно другое – впервые было заявлено создание нового жанра историко-биографического исследования, в центре которого – исключительно сознание и психика исследуемого индивида, что и является основной, наиболее общей (и часто озвучиваемой) характеристикой интеллектуальной биографии. Однако в дальнейшем термин «экзистенциальная биография» распространения в литературе не получил.

В 2002 г. А.М. Нейман предварил свою статью о Дж.М. Кейнсе экскурсом в становление жанра биографических исследований в историко-экономических исследованиях, представив их типологию, разработанную американским экономистом Д. Уокером. Были выделены следующие виды: во-первых, биография личности, включающая сведения о личной жизни ученого (место и время рождения и смерти, детали личной жизни, характер и психологические склонности); во-вторых, профессиональная биография, интересующаяся его положением в научной среде и профессиональной деятельностью; в-третьих, библиографическая биография – анализ научных построений ученого; в-четвертых, ситуационная биография, или биография среды, предполагающая выяснение социально-экономического и политического контекста, в котором жил и творил изучаемый персонаж[8]. Свою статью Нейман заявил в качестве интеллектуальной биографии, следовательно, данная типологизация рассматривалась им как универсальная для интеллектуальных биографий.

Л.П. Репина, обозначая специфику интеллектуальной биографии[9]. связала рождение нового жанра со сближением в 1980-е гг. интеллектуальной и новой социальной истории, появлением таких новых направлений, как история интеллектуалов и новая биографическая история. В рамках последней «речь идет не просто о воссоздании перипетий индивидуальной судьбы, а об историческом исследовании непрерывного движения индивида по своему жизненному пути и о его многообразных интеракциях в меняющемся социально-интеллектуальном пространстве». Появление нового жанра было ознаменовано весьма ожесточенными спорами. Фактически, полагает Л.П. Репина, центральным их моментом стал вопрос о соотношении жизни (повседневных жизненных практик) изучаемого мыслителя и выдвигаемых им идей. Критики био-

[8] *Нейман* 2005. С. 333.
[9] *Репина* 2006.

графического анализа видели эти сферы автономными по отношению друг к другу, в то время как сторонники подчеркивали их взаимосвязь. Постепенно в повседневной историографической практике возобладала точка зрения последних, фактически общепризнанным стало суждение о том, что «без биографического измерения интеллектуальной жизни понимание самих идей оказывается неполным». «Характерной чертой современной интеллектуальной биографии» отмечает Л.П. Репина, «является синтез биографического, текстуального и социокультурного анализа»[10]. Исследование при этом может носить как синхронный, так и диахронный характер. В первом случае в качестве интеллектуального контекста будет фигурировать тот социокультурный фон, на котором разворачивается деятельность изучаемого персонажа (а вместе с ним, возможно, и период, предшествующий исследуемому моменту), во втором случае он существенно расширяется за счет включения в него современного составителю биографии состояния его отрасли знания и видения перспектив ее развития. Глубокое, основательное погружение в контекст актуализирует внимание и к так называемым фигурам «второго плана», мыслителям, не удостоившимся звания классиков и крупных авторитетов своей эпохи, но в то же время творчеством и деятельностью своей составлявших тот самый фон, на котором протекала работа впоследствии признанных классиками ученых.

Наиболее информативной работой об особенностях жанра интеллектуальной биографии представляется статья П.А. Алипова[11]. Если его предшественники пытались сформулировать собственное понимание основ нового жанра, то Алипов обратился к уже существующим примерам его воплощения в конкретных исследованиях[12]. В целом он был вынужден констатировать отсутствие у ученых единства в понимании основных методологических установок интеллектуальной биографии, но проведенное им сопоставление исследований, заявленных их авторами в качестве таковых, позволило выделить ряд объединяющих черт. Во-первых, в фокусе каждой из них была «трансформация воззрений индивида по основополагающему предмету его непосредственной творческой или научной деятельности». Причем особое внимание уделялось поиску «статичного ядра», которое, в отличие от окружающих его «динамических элементов», оставалось неизменным с момента появления. Во-вторых, подобный

---

[10] Там же. С. 102, 104, 106-107.

[11] *Алипов* 2011.

[12] Стоит, впрочем, отметить, что автор сумел привлечь далеко не все существующие на момент написания статьи интеллектуальные биографии. Особенно досадно выглядит отсутствие среди них ряда публикаций в периодическом издании «Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории». Несмотря на это, впрочем, полагаем, что задействованный П.А. Алиповым материал репрезентативен.

анализ производился с учетом «внутреннего и внешнего контекстов, в которых протекало становление теорий и концепций изучаемого персонажа». Главная роль в трансформации взглядов мыслителя отводилась «именно внутреннему контексту, то есть тем веяниям, которые приходили изнутри той профессиональной группы, к которой он принадлежал». В-третьих, П.А. Алипов отметил, что в работах «допускается углубленное рассмотрение отдельных этапов биографии индивида… если они имеют ключевое значение в процессе его общего идейного развития»[13].

Спорадически предпринимались и другие попытки поднять вопрос о специфике интеллектуальной биографии. Так, М.П. Лаптева[14] выступила за изучение интеллектуальной интуиции как неотъемлемой составной части биографического исследования, поскольку интуиция играет не меньшую роль в духовной жизни человека, чем рациональное мышление. Однако осталось неясным, что следует понимать под интеллектуальной интуицией и какие исследовательские приемы требуются для ее изучения. О.Б. Леонтьева сконцентрировала внимание на вопросе о соотношении биографического и автобиографического текста (если таковой имеется)[15]. Для примера ею были взяты «Самопознание» Н.А. Бердяева и две его биографии авторства О.Д. Волкогоновой и А.В. Цветкова-Вадимова. Волкогонова фактически следует за своим персонажем, раскрывая и поясняя то, что тот говорил о себе сам, в то время как Цветков-Вадимов стремился заполнить имеющиеся в автобиографии лакуны. Ответа на вопрос о том, какой из двух подходов автор считает наиболее адекватным и соответствующим задачам интеллектуальной истории, Леонтьева не дает.

Концепт «интеллектуальная биография» получил распространение и в украинской историографии[16]. В.В. Ващенко в качестве предтечи интеллектуальной биографии рассматривает такой популярный в англоязычной литературе 1960–1970-х гг. жанр, как «научная биография»[17]. Благодаря В.С. Чишко и Н.И. Любовец он был перенесен и в украинскую историческую науку. Последняя, на основе изучения зарубежной литературы, выделила следующие принципы, которыми должен руководствоваться составитель «научной биографии»: во-первых, компетентность (автор должен быть «профессионально подготовленным в области той науки, к которой относят основные труды ученого»); во-вторых, интердисциплинарность (комплексный характер исследования, сочетание методов разных гуманитарных научных дисциплин); в-

[13] *Алипов* 2011. С. 18–19.

[14] *Лаптева* 2012.

[15] *Леонтьева* 2013.

[16] К сожалению, в силу недоступности для нас значительной части украинской литературы мы будем вынуждены ограничиться лишь несколькими работами.

[17] *Ващенко* 2009.

третьих, учет науковедческого контекста исследования; в-четвертых, учет социоисторического контекста исследования. Однако, отмечает Ващенко, уже на пике своей популярности жанр «научной биографии» подвергался жесткой критике, фактически оставшейся незамеченной ее украинскими сторонниками. Такие ученые, как Э. Чарггафф, Х. Шарлин, С. Гаукрогер и Э. Хенней, называли в числе ее недостатков увлечение «внешними» сторонами деятельности ученого, пренебрежение его личной жизнью, сведение рассказа о нем к простому хронологическому повествованию об основных событиях его жизни. В противовес «научной биографии» и был выдвинут концепт «интеллектуальной биографии». Внимание в нем перенесено на внутренний мир исследователя. Перед составителем интеллектуальной биографии, согласно В.В. Ващенко, стоят две основные задачи: во-первых, выяснить генезис и сущность интеллектуальных достижений субъекта; во-вторых, «установить рациональность субъекта в терминах его мотиваций»[18]. Иначе говоря, авторы исследуют «внутреннюю логику», которая определяет выбор ученым той или иной научной методологии. В свою очередь смена методологических ориентиров субъекта для биографа является надежным ориентиром для периодизации его жизненного пути.

Менее обстоятельна статья В.Н. Андреева[19]. Как и Л.П. Репина, он связывает возникновение нового жанра с обновлением интеллектуальной истории, проникновением в нее методологических принципов новой биографической истории. Суммируя известные ему высказывания об интеллектуальной биографии, автор сделал вывод, что «отличие интеллектуальной биографии от привычного жанра традиционной биографии заключается в том, что жизнь отдельного человека, формирование его внутреннего мира, вклад в развитие внешнего мира выступает и как цель исследования, и как средство познания исторического социума, который творится им и включает их самих»[20]. Интеллектуальная биография предполагает синтез всех сфер жизни и деятельности субъекта, она не сводится к перечислению событий его жизненного пути, а вскрывает механизм, логику развития внутреннего мира персонажа. Кроме того, в силу расширения предметного поля интеллектуальной истории В.Н. Андреев ставит и вопрос об обращении составителей интеллектуальной биографии к жизненному пути тех, чей профессиональный и социальный статус не позволяет причислить их к интеллектуалам.

Остается еще раз констатировать недостаточность работ, посвященных теоретико-методологическим основам интеллектуальной биогра-

---

[18] Там же. С. 477, 481.
[19] *Андреєв* 2011.
[20] Там же. С. 338.

фии[21]. Ее многочисленные конкретно-исторические воплощения здесь анализироваться не будут в силу слабой методологической рефлексии их авторов. Однако, учитывая известные нам исследования и опираясь на свой опыт создания интеллектуальной биографии[22] полагаю возможным высказать ряд собственных суждений об основах нового жанра.

Главной проблемой, без решения которой вообще не имеет смысла говорить о жанре интеллектуальной биографии, является вопрос об объекте и предмете. Сложилась парадоксальная ситуация: авторы декларируют новизну жанра именно исходя из специфического предмета исследования, но в то же время не дают четкого его определения. Своего рода общим местом стало утверждение о том, что внимание исследователей в них приковано к внутреннему миру человека, его мировоззрению, в противовес его направленной «вовне» общественной деятельности. Подобная трактовка представляется излишне упрощенной, требующей уточнения и переформулирования, нуждающейся в конкретизации.

Практически все, кто касался основ нового жанра, подчеркивали значимость социокультурного, интеллектуального контекста, вне обращения к которому изучение интеллектуальной жизни избранного персонажа представляется невозможным (за исключением Д.М. Володихина). Конечно, этот акцент можно было бы отнести на счет особенностей биографического метода в целом, как раз предполагающего анализ деятельности индивида в тесной связи с его общественной средой, но есть и иное, более существенное объяснение. Основатель феноменологии Э. Гуссерль в качестве одного из базовых признаков человеческого сознания назвал интенциональность – его направленность на что-либо, «схватывание» предмета в виде смысла. Вне этой направленности человеческого сознания не существует, как, например, отсутствует оно у больного, находящегося в коме[23].Таким образом, вне социокультурного контекста не существует самого внутреннего мира человека. Микрокосмос включает в себя макрокосмос, одно без другого не может существовать. Привычные рамки внутреннего и внешнего в интеллектуальной биографии размываются, внешний мир плавно перетекает во внутренний[24].

---

[21] К уже перечисленным можно добавить статью Т.Н. Поповой, посвященную современным биографическим разысканиям в историографии, но она лишь кратко суммирует уже высказывавшиеся в России и Украине суждения, см.: *Попова* 2012.

[22] *Базанов* 2014.

[23] См. напр.: *Сартр* 1988; *Ландсгребе* 2002.

[24] В этом и состоит главное размежевание «интеллектуальной биографии» и проекта «экзистенциальной биографии». Выдвинутый Д.М. Володихиным концепт претендует на освещение взаимоотношений персонажа с окружающим его бытием, самим мирозданием и порождаемыми им вопросами. По мысли автора, заимствованной у философов-экзистенциалистов, общество при этом превращается в своего рода свидетеля этой дуэли, секундантом, отступающим на второй план. Однако подобная

Полагаем, не менее важен и поставленный О.Б. Леонтьевой вопрос о соотношении рефлексируемого и нерефлексируемого в сознании изучаемого индивида для составителя интеллектуальной биографии. Так, еще сам основатель интеллектуальной истории А. Лавджой в качестве объектов ее изучения среди прочих называл «бессознательные ментальные привычки, оказывающие воздействие на мысль индивида или поколения», «представляющиеся настолько само собой разумеющимися, что они скорее молчаливо подразумеваются, нежели формулируются или обеспечиваются»[25]. Они столь естественны, что носитель их не замечают, но именно такой класс идей определяет способ мышления человека.

Как правило, исследователи придают огромное значение самооценкам индивида, в том числе самоотнесению с ведущими (на момент его жизни) течениями мысли (научными методологиями, философскими учениями, художественными направлениями и т.д.). Полагаю, однако, что к подобным высказываниям нужно относиться критически. Еще в 1922 г. в своей первой историографической работе будущий академик М.В. Нечкина отмечала: «…у многих и многих историков теория одно, а практика исторического исследования – другое. Ниже мы увидим, что если какой-нибудь историк заявляет себя последователем хотя бы теории экономического материализма, то это еще не значит, что ему удастся целиком приложить эту теорию к своему историческому исследованию; мы встретим зачастую резкие отступления от этой теории или тесную зависимость исследования от противоположной теории. Чаще всего это происходит незамеченным для самого автора»[26].

Эта чрезвычайно простая мысль в дальнейшем ушла из поля зрения историографов. К сожалению, то же свойственно и многим историкам идей. Вся система воззрений ученого (философа, деятеля искусств) представляется им в виде иерархической системы, во главе которой – наиболее общие философские воззрения субъекта на окружающий мир, а в основании – эмпирические исследования (произведения искусства, в которых эти представления реализуются). Однако подобная позиция предполагает, что изучаемая персона, во-первых, наделена большой степенью рефлексии о своем творчестве, во-вторых, свободна в своей деятельности от вмешательства сторонних сил, которые могут вынудить внести в творчество чуждые ей идеи. В чистом виде эти условия не реализовывались нигде и никогда. Поэтому необходимо признать некоторую автономию за различными уровнями системы мировоззрения ин-

---

позиция не учитывает того факта, что восприятие окружающего мира у человека не носит прямого характера, оно всегда опосредовано общественными установками.

[25] *Лавджой* 2001. С. 12-13.

[26] *Нечкина* 2005. С. 200–201.

дивида. Случаи, когда биограф обнаруживает противоречия в ее рамках, не следует расценивать в качестве ошибки биографа, равно как не стоит и затушевывать эти противоречия ради создания монолитно-цельной схемы мироощущения изучаемого персонажа. Вполне возможно, что они свидетельствуют о скрываемой индивидом «интеллектуальной оппозиции» окружающей социокультурной среде или о наличии в его сознании нерефлексируемых им идей. В обоих случаях обнаруженные нестыковки не только не свидетельствуют об ошибке биографа, но и являются отправными точками для проведения нового исследования.

Помимо интеллектуального контекста каждый индивидуум живет в рамках собственной социальной среды, которая неизбежно воздействует на его творческий путь. Семья, государство, система образования, принадлежность к определенному социальному классу, страте, научной школе, академическому клану или группе деятелей искусства оказывает гигантское влияние на мыслителя (заметим, не всегда им самим осознаваемое). Поэтому в поле зрения автора интеллектуальной биографии должны помимо прочего находиться социальные механизмы производства и воспроизведения знания, при этом необходимо учитывать сложную, многоуровневую структуру самого общества. Интеллектуальная биография не может ограничиться наброском лишь общих тенденций развития общества, необходима реконструкция микроуровня повседневности изучаемого персонажа (П.А. Алипов именует их «внешним» и «внутренним контекстом»[27]). Следует понимать, что исторические закономерности носят статистический характер и в каждом конкретном случае реализуются лишь с определенной степенью вероятности. Это накладывает на биографа обязанность по возможности разъяснять, почему та или иная тенденция оказалась реализована (или нет) на жизненном пути изучаемого индивидуума (конечно, в случае, если источники дают возможность ответить на данный вопрос).

Исходя из всего изложенного выше представляется возможным определить объект интеллектуальной биографии как динамически развивающуюся систему когнитивных взаимодействий индивида с окружающей его социально-интеллектуальной средой. Именно инструментом и одновременно порождением такового взаимодействия являются мыслительные конструкции, изучаемые авторами интеллектуальной биографии. По аналогии с названием жанра его также можно именовать «интеллектуальной биографией» (подобная двойственность уже существует в рамках историографической традиции, где «биографией» именуют как жизнеописание, так и сам жизненный путь человека).

---

[27] *Алипов* 2011. С. 18.

П.А. Алипов, как уже отмечалось выше, полагает, что в системе мировоззрения исторического персонажа можно выделить «статичное ядро, которое формируется в ранней молодости, а затем уже практически не претерпевает изменения»[28], и «динамичные элементы», которые, собственно, и подлежат изучению. Исходя из этого можно было бы отождествить эти «динамичные элементы» с предметом интеллектуальной биографии. Однако в данном случае суждение П.А. Алипова представляется излишне механистичным и абстрактным. Не ясно, почему в основу мировоззрения помещаются именно статичные элементы. Вполне возможно предположить, что они носят второстепенный, незначительный характер – и именно благодаря этому и сохраняют свой первоначальный вид. Априорным представляется и тезис о том, что это ядро формируется именно в «ранней молодости». Современная персональная история с большим скепсисом относится к подобному линейному изображению жизненного пути человека, считая его следствием ретроспективного взгляда биографиста, нежеланием рассматривать альтернативы в жизни изучаемого персонажа. Ядро, основу интеллектуальной биографии следует выявлять посредством тщательного анализа его представлений, выявления причинно-следственных связей между суждениями автора, и лишь затем обращаться к такому критерию, как статичность или динамичность. В целом же мы полагаем, что предметом нового жанра могут являться любые трансформации, аспекты существования и явления интеллектуальной биографии индивида.

Безусловно, дальнейшее развитие жанра потребует корректировки подобного аморфного понимания предмета, а также большей детализации и структуризации объекта интеллектуальной биографии. Сам же стремительно набирающий популярность жанр интеллектуальной биографии сможет занять достойное место в современной историографии. Однако для этого необходима постоянная рефлексия о его теоретико-методологических основах, в противном случае ему будет угрожать постепенное размывание и утрата специфики, переход от аналитики к простой описательности и, как следствие, упадок эвристической ценности.

БИБЛИОГРАФИЯ

Алипов П.А. Жанр интеллектуальной биографии в современной российской историографии // Будущее нашего прошлого: материалы всероссийской научной конференции: РГГУ, 15–16 июня 2011 г. М., 2011. С. 7-20.

Андреєв В. «Інтелектуальна біографія» історика: експлікація поняття // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Київ, 2011. Вип.5. С. 333-341.

Базанов М.А. Александр Александрович Зимин: биография ученого в контексте развития отечественной науки. Дисс. … канд. ист. наук. Челябинск, 2014.

[28] Там же. С. 18.

Ващенко В. Концепт «інтелектуальна біографія» та конструювання «наукових біографій» в українській історіографії // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. К., 2009. Вип.4. С. 475-486.

Волкогонова О.Д. Н.А. Бердяев: интеллектуальная биография. М., 2001.

Володихин Д.М. Две версии микроисторической платформы в отечественной историографии // Диалог со временем. 2002. Вып. 8. С. 445-447.

Володихин Д.М. Экзистенциальный биографизм в истории // Персональная история. М., 1999. С. 3-10.

Воробьева О.В. А.Дж. Тойнби: на пути постижения истории. Очерк интеллектуальной биографии // Диалог со временем. 2003. Вып. 17. С. 115–169.

Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993.

Емельянов Б.В. Борис Чичерин: интеллектуальная биография и политическая философия. Екатеринбург, 2003.

Казаков С.О. К интеллектуальной биографии Эрнста Юнгера // Диалог со временем. 2008. Вып. 24. С. 352–364.

Лавджой А. Великая цепь бытия: История идей. М., 2001.

Ландсгребе Л. Интенциональность у Гуссерля и Бретанье // Логос. 2002. № 2(33). С. 33-39.

Лаптева М.П. Интеллектуальная интуиция как элемент интеллектуальной биографии // Историческая наука и образование в России и на Западе: судьбы историков и научных школ / отв. ред. Л.П. Репина. М., 2012. С. 58-61.

Леонтьева О.Б. Интеллектуальная биография // Историк в историческом и историографическом времени: Материалы Международного форума, посв. 100-летию со дня рождения проф. А.С. Шофмана. Казань, 2013. С. 235–237.

Мочкин А.Н. Фридрих Ницше: интеллектуальная биография. М., 2005.

Нейман А.М. Биография в истории экономической жизни: опыт интеллектуальной биографии Дж.М. Кейнса // История через личность: историческая биография сегодня / под ред. Л.П. Репиной. М., 2005. С. 330-368.

Нечкина М.В. Русская история в освещении экономического материализма (историографический очерк) (Фрагменты книги. Предисловие И.Л. Беленького) // Россия и современный мир. 2005. №. 2. С. 192–207.

Попова Т.Н. Историография в человеческом измерении // Історіографічні дослідження в Україні / Голова редколегії В.А.Смолій; відп. ред. О.А.Удод. К., 2012. Вип. 22. С. 265-292.

Репина Л.П. Биографический подход в интеллектуальной истории // Философский век. Альманах. 2006. Вып. 32. Бенджамин Франклин и Россия: к 300-летию со дня рождения. Ч. 2. С. 101-108

Репина Л.П. Персональная история и интеллектуальная биография // Диалог со временем. 2002. Вып. 8. С. 5-11.

Сартр Ж.-П. Основная идея феноменологии Э. Гуссерля: интенциональность // Проблемы онтологии в современной буржуазной философии. Рига, 1988. С. 318-321.

Хатунцев С.В. Константин Леонтьев: Интеллектуальная биография, 1850-1874 гг. СПб., 2007.

Шестаков В.П. Интеллектуальная биография Эрнста Гомбровича. М., 2006.

REFERENCES

Alipov P.A. Zhanr intellektual'noj biografii v sovremennoj rossijskoj istoriografii // Budushhee nashego proshlogo: materialy vserossijskoj nauchnoj konferencii: RGGU, 15–16 ijunja 2011 g. M., 2011. S. 7-20.

Andreєv V. «Intelektual'na biografija» istorika: eksplikacija ponjattja // Ejdos. Al'manah teorії ta istorії istorichnoї nauki. Kiїv, 2011. Vip.5. S. 333-341.

Bazanov M.A. Aleksandr Aleksandrovich Zimin: biografija uchenogo v kontekste razvitija otechestvennoj nauki. Diss. … kand. ist. nauk. Cheljabinsk, 2014.
Vashhenko V. Koncept «intelektual'na biografija» ta konstrujuvannja «naukovih biografij» v ukraïns'kij istoriografiï // Ejdos. Al'manah teoriï ta istoriï istorichnoï nauki. K., 2009. Vip.4. S. 475-486.
Volkogonova O.D. N.A. Berdjaev: intellektual'naja biografija. M., 2001.
Volodihin D.M. Dve versii mikroistoricheskoj platformy v otechestvennoj istoriografii // Dialog so vremenem. 2002. Vyp. 8. S. 445-447.
Volodihin D.M. Jekzistencial'nyj biografizm v istorii // Personal'naja istorija. M., 1999. S. 3-10.
Vorob'eva O.V. A.Dzh. Tojnbi: na puti postizhenija istorii. Ocherk intellektual'noj biografii // Dialog so vremenem. 2003. Vyp. 17. S. 115–169.
Gurevich A.Ja. Istoricheskij sintez i shkola «Annalov». M., 1993.
Emel'janov B.V. Boris Chicherin: intellektual'naja biografija i politicheskaja filosofija. Ekaterinburg, 2003.
Kazakov S.O. K intellektual'noj biografii Jernsta Jungera // Dialog so vremenem. 2008. Vyp. 24. S. 352–364.
Lavdzhoj A. Velikaja cep' bytija: Istorija idej. M., 2001.
Landsgrebe L. Intencional'nost' u Gusserlja i Bretan'e // Logos. 2002. № 2(33). S. 33-39.
Lapteva M.P. Intellektual'naja intuicija kak jelement intellektual'noj biografii // Istoricheskaja nauka i obrazovanie v Rossii i na Zapade: sud'by istorikov i nauchnyh shkol / otv. red. L.P. Repina. M., 2012. S. 58-61.
Leont'eva O.B. Intellektual'naja biografija // Istorik v istoricheskom i istoriograficheskom vremeni: Materialy Mezhdunarodnogo foruma, posv. 100-letiju so dnja rozhdenija prof. A.S. Shofmana. Kazan', 2013. S. 235–237.
Mochkin A.N. Fridrih Nicshe: intellektual'naja biografija. M., 2005.
Nejman A.M. Biografija v istorii jekonomicheskoj zhizni: opyt intellektual'noj biografii Dzh.M. Kejnsa // Istorija cherez lichnost': istoricheskaja biografija segodnja / pod red. L.P. Repinoj. M., 2005. S. 330-368.
Nechkina M.V. Russkaja istorija v osveshhenii jekonomicheskogo materializma (istoriograficheskij ocherk) (Fragmenty knigi. Predislovie I.L. Belen'kogo) // Rossija i sovremennyj mir. 2005. №. 2. S. 192–207.
Popova T.N. Istoriografija v chelovecheskom izmerenii // Istoriografichni doslidzhennja v Ukraïni / Golova redkolegiï V.A.Smolij; vidp. red. O.A. Udod. K., 2012. Vip. 22. S. 265-292.
Repina L.P. Biograficheskij podhod v intellektual'noj istorii // Filosofskij vek. Al'manah. 2006. Vyp. 32. Bendzhamin Franklin i Rossija: k 300-letiju so dnja rozhdenija. Ch. 2. S. 101-108.
Repina L.P. Personal'naja istorija i intellektual'naja biografija // Dialog so vremenem. 2002. Vyp. 8. S. 5-11.
Sartr Zh.-P. Osnovnaja ideja fenomenologii Je. Gusserlja: intencional'nost' // Problemy ontologii v sovremennoj burzhuaznoj filosofii. Riga, 1988. S. 318-321.
Hatuncev S.V. Konstantin Leont'ev: Intellektual'naja biografija, 1850-1874 gg. SPb., 2007.
Shestakov V.P. Intellektual'naja biografija Jernsta Gombrovicha. M., 2006.

***Базанов Михаил Александрович**, кандидат исторических наук, ведущий археограф отдела публикации и научного использования документов Государственного учреждения «Объединенный государственный архив Челябинской области» (ГУ ОГАЧО); bazanov.86@mail.ru*

Intellectual biography: the contours of a new genre in Russian and Ukrainian historiography

The author analyzes Russian and Ukrainian works dedicated to the genre of intellectual biography. On the basis of this study, and on personal experience of creating intellectual biography, the author offers interpretations of the object and the subject of study in this new genre.

Keywords: intellectual biography, intellectual history, modern biographical history, object of study, subject of study, genre of historical literature, reflection, theory and methodology of the research.

Mikhail Bazanov, *Ph.D, Leading archaeographer of Department of publication and scientific use of documents of the United State Archive of Chelyabinsk region; bazanov.86@mail.ru*

С. А. Доманина

ТРИ ЗЕРКАЛА ДЛЯ ИМПЕРАТОРА КЛАВДИЯ
ОБРАЗ КЛАВДИЯ В АНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ, ДИЛОГИИ Р. ГРЕЙВЗА И ФИЛЬМЕ Х. УАЙЗА

Статья посвящена проблеме интерпретации личности римского императора Клавдия в произведениях античных авторов, а также в романах Р. Грейвза «Я, Клавдий» и «Божественный Клавдий» и телевизионном сериале Х. Уайза «Я, Клавдий».

Ключевые слова*: *император Клавдий, интерпретация личности, античная традиция, Р. Грейвз, Х. Уайз, художественная биография, экранизация.

Давно уже стало банальной истиной, что провозглашенный в свое время Тацитом принцип “Sine ira et studio” является хотя и желанным, но недостижимым идеалом. Любой историк, вольно или невольно, всегда дает собственную оценку излагаемым событиям, компонуя и интерпретируя (а в худшем случае – искажая) те или иные исторические факты в соответствии со своим научным замыслом, подчеркивая одни из них и подчас замалчивая другие, пытаясь по-своему трактовать характеры исторических личностей и высказывая предположения о мотивах тех или иных поступков. Когда же исторический нарратив попадает в руки романиста, то здесь автор вообще не ограничен никакими научными рамками: «законы жанра» позволяют ему любые трактовки исходного исторического материала, и читателю остается только надеяться, что художественный вымысел не возобладает над здравым смыслом. Наконец, экранизация исторического романа открывает широчайший простор фантазии режиссера, допуская в угоду основной идее фильма или требованиям шоу-бизнеса не только модернизацию костюмов и декораций – для придания сюжету «вневременного» характера (что зачастую имеет определенный смысл – довольно удачным в этом отношении можно считать недавний опыт Р. Файнса с постановкой «Кориолана»), но и неоправданное возвеличивание или, наоборот, опошление отдельных событий и персонажей (в качестве такого примера приведем известный сериал М. Эптеда и др. «Рим», в котором Атии, матери Октавиана, безосновательно приписывается непотребное поведение, да и прочие режиссерские «находки» имеют мало отношения к реальной истории).

Большинства вышеперечисленных недостатков удалось счастливо избежать истории жизни императора Тиберия Августа Цезаря Клавдия Германика, более известного просто как император Клавдий. В 1930-е годы она была талантливо воссоздана на основе античных источников[1]

[1] «В число античных авторов, к помощи которых я прибег… входят Тацит, Кассий Дион, Светоний, Плиний, Варрон, Валерий Максим, Орозий, Фронтин, Страбон, Цезарь, Колумелла, Плутарх, Иосиф Флавий, Диодор Сицилийский, Фотий, Ксифилин, Зонара, Сенека, Петроний, Ювенал, Филон, Цельс, авторы «Деяний

английским ученым и писателем Робертом Ранке Грейвзом (1895–1985), потомком немецкого историка Леопольда фон Ранке, облечена в форму мемуаров, и в итоге возникла замечательная историко-биографическая дилогия – «Я, Клавдий» (1934)[2] и «Божественный Клавдий» (1935)[3], за которую автор получил премию Н. Готорна и премию Эдинбургского университета[4]. А в 1976 г. эта художественная биография была не менее талантливо экранизирована на канале BBC (Би-би-си) английским режиссером Хербертом Уайзом[5]. 13-серийный телевизионный фильм по достоинству оценен зрителями (оценка 9,1 из 10 возможных согласно рейтингу Internet Movie Database (IMDb) – крупнейшей мировой базы данных о кинематографе) и кинокритиками (в 1977 г. – три премии Британской академии кино и телевизионных искусств BAFTA, в 1978 г. – премия американской телевизионной академии «Эмми», в 2000 г. – 12-е место в списке «Сто лучших телепрограмм Великобритании» по версии Британского киноинститута, а в 2007 г. фильм был включен в список «Сто лучших телешоу всех времен» по версии журнала «Тайм»)[6]. Остается лишь сожалеть, что сериал «Я, Клавдий» так и не был закуплен для показа ни в СССР, ни позже в России: советским чиновникам, отвечавшим за прокат иностранных сериалов, фильм Уайза, видимо, показался излишне злободневным (поскольку дело происходило во второй половине 1970-х гг., то уж слишком явно напрашивалась скандальная аналогия с косноязычным дряхлеющим генсеком, на глазах у всей страны и всего мира все глубже погружавшимся в трясину маразма), а сегодняшние дельцы от кинобизнеса, скорее всего, решили, что фильм, который не является ни «боевиком», ни «мыльной оперой», ни «хоррором», в современной России попросту не окупится. И если ознакомиться с дилогией Р. Грейвза, переведенной на русский язык, для желающих не составляет особого труда, то шедевр Х. Уайза так и остался бы неизвестным российской аудитории, если бы не вездесущий интернет.

Античная традиция акцентирует внимание, главным образом, на недостатках Клавдия как человека и как правителя. Так возникает хрестоматийный образ хромоногого заики с трясущейся головой (Suet. *Claud*. 30; Dio Cass. LX. 2. 2), обжоры, пьяницы (Suet. *Claud*. 7, 33; Dio Cass. LX. 2. 5), сластолюбца и подкаблучника (Tac. *Ann.* XI. 28; XII. 1, 7, 42, 59; Suet. *Claud.* 25, 29; Dio Cass. LX. 28. 2; 31. 8; 32 .1), не имеющего собственного мнения даже по жизненно важным для него самого вопросам (Tac. *Ann.* XII. 3, 41; XIII. 2), служащего посмешищем для всего Ри-

---

апостолов», апокрифические евангелия Никодима и святого Иакова и дошедшие до наших дней письма и речи самого Клавдия» (цит. по: *Грейвз* 1994. С. 6).

[2] Грейвз 1991.

[3] Грейвз 1994.

[4] Тахо-Годи 1992. С. 577.

[5] http://www.imdb.com/title/tt0074006/

[6] http://www.imdb.com/title/tt0074006/awards

ма (Tac. *Ann.* XII. 8; Suet. *Claud.* 8,15), к тому же человека весьма трусливого (Tac. *Ann.* XI. 31; Suet. Claud. 10,18, 35. 1; Dio Cass. LX. 2. 6; 3. 3; 14; 15. 4) и зачастую неоправданно жестокого (Tac. *Ann.* XII. 59; Dio Cass. LX. 13. 4; 14. 1; 16. 7). Вряд ли можно представить себе более жалкое зрелище… Хотя римские историки, парадоксальным образом противореча себе же самим, рисуют параллельно с этим и совершенно иной портрет Клавдия – вдумчивого исследователя и талантливого ученого (Ios. Flav. *Antiquit*. XIX. 3. 1; Tac. *Ann.* VI. 46; Suet. *Claud.* 3. 1; 40. 3; 42), человека милосердного (Suet. *Claud.* 11. 1; 14; Dio Cass. LX. 3. 5-7; 10. 3; 12. 1-2) и скромного даже на вершине власти (Tac. *Ann.* XI. 25; Suet. *Claud.* 12. 1; Dio Cass. LX. 3. 4-6; 6. 1-3, 9; 11. 7, 12. 3-5; 13. 5), заботливого правителя, заслужившего любовь и благодарность римлян (Suet. *Claud.* 12. 3; 18. 1; Dio Cass. LX. 4. 1-2; 11. 1-4; 28. 1). Согласно данным Светония и Диона Кассия, Клавдий сумел позаботиться даже о рабах, впервые в римской истории объявив свободными тех, кого хозяева обрекли на голодную смерть по причине старости или болезни (Suet. *Claud.* 25. 2; Dio Cass. LX. 29. 7). Да и сам Октавиан Август, который, с одной стороны, сильно сомневался в умственной полноценности юного Клавдия (Suet. *Claud.* 4. 1-2), с другой стороны, в письме к Ливии упоминает о «благородстве души» (*psyches eugeneia*), свойственном ее внуку (Suet. *Claud.* 4. 5). Что касается умственных способностей Клавдия, то они описываются в источниках наиболее противоречиво: если Тацит говорит об умственной ограниченности Клавдия (*imminuta mens* – *Ann.* VI. 46), то Дион Кассий отмечает, что он не был слаб умом, писал исторические труды и постоянно упражнял свои умственные способности (*Εγένετο δέ τεν μεν ψυχην ου φαυλος αλλα αει και εν παιδεία ήεσκητο ώστε και συγγράφαι τινά* – LX. 2. 1). По словам Светония, Клавдий в словах и поступках часто проявлял необдуманность (*neglegentia* – *Claud.* 40. 1) и глупость (*stultitia* – *Claud.* 15. 4; 38. 3). Но Светоний же указывает и на двойственность его натуры, сообщая, что Клавдий вел себя «непостоянно и неустойчиво» (*inaequabiliter varioque* – *Claud.* 16. 1): «Иногда осмотрительный и проницательный, иногда – безрассудный и опрометчивый, иногда – взбалмошный и подобный безумному» (*modo circumspectus et sagax, interdum inconsultus ac praeceps, nonnumquam frivolus amentique similis* – *Claud.* 15. 1). Историки пытаются проанализировать причины такого странного поведения своего героя, и ответ обнаруживается в речах самого Клавдия: по данным Светония, он говорил, что «нарочно демонстрировал притворную глупость во время правления Гая (Калигулы – *С. Д.*), так как иначе не смог бы выжить и достичь своего положения» (*ne stultitiam quidem suam reticuit simulatamque a se ex industria sub Gaio, quod aliter euasurus perventurusque ad susceptam stationem non fuerit* – Suet. *Claud.* 38. 3). Но далее Светоний пишет, что эта речь никого не убедила (*nec tamen persuasit.* – Ibidem) – то есть, из кон-

текста можно понять, что она не убедила и самого Светония. Дион Кассий, судя по всему, придерживается иного мнения: он не только добавляет, что необходимость притворяться глупым возникла у Клавдия еще в детстве, и причиной тому было его воспитание, которое сопровождалось постоянными болезнями и страхом (*άτε γαρ εκ παίδων έν τε νοσηλεία και φόβω πολλω τραφείς* – LX. 2. 4), но и не высказывает никаких сомнений относительно истинности этого официального признания, которое сам император сделал на заседании сената.

Как верно отмечает Я.Ю. Межерицкий, «Клавдий часто напоминает, скорее, рассеянного профессора, чем победоносного и величественного императора – любимца богов. Он <…> говорил все, что думал, а стиль его мышления, сформированный учеными занятиями, резко отличался от образа мыслей окружавших. Все это было далеко от римских представлений о dignitas; у Клавдия начисто отсутствовало все то, что в современной литературе именуется “аурой” вождя. Отсюда античная традиция о физически и умственно неполноценном принцепсе-чудаке»[7].

Таким образом, секрет двойственного отношения римских историков к Клавдию заключается в том, что его внешний образ в корне отличался от того идеала правителя и политика, который был привычен римскому менталитету, требующему от аристократа, прежде всего, военных заслуг и лидерских качеств. В течение многих веков гражданская карьера римлянина была неразрывно связана с военной, поэтому предполагалось, что человек, претендующий на высокий пост, обязан пройти армейскую школу, иметь опыт военного командования и обладать доблестью (*virtus*), что в силу физических недостатков Клавдия было попросту недостижимо. Отсюда – предубеждение, которого так и не смогли преодолеть ни сторонник «старых добрых нравов» республиканец Тацит, ни Светоний, ни даже Дион Кассий, позиция которого представляется нам в данном случае наиболее взвешенной. Лишь Иосиф Флавий при описании Клавдия избегает нелицеприятных сведений о нем, но это объясняется, скорее всего, тем, что император был близким другом царя Ирода Агриппы, и в еще большей степени тем, что в силу этой дружбы Клавдий издал эдикт о праве иудеев на соблюдение национальных обычаев (*Antiquit.* XIX. 5. 3).

Еще раз подчеркнем, что негативная оценка Клавдия-человека в тех же источниках соседствует с более позитивной характеристикой его как императора. Светоний одобряет его неконфликтную политику по отношению к сенату, уважение, которое он оказывал сенаторам (*Claud.* 12. 1-2; 14), «чрезвычайную заботу» о благоустройстве города и снабжении его продовольствием (*urbis annonaeque curam sollicitissime semper egit.* – *Claud.* 18), «значительную и необходимую» строительную деятельность (*opera magna… necessaria* – *Claud.* 20). Дион Кассий сообщает об упразднении введенных Калигулой непомерных налогов, о возвращении

[7] Межерицкий 1991. С.66.

несправедливо сосланных и освобождении осужденных по делам об оскорблении величия (LX. 4. 1-2), о возвращении неправедно конфискованного имущества его владельцам (LX. 6. 3), а городам – статуй, вывезенных в Рим Калигулой (LX. 6. 8), о мерах, которые были предприняты Клавдием для бесперебойного снабжения Рима хлебом (LX. 11. 1-5), и о том же уважительном отношении к сенаторам (LX. 12. 1-3). Даже Тациту, при всей его предубежденности, приходится отметить, что действия Клавдия по отношению к сенату были «благоприятными для государства» (*laeta… in rem publicam munia* – Тас. *Ann.* XI. 25). Получается, что весьма положительный образ Клавдия-императора искажается античным нарративом по причине несоответствия идеалам эпохи Клавдия-человека, и зеркало, в целом правдиво отражающее эпоху как таковую, по требованиям той же эпохи в карикатурном свете представляет конкретную личность Тиберия Клавдия Друза Нерона Германика, действующую в данных исторических условиях.

В дилогии Р. Грейвза Клавдий, вопреки мнению античных историков, предстает перед нами сугубо положительным персонажем, ибо цель автора, безусловно, заключается в том, чтобы реабилитировать своего героя. Повествование ведется от первого лица, и это позволяет Грейвзу, сохраняя в целом историческую объективность, заранее отсечь или представить как косвенные почти все данные источников, объективно свидетельствующие не в пользу Клавдия: ведь самого себя человек, как правило, видит в лучшем свете, а своим недостаткам всегда находит извинение или объяснение. Конечно, в таком подходе есть и серьезные минусы, которые приводят к тому, что автор идеализирует своего героя, но та же «мемуарная» стилистика наилучшим образом и оправдывает эту идеализацию: «Функции героя-повествователя многообразны. Главной является его способность с первых строк внушить доверие читателям: человек не от мира сего, которому нечего ждать милостей от судьбы и от общества, он стоит как бы над схваткой, над политическим азартом и, словно предвосхищая завет Тацита, говорит о том, что видит, “без гнева и пристрастия”»[8].

Чтобы объяснить, как из болезненного ребенка, полузаброшенного и презираемого матерью и остальными родственниками, вырастает незаурядная личность, а в дальнейшем – выдающийся правитель огромной империи, Грейвз очень подробно описывает детство Клавдия, искусно складывая в мозаичную картину и отрывочные сведения источников об этом самом детстве, и свидетельства об эпохе в целом, и собственные знания в области детской психологии. И перед читателем возникают яркие образы, из которых формируется окружение мальчика, а точнее – два круга общения: с одной стороны, это его мать Антония, прочие взрослые родственники, которые с трудом выносят общество маленького Клавдия,

[8] Дьяконова 1991. С.11.

считая его ущербным неудачником и истинным наказанием для всего семейства, жестокая сестра Ливилла и чванливый учитель Катон; с другой – его старшие братья и верные защитники – Германик и Постум, умный и терпеливый наставник – стоик Афинодор, друг детства Ирод Агриппа, которого сам Клавдий иронично характеризует как «негодяя с золотым сердцем», а также домашние рабы и рабыни – в основном образованные люди родом из Греции, у которых нет никаких причин относиться с предубеждением к несчастному ребенку (скорее, наоборот – он, ставший изгоем в собственной семье, именно у них находит душевное тепло и понимание). Вокруг внешне благополучного многочисленного семейства Юлиев-Клавдиев во главе с Августом и Ливией постоянно циркулируют слухи об отравлениях тех его членов, кто, с точки зрения Ливии, мешает благополучию правящей семьи. Убийства «несогласных» происходят одно за другим, но их принято маскировать под смерть по естественным причинам или печальные превратности судьбы, а любые сомнения в этом сами, в свою очередь, смертельно опасны. Грейвз мастерски передает атмосферу лжи и страха, которую создает вокруг себя Ливия – по меткому выражению Тацита, «плохая мать для государства и мачеха, опасная для дома Цезарей» (*gravis in rem publicam mater, gravis domui Caesarum noverca – Ann.* I. 10), и в этом контексте советы преувеличивать свою физическую немощь и притворяться слабоумным, данные Клавдию, независимо друг от друга, Постумом и Азинием Поллионом, выглядят вполне разумными и логичными.

Юность и молодость главного героя сопровождаются не только телесными недугами и страхом, но и невосполнимыми потерями: по облыжному обвинению ссылают, а вскоре убивают Постума, уезжает в армию, а затем странным образом погибает Германик, возвращается к себе на родину Афинодор. Единственным другом Клавдия остается Ирод Агриппа, а главной отдушиной и утешением – занятия историей и древними языками. Именно это помогает ему сохранить живую душу и здравый рассудок, когда государство оказывается сначала в руках ожесточившегося Тиберия, а потом свихнувшегося Калигулы. Причем Грейвз, практически не демонизируя своих отрицательных персонажей (за исключением Ливии, но и она по ходу взросления Клавдия постепенно теряет демоническую ауру, а ее исповедь перед ним в надежде заслужить посмертное обожествление окончательно лишает его бабку покрова тайны), стремится придать им архетипические черты, стараясь обосновать свою основную идею о том, что «тогда, как и теперь, люди действовали под влиянием грубых интересов и страстей, а немногие способные проникнуться мыслью о благе ближних сходили в безвременную могилу под натиском победоносного эгоизма»[9].

---

[9] *Дьяконова.* 1991. С. 10.

Личная жизнь Клавдия тоже несчастлива, так как и она изуродована теми, кто находится у власти и чьей воле он вынужден подчиняться. Его первая любовь, Камилла Медуллина, мешает планам Ливии и потому в день свадьбы погибает по ее приказу. Затем одна за другой следуют насильственные женитьбы: Ливия навязывает Клавдию грубую великаншу Ургуланиллу (вдобавок еще издеваясь над тем, какая нелепая пара из них получилась), всесильный временщик Тиберия Сеян – сварливую и громогласную Элию Петину, Калигула – прекрасную, но развратную Мессалину, и даже возвысившиеся в правление самого Клавдия вольноотпущенники Нарцисс и Паллант убеждают его жениться на лицемерной Агриппинилле, его же собственной племяннице, склонив тем самым к нарушению древнего закона. При описании этих браков (кроме семейной жизни с Мессалиной) отмеченная выше отстраненность рассказчика вступает в явное противоречие с античными свидетельствами о любвеобилии Клавдия, но в качестве объяснения Грейвз вводит в сюжет сначала профессиональную проститутку Акте, с которой много лет спокойно сожительствует его герой, а затем ее сменяет Кальпурния; хотя их брак с Клавдием невозможен в силу ее профессии, но именно она становится его фактической женой до конца жизни.

Та часть дилогии, в которой повествуется о деяниях Клавдия в качестве императора, в наибольшей степени напоминает даже не дневниковые записи, а некий сухой отчет. Само собой, здесь нашлось место всем положительным фактам его правления, которые известны нам по историческим трудам: и его строительной деятельности, и британскому походу, и политике в отношении иудеев, и многому другому. При этом Грейвз предлагает здесь свою собственную интерпретацию мотивов Клавдия, приписывая ему твердое намерение воплотить в жизнь мечты деда и отца о возвращении республиканского строя. Но тут же показывает, как все эти эфемерные надежды разбиваются при столкновении с исторической реальностью: герою все время кажется, что нужно только дождаться подходящего момента, и тогда можно будет отдать управление государством в руки сената, а самому вернуться к частной жизни. Однако то, что представляется несложным с точки зрения частного лица, совершенно иначе видится с высоты императорского престола, ибо вожделенный «спокойный момент» так никогда и не настает: «Я твердо был намерен передать управление сенату, как только приведу в порядок сумбур, оставленный Тиберием и Калигулой, и заставлю сенат вернуть себе самоуважение <…>. Однако я не мог относиться к сословию сенаторов с бóльшим пиететом, чем оно того заслуживало. <…> Нет, пока еще я не мог отказаться от трона»[10]. Таким образом, «республиканизм» Клавдия на поверку оказывается всего лишь благими намерениями, которым никогда не суждено осуществиться. Можно спорить о том, в ка-

[10] *Грейвз.* 1994. С.237.

кой степени вообще правомерно приписывать реальному Клавдию республиканские настроения[11], но для Грейвза, желающего наглядно показать, чем на практике оборачиваются самые благие намерения политика после его прихода к власти, этот тезис, безусловно, является одним из ключевых для понимания метаморфозы, произошедшей с его героем в результате нежданного возвышения и обрушившихся на его плечи государственных забот. Хотя автор вынужден учитывать и неоднократно озвученный историками субъективный момент – слепое доверие, которое император проявлял по отношению к Нарциссу и Палланту, а также к любимой им Мессалине, которые нисколько не меньше влияют на его нежелание оставить трон, так как для них это означало бы потерю влияния и криминальных источников дохода. В итоге именно это и приводит Клавдия к краху всех его надежд и, по большому счету, к краху всей жизни: по версии Грейвза, после раскрытия заговора Мессалины и ее смерти он приходит к выводу, что вопреки своему желанию «примирил Рим и мир с монархией», и единственное, что он еще может сделать для своей страны – дать ей возможность снова увидеть истинную «природу царей», «излечить насилие с помощью насилия»[12]. Император принимает жестокое, но необходимое, по его мнению, решение: довести тиранию до предела, отдав империю под управление своей алчной племянницы Агриппиниллы и ее порочного сына, и для этого вступает в кровосмесительный брак, который должен еще явственнее показать римлянам всю глубину падения монарха и наконец-то спровоцировать их на свержение тиранического режима. Клавдий понимает, что этим он обрекает себя на гибель, но считает ее вполне заслуженной карой за свои роковые просчеты и ошибки. С этого момента он аллегорически воспринимает себя как «царя-Чурбана» из басни Эзопа о лягушках, просивших царя, и «плюхается в тихий омут»[13], а колесо судьбы начинает неумолимое движение, подминая под себя все то полезное, что ему удалось сделать за годы своего правления, причем закономерным итогом этого движения должна явиться насильственная смерть самого Клавдия.

Жанр художественной биографии, избранный Грейвзом, дает ему возможность показать многогранную личность Клавдия, попытаться проникнуть в тайники его души и попробовать понять скрытые мотивы его поступков. Но автор преследует и другие цели, стараясь через призму этой загадочной души осветить проблемы, волновавшие его собственных современников в той политической ситуации, которая сложилась в Европе к середине 1930-х гг. Поэтому он применяет литературный прием, который сам же и критикует в романе устами историка Азиния Поллиона: модернизирует речь и поведение своих героев, приписывая

[11] Подробнее об этом см.: Межерицкий 1991.
[12] *Грейвз.* Указ.соч. С. 466.
[13] *Грейвз.* 1994. С. 466.

им «современные поступки и мотивы этих поступков, современные привычки и современные слова», отмечая при этом, что читать такое интересно, «но это не история»[14]. Однако то, что плохо для научного труда, хорошо и полезно для художественного произведения, рассчитанного на более широкую аудиторию. Но в итоге зеркало, которое Грейвз предлагает использовать читателю, гораздо лучше отражает Клавдия-человека, нежели историческую эпоху, в которой ему приходится действовать.

Первая попытка экранизировать романы Грейвза об императоре Клавдии была предпринята вскоре после их выхода – в 1937 г., но режиссер Дж. фон Штернберг не смог закончить съемки, и полноценная экранизация дилогии состоялась только через четыре десятилетия, в 1976 г., причем она оказалась на редкость успешной, о чем уже говорилось выше. Автор сценария Джек Пулман и режиссер Херберт Уайз сохранили современный подход Грейвза к трактовке персонажей, но не стали модернизировать их в бóльшей степени, нежели это было задумано писателем. Правда, для того, чтобы точнее расставить акценты и усилить интригу фильма, протагонист в нем показан еще более одиноким, чем в книге: детство Клавдия описано очень фрагментарно, и потому фигуры Германика и Постума во многом утрачивают свою значимость в его судьбе и уходят на задний план (надо сказать, что исполняющие эти роли актеры, в отличие от соответствующих героев романа, выглядят на редкость бесцветно, но вряд ли в том есть их вина – сценарий составлен таким образом, что им попросту нечего играть, и это вызывает определенные сожаления), Афинодору вообще не нашлось места в фильме, Кальпурния появляется лишь в одном из эпизодов, домашним рабам уготована роль безымянных статистов. И только Ирод Агриппа, наоборот, выдвигается вперед и выступает единственным по-настоящему положительным персонажем фильма, не считая самого Клавдия. Зато, когда дело касается антагонистов, режиссер и сценарист не скупятся на яркие краски: здесь сценарный материал, мастерство режиссера и актерские таланты взаимодействуют настолько удачно, что результатом этого кинематографического «симбиоза» становятся незабываемые образы Калигулы (Джон Хёрт), Мессалины (Шейла Уайт) и особенно Ливии (эта выдающаяся работа актрисы Шан Филлипс принесла сериалу Уайза одну из трех премий Британской киноакадемии). Именно Ливия является той пружиной, которая приводит в действие все основные события фильма (во вступительной заставке, предваряющей все серии, она аллегорически представлена в виде ядовитой змеи), и потому каждая ее фраза, жест, движение глаз имеют особое значение и приковывают к себе внимания зрителя. И тем ценнее успех молодого Дерека Джекоби (за исполнение главной роли он получил вторую из трех вышеупомянутых

[14] Там же. С.135-136.

премий), на долю которого выпало сыграть Клавдия на протяжении почти всей его сознательной жизни – на экране его герой проживает несколько десятков лет, и актеру с равной степенью убедительности удается поддерживать в глазах зрителя реальность созданного им образа. Таким образом, кинематограф «докомпьютерной эры» в очередной раз демонстрирует нам всю важность и ценность актерского мастерства, которое невозможно заменить никакими спецэффектами.

Несмотря на ограничения, которые накладывают на съемочный коллектив тесные рамки телевизионного формата, и прежде всего – студийный характер съемки, создатели сериала умудряются воспроизвести практически все ключевые эпизоды дилогии (в том числе массовые сцены в императорской приемной, в сенате, на трибунах амфитеатра и т.п.), кроме, разве что, батальных сцен и спуска Фуцинского озера. Однако сюжет фильма, в который, по понятным причинам, включено не так уж много характерных для романа личных сентенций Клавдия, в еще бóльшей степени, чем сюжет книги, концентрируется на взаимоотношениях главных героев, на их психологическом противостоянии. И даже после смерти Ливии Клавдий по привычке продолжает с ней заочно полемизировать – точнее, уже не с ней, а с ее духом, который, по его мнению, витает в императорском дворце. А главной целью его жизни, в пику все той же Ливии, становится написание и сохранение для потомков истинной истории императорской семьи.

Помимо основных событий, авторы фильма представляют зрителю и те сюжетообразующие эпизоды, в которых главные герои напрямую не задействованы, и здесь мы видим очень удачные и в художественном, и в историческом отношении образы Тиберия и Сеяна, Пизона и Планцины, Нарцисса и Палланта, Ливиллы и Агриппиниллы, Фразилла и Макрона. Все это, в свою очередь, формирует необходимый исторический фон основных событий и помогает нарисовать широкую картину жизни римской элиты времен правления Юлиев-Клавдиев. В частности, эпизоды с участием Тиберия и Сеяна вполне могут послужить живой иллюстрацией к «Анналам» Тацита. Кроме того, фильм, в отличие от книги, позволяет авторам создать зримый образ античной эпохи, используя материально-бытовые детали: дизайн костюмов, мебели, утвари, оружия и архитектуры исторически достоверен (за исключением, разве что, некоторых дамских декольте) и выполнен на высоком художественном уровне, поэтому труды главного художника сериала, Тима Харви, были заслуженно отмечены не только премией Британской киноакадемии, но и главной телевизионной премией «Эмми».

Таким образом, режиссерский талант Х. Уайза, предоставляя нам возможность увидеть – теперь уже в буквальном смысле – еще одно отражение личности римского императора Клавдия, как бы замыкает круг, объединяя в этом третьем зеркале обе необходимые составные

части исторического портрета: и психологически убедительный образ человека, и достоверный образ эпохи, в которой он живет и действует. В результате на наших глазах действительно оживает реалистичная и объемная историческая фигура, которая выступает в роли своеобразного связующего звена между XXI веком и временами Римской империи, и так исполняется пророчество Кумской Сивиллы, с которого начинается дилогия Грейвза, предрекающей, что изгой и заика Клавдий не только станет римским императором, но и через два тысячелетия именно его «внятный зов» смогут услышать и понять далекие потомки.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Грейвз Р. Божественный Клавдий / Пер. с англ. Г. Островской; коммент. С. Трохачева. СПб.: Художественная литература, 1994.

Грейвз Р. Я, Клавдий / Пер. с англ. Г.Островской; вступит. ст. Н.Дьяконовой; коммент. И.Левинской. Л.: Художественная литература, 1991.

Dio Cassius. Dio's Roman History. With an English translation by E. Cary in nine volumes. Vol. VII–VIII. L.; N.Y.: Loeb, 1924–1925.

Flavii Josephi Opera. Graece et Latine / Rec. G.Dindorfius. Vol. I. P.: Firmin & Didot, 1865.

Suetonius. C.Suetonii Tranquilli Caesares / Ed. M.Ihm. Leipzig: Teubner, 1908

Tacitus. P. Cornelii Taciti Libri qui supersunt / Ed. E. Koestermann. Vol. I–II. Leipzig: Teubner, 1957–1969.

Литература

Дьяконова Н. Роберт Грейвз и его роман «Я, Клавдий» // Грейвз Р. Я, Клавдий. Л.: Художественная литература, 1991. С. 5-16.

Межерицкий Я.Ю. Клавдий: историк и император // Античность и раннее средневековье. Социально-политические и этнокультурные процессы / Под ред. В.М. Строгецкого. Н. Новгород: НГПУ, 1991. С. 56-71.

Тахо-Годи А.А. Роберт Грейвс – мифолог-поэт // Грейвс Р. Мифы древней Греции. М.: Прогресс, 1992. С. 577-584.

I, Claudius (TV Mini-Series 1976) // Сайт Internet Movie Database. URL: http://www.imdb.com/title/tt0074006/ (время доступа 10.06.2015)

REFERENCES

Istochniki

Greivz R. Bozhestvennyi Klavdii / Per. s angl. G. Ostrovskoi; komment. S. Trokhacheva. SPb.: Khudozhestvennaya literatura, 1994.

Greivz R. Ya, Klavdii / Per. s angl. G.Ostrovskoi; vstupit. st. N.D'yakonovoi; kom-ment. I.Levinskoi. L.: Khudozhestvennaya literatura, 1991.

Dio Cassius. Dio's Roman History. With an English translation by E. Cary in nine volumes. Vol. VII–VIII. L.; N.Y.: Loeb, 1924–1925.

Flavii Josephi Opera. Graece et Latine / Rec. G.Dindorfius. Vol. I. P.: Firmin & Didot, 1865.

Suetonius. C.Suetonii Tranquilli Caesares / Ed. M.Ihm. Leipzig: Teubner, 1908

Tacitus. P. Cornelii Taciti Libri qui supersunt / Ed. E. Koestermann. Vol. I–II. Leipzig: Teubner, 1957–1969.

Literatura

D'yakonova N. Robert Greivz i ego roman «Ya, Klavdii» // Greivz R. Ya, Klavdii. L.: Khudozhestvennaya literatura, 1991. S. 5-16.

Mezheritskii Ya.Yu. Klavdii: istorik i imperator // Antichnost' i rannee srednevekov'e. Sotsial'no-politicheskie i etnokul'turnye protsessy / Pod red. V.M. Strogetskogo. N. Novgorod: NGPU, 1991. S. 56-71.

Takho-Godi A.A. Robert Greivs – mifolog-poet // Greivs R. Mify drevnei Gretsii. M.: Progress, 1992. S. 577-584.

'I, Claudius' (TV Mini-Series 1976) // Sait Internet Movie Database. URL: http://www.imdb.com/title/tt0074006/ (vremya dostupa 10.06.2015).

Доманина Светлана Алексеевна, *кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права факультета гуманитарных наук Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина; domanja@mail.ru*

Three mirrors for Claudius the Emperor
Images of Claudius in Classical tradition, in books by R. Graves and in the film by H. Wise

The article analyses the interpretations of the personality of Roman emperor Claudius in the works by Classical authors as well as in the novels "I, Claudius" and "Claudius the God" by R. Graves and the "I, Claudius' TV-series by H. Wise.

Keywords: Claudius the Emperor, personality interpretation, antique tradition, R. Graves, H. Wise, biography in fiction, film adaptation.

Svetlana Domanina, *PhD (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of General History, Classical discipline and Law, Department of Humanities, Nizhny Novgorod Minin State Pedagogical University; domanja@mail.ru*

А. В. Федин

ВЛИЯНИЕ ЭПИДЕМИЙ НА ПРОЦЕСС ХРИСТИАНИЗАЦИИ ИНДЕЙЦЕВ НОВОЙ ФРАНЦИИ В XVII ВЕКЕ

Статья посвящена проблеме влияния эпидемий европейских болезней, поразивших индейские племена Северо-Востока Северной Америки в XVII в., на процессы их аккультурации, прежде всего, в форме христианизации, которые направлялись и контролировались иезуитскими миссионерами. Отмечено двойственное восприятие индейцами христианских учения и практики в контексте болезней, одновременно и способствующее, и препятствующее их обращению. В целом, однако, массовые эпидемии первой половины XVII в. заложили фундамент для последующего утверждения христианской религии среди некоторых племен Новой Франции (гуроны, монтанье, часть ирокезов), нанеся удар их культурной целостности.

***Ключевые слова*:** *иезуиты, Новая Франция, миссионерство, эпидемии, аккультурация.*

Долгое время бытовало мнение, что колонизация Америки – прежде всего, завоевание военно-технически развитой цивилизацией менее развитых обществ ранних земледельцев и охотников-собирателей. Такой же подход в полной мере применялся и к культурным отношениям, возникшим в результате колонизации, что наиболее емко было отражено в понятии «духовной конкисты» (conquête spirituelle), введенном в научный оборот еще в 1930-х гг. французским исследователем Р. Рикаром[1].

Только во второй половине XX века, когда американский историк А. Кросби ввел понятие «эпидемий девственной почвы»[2], предполагавшее отсутствие иммунитета перед инвазией новых видов болезнетворных организмов, этноисторики и демографы стали подвергать сомнению устоявшиеся представления, возродив старую дискуссию о цене Конкисты, начатую Б. Лас Касасом еще четыре века назад. Однако теперь вместо беспощадных и алчных европейских колонизаторов на авансцену истории были выведены не менее жадные до человеческих жизней бактерии и вирусы Старого света, как главные виновники геноцида коренного населения американского континента[3]. В современной историографии колонизации Америки мало кто сомневается, что в дискуссии «микробы *vs* мушкеты» первые одержали верх над последними. Однако остаются еще малоизученными многие проблемы, связанные с переосмыслением колонизационных процессов в ранней истории Америки, и одной из них является изучение влияния эпидемий на историю религиозно-культурных контактов в это время.

---

[1] *Ricard* 1933.

[2] *Crosby* 1976. P. 289-299.

[3] *Cook* 1945. P. 107-108; *Ashburn* 1947. P. xv; *Dobyns* 1966. P. 414-415; *Diamond* 1997. P. 78; *Brooks* 2001. P. 143-144.

В данной статье предпринята попытка изучения влияния эпидемий, поразивших аборигенные общества североамериканского Вудленда в первой половине XVII в., на процессы их культурной адаптации в условиях французской колонизации. Речь идет, прежде всего, о народах Великих озер (гуронах и ирокезах), а также об алгонкинских племенах долины реки Св. Лаврентия (монтанье, кичезипирини, вескарини и др.), которые одними из первых вступили в контакт с французами и среди которых в 30-50-х гг. XVII в. действовали иезуитские миссионеры.

Первые массовые эпидемии на Северо-Востоке Северной Америки поразили коренное население в 1630-х гг., что было, вероятно, связано со стабилизацией центров европейской колонизации к этому времени. Так, колония в Квебеке, после реставрации там французского правления в 1632 г., уже в 1634 г. начала дальнейшую экспансию на запад, вдоль реки Св. Лаврентия, создав торговый пост в Труа-Ривьер. Именно 1634-м годом датируется первая пандемия оспы, охватившая весь Вудленд, от атлантического побережья до Великих озер[4]. За этой эпидемией последовала вторая (гриппа) в 1636 г., дополненная в 1637-м вторичной инфекцией, которую большинство исследователей относят к «детским болезням» (вероятно, скарлатина), и третья (вновь оспа) в 1639 г.[5] Таким образом, в течение десятилетия с интервалом в два-три года эпидемии оспы, кори, гриппа периодически обрушивались на индейские племена региона, нанеся необратимый демографический урон, по сути, осуществляя геноцид, уничтожив от 50 до 90% их членов[6].

Болезнь стала одним из мощных побудительных мотивов для индейцев к крещению. Уже в начале первой эпидемии 1634 г. иезуиты заметили, что больного «легче побудить… стать христианином»[7]. Статистика крещений это подтверждает: если в 1632 г. зарегистрировано только одно, а в 1633-м – два крещения детей при смерти, то в 1634-м было совершено 23 крещения среди монтанье, алгонкинов, гуронов и петун, в том числе 11-ти взрослых людей, хотя также при смерти[8].

---

[4] *Day* 1962. P. 27; *Martin* 1976. P. 51; *Grumet* 1995. P. 62.

[5] Monumenta Novae Franciae. 1967–2003 (далее – MNF). Vol. II. P. 69*; Vol. III. P. 35*; Vol. IV. P. 286.

[6] Серия эпидемий 1634–1640 гг. в Гурониии уничтожила 50-60% ее жителей. Их соседи – петун и нейтральные – потеряли до 70% и 50% населения соответственно. Больше половины населения потеряли племена Ирокезской лиги. Племена Новой Англии лишились от 67 до 95% своих членов. См: *Heidenreich* 1971. P. 96-103; *Jaenen* 1976. P. 100; *Schlesier* 1976. P. 129-145; *Garrad and Heidenreich* 1978. P. 394-397; *Clermont* 1980. P. 159-163; *Noble* 1984. P. 17; *Ramenofsky* 1987. P. 1; *Snow and Lanphear* 1988. P. 24; *Beaulieu* 1996. P. 262.

[7] The Jesuit Relations and Allied Documents. 1896-1901 (далее – *JR*). Vol. VI. P. 109.

[8] *JR*. Vol. V. P. 73, 161-163, 227-231; Vol. VI. P. 109-135; Vol. VII. P. 275-285. «Это, насколько я знаю, первые взрослые Дикари в этих землях, которые крестились и умерли в твердой вере», с удовлетворением отмечал суперior квебекской миссии о. Поль Лежён (Ibid. Vol. VI. P. 129).

Смерти родственников и близких людей деморализовали оставшихся в живых, росло количество психических срывов и самоубийств[9]. Испытывавшие панический страх перед неизвестной болезнью, и отчаявшись в помощи традиционных методов лечения, многие туземцы искали спасения в религии белого человека, Бог которого, казалось, оберегал его. Иезуиты, настроенные на крещение находящихся при смерти индейцев столкнулись в этот период с множеством просьб (и даже требований) о крещении. Во время эпидемии 1639–1640 гг. в Гуронии, супериор миссии Ж. Лалеман писал генералу ордена М. Вителлески, что «Богу было угодно открыть их уши через определенный вид мора, который распространился по всей стране, и привел многих к могиле»[10].

Логика католического миссионера сводилась к прямому спасению каждой души путем крещения и соблюдения заповедей. В условиях начальной миссии, когда не существовало еще тесного контакта, но вокруг массами умирали люди, единственным выходом было крестить безнадежно больных после краткого наставления и добровольного согласия катехумена (детей до 7 лет иезуиты даже крестили украдкой, без ведома родных[11]). Во-первых, они умирали христианами, во-вторых, не успевали согрешить вновь, что обеспечивало им Царствие небесное. «Много Дикарей просили у меня святого крещения; – писал Лежён, – но мы были осторожны в даровании этого любому здоровому взрослому, кроме как после длительного искуса. Безусловно, нельзя отказывать в этом бедному человеку почти при смерти, кто предоставляет доказательства веры и достаточно наставлен. Это был бы странный акт жестокости смотреть, как душа живая спускается в ад из-за отказа в благословении, которое Иисус Христос заработал ценой своей крови». Даже в случае выздоровления и возможного отступничества иезуиты были убеждены, «что Таинство сделано для человека, а не человек для Таинства; следовательно, лучше подвергнуть опасности Таинство, нежели спасение человека»[12].

Здесь существовала опасность двоякого рода: с одной стороны, многие индейцы воспринимали обряд крещения, совершаемый над умирающим, как часть самого процесса смерти, ассоциировали его с ней, и соответственно вели себя: либо панически бежали от миссионеров, либо угрожали им, отказываясь от таинства; с другой стороны, особенно в случаях последующего исцеления крещеного больного, обряд воспринимался как лечебная магия и требовался именно с этой целью.

Для иезуитских миссионеров восприятие крещения как обряда исцеления являлось профанацией самой сути этого акта. Во время эпидемии гриппа 1637 г. супериор Гуронской миссии Жан де Бребёф заметил, что

---

[9] Ibid. Vol. XIII. P. 27; Vol. XVIII. P. 29; Vol. XIX. P. 169-171.
[10] Ibid. Vol. XVII. P. 227.
[11] Ibid. Vol. XVIII. P. 39.
[12] Ibid. Vol. XI. P. 139.

«гуроны искали средства от своих болезней с таким мучительным беспокойством, что едва прислушивались к нам, кто предупреждал их о вечной жизни»; но «никто бы не отказался, если бы мы пообещали здоровье»[13].

По мере укрепления христианства среди индейских племен, ассоциация крещения с целительной магией была принята иезуитами как часть феномена «туземного христианства», результата их аккомодационно ориентированной модели миссии. Уже в 1634 г. о. Лежён заверил больного мужчину монтанье, что, хотя он «не мог вылечить его, но его Бог может сделать все»[14]. В 1643 г. супериор канадской миссии о. Ф. Вимон благожелательно отмечал, что в редукции Силлери, «когда маленькие дети больны, родители иногда приносят их к часовне, и препоручают Богу, как тому, кто является их господином; и все это с великим смирением»[15].

Наряду с магическим восприятием крещения и всего комплекса практик, связанных с ним, немалую роль играло и отношение иезуитских миссионеров к больным. Они следовали призыву основателя ордена Игнатия Лойолы: «не забывайте госпитали. Пытайтесь утешить и дать духовную помощь несчастным, насколько возможно»[16]. В разгар эпидемии 1637 г. о. Лежён прямо называл строительство госпиталя одним из «величайших способов свержения империи Сатаны» в Новой Франции, наряду с изучением индейских языков, созданием семинарии и редукций[17].

В Реляциях не раз отмечалось, что иезуиты оказывали больным индейцам помощь, которой те не получали от соплеменников, «ибо быть больным среди этих Варваров, и стоять одной ногой в могиле, одно и то же»[18]. Кочевые племена просто оставляли больных, не способных к передвижению, умирать в одиночестве. Среди оседлых гуронов или ирокезов больным не предоставляли даже элементарного ухода, и те порой умирали не столько от болезни, сколько от голода, жажды или холода.[19] Иезуиты находили больных гуронов, к которым их соплеменники относились, как к мертвым, игнорируя их потребности[20]. Не обладая даже теми неполными и неточными знаниями о природе эпидемических заболеваний, которых европейцы достигли к XVII в., французские священники, тем не менее, облегчали положение больных туземцев, обеспечивая условия, которые иногда способствовали их выздоровлению.

Так, столкнувшись с практикой оставления больных без ухода, миссионеры противопоставили ей тщательную заботу о страждущих,

---

[13] Ibid. Vol. XI. P. 13-17.

[14] Ibid. Vol. VII. P. 133; Vol. VIII. P. 149; Vol. XIII. P. 169-171.

[15] Ibid. Vol. XXIV. P. 21.

[16] *St. Ignatius* 1959. P. 248, 387.

[17] JR. Vol. XIV. P. 125.

[18] Ibid. Vol. IX. P. 99.

[19] Ibid. Vol. VII. P. 289; Vol. VIII. P. 131; Vol. XIII. P. 155, 195; Vol. XIV. P. 49; Vol. XIX. P. 235-237; Vol. XX. P. 205.

[20] Ibid. Vol. XIV. P. 73; Vol. XV. P. 73, 129; Vol. XIX. P. 187-189.

кормя их, одевая, предоставляя крышу над головой[21]. Одну из первых обращенных женщин в Новой Франции, названную по обету в честь девы Марии, Лежён «нашел около французского форта, оставленную ее народом, потому что она была больна», и позаботился о ее судьбе. В результате, индейцы стали приносить к французским поселениям больных и умирающих людей, узнав, что иезуиты заботятся о них[22].

Хотя священники сами часто нуждались в еде, они кормили больных супами, поили водой, подслащенной сахаром («французским снегом») или изюмом, с добавлением лимонной кожуры (т.н. французский сквош)[23]. Во время эпидемии оспы 1637 г. у гуронов, иезуиты «посещали их дважды в день, утром и вечером, и носили им суп и мясо, всегда пользуясь случаем, чтобы увещевать их взывать к помощи Бога, и кротко вести их к крещению»[24]. С появлением, по приглашению иезуитов, первого госпиталя в Квебеке (Отель-Дьё), основанного сестрами-госпиталитками в 1639 г., эта забота стала систематической и оказала огромное влияние на процесс христианизации во всей Новой Франции. Теперь, например, отправляясь в кочевье, монтанье или алгонкины могли оставить своих больных или престарелых на попечении монахинь и миссионеров, а не брать с собой на зимнюю охоту, подвергая их и себя опасности[25]. Однако на такую заботу могли рассчитывать, прежде всего, обращенные, ибо ресурсы и миссионеров, и колонии в целом были весьма ограничены.

Иезуиты понимали, что помощь душе и телу в подобном заведении «сделает больше для обращения Дикарей, чем все наши путешествия и наши проповеди». Когда больные индейцы «оказываются в удобных кроватях, хорошо питаются, хорошо живут, получают хороший уход, неужели вы сомневаетесь, что это чудо милосердия не завоюет их сердца?», – вопрошал Лежён своих респондентов во Франции[26]. Очень часто реакцией на «милосердие, проявленное “женщинами, одетыми в белое”», как называли индейцы монахинь Госпиталя, было обращение в христианство[27]. Например, в 1642 г. госпиталитки позаботились о 300 туземцах, включая бедняков, нуждавшихся в пище и крыше над головой, и матерей, которые не могли оставить больных детей. Было выдано, исчерпав весь запас лекарств, около 450 рецептов, в результате чего в Отель-Дьё умерло всего 6 пациентов. Важно отметить, что туземцы соседней иезу-

---

[21] Ibid. Vol. VIII. P. 131; Vol. XIII. P. 155, 195; Vol. XIV. P. 49, 73; Vol. XV. P. 73, 129; Vol. XIX. P. 189, 235, 237; Vol. XXIII. P. 117.

[22] Ibid. Vol. VI. P. 135, 141; Vol. XXX. P. 131-135.

[23] Когда в 1638 г. у миссионеров в Гуронии истощились запасы фруктов, они были вынуждены «удовлетворять этих несчастных смоченной в воде бумагой, которая использовалась как обертка для них». Ibid. Vol. XIV. P. 51; Vol. XV. P. 69-71.

[24] Ibid. Vol. XIII. P. 113.

[25] Ibid. Vol. XIV. P. 151-153.

[26] Ibid. Vol. VII. P. 289; Vol. IX. P. 101.

[27] Ibid. Vol. XXV. P. 127.

итской редукции Силлери приняли христианскую «практику милосердия», посещая больных, ухаживая за ними, готовя им еду и питье[28].

Отель-Дьё оказывал и непосредственное влияние на христианизацию аборигенного населения Канады, делая «часовню и школу из больничной палаты». С помощью иезуитского капеллана, монахини учили пациентов молиться, служить мессу и причащаться, исповедоваться, декламировать розарий (молитва с четками), петь псалмы и поститься[29]. Ежегодно на Страстной четверг индейские обитатели Госпиталя получали, возможно, один из самых ярких уроков христианского милосердия, когда губернатор Новой Франции и самые знатные жители Квебека «с любовью и смирением» омывали ноги пациентов-мужчин, в то время как монахини и дамы делали то же самое для женщин и девочек[30]. Одновременно, госпиталь оказал сильную поддержку редукционной программе иезуитов – созданию постоянного поселения для кочевых индейцев с целью их цивилизации и христианизации. Иезуиты были уверены, что расположение больницы в редукции Силлери в 1639 г. в течение последующих 4-х лет обеспечило ее существование[31].

Иезуитские миссионеры использовали лекарства, которые были обычны в медицинской практике Старого света. Среди индейских племен лекарства иезуитов часто «поражали всю страну», способствуя росту авторитета миссионеров и привлекательности их учения[32]. Чаще всего использовали териак (детоксикант) и сенну (слабительное), препараты, известные в Европе с эпохи Средневековья. Даже в случае неэффективности этих весьма сомнительных средств в условиях тяжелых эпидемических заболеваний, отчаянная вера больных в духовную силу «черных накидок» обеспечивала эффект плацебо, который иногда приводил к улучшению состояния или даже излечению.

Будучи отрезанными от французской колонии, как в Гуронской или Ирокезской миссиях, священники сталкивались с быстрым истощением тех средств, которыми располагали. О. Ламбервиль, работавший среди ирокезов-онондага, сожалел о нехватке лекарств: «Это была бы приманка, с помощью которой можно защититься от смерти. Есть некоторые, кто, когда им не дают лекарства, поворачиваются ко мне задом и говорят, что у меня нет жалости к ним, после чего к ним нельзя приближаться». Некая мазь, которую ему прислали, оказалась великолепным средством от язв; но едва ему удалось завоевать авторитет своим лечением, запасы лекарства кончились, и процесс христианизации остановился[33]. Миссионеры

---

[28] Ibid. Vol. IX. P. 99; Vol. XVI. P. 25; Vol. XIX. P. 17; Vol. XXII. P. 155-177; Vol. XXV. P. 217.

[29] Ibid. Vol. XVI. P. 27; Vol. XIX. P. 11-13; Vol. XXIV. P. 187; Vol. XXV. P. 221.

[30] Ibid. Vol. XIX. P. 23; Vol. XXV. P. 125; Vol. XXVIII. P. 177.

[31] Ibid. Vol. IX. P. 101; Vol. XXIV. P. 157-159; Vol. XX. P. 233.

[32] Ibid. Vol. XIII. P. 115.

[33] Ibid. Vol. LVII. P. 173; Vol. LVIII. P. 211-213.

пытались ликвидировать дефицит медикаментов выращиванием лекарственных растений. В 1641 г. о. Шарль Гарнье, благодаря в письме своего брата за рецепты самых простых лекарств, отмечал, однако, что они трудны для изготовления из-за недостатка ингредиентов в Канаде, и просил прислать некоторые лекарственные семена, используемые как слабительное, и информацию об их культивировании[34].

С появлением в иезуитской миссии Новой Франции института «donnés», т.е. пожизненных слуг миссионеров, вдалевших разными навыками и ремеслами, некоторые из них стали профессиональными врачами, работавшими и среди индейцев. Так, в 1638 г. из Франции в Квебек новый гуронский супериор Жером Лалеман привез первых слуг, «искусных в кровопускании и использовании лекарств»[35]. В 1642 г. на пути в Гуронию ирокезами был захвачен (позднее убит) донне-врач Рене Гупиль, ставший первым из восьми канадских иезуитских святых мучеников[36]. В 1643–49 гг. в Сент-Мари среди гуронов хирургом служил донне Франсуа Жандрон, который прославился не только тем, что освидетельствовал тела иезуитов Жана де Бребёфа и Габриэля Лалемана после их мученической смерти от рук ирокезов в 1649 г., но и своим вкладом в развитие французской медицины, освоив туземное лечение фистул, язв и раковых образований с помощью «Piertes Eriennes» (камней с побережья оз. Эри), из которых гуроны делали лечебную мазь. Рецепт мази был запатентован его племянником Клодом во Франции в конце XVII в. (и по преданию избавил королеву Анну Австрийскую от рака молочной железы)[37].

Кровопускание было самым популярным средством лечения.[38] Во время Гуронской эпидемии 1636-1637 гг. иезуитский донне Симон Барон «открыл вены» двумстам жителям селения Оссоссане, которые «подражали друг другу, сами предлагая ему свои ножи, отобранные у них ради предосторожности, и больные считали себя наполовину вылеченными, когда видели, как текла их кровь»[39]. Во время эпидемии в Ирокезии зимой 1661–1662 гг. отец Лемуан встретил весьма благоприятный прием среди обычно враждебных кайюга, когда сопровождавший его французский хирург пускал кровь в их селении[40].

Самым лучшим лекарством, послужившим делу миссионеров, оказалось время: рано или поздно эпидемии прекращались, число «чудесных» исцелений, совершаемых иезуитами, возрастало, а вместе с ними росло и число крещений. К весне 1640 г., в результате прекращения по-

---

[34] Ibid. Vol. XX. P. 101.

[35] Ibid. Vol. XVII. P. 29.

[36] Ibid. Vol. XXVIII. P. 129-135.

[37] JR. Vol. XLIX. P. 121; Vol. LXI. P. 85; Vol. LXVIII. P. 61; *Gendron*. 1868. P. 8. Подробнее о «донне» см.: *Федин* 2013. С. 100-105.

[38] JR. Vol. XVI. P. 243.

[39] Ibid. Vol. XIII. P. 181.

[40] Ibid. Vol. XLVII. P. 187.

следней эпидемии в Гуронии, о. Лалеман сообщил о более тысячи крещений за истекший год – столько, сколько было крещено за все предыдущие годы существования миссии (1634–1639)[41].

При этом к традиционным методам лечения миссионеры относились с большой долей опаски и предубеждения, так как даже использование эффективных природных целительных средств сопровождалось обрядовыми действиями, участие в которых было неприемлемым для истинного христианина. Отец Ж. Лалеман писал, что «все их лекарства – или истинное колдовство, или настолько полны недопустимого суеверия, что едва ли могут излечить, не совершая греха». Это, несомненно, могло стать серьезным препятствием для обращения в христианство, ибо лишало неофита надежды на традиционное лечение без уверенности в спасении обращением в христианскую веру[42]. Даже к тем индейским лекарствам, которые не находились в явном религиозно-обрядовом контексте, иезуиты проявляли пренебрежительное отношение. В 1616 г. о. Бьяр сообщал, что акадийские аборигены применяли свои «простые лекарства» попросту наугад[43]. В 1636 г. Лежён предположил, что индейцы монтанье знали только о трех природных лекарствах: кора некоего дерева, кровопускание и потение[44].

Более сильным препятствием для конверсии (и одновременно опасным для жизни миссионеров) стала идея о связи крещения и смерти. Действительно, крестя в основном людей при смерти (прежде всего, больных), иезуиты создавали прочную ассоциацию между этими событиями, выводя последнее из первого. «И поскольку мы обязаны говорить им, что благословения, о которых мы проповедуем, случатся только после смерти, эти речи… убеждают их больше, чем когда-либо, в мысли, что мы убиваем их»[45]. В 1647 г., спустя несколько лет после серии эпидемий, вызвавших катастрофические последствия среди племен Канады, иезуитские миссионеры признали: «алгонкины и гуроны, а теперь и ирокезы питали, а некоторые все еще питают, ненависть и чрезвычайный ужас перед нашей доктриной. Они говорят, что она убивает их, и что она содержит заклинания и чары, которые уничтожают их зерно и порождают инфекционные и общие болезни»[46].

---

[41] MNF. Vol. IV. P. 467-470. Иезуитский миссионер о. Дрюйет, прибывший к абенаки летом 1646 г., когда эпидемия тифа, унесшая жизни многих индейцев, пошла на спад, также совершил несколько «невероятных излечений». JR. Vol. XXVIII, 203-205; Vol. XXXI. P. 187; *Ashburn* 1947. P. 96.

[42] «Их надежды… основаны исключительно на заклинаниях и чарах, так что они убеждены, что, принимая Веру, они обрекают себя на бесконечные неудачи», – заключал Лалеман. JR. Vol. XXIII. P. 185-187.

[43] Ibid. Vol. III. P. 125.

[44] Ibid. Vol. VII. P. 127.

[45] Ibid. Vol. XVII. P. 125-127.

[46] Ibid. Vol. XXXI. P. 121.

Обладая иммунитетом ко многим болезням, поражавшим коренное население Новой Франции, французы, и прежде всего, миссионеры, постоянно жившие среди индейцев, воспринимались как прямые виновники заражения. В результате, образ миссионера помещался в контекст традиционного дискурса злого шамана, или колдуна, способного наслать порчу (болезнь) на человека. Особенно ярко это проявилось в Гуронии. Как писал о. Лалеман в 1640 г., «нас боялись как величайших колдунов на земле»[47]. Во время эпидемии 1637 г. среди гуронов стали циркулировать слухи о виновности «черных одежд» в эпидемии: «что мы… были причины этому мору, и что единственной целью нашего появления в стране было… их уничтожение»[48]. Алгонкины близ Квебека считали, что как только «черная накидка придет, чтобы наставить их, они умрут», ибо «большинство тех, кто был крещён, умерли»[49]. Иезуитские наблюдатели отмечали, что «все эти фантазии бедных Варваров о том, что мы – причина крушения и разрушения их страны, увеличиваются всякий раз, когда какая-либо новая беда случается с ними, будь то болезнь или голод, вменяя в вину нам все их бедствия, как будто мы были их причиной, или, будучи в состоянии спасти от них, мы не сделали этого»[50]. Исходя из этих представлений, все действия миссионеров, особенно связанные с религиозно-культовой практикой, получали интерпретацию вредоносных. Так, «для колдовства мы используем образы наших Святых, – сообщал в 1637 г. о. Лемерсье из Гуронии, – когда мы показываем их, некая заразная сила исходит оттуда, проникая в грудь тех, кто на них смотрит». Гуроны подозревали, что миссионеры прячут в дарохранительнице тело мертвого ребенка, которое и было источником болезни[51].

Индейцы порой испытывали настоящий ужас при виде миссионеров, «закрывая лица, страшась разговаривать с нами»[52] Порой этот страх распространялся на все действия и вещи иезуитов или французов вообще: часы, ранее вызывавшие бурный интерес гуронов, «больше не рассматривались, поскольку они полагали, что это Демон смерти... Одна деревня... решила больше не пользоваться французскими котелками, воображая, что все, полученное от нас, было способно заражать. Видя нас просто идущими куда-либо, они думали, что мы занимаемся колдовством»[53]. Даже обращенные в христианство туземцы считали, что миссионеры вызывают их смерть, «проявляя любовь к ним», чтобы они смогли скорее достичь райского блаженства[54].

---

[47] Ibid. Vol. XIX. P. 93; ср.: Vol. XVII. P. 117.
[48] JR. Vol. XI. P. 13-15; MNF. Vol. IV. P. 34. Ср.: JR. Vol. XII. P. 85-87.
[49] JR. Vol. XI. P. 193-195.
[50] Ibid. Vol. XVII. P. 119.
[51] Ibid. Vol. XIV. P. 53; Vol. XV. P. 35.
[52] Ibid. Vol. XV. P. 23.
[53] JR. Vol. XV. P. 21; MNF. Vol. IV. P. 22.
[54] JR. Vol. XVII. P. 127.

Соответственно, индейцы предпринимали меры, чтобы обезопасить себя от злых чар новоявленных колдунов. Обычной мерой в этом случае была немедленная казнь виновного в колдовстве, для чего хватало простого обвинения со стороны пострадавшего или его родственников, основанного лишь на подозрении или даже на сновидении. Именно такое подозрение стало причиной смерти о. Изаака Жога, убитого могауками в 1646 г. во время его мирного посольства к ним.

Даже среди союзников, гуронов или монтанье, иезуитские миссионеры не всегда были в безопасности. Во время эпидемии 1636–1637 гг. «варвары совершали попытки покушения на жизни наших Отцов, даже открыто призывая на совете к их убийству»[55]. Зимой 1639/40 гг., во время эпидемии в Гуронии, отца Бребёфа, которого особенно ненавидели и боялись, зверски избили дубинками. «В умах этих бедных Дикарей он всегда признавался за самого великого колдуна французов и источник всех бедствий, которые разрушают страну»[56]. Во время последней эпидемии гонениям подверглись не только иезуиты, но и принявшие христианство гуроны, что свидетельствовало о росте их численности и влияния в конфедерации. Многие из них были даже вынуждены искать защиты от разъяренных соплеменников за стенами иезуитской миссии Сент-Мари.

По-видимому, у индейцев были основания считать иезуитов ответственными за поразившие их болезни. Имея иммунитет к инфекции, миссионеры, тем не менее, могли являться ее переносчиками, невольно распространяя заразу дальше, вместе с миссионерскими вояжами в разные селения или племена, навещая, прежде всего, больных, находящихся при смерти, организовывая торжественные процессии, собиравшие множество любопытных, участвуя в советах племен и т.п.[57] Уже к концу серии эпидемий, поразивших гуронов, в 1640 г. о. Лалеман, настоятель миссии, заметил: «У причин, из-за которых варвары подозревают нас в том, что мы причина их болезней, кажется, есть некоторое основание»[58].

Крещеных индейцев, вероятно, чаще поражали болезни в силу их более тесного контакта с миссионерами. В 1645 г., спустя пять лет после окончания серии эпидемий в Гуронии, Лалеман вспоминал, что «болезни… казалось, забирали христиан больше, чем неверных,… чаще сохраняя тех, кто отказался от Крещения»[59]. С другой стороны, традиционный образ жизни индейцев и некоторые аборигенные методы лечения немало способствовали распространению инфекций. Вся их жизнь была коллективной: гуроны, например, жили в длинных домах, вмещавших от 5 до 10 семей, деливших общие очаги и пищу, индейцы проводили большую

[55] Ibid. Vol. XII. P. 89.
[56] Ibid. Vol. XIX. P. 193-195
[57] *Levasseur* 2009. P. 165-166.
[58] JR. Vol. XIX. P. 95.
[59] Ibid. Vol. XXVIII. P. 41.

часть времени на совместных пирах и празднествах, даже лечебные ритуалы, с помощью которых они пытались бороться с болезнями, предполагали коллективное участие всей общины, что способствовало дальнейшему их распространению[60]. Традиционное лечение иногда могло способствовать ухудшению состояния больного. Так, оспу индейцы лечили обычным в случае лихорадок и тому подобных заболеваний попеременным воздействием жары и холода: из потельни в прорубь, что, по мнению некоторых авторов, было причиной многих смертей[61].

Тем не менее, убийств французских иезуитов в период эпидемий 1630-х гг. индейцами тех племен, в которых они пребывали, не отмечено. Исследователи склонны приписывать этот факт одной из двух причин (или обеим сразу): важность экономических и политических отношений с французской колонией, представителями которой выступали иезуиты, и страх перед могущественными шаманами, которыми они представлялись. Как писал супериор о. Лалеман, когда некоторые миссионеры подверглись насилию во время эпидемии 1639/1640 гг., «некоторые из более благоразумных Капитанов и стариков, видя ясно, что это противоречит нормам союза, который они поддерживают с французами, иногда оправдываются за это и пробуют установить какой-то порядок»[62].

Отношение самих иезуитских миссионеров к эпидемиям среди племен, в которых они работали, также не было однозначным. С одной стороны, смерти реальных и потенциальных новообращенных разрушали плоды многолетних трудов по созданию христианской туземной церкви в Новой Франции. Множество иезуитских сообщений наполнены искренним сожалением по поводу трагедии, обрушившейся на аборигенов, и крещеных, и язычников. С другой стороны, понятие «церкви торжествующей» предполагало разрыв с бренностью бытия и достижение душой вечного блаженства за пределами этого мира, что было желанной целью любого христианина. Эту дихотомию отразили слова Ж. Лалемана, писавшего в 1645 г.: «хотя это означает, что Бог на самом деле умножал на Небесах число его Избранных, однако это не было желательным для превращения нашей Веры в более привлекательную и для увеличения этой воинствующей Церкви»[63]. Решением этого противоречия стало восприятие иезуитами болезней как божественного наказания, «бича божия», каковым также были голод, ирокезы или стихийные бедствия[64]. С точки зрения христианской эсхатологии, которая оказала огромное влияние и на цели и методы миссионерской деятельности иезуитов, и на их мировоззрение, эти «бичи» (гонения и мученичество, завоевания и

---

[60] *Migliore* 1983–1984. P. 91-93. Как замечал о. Лалеман, больные умирали «в той же самой хижине, и на той же самой кровати». JR. Vol. XXVIII. P. 41.

[61] *Heagerty.* 1928. Vol. I. P. 269.

[62] JR. Vol. XVII. P. 117-119.

[63] Ibid. Vol. XXVIII. P. 41-43.

[64] Ibid. Vol. XXXIX. P. 141.

порабощения, болезни и голод) неизбежно сопровождают рождение всякой истинной христианской церкви, как демонстрировало Св. Писание. «Иисус Христос желает спасти избранных из этих народов, и уже посылает своих предвестников или предшественников, – пагубные болезни, бедствия и саму смерть; они – бичи, которые уничижают души, и которые заставляют их обращаться за помощью к тому, у кого есть сила в руке»[65]. В 1647 г. бывший супериор Гуронской миссии Ж. Лалеман признавался: «говоря по-человечески, у этих Варваров есть очевидные причины для того, чтобы таким образом упрекнуть нас, ибо бичи, которые уничижают гордыню, предшествуют нам или сопровождают нас везде, куда мы идем, как они предшествовали и сопровождали тех, кто предварил нас в провозглашении Евангелия; но результат состоит в том, что наконец эти народы смогут прийти к Иисусу Христу, хотя он приходит к ним только с бичами в руках»[66]. В этом же дискурсе наказания рассматривалась болезнь как результат пьянства, широко распространившегося среди североамериканских индейцев в колониальный период[67].

Сами иезуиты воспринимали болезни, скорее, как испытание их веры. Со времен св. Игнатия Лойолы, который пришел к вере и святости именно через физические страдания, такое отношение к болезни стало паттерном для каждого члена Общества Иисуса. Этьен Бине, ректор иезуитских коллежей в Руане и Париже, а также провинциал Франции, издал в 1627–28 гг. два популярных трактата о смирении во время болезни, в которых писал о духовных преимуществах болезни[68]. Иезуиты XVII в. и во Франции, и в Северной Америке утверждали ценность не врачей и лекарств, а молитвы, которая «была объявлена более безопасным средством, чем лечение врача»[69]. Не удивительно, что первые иезуитские миссионеры, работавшие в Акадии в 1611–13 гг., оо. Бьяр и Массе в качестве наиболее эффективного лечения практиковали прикладывания к телам больных мощей св. Лаврентия, привезенных с собой из Франции, и действительно исцеляли их[70]. В 1646 г. использование «реликвий покойного господина Бернара, известного во Франции» облегчило трудные роды индианки, что «очень удивило всех Дикарей, и некоторые Язычники вместо обращения за помощью к их дьявольскому суеверию, пропускали его мимо ушей, чтобы открыть их советам Отцов»[71].

Здесь возникала очень важная для раннего Нового времени тема чудес и удивительных исцелений, которая была одним из пунктов ожесточенной полемики янсенистов и иезуитов во Франции XVII в. Обращения,

---

[65] JR. Vol. XXVIII. P. 289; ср: Vol. XI. P. 41-43.
[66] JR. Vol. XXXI. P. 121-123. См. подробнее: *Федин* 2012. С. 173-201.
[67] JR. Vol. XI. P. 194-196.
[68] *Binet* 1995; 1998.
[69] *Brockliss and Jones* 1997. P. 61, 20.
[70] JR. Vol. II. P. 19.
[71] Ibid. Vol. XXIX. P. 197-199.

исцеления, чудеса в Америке – все это должно было свидетельствовать о божественном вмешательстве в работу иезуитских миссионеров и, шире, в деятельность Общества Иисуса вообще. Во многом, именно эту цель преследовали орденские власти, публикуя «Иезуитские реляции» из Новой Франции, и сами их авторы, подчас усиливая трагизм ситуации, в которой оказывались «несчастные дикари» из-за болезней и войн. Тем самым создавался фон, на котором их христианские благочестие и смирение сияли ярче в посрамление нерадивых католиков и еретиков[72].

Вышеозначенные противоречия в восприятии индейцами новых болезней имели важные последствия для их дальнейшего существования в контексте французской колониальной экспансии. Первой реакцией индейца на заболевание был поиск традиционных средств излечения, как правило, связанный с шаманскими практиками. Именно в результате эпидемий, поражавших индейские племена Северной Америки в течение XVII в., повышается статус и число знахарских тайных объединений; наиболее известные из них – Общество Ложных лиц у ирокезов и Мидевивин у оджибве[73]. Но, как правило, традиционное лечение оказывалось бессильно перед европейскими болезнями, и, рано или поздно, вставал вопрос не только о его адекватности, но истинности всего комплекса религиозных идей и практик, частью которых оно являлось. Наряду с другими факторами (мехоторговля, военно-политические союзы, алкоголизм) эпидемии стали причиной социальной дестабилизации индейских племен Северной Америки, приводящей к их расколам и рассеиваниям. Так, после эпидемии 1639/1640 гг. произошел раскол кичезипирини, или алгонкинов о-ва Алюмет на р. Оттава, в результате которого часть племени, признавшая христианство как религию спасения и защиты, покинула страну и отправилась в Силлери, наряду с монтанье составив ее основное население в первой половине XVII в.[74]

Одновременно падал авторитет традиционных духовных лидеров индейских племен – шаманов. Будучи неспособными справиться с новыми болезнями, явно уступая в знаниях и возможностях своим белым конкурентам – миссионерам, шаманы постепенно сдавали им свои полномочия и статус, тем самым облегчая отказ их соплеменников от прежних и принятие новых религиозных идей и практик[75].

Во время эпидемии 1636/1637 гг. один гуронский шаман предсказал, что «не более пяти из них умрут, и что болезнь прекратится через 9 дней;

---

[72] *Worcester* 2005. P. 9-11.

[73] *Martin* 1978. P. 52; *Martelle* 2004. P. 35.

[74] JR. Vol. XVIII. P. 91-95. Как отмечал в 1670 г. иезуитский миссионер в районе Тадуссака о. Альбанель, когда традиционные обряды не помогли индейцам во время эпидемии, «это привело к их замешательству. Все Дикари, которые были в том регионе, разделились на две группы». Ibid. Vol. LIII. P. 79-81.

[75] *Martin* 1978. P. 52; *Delâge* 1991. P. 78; *Levasseur* 2009. P. 244. См. полемику с этим положением: *Trigger* 1987. P. 29-31.

и все же перед отъездом Иезуитского Отца было десять мертвых, и с тех пор более 50; и 4-ого января... было столь же много больных, и это был 13-ый день после этого прекрасного пророчества». Шаман, который сделал это предсказание, был дискредитирован, и «вся его практика была сокращена до отдельной хижины, в которой он сам был болен», а впоследствии умер[76]. Два самых престижных шамана в Гуронии «потеряли много доверия у больных из других деревень; …они были сильно смущены, видя, что их потения, пиры, микстуры и приказы не имели пользы для их соотечественников»[77]. В 1646 г. абенаки, пережившие эпидемию сыпного тифа, заявили о. Дрюйету, что христианский «Бог… силен, так как он превосходно вылечивает самые сильные и заразные болезни, чего не могут сделать Маниту или Духи, которых призывают наши колдуны»[78].

Иезуиты порой сами стремились использовать ситуации, вызванные эпидемиями, для ослабления позиций традиционных индейских духовных лидеров. В 1639 г. «самым обычным из занятий» миссионеров в Гуронии «было ремесло врача, с целью дискредитации… их колдунов, с их воображаемым лечением»[79]. Рост авторитета иезуитского миссионера как шамана, способного как наслать болезнь, так и излечить или защитить от нее, виден в факте принятия некоторыми гуронскими шаманами элементов христианского ритуала в их целительской практике. Так, шаман Техоренхаэньон в январе 1637 г., во время эпидемии гриппа, опрыскивал больных водой из котла[80]. В селении Сен-Жан-Батист накануне Рождества 1639 г., во время эпидемии, одному индейцу явился «демон в виде высокого и красивого молодого человека», и заявил, что он – «хозяин земли, которого вы, гуроны, почитаете под именем Иоскеха, а французы неправильно называют Иисусом, но они не знают меня». Свое явление Иоскеха объяснил печалью о судьбе гуронов и готовностью помочь им: «я пришел, чтобы рассказать тебе о причинах и лекарствах от твоей беды. Чужаки, вот единственная причина этого... Ты можешь предотвратить эту беду; изгони из твоей деревни черные одежды». В предложенном Иоскехой лечении присутствовали, однако, христианские элементы, прежде всего, вода – как основное средство исцеления: «собери столько-то воды… и скажи старшим отнести и раздать эту микстуру в течение ночи». Форма же обряда исцеления оставалась традиционной: коллективное действо, в котором участвовала вся община под руководством вождей[81].

Сами иезуиты, продолжая следовать концепции болезни как наказания и утверждая, что их неуязвимость перед болезнями основана на соблюдении заповедей Божьих, по сути, поддерживали традиционную ин-

[76] JR. Vol. XIII. P. 213-215.
[77] Ibid. Vol. XIV. P. 51.
[78] Ibid. Vol. XXXI. P. 201.
[79] Ibid. Vol. XV. P. 69.
[80] Ibid. Vol. XIII. P. 237-243.
[81] JR. Vol. XX. P. 27-31.

дейскую веру в зависимость между здоровьем и нравственностью, и, тем самым, способствовали укреплению их религиозного авторитета, а, следовательно, и более успешной конверсии.[82] В условиях эпидемий, ужасающих индейцев масштабами смертности их соплеменников, голода, военных поражений, являвшихся их закономерным следствием, многие туземцы были готовы поверить, что смерть, болезнь и бедность были результатом их собственного греха, приняв христианскую трактовку этой концепции. Как считали монтанье в 1637 г., «все наши беды случаются с нами, потому что мы не молимся Богу»[83]. После эпидемии 1640 г. старый шаман монтанье прямо заявлял тем своим соплеменникам, которые еще считали болезни результатом христианских обрядов: «Совсем не вера нас истребляет, но наши грехи»[84]. В редукции Ля Консепсьон, близ Труа-Ривьер, в 1647 г. в связи с внезапной кончиной от болезни нескольких известных людей, «препятствовавших распространению Веры своим многобрачием», шаман Симон Пискарет, давний противник иезуитов, «который был христианином только внешне, стал им на самом деле»[85].

Эпидемии имели еще одно, менее яркое, но весьма важное в перспективе, следствие для христианизации туземного населения Новой Франции. Распространяясь среди индейских племен, болезни становились фатальными, прежде всего, для наиболее уязвимых их членов, стариков и детей. Уже в 1639 г. иезуиты отметили, что «все меньше стариков остается» у гуронов, а через год супериор миссии писал, что «экстраординарные болезни и войны в течение нескольких минувших лет, кажется, забрали лучшую часть гуронов: там осталось лишь очень немного стариков, очень мало людей навыка и управления»[86]. Старейшины, которые традиционно занимали самые престижные посты, умирали, оставляя некомпетентных и неопытных преемников[87]. Побочными эффектами таких болезней, бушевавших среди индейских племен Канады в первой половине XVII в., как корь, грипп, скарлатина и оспа, были иммунодепрессия, рост материнской предродовой и перинатальной смертности, снижение женской и мужской фертильности, также ощутимо воздействующей на их демографической состояние[88].

Индейцам наносился двойной ущерб – и демографический (уничтожая новые поколения), и культурный (уничтожая носителей и трансляторов обычаев и традиций)[89]. В результате, такие племена как монта-

---

[82] *Axtell* 1985. P. 86-87, 96-97.

[83] JR. Vol. XII. P. 73.

[84] Ibid. Vol. XX. P. 159.

[85] Ibid. Vol. XXXI. P. 257, 265-267.

[86] Ibid. Vol. XVII. P. 115; Vol. XIX. P.127.

[87] *Delâge* 1993. P. 88.

[88] *Dobyns* 1983. P. 14; *Jones and DeWitte* 2012. P. 88-89.

[89] *Trigger* 1990. P. 30; *Jaenen* 1976. P. 99-100; *Axtell* 1981. P. 83; *Beaulieu* 1990. P. 119-120.

нье или гуроны, ранее других вступившие в контакт с французами и, одними из первых ощутившие последствия эпидемий, с одной стороны, сокращаясь в численности, становились все более зависимы от европейцев в экономическом и политическом отношениях, а с другой, теряя культурную преемственность в условиях систематической миссионерской деятельности иезуитов, легче подвергались аккультурации.

Это имело еще одно, косвенное следствие для развития миссионерской деятельности в Новой Франции: демографическое ослабление племен поставило их перед задачей поиска адекватных стратегий выживания, сохранения популяции. Традиционным средством восполнения демографических потерь у североамериканских индейцев была война, целью которой было не уничтожение противника, а его захват для последующей интеграции в общину, взамен погибших членов племени. Эта традиция была известна и до пандемий середины XVII в., но никогда не принимала таких масштабов, как это произошло в течение оставшейся части столетия и получило известность как «Ирокезские войны»[90]. Их результатом стало исчезновение таких народов, как гуроны, нейтральные, петун, кичезипирини, вескарини, частью уничтоженных, частью поглощенных Ирокезской лигой. Но именно среди этих народов иезуиты создали первые (и наиболее успешные) миссионерские предприятия, которые к 1650 г. потерпели полный крах в связи с развитием этого глобального этнического конфликта. Причем, некоторые исследователи считают, что эпидемии подготовили общую психологическую почву и для принятия христианской религии, и для разгрома и покорения этих народов внешним врагом, порождая атмосферу фатализма, покорности перед неизбежной смертью и, даже, ее ожидания как возможности встретиться с погибшими родственниками. С этой точки зрения, уже существовавшая ассоциация «крещение=смерть» содействовала христианизации индейцев[91].

Хотя существовала и обратная сторона этого процесса: пленные гуроны и алгонкины, будучи, как правило, христианами, становились миссионерами среди своих ирокезских хозяев, приведя к «стихийной» христианизации Ирокезской лиги еще до появления там постоянных иезуитских миссий в 1660–1670-х гг. По мнению ряда исследователей, к концу XVII столетия не-ирокезы (пленные или их потомки) составляли до 50% населения Ирокезии. Подавляющее большинство их было христианами, что не могло не оказывать своего воздействия на процессы христианизации среди племен конфедерации.

Определяя стратегии выживания в условиях смертельных эпидемий, каждый народ, таким образом, выбирал ту, которая более соответствовала его мировоззрению и/или экономическим и политическим ин-

---

[90] *Johnston* 1988. P. 14, 23.
[91] *Desrosiers* 1947. T. 1. P. 199-200.

тересам. Если ирокезы встали на путь глобальной войны с целью приобретения пленных, то гуроны приняли христианство, как защиту против болезней и условие союза с французами против внешних врагов.

Таким образом, если говорить о непосредственных эффектах эпидемий первой половины XVII в. на миссионерскую деятельность иезуитов в Новой Франции, можно констатировать две диаметрально противоположные тенденции. С одной стороны, у индейцев создавалась прочная ассоциация между смертью и крещением, в связи с практикой миссионеров крестить находящихся при смерти, что отталкивало их от нового учения как от вредоносной магии. С другой стороны, самоотверженность иезуитских священников, готовых брать на себя заботу о больных и умирающих, возможные выздоровления в результате применения ими неизвестных индейцам лекарств или даже «чудесные» исцеления, заставляли их воспринимать христианское учение и практику как лечебную магию, искать ее защиты, принимая христианскую веру.

В долговременной перспективе эпидемии создали прочный фундамент для христианизации оставшихся в живых членов пораженных ими племен. Речь идет, прежде всего, о сопутствующем демографическому урону разрушении культурной преемственности, что создавало «разрывы» в картине мира, которые постепенно заполнялись идеями, транслируемые миссионерами, способными, в отличие от традиционных религиозных авторитетов (шаманов и знахарей), дать прямой и логичный ответ о причинах и значении болезней. Это, наряду с растущей в результате эпидемий зависимостью от экономических и военно-политических связей с французской колонией, делало христианство наиболее приемлемой идеологией для дальнейшего существования гуронов, монтанье, алгонкинов и других племен в рамках франко-индейского альянса во второй половине XVII – первой половине XVIII в.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Binet É. Consolation et réjouissance des malades. Grenoble, Jérôme Millon, 1995.

Binet É. Remèdes souverains contre la peste et la mort soudaine. Grenoble, Jérôme Millon, 1998.

Gendron F. Quelques particularitez du pays des Hurons en la Nouvelle France, remarquées par le Sieur Gendron, docteur en médecine. Albany, Troyes, Bechet, 1868.

The Jesuit Relations and Allied Documents, Travels and Exploration of the Jesuit Missionaries in New-France, 1610–1791. 71 vols. / ed. by R. G. Thwaites. Cleveland, The Burrows Brothers Company, 1896-1901.

Monumenta Novae Franciae. Vol. I–VIII / ed. par L. Campeau. Québec, Les Presses de l'Université Laval, 1967–1996.

St. Ignatius. Letters of St. Ignatius of Loyola / ed. by W.J. Young, SJ. Chicago, Loyola University Press, 1959.

Литература

Ashburn P. M. The ranks of death, a medical history of the conquest of America. N.Y.: Coward-McCann, 1947.

Axtell J. The European and the Indian: Essays in the Ethnohistory of Colonial North America. N.Y.: Oxford University Press, 1981.

Axtell J. The Invasion Within: The Contest of Cultures in Colonial North America. N.Y.: OUP, 1985.

Beaulieu A. Convertir les fils de Caïn: Jésuites et Amérindiens nomades en Nouvelle-France, 1632-1642. Québec, Nuit blanche, 1990.

Beaulieu A. Les Hurons de Lorette, le "traité Murray" et la liberté de commerce // Les Hurons de Lorette. Sillery, Septentrion, 1996. P. 255-295.

Brockliss L., Jones C. The Medical World of Early Modern France. Oxford: OUP, 1997.

Brooks F.J. The Impact of Disease // Technology, disease, and colonial conquests, sixteenth to eighteenth centuries: essays reappraising the guns and germs theories / ed. by G. Raudzens. Leiden, Brill, 2001. P. 127-165.

Clermont N. L'Augmentation de la population chez les Iroquoiens préhistoriques // Recherches Amérindiennes du Québec. 1980. Vol. 10. No. 3. P. 159-163.

Crosby A.W. Virgin Soil Epidemics as a Factor in the Aboriginal Depopulation in America // The William and Mary Quarterly, Third Series. Vol. 33, No. 2. Apr., 1976. P. 289-299.

Cook S.F. Demographic Consequences of European Contact With Primitive Peoples // Annals of the American Academy of Political and Social Sciences. 1945. No. 237. P. 107-111.

Day G.M. English-Indian Contacts in New England // Ethnohistory. Winter, 1962. Vol. 9. No. 1. P. 24-40.

Delâge D. Bitter Feast: Amerindians and Europeans in Northeastern North America, 1600-1664. Vancouver, University of British Columbia Press, 1993.

Delâge D. La religion dans l'alliance franco-amérindienne // Anthropologie et Sociétés. 1991. Vol. 15. No. 1. P. 55-87.

Desrosiers L.-P. Iroquoisie. T. 1. Montréal, Les études de l'IHAF, 1947.

Diamond J. Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies. N.Y.: W.W. Norton, 1997.

Dobyns H.F. Estimating Aboriginal American Population. An Appraisal of Techniques with a New Hemispheric Estimate // Current Anthropology, Vol. VII. 1966. P. 395-416.

Dobyns H.F. Their Number Become Thinned: Native American Population Dynamics in Eastern North America. Knoxville, University of Tennessee Press, 1983.

Garrad C. and Heidenreich C.E. Khionontateronon (Petun) // Handbook of North American Indians. Vol. 15. Northeast. Washington, Smithsonian Institution, 1978. P. 394-397.

Grumet R.S. Historic Contact: Indian People and Colonists in Today's Northeastern United States in the Sixteenth through Eighteenth Centuries. Norman: University of Oklahoma Press, 1995.

Heagerty J.J. Four centuries of medical history in Canada and a sketch of the medical history of Newfoundland. Vol. I-II. Toronto, Macmillan Co. of Canada, 1928.

Heidenreich C.E. Huronia: A History and Geography of the Huron Indians, 1600–1650. Toronto, McClelland and Stewart, 1971.

Jaenen J.C. Friend and foe: Aspects of French and Amerindian cultural contact in the sixteenth and seventeenth century. Toronto, McClelland and Stewart, 1976.

Johnston S. Epidemics: The Forgotten Factor in Seventeenth Century Native Warfare in the St. Lawrence Region // Native People, Native Lands: Canadian Indians, Inuit and Metis / ed. by Bruce Alden Cox. Ottawa: McGill-Queen's Press, 1988. P. 14-31.

Jones E.E. and DeWitte S.N. Using spatial analysis to estimate depopulation for Native American populations in northeastern North America, AD 1616–1645 // Journal of Anthropological Archaeology. March 2012. № 31. P. 83-92.

Levasseur G. S'allier pour survivre. Les épidémies chez les Hurons et les Iroquois entre 1634-1700: une étude ethnohistorique comparative. Thèse présentée à la Faculté des études supérieures de l'Université Laval dans le cadre du programme de doctorat en anthropologie pour l'obtention du grade de docteur (Ph.D.), Université Laval. Québec, 2009.

Martelle H. Some Thoughts on the Impact of Epidemic Disease and European Contact on Ceramic Production in Seventeenth Century Huronia // Ontario Archaeology. 2004. No. 77/78. P. 22-44.

Martin C. Keepers of the Game: Indian-Animal Relationships and the Fur Trade. Berkeley, University of California Press, 1978.

Martin C. Wildlife Diseases as a Factor in the Depopulation of the North American Indian // The Western Historical Quarterly. Jan. 1976. Vol. 7. No. 1. P. 47-62.

Migliore S. Viral Infections among the Huron: An Ecological Approach // Nexus: The Canadian Student Journal of Anthropology. 1983-1984. Vol. 3. No. 1-2. P. 86-97.

Noble W.C. Historic Neutral Iroquois Settlement Patterns // Canadian Journal of Archaeology. 1984. Vol. 8. P. 3-28.

Ramenofsky A.F. Vectors of Death: The Archaeology of European Contact. Albuquerque, University of New Mexico Press, 1987.

Ricard R. La «Conquête spirituelle» du Mexique. Essai sur l'apostolat et les méthodes des Ordres Mendiants en Nouvelle-Espagne de 1523-24 à 1572. P.: Faculté des lettres de Paris, 1933.

Schlesier K.H. Epidemics and Indian Middlemen: Rethinking the Wars of the Iroquois, 1609-1653 // Ethnohistory. Vol. 23. No. 2. Spring, 1976. P. 129-145.

Snow D.R. and Lanphear K.M.L. European Contact and Indian Depopulation in the Northeast: The Timing of the First Epidemics // Ethnohistory. Vol. 35. 1988. P. 15-33.

Trigger B.G. The French Presence in Huronia: The Structure of Franco-Huron Relations in the First Half of the Seventeenth Century // Readings in Canadian History: Pre-Confederation / ed. by R. D. Francis, D. B. Smith. Toronto: Holt, Rinehart and Winston, 1990. P. 16-48.

Trigger B.G. Ontario Native People and the Epidemics of 1634-1640 // Indians, Animals, and the Fur Trade: A Critique of Keepers of the Game. / ed. by Shepard Krech, III. Athens, University of Georgia Press, 1987. P. 19-39.

Worcester T., SJ. A Defensive Discourse: Jesuits on Disease in Seventeenth-Century New France // French Colonial History. 2005. Vol. 6. P. 1-15.

Федин А.В. «Дорогами, полными крестов…»: иезуитское миссионерское мученичество в XVII в // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 173-201.

Федин А.В. Институт donnés в иезуитской миссии в Новой Франции в XVII веке // Вестник Брянского государственного университета. № 2 (2013): История и политология. Право. Литературоведение. Языкознание. Брянск, 2013. С. 100-105.

REFERENCES

Binet É. Consolation et réjouissance des malades. Grenoble, Jérôme Millon, 1995.

Binet É. Remèdes souverains contre la peste et la mort soudaine. Grenoble: Jérôme Millon, 1998.

Gendron F. Quelques particularitez du pays des Hurons en la Nouvelle France, remarquées par le Sieur Gendron, docteur en médecine. Albany, Troyes, Bechet, 1868.

The Jesuit Relations and Allied Documents, Travels and Exploration of the Jesuit Missionaries in New-France, 1610–1791. 71 vols. / ed. by R. G. Thwaites. Cleveland: The Burrows Brothers Company, 1896–1901.

Monumenta Novae Franciae. Vol. I–VIII / ed. par L. Campeau. Québec, Les Presses de l'Université Laval, 1967–1996.

St. Ignatius. Letters of St. Ignatius of Loyola / ed. by W. J. Young, SJ. Chicago, Loyola University Press, 1959.

Ashburn P.M. The ranks of death, a medical history of the conquest of America. N.Y.: Coward-McCann, 1947.

Axtell J. The European and the Indian: Essays in the Ethnohistory of Colonial North America. New York, Oxford University Press, 1981.

Axtell J. The Invasion Within: The Contest of Cultures in Colonial North America. New York, Oxford University Press, 1985.
Beaulieu A. Convertir les fils de Caïn: Jésuites et Amérindiens nomades en Nouvelle-France, 1632-1642. Québec, Nuit blanche, 1990.
Beaulieu A. Les Hurons de Lorette, le "traité Murray" et la liberté de commerce // Les Hurons de Lorette. Sillery, Septentrion, 1996. P. 255-295.
Brockliss L., Jones C. The Medical World of Early Modern France. Oxford: OUP, 1997.
Brooks F.J. The Impact of Disease // Technology, disease, and colonial conquests, sixteenth to eighteenth centuries: essays reappraising the guns and germs theories / ed. by G. Raudzens. Leiden: Brill, 2001. P. 127-165.
Clermont N. L'Augmentation de la population chez les Iroquoiens préhistoriques // Recherches Amérindiennes du Québec. 1980. Vol. 10. No. 3. P. 159-163.
Crosby A.W. Virgin Soil Epidemics as a Factor in the Aboriginal Depopulation in America // The William and Mary Quarterly, Third Series. Vol. 33, No. 2. Apr., 1976. P. 289-299.
Cook S.F. Demographic Consequences of European Contact With Primitive Peoples // Annals of the American Academy of Political and Social Sciences. 1945. No. 237. P. 107-111.
Day G.M. English-Indian Contacts in New England // Ethnohistory. Winter, 1962. Vol. 9. No. 1. P. 24-40.
Delâge D. Bitter Feast: Amerindians and Europeans in Northeastern North America, 1600-1664. Vancouver, University of British Columbia Press, 1993.
Delâge D. La religion dans l'alliance franco-amérindienne // Anthropologie et Sociétés. 1991. Vol. 15. No. 1. R. 55-87.
Desrosiers L.-P. Iroquoisie. T. 1. Montréal, Les études de l'IHAF, 1947.
Diamond J. Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies. N.Y.: W.W. Norton, 1997.
Dobyns H.F. Estimating Aboriginal American Population. An Appraisal of Techniques with a New Hemispheric Estimate // Current Anthropology, Vol. VII. 1966. P. 395-416.
Dobyns H. F. Their Number Become Thinned: Native American Population Dynamics in Eastern North America. Knoxville, University of Tennessee Press, 1983.
Garrad C. and Heidenreich C. E. Khionontateronon (Petun) // Handbook of North American Indians. Vol. 15. Northeast. Washington, Smithsonian Institution, 1978. P. 394-397.
Grumet R.S. Historic Contact: Indian People and Colonists in Today's Northeastern United States in the Sixteenth through Eighteenth Centuries. Norman: University of Oklahoma Press, 1995.
Heagerty J.J. Four centuries of medical history in Canada and a sketch of the medical history of Newfoundland. Vol. I-II. Toronto, Macmillan Co. of Canada, 1928.
Heidenreich C.E. Huronia: A History and Geography of the Huron Indians, 1600-1650. Toronto, McClelland and Stewart, 1971.
Jaenen J.C. Friend and foe: Aspects of French and Amerindian cultural contact in the sixteenth and seventeenth century. Toronto, McClelland and Stewart, 1976.
Johnston S. Epidemics: The Forgotten Factor in Seventeenth Century Native Warfare in the St. Lawrence Region // Native People, Native Lands: Canadian Indians, Inuit and Metis / ed. by Bruce Alden Cox. Ottawa: McGill-Queen's Press, 1988. P. 14-31.
Jones E. E. and DeWitte S. N. Using spatial analysis to estimate depopulation for Native American populations in northeastern North America, AD 1616-1645 // Journal of Anthropological Archaeology. March 2012. № 31. R. 83-92.
Levasseur G. S'allier pour survivre. Les épidémies chez les Hurons et les Iroquois entre 1634–1700: une étude ethnohistorique comparative. Thèse présentée à la Faculté des études supérieures de l'Université Laval dans le cadre du programme de doctorat en anthropologie pour l'obtention du grade de docteur (Ph.D.), Québec, 2009.
Martelle H. Some Thoughts on the Impact of Epidemic Disease and European Contact on Ceramic Production in Seventeenth Century Huronia // Ontario Archaeology. 2004. No. 77/78. P. 22-44.

Martin C. Keepers of the Game: Indian-Animal Relationships and the Fur Trade. Berkeley, University of California Press, 1978.
Martin C. Wildlife Diseases as a Factor in the Depopulation of the North American Indian // The Western Historical Quarterly. Jan. 1976. Vol. 7. No. 1. P. 47-62.
Migliore S. Viral Infections among the Huron: An Ecological Approach // Nexus: The Canadian Student Journal of Anthropology. 1983-1984. Vol. 3. No. 1-2. P. 86-97.
Noble W.C. Historic Neutral Iroquois Settlement Patterns // Canadian Journal of Archaeology. 1984. Vol. 8. P. 3-28.
Ramenofsky A.F. Vectors of Death: The Archaeology of European Contact. Albuquerque, University of New Mexico Press, 1987.
Ricard R. La «Conquête spirituelle» du Mexique. Essai sur l'apostolat et les méthodes des Ordres Mendiants en Nouvelle-Espagne de 1523-24 à 1572. P.: Faculté des lettres de Paris, 1933.
Schlesier K.H. Epidemics and Indian Middlemen: Rethinking the Wars of the Iroquois, 1609-1653 // Ethnohistory. Vol. 23. No. 2. Spring, 1976. P. 129-145.
Snow D.R. and Lanphear K. M. L. European Contact and Indian Depopulation in the Northeast: The Timing of the First Epidemics // Ethnohistory. Vol. 35. 1988. P. 15-33.
Trigger B.G. The French Presence in Huronia: The Structure of Franco-Huron Relations in the First Half of the Seventeenth Century // Readings in Canadian History: Pre-Confederation / ed. by R. D. Francis, D. B. Smith. Toronto, Holt, Rinehart and Winston, 1990. P. 16-48.
Trigger B.G. Ontario Native People and the Epidemics of 1634-1640 // Indians, Animals, and the Fur Trade: A Critique of Keepers of the Game / ed. by Shepard Krech, III. Athens, University of Georgia Press, 1987. R. 19-39.
Worcester T., SJ. A Defensive Discourse: Jesuits on Disease in Seventeenth-Century New France // French Colonial History. 2005. Vol. 6. P. 1-15.
Fedin A.V. «Dorogami, polnymi krestov…»: iezuitskoe missionerskoe muchenichestvo v XVII v // Dialog so vremenem. 2012. Vyp. 40. S. 173-201.
Fedin A.V. Institut donnés v iezuitskoi missii v Novoi Frantsii v XVII veke // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. № 2 (2013): Istoriya i politologiya. Pravo. Literaturovedenie. Yazykoznanie. Bryansk, 2013. S. 100-105.

Федин Андрей Валентинович*, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского; avfedin@yandex.ru*

Impact of epidemics on the process of Christianization of the indigenous peoples of New France in the 17th century

The article is focused on the impact of the epidemics of European diseases, which stroke the indigenous peoples of the North East of North America in the 17th c., on the processes of their acculturation and Christianization led and controlled by Jesuit missionaries. The author points to ambiguous reception by natives of Christian doctrine and practice in the context of diseases that both helped and impeded their conversion. In general, however, the mass epidemics of the early1 7th century created a foundation for the later conversion of some peoples of New France (Hurons, Innu, and some Iroquois), thus damaging their cultural integrity.

Keywords: life, death, immortality, suicide, philosophy, mentality.

Andrey Fedin*, PhD (history), Associate Professor, Depertment of World history, international relations and international law, Bryansk state university; avfedin@yandex.ru*

В. В. Устюгова

«КИНОЛИХОРАДКА» ВРЕМЕН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ТЕНДЕНЦИИ ПРОИЗВОДСТВА И ПРОКАТА

В работе поставлена проблема бытования российского кинематографа в годы Первой мировой войны. Рассмотрены институциональные аспекты деятельности киноателье и работы киносети, жанровые тренды кинопроизводства и репертуарные предпочтения провинциального проката. Показано, как война ускорила процессы массовизации общественной жизни и развития массовой культуры. Кинематограф сформулировал соответствующие российской ситуации социальные темы и нашел для их воплощения повествовательные формы авантюрного кино, «романсомании», психологической драмы. Особенности российского кинематографического дискурса военных лет были связаны не только с эскапистскими задачами массовой культуры, но и с формированием нарративного кино и появлением отдельного зрителя как субъекта его восприятия.

Ключевые слова*: *кинематограф, массовая культура, Первая мировая война, модерн, «бель эпок», русский киностиль.

Социальная история начала XX века связана с формированием массовой культуры. Адаптироваться к новому веку горожанам помогали различные виды коммуникации и в первую очередь кинематограф. Электрические театры заполонили световыми вывесками и яркими афишами все центральные улицы городов, привлекая именами «Как в Париже», «Волшебные Грезы», «Кристалл-Палас», «Двадцатый век». Иллюзионы собирали в свои залы публику всех возрастов, сословий и профессий. Кино выступило знаковым талисманом, технологической и художественной эмблемой модерна. Формирование кинематографического нарратива завершилось к началу Первой мировой войны, на это время пришелся расцвет раннего немого кино. В Российской империи кинематографический бум был обусловлен различными социокультурными факторами. Задача настоящей статьи – рассмотрение «кинематографического клондайка» в период войны, анализ основных тенденций русского кинопроизводства и проката, в том числе в провинции.

Историография данного вопроса включает исследования по истории раннего кино, зарубежные (Р. Абель, Д. Бордвел) и российские издания (Б.С. Лихачев, Н.М. Иезуитов, С.С. Гинзбург, Н.М. Зоркая). Отечественные киноведы уделяли внимание некоторым институциональным и репертуарным особенностям кинематографа военных лет. Характеристику русскому киностилю, сложившемуся в предреволюционные годы, дал Ю.Г. Цивьян в предисловии к изданию «Великий кинемо». Источники по данной проблеме разнообразны и включают в себя опубликованные и не опубликованные мемуарные произведения, кинематографическую, общероссийскую и провинциальную печать, документы местных архивов.

Российский кинорынок был потрясен войной. В предвоенные годы иностранные фильмы в Россию ввозились беспошлинно и стоили гораз-

до дешевле отечественных копий; русские ленты включались как дополнение к программам, состоящим из западных картин. С началом войны произошло резкое сокращение ввоза иностранной кинопродукции. Хотя западные картины продолжали идти в кинотеатрах России; немецкие фильмы демонстрировались на экранах под видом американских, голландских и пр. Сокращение импорта фильмов поставило под угрозу нормальную деятельность киносети, нуждавшейся в двух сменах программы в неделю. Так возникли благоприятные условия для расширения отечественного производства. По данным указателя Вен. Вишневского, в 1914 г. в России было произведено 232 полнометражных фильма, в 1915 – 370, в 1916 – 499[1]. Процент фильмов иностранного происхождения упал в прокате к 1916 г. примерно до 20%[2].

Рост производства был вызван все возрастающим интересом к доступному зрелищу, способному отвлечь от тяжелых переживаний, связанных с войной. «К темам разговоров тех дней – о войне, о Распутине, Государственной думе, театрах, прибавилась новая – кино», – вспоминал актер И. Перестиани[3]. «Год объявления империалистической войны был замечателен для кинематографии. Кинематография стала модной темой дня. О ней заговорили решительно все: писатели, режиссеры, крупные актеры, публицисты, общественные деятели, члены государственной думы и министры. Кинематограф волновал умы, будил газетные страсти. …В деловых кругах также, видимо, произошел перелом, и фирмы без особого труда привлекали средства из других отраслей промышленности. Финансисты и промышленники не могли не видеть, как велика чистая прибыль в кинопромышленности и как быстро в ней растут капиталы»[4]; «Обороты кинопромышленности тех лет достигали сотен миллионов золотых рублей. Фирмы, прокатные конторы, кустарные предприятия, кинотеатры вырастали как грибы после дождя»[5].

Киноведы отмечают, что на каждую прочитанную книгу приходилось 5-6 посещений кинематографа, на каждый театральный билет – 10-12 билетов в кино[6]. Индустрия киноразвлечений была одной из самых динамично развивающихся экономик времен Первой мировой войны. Историк кино Н.М. Иезуитов замечал: когда тухли домны, железнодорожные перевозки падали, поля оставались незасеянными, обороты кинематографии в 1916 г. достигли невиданной цифры – 142 млн рублей[7]. Сведения о многочисленных частновладельческих кинофабриках, воз-

---

[1] *Вишневский,* 1945. С. 35-142, 150-154.

[2] *Гинзбург,* 1963. С. 158.

[3] *Перестиани*, 1962. С. 247.

[4] *Ханжонков,* 1937. С. 75-76.

[5] *Гардин*, 1949. Т. 1. С. 108.

[6] *Арлазоров*, 1973. С. 45. В 1915 г. в кинозалы было продано 180 млн билетов при численности населения в 170 млн. *Гращенкова,* 2005. С. 175.

[7] *Иезуитов,* 1958. С. 265.

никших в годы войны, содержатся в справочнике 1916 года «Вся кинематография», их обзор представлен в труде Б.С. Лихачева. Организация кинофирм происходила в бешенном темпе – «Кинолента», «Люцифер», «Крео», «Светотень», «Художественная лента», фабрика ярославского фабриканта Г. Либкена, кинофабрика костромского купца М. Трофимова «Русь», московское ателье Скобелевского комитета, предприятие на капиталах нефтедобытчиков «Биохром» («Биофильм»), фирмы А. Векштейна, А. Саввы и многие другие.

Лидеры отечественного кинопроизводства – фирмы А. Ханжонкова, П. Тимана и И. Ермольева – располагали собственной сетью проката, имели фабрики с большими съемочными павильонами, издавали кинематографические журналы. В крупнейших ателье работали лучшие режиссеры, операторы, художники, актеры. Весной 1916 г. в Москве развернул производство Д. Харитонов, выдвинувшись из прокатчиков, он выпустил самые доходные ленты 1917 года. Вместе с тем малая затратность съемок и огромная потребность рынка создали условия для образования фирм однодневок. Кустарные предприятия выпускали за время своего существования по две-три картины, но при большом спросе и они приносили немалый доход. Открылся «кинематографический клондайк» (В. Гардин), «началась своего рода кинолихорадка», по замечанию оператора Л. Форестье. «Кинолихорадка продолжалась, – вспоминал последний. – Картины ставили все, кто только имел средства и хотел заняться этим делом. Снимали на натуре, в гаражах, в пустующих магазинах или пивных, в частных квартирах. Сценарии писали многие режиссеры, подчас сами предприниматели. Иногда сценарии покупались у писателей, журналистов или газетных репортеров, вроде пресловутого “графа Амори”»[8].

Мемуарные источники проявляют заметное единодушие в оценке характера тогдашнего кинопроизводства. Причем нужно заметить, что не все авторы впоследствии работали в советском кино. «Фильмов не хватало, – писал оператор И. Фролов. – Спекулятивная лихорадка в области кинопроизводства все сильнее. Случайные люди, обладавшие коммерческой сноровкой, стали снимать киноленты. Не имея своего ателье, они снимали где попало: в застекленных оранжереях, подвалах, больших квартирах. Снимали даже в фойе кинотеатров, в помещениях пивных и тому подобное»[9]. Аналогичные сведения приводил в неопубликованных воспоминаниях художник В. Баллюзек: «Специально и наспех выстроенные ателье отдавались на прокат на 3-4 дня какому-нибудь предпринимателю, мало сведущему в искусстве. Это сочетание малосведущих в искусстве людей с крупными именами прославленных актеров стало характерным для того времени явлением»[10]. Оператор

[8] *Форестье*, 1945. С. 70, 72.
[9] *Фролов*, Полвека с камерой // РГАЛИ. Ф. 2639. Оп 1. Д. 46. Л. 110.
[10] *Баллюзек,* Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 2637. Оп. 1. Д. 22. Л.1.

А. Лемберг отмечал, что для «экономии средств» в одних и тех же декорациях разыгрывалось несколько картин, а в ближайших парках снимались и Крым, и Кавказ, и сибирская тайга[11]. Карликовые компании размещались в разных квартирах на Тверской, по свидетельству режиссера А. Разумного, и умудрялись кустарным способом выпустить 1-2 картины для провинциальных театров: «Они размножались так быстро, что вскоре вся Тверская улица была заселена кинодельцами и их представителями; увидев какого-либо суетливого маклера, можно было безошибочно утверждать, что он фланирует между Гнездниковским и площадью Белорусского вокзала в поисках какого-либо делового контакта»[12].

Во главе кинематографии оказались случайные люди, благодаря им в кинематографический бизнес устремились капиталы из самых разных отраслей[13]. «Владельцы кинофабрик были люди некультурные, случайные, – вспоминал оператор А. Левицкий, – стремящиеся только угодить дурному вкусу зрителя да получить барыши. Так, один известный делец (я не буду называть его фамилии) имел недалеко от Брянского вокзала дом терпимости; решив заняться более прибыльным делом, он закрыл его, а во дворе построил павильон и начал снимать фильмы»[14].

Война ускорила процессы массовизации общественной жизни, огромные людские потоки были вовлечены в исторический водоворот. На этом гребне массовая развлекательная культура и кинематограф получили мощный импульс для развития. «Дело в том, что многим дельцам стало понятно лишь одно: “синематограф” или “живая фотография” – своего рода золотое руно», – отмечал И. Фролов[15]. В восприятии современников кинематограф периода войны оказался настоящим «золотым дном»[16].

Качество основной массы кинематографической продукции было низким. Картины снимались «в атмосфере постоянной спешки и азарта» (Л. Форестье). «Через две недели (только боевики делались два-три месяца) зрителю подносилась эта очередная продукция, мгновенно забывавшаяся, но приносившая солидный барыш», – писал режиссер Ч. Са-

---

[11] *Лемберг*, Страницы прошлого // РГАЛИ. Ф. 3017. Оп. 1. Д. 11. Л. 6.

[12] *Разумный*, 1975. С. 22-23.

[13] «Во главе кинематографии тогда стояли случайные люди, не имевшие ничего общего с искусством, которые и именовали-то себя фабрикантами, – писал художник С. Козловский. – Кого только среди них не было: Либкен – владелец колбасной, Талдыкин – владелец театральной костюмерной, Ломакин – содержатель ярмарок, шантанов, Векштейн – организатор женского чемпионата борьбы, Трофимов – подрядчик, Ермольев – приказчик, Харитонов – купец, Перский – инженер, Быков – трактирщик, Антик и Лурье – присяжные поверенные и т.д., и т.д.» (*Козловский*, 1968. С. 72).

[14] *Левицкий,* 1964. С. 116.

[15] *Фролов*, Полвека с камерой // РГАЛИ. Ф. 2639. Оп 1. Д. 46. Л. 50.

[16] «…в те времена – в 1914-1915-1916 гг. – кинематограф представлялся некоторым “золотым дном”. Кто тогда только не шел в кино – люди самых разнообразных профессий, причем, главным образом, это были люди, искавшие здесь статью дохода», – писал Л. Никулин. (*Никулин*, Взгляд назад // ЦМК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 40. Л. 3).

бинский[17]. «В моей режиссерской практике я слышал пожелания выпустить фильм не только послезавтра, но и завтра», – отмечал В. Гардин[18]. «Даже такие видные режиссеры, как Гардин и Протазанов, должны были подчиняться финансовому требованию своих “хозяев”. Приходилось скрепя сердце снимать картины в лихорадочном темпе, лишь бы перегнать конкурентов, стремящихся поставить картину на ту же тему. Режиссеры всеми правдами и неправдами старались скрывать названия картин – ажиотаж, погоня за прибылями толкали на заимствование сюжетов», – вспоминал А. Ивановский[19]. При таком росте киноиндустрии возросла конкуренция и так называемые срывы: запуск несколькими фирмами одного и того же сценария или экранизации[20]. Предприниматели до окончания съемок держали в строгом секрете сюжет и название каждого нового фильма, производственные планы являлись строжайшей тайной. Как замечал журнал «Пегас», «кинематографическое творчество протекало в какой-то тайне»: «Автор кинематографических произведений, как тень, скрывал в темноте свое лицо. Режиссер, в свою очередь скрывал содержание произведения от артистов, заставляя их играть так, как он расскажет и покажет. Все, словом, делалось в таких условиях, будто люди темной ночью кого-то грабили»[21].

«Кинолихорадка» затронула все институциональные сферы российского кино. «1915 год в истории русской кинематографии был годом буйного, хаотического разрастания производства. Клондайк был открыт! Все бросились с заявками. Всякий, кто мог, кто обладал хоть каким-либо орудием производства, организовывал свои владения, ставил несложную аппаратуру и начинал собирать “золотой песок” в чемоданы. Ошибок и убытка быть не могло – лотерея беспроигрышная! Театры строились, прокатные конторы плодились, товар был необходим. Заграничная продукция вытеснялась энергично, – зритель требовал свою, русскую»[22].

В годы войны происходил стремительный рост киносети как в столицах, так и на окраинах, еще не освоенных кинематографом. В источниках и литературе фигурируют разные цифры. Кинопредприниматели в докладной записке, поданной 7 сентября 1916 года министру торговли и промышленности, указывали, что в России имелось «около 4 тысяч кинематографических театров, средняя посещаемость которых достигает ежедневно 2 миллиона человек»[23]. Историк кино С.С. Гинзбург считает, что коммерческая киносеть в 1916 г. состояла из 2800-3200 установок.

---

[17] *Сабинский*, 1936. С. 62.

[18] *Гардин,* 1949. Т. 1. С. 64.

[19] *Ивановский*, 1967. С. 136-137.

[20] Например, появление на экране двух «Убогих и нарядных», двух «Мужей», двух фильмов «Мария Лусьева». *Лихачев*, 1960. С. 52.

[21] Цит. по: *Фролов*, Полвека с камерой // РГАЛИ. Ф. 2639. Оп 1. Д. 46. Л. 108-109.

[22] *Гардин* 1949. Т. 1. С. 88.

[23] Проектор. 1916. № 17. С. 14-15.

Летом 1917 года в России было не менее 4 тыс. кинотеатров[24], посещаемость достигла 4 млн ежедневно[25].

В феврале 1916 года был введен налог на билеты. Журнал «Проектор» писал: налог «падает главнейшей своей тяжестью на дешевые билеты», «пострадают те многочисленные “демократические” кинематографы, обслуживающие более бедную часть населения»[26]. Предвещали и другие кризисные явления, обусловленные отсутствием пленки и поступления картин из-за границы, причисленных к «предметам роскоши», возросшими ценами на кинематографические ленты. Однако по истечении года со дня введения налога на все виды увеселений в России провинциальная хроника констатировала: «По данным ведомства учреждений Императрицы Марии, военный налог не только не вызвал уменьшения посещаемости театров и кинематографов, но наоборот, за последний год, во всей империи открывалось громадное количество новых увеселительных заведений. …Доходность ведомства за истекший год от взыскания налогов по увеселениям выразится приблизительно в 7 миллионов рублей, в то время, как до введения повышенного военного налога, доходность выражалась в 4 миллиона рублей. Приблизительно такую же сумму от театрального налога получило и государственное казначейство»[27]. Валовой сбор кинотеатров в 1917 г. составил не менее 200 млн рублей[28] (больше, чем в любой предшествующий год, несмотря на то, что в ноябре-декабре часть кинотеатров перестала функционировать).

В 1916 г. в Архангельске было 5 электро-театров, Астрахани – 8, Баку – 8, Белгороде – 4, Витебске – 6, Вологде – 8, Воронеже – 7, Екатеринбурге – 5, Екатеринославе – 7, Иваново-Вознесенске – 9, Иркутске – 10, Казани – 10, Киеве – 12, Могилеве – 10, Николаеве – 9, Новороссийске – 9, Одессе – 26, Омске – 7, Оренбурге – 7, Перми – 7, Полоцке – 6, Полтаве – 6, Пскове – 6, Риге – 22, Самаре – 12, Саратове – 20, Тамбове – 6, Тифлисе – 8, Туле – 10, Уфе – 7, Харькове – 17, Херсонесе – 8, Царицыне – 11, Ярославле – 8. В Москве функционировало 67 электро-театров, Петрограде – 141 кинематограф[29]. В Перми кинематографические сеансы устраивались также в городском театре, цирке, яхт-клубе, обществах, ресторанах. Новые кинематографы в Пермской губернии возникали каждый год в селах и на предприятиях по всему краю. Электро-театры открывали лица крестьянского и мещанского сословий, мастеровые и предприниматели, кредитные и ссудо-сберегательные товарищества[30]. Организация иллюзионов была всегда так или иначе связана с решением проблемы

---

[24] *Гинзбург,* 1963. С. 322.
[25] *Гращенкова*, 2005. С. 118.
[26] Проектор. 1916. № 4. С. 1-2.
[27] Пермская жизнь. 1917. 25 янв. (№ 336).
[28] *Гинзбург,* 1963. С. 322.
[29] *Вся кинематография,* 1916. С. 17-57.
[30] ГАПК. Ф. 36. Оп. 4. Д. 75, 77. Оп. 5. Д. 54, 59-61, 63, 64, 66.

досуга. В техническом отношении организация кинематографического театра не являлась сложным делом, она была под силу и предприимчивому селянину, и технику с заводского предприятия[31].

Электро-театры спешили заявить свои права на «монопольный показ» очередной сенсационной новинки, ленты редко повторялись, они в стремительном калейдоскопе слетали с киноафиш в сопровождении громких эпитетов – «Сегодня несомненная сенсация!», «Первый раз на экране!», «Сенсация за сенсацией. В скором времени будет демонстрироваться сенсационный боевик», «Головокружительное зрелище!». О том, какое место занимал кинематограф в жизни большого города, позволяет судить тот факт, что реклама электро-театров и их репертуаров занимала все первые полосы губернских газет. Современники замечали: «кинематографическая реклама достигает апогея рекламности. В своем кипении и пароксизмах она достигает такой откровенности, что для исследователя быта и нравов современности она становится не только одним из ярких документов общего характера, одним из тех документов, которые лишь помогают выяснить общий стиль эпохи. …Кинематографическая реклама настолько в этом смысле характерна и выразительна, что человеку новому для кинематографа, пожелавшему ознакомиться с ее сферой, с обычаями, психологией, эстетикой – одним словом – со всей этнографией кинематографического мира – не нужно идти за кулисы кинематографа. …Многословие, словесная безудержность в стремлении заворожить читателя “магией слов”, заговорить его, ошеломить – вот первое, что бросается в глаза в кинематографической рекламе. Для психологического воздействия на потребителя кинематографическая реклама значительно раньше немцев начала пользоваться 42-сантиметровыми орудиями»[32].

Киносезонность вносила коррективы в привычный цикл жизни горожанина. В деятельности кинематографических театров были свои закономерности: наиболее бурными и событийными являлись зимние месяцы, называвшиеся «зимним сезоном», который наступал уже в сентябре, пик приходился на рождественские и масленичные дни. Некоторое затишье наблюдалось в дни Великого поста, хотя о полном прекращении зрелищных мероприятий говорить уже не приходилось. «Начало века» корректировало «лето Господне» православной жизни, размеренно и осмысленно совершавшейся в течение года. Великий пост мало влиял на характер и содержание кинематографических мероприятий, особенно чувствовались эти «нравственные поправки» в военные годы.

---

[31] «В виду неимения в многолюдном заводе Добрянке, имеющем 10 000 человек населения, – писал мастеровой завода Александр Егорович Плюснин в своем прошении, – какого-либо места увеселения: театра, народного дома, кинематографа и т.п., я решил для услуг местного населения открыть здесь кинематограф. Техником по постановке его и работе на нем я буду сам, как специальный мастер по этому делу». ГАПК. Ф. 36. Оп. 4. Д. 54. Л. 1.

[32] Проектор. 1915. № 4. С. 3-4.

Интенсивность кинопоказов диктовалась только сезонными выгодами: спад кинематографических зрелищ наступал летом, когда закрывались электро-театры и прекращался поток зрителей.

С началом Великого поста реклама кинематографов становилась менее навязчивой, не занимала первых полос газетных изданий, но сеансы не прекращались и демонстрировались те же сенсационные «Драмы на самолете», грандиозные «Мертвые хватки», роскошные «Львицы Парижа» и фарсы «Как обманывают жен». В последнюю строгую неделю Поста в иллюзионах показывались военная хроника и научно-популярные ленты. Картины демонстрировались без музыки и наружного освещения кинотеатров. Газетная хроника свидетельствовала: «В наступившую, так называемую “крестопоклонную”, четвертую неделю Великого поста, когда обычно бывали запрещены всякого рода зрелища и увеселения, ныне министерством внутренних дел, по соглашению со святейшим синодом, в кинематографических театрах разрешены к демонстрированию картины, рисующие гибельные последствия пьянства, а также картины из боевой обстановки наших героических армий, изданные, с Величайшего соизволения, Скобелевским комитетом»[33].

Война дала толчок отечественной кинопромышленности и в какой-то момент стала главной темой кинематографа. Хроники и журналы с театров военных действий, документальные и художественные фильмы на тему «Великой Европейской войны» составляли львиную долю кинематографа первых месяцев войны. Производством съемок в действующей армии имел право заниматься Скобелевский комитет. Русская военная хроника показала съемки двух важных военных операций – взятие Перемышля и взятие Эрзерума. Военная хроника Скобелевского комитета была не оперативна и кустарна, тем не менее она занимала внушительное место в репертуаре электро-театров. Военную кинохронику широко показывали «Пате-журнал», «Эклер-журнал», «Хроника Гомон». Игровые военно-агитационные лубки ставились на основе коротких газетных заметок о подвигах русских воинов: «Герой нашего времени Козьма Крючков», «Бой в воздухе. Геройский подвиг русского авиатора Нестерова» и пр. Историк кино Б.С. Лихачев замечал, что говорить о художественной ценности этих картин не приходится: «Весь смысл фильма сводился к тому, чтобы аккомпаниатор мог закончить музыкальную иллюстрацию исполнением “Боже царя храни”»[34].

---

[33] Пермские губернские ведомости. 1916. 15 марта (№ 59).

[34] *Лихачев,* 1960. С. 45. Резко возникнув, интерес к военным фильмам также резко пошел на спад. В первой половине 1915 г. было снято 12 военных картин, во втором – 9, в первом полугодии 1916 г. – 8, во втором – 5. В первые месяцы 1917-го – ни одной. – *Гинзбург,* 1963. С. 192. В 1917 г. наступил новый пик интереса к документальному и игровому кино, посвященному уже актуальной «революционной» тематике. В весеннем репертуаре электро-театров фигурировали многочисленные сюжеты о «темных силах» царизма подобные «Григорию Распутину», «Позору дома Романовых» и пр.

Кинематограф превращался в средство отвлечения от тягот войны. Русское общество не могло вернуться к довоенным интересам, находившим отражение в прежних киножанрах. В мемуарах и исследованиях сформулирована мысль о том, что дореволюционная публика не любила и не ценила комедии, но анализ провинциального кинорынка показывает иное – зарубежные комедии мелькали во всех программах. Бесконечные «сети зла» разряжались порой «вечером беспрерывного смеха». Не сходил с экрана герой «веселой комедии» Макс Линдер, был смешон добродушный Прэнс; зритель с удовольствием шел на Глупышкина и Коротышкина, Пата и Поташона. Имели успех отечественные комедии с И. Мозжухиным и В. Каралли. С участием своей супруги Лины Бауэр снимал фарсы Е. Бауэр, представлявшие собой любовные, семейные, курортные приключения. И все же прав был И. Перестиани, когда писал, что настроения военных лет в обществе были тревожны или скорее инертны: «никто не смеялся. Я думаю, что если бы в те дни кто-нибудь сумел поставить блестящую комедию, то она прошла бы незамеченной. Было не до смеха»[35]. Комедия получила наименьшее распространение среди жанров дореволюционной кинематографии. Н.М. Иезуитов полагал, что если произведения Мак Сеннета и Чаплина представляли собой энергичные искания в области режиссуры и киноязыка, то в русских комедиях отсутствовало даже формальное новаторство. Опыт режиссуры русского кино складывался в работе не над комедией, над драмой[36].

Иностранные картины не были вытеснены из проката и попрежнему составляли основу репертуара провинциальных кинотеатров. Показывались социально-психологические лент с участием датчан – Асты Нильсен, Вальдемара Гаррисона, Бетти Нансен, Риты Сашетто, Люли Бек и др. Состоялись премьеры знаменитых итальянских пеплумов «Спартак», «Последние дни Помпеи», «Кабирия», «Мацист». Исторические костюмные драмы отличались постановочной пышностью и техническими новациями, включавшими перспективные съемки, тревелинг, эффекты освещения. В предвоенном европейском кино возник жанр салонной мелодрамы, транслировавшей ценности «бель эпок». В годы войны идеалы «красивой жизни» перешли из реальной жизни в область киноиллюзии и продолжали сообщаться публике, жаждущей знать «как живут люди» и в какой «обстановке они живут». Публика восхищалась красотой итальянок Франчески Бертини, Эсперии Сантес, Лиды Борелли, Мерседес Бриньоне, Ирены Морено, Марии Якобини. Например, осенью 1916 года в пермском театре «Триумф» одна итальянская великосветская драма сменялась другой: «В тисках» с Эсперией Сантос, «Любовь Натурщицы» с Анни Босс, «Из-за благ земных» с Марседес Бриньоне, «Невеста смерти» с Линой Кавальери, «Дама с камелиями» с Франческой

[35] *Перестиани*, 1962. С. 267.
[36] *Иезуитов,* 1958. С. 274.

Бертини. Буржуазная публика ценила западные картины, интересуясь европейским образом жизни, качеством и разнообразием европейского кино. Альковные похождения титулованных героев и героинь, бархат патрицианских дворцов и буржуазных вилл привлекали мещанскую публику как больших городов, так и провинциального захолустья.

Наряду со «звездными» пользовались успехом авантюрные картины, французские и американские. Опережая друг друга, на экранах появлялись знаменитые сыщики и криминальные герои – Хольстон, Джек Дюфлер, Рокамболь, Фантомас, Ариэль Зигомар, Протеа и др. Обращаясь к анализу творчества пионера европейской кинематографии Л. Фейада, историки кино обращают внимание на то, как великолепно в его фильмах показан Париж «прекрасной эпохи». Ж. Садуль пишет о том, что Фейаду «присуще поэтическое восприятие реальной жизни и природы, а еще больше – поэзии парижских улиц, которые так много дали искусству Бальзака»[37], Н. Зоркая – о том, что Фейад своим бессмертным «Фантомасом» «погружает зрителя в полную жизни, воздуха, шарма “бель эпок”»[38]. Исследователь раннего кино Р. Абель рассматривает авантюрные французские серии в призме социальных конфликтов, маргинальной провинциальной жизни. Изменилась природа героя-злодея и профессионального детектива в модернизированных городах[39]. Д. Бордвел пишет, что Фейад «беззастенчиво использовал все клише популярного нарратива», но подчеркивает разницу между его манерой «рассказа» и монтажной системой американских фильмейкеров: Фейад считал кинематограф больше искусством живописи, чем театральным, планируя фигуры в кадре, разрабатывая глубинные диагонали, меняя точки съемки и пр.[40]

Западные детективные ленты, особенно многосерийный «Фантомас» Л. Фейада, делали большие сборы в России. Свою статью «О кинематографе» А. Бенуа писал под непосредственным впечатлением от просмотра фейадовских «Вампиров»: «Французские актеры – какая это все же непревзойденная прелесть и красота!»[41]. Л. Трауберг, один из основателей «Фабрики эксцентрического актера», вспоминал, что все одесские мальчишки накануне и в начале войны обязаны были посмотреть «Фантомаса», образ Рене Наварра в черном трико очень сильно визуально воздействовал. «Я представляю, как другие люди должны были смотреть на наше увлечение “Фантомасом”, “Вампирами” и так далее. Это же скандал, это сумасшествие, это только идиоты могут. Это же вообще не входит в сферу интеллигентного мышления! А мы признавали. И Фейад был одним из наших объектов восхищения, если не нашим кумиром»[42].

---

[37] *Садуль*, 1958. Т. 2. С. 428-429.
[38] *Зоркая*, 1997. С. 89.
[39] *Abel*, 1994. P. 355.
[40] *Bordwell*, 2005. P. 43-82.
[41] *Бенуа*, 1917. С. 2-3.
[42] *Трауберг*, 1993. С. 8.

Западный детектив на заре своего существования создал шедевры и дал исток криминальному киножанру. Подражательные образчики художественными качествами не отличались, обыватель винил их в распространении пинкертоновщины. В газете «Пермская жизнь» в 1916 г. была напечатана заметка «Пиковый валет»: «10 октября в Шадринске закончилось слушанием громкое дело реалистов, продолжающееся два дня. Три реалиста, лучшие ученики последних классов, один бывший реалист и одна гимназистка составили с целью обогащения общество под названием “Пиковый валет”. Преступники успели совершить три разбойных нападения, в которых и сознались. На суде выяснилось влияние пинкертоновщины и прочей массовой литературы»[43]. Но такие случаи тонули в потоке криминала, не имевшего к пинкертоновщине никакого отношения. В электро-театрах демонстрировались всевозможные отечественные «разгулы» и «развраты», выступавшие характеристикой массовых нравов.

В 1915 г. на русском кинорынке видное место завоевала продукция американской кинематографии. В то время как русские режиссеры присматривались к ранним фильмам Д.Й. Гриффита, в прокате мелькали ленты американского происхождения. Серии «Опасные похождения Полины», «Похождения Элен» с участием Перл Уайт выходили под общим названием «Тайны Нью-Йорка» (в провинциальном российском прокате «Под гипнозом миллионов»). Накануне революции перед кассами дорогих столичных электро-театров, демонстрировавших «Тайны Нью-Йорка», скапливались огромные очереди, состоящие исключительно из «чистой» публики. Ханжонковский «Вестник кинематографии» отмечал, что в залах кинотеатров, когда в них показывали иностранные детективы, можно было встретить весь цвет интеллигенции – известных адвокатов, профессоров, актеров, писателей.

Вместе с тем для кинематографа Первой мировой войны характерен все возрастающий интерес массового зрителя к «драмам из русской жизни», которые в основной своей массе также представляли собой авантюрный жанр. Одним из первых А. Дранков стал специализироваться на авантюрном кино. Как и знаменитые французские фильмы, криминальные ленты русского производства выпускались сериями – три серии «Васьки Чуркина», четыре серии «Антона Кречета», пять серий «Соньки». Другие киноателье также выпускали картины пинкертоновского жанра: И. Ермольев добивается коммерческого успеха, сняв «В омуте Москвы» и «Сашку-семинариста» с мхатовцем П. Бакшеевым в главных ролях. Сюжеты первых детективно-приключенческих лент извлекались преимущественно из газетных судебных колонок, и это были первые сюжеты, позаимствованные не из беллетристики, а из так называемой реальности. Пермские электро-театры в 1915 г. показывали «Соньку Золотую ручку» («Кто не читал о гениальной воровке Софье Блюнштейн, кто

[43] Пермская жизнь. 1916. 13 окт. (№ 254).

не читал о ее гениальных аферах. Кинематограф на своем экране отразит всю жизнь этой знаменитости с той яркостью, которая не под силу даже романам», – писали местные газеты), «Ваську Чуркина» («классическая постановка из русской жизни и захватывающий сюжет страстной любви Чуркина и его необыкновенно смелых нападений и тщетного преследования властями создают сильный интерес», – указывала реклама)[44], «Сашку-семинариста», «Дочь московского вора», «Жертву Тверского Бульвара», «Братьев Ивановых, или Темную силу», «Убийство балерины Пламеневой» и пр. В 1916 г. на экраны электро-театров хлынул новый поток разбойников и пинкертонов. По условиям монопольного проката с дранковской студией пермский кинемо-театр «Колибри» демонстрировал ленты «Мария Лусьева за границей», «Похождения Шпейера и его шайки червонных валетов», «реалити шоу» «Похождения корнета Савина». Другие театры удовлетворяли страсть публики к уголовным сенсациям, предлагая такие ленты как «Московский хитровский притон», «Тайна Воробьевых гор» по роману В.М. Пазухина, «Психология преступника или кровь казненного», «Антон Кречет» и др.

Историк кино С.С. Гинзбург указывает, что западные приключенческие ленты уводили от действительности, лишены были элементов социального протеста, напротив, отечественные фильмы рисовали российскую действительность: «Эти герои нравились народной аудитории дешевых кинематографов тем, что удивительно смело противопоставляли себя власть предержащим»[45]. Анализ российского кинорынка позволяет сделать вывод о расширении социальной базы кинематографа и ее маргинализации. С другой стороны, необходимо помнить о развлекательном характере массовой культуры. Можно сравнить воспоминания деятеля русского сыска А.Ф. Кошко, которые показывали реальные картины уголовной Москвы и подлинную историю обыкновенного бандита с прозвищем «Сашка-семинарист», с миром кинореальности, который предлагал зрителям интригующий криминальный сюжет, представлял романтическую обстановку жизни героев, захватывал динамизмом действия. Биограф Протазанова М. Арлазоров привел в своей книге воспоминания Михаила Жарова: «Пятнадцатилетним юношей, как все ребята моего возраста, я был горячим поклонником кинематографа и старался не пропускать ни одного интересного фильма. Я простаивал часами в кинотеатре “Уран” на Сретенке, чтобы получить билет на четырехсерийную картину Якова Протазанова, которая называлась “Сашка-семинарист”. Сашку замечательно играл артист Художественного театра Петр Бакшеев. Разве можно было рассказать, что я переживал, следя за ходом событий, по которым вел нас авантюрист Сашка? Разве можно забыть трюк, которым кончалась одна из серий: убит банкир и взломан

[44] Пермские губернские ведомости. 1915. 13 мая (№ 125); 13 окт. (№ 271).
[45] *Гинзбург*, 1963. С. 211-212.

несгораемый шкаф, приходит сыщик, фотографирует лежащего на полу убитого банкира. В следующем кадре руки вынимают из воды фотографию, и на экране мы видим огромный глаз убитого, а в нем, с кинжалом в руке, Сашка-семинарист. Затемнение и надпись: “Продолжение в третьей серии”. Разве это не “роскошный сюжет” для мальчишки?»[46].

Кинематограф сформулировал соответствующие российской ситуации социальные темы и нашел для их воплощения конкретные образы. Русский жанр, как и американский, возник из современной реальности и в то же время отсылал к литературным источникам. Так, первые образцы американского гангстерского кино апеллировали к произведениям Ч. Диккенса[47]. Русские «разбойничьи» серии заключали в себе народную мораль: герои бунтовали против властей, грабили богатых и умели «беззаветно любить». Эти персонажи находили «смерть, достойную злодея» – таковой являлась формула «преступление и наказание». Вместе с тем авантюрный фильм представлял собой ряд универсальных повествовательных форм, связанных с развитием индустриального урбанизма и возникновением развлекательных жанров детектива, гангстерской саги и др.

«Разбойничий» жанр был популярен у широкого зрителя, у полуинтеллигентной публики городов – экранизация законодателей «литературного бульвара» – Е. Нагродской, А. Вербицкой, М. Арцыбашева, А. Каменского и др. В основном на экраны синематографов попадали многочисленные поделки ловких студий, характеристику этих кинолубков можно исчерпать названием фильма «Разгул с отравленным вином, любовь с помятыми цветами», состряпанного фирмой «Кинолабор»; в пермском театре «Колибри» картина шла в летние дни 1916 года.

В русском кинематографе возникло особое направление «романсомании», отразившее меланхолические настроения времен войны и кануна революции. Первым обратился к экранизации «жестоких романсов» И. Ермольев. Угадав настроения зрителей, он выпустил на рынок серию инсценированных русских песен и романсов. Ставил «песенный» жанр Ч. Сабинский, однако не избежал этой участи и Я. Протазанов. Серия «лошадиных» картин создала Ермольеву популярность большую, чем лучшие постановки его фирмы. «Романсомания» распространилась на все русское кино, картины «песенного» репертуара пользовались огромным спросом по всей России. Кинороманс не нужно представлять, он идет на узнавание, его названия семантически близки зрителю: «Вот мчится тройка почтовая по Волге матушке, зимой…», «Пара гнедых» «Хоть струны порваны – аккорд еще рыдает» и пр. «Песенные» фильмы предлагали зрителям любимые сюжеты (зачастую не связанные с текстом романса, как в ленте «Отцвели уж давно» не было ни сада, ни хризантем), подавали их в сентиментальной манере, и оказалось это то, что

[46] Цит. по: *Арлазоров*, 1973. С. 62.
[47] *Clarens*, 1980. P. 16-21.

хотел видеть обыватель на экране. В русском кино царил лихой разбойник, а мещанская публика упивалась: «Увяли цветы, угасли мечты», «Ямщик, не гони лошадей, мне некуда больше спешить». Афиши электро-театров тех лет, как страницы потрепанного песенника, слетали одна за другой знакомыми названиями «Мой костер в тумане светит», «Молчите, проклятые струны», «И песнь осталась недопетой», «И сердцем, как куклой играя, он сердце, как куклу, разбил». В 1917 г. русский «кинокостер» постепенно затухает: его последними прощальными вспышками будет прославленная «каминная» серия.

Период Первой мировой войны – время расцвета русской психологической драмы. Один из первых историков русского кинематографа Н.М. Иезуитов отмечал, что это были сюжеты, проникнутые безнадежностью, фатализмом, отчаянием. Психологический фильм возник до войны, но только во время войны получил невиданное распространение, став господствующим жанром[48]. Психологическая драма – «детище мутного времени», «слякоть бульварная», «царица русского экрана» – имела разную литературную и сценарную основу, связанную с экранизацией классических и декадентских произведений, печальных романсов и салонных мелодрам, уголовных хроник и бульварных романов. Она в традициях декадентской сюжетики об иррациональных силах зла, порока, отчаяния и грусти, страдании, гибели в силу «русской судьбы», сбывающихся предчувствий «конца века».

Ю.Г. Цивьян называет «русские финалы» среди особенностей отечественной кинематографии предреволюционных лет: «своеобразие русского кинематографа и русской массовой культуры – в неустанном стремлении копировать формы высокого искусства. …этим стремлением обусловлены и некоторые другие особенности “русского стиля” в кино»[49]. «Трагические ноты», статичные мизансцены, формула «не кинодрама, а киноповесть» – черты психологического фильма. Ф. Оцеп в книге о кино предполагал главы: «Три школы кинематографа: 1) движения (американская), 2) формы (европейская), 3) психологическая (русская)»[50]. Отсутствие движения, внешних проявлений динамики действия и событий и, напротив, глубина внутренних переживаний героев – условия психологизма русского кино.

Психологический жанр был представлен лучшими русскими кинорежиссерами, прежде всего Е. Бауэром и Я. Протазановым. С оттенком неизбывной грусти упоминались на афишах названия бауэровских картин – «Грезы», «Счастье вечной ночи», «Лунная красавица», «Умирающий лебедь». Бауэр был в числе немногих художников, обратившихся к раскрытию на экране внутренней жизни, мира человеческих чувств и

---

[48] *Иезуитов*, 1968. С. 267-268.

[49] *Цивьян,* 2002. С. 9.

[50] *Оцеп*, Кинематограф // РГАЛИ. Ф. 2734. Оп. 1. Д. 72. Л. 1.

нашли для этого новые жанры и методы выразительности. Уже в глазах современников киноновеллы Бауэра разительно отличались от фильмов западных режиссеров, с которыми их сегодня ставят рядом, например от кинолент знаменитого французского режиссера Л. Фейада. Кинематограф Фейада – иронический детектив, русская психологическая драма – моралистические истории о метаниях и страданиях героев, искусство Бауэра – ностальгия в красивых интерьерах. Кинопьесы режиссера были связаны с отечественной культурной традицией, вызывали ассоциации с любимыми русской публикой тургеневско-мусатовскими мотивами.

Е. Бауэр был одним из признанных новаторов европейского кино, он равное внимание уделял антикварной «диковинке» переднего плана и перспективным мизансценам, использованию подвижной камеры «внутри кадра» и смелым световым экспериментам. Режиссер создавал не просто декоративный кадр, а строил на кинематографическом полотне единое изобразительное и пластическое действие. Салонные мелодрамы Бауэра, в первую очередь картина «Жизнь за жизнь»[51], были поставлены с исключительной для своего времени пышностью, демонстрируя обывательской публике стиль жизни столичной капиталистической элиты и высшего света. «Ханжонковская эпоха творчества Бауэра характеризуется “возведением на троны” “кинокоролей” и “кинокоролев”, – писал В. Гардин. – Главным церемониймейстером этих “кинокоронаций” был Евгений Францевич»[52]. Почти все звезды русского экрана были открыты Бауэром. «Кто из кинематографических актеров тех лет не мечтал сниматься в картинах Бауэра?» – отмечал А. Бек-Назаров. Однажды он доверил главную роль никому не известной актрисе в картине «Песнь торжествующей любви». «Наутро после премьеры имя Веры Холодной было у всех на устах»[53].

Слава Веры Холодной достигла своего зенита в 1917 г. У массовой публики рафинированный кинематограф Е. Бауэра едва ли мог снискать значительный успех. Для популярности актрисы необходимо было другое кино. Д. Харитонов и П. Чардынин, законтрактовав почти всех ведущих звезд русского кино, запустили целую серию сентиментальных мелодрам, с одними и теми же героями и аналогичными сюжетами, но там были все любимые короли экрана и душераздирающая страсть вокруг одной королевы. Вот тогда на престол и взошла В. Холодная, а выпущенная с ней серия кинороманов («У камина», «Позабудь про камин», «Молчи, грусть, молчи») со всеми штампами былого кино, словно последние аккорды, как никакие другие киноленты, отвечали чаяниям уже не существующей ме-

---

[51] Премьера фильма «Жизнь за жизнь», наряду с протазановской «Пиковой дамой», состоялась в провинции осенью 1916 года; фильмы явились самыми резонансными в истории дореволюционного проката.

[52] *Гардин,* 1949. Т. 1. С. 70-71.

[53] *Бек-Назаров*, 1965. С. 52.

щанской России. «Все старо, знакомо и, пожалуй, дорого воспоминанию, – писала “Кино-газета”. – Это – пройденный путь. Это история зарождения и первых сознательных шагов киноискусства»[54].

Признанные произведения русского дореволюционного кино – протазановские ленты, в первую очередь «Пиковая дама» с И. Мозжухиным в главной роли. Для экранизации в 1916 г. «Пиковой дамы» был приглашен художник В. Баллюзек, работавший вместе с А. Бенуа над «Маленькими трагедиями». Характер творчества Бенуа предопределил лаконизм кадров и выразительную черно-белую «графику» фильма. Эксперименты с подвижной камерой, «чудеса» освещения, приемы монтажных сопоставлений помогли блистательно решить художественные задачи. Критика тех лет рассматривала инсценировку как образец стилизации в молодом искусстве кинематографии. В «Пиковой даме» переплетались мотивы помпезного стиля XVIII века и модерна, кадры в реалистической манере уступали кадрам с символистским содержанием.

«Лебединая песня» русского кинематографа – «Отец Сергий» Протазанова. Для современников это были кадры навсегда ушедшего прошлого, символ невозвратной России. «В “Кино-Арсе”, что на Тверской, – вспоминал зритель премьеру в 1918 г., – показывали “Отца Сергия”. И в зрительном зале – шинели, лусканье, грязь. Сидела рядом со мной дама в суровом черном платье, на висках седина недавняя; держала за руку молоденькую, лет семнадцати, с розовыми щеками, с розовой – ко всей жизни с верою и радостью – улыбкой. Когда на экране показывали бал при дворе, и вышел Николай I, и дамы, приседая, прошли чинным церемониалом перед императором, и в белоколонном зале понеслись под мазурку пары, на сухих щеках дамы вспыхнул пронзительный румянец, и видно было, как рука крепче впилась в руку девушки. Я слышал, как она зашептала: “Маничка! Маничка! Смотри – ты этого никогда в жизни не увидишь, никогда в жизни! Смотри…” Да, это было красиво. И красива была острая печаль женщины о жизни, ушедшей в невозвратимое. Никогда»[55].

«Отец Сергий» был попыткой создания национального кинематографа с внутренними нравственными исканиями, созвучными культуре времени. Это лучшая роль И. Мозжухина, целая жизнь, прожитая на экране и показанная в глубоком психологическом прочтении. Картина Я. Протазанова «Отец Сергий» явилась достойным «уходом» эпохи русского дореволюционного кино. Фильм свидетельствовал о зрелости кинематографического мастерства и высокой культуре русского зрителя.

Таким образом, Первая мировая война открыла настоящий «кинематографический клондайк»: благодаря сокращению иностранной продукции и колоссальному росту киносети отечественная кинопромышленность стала одной из самых доходных экономик военного времени.

---

[54] Кино-газета. 1918. № 23. С. 13-15.

[55] Цит. по: *Великий кинемо*, С. 463-464.

Кинорынок не отличался однородностью: первоэкранным кинотеатрам противостояли дешевые иллюзионы окраин, ведущим отечественным кинофабрикам – кустарные фирмы-однодневки. Кинематограф принял на себя развлекательные, эскапистские функции массовой культуры. Эволюция синема к нарративному кино способствовала трансформации публичного пространства зрительного зала, из коллективной массы выделился отдельный зритель как субъект восприятия кино. Кинематограф выразил разные устремления разных слоев российского общества, свидетельствуя об их разобщенности. В то время как салонные мелодрамы продолжали транслировать ценности «буржуазного века», а специфически русский киножанр «грустного романса» олицетворял упаднические настроения городских слоев, «разбойничий» фильм стал недвусмысленным выражением брутальных устремлений массовой аудитории. Тем не менее произведения видных русских режиссеров, искания европейской и американской кинематографии явились показателем сложности и богатства визуального мышления рафинированных зрителей. Столичный и провинциальный кинорынок послужил наглядным индикатором общественных процессов, происходивших в военные и предреволюционные годы. Кино как наиболее массовое искусство символизировало многоликость и драматизм своего времени.

БИБЛИОГРАФИЯ

Арлазоров М. Протазанов. М.: Искусство, 1973. 280 с.
Афиши // Пермские губернские ведомости. 1915. 13 мая (№ 125); 13 окт. (№ 271).
Баллюзек В.В. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 2637. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.
Бек-Назаров А. Записки актера и кинорежиссера. М.: Искусство, 1965. 270 с.
Бенуа А. о кинематографе // Проектор. 1917. № 5-6. С. 2-4.
Веронин. «Сказка любви, дорогой» // Кино-газета. 1918. № 23.
Великий кинемо: Каталог сохранившихся игровых фильмов России. 1908–1919. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 568 с.
Вишневский Вен. Художественные фильмы дореволюционной России. М.: Госкиноиздат, 1945. 191 с.
Вся кинематография. Настольная адресная и справочная книга. 1916. М.: Чибрарио де Годэн, 1916. 80 с.
В кинематографах // Пермские губернские ведомости. 1916. 15 марта (№ 59).
Гардин В.Р. Воспоминания. М.: Госкиноиздат, 1949. Т. 1. 232 с.
Гинзбург С.С. Кинематография дореволюционной России. М.: Искусство, 1963. 404 с.
Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 36 (Фонд губернского правления). Оп. 4. Д. 75, 77. Оп. 5. Д. 54, 59-61, 63, 64, 66.
Гращенкова И.Н. Кино Серебряного века. Русский кинематограф 10-х годов и кинематограф русского послеоктябрьского зарубежья 20-х годов. М.: А. Можаев, 2005. 432 с.
Докладная записка // Проектор. 1916. № 17.
Зоркая Н. «Светопись» Евгения Бауэра // Искусство кино. 1997. № 10. С. 77-92.
Ивановский А.В. Воспоминания кинорежиссера. М.: Искусство, 1967. 256 с.
Иезуитов Н. Киноискусство дореволюционной России // Вопросы киноискусства. 1957. М., 1958. С. 246-307.
Козловский С. Смысл моей жизни // Из истории кино. Вып. 7. М., 1968. С. 63-91.
Левицкий А. Рассказы о кинематографе. М.: Искусство, 1964. 248 с.
Лемберг А.Г. Страницы прошлого // РГАЛИ. Ф. 3017. Оп. 1. Д. 11. Л. 6.

Лихачев Б.С. Материалы к истории русского кино в России (1914-1916) // Из истории кино. М., 1960. Вып. 3. С. 37-103.
Машков Ф. От рекламы к быту (По поводу кинематографической рекламы) // Проектор. 1915. № 4.
Никулин Л. Взгляд назад // Государственный центральный музей кино (ЦМК). Ф. 3. Оп. 2. Д. 40. Л. 3.
Оцеп Ф.А. Кинематограф // РГАЛИ. Ф. 2734. Оп. 1. Д. 72. Л. 1.
Перестиани И. 75 лет в искусстве. М.: Искусство, 1962. 364 с.
«Пиковый валет» // Пермская жизнь. 1916. 13 окт. (№ 254).
Разумный А. У истоков… Воспоминания кинорежиссера. М.: Искусство, 1975. 144 с.
Редакционная статья // Проектор. 1916. № 4.
Сабинский Ч. Из записок старого киномастера // Искусство кино. 1936. № 5. С. 60-63.
Садуль Ж. Всеобщая история кино. Т. 2. М.: Искусство, 1958. 523 с.
Трауберг Л. Чай на двоих. М.: Киноцентр, 1993. 96 с.
Увеселения и военный налог // Пермская жизнь. 1917. 25 янв. (№ 336).
Форестье Л. Великий немой. М.: Госкиноиздат, 1945. 111 с.
Фролов И.С. Полвека с камерой // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2639. Оп 1. Д. 46. Л. 110.
Ханжонков А.А. Первые годы русской кинематографии. М.; Л.: Искусство, 1937. 172 с.
Цивьян Ю. Введение: несколько предварительных замечаний по поводу русского кино // Великий кинемо: Каталог сохранившихся игровых фильмов России. 1908-1919. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 8-14.
Abel R. The Ciné Goes to Town: French Cinema, 1896-1914. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1994. 574 p.
Bordwell D. Figures traced in light. Berkeley; Los Angeles: Un-ty of Calif. Press, 2005. 327 p.
Clarens C. Crime Movies. From Griffith to the Godfather and Beyond. New York; London: Da Capo Press; Revised edition, 1980. 376 p.

REFERENCES

Arlazorov M. Protazanov. M.: Iskusstvo, 1973. 280 s.
Afishi // Permskie gubernskie vedomosti. 1915. 13 maya (№ 125); 13 okt. (№ 271).
Ballyuzek V.V. Vospominaniya // RGALI. F. 2637. Op. 1. D. 22. L. 1.
Bek-Nazarov A. Zapiski aktera i kinorezhissera. M.: Iskusstvo, 1965. 270 s.
Benua A. o kinematografe // Proektor. 1917. № 5-6. S. 2-4.
Veronin. «Skazka lyubvi, dorogoi» // Kino-gazeta. 1918. № 23.
Velikii kinemo: Katalog sokhranivshikhsya igrovykh fil'mov Rossii. 1908–1919. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. 568 s.
Vishnevskii Ven. Khudozhestvennye fil'my dorevolyutsionnoi Rossii. M.: Goskinoizdat, 1945. 191 s.
Vsya kinematografiya. Nastol'naya adresnaya i spravochnaya kniga. 1916. M.: Chibrario de Goden, 1916. 80 s.
V kinematografakh // Permskie gubernskie vedomosti. 1916. 15 marta (№ 59).
Gardin V.R. Vospominaniya. M.: Goskinoizdat, 1949. T. 1. 232 s.
Ginzburg S.S. Kinematografiya dorevolyutsionnoi Rossii. M.: Iskusstvo, 1963. 404 s.
Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraya (GAPK). F. 36 (Fond gubernskogo pravleniya). Op. 4. D. 75, 77. Op. 5. D. 54, 59-61, 63, 64, 66.
Grashchenkova I.N. Kino Serebryanogo veka. Russkii kinematograf 10-kh gg. i kinematograf russkogo posleoktyabr'skogo zarubezh'ya 20-kh godov. M.: A. Mozhaev, 2005. 432 s.
Dokladnaya zapiska // Proektor. 1916. № 17.
Zorkaya N. «Svetopis'» Evgeniya Bauera // Iskusstvo kino. 1997. № 10. S. 77-92.
Ivanovskii A.V. Vospominaniya kinorezhissera. M.: Iskusstvo, 1967. 256 s.
Iezuitov N. Kinoiskusstvo dorevolyutsionnoi Rossii // Voprosy kinoiskusstva. 1957. M., 1958. S. 246-307.

Kozlovskii S. Smysl moei zhizni // Iz istorii kino. Vyp. 7. M., 1968. S. 63-91.
Levitskii A. Rasskazy o kinematografe. M.: Iskusstvo, 1964. 248 s.
Lemberg A.G. Stranitsy proshlogo // RGALI. F. 3017. Op. 1. D. 11. L. 6.
Likhachev B.S. Materialy k istorii russkogo kino v Rossii (1914-1916) // Iz istorii kino. M., 1960. Vyp. 3. S. 37-103.
Mashkov F. Ot reklamy k bytu (Po povodu kinematograficheskoi reklamy) // Proektor. 1915. № 4.
Nikulin L. Vzglyad nazad // Gosudarstvennyi tsentral'nyi muzei kino (TsMK). F. 3. Op. 2. D. 40. L. 3.
Otsep F.A. Kinematograf // RGALI. F. 2734. Op. 1. D. 72. L. 1.
Perestiani I. 75 let v iskusstve. M.: Iskusstvo, 1962. 364 s.
«Pikovyi valet» // Permskaya zhizn'. 1916. 13 okt. (№ 254).
Razumnyi A. U istokov… Vospominaniya kinorezhissera. M.: Iskusstvo, 1975. 144 s.
Redaktsionnaya stat'ya // Proektor. 1916. № 4.
Sabinskii Ch. Iz zapisok starogo kinomastera // Iskusstvo kino. 1936. № 5. S. 60-63.
Sadul' Zh. Vseobshchaya istoriya kino. T. 2. M.: Iskusstvo, 1958. 523 s.
Trauberg L. Chai na dvoikh. M.: Kinotsentr, 1993. 96 s.
Uveseleniya i voennyi nalog // Permskaya zhizn'. 1917. 25 yanv. (№ 336).
Forest'e L. Velikii nemoi. M.: Goskinoizdat, 1945. 111 s.
Frolov I.S. Polveka s kameroi // Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva (RGALI). F. 2639. Op 1. D. 46. L. 110.
Khanzhonkov A.A. Pervye gody russkoi kinematografii. M.; L.: Iskusstvo, 1937. 172 s.
Tsiv'yan Yu. Vvedenie: neskol'ko predvaritel'nykh zamechanii po povodu russkogo kino // Velikii kinemo: Katalog sokhranivshikhsya igrovykh fil'mov Rossii. 1908-1919. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. S. 8-14.
Abel R. The Ciné Goes to Town: French Cinema, 1896-1914. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1994. 574 r.
Bordwell D. Figures traced in light. Berkeley; Los Angeles: Un-ty of Calif. Press, 2005. 327 r.
Clarens C. Crime Movies. From Griffith to the Godfather and Beyond. New York; London: Da Capo Press; Revised edition, 1980. 376 r.

Устюгова Вера Васильевна, *кандидат исторических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет; vera_ust@list.ru*

“Cinema Rush” in the First World War: production and distribution trends

The paper considers cinematography life during First World War, institutional aspects of national film studios’ activities and cinema circuit work, genre trends of the Russian film production and repertoire preferences. The author shows that the War speeded up the massification processes in public life and culture. Cinematography articulated the social topics appropriate for Russia and found the narrative formats of adventure movie, “romancomania”, psychological drama to embody these topics. The peculiarities of the Russian cinematography discourse of the war time were connected both with narrative movie development and a particular viewer as a subject of its perception and with escapist goals of the mainstream culture.

Keywords: cinematography, mainstream culture, First World War, Art Nouveau, Belle Époque, Russia film style

Vera Ustyugova, *Ph.D (History), Associate Professor, Perm State National Research University; vera_ust@list.ru*

С. Е. Голубкина, М. В. Белов

«ТАМ, ГДЕ НИКОГДА НЕ СТУПАЛА НОГА ЧЕЛОВЕКА» АФРИКА В АМЕРИКАНСКОМ КИНО 1930-х гг.

В статье рассматривается образ Африки и ее жителей на материале игровых и анимационных фильмов американских режиссеров 1930-х гг. Анализируя процесс становления традиций и развития жанра приключенческого кино, авторы выделяют устойчивые стереотипы в визуализации образа дикаря с точки зрения представлений о Чужом.

Ключевые слова: *образ Другого, образ Африки, история кино, Голливуд, колониализм, расизм.*

«Ex Africa semper aliquid novi»[1]

В исследованиях межкультурной рецепции и коммуникации особое место занимают создание, функционирование и реинтерпретация образов «других» с градуируемым статусом чуждости. При этом, формулируя задачи исторической имагологии, Л.П. Репина отмечает: в центр внимания «должны быть поставлены следующие вопросы: каков сам образ, как он сформировался, почему он таков, каким целям он служит, какие изменения он претерпевал, и что все это говорит о его создателях»[2]. С тем, чтобы ответить на них, исследователи обращаются к текстам, и не только письменным. «Визуальный поворот» значительно расширил привычный круг исторических источников. Одним из них стал киноматериал, предоставляющий исследователю возможность проследить сочетание вербальных и визуальных техник описания.

И все-таки в отечественной историографии феномены западной имперской культуры и тема идеологии колониализма рассматриваются в первую очередь в их литературных проявлениях (от политической демагогии до приключенческого романа и травелога). Наиболее показательна в этом отношении (поздне)викторианская Англия[3]. Как известно, в межвоенные десятилетия – периоде переходном для имперских систем – США не имели собственных колониальных владений в Африке. Тем интереснее проследить строительство (через рецепцию) стереотипных представлений, сложившихся ранее в отношении Африки и ее населения в чужом и собственном колониальном опыте. Хотя далее главным образом речь пойдет об игровом кино, его образцы будут проанализированы в контекстной связи между культурой и империалистической политикой, а также с учетом ориенталистской схемы в описании не-Запада.

---

[1] «Африка всегда преподносит что-нибудь новое» (сентенция, приписываемая Плинию).

[2] Репина 2012. С. 16.

[3] См. напр.: Лоцманова 1963; Субботина 1971; Ерофеев 1971; Тартыгина, Гурин 2007; Креленко, Парфенов 2004; Богомолова 2012.

С рассматриваемым периодом исследователи связывают становление гегемонии американской продукции в индустрии кино. Одновременно с усилением положения Соединенных Штатов на международной арене после Первой мировой войны Голливуд завоевал славу «мировой фабрики грез» и к 1930–м гг. в некоторых странах его кинопродукция составляла уже до 95%[4]. Массовый характер кинематографа определил его коммерческие приоритеты, а работа не только на внутренний рынок – поиск универсального языка и обращение к общим для разных стран ценностям и нормам: экранные образы должны были стать привлекательными во Франции, Англии, Италии и других странах. Отмечался постепенный переход американского кино на позиции ухода от действительности. По замечанию Е. Теплица, в конце 1920-х гг. голливудские продюсеры «видели свою задачу не в расширении кругозора зрителей, а в том, чтобы помочь им отвлечься от проблем реальной жизни»[5].

Как ни странно, африканская тема неизменно привлекала внимание американских режиссеров со времени появления кинематографа. На создание экранного образа этого континента оказало влияние множество факторов, в том числе отсутствие достаточных знаний, политические амбиции правительства, ситуация, сложившаяся в Штатах в отношении чернокожего населения. С одной стороны, в кино нашли отражение уже сложившиеся в США представления об Африке, с другой – кинематограф сам активно формировал эти представления, опираясь на ожидания зрителя. И, как точно было подмечено В.В. Усачевой, именно американский кинематограф «стал тем средством массовой информации, с помощью которого расово окрашенные образы начали широко распространяться как внутри США, так и в мире в целом»[6].

Интерес к «загадочному черному континенту» начался в США с создания документальных фильмов, традицию которых сегодня продолжают популярные программы производства National Geographic. Первые киноленты в Африке были сняты в ходе исследовательских экспедиций и сафари. Первопроходцами в этой области стали Пол Рэни, Черри Киртон, снявший на пленку поездку Т. Рузвельта по Африке (1910), Чарльз Коттар[7]. Заметную роль в финансировании съемок во время экспедиций сыграл Американский музей естественной истории, в библиотеке которого сегодня хранится большое количество кинопленок.

Музей оказал помощь в организации некоторых экспедиций Мартина и Осы Джонсон, деятельность которых приобрела известность в 1920–1930-е гг. Их первые киноленты были отсняты на Борнео[8], но

---

[4] Савельева 2014. С. 95.

[5] Теплиц 1968. С. 242.

[6] Усачева 2012. С. 32.

[7] Paul Rainey, Cherry Kearton, Charles Cottar.

[8] См.: «Среди каннибалов на островах южной части тихого океана» («Among the cannibal isles of the south pacific»), США, 1918, реж. М. Джонсон, О. Джонсон.

настоящую славу им принесли именно африканские путешествия, по итогам которых на свет появилось более десятка документальных и художественных кинолент. Рассказывая американскому зрителю о жизни в далеких странах, эта пара делала главный акцент на экзотическом и необычном, подчеркивая резкий контраст между жизнью Востока и Запада. Хрестоматийным примером в этом отношении является немой фильм 1930 г. «Путешествия по миру с мистером и миссис Джонсон с участием трех бойскаутов в Африке»[9]. В первых сценах фильма Джонсоны представляют кадры, отснятые ими в Африке, в светской гостиной. Мужчинам в смокингах и дамам в вечерних платьях пара путешественников в лекционной форме рассказывают о жизни в дикой стране, демонстрируя на пленке полуголых туземцев, завороженно смотрящих на достижения западной цивилизации – зеркало, камеры, сигареты. Мартин Джонсон снисходительно замечает: «Иногда мне по-настоящему нравятся эти люди, они ведь совсем как дети». Несмотря на то, что почти все африканские кадры повествуют об опасности, сопровождающей тамошнюю жизнь (большая часть киноленты – сцены из жизни диких животных), режиссеры признаются: «это были самые счастливые дни нашей жизни, мы плыли день за днем, не думая абсолютно ни о чем».

Схожие пассажи зрителя ждут и в киноленте Джонсонов «Конго-рилла: приключения среди больших обезьян и маленьких людей по Центральной Африке» (1932), одной из первых звуковых лент, снятых на континенте. Примечательны акценты, сделанные при его рекламе. В восторженной рецензии «Нью-Йорк таймс» писала: «Хотя этот фильм довольно длительный, вы все равно не заскучаете, захваченные многочисленными и разнообразными, тесно сплетенными вместе событиями, органично формирующими единый сюжет картины»[10]. В трейлере к фильму отмечено: речь пойдет о стране, «где человек и дикие звери до сих пор живут как в Эдемском саду». Эта оппозиция между райской жизнью и нахождением в самом диком, наполненном смертельными опасностями, краю земли характерна для восприятия африканского континента и прослеживается во множестве кинолент.

В 1930-е гг. Джонсоны заработали репутацию авантюристов, искателей приключений. Они купили два самолета, выкрасив один «под зебру», а другой «под жирафа» и, перемещаясь на них, отсняли большое количество пленки. Так появились фильмы «Крылья над Африкой» (1934), «Бабуна» (1935), «Дети Африки» (1937), «Джунгли зовут» (1937), представляющие собой своеобразные кинотравелоги с элементами приключений. Режиссеры сосредоточились на съемках как можно

---

[9] «Across the world with Mr. and Ms. Johnson featuring 3 boy scouts in Africa», США, 1930, реж. М. Джонсон, О. Джонсон.

[10] [Электронный ресурс]. URL: http://www.nytimes.com/movie/review?res=9804E7D6113EE633A25751C2A9619C946394D6CF

большего количества захватывающих (в том числе постановочных) сцен с дикими животными. Свою известность они поддерживали, выпуская книги об африканских поездках. Мартином Джонсоном были опубликованы: «Земля каннибалов» (1922), «Сафари» (1928), «Опасные тропинки Африки» (1935), «По африканским джунглям» (1935). После его смерти в 1937 г. в результате авиакатастрофы, Оса Джонсон продолжила эту деятельность, ее книга «Я вышла замуж за приключения» (1941), завоевала большую популярность в читательской среде.

На переходный период от немого к звуковому кино приходится и деятельность американца Пола Хофлера, автора знакового фильма «Говорит Африка»[11]. Как и работы Джонсонов, эта кинолента представляет собой синтез игрового и документального кино. История ее создания дает ключ к пониманию причин появления такой «гибридной» продукции.

Поль Хофлер готовился к экспедиции в течение многих лет. В своей книге с одноименным названием, описывая хронику путешествия, он пишет, что длительное время изучал Африку: жизнь животных и птиц, людей и историю, «надеясь, что когда-нибудь появится возможность своими глазами увидеть эту мистическую землю»[12]. В ходе экспедиции «Колорадо», совершенной им в 1928–1929 гг., его команда первая в истории пересекла Африку с востока на запад, перемещаясь на транспортных средствах. Съемки производились в Нигерии, Танзании, Уганде, Конго. Однако по возвращению встал вопрос о том, как соединить воедино отснятый материал. Задача превращения разрозненных кадров в сюжетный фильм была поручена Вальтеру Фаттеру, голливудскому кинорежиссеру. С появлением сценария изменилась хронология событий – путешествие по фильму начиналось в Лагосе, а заканчивалось в Момбасе, а не наоборот, так как по задумке режиссера львы должны были стать кульминацией фильма. Некоторые сцены решено было доснять в Голливуде, для того чтобы связать сюжет. Появившаяся в 1930 г. картина была представлена зрителям как первый приключенческий фильм об Африке со звуком. Кинолента начиналась со слов: «Африка! Темная… загадочная…неизвестная! Страна дикости и опасных приключений… Там, где природа безжалостна и полна животных, смертельно опасных для жизни человека». Плакаты гласили, что «это самый странный из когда-либо экранизированных романов» [см. илл. 1].

Кинолента, тем не менее, может быть названа звуковой лишь с натяжкой. Звук, записанный в студии, не всегда синхронизирован с картинкой, а порой и вовсе не имеет никакого отношения к происходящему на экране. Способ записи звука, очевидно, оказал влияние на сам формат кинокартины, представляющей, несмотря на наличие сюжета, скорее этнографическое описание-исследование, чем приключенческий фильм. На

[11] «Говорит Африка» («Africa Speaks!»), США, 1930 г., реж. В. Фаттер.
[12] Hoefler, P. 192?. P. 4.

протяжении всей 50-минутной ленты перед зрителем чередуются сцены из жизни африканских племен и дикой природы. Закадровый голос Хофлера рассказывает зрителям попеременно то о традициях туземной жизни, то об особенностях питания животных. Заметим, ассоциация жителей континента с животными и их натурализированное изображение имели глубокие традиции в европейской культуре и были частью расового дискурса. Ярким воплощением этой традиции является практика создания «человеческих зоопарков» на всемирных колониальных выставках: «Негры Черной Африки чаще всего выставлялись одновременно с животными. По словам А. Руссио, это неустанно вызывало у зрителей ассоциацию с ними»[13]. Отмечались и частые изображения «черных» детей рядом с животными в американской графике: «Прадедушка современных комиксов «Por Lil Mose»… пестрит картинками, изображающими маленьких афроамериканцев рядом с поросятами, обезьянами, ослами, медвежатами, крысами, мышами, енотами, скунсами, кроликами (Byckeye Rabbit – стандартное прозвище афроамериканца), черными кошками»[14].

Фильм «Говорит Африка!» свидетельствует о том, что в создании кинообраза жителей континента изначально использовалась традиция их изображения как части дикой природы. Туземные жители лишены имен и каких-либо индивидуализированных характеров. Немалое количество постановочных сцен призваны усилить эффект документальности. Одна из них, например, посвящена африканскому мальчику, который с удовольствием ест большими горстями соль; здесь режиссер эффектно использует крупный план [см. илл. 2]. В кадре нередко появляется и сам кинооператор. Ключевым моментом фильма стало нападение львов на членов экспедиции. Сцены с дикими животными добавили динамичность, и вместе с тем, подчеркивали опасность проведенных киносъемок.

Несмотря на популярность фильма «Говорит Африка», представляется возможным сделать вывод о неоднозначном его восприятии западным зрителем. Так, в 1931 г. появилась 7-минутная пародийная комедия «Кричит Африка!», производства компании «Warner Brothers», находившаяся в явном полемическом диалоге с фильмом П. Хофлера и В. Фаттера. В основе сюжета – история о трусливом профессоре и кинематографисте, который рассказывает о своих съемках в Африке. Представив себя как великого охотника и смельчака, он демонстрирует на пленке не соответствующую действительности карту континента, жизнь диких животных, исполнение в компании с каннибалами ритуального танца, охоту на льва (его изображает человек в костюме). Автор фильма, американец Рой Мак, закончил его сценой, где этот якобы героический персонаж запрыгивает на стул при виде мыши. Очевидно, автор картины высмеивал стремление кинематографистов эксплуатировать образ «ди-

[13] Моисеева 2002. С. 173.
[14] Шустрова 2012. С. 189.

кой опасной Африки», а возможно и обман зрителя постановочными сценами вместо съемок черного континента[15]. Роли каннибалов играют в этом кино вежливые афроамериканцы. В одной из сцен профессор заявляет, что будет проводить съемки племени каннибалов вопреки опасности, но их вождь на отличном английском отвечает, что они уже получили более интересное предложение от другой кинокомпании.

Вслед за этой пародией появился анимационный фильм «Пищит Африка!» из популярной серии о лягушонке Флипе, производства «Celebrity Production»[16]. Несмотря на отсылку в названии, намекающую на несогласие с работой П. Хофлера и В. Фаттера, этот мультфильм оперировал яркими расово-окрашенными, смехотворными образами. Жители джунглей – воинственные каннибалы – изображены обезьяноподобно [см. илл. 3-4]. А образ белого человека поручен главному герою: лягушонок Флип в этот раз выступил в качестве исследователя. Он наряжен в пробковый шлем, однако не отличается сообразительностью: сам предлагает зажигалку, чтобы поджечь костер для супа, варящегося в котле, в котором он сидит. Сумев выбраться из этой передряги, он попадает в новую неприятность: в него влюбляются туземные женщины и сажают его на трон вместо прежнего вождя. В финале картины Флип обратно прыгает в котел для супа, спасаясь от подобной участи.

Изображение жителей Африки как людоедов, – безусловно, один из наиболее устойчивых штампов, сохранявшийся довольно длительное время, по-видимому, и в силу удобства его использования для придания динамики и экзотичности сюжету. Он начал эксплуатироваться одновременно с появлением самых первых, еще немых лент о «черном континенте». Достаточно вспомнить, что в 1920 г. Всемирная организация по улучшению положения негров (UNIA), деятельность, которой связана с именем Маркуса Гарви, приняла «Декларацию прав чернокожего населения мира». 26-я статья была сформулирована так: «Мы выступаем против публикации скандальных и провокационных статей в прессе, способствующих расовым распрям, а также против демонстрации кинолент, изображающих негритянское население в качестве каннибалов»[17].

Каннибализм постепенно становился излюбленной темой для мультфильмов, местом действия которых является Африка, и в 1930-е гг. появляется целый ряд подобных картин производства разных компаний[18]. Так в 1932 г. под опасностью быть съеденными туземцами ока-

---

[15] http://www.colonialfilm.org.uk/node/227.

[16] «Африка пищит!» («Africa Squeaks»), США, 1932 г., реж. У. Иверкс.

[17] http://www.pbs.org/wgbh/amex/garvey/filmmore/ps_rights.html.

[18] См.: «Феликс начинает большую африканскую игру» («Felix tees off for the big African game»), США, 1926 г., реж. П. Сулливан; «Том и Джерри: как заглох самолет» («Tom&Jerry: Plane Dumb»), США, 1932 г., реж. Дж. Фостер; «Волнения Африки» («Jungle Jitters»), США, 1938 г., реж. Ф. Фрилен); «Сто пигмеев и Панда Энди» («100 Pygmies And Andy Panda»), США, 1940 г., реж. А. Лови.

зался знаменитый Микки Маус[19]. Название этой серии из приключений мышонка – «Трейдер Микки» – возникло неслучайно.

Первым художественным фильмом со звуком почти полностью отснятым в Африке считается лента «Трейдер Хорн», представленная зрителям в 1931 г. режиссером В.С. Ван Дайком[20]. Сюжет был основан на истории путешественника Альфреда Э. Хорна, рассказанной им в книге «Трейдер Хорн: поразительные приключения одного юноши по экваториальной Африке в 19 веке», изданной в 1927 г. и ставшей бестселлером в США. Компания «Metro-Goldwyn-Mayer» обратилась к этой истории чтобы, согласно трейлеру, представить американскому зрителю «самый удивительный и впечатляющий приключенческий фильм всех времен». Съемки проходили в Кении, Уганде, Танзании, Конго более 7 месяцев, в экспедиции участвовало 45 белых людей и 500 туземцев, которые помогали переносить оборудование общим весом в 90 тонн. Результатом стала картина, получившая «Оскар» за лучший фильм.

Лента рассказывала о двух охотниках, путь которых, полный приключений и опасностей, лежал вглубь дикого континента. В конце путешествия им удалось вернуть обратно к цивилизации белую девушку, ставшую королевой дикого племени каннибалов, а в прошлом – пропавшую дочь убитой миссионерки. Не вдаваясь далее в подробности сюжета, заметим, что режиссер предложил зрителям все, что в последствии станет обязательным меню приключенческого кино об Африке: от экзотических традиций и ритуалов местных племен до захватывающих сцен с дикими животными.

Главными чертами африканского континента и в этом случае оказались опасность и дикость. В рекламе делался акцент на том, что ради съемок картины актеры рисковали собственной жизнью. В развлекательном журнале о кино «Фотоплей» вышло несколько статей, где подробно рассказывалось, как много пришлось пережить актерам: укусы мухи цце-цце, малярия, жажда, лихорадка, каторжный труд на жаре, грубая жизнь в джунглях, контакты с дикими животными и т.п.[21] В них часто звучит превосходная степень – «самая странная история», «самый жестокий континент», «самые неизведанные места Африки», «самое долгое, тяжелое и рискованное путешествие в истории кино». Статья от 30 марта 1930 г. вышла под заголовком «Правдивая история об африканском ночном кошмаре: обычная молодая голливудская актриса прошла через настоящий ад ради съемок картины». В ней автор берет интервью у главной героини, восхищаясь ее храбростью и решимостью. Описывая, как обессиленная актриса вернулась домой, «с потерянным, но охотничьим взглядом», он цитирует следующие ее слова: «Я никогда ничего не

[19] «Трейдер Микки» («Trader Mickey»), США, 1932 г., реж. Д. Хэнд.
[20] «Трейдер Хорн» («Trader Horn»), США, 1931, реж. В.С. Ван Дайк.
[21] Photoplay. February 1930. P. 30-31; March 1930. P. 46-47, 120.

пугалась в Африке. Мне казалось, что я очень близко к самим корням всего на свете, что ничего не может как-то задеть меня, и даже если бы это произошло – меня бы это не волновало. Я была частью всего того, что происходило вокруг. Я по-настоящему чувствовала Африку!». И далее: «Однажды ночью я слушала звуки там-тамов, длившиеся так долго, что я думала, что скоро сойду с ума. Они звучали беспрерывно, как если бы звук появился вместе с рождением мира и будет длиться вечно. Я чувствовала себя странно и дико. Я прыгнула на кровать и начала танцевать. Я не могу вам помочь понять почему. Я не могу помочь понять Африку тому, кто не был там». Грань между романтикой, пребыванием в райском месте планеты, и волнующими кровь опасностями стирается. Звучат обычные для ориентализма мотивы неизменности и притягательной мистики «черного континента». Подчеркивается, что Африка заставляет человека терять рациональность, делает его другим.

Образы в кино всегда выстраиваются исходя из задач, стоящих перед его создателями. На пленке нет случайных кадров. Способ репрезентации Африки, конечно, не является исключением из этих правил: он полностью зависел от целей кинокартины. Африканский фон давал постановщикам, пока еще не обремененным цензурой кодекса Хейса, возможность представить в кадре героиню в довольно откровенном наряде. «Дикарка» не особенно выделялась среди других туземцев, демонстрировавших свою наготу [см. илл. 5–6]. Жители «черного континента» представлены в нескольких качествах. Стараясь удивить зрителя, режиссер с первых минут знакомит его с одним из местных племен, показывая, как мужчины куют железо, как голые женщины носят корзины на головах, стирают, делают прически и вставляют кольца в уши и губы. Главный герой, смотря на них, замечает, что «они просто счастливые невежественные дети». Другая группа – носильщики, помогающие экспедиции Хорна переносить вещи, – оказались в кадре скорее в силу необходимости. Они двигаются вместе, пугаясь всего вокруг и даже отказываясь идти дальше, не в силах преодолеть свой страх, быстро устают и немного тормозят продвижение вперед. Среди них, однако, есть и положительный герой – один из сопровождающих, которого главный герой буквально считает братом, и который трагически умирает в конце фильма. Но главную роль, конечно, играют пигмеи-каннибалы, заставляющие зрителя на протяжении всей кинокартины переживать о судьбе героев.

Фильм «Трейдер Хорн» подтвердил интерес зрителей к динамичным сюжетам, наполненным экзотичными деталями. В американском кинематографе с переходом к звуковому кино Африка («черный континент», «земля, где не ступала нога человека») становится самым подходящим и излюбленным фоном для съемок приключений. Наибольшую популярность в этот период приобрела серия фильмов о белом дикаре – Тарзане, оказавшая значительное влияние на формирование представлений об африканском континенте среди западных зрителей.

Романы Э. Берроуза экранизировались множество раз, часто, однако, мало оставляя от литературного прототипа, созданного автором. В истории кино «тарзаниада», вероятно, одна из наиболее продолжительных серий, а самого Тарзана называют сегодня самым узнаваемым литературным персонажем в мире[22]. Первый роман Э. Берроуза – «Тарзан, приемыш обезьяны» был издан в 1914 г., а в 1918 г. уже появилась киноадаптация этого сюжета[23]. В 1930-е гг. «Metro-Goldwyn-Mayer» также решила обратиться к истории о сыне белого аристократа, потерявшемся в джунглях, что имело большой кассовый успех: начиная с 1932 г. сиквелы появлялись на экранах каждые два года[24]. Режиссером первой ленты стал автор «Трейдер Хорна» В.С. Ван Дайк, что объясняет схожие черты в общей манере повествования. На главную роль был выбран Джонни Вайсмюллер, в дальнейшем с его участием было снято 12 фильмов о Тарзане. Несмотря на смену режиссеров, киноленты 1930-х гг. были крайне похожи и повторяли одни и те же идеи, обыгрывая их через небольшую смену сюжетной линии. «MGM» предлагала зрителям, в первую очередь, зрелищное кино с острой, напряженной фабулой, развертывающейся в экзотической обстановке. Именно на эмоциональной остроте сюжета делался акцент в рекламных афишах (см. илл. 7.). Сюжет предлагал увести зрителей от скучной обыденности в мир полный приключений.

Серия фильмов о Тарзане – яркий пример того, как жанровые особенности *adventure film* определяли способ репрезентации Африки. Речь, в первую очередь, идет о воспроизведении образа континента, враждебного человеку, – это «тропическая глушь», по определению Э. Берроуза, где «лютые опасности подстерегают человека на каждом шагу»[25]. Отсюда отталкивалось развитие истории, в результате чего киносюжет выстраивался по правилам квеста: герои, ускользая от одной неприятности, сразу попадают в другую, им угрожают то дикие звери, то не менее дикие племена. Жизни героев, по воле случая оказавшихся в Африке, спасает Тарзан, так как, будучи воспитанником обезьян, достаточно хорошо изучил правила этих краев. Развертывание сюжета-квеста происходит и благодаря репрезентации Африки как страны тайных (затерянных) сокровищ. В фильмах 1932 г. «Тарзан: человек-обезьяна» и 1934 г. «Тарзан и его подруга» таковым стало легендарное кладбище слонов (а значит ценная слоновая кость), поискам которого были посвящены экспедиции, а в фильме 1936 г. «Побег Тарзана» – сам белый дикарь.

---

[22] Наиболее полный обзор: http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3360375.

[23] «Тарзан, приемыш обезьян» («Tarzan of the Apes»), США, 1918 г., реж. С. Сидни.

[24] «Тарзан, человек-обезьяна» («Tarzan the Ape Man»), США, 1932 г., реж. В.С. Ван Дайк; «Тарзан и его подруга» («Tarzan and his mate»), США, 1934 г., реж. С. Гиббонс; «Побег Тарзана» («Tarzan Escapes»), США, 1936 г., реж. Р. Торп; «Тарзан находит сына» («Tarzan Finds a Son!»), США, 1939 г., реж. Р. Торп.

[25] Берроуз 1923. http://www.lib.ru/INOFANT/BERROUZ/tarzan1.txt.

Визуализации представления об Африке как крае, невозможном для спокойной жизни, парадоксальным образом сопутствует идеализация жизни вдали от цивилизации[26]. Обитание на лоне природы в простой хижине влюбленной пары Тарзана и Джейн противопоставляется суетному, жестокому, хитрому миру за пределами джунглей. В ленте 1934 г. Джейн, подруга Тарзана, говорит, что «Тарзан не должен узнать значение слова «несчастье». А в 1936 г., когда США еще переживали последствия «великой депрессии», на экране эта героиня со слезами на глазах произносила: «Тарзан не понимает, что такое деньги, и, надеюсь, не поймет!».

История о Тарзане использовалась режиссерами «MGM» как фон для съемок фильмов, наполненных «спецэффектами» в виде акробатических и цирковых номеров. В этом отношении показательны часто употребляемые слова в трейлерах: thrills (острые ощущения, волнения), excitement (эмоциональное возбуждение), danger (опасность), strange (странный), а чаще strangest (самый странный). Обезьяна по имени Чита стала настоящей звездой киноэкрана. Передвижение с помощью лиан, эффектные прыжки в воду (Джонни Вайсмюллер – пятикратный олимпийский чемпион по плаванью), сражения в рукопашную с опасными животными, купание слонов и т.п. сцены – все эти приемы призваны были держать внимание зрителя в постоянном напряжении. В конечном итоге это способствовало усилению эффекта экзотизации и созданию образа джунглей, где властвуют животные, а не люди. Художественные сцены обильно дополняются кадрами из жизни крокодилов, тигров, львов, носорогов и т.п. Иногда, впрочем, появляются и совершенно неожиданные «экземпляры»: гориллы невероятной величины, кидающие с гор каменные валуны (Тарзан, 1934 г.), или ископаемый ящер, нападающий на людей (Тарзан, 1936 г.).

Вместе с тем, киноистории о Тарзане являлись для американских зрителей, в некотором роде, обучающим рассказом о жизни «дикого континента». Любопытство призваны были разбудить кадры, повествующие об обычаях и ритуалах местных племен. В способе их съемки прослеживается опыт ранних лент, где основной акцент был сделан на эффекте документальности. Так, в картине «Тарзан, приемыш обезьяны», когда Джейн впервые приезжает в Африку, ее отец проводит для нее своеобразную экскурсию-презентацию по разнообразию этнических групп. С помощью примитивного монтажа, режиссеру удалось создать эффект выставки в этнографическом музее. Этот же прием использован в 1934 г., когда Джейн наблюдает из окошка хижины, как дикие племена исполняют танец плодородия, а также в фильме 1939 г., в котором место отведено подробному рассказу о необычных африканских животных и особенностях кухни.

---

[26] Эта традиция имеет прочный фундамент в европейской литературной культуре. См. подробнее: Креленко, Парфенов 2004.

Среди способов репрезентации туземных жителей «черного континента» в серии о Тарзане можно выделить две категории.

1. Колонизированные африканцы, которые служат белому человеку, чаще всего – носильщики необходимых для экспедиции вещей. Во всех четырех фильмах они представлены одинаково: как люди ленивые, недалекие, мышление которых наполнено варварскими предрассудками и суевериями. Они боятся всего, что является необычным. Эта трусость навлекает на них неизбежную смерть, в случае если белый человек не успевает вмешаться. Применение к ним силы представляется необходимостью. Например, в картине 1934 г. еще на пути экспедиции к Тарзану осталось в живых не более половины носильщиков. «Белые вожди» воспринимают их смерть безразлично; потеря этих членов экспедиции практически не замечается, либо ограничивается сухими репликами. Так, в киноленте 1932 г. присутствует сцена падения носильщика в пропасть со скалы (она вплоть до деталей повторяется и в 1936 г.). Сразу после его крика, Гарри Паркер, организатор похода, лишь интересуется, что было в тюке, упавшем вместе с несчастным. Туземцев приходится силой подталкивать к переходу через гору, что ведет к месту обитания Тарзана, так как страх перед нарушением табу не дает им сдвинуться с места. В картине 1934 г. носильщик, отказавшийся идти вперед, получает пулю в живот, а на замечание, что конфликт «можно было решить с помощью кнута», его убийца замечает: «да… он ведь мог унести ещё 70 кг слоновой кости».

2. Дикие племена, населяющие джунгли, – обычно каннибалы. Отсутствуют кадры, которые бы рассказывали о такой части их жизни как сон или работа. Если они не нападают на своих врагов, то чаще всего танцуют, выполняя религиозный обряд перед началом кровавых действий. В каждом фильме появляется угрожающее не только экспедиции белых людей, но и жизни Тарзана племя; их внешний вид (всегда – перья, маски, копья) и обычаи крайне причудливы. В киноленте 1932 г. зрителей знакомят с племенем карликов, которые с удовольствием мучают пленников, отправляя их на безнадежный рукопашный бой с гориллой.

Интерес американских режиссеров к теме джунглей не ограничивался эпосом о Тарзане. В 1930-х гг. появлялись фильмы, многие из которых, если не полностью повторяли, то во многом копировали принципы визуализации Африки из истории о белом дикаре. В их основе лежала прежняя идея о «темном континенте», полном опасности: герои отправлялись туда в экспедиции, искали там сокровища, либо просто волею судьбы оказывались в местах, «где не ступала нога человека» (на деле – белого человека). Африка для них становилась тем местом, где проверяются настоящие чувства. Небольшой малобюджетный фильм «Дикарка» 1932 г. стал «женской версией» Тарзана, где 16-летняя Р. Хадсон сыграла роль сексуальной «белой богини», живущей среди зверей[27]. Для его съе-

[27] «Дикарка» («The savage girl»), США, 1932 г., реж. Г. Фрезер.

мок не понадобилось покидать пределы США: с помощью видеомонтажа кадры из жизни животных склеивались с игрой актеров. Большую обезьяну, что спасает дикарку от изнасилования, сыграл человек.

Как и в случае с «тарзаниадой», кинорежиссеры обращались к африканской тематике с целью запечатлеть на кинопленке эффектные номера с животными. В фильме «Невеста Джунглей» (1934) герой, оказавшийся на континенте в результате кораблекрушения, в рукопашную сражается со львом[28]. Главную роль в небольших сериалах «Затерянные джунгли» (1934) и «Самая темная Африка» (1936) исполнил знаменитый американский дрессировщик и укротитель Клайд Битти[29].

В 1939 г. киностудия “XX century FOX” выпустила фильм, посвященный знаменитому исследователю и миссионеру Давиду Ливингстону, режиссера Г. Кинга. Эта лента качественно отличалась от предыдущих американских киноисторий об Африке, – во главу угла положена героическая тема миссии белого человека[30]. Она нашла отражение, в первую очередь, в идеализации образов главных героев, представленных зрителю бесстрашными борцами за дело распространения цивилизации. В основу сюжета легла история об экспедиции, возглавляемой журналистом газеты «Нью-Йорк Герольд» Г. Стэнли, посланной с целью поиска Д. Ливингстона. Исследователи отмечают, что кинокартина была далека от реальных исторических событий[31]. Его создатели скорее следовали литературной традиции, сложившейся вокруг этих имен. Она запечатлена, к примеру, в романе «Покоритель Африки» (1907) британца С. Моэма, где фигуры Стэнли и Ливингстона послужили для главного героя образцами в построении собственной жизни. О знаменитом журналисте Моэм пишет: «Этот человек вызывал не восхищение, не любовь, а беспристрастное уважение. Ему невозможно было отказать в величии. Стэнли был фигурой наполеоновского склада, умел подчинить всё цели и беспощадно сражаться ради ее достижения»[32]. Фильм 1939 г. визуализировал эти героические образы.

Лента «Стэнли и Ливингстон» начинается с подготовки журналиста к поездке. Примечательна сцена, где, уговаривая Стэнли на авантюру, издатель газеты и его начальник Джеймс Беннет, дает Африке характеристику, которая может быть интерпретирована как набор типовых ориенталистских штампов. С жаром он произносит: «Темный континент! Тайна, жара, лихорадки, каннибалы. Непроходимые джунгли, где смогла

---

[28] «Невеста Джунглей» («Jungle Bride»), США, 1933 г., реж. Г. Ойт, А. Келли.

[29] «Затерянные джунгли» («The Lost Jungle»), США, 1934 г., реж. Д. Ховард, А. Шефер; «Самая темная Африка» («Darkest Africa»), США, 1936 г., реж. Б. Ривз Изон, Дж. Кэйн.

[30] «Стэнли и Ливингстон» («Stanley and Livingstone»), США, 1939 г., реж. Г. Кинг, О. Броуер.

[31] Richards 1997. P. 48.

[32] Моэм 2012 [1907]. С. 44.

бы затеряться половина Америки! Земля, которую не смогли подчинить даже великие завоеватели – Александр, Цезарь, египетские фараоны – никто из них!» Указывая на карту, где центральная часть Африки обозначена как «неизвестный регион» он продолжает: «Неизменная, нетронутая… с незапамятных времен. Где-то там потерялся божий человек, что тратит свою жизнь на распространение света среди невежества». Тема долга, движущего белого человека на этот континент, была усилена соответствующим аудио-сопровождением.

Мы снова встречаем описание Африки как райского места, герои нередко признаются в любви к континенту. Но путешествие Стэнли служит для зрителей доказательством произнесенных Беннетом слов. Действие раскрывается через прием постепенного узнавания действительности. Журналист, не воспринимавший всерьез предостережения о том, как рискованна может быть экспедиция, со временем все больше убеждается в ошибочности этой позиции. Он знакомится с землей, что ломает человека физически и психологически, постоянно угрожает новыми болезнями. Одним из доказательств тому служит фигура мистера Кингсли, авантюриста и охотника, отца одной из главных героинь. В свои пятьдесят лет он выглядит как старик, а его дочь мечтает лишь о том, чтобы вернуться с отцом в Англию, пока «это место не убило его так же, как мать». Перед отправлением экспедиции эта девушка пытается отговорить Стэнли: «Вы не понимаете всего, что ждет Вас там. Вы хотите вернуться таким, как все остальные? Сломанным? Постаревшим раньше времени? Разбитым чем-то, что слишком велико для любого из нас, чтобы быть покоренным? Вы думаете, что вы можете сражаться с Африкой в одиночку и выиграть?». Поиски Ливингстона действительно оказались ночным кошмаром для американского журналиста: он сталкивается с дикими животными, варварскими племенами, да и сам климат едва не доводит его до смерти. Образ прекрасной цветущей страны возвращается только тогда, когда Стэнли удается разыскать Ливингстона, сумевшего основать среди джунглей очаг цивилизации. Такой способ репрезентации Африки служит цели оправдания колонизации ради ее же блага. На эту же цель работает постоянное сравнение края с американским Западом. Так Ливингстон спрашивает Стэнли: «Как, вы думаете, выглядела Америка времен первых переселенцев, что видели лишь дикую местность и враждебных дикарей?». Сопоставление убеждает, насколько большая работа должна быть сделана белым человеком, и какими плодотворными могут быть ее результаты.

Таким образом, сквозной нитью через весь фильм проходит лозунг: «Колонизируй и открывай!». А вот еще диалог между знаменитым исследователем и журналистом: «Белый человек смотрит на Африку через линзу незнания, а значит – страха. Как вы думаете, что удерживает его от Африки?». – «Много вещей, я думаю», – отвечает Стэнли. – «Боязнь не-

известного! Снять покровы тайны с реки Конго и других, подобных ей, найти исток Нила и <…> вы прогоните прочь невежество и страх! Дать миру честную и точную карту Африки – и это более не темный континент. Затем придут другие – не только миссионеры – доктора, учителя, пионеры. Они принесут с собой цивилизацию, выгонят работорговцев и распространят ценности братства народов на континенте, где никогда ранее не слышали ни единого звука добра или надежды».

В изображении жителей Африки эта лента опять же повторяла старые визуальные «находки»: либо варварские племена, чаще всего занятые войной, либо колонизированные туземцы. Последние наделены стандартными характеристиками, которые подчеркивают нецивилизованность континента. Например, почтительный слуга, живущий в доме мисс Кингсли, разговаривающий на ломаном английском, во время ужина так неумело умудряется убивать москитов, что мешает разговору и ловит на себе осуждающие взгляды хозяев. Колонизированные африканцы сопровождают экспедицию Стэнли: это бесчисленное множество людей, несущих на голове огромные тюки. Им присущи глупость и суеверия. В одном из эпизодов носильщики отказываются идти вперед во время перехода в грозу. Стэнли вынужден приказывать им, так как лишь он один понимает, что иначе их ждет неминуемая смерть. Несколько ярких персонажей-туземцев зритель встречает в деревне Ливингстона. При первой встрече исследователя с журналистом на заднем фоне режиссер разворачивает сценку, показывающую как неуклюже эти «взрослые дети» пытаются поймать свинью. В этом же поселении зритель знакомится с героями, делающими свои первые шаги к цивилизованному поведению с помощью стараний белого человека.

Примечателен эпизод с туземцем по имени Манго, который тайно проник в комнату Стэнли и украл зеркало. Журналист ударил его, но Ливингстон, осуждая такой подход к научению «простых людей», признается: «Манго сделал потрясающий шаг вперед за последнее время. Его поведение стало почти образцовым: сейчас он практически месяц может продержаться без воровства». Этот герой, внешне сильный и высокий, как ребенок падает на колени перед белым хозяином, начиная плакать и просить прощения. Образ Манго по-настоящему знаковый, в нем визуализированы наиболее устойчивые колониальные стереотипы.

Исследователи не раз отмечали, что представление чернокожего в качестве глупого ребенка – не просто сравнение, но выражение определенной концепции патернализма, игравшей роль в оправдании колонизаторской политики. Так, Н.А. Ерофеев, описывая реалии XIX века, пришел к выводу, что «во всей аргументации и апологии колониализма центральное место занимали представления об африканцах как о «детях» – диких, испорченных и жестоких»[33]. Тема воровства, в свою очередь, – такая же

[33] Ерофеев 1971. С. 83.

устойчивая ориенталистская характеристика, часто сопровождающая образ негра. Ее появление в США уходит своими корнями в рабовладельческую идеологию. Так один из лидеров школы расистской антропологии, американский врач С. Картрайт, в 1850-е гг. утверждал, что вещество, определяющее цвет кожи, детерминирует все поведение чернокожих, в том числе и их специфические болезни, к которым он относил мошенничество и склонность к побегам[34].

Еще один любопытный персонаж рассматриваемого фильма – ребенок, которому Ливингстон залечивает рану. Исследователь поясняет, отчего мальчик так чурается Стэнли: на их языке «незнакомец» и «враг» – одно и то же слово. Рассказывая журналисту о лидерских качествах ребенка и следя за его широкой улыбкой, Ливингстон замечает, что его отец был каннибалом. Таким образом, создается контраст между «естественным» (опасным и диким) состоянием жителей Африки и подчинением белому человеку для достижения более цивилизованной жизни. Финал истории о Стэнли и Ливингстоне утверждает необходимость колонизации и воздает почести людям, что не жалеют своей жизни ради этого великого предприятия. В фильме американский журналист даже решает вернуться в Африку, чтобы продолжить дело знаменитого британского исследователя, чего, конечно, не было в действительности.

Несмотря на то, что «Стэнли и Ливингстон» в целом снят в рамках сложившейся в США кинотрадиции (в нем сохранена приключенческая романтика), он, тем не менее, резко выделяется среди остальных кинолент этого периода героикой имперских ценностей в качестве главного двигателя сюжета. Примеры подобного рода в 1930-е гг. дает английский кинематограф («Сандерс с реки», «Четыре пера»), отразивший имперский пафос колониальной политики. Тем не менее, создание в Голливуде фильма об американском журналисте, настоящем герое, сумевшем преодолеть все тяготы ради поиска знаменитого английского исследователя в «дикой, далекой и опасной» Африке, и решившем посвятить свою жизнь делу распространения цивилизации, представляется не случайным. Вероятно, в визуализации мессианского «бремени белого человека» нашли отражение изменение общественных настроений и расширением имперского проекта США.

Кратко заметим, что на 1939 г. пришлась и премьера высокобюджетной ленты на колониальную тематику «Ганга Дин», кинокомпании RKO, события которой разворачиваются в Индии. Она сумела завоевать огромную популярность у американского зрителя. Что необычно для американского фильма на африканскую тему, «Стэнли и Ливингстон» отличал большой бюджет в 2 млн. долларов и участие настоящих звезд кино, в первую очередь – сыгравшего главную роль Трейси Спенсера первого в истории Голливуда актера, получившего два «Оскара» подряд

[34] Согрин 1990. С. 79.

(в 1937 и 1938 гг.). Лента благосклонно была принята американской публикой, но не завоевала особых наград. В рейтинге десяти лучших фильмов 1939 года влиятельной новостной газеты «Film Daily» картина оказалась на 9 месте[35].

В 1940 г. эта картина Г. Кинга была своеобразным образом обыграна в одной из серий анимационного сериала компании «Warner Bros.» Looney Tunes, под знакомым названием «Африка пищит!»[36] Без понимания контекста создания этого мультфильма, образ Африки, созданный в нем, покажется откровенно расистским. Однако в нем, безусловно, присутствует и издевка над героикой «Стенли и Ливингстона».

Создатель мультфильма Боб Клэмпет начал историю с карты континента, что делила его на три равные части: «Темная Африка, Африка потемнее, самая темная Африка». В главной роли выступил один из популярных героев мультипликационной серии Looney Tunes – поросенок Порки (также известный как Порки Пиг), отправившийся путешествие по Африке в сопровождении носильщиков-обезьян. Закадровый голос представил зрителям «дикую Африку», которая оказалась на деле таковой лишь на поверхности: режиссером создана галерея карикатурных образов. Мы видим страуса, что спит головой в земле, но на следующем кадре выясняется, что он использует подушку для сна. Появляются также львы: они делят между собой кости, загадывая желания; слон, которому нечем заплатить ренту за жилье; обезьяна, нянчащая свое дитя в коляске; наконец, туземцы, которые играют в тире. Продвигаясь вглубь континента, Порки Пиг встречает по дороге изможденного журналиста. Когда Стэнли произносит знаменитую фразу: «Доктор Ливингстон, я полагаю?», то получает ответ: «Нет, я свинья Порк» (дословно – жирная свинья). Перед сном, когда дикие и шумные африканские звери мешают спать Порки, он грозно кричит из своей палатки: «Тихо!» И Африка замолкает. Стэнли тем временем продолжает бродить по джунглям, заглядывая даже в сумку кенгуру в поисках Ливингстона. Наконец, когда происходит их долгожданная встреча, то зритель знакомится не со знаменитым исследователем Африки, но с учителем музыкальной школы и дирижером хора обезьян (так высмеиваются сцены из фильма, восхваляющие миссионерскую деятельность). Таким образом, воспроизводится множество стереотипов, которые обыгрываются в комедийном ключе. В сравнении с упомянутыми выше мультфильмами 1932 года «Пищит Африка!» и «Торговец Микки», этот экранный образ «черного континента» представляется уже не столь однобоким. Отметим, что анимационные фильмы 1930-х гг. компании «Warner Bros.», затрагивающие африканскую тематику, заслуживают отдельного внимания исследователей. Некоторые серии «Looney Tunes» и «Merrie Melodies», обыгрывающие об-

[35] Film Daily, January 12, 1940. P. 1.

[36] «Африка пищит!» («Africa Squeaks»), США, 1940 г., реж. Б. Клэмпет.

разы чернокожего населения США, впоследствии были запрещены в силу их расистского содержания.

Представляется возможным заключить, что образ Африки, прослеживаемый в американских кинолентах 1930-х г. – ориенталистский (в саидовском описании) – воспроизводил порядок колониального дискурса. Тем не менее, мотивы «бремени белого человека» и колониальная героика, за редким исключением, не стали материалом голливудского кинонарратива. На образ Африки здесь оказали влияние не столько властные стратегии, сколько потребности жанра приключенческого кино. Элементы расистской этнографии неизменно сохранялись, но чаще всего ее задачей являлось подчеркнуть опасность того места, где разворачивается сюжетная линия фильма. Ключевым в образе Африки стало отождествление континента с тропическими джунглями, поэтому мы не встретим и упоминания о наличии здесь политических институтов.

Специфической чертой американского взгляда стала комичность в интерпретации африканской темы, которая нашла наиболее яркое выражение в анимационных фильмах этого периода. В них же гротескно обнаруживается связь голливудского образа африканца с внутриамериканским расистским дискурсом. В американской графике, анимационных и игровых фильмах, афишах, рекламной продукции образ чернокожего человека обыгрывался по-разному, но чаще всего в основе лежала именно смеховая культура[37]. Классическим примером в этом отношении являются «Менестрель-шоу», основанные на пародировании речи, манер, музыки и танцев афроамериканцев и гиперболизации негроидных черт внешности. Кинематограф в целом следовал сложившимся традициям и представлениям: образы туземца Африки и афроамериканца крайне схожи как внешними данными (обезьяноподобные черты, нагота), так и особенностями характера (глупость, лень, неловкость, склонность к воровству и т.п.).

Исследователи отмечали, что еда, одежда (или ее отсутствие) и секс – три главных столпа по которым проходит в культуре сравнение с нормой[38]. С этих позиций представленный голливудский образ африканца – это утрированный Другой, чужак. Он не просто любитель курицы и арбузов, он каннибал, а его вестиментарные привычки – далеки от западных представлений о приличии. Его черты часто доводятся до гротеска, что крайне обостряет противопоставление цивилизации и варварства, и, следовательно – Запада и Востока. Само понятие «Dark(est) Africa» очевидно включает в себя ряд разных значений: «темный», «черный», «загадочный», «неизведанный», «дикий». Однако единая тради-

[37] Исследователи выделяют даже определенную типологию, среди которых агрессивный и неотесанный Руфус, деревенщина-Джим, щеголеватый Лерой, неуклюжий Дядя Том, суеверная Мамушка и др. См.: Шустрова 2012; Армейсков 2010.

[38] Романова, Хлыщева, Якушенков, Топчиев 2013. С. 48.

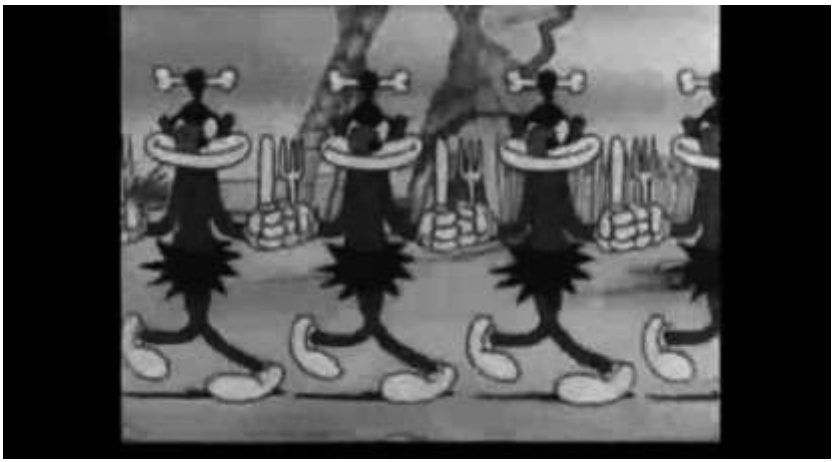
ция, прослеживаемая в работах американских режиссеров 1930-х гг., снятых несколькими кинокомпаниях, все же не монохромна: сосуществуют представления о континенте как о первобытном рае и как о самом опасном месте. Образ жителей Африки также внушает зрителям различные чувства – и насмешку, и страх.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Илл. 1. Плакат к фильму «Говорит Африка» реж. П. Хофлер.

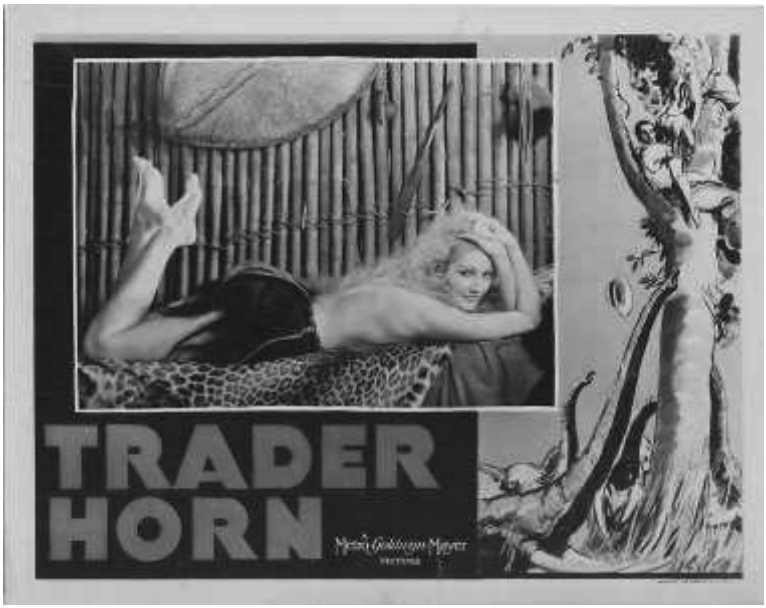
Илл. 2. Кадр из фильма «Говорит Африка!» 1930 г.

Илл. 3. Кадр из анимационного фильма «Пищит Африка» 1932 г.



Илл. 4. Кадр из анимационного фильма «Пищит Африка» 1932 г.

Илл. 5-6. Открытка к фильму «Трейдер Хорн»



„TRADER HORN"

Илл. 7. Афиши к фильмам о Тарзане 1930-х гг. кинокомпании MGM.

ФИЛЬМОГРАФИЯ

1. «Среди каннибалов на островах южной части тихого океана» («Among the cannibal isles of the south pacific»), США, 1918, режиссер М. Джонсон, О. Джонсон.
2. «Across the world with Mr. and Ms. Johnson featuring 3 boy scouts in Africa», США, 1930, реж. М. Джонсон, О. Джонсон.
3. «Говорит Африка» («Africa Speaks!»), США, 1930 г., реж. В. Фаттер (W. Futter).
4. «Африка пищит!» («Africa Squeaks»), США, 1932 г., реж. У. Иверкс (U. Iwerks).
5. «Феликс начинает большую африканскую игру» («Felix tees off for the big African game»), США, 1926 г., реж. П. Сулливан (P. Sullivan).
6. «Том и Джерри: как заглох самолет» («Tom&Jerry: Plane Dumb»), США, 1932 г., реж. Дж. Фостер (J. Foster).
7. «Волнения Африки» («Jungle Jitters»), США, 1938 г., реж. Ф. Фрилен (F. Freleng).
8. «Сто пигмеев и Панда Энди» («100 Pygmies And Andy Panda»), США, 1940 г., реж. А. Лови (A. Lovy).
9. «Трейдер Микки» («Trader Mickey»), США, 1932 г., реж. Д. Хэнд (D. Hand).
10. «Трейдер Хорн» («Trader Horn»), США, 1931, реж. В.С. Ван Дайк (W.S. Van Dyke).
11. «Тарзан, приемыш обезьян» («Tarzan of the Apes»), США, 1918 г., реж. С. Сидни (S. Sidney).
12. «Тарзан, человек-обезьяна» («Tarzan the Ape Man»),США, 1932 г., реж. В.С. ВанДайк (W.S. VanDyke).
13. «Тарзан и его подруга» («Tarzan and his mate»), США, 1934 г., реж. С. Гиббонс (C. Gibbons).
14. «Побег Тарзана» («Tarzan Escapes»), США, 1936 г., реж. Р. Торп (R. Thorpe).
15. «Тарзан находит сына» («Tarzan Finds a Son!»), США, 1939 г., реж. Р. Торп (R. Thorpe).
16. «Дикарка» («The savage girl»), США, 1932 г., реж. Г. Фрезер (H. Fraser).
17. «Невеста Джунглей» («Jungle Bride»), США, 1933 г., реж. Г. Ойт, А. Келли (H. Hoyt, A. Kelley).
18. «Затерянные джунгли» («The Lost Jungle»), США, 1934 г., реж. Д. Ховард, А. Шефер (D. Howard, A. Schaefer).
19. «Самая темная Африка» («Darkest Africa»), США, 1936 г., реж. Б. Ривз Изон, Дж. Кэйн (B. Reeves Eason, J. Kane).
20. «Стэнли и Ливингстон» («Stanley and Livingstone»), США, 1939 г., реж. Г. Кинг, О. Броуер (H. King, O. Brower).
21. «Африка пищит!» («Africa Squeaks»), США, 1940 г., реж. Б. Клэмпет (B. Clampett).

БИБЛИОГРАФИЯ

Армейсков С.А. Проявления афроамериканской легитимирующей идентичности в культуре США // Актуальные инновационные исследования: наука и практика. 2010. №2. http://www.actualresearch.ru/nn/2010_2/Article/culturology/armeyskov.doc.

Берроуз Э. Тарзан приемыш обезьяны. Пер. М. В. Ватсон. Петроград: А.Ф. Маркс, 1923. URL: http://www.lib.ru/INOFANT/BERROUZ/tarzan1.txt.

Богомолова Н.Н. Индийский правитель глазами англичанина: визит принца Уэльского в Индию. 1875–1876 гг. // Диалоги со временем. 2012. № 40. С. 134–159.

Ерофеев Н.А. Английский колониализм и стереотип африканца в конце 19 в. // Вопросы истории. 1971. № 12. С. 69–84.

Креленко Н.С., Парфенов И.Д. Строительство Британской империи и образ представителя «чужой» культуры в английской литературе XVII–XX веков // Новая и новейшая история: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2004. Вып. 21. С. 132–151.

Лоцманова Г.И. Из истории формирования колониальной идеологии английского империализма // Вопросы истории. 1963. № 2. С. 52–64.

Моисеева Е.Н. Колониальная идея во Франции в последней трети XIX в.: дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.03. Саратов, 2002. 247 с.
Моэм С. Покоритель Африки / Пер. В. Лопатки. М.: Астрель, 2012. 288 с.
Репина Л.П. «Национальный характер» и «образ другого» // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 9–19.
Романова А.П., Хлыщева Е.В., Якушенков С.Н., Топчиев М.С. Чужой и культурная безопасность. М.: РОССПЭН, 2013. 215 с.
Савельева Е.Н. Европейский кинематограф 20 века // Вестник Томского университета. 2014. № 386. С. 94–98.
Согрин В.В. Мир американских рабовладельцев: Кэлхун, Фицхью и другие // Новая и новейшая история. 1990. № 5. С. 67–81.
Субботина И.П. К вопросу о формировании империалистической концепции английского колониализма // Ученые записки МОПИ. Серия «Всеобщая история». 1971. Т. 288. Вып. 13. С. 164–177.
Тартыгина О.О., Гурин И.Г. Имперская идея в представлении элиты Великобритании XIX – начала XX в. // Вестник Самарского ун-та. 2007. № 5/3 (55). С. 89–95.
Теплиц Е. История киноискусства. Пер. В.С. Головского. Т. 1. 1895–1927. М.: Прогресс, 1968. 388 с.
Усачева В.В. Расовый дискурс и образ Африки // Азия и Африка сегодня. 2012. № 8.
Шустрова Е.В. Стереотипные образы афроамериканцев в американской графике // Политическая лингвистика. 2012. №2. С. 176–199.
Congorilla (1932): The Martin Johnsons, With Camera and Gun, in the Jungles of Africa // New York Times. July 22, 1932. URL: http://www.nytimes.com/movie/review?res=9804E7D6113EE633A25751C2A9619C946394D6CF
Declaration of Rights of the Negro Peoples of the World, 1920 // American Experience. Marcus Garvey. Primary sources. URL: http://www.pbs.org/wgbh/amex/garvey/filmmore/ps_rights.html
Photoplay. February –March1930.
Hoefler, P. Africa speaks: a story of adventure. L.: J. Lane, Bodley Head. 192- ?, 469 p.
Rice T. Africa Shrieks // Colonial film. Moving images of the British Empire. URL: http://www.colonialfilm.org.uk/node/227.
Тарзаниада. Люди джунглей, прерий и саван. Африка, Америка, Австралия [список кинофильмов] // URL: http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3360375.
Richards J. Films and British National Identity: From Dickens to Dad's Army. Manchester: Manchester University press, 1997. 387 p.
«Ten best of 1939» // Film Daily, January 12, 1940. P. 1. URL: https://archive.org/stream/filmdaily77wids#page/n79/mode/2up

REFERENCES

Armeiskov S.A. Proyavleniya afroamerikanskoi legitimiruyushchei identichnosti v kul'ture SShA // Aktual'nye innovatsionnye issledovaniya: nauka i praktika. 2010. №2. http://www.actualresearch.ru/nn/2010_2/Article/culturology/armeyskov.doc.
Berrouz E. Tarzan priemysh obez'yany. Per. M. V. Vatson. Petrograd: A.F. Marks, 1923. URL: http://www.lib.ru/INOFANT/BERROUZ/tarzan1.txt.
Bogomolova N.N. Indiiskii pravitel' glazami anglichanina: vizit printsa Uel'skogo v Indiyu. 1875–1876 gg. // Dialogi so vremenem. 2012. № 40. S. 134–159.
Erofeev N.A. Angliiskii kolonializm i stereotip afrikantsa v kontse 19 v. // Voprosy istorii. 1971. № 12. S. 69–84.
Krelenko N.S., Parfenov I.D. Stroitel'stvo Britanskoi imperii i obraz predstavitelya «chuzhoi» kul'tury v angliiskoi literature XVII–XX vekov // Novaya i noveishaya istoriya: Mezhvuz. sb. nauch. tr. Saratov, 2004. Vyp. 21. S. 132–151.
Lotsmanova G.I. Iz istorii formirovaniya kolonial'noi ideologii angliiskogo imperializma // Voprosy istorii. 1963. № 2. S. 52–64.

Moiseeva E.N. Kolonial'naya ideya vo Frantsii v poslednei treti XIX v.: diss. ... kand. istor. nauk: 07.00.03. Saratov, 2002. 247 s.
Moem S. Pokoritel' Afriki / Per. V. Lopatki. M.: Astrel', 2012. 288 s.
Repina L.P. «Natsional'nyi kharakter» i «obraz drugogo» // Dialog so vremenem. 2012. Vyp. 39. S. 9–19.
Romanova A.P., Khlyshcheva E.V., Yakushenkov S.N., Topchiev M.S. Chuzhoi i kul'turnaya bezopasnost'. M.: ROSSPEN, 2013. 215 s.
Savel'eva E.N. Evropeiskii kinematograf 20 veka // Vestnik Tomskogo universiteta. 2014. № 386. S. 94–98.
Sogrin V.V. Mir amerikanskikh rabovladel'tsev: Kelkhun, Fitskh'yu i drugie // Novaya i noveishaya istoriya. 1990. № 5. S. 67–81.
Subbotina I.P. K voprosu o formirovanii imperialisticheskoi kontseptsii angliiskogo kolonializma // Uchenye zapiski MOPI. Seriya «Vseobshchaya istoriya». 1971. T. 288. Vyp. 13. S. 164–177.
Tartygina O.O., Gurin I.G. Imperskaya ideya v predstavlenii elity Velikobritanii XIX – nachala XX v. // Vestnik Samarskogo un-ta. 2007. № 5/3 (55). S. 89–95.
Teplits E. Istoriya kinoiskusstva. Per. V.S. Golovskogo. T. 1. 1895–1927. M.: Progress, 1968. 388 s.
Usacheva V.V. Rasovyi diskurs i obraz Afriki // Aziya i Afrika segodnya. 2012. № 8.
Shustrova E.V. Stereotipnye obrazy afroamerikantsev v amerikanskoi grafike // Politicheskaya lingvistika. 2012. №2. S. 176–199.
Photoplay. February –March1930.
Hoefler, P. Africa speaks: a story of adventure. L.: J. Lane, Bodley Head. 192- ?, 469 p.
Rice T. Africa Shrieks // Colonial film. Moving images of the British Empire. URL: http://www.colonialfilm.org.uk/node/227.
Tarzaniada. Lyudi dzhunglei, prerii i savan. Afrika, Amerika, Avstraliya [spisok kinofil'mov] // URL: http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3360375.
Richards J. Films and British National Identity: From Dickens to Dad's Army. Manchester: Manchester University press, 1997. 387 p.
«Ten best of 1939» // Film Daily, January 12, 1940. P. 1. URL: https://archive.org/stream/filmdaily77wids#page/n79/mode/2up

Голубкина Светлана Евгеньевна, *аспирант кафедры истории зарубежных стран ННГУ им. Н.И. Лобачевского; golubkina.svietlana@mail.ru*

Белов Михаил Валерьевич*, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории зарубежных стран Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, belov_mihail@mail.ru*

“Where man never trod”: Africa in American cinema of the 1930s

The paper examines the image of Africa and its inhabitants on the material of fiction and animated movies directed by American filmmakers in the period of 1930s. Analyzing the process of formation of traditions and development the genre of adventure films, the author distinguishes stable patterns in the visualization of the savage’s image as a representation of Other/Alien.

Keywords: image of the Other, Africa, history of cinema, Hollywood, colonialism, racism

Svetlana Golubkina, *Postgraduate student, Department of the history of foreign countries, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; golubkina.svietlana@mail.ru*

Michael Belov*, Dr.Sc. (History), Head of the Department of the history of foreign countries, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; belov_mihail@mail.ru*

Н. А. Белякова, В.П. Клюева

ДУХОВНЫЕ ПОИСКИ ЕВАНГЕЛЬСКИХ ВЕРУЮЩИХ В ПОСЛЕВОЕННОМ СССР[1]

Источниками для анализа духовных поисков евангельских христиан в СССР послужили опубликованные воспоминания и биографические интервью верующих, имевших советский опыт религиозной жизни. Выделяются значимые моменты для осуществления духовных поисков: чрезвычайные жизненные обстоятельства, внутренний кризис; личное знакомство с верующими; проблема выбора между разными деноминациями; конфликт с внешней средой; ощущение Божественного воздействия.

***Ключевые слова*: *духовный поиск, протестанты, евангельские верующие, религиозная община, евангельские христиане баптисты, пятидесятники*.**

Села я на задней скамеечке, слушаю.
Ооо, думаю, что творится-то. Мнение ученых о Боге.
Я же их знаю, этих ученых, я неплохо училась, я их знаю.
Размышляю: ученые – они такие умные, вникают в творения, исследуют, и они видели следы Творца, а я Бога не знаю![2]

«Секта – это не только религиозная организация, но это и общество своеобразное, потому что туда принимают в члены и исключают оттуда. Сектанты проповедуют религию не так, как проповедуют её католики или православные, а вся их деятельность построена на изучении библии и толковании библии применительно к нашим условиям, поэтому сектант – он не только верит по традиции, и вот, как говорят, является носителем религиозной психологии, но ему вбивают в мозги эту веру, он мозгами верит, – это немножко другое дело», – такими словами разъяснял специфику поздних протестантов своим литовским коллегам в феврале 1977 г. заместитель председателя Совета по делам религии при Совмине СССР П.В. Макарцев[3]. Причины “живучести” и даже роста последователей позднепротестантских деноминаций в послевоенном СССР, особенности их психологии, мировоззрения, достаточно часто привлекали внимание советских религиоведов, которые стремились понять феномен прихода в религиозные “секты” людей, выросших в социалистическом обществе.

Советскими исследователями было предложено несколько иногда противоречивых концепций, в соответствии с которыми следовало вести антирелигиозную работу. Во-первых, рядовые верующие “попадали в секту” через одурманивание и манипулирование со стороны корыстных лидеров общин, поэтому в 1960–1980-е гг. усилия власти направлялись на

[1] Статья выполнена при финансовой поддержке РНФ. Проект № 15-18-00135 «Индивид, этнос, религия в процессе межкультурного взаимодействия: российский и мировой опыт формирования общегражданской идентичности».

[2] Интервью Е.П. Числиной. Тамбов, 26.04.2014. взято Н.А. Беляковой. AHRC R/128120/27.

[3] ГАРФ.Ф. 6991. Оп. 6. Д. 3442. Л. 43-65.

борьбу преимущественно с “сектантскими вожаками”, и разоблачение их корыстных мотивов перед рядовыми верующими находило отражение в советской прессе[4]. Во-вторых, принятие религиозного мировоззрения объяснялось недостаточной образованностью, а значит, требовалось усилить атеистическо-просветительскую работу. В-третьих, достаточно неожиданно на современный взгляд, фиксировалась компенсаторная функция религии – исследователи отмечали, что в религии находили утешение часто те люди, на долю которых выпали тяжелые жизненные испытания, которыми был так богат XX век[5]. В-четвертых, отмечалась важность социально-регулятивных функций, выполняемых религиозной общиной[6]. Однако в силу изначально враждебно-негативного отношения к религиозным институциям в целом и позднепротестантским деноминациям в частности, исследования советских религиоведов были частью жесткой борьбы советской идеологической системы с религией и “религиозниками” за души и умы населения, причем наиболее острые формы принимала борьба за молодое поколение, подростков.

В контексте жесткого противостояния духовные поиски, приведшие к выбору евангельской веры (представители позднепротестанских деноминаций в России традиционно называют себя евангельскими христианами, то есть теми, чья жизнь строится по Евангелию) приобретал еще большую значимость и имел ярко выраженные социальные последствия, и поэтому представляет интерес для специального изучения. Следует уточнить, что становление человека в качестве евангельского верующего[7] обязательно предполагало сознательный выбор веры, как результат духовных поисков. Духовные поиски, под которыми мы понимаем поиск «своей» Церкви, включали в себя знакомство и общение с верующими и осознанный выбор в пользу той или иной деноминации.

В качестве источников для анализа нами используются биографические интервью и опубликованные воспоминания верующих, становление которых пришлось на советский период. Специфика такого материала заключается в том, что он создан людьми, уже сделавшими выбор в пользу "евангельской веры", и мы не услышим мотивов тех, кто отказался от нее. В анализируемых нарративах процесс личного уникального пути к Богу, где человек часто представляется орудием в руках Божиих (т.е. он выступает одновременно как активный участник духовных поисков и как объект воздействия Божьей воли), является обязательным элементом повести человека о себе, осознания себя в церкви. В харизмати-

---

[4] Например, публикации про пятидесятников И.П. Федотова и Н. Горетого.

[5] См.: Левада 1965; Бондаренко 1971; Писманник 1984. См. о компенсаторной функции: Dobson 2015.

[6] См., например, Бондаренко, Косянчук, Фомиченко 1988.

[7] Согласно вероучительным доктринам, отправной точкой для становления человека как христианина становилось индивидуальное покаяние, раскаяние человека за свою жизнь без Бога и следующее за ним крещение в сознательном возрасте.

ческих (т.е. тех, для которых характерна практика получения даров Духа Святого) общинах интенсивность непосредственного общения с Божественным в значительной мере определяет и статус его носителя. Нарративы, доступные исследователю, обычно исходят от людей, имеющих опыт публичных выступлений на душеспасительные темы (проповедников, диаконов, пресвитеров), которые имеют в своем запасе несколько десятков ярких, поучительных историй и образов, часто из собственной жизни, и используют наработанный годами повествовательный материал при автобиографических интервью или при написании воспоминаний. Поэтому нужно иметь в виду, что мы часто имеем дело не с живым, непосредственным воспоминанием, а с годами устоявшейся, принявшей жесткую законченную форму автобиографической легендой, в которой история духовных поисков, закончившихся приходом в евангельскую общину, играет ключевую роль[8]. Однако для нашего исследования данный факт не является помехой, поскольку мы имеем возможность выявить постоянную, “догматическую” или рамочную составляющую нарративов, в которую верующий вписывает свой личный опыт.

Нами выделяются несколько моментов, которые оказались значимыми при осуществлении духовных поисков: чрезвычайность обстоятельств, внутренний кризис как таковой; личное знакомство с общиной и верующими; проблема выбора между разными деноминациями; конфликт с внешней средой; ощущение Божественного воздействия.

Чрезвычайность обстоятельств

Уже не требующим подтверждения стал тезис, о том, что многих людей приводит к вере какие-либо чрезвычайные обстоятельства, при чем они могут быть как внешними (война или репрессии), так и внутренними (прежде всего, болезни собственная или кого-либо из близких). Наиболее заметно влияние внешних чрезвычайных обстоятельств и последовавшие за ними духовные поиски для верующих старшего поколения или их родителей, особенно в период Второй мировой войны[9]. Нет нужды подтверждать данный тезис многочисленными свидетельствами, поскольку это явление вполне вписывается в концепт “религиозного возрождения”, общепризнанного в историографии.

Один из верующих, позднее ставший проповедником и пресвитером в незарегистрированной общине евангельских христиан баптистов, живший подростком в деревне Липно в начале войны, вспоминал:

---

[8] Структура конверсионного нарратива была рассмотрена нами ранее на материалах интервью верующих, пришедших к вере в 1990-е гг. – Поплавский, Клюева 2013.

[9] Один из характерных мотивов: «*Из-за тягот военного времени люди особенно сильно потянулись к Богу... Я, будучи подростком, стал в это время петь в хоре и даже иногда проповедовать. Святое водное крещение принял в августе 1943 года, буквально под грохот канонады приближающейся Красной Армии*». – «Я принимал веру в Бога по ложке в день!». Бондаренко Василий Данилович // Подвиг веры 2010. С. 169.

«*Когда немцы бомбили расположенный неподалеку от нас город Бологое, моих односельчан охватил ужас, все они переживали за отцов, мужей и сыновей, мобилизованных на фронт. В поисках утешения две соседки однажды обратились ко мне с просьбой почитать им Библию. Их мужей отправили на фронт. Одного из них уже убили. Женщины где-то достали Библию, но читать не умели, поэтому пришли ко мне. Кто-то сказал им, что в Библии указано, когда кончится война. Я охотно согласился почитать Библию, так как слышал, что есть такая Божественная книга. Женщины приходили слушать только по вечерам. А я по восемнадцать часов в сутки сидел над этой книгой...*»[10].

Чрезвычайные обстоятельства обостряли духовные поиски. Упомянутый верующий в конце войны был призван в армию, где служил фельдшером и оказывал медицинскую помощь не только солдатам, но местным жителям. Однажды он отправился обследовать больную девушку.

«*Возле больной сидели три девушки и пели. Когда я зашел, они замолчали. <...> Вечером сестра больной пришла за лекарством и принесла мне две книги. Одна из них – "Жизнь Иисуса Христа". В книгу была вложена записка: "Если Вы интересуетесь Богом, то прочитайте. Книги нужно вернуть". Девушки, которые были у больной во время моего посещения, пожелали встретиться со мной. После большой внутренней борьбы я согласился... Мы долго беседовали. Я старался защитить свой образ жизни, утверждал, что нужно веселиться и проводить дни в свое удовольствие. А девушки говорили о преимуществе жизни с Богом*»[11].

Чрезвычайная ситуация часто становилась толчком для кардинального изменения жизненных ориентиров и обретения веры.

Внутренний кризис рассказчика

Внутренний кризис зачастую не вербализуется как «кризис», но проявляется в таких словесных характеристиках как «блуждание без цели», «внутренняя неустроенность», «поиск смысла». В некоторых случаях рассказчики характеризовали свое ощущение как «пустота», «бесцельность существования», «желание покончить с собой»[12]. Один из них такими словами описывал свое состояние перед уверованием:

«*Как-то в субботу… да, завод РАФ, были там в командировке… и вдруг вечером у меня какая-то апатия. Друзья заходят: суббота, пошли в ресторан. Я говорю: «Я не пойду». Я ни читать, ничего. Думаю, прогуляюсь по городу. Я вышел, и начал идти без цели, как-то так, раз – сюда, раз – туда-сюда, без цели*»[13].

Для детей, выросших в религиозной среде, также характерно ощущение внутреннего кризиса, он мог проявляться в «богоборческих» исканиях верующего ребенка: «*Однажды я подумал, ощутил, что Бога нет.*

---

[10] Антонов 2010.

[11] Там же. С. 25-26.

[12] Поплавский, Клюева 2013. С. 37.

[13] Интервью В. Витюка, июль 2011, Нижневартовск, взято В.П. Клюевой. (архив В.П. Клюевой).

И сразу мне показалось, что я живу в тусклом мире, для меня небо сразу погасло. Но через несколько минут я подумал: нет, такого быть не может! Бог существует! И мир заиграл всеми красками»[14]. Либо при воспоминании о том, как произошло осознание присутствия Бога. Осознанное принятие Бога помогло внести в жизнь упорядоченность и гармонию:

«*И в тот момент произошло мое покаяние. Покаяние моё было, – я говорю так, – я был двенадцатилетним грешником. Ничего плохого по нынешним меркам я сделать не сделал, не успел. Но я понимал – я грешник, потому что я нуждаюсь в спасении Христа. И в этот день я почувствовал, что груз моих грехов двенадцатилетних снят. Я свободен. У меня с Богом начались хорошие отношения. Конечно, я его, как я объясняю людям, когда кое-кто спрашивает, я его чувствовал чуть ли не на физическом уровне. И я знал, что если я делаю всё правильно, то всё хорошо. И когда что-то не так, как будто бы какая-то темнота наступала. Я искал – вот так правильно, ага. Всё опять восстанавливалось*»[15].

Необходимо учитывать, что негативные характеристики своей жизни (включая рассказ о вредных привычках), неудовлетворенность сложившейся жизнью и смутным желанием ее изменить до прихода к Богу характерны для большинства свидетельств тех, кто стал верующими во взрослом возрасте. Во многом, такое начало помогает ярче показать слушателям оппозицию: «жизнь до Бога» и «жизнь с Богом». В случаях с детьми из религиозных семей представлена оппозиция между осознанной и латентной религиозной верой.

Личное знакомство с общиной и верующими

Для многих, уверовавших в сознательном возрасте, межличностные отношения в общине оказались решающим толчком для принятия решения в пользу веры. Советская антирелигиозная пропаганда и сложившийся отрицательный образ «сектанта» проигрывали при личном знакомстве с жизнью верующих. Один из верующих, родившийся в 1924 г. и бывший к началу ВОВ комсомольцем и членом Союза воинствующих безбожников, подробно описывает духовные поиски сельской молодежи. Его товарищи, побывавшие в 1941 г. на первом открытом богослужении христиан веры евангельской, были поражены покаянием «самых преступных людей селения». Они рассуждали:

«*Раньше мы стремились путем науки, путем лекции, которые мы читали односельчанам в клубе, научить людей уважать друг друга, не делать зла, не ругаться, не драться, не пьянствовать, жить мирно, сострадая друг другу; в трудную минуту помогать друг другу. В этом есть счастье и цель жизни. Но, к сожалению, мы не увидели желаемых плодов от наших лекций. И вдруг какой-то малограмотный Петр смог увлечь этих преступных людей,*

---

[14] Интервью с В. Цуковым, Заводоуковск, Тюменская область, 18.08.2015, взято В.П. Клюевой (архив В.П. Клюевой).

[15] Интервью П.Н. Мочалкина. Тюмень, май 2012, взято В.П. Клюевой (архив В.П. Клюевой).

о которых мы не мыслили, что их можно убедить оставить прежний образ жизни. А сейчас стало реальностью, что они покаялись перед всеми присутствовавшими и стали жить честно, уважая ближних и служа им»[16].

О видимых изменениях в человеке, после его прихода в религиозную общину, упоминает и молодой пятидесятник из Петропавловска:

«*Я не считал себя верующим. А потом переехал в город сюда. Я вообще удивился, когда мой брат уверовал. Он перестал кричать, материться там, то есть он проявлял послушание. Я думал – как они смогли ему внушить вот это вот? И думаю, пойду, разберусь*»[17].

Религиозная община выступала как место, где могут найти себя люди, оторвавшиеся от привычной обстановки. А. Кох, сделавший осознанный выбор в пользу веры в 1980 г., вспоминал:

«*Ну, надо было куда-то идти, а мне некуда было деваться, потому что в городе никого не знал. И я пошел, смотрю... Я вообще искал бандитов среди них. Ну, думал, внушили может, что верить. Я считал, что только пожилые, дети, трусы, ну там, недоразвитые какие-то люди... <…> Потом приехал в город, начал как-то ходить, пока некуда деваться, думаю, потом найду друзей других, хороших. <…> Я начал ходить – один раз, три раза, потом десятый, и уже смотрю – люди-то вроде нормальные, с ними можно дружить. Ну так я и привык, в общем*»[18].

Религиозная община, даже в советские годы, могла выступать как «защищенное» пространство. Молодая девушка, приехав в Воронеж в 1947 г., отправилась по совету отца на поиски верующих:

«*Я у одной девочки спрашиваю, – рассказывала она, – “ты не скажешь, где тут баптисты собираются?” Она говорит: “Так вот, смотрите: далеко-далеко”. Выходят, там собрание уже кончилось. Я иду туда, захожу, присаживаюсь, уже почти все вышли. Ну где-то еще там такое кто-то еще. Я смотрю, первый раз в собрании, и меня поразило, что среди них какая любовь, какие у них лица радостные, они приветствуют друг друга, меня вот прямо это поразило. Ну я-то оглядываюсь, не знаю, к кому обратиться, одна пожилая сестра говорит “а вам кого надо?” Я говорю: “мне нужно бы…” – “иди к братьям”. Там братья стояли у стола...*»[19].

Девушку сразу пригласили на молодежное собрание, где ее поразила увлекательность проповеди о мнении ученых о Боге, и она осталась в общине на всю жизнь.

Публикуемые отрывки представляются примечательными тем, что показывают, каким образом духовные поиски отдельных людей приобретали институциональную форму: через вступление в контакт с верующими в повседневной жизни. Это была самая распространенная форма: заметив интересующегося человека, верующие начинали с ним общаться и

---

[16] Гула 2005. С. 12.

[17] Интервью А. Коха, август 2013, взято В.П. Клюевой (архив В.П. Клюевой).

[18] Интервью А. Коха, август 2013, взято В.П. Клюевой (архив В.П. Клюевой).

[19] Интервью Е.П. Числиной. Тамбов, 26.04. 2014, взято Н.А. Беляковой. AHRC R/128120/27.

проповедовать[20]. Надежность и доброжелательность межличностных отношений в евангельской общине (которые часто противопоставлялись отношениям в обычном мире), особенно для людей, оказавшихся в миграционных потоках и выброшенных из привычной жизни, является важной составной частью нарративов верующих послевоенного поколения.

Доверие и внимание к приходящим людям – вот что привлекало людей, которые были изгоями, маргиналами во внешней среде. Только вышедший из заключения в воркутинских лагерях рассказывал о том, как он получил принципиальную поддержку у верующих:

«*Находясь в лагере через одного приближенного брата (он выходил на работу за зону без конвоя) мы поддерживали некоторую связь с воркутинскими верующими. Он познакомился с братом Малегой, сосланным в эту местность за веру в Бога и работавшим начальником железнодорожной станции в Халмер-Ю. Вместе с братом Григорием Ивановичем Ковтун они основали Воркутинскую церковь. Брат Малега рассказывал о нас воркутинским верующим. Через него же я заручился адресом брата, проживавшего с семьей в Воркуте, и, освободившись, в первый же день был в его доме. Его жена приветливо приняла меня: "Мы слышали о тебе, дорогой брат". И вот я впервые в жизни присутствую на христианском богослужении. Всё, абсолютно всё, для меня здесь ново, необычно и трепетно. Каким восторженным наблюдателем пополнилось Воркутинское собрание народа Божьего! Живая группа (в ней было около 60 членов церкви) искупленных Христом жила как одна семья! И меня, совсем чужого человека, о котором только слышали, все приняли как родного! Это меня удивляло и умиляло до слез... Все первое собрание я проплакал...*[21]

Честность и надежность верующих в бытовых вопросах, качество их работы обращали на себя внимание окружающих. Описывая первые послевоенные годы своего детства, дочка пресвитера Московской общины ЕХБ З. Бычкова рассказывала следующее:

«Мне запомнилось, как к нам приходили соседи из других бараков, чтобы купить детям молока. Но наша семья была большой, поэтому приходилось отказывать. Тогда мама говорила: "К сожалению, корова дает немного молока, семья большая, дети маленькие, не осталось. Пойдите к Рубцовым или к Баевым, у них семьи меньше и дети старше, может у них будет". – "Ой нет, у них молоко не то: как вода, синее, – слышалось в ответ. Они, наверное, разбавляют для продажи, а вы нет. Почему?". И тут мама, как всегда начинала говорить о вере в Бога, о Его заповедях, о том, что в Библии сказано, что "всякая неправда есть грех". Что "неверные весы – мерзость перед Господом", поэтому молоко мы не разбавляем, хотя жирность у него высокая; и напротив: "делая добро, не унываем", "Бог есть любовь" и нам заповедал любить людей и т.д. Мама не отпускала ни одного человека, чтобы не сказать ему о Христе, о вере, о вечной жизни после земной»[22].

---

[20] См. подробнее: Белякова 2012; 2013.

[21] Бойко 2007. С. 32.

[22] Бычкова 2014. С. 34-35.

Христианское поведение верующих в быту оказывало влияние как на детей, выросших в таких семьях, так и на внешнее окружение, подтверждая те ценности, о которых проповедовали верующие. Пятнадцатилетняя девочка, уверовавшая в начале 1980-х гг., стала дружить с детьми баптистского пресвитера: «*Мы были частью, т.е. вот как часть их семьи. Они о нас заботились, они пеклись о нас, и мы, практически, чуть ли не жили у них. А это вот был как бы такой объединяющий момент наш, что мы там росли. Мы там общались, мы там росли, мы были очень дружны. И вот это наверно нас сплачивало. Т.е. держались очень дружно*»[23]. Возможно, это стало одной из причин, почему при внешнем давлении девушка осталась верующей.

Примечательно, что о важности социальной защищенности членов общины, взаимоподдержки и доброжелательности говорят преимущественно женщины-респондентки, тогда как мужчины больше рассказывают о своих духовных переживаниях.

Детский опыт в значительной степени влиял на выбор веры в сознательном возрасте, однако, судя по всему, немалую роль в осознании себя в качестве иного, принципиально отличающегося от окружающих и идущего своим путем играли маркировка и отчуждение внешним окружением детей из среды верующих.

Проблема выбора между разными деноминациями

Зачастую духовные поиски приводили к проблеме выбора между двумя деноминациями, чаще всего между православием и баптизмом и пятидесятничеством. Один из упомянутых рассказчиков, происходивший из верующей семьи, рассказывал об обращении отца следующее:

«*Отец уверовал, как он рассказывает, или как рассказывают больше его друзья-родственники, он немногословный. Неподалеку, вот где мы жили, в избушке там неподалеку стали собираться сектанты такие. Он себя православным считал <…> Это после войны. Он даже носил крестик, его третировали и учителя, и одноклассники, когда он учился в школе. И здесь он тоже ревниво пошел эту секту разогнать, потому что там оказались его родные люди. Он туда пошел с такой ревностью восстановить правду православной веры. Но не получилось разогнать, и с другого раза не получилось, пришлось читать Библию, там отвечать на вопросы этих людей. А когда стал читать Библию, он стал сам христианином евангельским. После этого он крестил уже своих родителей, наших дедушку и бабушку, и после уже уверовала мама – жена его, и мы уже стали семьей христианской. Вот это уже случилось, когда он был уже женатый*»[24].

Отметим, что зачастую конструирование протестантской евангельской идентичности обязательно шло через конфликт с православной средой, включая критику духовенства за его нехристианские действия.

---

[23] Интервью Г. Гайнуллиной, Тюмень, 2.06.2010, взято В.П. Клюевой (архив В.П. Клюевой)

[24] Интервью Ю.К. Сипко. 15.04.2014.

Во многих воспоминаниях и интервью содержится нарратив о том, как непосредственный контакт с каким-нибудь православным батюшкой подорвал традиционную религиозность респондента. «В моем понимании священник был святым человеком, который служит Богу и делает людям добро. Но один случай изменил это понятие и поколебал мою детскую веру», – рассказывал баптист Антонов об алчности приходского сельского священника. Однако можно предположить, что в основе подобных сюжетов находится не только критика поведения православного духовенства, но и «самооправдание» за «отход» от православия.

Для протестантских нарративов характерен сюжет о нехристианском поведения православного священника. Суеверия, идолопоклонство, отказ от чтения Священного Писания, нелюбовь к ближним и стяжательство – типичный набор обвинений, исходящих из евангельской среды в адрес представителей православной традиции. О том же следующий рассказ:

«*На пути к приемному пункту молока находилась православная церковь. Проходя мимо нее после сдачи молока с пустыми ведрами (нас было трое из нашего барака – два мальчика и я), мы заметили молодого православного священника, идущего навстречу нам. Дорожка была узкая, грунтовая. Приблизившись к нам, священник остановился, строго посмотрел и сердитым голосом промолвил: "Куда идете?" – "Домой", – ответили мы, не понимая, в чем дело. – "Куда домой! Вы не могли пойти другой дорогой?" – молвил он. – "Мы всегда этой дорогой ходим, здесь ближе!" – ответил Толя Рубцов. – "Я сейчас покажу тебе такое, что забудешь, где твой дом. Вы что идете с пустыми ведрами навстречу! Чтоб вам было пусто, а не мне!" – рассердился молодой служитель церкви*»[25].

Кризис отношений с традиционной конфессией большинства – как правило, речь шла о православии – достаточно распространенный фактор при описании выбора евангельской веры. Разочарование в традиционной религиозности или столкновение с неэтичным поведением представителя духовенства является толчком для поиска другой, правильной веры.

Более неожиданной представляется конфликтность внутри протестантского сообщества. Распространенным основанием для конфликтов был выбор в евангельско-баптистской среде в пользу пятидесятнической веры, т.е. в пользу крещения Духом Святым и получения соответствующих даров. Проповедь пятидесятников имела успех в этой среде, поскольку подготовленные знанием Священного Писания люди часто стремились к большему – «зримому получению Духа Святого». У пятидесятников проповедь среди баптистов была привычным делом как до войны, так и в послевоенный период[26]. Согласно откровенному рассказу пятидесятника более молодого поколения, в 1938 г. в Житомирской области оказался брат Сидор, приехавший из Хмельницкой области:

---

[25] Бычкова 2014. С. 34.

[26] См. об этом главу «Женщины-пятидесятницы: духовные дары и угроза социальной изоляции» в книге: Белякова, Добсон 2015. С. 118-164.

«*Он был из церкви, имеющей дары Духа Святого, и был крещен Святым Духом. Ему было открыто Святым Духом, чтобы он поехал в нашу местность, ибо там Бог усматривал много народа для Себя (у нас были только баптисты) <...> Его судили и дали три года принудительных работ и отослали в наш район. Прибывши на место, он начал посещать общину баптистов и стал беседовать с людьми. Многие доверялись Слову жизни, и Бог начал крестить их Духом Святым. Эта волна покатилась по всему району, так что многие вышли из баптистов и начали собираться отдельно*»[27].

Пятидесятнические проповедники часто посещали молитвенные собрания. Так, верующая из Малоярославца рассказывает, как появился приезжий, недавно вышедший из заключения “брат Ваня”:

«А наш пресвитер по простоте, не зная, кто и что, сказал так: “Брат? – Брат. – Проповедуешь? – Проповедую. – Ну, скажи слово”. И когда он вышел и стал говорить, мы, особенно эта ревнительская группа, думаем: «Ну, это что-то другое, что-то уровень не наш». Сразу почувствовали, потому что он говорил в себе Духом. Хотя он говорил... Начал он с оды “Бог” Державина. Встал и начал: “О, ты пространство бесконечное!” Ну, а потом, я уже даже не помню, что он говорил. Он говорил в таком духе, что мы сразу на нем сосредоточились: “Это что-то, то, что, наверное, нам надо”. И значит, когда собрание кончилось, и он стал выходить, то мы так следом, гуськом. Там сестры старшие были, мы-то еще были молодежь. – “Брат, откуда ты? Будешь ли тут жить?” Ну и, короче, с ним познакомились. Ну, и пригласили его на эту нашу молитвенную, ревнительскую группу. И когда он пришел, то стали ему жаловаться, что вот у нас сила духовная в церкви не очень-то, нехорошая обстановка и так далее, и так далее. И он говорит: «Ну, а вы приняли Святого Духа, уверовавшие? Они говорят: “Мы не знаем”. А мы уже как бы ревнуем о Святом Духе, не зная, что это, как это. Ну, он и объяснил. И мы стали общаться, вечерами собираться. И в течение двух недель, тут, по-моему, и братья присоединились кое-кто. Не из самого руководства, регент нашего хора был тогда, и еще дьякон один, брат. И нас Бог крестил Духом 17 человек за две недели»[28].

Выбор более полной веры «духовных христиан», как называли себя пятидесятники, приводил к смене деноминации и росту конфликтности в евангельской среде. И выбор в пользу пятидесятников был постоянной угрозой для руководства евангельско-баптистского братства.

Конфликт с внешней средой

Можно предположить, что духовные поиски были характерны прежде всего для людей в сознательном возрасте. Однако дети и подростки также оказывались в ситуации поиска и выбора. И если для детей из нерелигиозных семей выбор был, прежде всего, мировоззренческий: между верой и неверием (атеизмом), то детям верующих приходилось выбирать, скорее, образ жизни. В обоих случаях духовные поиски актуа-

[27] Гула А. Иди за мной. С. 23.

[28] Интервью О.А. Мурашкиной. Малоярославец, 15.10. 2014, взято Н.А. Беляковой. AHRC AH/1025883/1/37.

лизировали конфликт с внешней средой и заставляли делать выбор. Для молодежи с «атеистическим прошлым» такой средой становилось почти все окружение, в том числе семья. Так, молодая баптистка вспоминает о том, как отреагировали ее родственники на ее приход в общину:

«*Дело в том, что я ходила нерегулярно почему, потому что я боялась своего отца. Отец у меня был, ну, достаточно жесткий человек. <…> И я знала его отношение, очень, ну, не совсем терпимое к вот, подобным вещам. И поэтому я боялась, что он неправильно отреагирует. Ну, и в общем-то впоследствии это и произошло… <…> И когда отец уже узнал, то конечно это была очень такая бурная реакция и вплоть до того, что он сказал: "Я наложу руки на себя и на тебя, но ты этого делать не будешь". <…> Маме было все равно, потому что мама у меня была в алкогольной зависимости. И она практически не вникала в мою жизнь. А я была последним ребенком в семье, последняя дочь… пятая, вторая после трех братьев. И меня папа очень сильно любил, очень сильно мной дорожил, поэтому такая реакция его была в общем-то понятна*»[29].

Казалось бы, потомственным верующим было легче – они могли получить поддержку внутри семьи, в которой, как мы видим по предыдущей цитате, отказывали другим детям. Но выбирать между семьей (приватным пространством) и идеологической системой (публичным пространством) было не менее тяжело. Описания травм, нанесенных в детстве в учебных заведениях, весьма красноречивы и содержат множество мелких деталей, запечатленных детским сознанием. Рассказчики принадлежали к разным поколениям, жили в разных регионах Советского союза, но фатальность "выбора" передавали очень живо.

Верующий из Сибири рассказывал о безальтеративности "выбора" и жестоком искушении, которому он подвергся в школе в конце 1960-х гг.:

«Это было, знаете, типа праздничного собрания. Первоклассникам на октябрьский праздник 7 ноября делали вечер, надевали на них звездочки и чай с пирожными давали. Деньги сдавали, все это готовили. Я не сдавал, я сказал: "Не буду, ребята, вступать". Ну, а когда наступил этот момент, учительница мне попыталась звездочку надеть. Я говорю: "Я не сдавал деньги, я не буду". Ну ладно, она отстала, а потом я говорю: "Я пойду. – Нет! Все должны быть, весь класс". Потому что учителей же тоже ведь за это гоняли. Это была жестокая система. И вот она усадила всех за стол: и пироженки, и чай. И меня сажает. Я говорю: "Я не сдавал, я не могу. – Садись, чего ты тут это…". Не устоял я, съел эту пироженку, этот чай, эту пироженку – этот кусочек торта. Это сегодня мы говорим: "Да бросьте, от них толстеют", или еще что-то, а тогда это было очень редкое такое ядство. И я съел... И вот когда закончилось это все, звездочку мне надели. Я говорю: "Я же, я же… не сдавал, я не буду. – Как? Ты пироженку съел, а звездочку не будет одевать?!" И все, вот тут у меня вся аргументация исчезла, и я пошел со звездочкой»[30].

---

[29] Интервью Г. Гайнуллиной, Тюмень, 2.06.2010 (архив В.П. Клюевой).

[30] Интервью Ю.К. Сипко.

Этому рассказчику в пионеры вступать не пришлось, в школе поняли, по его словам, безнадежность давления. А его ровесник из Черновцов столкнулся с необходимостью выбора перед вступлением в пионеры:

«И: Проблема та, что в школе я не вступал в пионеры, и наша семья – никто – я старший, так никто.

В.: Это родители решили?

И.: В принципе родители сказали так, вот интересно было, – мудрая мама была. То был второй класс и учительница, такой авторитет для меня: "на октябрьские будем готовиться к поступлению в пионеры". Каждому раздала присягу выучить, – ну, какая-то памятка была, памятка пионера, т.е. какой пионер должен быть, и там памятки хорошие – должен быть вежливым, уступать места, все. Ну, я принес с таким воодушевлением, ну <мама> говорит: «Ну что, Витя, и в Библии так написано, что быть вежливым и уступать, и в Евангелие. Но дело в том, что в этой присяге пионера там был пункт... пионерия, вот, за дело партии, должны и пионеры бороться с религиозными предрассудками…

В: Это было прямо прописано?

И: Это было в присяге, да, присяга пионера. – "А как вот, мы же вот верим...", а я даже не знал, что мы тоже религиозные. Я знал, что Бог есть, а что я религиозный?... Вот говорит: "А как ты будешь бороться против нас, родителей?" Ого, не туда попали. "Смотри, если так, то дорога будет тебе в мир, но без Бога, а если с Богом хочешь быть, то надо отказаться, это будет нелегко". И не то, чтобы заставляли, это я искренне говорю, а так поговорила, и мне запало в душу. Я пришел, отдал учительнице назад текст, говорю: "Я не буду. – Почему? – Верующий… – Ну, ты шо, тут все верующие, все на Пасху в церковь идут". Ну, сначала вызвали в учительскую, директор узнал, но это было именно, как я сейчас понимаю, для детской психики, для детского сердца это непростой вопрос. Сейчас легче встать перед тысячной аудиторией, сказать, что я верующий, чем тогда перед своими сверстниками. И линейка выстраивается, каждый понедельник линейка, все в галстуках, Андрей Семенович выступает: "Так, дети, у нас вся пионерская организация…", ну, там же подъем флага, горн. Но сама разработка была очень, я бы сказал, идеологически продуманная, потому что подъем флага это что-то дает такое, по мне, такое торжество, красные галстуки, горн заиграл, тут отличники выходят. "Ну, у нас есть тоже, неплохо учится, но сектант, понимаете, не пионер, работает на шпионскую организацию империалистов", и тут так тяжело, стоишь…»[31].

Этот рассказ о восприятии семей евангельских верующих в советской школе (что в значительной мере переносилось на их детей) в период Холодной войны как врагов и американских шпионов не является уникальным, это достаточно стандартный нарратив.

Следующим пунктом испытания был комсомол[32] и учеба в вузе. Одна из рассказчиц, вдова авторитетного руководителя в Совете церк-

---

[31] Интервью В.В. Иванова. Черновцы. 25.03.2012, взято Н.А. Беляковой. AHRC R/128120/7.

[32] См. подробнее: Клюева 2013; 2014.

вей, член Совета родственников узников ЕХБ, была из верующей семьи. Она смогла поступить (что в целом не характерно для детей из верующих семей) на учебу в Медицинский институт в Кишиневе. Приводимый отрывок показывает не только ситуацию выбора между религиозными убеждениями и идеологическими структурами, но и всю многогранность, многомерность человеческих отношений в советском обществе:

"На четвертом курсе института, конечно, сильно стали давить – нас было шесть человек – дети верующих родителей. Дружба у нас была очень, казалось, связанная, все вместе мы ходили в собрание, все, регулярно, там были группы в воскресенье всегда. Но никто из нас не комсомолец, стали давить с комсомолом. Двух студентов, которые были старше нас на курс, исключили из института из нашей группы, уже на нас давили на остальных. Все вступили в комсомол, кроме меня. Я уже так, и так, и так боролась... И когда с комсомолом в конце четвертого курса стали давить, все вступили в комсомол, я осталась одна. И уже вот так, вот в борьбе, что меня тоже исключат; жалко было так – я любила учиться, но тем более при таких условиях, что нужно было ночью работать, чтобы себя содержать. Ну и так, как я была в такой борьбе, они решили устроить большое собрание, курсовое собрание, в присутствии всех преподавателей и профессоров наших, чтобы рассказать нам значение комсомола и партии на этом собрании, а потом рассудить обо мне и принять ко мне меры. Ну и так было. Вечером перед этим ко мне приехал мой папа в Кишинев. Он очень редко приезжал тогда. – "Знаешь что, мама несколько дней просто не имеет покоя, что-то все о тебе думает и с какой-то тревогой. Что у тебя? Или ты болеешь, или у тебя какие-то обстоятельства?" Так Бог передавал все чувства матери. И я тогда рассказала, что вот завтра у меня такое собрание будет, не знаю, что решат, как решат. "Ну, понятно, – говорит, – я вижу, что ты в тревоге". Почитал мне некоторые места из Священного Писания, если вы отречетесь от меня, я отрекусь перед Отцом моим небесным. Укрепил меня... Я говорю, я никогда от Бога не отвлекусь, но может, мне написать это заявление, чтобы они от меня отстали, чтоб я могла продолжить <учиться>. Он говорит: "Знаешь, отдашь немножко руку, оттяпают полностью, это вопрос политический. Мы мало об этом знаем, знаем, что комсомол все-таки – это предвестник партии. Дальше тебе надо будет в партию вступить". Мне дали читать этот устав комсомольца. Там был такой параграф, что каждый комсомолец должен вести активную работу с религиозными предрассудками. Я на этом остановилась: я с моими родителями должна вести активную работу? ой-ой-ой, как я буду выглядеть перед Богом, перед родителями? Думаю, нет-нет-нет. Это меня оттолкнуло от этой мысли.

Ну состоялось это собрание, короче. Нас на курсе было триста человек. Один факультет лечебный всего был. Профессуры много, приехали из горкома партии. И человек рассказывал много: достижения партии, какие достижения у нас сейчас, что ни один важный вопрос в мире без нашей партии не решается, в общем, и так далее. Ну оно так и было, конечно, тогда. Ну и много он говорил-говорил, а потом говорит: "Старшее поколение умирает, и молодое должно занять места и тоже продолжать, ну,

работу партии. А для этого нужны комсомольцы сначала, без комсомола не можешь в партии быть". Ну и как будто все поняли, что он сказал важное. А потом говорит: "Вот у вас есть один человек во всяком случае, который не хочет вступить в комсомол, пусть сегодня скажет, почему, а мы должны рассудить, принять решение". Вызвали меня вперед, одна мысль только была у меня: сейчас мой папа за меня молится, папа мой за меня молится, – и как-то на сердце спокойно вот так. Первый раз поднялась я на этот подмосток, за кафедру, где профессора нам читали лекции, ну и они вопрос: "Почему не хочешь вступить в комсомол? Вот, расскажи нам всем". Я говорю: "потому что это добровольное дело, я читала устав, там написано – это добровольное дело. Если добровольное, значит, когда человек хочет, тогда вступает. Если нет..." Опять... этот вопрос, что задали, я то же самое отвечаю. Ну и так недолго. "Ну что, товарищи, выскажитесь сейчас, вас слушают". И встал один молодой человек, мы вместе учились в училище с ним, только он был в русской группе, а я в молдавской. Он встал, активный такой, даже бывший комсорг, и говорит: "Я присутствую первый раз на таком собрании. Я ее знаю 7 лет, 3 года в училище и 4 года в институте, я сейчас одно только думаю: неужели у нас не комсомольцы не имеют права учиться?! Почему мы ее так выставляем сегодня, когда она никогда плохих оценок не получает, всегда посещает регулярно уроки...И мы ее разбираем потому, что она не комсомолка. А те, которые двойки получают на экзаменах, о них никогда не говорим. Ходят за профессорами, пока сдадут там кое-как экзамен ..." Ну, сел. Другая встала, тоже дочка верующих родителей, но она вступила в комсомол на втором курсе, она уже стала такой. И тоже, мы учились вместе в училище даже в одной группе, и она говорит: "Я тоже ее знаю 7 лет, меня удивляет, что мы сегодня разбираем ее, потому что она не комсомолка, как так может быть?!"

<Ведущий тогда говорит> "Все, товарищи, собрание наше закончено, я приеду к вам еще раз, думаю, вы поймете, разъясню вам. И ваши товарищи старшие здесь разъяснят, вы поймете важность этого вопроса". И так он больше не приехал, не пришел к нам и, Слава Богу, меня больше никто не трогал, и я продолжала учебу. Я домой, можно сказать, не бежала, но как бы прыгать хотелось скорей, – там папа мой молится, он ждет, когда я приду. Пришла. Папа видит, что я так бодренькая, веселая: "Ну как, что там?" Я ему: "Папа, такую помощь Бог оказал". Я ему рассказала вот так и так. Он говорит: "Да поможет тебе утвердиться в истине Божьей, и быть твердой дальше, Бог поведет тебя дальше своей рукой. Ты увидела Его руку? Увидела Его руку. Так что крепись".

А уже от меня друзья все отказались, на собрание никто не ходил, все вступили в комсомол, а им потом, – как мне папа и говорил, что может быть такое, – им дали листочек с записью о том, что вот они были раньше темного взгляда, не понимали, что это значит, этот путь, к чему ведет, когда они ходили в собрание, верующими были, считались, а сейчас у них духовное прозрение, узнали правильный путь, и вот отступили. В общем, заставили говорить это по радио. Фамилии их сказали и все такое, а когда наши некоторые услышали: видишь, к чему это приводит? дай только заяв-

ление, – не оставят они только заявление, а вот так: говори по радио против Бога, еще куда-то. Некоторые даже в кинокамеры говорили, какое-то собрание организовали там в селе и велели тоже там рассказать, как они перестали быть верующими»[33].

Этот нарратив примечателен несколькими моментами: во-первых, он показывает важность стойкости в вере и социальных последствий этого выбора. Мы видим здесь и образ “отступников”, сделавших неправильный выбор. И хотя с человеческой точки зрения поддержка с их стороны своей прошлой “сестры по вере” представляется актом гражданского мужества, рассказчица выносит окончательный приговор отступившим, сообщив, что она, сделав свой выбор, оказалась с ними по разные стороны баррикад, тем самым закрепив свой конфликт с внешним окружением. А пошедшие на компромисс вынуждены были продолжить свое отступничество, сделав его достоянием атеистической пропаганды.

Верующий как объект Божественного воздействия

Выше были рассмотрены ситуации, когда человек выступал актором в процессе духовных поисков, однако в рассказах присутствует и описание внешнего воздействия на верующего. Согласно нарративам, обретение веры могло происходить не только благодаря духовным поискам, но и вопреки им. Получение веры описывается и через изменение внутреннего состояния в силу внешнего воздействия, которому рассказчик может долго сопротивляться. Под внешним воздействием может пониматься как проповедническая или миссионерская работа других верующих, так и Божественное вмешательство, что особо характерно для пятидесятнических интервью. Нарративные сюжеты о работе проповедников для советских верующих большая редкость. Они подменяются рассказами о праведной жизни тех, кто привел их в общину и к Богу. Тогда как сюжет о том, как Бог менял человека, является обязательным для большинства нарративов. Наиболее яркой иллюстрацией может служить рассказ одного пятидесятника, который в духе библейской борьбы Иакова с Богом рассказывал о своем крещении Духом Святым против его желания. Случайно забредя на молитвенное собрание, он пережил кардинальное изменение своего состояния:

«Я стою такой, так вот стою, смотрю по сторонам, вообще… И в этот момент, когда я стою, меня бьет электрическая молния, ну, разряд… Это ощущение. Сила проходит по всему телу, и я впадаю в транс. И я встречаюсь… Я сразу хочу сказать, потому что я много встречал, которые заявляют, что они видели Иисуса. Вот у меня было другое переживание – я четко знал, что меня коснулся не Иисус. Меня коснулся Дух Святой. Я четко знал. Это было осознание такой вот реальности, никого я не видел, ничего я не видел, я сразу скажу… но это настолько четко... мгновения

[33] Интервью В.Г. Хоревой. Москва, 15.02.2013, взято Н.А. Беляковой. AHRC R/128120/1.

какие-то, и я осознал, осознание такое… <…> Это сила прошла, я вошел в транс. То есть я сейчас объясню, как это все произошло. И я, как бы… И у меня вдруг начинают происходит такие вещи. Первое, что произошло, у меня осознание греховности. Вот я настолько… Не то, что мне, там, рассказали, а я… Когда вот это произошло со мной, сила, да… То есть прикосновение Божьей силы, святость, я почувствовал. И я настолько почувствовал себя греховным, я даже не знаю, как передать, разницу между святостью и грехом. У меня было… сила святости, у меня было такое чувство, что я сейчас разлечусь на мельчайшие частички. Вот у меня ощущение было, что из-за своей греховности, из-за того, что Бог меня коснулся, я обращусь просто в летящие частички, и у меня… сошел страх… но не страх Бога. То есть, это не то, что я испугался, вот какой-то страх сошел, я даже не могу его передать, потому что я до этого не переживал, и никогда этого не переживал. Дух Святой начал мне говорить: не бойся… И то, что я потом слышал, Бог тебя любит, есть прощение, всё… То есть те вещи, которые мы проповедуем обычно, такую проповедь Евангелия прощения, то есть я это все услышал. То есть это было сказано, и у меня такое пришло умиротворение, всё… Я не знаю, сколько все это длилось, но я стоял… Самое интересное, что я стоял с открытыми глазами. И вдруг я почувствовал, что меня кто-то трясет за руку. Когда я вернулся в нормальное состояние, зал был пустой. Я даже не видел, как они вышли, зал был пустой. Никого не было, стоял только один парень, и говорил: «Брат, ты что? Давай выходи, потому что мы закрываем». И у меня сразу… У меня не было сомнения, что это Бог. У меня не было доверия к Богу. Я подумал, что… У меня мысль такая сразу: Бог хитрит. У меня было такое предположение, что Бог хитрит – он хочет меня жестоко наказать, и он разыграл какую-то игру, и он хочет со мной сыграть в какую-то игру, чтобы отомстить мне за все, что я говорил против него и всё-всё… И я, такой, думаю: нужно бежать отсюда. И я такой – раз! Пока я вышел из зала, я два раза еще вошел в транс, у меня снова всё <…> И я пришел в гостиницу (я сейчас это уже понимаю, как это все обозначается), я лежал один в номере. И на меня сошел Дух Святой, и… тоже не знаю, как обозначить, трое суток я не мог подняться с кровати. Трое суток. Я эту историю очень редко рассказываю. Трое суток я там лежал. Единственное, что я поднимался – сходить в туалет и попить воды. И снова падал. И не мог подняться. То есть такое прижимание, и у меня был такой диалог с Богом. Я не мог довериться Богу, я не мог…»[34].

В момент общения с Духом Святым люди получали мощное физическое и психоэмоциональное воздействие, его иногда можно было наблюдать физически. Одна верующая рассказывала:

«*…однажды она <бабушка – авт.> лежала, тоже очень сильно молилась. И Господь открыл ей Небо, но это она уже лежала в постели. Она ходила сама там по своим нуждам по необходимым, но больше уже лежала. И она, лежа, молилась, все время разговаривала с Господом. И она уви-*

[34] Интервью В. Витюка. июль 2011, Нижневартовск, ХМАО-Югра, взято В.П. Клюевой (архив В.П. Клюевой)

дела, как открылось Небо, сильный свет сошел в комнату. Она позвала мою маму, говорит: "Люба, иди скорее сюда!" Мама пришла. – "Ты видишь, Небо открылось?!" Мама говорит: "Нет, я не вижу". Ну, она поняла, что мама не видит. И мама только спрашивает: "И что?" Она говорит: "Иисус смотрит на меня, Он сказал, что мне уже дни сочтены, Он меня возьмет". И она говорит: "Что ты еще видишь? – Я вижу, все дети ожидают меня". У нее было много очень детей, больше десяти. И она говорит, так сильно радость ее посетилаl – она стала молиться сильно духом. И вот ее стало поднимать на кровати. Мама говорит: "Я настолько смутилась. Я думала – пришествие Господне. Я стою, а ее подымает. Вот просто где-то полметра над кроватью ее подняло. От такой силы и радости". И вот после этого ее Господь забрал»[35].

Выбор религиозной деноминации в процессе духовного поиска становится ключевым моментом в ходе становления нового типа индивидуальной, личной религиозности. Особенно остро и ярко момент выбора веры описывается у верующих первого поколения. Однако и для "потомственных" верующих ситуация приобретала особую остроту и социальную окрашенность в силу активности агрессивно и враждебно настроенных государственно-идеологических институтов[36], ставивших детей в необходимость выбора. Завершение процесса духовных поисков для ранее неверующей молодежи, произошедший в условиях атеистического окружения, означал перелом в жизни человека и смену среды. В нарративах респондентов просматриваются и гендерные особенности повествования: если для мужчин ключевое место занимает знакомство с Библией или мистическое общение с Духом Святым, то для женщин крайне важна социальная жизнь общин, доброжелательность и отзывчивость верующих. При описании своего духовного поиска рассказчик мог выступать не только как рациональный субъект процесса, но и как объект мощного божественного воздействия, когда активная роль принадлежала Духу, а не человеку. Выбор евангельской веры приводил часто к конфликту с традиционной религией большинства, однако не всегда означал прекращения духовных поисков, и внутри евангельской среды существовала перманентная конфликтность из-за выбора частью членов более "духовной" веры пятидесятников.

Список интервью

Гайнуллина Г., баптистка, Тюмень
Витюк В., пятидесятник, Нижневартовск
Иванов В.В. баптист, Черновцы
Мочалкин П.Н., баптист, Тюмень
Хорева В.Г., баптистка, Москва
Кох А., пятидесятник, Петропавловск
Сипко Ю. К., баптист, Москва

---

[35] Интервью Т. Кубаты. Малоярославец, 15.10. 2014 г.? взято Н.А. Беляковой. AHRC AH/1025883/1/36.

[36] См. об этом: Белякова 2011.

Числина Е.П., баптистка, Тамбов.
Мурашкина О.А., пятидесятница, Малоярославец
Кубата Т.В., пятидесятница, Малоярославец

БИБЛИОГРАФИЯ

Антонов И.А. Мое счастье в Боге, автобиографическая повесть. Изд-во «Христианин» МСЦ ЕХБ, 2010.

Белякова Н.А., Добсон М. Женщины в евангельских общинах послевоенного СССР. 1940-1980-е гг. Исследование и источники. М.: Индрик, 2015.

Белякова Н.А. «Здоров психически, религиозного фанатизма не проявляет». Участие государства в формировании кадрового состава «служителей культа» христианских конфессий в СССР в 1970-80-е гг. // Традиция подготовки служителей в братстве евангельских христиан-баптистов. История и перспективы. М.: РС ЕХБ, 2013. С. 200-215.

Белякова Н.А. Коллективные практики типичной общины евангельских христиан-баптистов в позднем СССР // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. 2012. № 3-4 (30).С. 283-294.

Белякова Н.А. Способи державного регулювання діятельності евангельського співтовариства в пізньому СРСР // Українське релігієзнавство. №58. Вітчизняний евангельський протестантизм: історія, досвід, проблеми. К.: 2011. С. 148-161.

Бойко Н.Е. Верю в бессмертие. Автобиографический очерк. Изд-во "Христианин" МСЦ ЕХБ, 2007.

Бондаренко В.Д., Косянчук А.С., Борунков Ю.Ф. Структура религиозного сознания. М.: Мысль, 1971.

Бондаренко В.Д., Косянчук А.С., Фомиченко В.В. Религиозная община в современном обществе. Киев: Политиздат Украины, 1988.

Бычкова З.В. Мои воспоминания. Жизнь и вера. М., 2014.

Гула А. Иди за мной. Краснодар: Советская Кубань, 2005.

Клюева В.П. Верующие советского времени: частные воспоминания и конструирование официальной истории // Историческая этнография. Вып. 5. СПб: Изд-во СПбГУ, 2014. С. 234-238.

Клюева В.П. Религия в последнее советское десятилетие: воспоминания тюменских христиан о 1980-х годах // Вестник антропологии, археологии и этнографии. 2013. № 3. С. 175-181.

Левада Ю. Социальная природа религии, М.: Наука, 1965

Писманник М.Г. Индивидуальная религиозность и ее преодоление. М.: Мысль, 1984.

Подвиг веры. Уникальные свидетельства о жизни христиан в СССР / Сост. и ред. К. Прохоров. Омск, 2010.

Поплавский Р.О., Клюева В.П. «Как только я переродился...» Конверсия и рассказы о ней в пятидесятнической традиции: структура и функции // Международный журнал исследований культуры. 2013. №1. С. 35-41.

Dobson M. The Social Scientist Meets the “Believer”: Discussions of God, the Afterlife, and Communism in the Mid-1960s// Slavic Review, 74. 2015. № 1. URL: http://www.jstor.org/stable/10.5612/slavicreview.74.1.79?seq=1#page_scan_tab_contents

REFERENCES

Antonov I.A. Moe schast'e v Boge, avtobiograficheskaja povest'. Izd-vo "Hristianin" MSC EHB, 2010.

Beljakova N.A., Dobson M. Zhenshhiny v evangel'skih obshhinah poslevoennogo SSSR. 1940-1980-e gg. Issledovanie i istochniki. M.: Indrik, 2015.

Beljakova N.A. «Zdorov psihicheski, religioznogo fanatizma ne projavljaet». Uchastie gosudarstva v formirovanii kadrovogo sostava «sluzhitelej kul'ta» hristianskih kon-

fessij v SSSR v 1970-80-e gg. // Tradicija podgotovki sluzhitelej v bratstve evangel'skih hristian-baptistov. Istorija i perspektivy. M.: RS EHB, 2013. S. 200-215.
Beljakova N.A. Kollektivnye praktiki tipichnoj obshhiny evangel'skih hristian-baptistov v pozdnem SSSR // Gosudarstvo, religija i cerkov' v Rossii i za rubezhom. 2012. № 3-4 (30). S. 283-294.
Beljakova N.A. Sposobi derzhavnogo reguljuvannja dijatel'nosti evangel's'kogo spivtovaristva v pizn'omu SRSR // Ukraïn'ske religieznavstvo. №58. Vitchiznjanij evangel's'kij protestantizm: istorija, dosvid, problemi. Zb. naukovih st. K.: 2011. S. 148-161.
Bojko N.E. Verju v bessmertie. Avtobiograficheskij ocherk. Izd-vo "Hristianin" MSC EHB, 2007.
Bondarenko V.D., Kosjanchuk A.S., Borunkov Ju.F. Struktura religioznogo soznanija. M.: Mysl', 1971.
Bondarenko V.D., Kosjanchuk A.S., Fomichenko V.V. Religioznaja obshhina v sovremennom obshhestve. Kiev: Politizdat Ukrainy, 1988.
Bychkova Z.V. Moi vospominanija. Zhizn' i vera. M., 2014.
Dobson M. The Social Scientist Meets the “Believer”: Discussions of God, the Afterlife, and Communism in the Mid-1960s // Slavic Review, 74. 2015. № 1.
Gula A. Idi za mnoj. Krasnodar: Sovetskaja Kuban', 2005.
Kljueva V.P. Verujushhie sovetskogo vremeni: chastnye vospominanija i konstruirovanie oficial'noj istorii // Istoricheskaja jetnografija. Vyp. 5. SPb: SPbGU, 2014. S. 234-238.
Kljueva V.P. Religija v poslednee sovetskoe desjatiletie: vospominanija tjumenskih hristian o 1980-h godah // Vestnik antropologii, arheologii i jetnografii. 2013. № 3. S. 175-181.
Levada Ju. Social'naja priroda religii, M.: Nauka, 1965
Pismannik M.G. Individual'naja religioznost' i ee preodolenie. M.: Mysl', 1984;
Podvig very. Unikal'nye svidetel'stva o zhizni hristian v SSSR / K. Prohorov. Omsk, 2010.
Poplavskij R.O., Kljueva V.P. «Kak tol'ko ja pererodilsja...» Konversija i rasskazy o nej v pjatidesjatnicheskoj tradicii: struktura i funkcii // Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury. 2013. №1. S. 35-41.

Белякова Надежда Алексеевна, *кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра истории религии и Церкви Института всеобщей истории РАН, доцент Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», beliacova@mail.ru*

Клюева Вера Павловна, *кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН, доцент Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ» (Москва), vormpk@gmail.com*

The phenomenon of suicide in the identification of collective mentality

This paper describes spiritual searches of evangelical Christians in the USSR. The sources for analysis are published memoirs and biographical interviews of Soviet believers. For the spiritual searches the next moments are important: extraordinary life circumstances; identity crisis; personal acquaintance with the believers; the problem of choice between different denominations; the conflict with outside environment; feeling of Divine influence.

Keywords: spiritual search, religious community, Protestants, Evangelical Christians-Baptists, Pentecostals

Nadezhda Beliacova, *PhD in History, Researcher at the Centre of Religion and Church History of Institute of Universal History, Russian Academy of Sciences; Associate Professor, National Research Nuclear University MEPhI; beliacova@mail.ru*

Vera Kliueva, *PhD in History, Senior researcher, Institute for Problems of the Development of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor, National Research Nuclear University MEPhI, vormpk@gmail.com*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

А. М. Филипчук

ВИЗАНТИЙСКИЕ ПОДХОДЫ XI ВЕКА К ПРОБЛЕМЕ ПЛЕННЫХ: ОСЛЕПЛЕНИЕ И УБИЙСТВО

В статье исследуются особенности византийских подходов к проблеме пленных. В центре внимания – тексты византийских историков Иоанна Скилицы и Анны Комнин. Автор приходит к выводу, что выбор ослепления как формы наказания для пленных вызван осмыслением войны с христианами как «гражданской войны».

Ключевые слова*: *пленные, император Василий II, Анна Комнина, Алексий Комнин, болгары, печенеги.

Дж. Хэррин в своем эссе об ослеплении в Византии, указала на процедуру правовой регламентации наказания и привела несколько примеров применения подобной его формы в западноевропейском средневековье[1]. Каким образом наказание для бунтовщиков, которые принимали участие в восстаниях против императора, стало наказанием для пленных? Несмотря на частые сообщения средневековых авторов об убийстве пленных, насилии и терроре, их репрезентации в церемониале в Византии, о лишении зрения пленных известно очень мало[2], причем настолько мало, что можно представленные ниже случаи интерпретировать как казус. Такой осторожный подход здесь был бы вполне уместен, так как наши источники отнюдь не позволяют сделать однозначные выводы. Более того, эти источники отстоят от описываемых в них событий больше чем на полвека.

Посмотрим на первую историю ослепления пленных византийской армией в начале XI в. 29 июня 1014 г. императору Василию II удалось победить силы царя болгар Самуила в битве при Клеидоне[3]. Наиболее полное описание битвы представлено в труде византийского историка Иоанна Скилицы. Время написания его труда все еще остается предметом дискуссии в литературе, но важно то, что каким бы временем его не

---

[1] *Herrin* 2000. P. 60-65.

[2] Литература по проблеме пленных в Византии немногочисленная: *Patoura* 1994; *Simeonova* 1998. P. 75-104; *Kolias* 1995. P. 129-135.

[3] Эту битву также часто называют в литературе битвой под Веласицей; локализации битвы и путь императора Василия II до Клеидона см. *Златарский*. 2007 (1927). С. 732-742; тактика Василия II и разгром болгар: *Хэлдон* 2007. С. 387; последствия битвы для болгар см. *Holmes* 2005. P. 487-502; *Stephenson* 2002. P. 62-77.

датировать (1070-е гг., около 1090 г. или еще позже, 1100–1018[4]), это описание битвы и ее последствий сделано не очевидцем событий. Автором, естественно, пользовался некими источниками для написания части своего текста о правлении императора Василия II[5], среди которых вполне возможно были устные истории, и одна из таких легенд относилась к битве под Клеидоном.

Приведем здесь только ту часть пассажа Скилицы, где рассказывается о событиях уже после битвы. Скилица писал, «много болгар было убито и намного больше попало в плен (ἔπεσον οὖν πολλοί, καὶ πολλῷ πλείους ἑάλωσαν)… Император ослепил пленных болгар, как они говорили около пятнадцати тысяч, он приказал на каждую сотню (пленных) приставить воина с одним глазом, чтобы отправить их к Самуилу (ὁ δὲ βασιλεὺς τοὺς ἑαλωκότας τῶν Βουλγάρων ἀμφὶ τὰς πεντεκαίδεκα, ὥς φασιν, ὄντας χιλιάδας ἀπετύφλωσε, καὶ ἑκάστην ἑκατοντάδα πεπηρωμένων ὑφ΄ ἑνὸς μονοφθάλμου ὁδηγεῖσθαι κελεύσας ἐς τὸν Σαμουὴλ ἀποπέμπει)»[6]. Скилица не склонен в своем тексте к излишнему драматизму, но в пассаже о последствиях битвы он отступает от своего метода и представляет читателю волнующую сцену: пленные-слепцы приходят к царю Самуилу, который не может пережить увиденное[7]. Огромное число пленных болгар нужно ему для достижения риторического эффекта. Это описание напоминает другую историю – о том, как царь болгар Петр не пережил поражения от князя русов Святослава и скончался от сердечного приступа[8].

Поражение Самуила под Клеидоном упоминает также в своем труде Кекавмен, указав на то, что император Василий захватил в плен

---

[4] В. Зайбт датирует начало работы Скилицы над своим трудом 1070-ми гг.: *Seibt* 1976. P. 81-86. К. Холмс в своих последних работах отодвигает его на более позднее время, «около 1090 г». Также важны наблюдения Холмс о методах работы Скилицы над своими источниками. См. *Holmes* 2005. P. 66-120.

[5] Скилица упоминает во вступлении к своему труду имя одного историка, Феодора из Севастии, который написал историю правления императора Василия II (*Darrouzès* 1984. P. 147-214, 181, 204-64; *de Boor* 1904. P. 356-369), но только один раз прямо ссылается на «Севатийца» (*Scyl*. 313.45-47) и этот фрагмент содержится только в двух рукописях труда Скилицы. Н. Панайотакес предположил, что фрагменты труда Феодора дошли к нам в составе Чудес св. Евгения Трапезундского, составленных Иоанном Лазаропулосом в XIV в. Сопоставляя тексты Скилицы, Зонары и Чудес, он приходит к выводу, что вполне можно реконструировать 21 фрагмент труда Феодора (*Panagiotakes* 1996. P. 341-357). Метод Панайотакеса вызвал критику со стороны К. Холмс (*Holmes* 2005. P. 96-100.). Источники Скилицы для правления Василия II, как, впрочем, и для периода от 1025 до 1057 г., остаются неизвестными.

[6] *Scyl*. 349.

[7] *Scyl*. 349. Останавливаясь подробно на обстоятельствах смерти Самуила, Скилица говорит о сердечном приступе. Хотя в нескольких рукописях труда Скилицы читаем слово καρδιωγμῷ, что можно перевести как «разрыв сердца».

[8] *Leonis Diaconi*. P. 78.

14 тысяч болгар, хотя ими предводительствовал опытнейший в стратегии Самуил[9], но ничего не пишет об ослеплении пленных. Поскольку Скилица упоминает 15 тыс., а Кекавмен – 14 тыс. пленных болгар, то можно предположить, что в конце XI в. сложилось представление об огромном числе пленных, взятых византийской армией в битве под Клеидоном. По словам Скилицы, ослепление пленных после битвы не являлось чем-то особенным. Немного позже, император Василий II «ослепил всех болгар, взятых в плен» в Пелагонии[10]. Можно ли верить словам византийского историка?

К. Холмс предлагает относиться к сообщению Скилицы скептически. Трудно представить, по ее мнению, что Василий II приказал ослепить пленных болгар[11]. Холмс справедливо указывает на то, что такие действия мало вписываются в политику Василия относительно пленных. Хорошо известно, что византийская армия старалась взять побольше пленных, чтобы продать их как рабов[12]. Подробные сообщения арабских авторов не дают повода в этом сомневаться[13]. Также удивительным выглядит то, что много пленных болгар в 1015 г. было отправлено Василием II, по словам Скилицы, в восточные фемы[14]. Их использование в византийской армии подтверждается и другими источниками. Похоже, их было немало. Все это существенно снижает возможность того, что Василий II ослепил многих болгар.

Как и другие византийские истории, Скилица иногда приводит совершенно неточные и даже фантастические данные о численности врагов[15]. В нашем случае у Скилицы имеется значительное преувеличение сил болгар. В тексте идет речь об обороне болгар от византийской армии, осуществляемой силами практически гарнизона. Вряд ли эти силы измерялись таким большим числом воинов, как представлено у Скилицы и Кекавмена[16]. Захваченных в плен болгар, император вполне мог отправить в восточные фемы, а остальных предать ослеплению? Скилица использует глагол «они говорят» (φασι(ν)), что в некоторых случаях указывает на устные источники его информации или свидетельствует об использовании им популярной истории болгарского похода Василия, где было преувеличено количество пленных, а их ослепление находи-

---

[9] *Кекавмен*. С. 169.

[10] *Scyl*. 353.

[11] *Holmes*. 2012. P. 84, 90.

[12] *McGeer*. 1995. P. 367-368.

[13] *Patoura*. 1994. P. 97-111.

[14] *Scyl*. 352.

[15] Приведем один из таких примеров у Скилицы – 100 тыс. русов, якобы отправившихся на Константинополь в 1043 г. (*Scyl*. 430).

[16] *Stephenson*. 2003. P. 26.

лось в центре всего рассказа о жестокости императора. Актуальность подобных рассказов возросла в конце XII в. Тогда образ Василия II претерпел изменения[17], в связи с чем и возник новый эпитет «Болгаробойца» (Βουλγαρκτόνος), прочно закрепившейся в византийской литературе. Возвращаясь к ослеплению болгар, зададимся вопросом, почему император не решил продать их в рабство или подарить своим союзникам? Как следует понимать решение императора их ослепить, и можно ли найти ему объяснение только со слов Скилицы?

Попробуем ответить на вопросы, после того как проанализируем вторую историю с ослеплением уже пленных русов в Византии. После похода русов на Константинополь в 1043 г. в руках византийцев оставалось большое число пленных русов[18]. Их дальнейшая судьба не представляла интереса для византийских историков. Иоанн Скилица оставил подробное описание сражений русов с византийцами и сообщил о 800 пленных воинов[19]. Оставленные на произвол судьбы, они сделались легкой добычей византийской армии и в скором времени были привезены в Константинополь. Далее об их пребывании в Византии сообщает только автор *Повести временных лет* (далее, *ПВЛ*). В летописи читаем о последующем ослеплении пленных русов: «Прочии же вои Володимери ввержени быша на брегъ, числом 6000, и хотяше поити в Русь, и [не] идяше с ними [никтоже] от дружины княжее. И рече Вышата: «Азъ поиду с ними». И высѣде ис корабля с ними и: «Аще живъ буду с нимъ, аще погыну, то с друженою». И поидошя, хотящее в Русь. И бысть вѣсть грекомъ, яко избило море Русь, и пославъ царь, именемь Мономахъ, по руси олядии 14. Володимиръ же, видѣвъ с дружиною, яко идут по немь, въспятивъся, изби оляди гречьскыя и възвратися в Русь, ссѣдавшеся в кораблѣ своѣ. Вышату же яшя съ изверженными на брегъ, и приведоша я к Цесарюграду, и слѣпиша руси много. По 3-хъ же лѣтѣ миру бывшю, пущенъ бысть Вышата въ Русь къ Ярославу»[20].

Вполне вероятно, что информацию о походе русов в 1043 г., летописец записал со слов сына Вышаты Яня. Откуда наблюдаем и интерес к пленным русам, которых не бросил Вышата, оставшись с ними до конца. Трудно судить является ли воевода Вышата, отец Яня, тем Вышатой, который известен по статье под 1064 г. в *ПВЛ* как сын Остромира[21].

---

[17] Подробное исследование образа Василия в византийской литературе см. *Stephenson*. 2003. P. 81-97.

[18] К сожалению, их судьба недостаточно привлекала внимание историков русско-византийской войны, см. *Poppe* 1968. 69-130; *Shepard* 1978-1879. P. 147-212; *Литаврин* 2000. С. 228-276.

[19] *Scyl*. 430-433.

[20] *ПСРЛ*. Т.1. Стб. 154. (В скобках – добавления из Радз. и Ипат.)

[21] *ПСРЛ*. Т.2. Стб. 152.

А. Поппэ вполне резонно считал, что ослепленный воевода не мог быть дееспособным двадцать лет спустя после похода[22]. Однако полной уверенности в ослеплении Вышаты нет, так как в тексте летописи не указано прямо, что среди лишенных зрения русов был Вышата. Тем не менее, все же много пленных было ослеплено. И здесь следует задать тот же вопрос, что и в первом случае: почему император Константин IX Мономах приказал ослепить, вероятно, часть попавших в плен воинов?

Обратимся снова к тексту Скилицы, где, на наш взгляд, можно найти объяснение подобных действий императора. Скилица определяет войну с болгарами как ἀποστασία, то есть восстание против императорской власти[23]. Тем самым, восприятие войны с болгарами скорее приближается к категории гражданской войны, чем войны с недружественным народом. Ослепление являлось обычным наказанием для тех, кто принял участие в восстании. Согласно И. Стураитису, война с христианами иногда осмысливалась византийскими авторами как «гражданская война», что и проявилось в случае с болгарами в 1014 г.[24] Последующие события, связанные с ослеплением русов показывают, что такой подход к войне с христианами не был ситуативным: именно такое восприятие конфликта видим и тридцать лет спустя после войны с болгарами.

Война русов с Византией в 1043 г. пока остается малопонятной и все еще ожидает своего объяснения. Здесь укажем только на отличия в определениях этой войны с уже христианской Русью в текстах Михаила Пселла и Михаила Атталиата. Михаил Пселл видел корабли русов своими глазами, находясь возле императора Константина Мономаха. В *Хронографии*, он определил конфликт как «восстание» (ἐπανάστασις) русов, т.е. так же, как Скилица называет войну с болгарами[25]. Зато Михаил Атталиат пишет о войне с русами сорок лет спустя, определяя ее как войну с неромеями (*allophylos polemos*)[26]. Похоже, определение Пселла более соответствует византийским подходам к войне с христианами, где русы находятся в одном ряду с болгарами. Конечно, близость терминологии еще не свидетельствует об общности подходов к определению этих войн как «гражданских». Сопоставление сообщений об ослеплении пленных, кажется, должно предоставить дополнительные аргументы для подобно-

---

[22] *Поппэ* 1997. С. 107.

[23] *Scyl*. 328.57-63.

[24] *Stouraitis* 2010. P. 85-110.

[25] *Michael Psellos*, II, 8.

[26] *Mich. Attal*., 270.13-19; относительно значения, ἀλλόφυλος см. *Suidae lexicon*, I, 123. Нерешенным остается вопрос, пользовался ли Михаил Атталиат *Хронографией* Михаила Пселла при написании своей работы, см. *Krallis* 2006. P. 167-192; *Markopoulos* 2002. P. 710, n. 74.

го определения. Трансформация образа пленников в бунтовщиков вполне определила для них соответствующую меру наказания.

Посмотрим на следующий византийский подход к проблеме пленных, а именно – убийство пленных после битвы. Продолжительная и весьма разорительная для императора Алексея Комнина война с печенегами завершилась очень успешно. Благодаря помощи с стороны многочисленных отрядов куманов, императору удалось сломать сопротивление печенегов в битве при Левунионе 29 апреля 1091 года[27]. По словам Анны Комнин, «в тот день произошло нечто необычайное: погиб целый народ вместе с женщинами и детьми, народ, численность которого составляла не десять тысяч человек, а выражалась в огромных цифрах». Анна пишет также о том, что византийцы пели после битвы: «Из-за одного дня не пришлось скифам увидеть мая»[28].

Византийцы возвратились в свой лагерь с огромным количеством пленных, что выглядело, по словам Анны, как чудо: «На закате, когда все скифы, включая женщин и детей, стали добычей меча и многие из них были взяты в плен, император приказал сыграть сигнал отхода и вернулся в свой лагерь. Все случившееся тогда должно было казаться чудом, особенно если принять во внимание следующее обстоятельство. В свое время ромеи, выступая из Византия против скифов, закупили веревки и ремни, чтобы ими связать пленных и таким образом привести их к себе домой. Но все произошло тогда наоборот: ромеи сами были связаны и оказались в плену у скифов. Это произошло в битве со скифами у Дристры когда Бог обуздал гордыню ромеев. Но позднее, в то время, о котором я сейчас повествую, Бог, видя, что ромеи охвачены страхом, потеряли всякую надежду на спасение и не имеют сил противостоять такому множеству врагов, неожиданно даровал им победу, и теперь уже они вязали, разили, вели в плен скифов и, не ограничиваясь этим (ведь все это нередко происходит и во время небольших сражений), в один день полностью уничтожили многотысячный народ»[29].

Как видим, Анна вмещает в свой текст пространную вставку о предыдущей кампании императора Алексея Комнина, где веревки для пленных пригодились не византийцам, а печенегам[30]. Теперь же, в связи с неожиданной победой, византийцы начали вязать пленных печенегов, вероятно опасаясь, чтобы куманы не перехватили их добычу. Текст Анны полон противоречий. В литературе давно вызывают сомнение слова Анны о том, что все печенеги были уничтожены. Хорошо известно, что

---

[27] Среди обширной литературы о войне Алексея Комнина с печенегами см. *Birkenmeier*. 2001. P. 76-77.

[28] *Annae Comninae*. Alexias. VIII. 5; *Анна Комнина*. С. 237.

[29] *Annae Comninae*. Alexias. VIII. 5-6; *Анна Комнина*. С. 237-238.

[30] *Annae Comninae*. Alexias.VII. 3-4; *Анна Комнина*. С. 207-212.

император Иоанн II Комнин в 1121–1022 гг. вел с ними войну и, наконец-то, разгромил их[31]. Возможно, эхо поражения печенегов во время Иоанна II Комнина, каким-то образом отобразилось и в труде Анны, приписавшей своему отцу заслуги нелюбимого ей брата[32]. Впрочем, такое предположение не обязательно. Слова Анны о полном уничтожении печенегов представляют умелую риторическую конструкцию, где драматизм действий императора только возрастает. Свидетельством чему – сцена ужасного убийства пленных печенегов в *Алексиаде*.

Анна подробно описывает разговор Алексея Комнина с одним из его людей, Синесием, который состоялся ближе к вечеру. Когда император уже собрался отдохнуть и вспомнил о еде, к нему пришел разгневанный Синесий со словами: «“Что происходит? Что это за новые порядки? У каждого воина по тридцати и более пленных скифов, а рядом с нами толпа куманов. Если усталые воины, как это и должно быть, уснут, скифы освободят друг друга и, выхватив акинаки, убьют своих стражей. Что тогда будет? Прикажи скорей умертвить пленных”. Император сурово взглянул на Синесия и сказал: “Скифы – те же люди; враги тоже достойны сострадания. Я не знаю, о чем ты только думаешь, болтая это!”. Затем Алексей с гневом прогнал продолжавшего упорствовать Синесия». Император приказал «сложить в одно место скифское оружие и хорошо стеречь пленных». Но, как пишет Анна, «в среднюю стражу ночи воины, повинуясь божественному гласу, или по другой неизвестной мне причине убили почти всех пленных»[33].

Анна старается снять с Алексея вину за убийство пленных, указывая на то, что император спокойно спал всю ночь, не предвидя таких ужасных действий его воинов. Только на утро, узнав об убийстве почти всех пленных, он «заподозрил Синесия и немедленно призвал его к себе. Разразившись угрозами, Алексей сказал в обвинение Синесию: “Это дело твоих рук”. И хотя Синесий поклялся, что ни о чем не знает, Алексей приказал заключить его в оковы. “Пусть узнает, – сказал император, – каким злом являются одни только оковы, и он никогда не будет выносить людям столь суровые приговоры”. И Алексей наказал бы Синесия, если бы к нему не явились вельможи, приходившиеся родственниками и свойственниками самодержцу, и сообща не попросили помиловать Синесия»[34]. Наказание Синесию за убийство пленных не состоялось.

---

[31] *Nicetae Choniatae*. P. 373-374, 442.

[32] Предполагается, что Анна начала писать свой труд не ранее 1138 г., а окончила работу над текстом до 1153 г. (*Stephenson* 2003. P. 45). См. также: *Papaioannou*. 2012. P. 99-125.

[33] *Annae Comninae*. Alexias. VIII. 6; *Анна Комнина*. С. 238.

[34] *Annae Comninae*. Alexias. VIII. 6; *Анна Комнина*. С. 238.

Анна винит в убийстве печенегов Синесия, а для императора сохраняет топос милосердия к врагу. Тем не менее, образ Алексея как миротворца, свойственный *Алексиаде*, здесь возможно имеет еще один подтекст. Иоанн Зонара писал, что Алексей собрал пленных печенегов и предоставил им земли в Могленах[35]. Обвиняя Синесия в убийстве пленных, вполне возможно, что император был недоволен случившимся, поскольку уже решил использовать этих пленных как вспомогательные отряды, в которых он особенно нуждался в то время. Иррациональное поведение его воинов не могло ему понравиться. Почему же византийские воины, возможно, подстрекаемые Синесием, решили убить пленных, оружие которых было предварительно собрано?

Убийство пленных все же допускалось в византийских военных трактатах, в том случае, когда они оставлены в гарнизоне и имеют возможность оказывать помощь врагу[36]. Пленные печенеги, напротив, были окружены врагами. Если не византийцы, то куманы разделались бы с ними за прошлые обиды. Слова Синесия, что пленные печенеги могут соединиться с куманами, вызваны страхом византийцев. Несколькими неделями ранее такое опасение не было беспочвенным, но после поражения печенегов 29 апреля они не имели никакого смысла. Более того, убийство ночью пленных печенегов выгладит как обыкновенная резня, вызванная чувством мести или желанием поскорее добить врага, оказавшего жесточайшее сопротивление. Похоже, Анна вполне откровенно пишет, что ей не известны причины столь ужасных действий, кроме возможно, «божественного голоса» (θείας ὀμφῆς), который мог побудить воинов, помимо их воли, совершить подобные убийства.

БИБЛИОГРАФИЯ

Златарский В. История на Българската държава през средните векове. София: Универ. изд. Св. Климент Охридский, 2007. Т.1. Часть. 2. 893 с. (1 изд. 1927 г.).

Иванов С.А. Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина? М.: Языки славянской культуры, 2003. 376 с.

Кекавмен. Советы и рассказы / Пер., введение и комментарий Г.Г. Литаврина. СПб.: Алетейя, 2003. (Византийская библиотека). 711 с.

Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб.: Алетейя, 2000. (Византийская библиотека). 398 с.

Поппэ А. Феофана Новгородская // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Т. 6 (16) С. 102-120.

ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2001. 496 с.

ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2001. 648 с.

Хэлдон Дж. История византийских войн / Пер. с анг. М.А. Карпунина, С.С. Луговского. М.: Вече, 2007. 464 р.

---

[35] *Ioannis Zonarae*. XVIII. 23. Возможно, и крестил их, см. *Иванов* 2003. С. 240.

[36] Three Byzantine Military Treatises. P. 24.24; 30.35.

Annae Comninae. Alexias / Ed. D. Reinsch, A. Kambylis. Berlin, N.Y.: De Gruyter, 2001. (CFHB. Series Berolinensis, 40/1-2). 562 p.

Birkenmeier J. The development of the Comnian army (Leiden, Boston: Brill, 2001). (History of Warfare, 5). 263 p.

de Boor C. Zu Johannes Skylitzes // Byzantinische Zeitschrift. Bd. 13. 1904. P. 356-369.

Darrouzès J. Le traité des transferts: édition critique et commentaire // Revue des études byzantines. T. 42. 1984. P. 147-214.

Herrin J. Blinding in Byzantium // Polypleuros Nous. Miscellanea für Peter Schreiner zu seinem 60. Geburtstag / Ed. C. Scholz, G. Makris. Leipzig: De Gruyter, 2000. (Byzantinisches Archiv, 19). P. 60-65.

Holmes C. Basil II, Bulgaroktonos and the 1014 Blinding of Bulgarian Prisoners-of-War: Mutilation and Surrender in the Middle Ages // How Fighting Ends. A History of Surrender / Ed. H. Afflerbach and H. Strachan. Oxford: OUPress, 2012. P. 85-95.

Holmes C. Basil II and the Governance of Empire (976–1025). Oxford: OUPress, 2005. (Oxford Studies of Byzantium). 625 p.

Ioannis Zonarae epitomae historiarum libri xviii / Ed. T. Büttner-Wobst. Bonn, 1897. Vol. 3.

Ioannis Scylitzae. Synopsis Historiarum / Ed. I. Thurn. Berlin, N.Y.: De Gruyter, 1973 (CFHB). 580 p.

Kolias T. Kriegsgefangene, Sklavenhandel und die Privilegien der Soldaten // Byzantinoslavica. T. 56. 1995. P. 129-135.

Krallis D. Attaleiates as a Reader of Psellos // Reading Michael Psellos / Ed. Ch.E. Barber, D. Jenkins. Leiden, Boston: Brill, 2006. (The Medieval Mediterranean, 61). P. 167-192.

Leonis Diaconi Caloensis. Historiae libri decem / Ed. C.B.Hasii. Bonnae, 1829. (CSHB).

Markopoulos A. From Narrative Historiography to Historical Biography. New Trends in Byzantine Historical Writing in the 10th-11th Centuries // Byzantinische Zeitschrift. Bd. 102/2. 2009. P. 697-715.

McGeer E. Sowing the Dragon's Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century. Washington: Dumbarton Oaks, 1995. 405 p.

Michael Psellos. Chronographie ou histoire d'un siécle de Byzance (976-1077) / Ed. E. Renauld. Paris, 1926–1928. T. 1-2.

Michaelis Attaleiates. Historia / Ed. I. Bekker. Bonnae, 1853 (CSHB).

Nicetae Choniatae historia / Ed. J.-L. van Dieten. Berlin: De Gruyter, 1975 (CFHB 11.1). 656 p.

Panagiotakes N. Fragments of a Lost Eleventh-Century Byzantine Historical Work // Philhellen. Studies in Honour of Robert Browning / Ed. E. Jeffreys. Venice: The Hellenic Institute, 1996. P. 321-57.

Papaioannou S. Anna Komnene's Will // Byzantine religious culture : studies in honor of Alice-Mary Talbot / Ed. D. Sullivan, E., S. Papaioannou. Leiden, Boston: Brill, 2012. (The Medieval Mediterranean, 92). P. 99-125.

Patoura S. Οι αιχμαλωτοι ως παραγοντες επικοινωνιας και πληροφορησης (4ος-10ος αι.). Athenes: Εθνικό Ίδρυμα Ερευνών Κέντρο Βυζαντινών 'Ερευνών, 1994. 175 p.

Poppe A. Państwo i kościol na Rusi. Warszawa: Państwowe Wydawn. Naukowe, 1968. 258 p.

Seibt W. Ioannes Skylitzes: Zur Person des Chronisten // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. Bd. 25. 1976. P. 81-86.

Shepard J. Why did the Russians attack Byzantium in 1043? // Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher. Bd. 22. 1978–1979. P. 147-212.

Simeonova L. In the Depths of Tenth-Century Byzantine Ceremonial: The Treatment of Arab Prisoners of War at Imperial Banquets // Byzantine and Modern Greek Studies. Vol. 22. 1998. P. 75-104.

Stouraitis I. Byzantine War Against Christians – an Emphylios Polemos // Byzantina Symmeikta. T. 20. 2010. P. 85-110.
Stephenson P. Byzantium's Balkan Frontier. Cambridge: CUP, 2000. 352 p.
Stephenson P. The Legend of Basil the Bulgar-Slayer. Cambridge: CUP, 2003. 159 p.
Stephenson P. Anna Comnena's Alexiad as a source for the Second Crusade? // Journal of Medieval History. Vol. 29. 2003. P. 41-54.
Suidae lexicon / Ed. A. Adler. Leipzig 1928. (Lexicographi Graeci 1.1-1.4).
Three Byzantine Military Treatises / Text, Translation, and Notes by George T. Dennis. Washington: Dumbarton Oaks, 1985. (Dumbarton Oaks texts 9, CFHB, 25). 380 p.

REFERENCES

Zlatarskii V. Istoriya na B"lgarskata d"rzhava prez srednite vekove. Sofiya: Univer. izd. Sv. Kliment Okhridskii, 2007. T.1. Chast'. 2. 893 s. (1 izd. 1927 g.).
Ivanov S.A. Vizantiiskoe missionerstvo: Mozhno li sdelat' iz «varvara» khristianina? M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2003. 376 s.
Kekavmen. Sovety i rasskazy / Per., vvedenie i kommentarii G.G. Litavrina. SPb.: Aleteiya, 2003. (Vizantiiskaya biblioteka). 711 s.
Litavrin G.G. Vizantiya, Bolgariya, Drevnyaya Rus' (IX – nachalo XII v.). SPb.: Aleteiya, 2000. (Vizantiiskaya biblioteka). 398 s.
Poppe A. Feofana Novgorodskaya // Novgorodskii istoricheskii sbornik. SPb., 1997. T. 6 (16) S. 102-120.
PSRL. T. 1. Lavrent'evskaya letopis'. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2001. 496 s.
PSRL. T. 2. Ipat'evskaya letopis'. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2001. 648 c.
Kheldon Dzh. Istoriya vizantiiskikh voin / Per. s ang. M.A. Karpunina, S.S. Lugovskogo. M.: Veche, 2007. 464 p.
Annae Comninae. Alexias / Ed. D. Reinsch, A. Kambylis. Berlin, N.Y.: De Gruyter, 2001. (CFHB. Series Berolinensis, 40/1-2). 562 p.
Birkenmeier J. The development of the Comnian army (Leiden, Boston: Brill, 2001). (History of Warfare, 5). 263 p.
de Boor C. Zu Johannes Skylitzes // Byzantinische Zeitschrift. Bd. 13. 1904. P. 356-369.
Darrouzès J. Le traité des transferts: édition critique et commentaire // Revue des études byzantines. T. 42. 1984. P. 147-214.
Herrin J. Blinding in Byzantium // Polypleuros Nous. Miscellanea für Peter Schreiner zu seinem 60. Geburtstag / Ed. C. Scholz, G. Makris. Leipzig: De Gruyter, 2000. (Byzantinisches Archiv, 19). P. 60-65.
Holmes C. Basil II, Bulgaroktonos and the 1014 Blinding of Bulgarian Prisoners-of-War: Mutilation and Surrender in the Middle Ages // How Fighting Ends. A History of Surrender / Ed. H. Afflerbach and H. Strachan. Oxford: OUPress, 2012. R. 85-95.
Holmes S. Basil II and the Governance of Empire (976–1025). Oxford: OUPress, 2005. (Oxford Studies of Byzantium). 625 p.
Ioannis Zonarae epitomae historiarum libri xviii / Ed. T. Büttner-Wobst. Bonn, 1897. Vol. 3.
Ioannis Scylitzae. Synopsis Historiarum / Ed. I. Thurn. Berlin, N.Y.: De Gruyter, 1973 (CFHB). 580 p.
Kolias T. Kriegsgefangene, Sklavenhandel und die Privilegien der Soldaten // Byzantinoslavica. T. 56. 1995. P. 129-135.
Krallis D. Attaleiates as a Reader of Psellos // Reading Michael Psellos / Ed. Ch.E. Barber, D. Jenkins. Leiden, Boston: Brill, 2006. (The Medieval Mediterranean, 61). P. 167-192.
Leonis Diaconi Caloensis. Historiae libri decem / Ed. C.B.Hasii. Bonnae, 1829. (CSHB).
Markopoulos A. From Narrative Historiography to Historical Biography. New Trends in Byzantine Historical Writing in the 10th-11th Centuries // Byzantinische Zeitschrift. Bd. 102/2. 2009. P. 697-715.

McGeer E. Sowing the Dragon's Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century. Washington: Dumbarton Oaks, 1995. 405 p.
Michael Psellos. Chronographie ou histoire d'un siécle de Byzance (976-1077) / Ed. E. Renauld. Paris, 1926–1928. T. 1-2.
Michaelis Attaleiates. Historia / Ed. I. Bekker. Bonnae, 1853 (CSHB).
Nicetae Choniatae historia / Ed. J.-L. van Dieten. Berlin: De Gruyter, 1975 (CFHB 11.1). 656 p.
Panagiotakes N. Fragments of a Lost Eleventh-Century Byzantine Historical Work // Philhellen. Studies in Honour of Robert Browning / Ed. E. Jeffreys. Venice: The Hel-lenic Institute, 1996. P. 321-57.
Papaioannou S. Anna Komnene's Will // Byzantine religious culture : studies in honor of Alice-Mary Talbot / Ed. D. Sullivan, E., S. Papaioannou. Leiden, Boston: Brill, 2012. (The Medieval Mediterranean, 92). P. 99-125.
Patoura S. Οι αιχμαλωτοι ως παραγοντες επικοινωνιας και πληροφορησης (4ος-10ος αι.). Athenes: Εθνικό Ίδρυμα Ερευνών Κέντρο Βυζαντινών Έρευνών, 1994. 175 p.
Poppe A. Państwo i kościol na Rusi. Warszawa: Państwowe Wydawn. Naukowe, 1968. 258 p.
Seibt W. Ioannes Skylitzes: Zur Person des Chronisten // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. Bd. 25. 1976. P. 81-86.
Shepard J. Why did the Russians attack Byzantium in 1043? // Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher. Bd. 22. 1978–1979. P. 147-212.
Simeonova L. In the Depths of Tenth-Century Byzantine Ceremonial: The Treatment of Arab Prisoners of War at Imperial Banquets // Byzantine and Modern Greek Studies. Vol. 22. 1998. P. 75-104.
Stouraitis I. Byzantine War Against Christians – an Emphylios Polemos // Byzantina Symmeikta. T. 20. 2010. P. 85-110.
Stephenson P. Byzantium's Balkan Frontier. Cambridge: CUP, 2000. 352 p.
Stephenson P. The Legend of Basil the Bulgar-Slayer. Cambridge: CUP, 2003. 159 p.
Stephenson P. Anna Comnena's Alexiad as a source for the Second Crusade? // Journal of Medieval History. Vol. 29. 2003. P. 41-54.
Suidae lexicon / Ed. A. Adler. Leipzig 1928. (Lexicographi Graeci 1.1-1.4).
Three Byzantine Military Treatises / Text, Translation, and Notes by George T. Dennis. Washington: Dumbarton Oaks, 1985. (Dumbarton Oaks texts 9, CFHB, 25). 380 p.

Филипчук Александр Михайлович, *кандидат исторических наук, Черновицкий национальный университет имени Юрия Федьковича, Украина; byzvarangian@rambler.ru*

Byzantium and prisoners of war in the 11th century: blinding and killing

The article analyses Byzantine approaches to the problem of prisoners of war. The study is focused on the texts by two Byzantine historians, John Skylitzes and Anna Comnena. The author concludes that a choice of blinding as punishment for captives was explained by the interpretation of a war against Christians as a 'civil war'.

Keywords: prisoners of war, Emperor Basil II, Anna Comnena, Alexios Comnenus, Bulgarians, Pechenegs.

Alexandr Filipchuk, *PhD (History), Jury Fed'kovich Chernovtsy National University, Ukraine; byzvarangian@rambler.ru*

О. Н. Шевцова

СЮЖЕТНЫЕ ЛИНИИ РАННЕЙ НОВОЙ ИСТОРИИ В ЛЕКЦИОННОМ КУРСЕ Т. Н. ГРАНОВСКОГО

Курс лекций Т.Н. Грановского по истории раннего нового времени (XV–XVI вв.) близок к литературному произведению, в котором присутствует общий сюжет. Сюжет представлял собой литературное выражение исторической концепции курса как явления научной исторической мысли и заключался в преодолении западноевропейским миром средневековья и переход к новой стадии исторического и культурного развития в новое время. Общий сюжет распадался на ряд частных сюжетов.

Ключевые слова: *лекционный курс, концепция, литературный сюжет, средневековье, новое время*

Существенную особенность историографии эпохи романтизма составляет близость исторических трудов, научных по своей проблематике, направленности и значимости, к произведениям литературы. Художественное мастерство историка этого времени не раз становилось объектом исследования, а на отдельные крупные труды историков смотрели одновременно как на своеобразное выражение художественной прозы. На самую тесную связь между историей и литературой обращал представитель французской историографии эпохи Реставрации О. Тьерри. Форме и стилю исторического труда он придавал не меньшее значение, чем критике исторических фактов[1]. Прежде всего, это касалось труда Н.М. Карамзина «История государства Российского». Традиция художественного выражения исторического материала сохранилась в русской историографии более позднего времени. В частности, она нашла выражение в лекционном курсе выдающегося русского медиевиста Т.Н. Грановского по европейской истории XV–XVI вв., когда происходил переход от средневековья к новому времени. Этот исторический текст обладает несомненными художественными достоинствами.

Курс лекций был прочитан Т.Н. Грановским в Московском университете в 1849–1850 гг. для студентов третьего курса историко-филологического факультета и второго курса юридического факультета. Он читался в течение всего учебного года. Текст его был воссоздан по конспектам лекций студентов П.А. Бессонова и П.И. Бартенева. Запись Бессонова является основной, она была просмотрена самим Грановским, который внес в нее некоторые правки. Всего курс содержал сорок девять лекций, но было подготовлено к изданию и издано сорок семь лекций. Этот курс дважды издавался в нашей стране, в 1971 и в 1986 гг.[2]

Одним из типичных выражений художественной прозы является наличие в ней сюжета. В литературоведении сложился взгляд на сюжет

[1] Биск 1996. С. 4-5.

[2] Лекции Т.Н. Грановского… 1971; Грановский 1986.

как на «повествовательное ядро художественного произведения». Вместе с тем признавалась возможность повторения сюжетов или наличия «странствующих сюжетов» в разных произведениях[3]. Еще ранее, в начале прошлого века, об этом высказывался французский драматург Ж. Польти, выделивший в драматических произведениях 36 типичных сюжетов[4]. За последнее время мысль о повторении сюжетов в литературных произведениях была воспринята и развита, но при этом правомерно обращено внимание на связь между литературным сюжетом и жизненной ситуацией, когда такая ситуация «описывается в терминах предшествующих действий», причем «человек действует по смысловым линиям сюжетных схем»[5]. Указание на связь между жизненной ситуацией и ее осмыслением и выражением относится к восприятию исторической реальности авторами источников и историками, в результате чего в исторических сюжетах имеет место определенный схематизм. Вместе с тем художественный уровень исторического произведения и уровень осмысления в нем истории проявляется в том, что историк способен ограничить такой схематизм, выявить исторические особенности объекта и предмета своего исследования. Этот уровень выражается в способности историка не потерять за неизбежным схематизмом в подаче исторического сюжета богатства и разнообразия конкретных исторических ситуаций, их особенностей, на выявление которых направлено научное историческое познание и выражение их в научных и художественных образах в рамках сюжетных линий. В полной мере это проявлялось в курсе лекций Т.Н. Грановского.

С литературным произведением труд историка того времени сближало наличие сюжета, по которому развивался излагавшийся автором исторический материал. Наличие сюжета в историческом труде возможно не только в силу его художественных достоинств. Он вместе с тем составляет художественное выражение научной концепции исторического труда, которая основана на определенной теоретической базе, соответствующей научному уровню исторической науки своего времени, и сама, в свою очередь, содержит теоретическое осмысление рассматриваемых в этом труде явлений и процессов прошлого. Между концепцией исторического труда как научного исследования и литературным сюжетом в этом труде имеется соответствие.

С точки зрения сюжета исторический труд мог представлять значительную сложность. Определялась она тем, что сложностью отличался сам исторический материал, который рассматривался историком. Он включает общий сюжет, относящийся к процессу, который являлся общей темой этого исторического труда. Но изложение общего историче-

[3] Зунделович 1925. С. 899.
[4] Сериков 2009.
[5] Там же.

ского сюжета включает в себя ряд эпизодов, разных по своей значимости, которые составляют общий процесс. Каждый из таких эпизодов содержит, в свою очередь, собственный сюжет, причем все эти отдельные частные сюжеты находятся в рамках общего сюжета и позволяют представить его более полно и конкретно. Такая сюжетная сложность присутствует в труде по отечественной истории. Тем более она имеет место в труде по всеобщей истории, который охватывает разные страны Европы и процессы, относившиеся к европейскому миру в целом. Что касается курса лекций Грановского по ранней новой истории европейских стран, который относится к трудам по всеобщей истории, то в нем, помимо общего сюжета, содержатся сюжеты по отдельным ее сторонам. Это завершение объединительного процесса в некоторых европейских странах, взаимоотношения государств, характер в отдельных странах королевской власти, положение римских пап. Это также такие важнейшие для европейской жизни и европейской культуры процессы, как Реформация и Великие географические открытия.

Общий сюжет своего лекционного курса Грановский изложил в своей первой лекции. Этот сюжет соответствовал теории исторического прогресса. Он также принимал периодизацию мировой истории, в которой выделялись три эпохи – древность, средневековье и новое время. Теория исторического прогресса, а также периодизация, основанная на ее признании, составляли теоретическую основу курса и определяли взгляд на общий ход истории развития европейских стран, как отдельных из них, так и общих явлений, которые проявлялись в некоторых государствах или в европейском мире в целом. Что касается идеи развития в истории стран западноевропейского мира, то для Грановского, воспринявшего диалектику Гегеля, она представляла собой одну из современных философских идей в развитии научной исторической мысли. Эта идея пронизывает все его повествование. С учетом ее он не просто объяснял переход от одного исторического времени к другому. Он выделял качественное отличие средневековья от древности и нового времени от средних веков. Что же касается самого развития, то, в соответствии с гегелевской философией истории, Грановский видел его во всемерном повышении значимости человеческого начала, связанного с движением по пути от несвободы к освобождению и раскрытию заключенных в человеке созидательных сил. Им было глубоко усвоено основное положение Гегеля, высказанное им в его введении к курсу лекций по философии истории, что «всемирная история представляет собой *ход* принципа, *содержание* которого есть сознание свободы»[6].

Но если Гегель подходил к выделению исторических эпох в истории человечества с позиций выявления их внутренней сущности, без прямого указания на конкретную эпоху в истории и культуре, то Грановский с его

[6] Гегель 2000. С. 105.

историческим мышлением прочно связал ее с конкретным историческим временем. В древности Грановский видел господство начал несвободы, причем не только по отношению к рабам. «Государство подчинило себе все остальные области человеческой деятельности и наложило печать на всю религию, искусство; человек настолько пользовался правами, насколько принадлежал тому или другому государству», – отмечал он. Отсюда вытекало его положение: «Гражданин взял верх над человеком», и в этом состояла, по его мнению, суть отношений между человеком, обществом и государством в античное время. Личность как бы растворялась в обществе и государстве. Этому, считал Грановский, способствовало то, что «древняя жизнь была муниципальная, каждый город был отделен, пока Римская империя не расплавила их в себе самой»[7], но городской образ жизни по-прежнему преобладал. Так видел древний мир Грановский. Свобода человека в нем отсутствовала. Человек был полностью подчинен обществом и государством, частью которого он являлся. В этом была, по мысли историка, важнейшая черта древней истории.

Новые основы жизни человека и общества наступили, как указывал он, в средневековье. Прежде всего, в средние века изменились взаимоотношения между личностью и обществом, государством. В отличие от древности, «в средней истории лицо ставит себя бесконечно выше государства», – отмечал Грановский. Отсюда он делал более широкое обобщение: «феодализм отрицал государство; мы бываем часто принуждены употреблять выражение: феодальное государство, но в сущности этого государства не было»[8].

Таким образом, средние века представляли собой, по мысли Грановского, шаг вперед по сравнению с античностью потому, что возникли условия для освобождения личности, и появилась сама такая свободная личность, осознавшая свою значимость и ставившая себя над государством. Подобное освобождение происходило в связи с тем, что средневековье отличалось от древности неразвитостью городской жизни, когда носители власти «живут вне городов», а «города не играют почти никакой роли». Такое понимание характера перехода от древнего мира к средним векам соответствовало эпохе романтизма, когда пересматривалось просветительское положение о средневековье как о шаге назад в истории человечества. Средние века виделись как прогресс по сравнению с античностью. По мнению Грановского, такой прогресс проявился в появлении свободной личности. Другим показателем прогресса было, с точки зрения Грановского, продвижение исторической жизни за пределы Средиземноморья, на север Европы, в результате чего «народы германские становятся на первом плане»[9]. На почве христиан-

[7] Грановский 1986. С.5.
[8] Там же. С.6.
[9] Там же. С.5.

ства возникла общность религии западных народов, и эта общность «условила возможность единой европейской цивилизации».

Вместе с тем Грановский понимал внутреннее состояние исторической эпохи по Гегелю, во всех его противоречиях, когда прогресс мог иметь свою оборотную сторону. В освобождении личности от давления государства и общества в средние века он увидел не только позитивные, но и негативные последствия: права и свободы получили далеко не все, поскольку «в феодальном государстве только господствующее сословие имело права»[10]. Таким образом, магистральным направлением в развитии средневекового общества был переход от всеобщей несвободы античного времени к свободе, но ограниченной, благами которой могла пользоваться только верхушка общества.

Что касается новой истории, то в курсе лекций Грановского рассматривалось ее начало, приходившееся на XV–XVI вв. Говорить в этой связи об итогах перехода к новой истории он не мог. Это относится и к раскрытию в историческом процессе западноевропейских стран идеи свободы и начал свободной жизни человека и общества. Но, вместе с тем, ему вполне удалось выявить предпосылки подобных изменений, которые в дальнейшем создавали почву для развития свободы. Заключались они в борьбе свободной мысли со старой средневековой схоластикой, которая к тому времени стала лишь «наукою о формах, бесплодною, которой назначением сделалось защищать истины и понятия средних веков», и стояла на пути развития новых общественных идей и новой культуры. Следовательно, развитие в сторону свободы осуществлялось через освобождение мысли от средневековых идей, превратившихся в догму. Грановский говорил в этой связи об отрицании средневековых теорий, церкви и средневековой науки «усилиями гуманистов». Он указал на общее настроение людей, стоявших на переднем плане культурного процесса. По его словам, возможно, что «в целой истории человечества нет такой торжественной и радостной эпохи, как эта». Отсюда он отмечал «какой-то лирический характер», которые принимали даже «сухие исследования ученых» того времени. Это была эпоха надежды на благоприятные перемены, когда в сознании людей складывались представления, что «долгие испытания кончились, что все идеалы человечества готовы осуществиться». Но Грановский при этом представлял читателю рассуждение философско-исторической значимости, в котором указывал на противоречие между сознанием человека и ходом истории, состоявшее в том, что человек «нетерпелив», но «история не торопится» и не принимает во внимание субъективных намерений и стремлений активных людей к переменам. История, по его словам, «дает время сгнить» «развалинам» старого порядка, но «разрушители прежнего порядка ни-

[10] Там же. С.6.

когда не видят своими глазами той цели, к которой шли они». Это не случайно, поскольку, как указывал Грановский, исторические перемены происходят в борьбе нового со старым, а преодоление старого было итогом деятельности нескольких поколений всего европейского сообщества.

Важно было его указание на еще одно новое явление – новую географию, когда в результате Великих географических открытий европейский мир вышел за рамки Европы. Для новой истории это, подчеркивал Грановский, имело двойное значение. С одной стороны, в связи с разворачивавшейся в странах Европы борьбой старого с новым было необходимо «убежище для беглецов»[11]. С другой – возможность для Европы «сбывать сюда избыток своего народонаселения, делая там смелые опыты - образовать новые общества на основании неудавшихся прежде идей».

Наконец, еще одним отличительным признаком перехода от средних веков к новому времени он считал процессы «образования национальностей». Средние века при этом отрицали «античные национальности», которые были хотя и «упрямы», но уступили средневековому порядку, когда на место «народностей» на первый план выступали «сословия», составившие феодальное общество. Процесс образования наций нового времени Грановский выделял как один из основных исторических процессов этого бурного периода, в котором «деятелями» были «монархи», подавлявшие «непокорную общину и непокорный замок», в результате чего тяжело, «мучительным процессом»[12], формировались нации нового времени.

Научно-исторический анализ столь сложного процесса в жизни западноевропейского мира, который имел место в XV–XVI вв., при переходе от средневековья к новому времени, развертывался при изложении материала в виде целого ряда сложных сюжетных линий. Вместе с тем все эти линии имели более или менее частное значение, которое проявлялось в русле главной сюжетной линии, относившейся к общеевропейскому процессу. Лекционный курс Грановского представлял собой целостное историческое произведение, в котором проявляются признаки литературного повествования. *Сюжетом его было движение западноевропейского мира от средневековья к новому времени, качественный и исключительно глубокий исторический прорыв, в результате которого человечество вырвалось из средневековой старины к достижениям новой, более высокой культуры, пришедшей ей на смену*.

Общий сюжет содержал в себе сюжеты внутренние, которые имели решающее значение для понимания процессов в развитии европейской жизни того времени. Это были сюжеты, охватывавшие явления интеллектуальной жизни и духовной культуры. Один из основных среди них относился к событиям рубежа XV–XVI вв., когда «раздался

[11] Там же. С. 9.
[12] Там же. С. 8.

страшный голос флорентийского гражданина Николая Макиавелли». Это не случайно. «Более резкого отрицания средневековых теорий нельзя себе представить»[13], – такую общую оценку давал историк идеям, которые высказывал Макиавелли. Его сочинения, особенно «Государь», а также «История Флоренции» и беседы о Тите Ливии оказали самое глубокое влияние на современное ему общество и на разных правителей европейских стран более позднего периода, но, как обращал внимание Грановский, содержали внутренние противоречия. В этом состояла сложность и противоречивость относящегося к флорентийскому писателю сюжета. Так, с одной стороны, Макиавелли, стоявший, по словам Грановского, «на рубеже между средним и новым миром», «положил основание новым политическим идеям в Европе»[14]. Он подчеркивал необходимость спасения Италии, упадок которой был общим выражением порядков, установившихся в средневековье. При этом на историческое и политическое мышление Макиавелли оказала воздействие культура эпохи Возрождения. Отсюда не случайно, что выход из кризиса страны, в который она зашла в средневековье, он видел на пути обращения к идеалам античности. По словам Грановского, он «был республиканец, но республиканец в античном смысле, не понимавший потребностей нового общества, тех нравственных изменений, которые христианство произвело в Европе»[15]. Отсюда его обвинения христианства, когда он смешал «христианство с римскою иерархией, повредившей, конечно, во многом Италии». Позитивным образцом была для него «религия римская», и он вообще «ослеплен был могуществом Рима, славой его, величием тогдашней Италии»[16]. Поэтому, подчеркивал Грановский, «при всеобщей порче нравственности» для спасения Италии «он жаждал диктатуры и это убеждение вынес он из изучения древности»[17]. Макиавелли видел диктатора в лице Цезаря Борджиа, который «вздумал основать в Италии могущественное государство»[18]. Ради этой цели Макиавелли допускал, что диктатор может нарушать моральные нормы, поскольку для него «понятие о нравственности было политическое, он говорил, что благо народа есть высший закон», – подчеркивал Грановский, и отмечал, что это породило «печальную известность», которой Макиавелли «пользуется доселе»[19].

Стержнем посвященного Макиавелли сюжета был анализ его идей и места их в жизни Италии и Европы. Но их Грановский подавал на фоне сведений из личной жизни Макиавелли, в результате чего у слу-

[13] Там же. С. 9.
[14] Там же. С. 57.
[15] Там же. С. 60.
[16] Там же. С.61.
[17] Там же. С. 60.
[18] Там же. С. 58.
[19] Там же. С. 59.

шателя и читателя складывается впечатление о соответствии между биографией и идеями мыслителя. Он отмечал, что вместе со всей Флоренцией Макиавелли пережил падение режима Медичи и установление республики, реставрацию их власти и репрессии, арест и пытки, и прозябание в последние годы жизни.

Сюжет о Макиавелли был изложен Грановским ясно и убедительно. Но он не был кульминацией лекционного курса как целостного произведения, а представлял собой как бы преддверие к его кульминации. В роли кульминации выступали еще два сюжета, от которых в решающей степени зависел последующий ход событий, способствовавших выходу европейской цивилизации за пределы Европы. Это были такие крупные явления в культуре, как Великие географические открытия и Реформация, причем в центре повествования о Реформации стоял сюжет о жизни и деятельности Мартина Лютера.

Великие географические открытия были представлены Грановским как сюжет выдающейся исторической значимости и как явление, ставшее частью исключительно бурного времени. Но если в Европе вызванное Великими географическими открытиями «движение легло в основу всех новых явлений»[20], то на Востоке они «пропали без следа». Предпосылкой возникновения этих явлений и движущей силой сюжета Грановский представлял процесс развития мысли и знаний человечества, сумевшего преодолеть догматы средневековья и выйти на уровень науки, математических и астрономических расчетов, а также географических знаний, ставших интеллектуальными достижениями еще античной культуры. «География сделала великий шаг вперед»[21], – подчеркивал историк. Он показывал, как в Европе постепенно укреплялась идея шарообразности земли. Кроме того, в качестве предпосылки Грановский выделил особенности внутренней жизни и развитии Португалии как страны, которая внесла особенно значительный вклад в эти открытия. То же самое относилось к освещению Грановским становления и развития идеи, высказывавшейся Христофором Колумбом, о возможности морского путешествия из Европы в Азию через Атлантический океан в западном направлении. Он отмечал, что Колумбу нужно было «победить для этого подвига бесчисленное множество предрассудков», причем нередко «его считали сумасшедшим»[22]. Значение Великих географических открытий Грановский видел прежде всего в утверждении нового знания об окружающем мире, которое в значительно большей степени соответствовало науке, чем средневековое знание. В результате их «умы были освобождены», и это была «минута несказанно торжественная»[23]. Вто-

[20] Там же. С. 74.
[21] Там же. С. 60.
[22] Там же. С. 72.
[23] Там же. С. 73.

рым по значению последствием он назвал экономику, указав, что после открытия пути в Индию португальской экспедицией Васко да Гама пришел конец «монополии венецианской торговли» со странами Востока. Объяснял он это тем, что португальцы «начали продавать индийские товары втрое, вчетверо дешевле прежней продажи, ибо Венеция должна была платить за караваны и пошлину турецким султанам». В результате «на закраине средней и новой истории возникла более твердая связь между отдельными частями нашей планеты»[24].

В сюжете, относящемся к Лютеру, сведения о его жизненном пути и о его деятельности переплетены между собой еще теснее, чем в сюжете о Макиавелли, в котором преобладал анализ взглядов, выраженных в его произведениях. При рассмотрении биографии Лютера Грановский указывал на то, как внешние события оказывали воздействие на его отношение к церкви и вообще к современной ему позднесредневековой германской и европейской действительности. Так, историк обращал внимание, что когда друг Лютера «был убит громом», то это так его потрясло, что «он дал обет вступить в монахи»[25]. Еще одним ярким образцом подобного построения сюжета, относящегося к Лютеру, было противопоставление его настроений перед приездом в Рим и после близкого ознакомления с римскими порядками. При подъезде к папской столице «он был охвачен каким-то благоговейным чувством; еще вдали упал на колени и горячо молился». Но очень быстро «он разочаровался», когда «увидел вблизи поведение папы и духовенства»[26]. Грановский показывал, как постепенно нарастала решительность выступлений Лютера, как усиливалось его влияние на общественное мнение страны, как делался он знаменитым проповедником, как его сторону принимали «сильные умы в Германии», такие, как Иоганн Рейхлин, Ульрих фон Гуттен, некоторое время Эразм Роттердамский. Но, как указывал Грановский, на сторону Лютера становились не только люди «с убеждениями и теориями», но и «из корыстных расчетов», а также движение «другое, страшное, фанатическое необразованных и грубых масс»[27]. Это была крестьянская война 1524–1525 гг. под предводительством Томаса Мюнцера. Созданный историком сюжет о Лютере получил свое законченное выражение при характеристике отношения Лютера к восставшему народу Германии. Он «обращался к крестьянам с посланием и убеждением покориться», но в то же время «убеждал светскую власть бить их, как собак»[28].

Оба этих сюжета не случайно представляли кульминацию целостного повествования о начале нового времени. В самом деле, события

[24] Там же. С. 74.
[25] Там же. С. 89.
[26] Там же. С. 89-90.
[27] Там же. С. 95.
[28] Там же. С. 98.

новой истории развивались в новом культурно-историческом пространстве, ставшем результатом Великих географических открытий, и на основе новых идей, которые привели к расколу средневекового западного христианства и породили такое направление в христианстве, которое могло послужить религиозным и идеологическим обоснованием буржуазного общества. Сюжет европейской истории раннего нового времени должен был иметь свою развязку. Несомненно, что такой развязкой для данного периода новой истории могло бы стать освещение Английской революции середины XVII века, поскольку с этого события началось утверждение в Европе новой буржуазной формации. Выбор такой развязки Грановским логически был безупречен. В самом деле, все события и явления начала нового времени вели в конечном счете к утверждению буржуазного строя. В Английской революции выражался концентрированный итог всего европейского исторического развития за предшествовавшие ей два с небольшим столетия, хода истории в самой Англии. В то же время развязка этого курса должна была играть роль завязки следующего курса по второму периоду новой европейской истории, итогом которого, в свою очередь, была Великая Французская буржуазная революция. Сюжет, посвященный Английской революции, середины XVII века должен был излагаться в заключительных лекциях курса, но тексты двух последних из них до нас не дошли.

Являясь итогом научного анализа первых двух столетий новой европейской истории, курс лекций Т.Н. Грановского представлял собой в то же время цельное и законченное литературное произведение со своими несомненными литературными достоинствами. Не случайно студенты проявляли к лекционному курсу выдающегося историка очень большой интерес. Одним из таких достоинств являлся четко выстроенный сюжет. В нем имелась своя завязка в виде общего анализа эпохи и отличия ее от других эпох, ее кульминации, которая разделялась на освещение появления новой территории существования европейского мира и новой идеи в виде Реформации, связанной с деятельностью Лютера. Повествование шло к своей логической и исторической развязке, которая, однако, не дошла до нас в опубликованном лекционном курсе. Тем не менее, опубликованный курс лекций дает представление о сюжете его как произведения литературы.

БИБЛИОГРАФИЯ

Лекции Т.Н. Грановского по истории позднего средневековья (записи слушателей с авторской правкой) / Предисловие, подготовка текста С.А. Асиновской. Примечания С.А. Асиновской и Л.А. Никитиной. М.: Наука, 1971.

Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья / Сост. С.А. Асиновская. М.: Наука, 1986.

Биск И.Я. Введение в писательское мастерство историка. Литературная форма исторического труда. Иваново: Изд-во Ивановского ГУ, 1996.

Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории / Пер. А.М. Водена. СПб.: Наука, 2000.

Зунделович Я. Сюжет // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов / под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина. В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского. М.; Л.: Изд-во Френкель, 1925. Т. 2.

Сериков А.Е. Типичные сюжетные схемы в повествованиях и в жизни // Вестник Самарской Гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2009. № 2 (6). С. 60-84.

REFERENCES

Lektsii T.N. Granovskogo po istorii pozdnego srednevekov'ya (zapisi slushatelei s avtorskoi pravkoi) / Predislovie, podgotovka teksta S.A. Asinovskoi. Pri-mechaniya S.A. Asinovskoi i L.A. Nikitinoi. M.: Nauka, 1971.

Granovskii T.N. Lektsii po istorii srednevekov'ya / Sost. S.A. Asinovskaya. M.: Nauka, 1986.

Bisk I.Ya. Vvedenie v pisatel'skoe masterstvo istorika. Literaturnaya forma isto-richeskogo truda. Ivanovo: Izd-vo Ivanovskogo GU, 1996.

Gegel' G.V.F. Lektsii po filosofii istorii / Per. A.M. Vodena. SPb.: Nauka, 2000.

Zundelovich Ya. Syuzhet // Literaturnaya entsiklopediya: Slovar' literaturnykh termi-nov / pod red. N. Brodskogo, A. Lavretskogo, E. Lunina. V. L'vova-Rogachevskogo, M. Rozanova, V. Cheshikhina-Vetrinskogo. M.; L.: Izd-vo Frenkel', 1925. T. 2.

Serikov A.E. Tipichnye syuzhetnye skhemy v povestvovaniyakh i v zhizni // Vestnik Samarskoi Gumanitarnoi akademii. Seriya «Filosofiya. Filologiya». 2009. № 2 (6). S. 60-84.

***Шевцова Оксана Николаевна**, кандидат филологических наук, доцент, Южный федеральный университет, доцент кафедры речевых коммуникаций и издательского дела oksana_shevtsova@bk.ru*

Plot lines of early modern history in lecture course by T.N. Granovsky

The course of lectures by on the history of early modern period (15th – 16th cc.) prepared by T.N. Granovsky is more than an academic work. It is close to the literary work, which has a general plot. The plot represented a literary expression of the historical concept of a course as the phenomena of academic history; the plot consisted in Western Europe breaking out of the the Middle Ages and its transition to a new stage of historical and cultural development to modern times. The general plot broke up to a number of subplots.

Keywords: lecture course, concept, literary plot, Middle Ages, modern times.

***Oksana Shevtsova**, PhD (philology), associate professor, South Federal University, Department of speech communications and publishing; basiley@mail.ru*

Е. К. Чернецкая

РЕКЛАМА В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ НЕМЕЦКОЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПРЕССЫ (1888–1890 гг.)

Рекламные объявления, печатавшиеся в трех консервативных изданиях времен Германской империи, рассматриваются в статье как средство, позволяющее определить примерную аудиторию изданий и их социальную направленность. Наряду с многочисленными экономическими функциями реклама обладала социальной значимостью, составляя немалую часть общего информационного потока. Посредническая роль, с одной стороны, а также самостоятельная значимость рекламного контента, с другой, вписаны в круг многочисленных функций периодики конца XIX века.

Ключевые слова*: *Германская империя, конец XIX в., периодическая печать, реклама, общественное мнение.

В XIX в. реклама в периодической печати была важнейшим способом информирования читателей о товарах и услугах, существовавших на рынке. В Германии к концу XIX в. существовал развитый рынок товаров и услуг, несколько крупных газетных издательств, а также действовали рекламные агентства, обеспечивавшие связь между этими сферами. Политическая ситуация как внутри недавно образованной Германской империи, так и на внешнеполитической арене обеспечивала необходимые условия для развития экономической системы.

Политическая обстановка внутри страны была тесно связана с общественным мнением, будучи зависимой от него и одновременно оказывая на него влияние[1]. Общественное мнение, объединяя в себе общие интересы, могло быть изменено частными лицами, государственными учреждениями, органами медиа-сферы[2]. В прессе отразились влияния всех трех действующих лиц, воздействовавших на общественное мнение – читателей, издателей и государственных органов. Таким образом, анализ периодической печати позволяет выявить условия и способы взаимодействия трех акторов общественного мнения. В свою очередь, реклама на страницах газет, представляет собой важную часть общего потока информации, отражавшего динамику социальных изменений.

Следует отметить, что в качестве рекламного объявления в статье рассматривается «классическая реклама, т.е. платное неличное обращение, которое распространяется средствами массовой информации с целью сообщения определенной группе людей информации о товарах, услуге

[1] «Общественное мнение является пространством, в котором протекает социальная жизнь общества. Это понятие всегда связано с наличием множества действующих лиц. В этом смысле общественное мнение охватывает как государственную экономику, так и сферу частного права, а также общественную и частную жизнь». Schambeck 1992. S. 14.

[2] Ibid. S. 24.

или идее. Информация является неличной и платной, обратная связь обеспечивается через конечную реакцию потребителя и его действия»[3].

В Германии реклама получила распространение в так называемых Intelligentblätter – информационных листах – в первой половине XVIII в. Такие издания просуществовали в Пруссии до конца XIX в., причем они полностью находились в ведении государства, что несколько тормозило развитие рекламного дела. С появлением частных издательств изменилась ситуация и на рекламном рынке, различные газеты стали печатать объявления как крупных рекламодателей, так и мелких предпринимателей. Несмотря на возникавшие споры об эффективности такого способа достижения популярности, связанные, в том числе, с этической стороной вопроса[4], обсуждавшегося на фоне роста популярности левых идей, объем рекламы на страницах газет неуклонно рос. Эффективность рекламных объявлений в печати оправдывала затраты и снимала такого рода упреки[5]. Издавались также книги, в которых излагались теоретические основы рекламного дела и рекомендации относительно необходимой частоты, формы и содержания объявлений[6].

Консервативная пресса Германской империи представлена многочисленными изданиями, как партийными, так и принадлежавшими конкретным лицам. В статье рассматриваются три газеты, издававшиеся в период с 1888 по 1890 гг.[7]: «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» (далее – «НАЦ»), «Germania» («Германия») и «Neue Preussische Zeitung» («НПЦ»). «НАЦ» в рассматриваемый период была проправительственным изданием, лояльным Бисмарку. «Германия» представляла собой орган печати католической партии Центр. «НПЦ» считалась «рупором партии юнкеров-землевладельцев и ортодоксально настроенных проте-

---

[3] Щепилова 2010. С. 320.

[4] В частности, Berliner Börsen-Zeitung так охарактеризовала рекламу: «В наше время нельзя сказать о ком-либо что-то более отвратительное, чем: “Он герой рекламы”. … Когда кто-то выходит на первый план и становится заметным при помощи рекламы, можно предположить, что этот человек не только жаждет славы, но и чересчур много думает о том, как бы упрочить собственное материальное благополучие при помощи рекламы. Поэтому можно с полной уверенностью говорить, что реклама является прямым следствием эгоизма, и потому презирать ее». Cronau 1887. S. 59.

[5] Так, «владелец модного магазина в Берлине Рудольф Герцог в 1886 г. истратил 400 тысяч марок на объявления в газетах. При этом он говорил: “Пока я не пользовался объявлениями, я имел столь узкий сбыт, что хоть закрывай дело. Я использовал на объявления тысячу марок, и мой оборот вырос до 30 тысяч марок. Я истратил на объявления десять тысяч марок, и мой оборот возрос до сотен тысяч…”». – Ученова, Старых 1999. С. 208. В Norddeutsche Allgemeine Zeitung, объявления о новинках в магазине женской одежды и тканей Рудольфа Герцога чаще всего занимали целую страницу и появлялись регулярно – раз в 2-3 дня.

[6] Cronau 1887.

[7] Хронологические рамки связаны с вступлением на престол императора Вильгельма II, с одной стороны, и отставкой Бисмарка, с другой.

стантских священников»[8]. Реклама, печатавшаяся в них, позволяет судить об аудитории изданий, о направленности газет, о взаимном интересе издателей, рекламодателей и читателей. Рекламодатели заключали договоры с теми или иными периодическими изданиями потому, что видели в их аудитории потенциальных клиентов. Поэтому для определения аудитории изданий следует уделить внимание многочисленным рекламным сообщениям, печатавшимся на страницах газет.

Реклама в консервативной прессе была разнородной, заказчики стремились подать информацию в броских и обращавших на себя внимание формах. Печатались оригинальные сообщения, сопровождаемые изображениями товаров, использовались различные шрифты, активно применялись другие визуальные средства: рамки, орнаменты, выстраивание текста в виде той или иной фигуры. Черно-белая печать предоставляла некоторые, пусть и ограниченные, возможности для передачи оттенков, в том числе, в изображениях[9]. Формат большинства объявлений не предполагал крупных текстовых блоков, поэтому язык и содержание сообщений были максимально лаконичными и броскими. В рамках настоящего исследования анализа языковых средств, использовавшихся в объявлениях, не проводилось, однако следует отметить их разнообразие.

Общее количество рекламных сообщений, появлявшихся на страницах прессы, было достаточно велико. Анализ этих сообщений предусматривает систематизацию данных о разнообразных рекламных объявлениях при помощи таблиц. Отдельно анализируются сообщения о товарах и услугах. Также учитывается то, идет ли речь о розничной или оптовой торговле. Все это позволяет детально изучить профиль каждой из газет, сделать выводы относительно круга читателей, на который рассчитывали редакции изданий.

Реклама занимала значительное место в «НАЦ». Вечерние четырехстраничные номера содержали по 6-7 рекламных сообщений, а в утренних (особенно субботних и воскресных) выпусках им отводилось 2-3 полные страницы. На основании данных таблиц можно сделать следующие выводы: газета была адресована мужчинам, имеющим семьи, поскольку количество объявлений о продаже мебели, ковров, штор, гардин и других предметов интерьера было очень велико. Мужчины не уделяли бы столько внимания обстановке дома (а между тем в объявлениях особенно подчеркивались эстетические качества этих товаров и разнообразие стилей, в которых они выполнены)[10]. Такого рода объяв-

---

[8] Fischer 1999. S. 944.

[9] Сходные способы оформления рекламных объявлений, призванные привлечь внимание читателя, описаны и в современной литературе по теории рекламы, например, см.: Stoekl 2008.

[10] «Жесткое разделение мужской и женской сфер потребления, которое существовало с XVIII до XX в., парадоксальным образом предоставило женщинам большее поле деятельности. Так, походы за покупками были одним из способов время-

ления были направлены, в первую очередь, на женскую аудиторию, но учитывая профиль самой газеты (наибольшее внимание редакция всегда уделяла политике), предположение, что именно женщины становились подписчиками, кажется необоснованным. Еще одно подтверждение семейного статуса читателей заключается в обилии объявлений, предлагавших образовательные услуги. В них рекламодатели призывали читателей позаботиться о будущем своих дочерей и сыновей.

Другой вывод, опирающийся на составленную статистику – подписчики «НАЦ» были людьми с достатком средним и выше среднего. Объявления о розничной и оптовой продаже крепкого алкоголя, настоек, ликеров, и реже – традиционного для Германии пива, встречались на страницах газеты регулярно. Цены были умеренными, в сравнении с другими товарами (продавцы старались привлечь клиентов выгодными предложениями), однако культура потребления напитков разных стран и континентов предполагает определенный уровень достатка и социальный статус покупателя[11]. То же касается и сигар. В пользу этого предположения говорит и обилие (а главное, большая занимаемая площадь, вместе с которой вероятность того, что объявление заметят и запомнят, возрастает) рекламы акционерных обществ, компаний, займов. Для покупки ценных бумаг требуются определенные накопления, которые, по всей видимости, имелись у читателей «НАЦ».

Рекламные объявления позволяют также сделать выводы о культуре времяпрепровождения аудитории газеты. Можно выделить два предлагаемых варианта досуга: с одной стороны, курорты в горах, на морском побережье или известные водолечебницы, скачки (а также объявления о продаже лошадей – дорогое и требующее дальнейших вложений приобретение), анонсы ближайших театральных и оперных представлений. Все это принадлежит к культуре «аристократической», требует не только денежных средств, но и определенного культурного капитала**.** С другой – выставки, панорамы, рестораны, парки с развлекательными программами, т.е. более демократичный (как в ценовом отношении, так и по социальному составу публики) вариант. Эти два типа культуры прослеживаются во всех сферах – профессиональной, семейной[12].

Достаточно большая площадь, занимаемая рекламой транспортных (грузовых, почтовых, пассажирских) перевозок, отелей, а также объявле-

---

препровождения, когда женщины могли свободно действовать в общественном пространстве. Кроме того, в целом они получили больший, нежели раньше, контроль за домашним хозяйством». – Schramm 2015.

[11] Пиво считалось одним из основных продуктов, напитком массового потребления. В XVIII–XIX вв. его пили нижние и средние слои населения, в то время как вино было традиционным напитком для высших слоев. См.: Blessing 2015.

[12] Наряду с указанными признаками относительно этой сферы, можно назвать и другие – так, отмеченная мобильность части читателей, напротив, свидетельствует об отсутствии у них семейных обязательств.

ния о поиске или найме на работу позволяет сделать заключение о мобильности и деловой активности части читателей «НАЦ». Возраст людей, обладающих такими качествами, в среднем не превышает 40-45 лет. Предложения об оптовой продаже товаров, нередко встречающиеся в газете, предполагают дальнейшую перепродажу, следовательно, коммерсанты составляли немалую долю читателей «НАЦ».

Отдельные рубрики дают представление о профессиональной деятельности другой части аудитории газеты. Так, рубрики «Служебные новости» (Amtliche Nachrichten aus dem Reichs- und Staats-Anzeiger), «Новости двора и персональные назначения» (Hof- und personal-Nachrichten), «Имперские и государственные дела» (Reichs- und Staats-Angelegenheiten) освещали назначения, перестановки, увольнения, присуждение наград, чинов и званий служащим разного уровня. Рубрика «Из немецких гарнизонов» (Aus deutschen Garnizonen), как следует из названия, была посвящена аналогичным событиям в рядах офицерского корпуса (объявления о продаже лошадей в большинстве случаев были рассчитаны на военных, поскольку в них подчеркивалось, что лошади были вымуштрованы для кавалерийской службы). Списки, состоящие из фамилий и присвоенных их обладателям званий, напоминают светскую хронику, рассчитанную на круг людей, имеющих непосредственное отношение к государственной штатской или военной службе.

Таким образом, в круг читателей «НАЦ» в основном входили коммерсанты, штатские и военные государственные служащие, отличавшиеся высокой степенью социальной и экономической мобильности, с высоким достатком. Они, чаще всего, имели семьи и задумывались о будущем своих детей, а способ проведения досуга предполагал либо средний, либо высокий уровень образования. Достаточно обширная по своему охвату ориентация газеты имеет несколько причин. Редакция стремилась расширить круг читателей, привлечь публику с разными интересами. Подписчики, в свою очередь, обращались к «НАЦ» не только за соответствующими их роду занятия или социального положения материалами, «НАЦ», как отмечалось, была, в первую очередь, политическим изданием, а значит, основным товаром газеты был ее собственный взгляд на актуальные события. Первым признаком, объединявшим аудиторию «НАЦ», была политическая позиция, выражавшаяся в лояльности правительству.

В другой газете, «Германия», реклама печаталась в небольших объемах. Чаще всего она занимала половину или 2/3 последней страницы каждого утреннего номера. Иногда для рекламы выделялась целая страница, что зависело от того, насколько насыщенными были последние дни. Как отмечалось, «Германия» была изданием католической партии Центр, что сказывалось и на содержании рекламных объявлений: в сообщениях о найме на работу или поиске места нередко отдельно указывалась принадлежность соискателя к католичеству. Кроме того, в газете

помещалось много просьб о пожертвованиях и благотворительности. В объявлениях об образовательных учреждениях для детей рекламодатели также указывают, что воспитание и процесс обучения выдержан в духе католических учебных заведений. Такого рода объявления говорят и о том, что читатели имели семьи и желали позаботиться об образовании своих отпрысков, что требовало определенных средств. О достаточно высоком уровне их дохода говорят также сообщения от поставщиков сигар и алкоголя. Однако их количество невелико, также практически нет рекламы курортов и домов отдыха, сообщений о продаже лошадей и предметов роскоши, услуг частных врачей и финансовых экспертов. Это дает основания полагать, что доходы предполагаемых читателей были скорее средними, нежели высокими.

Объем сообщений о развлечениях в «Германии» невелик, что вкупе с небольшим числом предложений о путешествиях и поездках дает основания предполагать более сдержанный и менее светский тип проведения досуга, чем тот, что реклама предлагала читателям «НАЦ».

Кроме того, доля сообщений об оптовой торговле (в первую очередь, такой, которая предполагала дальнейшую перепродажу), перевозках различными видами транспорта по Германии и миру, а также с предложениями об аренде недвижимости совсем невелика. Гораздо меньше места, нежели в «НАЦ», было отведено и рекламе банковских и финансовых услуг. Это говорит о малой мобильности (экономической, в том числе) читателей, небольшом проценте занимавшихся мелкой торговлей среди них, а также достаточно высоком возрастном пороге.

Следует отметить, что основной общей чертой читателей «Германии» была их конфессиональная принадлежность. Гораздо меньшее значение имели род профессиональной деятельности, а также доход и способы проведения досуга, в то время как семейный и гуманитарный аспекты являлись немаловажными. Эти особенности должны были сужать аудиторию «Германии», однако вместе с тем они служили объединяющим фактором, своего рода ценностным цензом.

В «НПЦ» рекламе уделялось столько же места, сколько и в «НАЦ»: в четырехстраничном номере объявления занимали от половины полосы в утренних выпусках до полутора полос в вечерних и в приложениях (Beilage), т.е. примерно треть всего объема издания.

В «НПЦ» появлялось большое количество рекламных объявлений о продаже одежды, среди которых немало было посвящено женскому гардеробу, а также реклама мебели и предметов интерьера. Кроме того, в «НПЦ» нередко появлялись и сообщения о товарах для ведения домашнего хозяйства, различного рода бытовой техники (в той мере, в какой это понятие применимо к концу XIX в.), о продаже горючего и посуды. Все это свидетельствует о семейном статусе читателей газеты, об их устоявшемся быте, как и в случае «НАЦ».

Однако, в отличие от «НАЦ», реклама алкоголя и сигар занимает в «НПЦ» гораздо меньше места, как и объявления о продаже музыкальных инструментов. Также немного сообщений, посвященных товарам для охоты, одежде для прислуги. По нашим данным, аудиторию «НПЦ» составляли люди со средним доходом, поскольку круг рекламируемых товаров, требовавших крупных затрат, в ней меньше, чем в «НАЦ».

В то же время рекламе спектаклей, панорам, представлений, ресторанов и других способов проведения досуга в «НПЦ» уделено немало места. Указанные выше «аристократический» и «демократический» способы времяпрепровождения прослеживаются и в этом издании, соотношение объявлений, относящихся к каждому из них, примерно равно. В «НПЦ» также присутствует реклама курортов (в меньшей степени, чем в «НАЦ»), отелей и пансионатов. Однако практически все они находились в Германии, сообщения о зарубежных курортах практически отсутствуют, как и объявления о различных выставках новинок среди товаров и услуг, как в Германии, так и во всей Европе. Это говорит о меньшей мобильности читателей, а также об их среднем достатке.

Обилие сообщений об оптовой продаже различных товаров, о поиске земельных участков для покупки свидетельствует о наличии среди аудитории «НПЦ» коммерсантов. Также немало места отведено рекламе различных финансовых и рекламных услуг. Частота появления такого рода объявлений свидетельствует о деловой активности читателей.

Таким образом, можно констатировать, что в круг читателей «НПЦ» входили коммерсанты, чей возраст был выше, чем у основной аудитории «НАЦ», что подтверждает вывод о меньшей мобильности среди подписчиков. Однако, как и в случае с «НАЦ», читатели «НПЦ» были преимущественно семейными людьми со средним достатком и достаточно высоким уровнем образования.

Консервативная пресса, отличавшаяся, с одной стороны, определенной однородностью информационного контента, в то же время характеризуется большим разнообразием аудитории. Изучаемые издания по многим вопросам сходились в оценках тех или иных политических событий. Различия возникали в тех случаях, когда на первый план выходила партийная принадлежность членов редакции или издателей, то есть, когда позиция редакции по внутренним политическим вопросам была решающей. Тем не менее, газеты искали и находили своих читателей в разных слоях общества, что, с одной стороны, должно было совпадать с партийной ориентацией издания, как в случае с «Германией», когда особенно важна была религиозная принадлежность. С другой стороны, как показывает случай «НАЦ» и «НПЦ», в плане информационного контента достаточно близких, но, как следует из анализа рекламы, достаточно сильно отличавшихся в плане ориентации на ту или иную публику, для изданий важен был статус издания, его респектабельность.

Разнородность рекламного контента свидетельствует о стремлении изданий ориентироваться на разные слои населения, включить в свою читательскую аудиторию людей с разным достатком и уровнем образования. Это, однако, не размывает границы круга читателей, напротив, определить профиль газет возможно, проследив определенные тенденции, выявленные в потоке рекламных сообщений.

Различия между потенциальными подписчиками того или иного консервативного издания демонстрируют, в том числе, насколько отличался информационный контент этих изданий, а также показывают разницу в запросах тех или иных групп населения Германской империи. Механизм формирования общественного мнения, таким образом, становится доступным для описания путем изучения его отдельных сегментов, одним из которых являлась консервативная пресса.

БИБЛИОГРАФИЯ

Germania. Zeitung für das deutsche Volk. 1888. 1.-31. Januar.
Germania. Zeitung für das deutsche Volk. 1889. 1.-31. Juli.
Germania. Zeitung für das deutsche Volk. 1890. 1.-31. Januar.
Neue preussische Zeitung. 1888. 1.-31. Januar.
Neue preussische Zeitung. 1889. 1.-31. Juli.
Neue preussische Zeitung. 1890. 1.-31. Januar.
Norddeutsche Allgemeine Zeitung. 1888. 1.-31. Januar.
Norddeutsche Allgemeine Zeitung. 1889. 1.-31. Juli.
Norddeutsche Allgemeine Zeitung. 1890. 1.-31. Januar.
Ученова В.В., Старых Н.В. История рекламы, или Метаморфозы рекламного образа. Учебник для ВУЗов. М.: «ЮНИТИ-ДАНА», 1999. 366 с.
Щепилова Г.Г. Реклама в СМИ: история, технологии, классификация. М.: Изд-во Московского ун-та, 2010. 464 с.
Blessing W. K. Konsum als soziales Kitt. Biergeselligkeit und Bierkrawall im Königreich Bayern. Regionale Konsumgeschichte // Clio-Online: Fachportal für Geschichtswissenschaften. [Berlin, 2015]. URL: http://hsozkult.geschichte.hu-berlin.de/index.asp?id=5353&view=pdf&pn=tagungsberichte&type=tagungsberichte.
Cronau R. Das Buch der Reklame. Geschichte, Wesen und Praxis der Reklame. Ulm: Wohlersche Buchhandlung, 1887.
Fischer H.-D. Geschichte der Parteizeitung // Medienwissenschaft. Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Bd. 15.1. / Leonhardt J.-F., Ludwig H.-W., Schwarze D. (Hrsg.). Berlin, New York: De Gruyter, 1999. 1025 S.
Schambeck H. Staat, Öffentlichkeit und öffentliche Meinung. Berlin: Duncker & Humboldt, 1992. 40 S.
Stoekl H. Werbetypografie – Formen und Funktionen // Werbung – grenzenlos / Held G., Bendel S. (Hrsg.). Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2008. 244 S.
Schramm M. Konsumgeschichte // Docupedia-Zeitgeschichte. Begriffe, Methoden und Debatten der zeithistorischen Forschung. [Potsdam, 2015]. URL: https://docupedia.de/zg/Konsumgeschichte_Version_2.0_Manuel_Schramm

REFERENCES

Germania. Zeitung für das deutsche Volk. 1888. 1.-31. Januar.
Germania. Zeitung für das deutsche Volk. 1889. 1.-31. Juli.
Germania. Zeitung für das deutsche Volk. 1890. 1.-31. Januar.
Neue preussische Zeitung. 1888. 1.-31. Januar.

Neue preussische Zeitung. 1889. 1.-31. Juli.
Neue preussische Zeitung. 1890. 1.-31. Januar.
Norddeutsche Allgemeine Zeitung. 1888. 1.-31. Januar.
Norddeutsche Allgemeine Zeitung. 1889. 1.-31. Juli.
Norddeutsche Allgemeine Zeitung. 1890. 1.-31. Januar.
Uchenova V.V., Starykh N.V. Istoriya reklamy, ili Metamorfozy reklamnogo obra-za. Uchebnik dlya VUZov. M.: «YuNITI-DANA», 1999. 366 s.
Shchepilova G.G. Reklama v SMI: istoriya, tekhnologii, klassifikatsiya. M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 2010. 464 s.
Blessing W. K. Konsum als soziales Kitt. Biergeselligkeit und Bierkrawall im Königreich Bayern. Regionale Konsumgeschichte // Clio-Online: Fachportal für Geschichtswissenschaften. [Berlin, 2015]. URL: http://hsozkult.geschichte.hu-berlin.de/index.asp?id=5353&view=pdf&pn=tagungsberichte&type=tagungsberichte.
Cronau R. Das Buch der Reklame. Geschichte, Wesen und Praxis der Reklame. Ulm: Wohlersche Buchhandlung, 1887.
Fischer H.-D. Geschichte der Parteizeitung // Medienwissenschaft. Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Bd. 15.1. / Leonhardt J.-F., Ludwig H. W., Schwarze D. (Hrsg.). Berlin, New York: De Gruyter, 1999. 1025 S.
Schambeck H. Staat, Öffentlichkeit und öffentliche Meinung. Berlin: Duncker & Humboldt, 1992. 40 S.
Stoekl H. Werbetypografie – Formen und Funktionen // Werbung – grenzenlos / Held G., Bendel S. (Hrsg.). Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2008. 244 S.
Schramm M. Konsumgeschichte // Docupedia-Zeitgeschichte. Begriffe, Methoden und Debatten der zeithistorischen Forschung. [Potsdam, 2015]. URL: https://docupedia.de/zg/Konsumgeschichte_Version_2.0_Manuel_Schramm

Чернецкая Екатерина Кирилловна, *аспирантка кафедры Всеобщей истории Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета; dead-mello@yandex.ru*

Advertisement in the media space of German conservative newspapers (1888–1890)

Advertisements, which were printed in three different conservative newspapers of German Empire, are considered in the article as a basis for determining the audience of this newspapers and their social profile. In addition to its economical functions, the advertisements also played a social role as a part of the informational stream. Thus, the mediatory functions of promotional content as well as its proper message are put in the article into focus.

Keywords: German Empire, late 19th century, periodical, advertisement, public opinion.

Ekaterina Chernetskaia, *Post-graduate student of the Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; dead-mello@yandex.ru*

М. М. Кочедыкова

ЗИГЗАГИ СУДЬБЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ ПЕЧОРСКОГО СЕВЕРА А. В. ЖУРАВСКОГО

Исследователь Печорского края европейского северо-востока России начала XX в. Андрей Владимирович Журавский (1882–1914) рассматривается в краеведческой литературе главным образом как новатор в области изучения естественных богатств, растительного мира. В статье анализируется становление личности исследователя.

Ключевые слова*: *А.В. Журавский, становление личности, Печорский Север.

А.В. Журавский родился в 1882 г. в Херсонской губернии. Кто были настоящие родители неизвестно, так как младенца подбросили в 1882 г. в детский приют Елизаветграда в возрасте 2-3 недель. Очевидно, что мать ребенка не была социально обеспечена, и первые недели жизни были для него критическими. Но в начале октября 1882 г. его усыновили[1].

Семья, усыновившая младенца, имела прочные социальные корни. Как видно из копии послужного списка приемного отца Владимира Ивановича Журавского (1840–1892), он происходил из дворян Херсонской губернии (по некоторым данным, дворянство им было даровано Петром I за ратные подвиги). Его родители имели 5383 дес. земли. Три брата отца были военными инженерами. В.И. Журавский окончил Инженерное училище (1854) и был оставлен при Николаевской академии для продолжения образования. В 1860 г. назначен в Херсонскую инженерную команду, затем служил в управлении начальника инженеров Одесского военного округа. В 1869 г. стал производителем инженерных работ по устройству железной дороги в Ростове-на-Дону и Таганроге, а в 1875 г. начальником Елизаветградской инженерной дистанции. Награжден несколькими орденами. С 1884 г., когда приемному сыну исполнилось два года, служил в Петербургском крепостном инженерном управлении. Перед увольнением на пенсию в 1891 г. произведен в генерал-майоры, но вскоре скончался[2].

Приемные родители уделяли воспитанию ребенка большое внимание. Мальчик неоднократно посещал с родителями Европу. В 1907 г. он вспоминал: «До 1902 года мне приходилось много путешествовать по всей России, по Кавказу, по Крыму, по Финляндии, по Австро-Венгрии, по Пруссии, по Италии, по Швейцарии и по Франции»[3]. Однако супруга А.В. Журавского О.В. Семенова (по второму браку Карабанова) признавала, что «о детстве своем А.В. не любил вспоминать, потому что, как он выражался, “оно покрыто мраком неизвестности”». Правда жизни открылась юноше, когда «умирая, мать сделала ему намек на то, что он был

[1] Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф. 340. Оп. 1. Д. 36. Л. 10.

[2] НАРК. Ф. 340. Оп. 1. Д. 23. В литературе встречаются неверные утверждения, что Андрей был усыновлен генерал-майором. См.: *Орешина* 2000.

[3] Журавский 1907.

незаконнорожденным сыном. После этого откровения всю жизнь его мучила загадка его происхождения, но, не имея живых свидетелей, он ни к чему не мог придти. Сознание, что вся его жизнь от детства до юности была ложь, было трагедией в его жизни, ибо ложь во всем ему была противна»[4]. Друг Андрея, будущий академик А.А. Григорьев писал: «9 июня 1901 г. обедать я был приглашен к Журавскому. У бедного Андрюши 17 мая умерла мать, наша добрая и симпатичная Софья Кесаревна, которая меня так любила. 20-го мы ее схоронили. Андрюша все время был сосредоточен; он не плакал, но был бледен. Потом для Андрюши начались хлопоты относительно наследства и проч. Пришлось уплачивать по многим счетам, причем часто являлись за уплатой счетов уже уплаченных. Андрюша был придавлен всеми этими хлопотами». Андрей узнал, что не имеет «права наследования по закону в имуществе его воспитателя».

В семье предполагали, что сын, как и все мужчины рода, станет военным. Но у матери возникали по этому поводу сомнения. Дядя Журавского писал: «Еще во время твоего детства при одном разговоре, покойная мама твоя заявила, что насколько она понимает тебя, ты не пойдешь по военной дороге. Я заметил на это, что воинов у нас и так много, а, по-моему, и лучше будет, если он посвятит себя такой деятельности, где заключается большая потребность в достойных людях, будет инженером, техником и т.д.»[5]. Братья отца придерживались либеральной идеологии. Один из них по случаю окончания гимназии, пожелал Андрею «работать на пользу народу, не бунтуя фабричных или творя подобные беспорядки, а стараясь развить, образовать народ по мере возможности, чтобы он стал похож на человека». В поведения юноши сохранялись устои, усвоенные в детстве. Он писал, что «фамилия Журавских отмечена достойною дворянскою службою престолу и России»[6].

Десятилетнего Андрея отдали учиться в частную Петербургскую гимназию Я.Г. Гуревича, где большое внимание уделяли гуманитарным предметам[7]. Владелец гимназии, Яков Григорьевич Гуревич (1843–1906), педагог, составитель учебных пособий по истории, общественный деятель, был редактором и издателем журнала «Русская школа», одним из инициаторов создания Исторического общества при Петербургском университете[8]. Гимназия Я.Г. Гуревича считалась одной из лучших в столице. Здесь преподавали яркие педагоги. Традиционно в начале каждого нового учебного года устраивали годичные акты, на которых с публич-

---

[4] Научный архив Коми научного центра УрО РАН. Ф. 1, Оп. 2. Д. 227. Л. 41.

[5] НАРК. Ф. 340. Оп. 1. Д. 87.

[6] Когда в 1911 г. как заведующий сельскохозяйственной станцией в с. Усть-Цильма Архангельской губернии (ныне Республики Коми) А.В. Журавский хлопотал о наделении его земельным участком, он просил императора о разрешении «стать и первым печорским помещиком». НАРК. Ф. 340. Оп. 1. Д. 100. Л. 9.

[7] *Рощевская, Попова* 2007.

[8] Воспоминания о нем оставили многие, в т.ч. Н.И. Кареев (Кареев 1990. С. 222).

ными лекциями и научными докладами выступали преподаватели. Современные исследователи высказывают мнение, что институт гимназии был призван «воспитывать действительных интеллигентов». Здесь давалось общее образование с жестким стандартом, которое базировалось на изучении фундаментальных вещей, а не специализированных курсов, формировались общие элементарные навыки интеллектуальной деятельности, готовились профессионалы мысли, обладающие недифференцированным состоянием сознания[9].

Андрей учился в гимназии 9 лет. Поведение его за все время обучения было отличным, он был «исправен в посещении и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ», проявил «хорошее прилежание и отличную любознательность», обнаружив особый интерес к космографии и физике. Однако оценки в аттестате не столь блестящие: пятерок всего две по немецкому языку и математической географии. Знание Закона божия, русского языка с церковно-славянским, словесности, математики и физики оценено на четыре. Труднее давались гимназисту другие дисциплины (история, география, латинский, греческий, французский), по которым он получил оценку «посредственно»[10]. Несмотря на то, что в языках Андрей не проявил особых талантов, в публикациях он часто употреблял иностранные слова и выражения, но, видимо, овладел только разговорным и беллетристическим языком, а понимание специальных, религиозных, философских текстов, вызывало сложности. Недаром, дядя Михаил Журавский сетовал: «Насколько мне известно, гимназическое учение доставалось тебе не без некоторого труда, иначе тебе не были бы нужны услуги репетиторов сторонних и домашних помощников»[11]. В гимназии юноша увлекался многим и позволял себе судить даже о том, в чем не являлся профессионалом. Аттестат зрелости был получен 31 июля 1901 г., а за несколько дней до этого скончалась его мать.

Источником о круге чтения гимназиста Журавского являются его дневниковые записи. Однажды он записал: «А мне кажется, книги читаются больше для воспитательного значения, нежели для развития простого любопытства». Более всего его интересовала литература о севере страны. В дневнике за 1900 г. он написал: «Хотел поехать куда-нибудь на север, хотя бы в Архангельск, и там, на свободе, среди любимой мною северной природы, написать своё заветное словцо…». Видимо, именно в это время у Андрея просыпается тяга к Северу. Правда, пока он смотрит на этот край не как на предмет изучения, а как на место своего уединения. После знакомства с изданием «Книга природы» Журавский «на природу стал смотреть с научной точки зрения»[12].

---

[9] См.: http://folioverso.ru.

[10] НАРК. Ф. 340. Оп.1. Д. 36. Л. 5, 27.

[11] НАРК. Ф. 340. Оп. 1. Д. 69. Л. 32.

[12] *Кочедыкова, Рощевская* 2014.

Летом 1901 г. юноша поступил на естественное отделение Петербургского университета. Родственники поддерживали его стремление учиться и гордились первыми успехами. Дядя Михаил предупреждал: «Университетский курс, конечно, будет труднее гимназического, а потому едва ли было бы благоразумно отвлекать себя сторонними занятиями вместо того, чтобы отдаться непосредственным занятиям». И в другом письме: «Мне также, разумеется, было очень приятно узнать и об успехах твоих занятий с учеником и об официальном засвидетельствовании твоей научной деятельности». Очевидно, родственник и опекун имел в виду первое выступление молодого человека на студенческом семинаре. Позже он признавал, что в письмах племянника «поставлено несколько вопросов настолько тонкого научного характера», что дядя не осмеливался их обсуждать. Будучи студентом первого курса, Андрей принял важное решение, с которым согласился дядя: «...я узнал от тебя, что ты желаешь посвятить себя ученой деятельности и будешь стремиться к тому, чтобы быть оставленным при университете для подготовки на профессора».

Университет многое дал Журавскому. Большое влияние на становление его характера оказал зоолог В.М. Шимкевич[13], с его тезисом: «Нытьем да жалобами не поможешь. Прежде всего, надо работать и бороться – тогда забудешь все невзгоды». Он научил молодого человека добиваться нужных результатов, заронил в нем интерес к науке. Следуя своему девизу: «не опускаться до аудитории, а поднимать ее до уровня профессора», он заставлял студентов думать и самим искать ответы на вопросы[14]. В университете большую роль играли научные общества. Именно благодаря сотрудничеству с Обществом естествоиспытателей Андрей Журавский в 1903 г. был командирован на Печору.

Средств, оставшихся после смерти родителей, оказалось немного. Родственники пытались материально поддерживать студента. Дядя писал, что небольшую сумму может предложить, «высылая по частям, по мере надобности на твои потребности. Цель же моя заключается в том, чтобы избавить тебя во время университетского курса от необходимости путем сторонних уроков или тяжелых литературных работ добивать средства к существованию», т.к. надо тебе сосредоточиться на университетских занятиях»[15]. «Ты пишешь, – продолжал дядя в другом письме, – что в последнее время задумываешься много о своей будущности и решил до подачи диссертации посвятить себя деятельности педагогической в средней школе. Я с этим согласен. До совершеннолетия вряд ли надолго хватит наследственного капитала. А что тогда? Мало оплачиваемое учительство?»[16]. Но частные уроки Андрей давал недолго.

---

[13] Член-корреспондент Академии наук с 1906 г., академик – с 1920 г.
[14] Фокин 2003.
[15] НАРК. Ф. 340. Оп. 1. Д. 40. Л. 10.
[16] НАРК. Ф. 340. Оп. 1. Д. 41. Л. 4.

На заседании ботанического семинара Андрей выступил с докладом «Болезни растений». «Мне приходилось слышать обвинения в том, – позже писал Журавский, – что в настоящем моем труде более описаний самих паразитов, чем болезней, ими причиняемых»; «мне выразили сомнение, что болезни растений можно отнести к биологии, так как считают это предметом лесоводства». Находясь в Финляндии, Журавский к декабрю 1901 г. снабдил доклад введением, предисловием, различными указателями и на собственные средства издал в качестве книги[17], которую разослал родным. Дядюшка горячо благодарил за презент: «Могу только пожелать наилучшего успеха этому дебюту, а с тем вместе и последующей твоей деятельности в этом направлении». И добавлял: «Ты поручил печатать объявление о выходе книги в газетах. Попало в газеты 1 июня. Вырезку посылаю. Заплатил за три объявления 7 и 21 июня, но не в Харьковских вед., а в др. газете Харькова «Южный край».

Едва закончив первый курс и даже не сообщив родным о результатах сессии, юноша весной 1902 г. уехал в с. Усть-Цильма Архангельской губернии. Не случайно дядя в первом же письме в Усть-Цильму 13 июня 1902 г. интересовался, как благоприятно завершились экзамены. И далее: «есть ли основание надеяться на мирное покойное течение университетской жизни в предстоящий учебный год, и если нет, то почему? Последние вопросы таковы, что теперь ты можешь о них высказаться спокойнее, чем прежде. Кстати, кажется, в Архангельской тюрьме находятся главари бывших студенческих безобразий, или самозваные культуртрегеры на ниве нашей политической жизни. Не знаешь ли чего об их теперешнем положении? Хотя собирать о них для меня специальные справки я и не прошу, чтобы не вызвать подозрения в соучастии с ними»[18].

Первая поездка на Печору произвела на Журавского неизгладимое впечатление: «В 1902 году я впервые посетил Печорский край. Тут меня поразил грандиозный контраст между воспитанным в нас представлением о крайнем Севере и, в особенности, о так называемых тундрах, и тем, что представляет собой этот крайний север и тундры в реальной действительности». «Поражали совершенно непривычным характером» «чрезвычайно холмистый рельеф, почти полное отсутствие болот, роскошная цветковая флора, совершенно не болотная энтомофауна». Дядя также признавал в июле 1902 г.: «Ведь твои отзывы о нашем северном крае – настоящий панегирик ему»[19]. С обратной дороги Журавский писал: «Результаты моей командировки невелики. Птиц убито около полутысячи, но уцелела едва ли сотня. Насекомых собрано очень мало (видов 80 жуков). Несколько богаче планктон и фитопатология. Млекопитающих мало, т.к. я больше наблюдал, чем истреблял. По ихтиологии – 2 рыби-

[17] Журавский 1908.
[18] НАРК. Ф. 340. Оп. 1. Д.56. Л. 5.
[19] Там же.

ны. Флористическая коллекция совершенно полная, не уступает ей палеонтологическая – 12 пудов; везу пол-таза мамонта. Моя заслуга перед наукой исчерпывается чисто абстрактной формулой: я предложу совершенно новый взгляд на тундру. Этот вывод относится к геологии».

На следующий год Андрей снова выехал на север. С 1901 по 1906 г. он числился студентом-естественником физико-математического факультета, но с 20 лет участвовал во многих научных экспедициях по Северу России. Сотрудничая в академических музеях по обработке собранных им на Печоре уникальных коллекций, он позволял себе игнорировать правила обучения в университете. Когда Журавского известили, что он отчислен из университета в связи с невыполнением учебного плана, он удивился, почему не произвели зачета по зоологии, хотя о его занятиях по этому предмету отмечено в годичном отчете университета, а в трудах общества естествоиспытателей еще в 1904 г. опубликовали статью «О Западе Большой земли. Топографический облик и фауна тундры»[20]. 14 декабря 1906 г., называя себя студентом-зоологом, он писал в университет, что не сможет прибыть в Петербург: «Все мое время здесь посвящено исключительно науке». Он просил: «…в доказательство научных занятий принять на рассмотрение заканчиваемую мною оригинальную работу по географии, зоологии, ботанике и геологии “Печорский край. Зоогеографические и фитогеографические формулы и проблемы”»[21]. Фактически Журавский оставил университет.

Журавский был естествоиспытателем, но сумел оценить культуру аборигенов региона и стал коллекционировать предметы быта ненецкого, отчасти финно-угорского, и русского населения. Как типичный интеллигент своего времени он совершил своеобразный поход в народ. Журавский находился в пограничном положении между социальными группами и культурами, он относился к людям с высоким уровнем мобильности, что отчасти объясняет сравнительно легкое для него решение отправиться на Печору, которое позволило ему внести значительный вклад в изучение северных территорий России. За очень короткую жизнь Журавский опубликовал несколько сот научных и публицистических статей, сотрудничал в журналах, крупных центральных газетах и провинциальных изданиях, организовал Печорскую естественноисторическую станцию при Императорской академии наук в 1906 г.[22]

БИБЛИОГРАФИЯ

Журавский А. Болезни растений, причиненные паразитами и типические их повреждения. Биологические элементы энтомологии и фитопатологии. СПб., М., 1908. 256 с.

Журавский А. Тундры // Архангельск. 1907. № 197. С. 1.

Журавский А. Центральные меридианы Большеземельской тундры. Экспед. 1904 и 1905 гг. // Изв. Импер. Русск. Геогр. Общ-ва. Т. XLVI. Вып. 5.

[20] Журавский 1904.

[21] *Журавский* 1905.

[22] *Кочедыкова* 2013.

Журавский А.В. О западе Большой Земли. Топографический облик и фауна Тундры. Результаты путешествия летом 1903 года // Труды Императорского С.-Петербургского Общества естествоиспытателей. Отд. зоологии и физиологии. 1904. Т. 35. Вып. 1. С. 81-92; Вып. 2. С. 65-95; Вып. 3. С. 81-82.

Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990.

Кочедыкова М.М. Сотрудничество А.В. Журавского с Императорской Санкт-Петербургской академией наук // Документальное наследие России: теория и практика сохранения и использования научных фондов. Сыктывкар, 2013. С. 346-352.

Кочедыкова М.М., Рощевская Л.П. Библиотека историко-мемориального музея им. А.В. Журавского в с. Усть-Цильма Республики Коми // Библиосфера. 2014. № 4. С. 57-64.

Орешина М.А. Россия региональная Теоретико-методологические аспекты изучения / под ред. Г.И. Зверевой. М., 2000. (http://www.booksite.ru/fulltext/ore/shi/na/6.htm)

Рощевская Л.П., Попова О.М. Круг чтения гимназиста А.В. Журавского // Известия Общества изучения Коми края, Сыктывкар, 2007. № 1 (10). С. 13-17.

Фокин С.И. Жизнь университетского профессора. Владимир Михайлович Шимкевич // Санкт-Петербургский университет. 2003. № 28-29 (http://zoology.bio.pu.ru)

REFERENCES

Zhuravskii A. Bolezni rastenii, prichinennye parazitami i tipicheskie ikh povre-zhdeniya. Biologicheskie elementy entomologii i fitopatologii. SPb., M., 1908. 256 s.

Zhuravskii A. Tundry // Arkhangel'sk. 1907. № 197. S. 1.

Zhuravskii A. Tsentral'nye meridiany Bol'shezemel'skoi tundry. Eksped. 1904 i 1905 gg. // Izv. Imper. Russk. Geogr. Obshch-va. T. XLVI. Vyp. 5.

Zhuravskii A.V. O zapade Bol'shoi Zemli. Topograficheskii oblik i fauna Tundry. Rezul'taty puteshestviya letom 1903 goda // Trudy Imperatorskogo S.-Peterburgskogo Obshchestva estestvoispytatelei. Otd. zoologii i fiziologii. 1904. T. 35. Vyp. 1. S. 81-92; Vyp. 2. S. 65-95; Vyp. 3. S. 81-82.

Kareev N.I. Prozhitoe i perezhitoe. L., 1990.

Kochedykova M.M. Sotrudnichestvo A.V. Zhuravskogo s Imperatorskoi Sankt-Peterburgskoi akademiei nauk // Dokumental'noe nasledie Rossii: teoriya i praktika sokhraneniya i ispol'zovaniya nauchnykh fondov. Syktyvkar, 2013. S. 346-352.

Kochedykova M.M., Roshchevskaya L.P. Biblioteka istoriko-memorial'nogo muzeya im. A.V. Zhuravskogo v s. Ust'-Tsil'ma Respubliki Komi // Bibliosfera. 2014. № 4. S. 57-64.

Oreshina M.A. Rossiya regional'naya Teoretiko-metodologicheskie aspekty izucheniya / pod red. G.I. Zverevoi. M., 2000. (http://www.booksite.ru/fulltext/ore/shi/na/6.htm)

Roshchevskaya L.P., Popova O.M. Krug chteniya gimnazista A.V. Zhuravskogo // Izvestiya Obshchestva izucheniya Komi kraya, Syktyvkar, 2007. № 1 (10). S. 13-17.

Fokin C.I. Zhizn' universitetskogo professora. Vladimir Mikhailovich Shimkevich // Sankt-Peterburgskii universitet. 2003. № 28-29 (http://zoology.bio.pu.ru)

Кочедыкова Мария Максимовна, магистрант Института истории и права Сыктывкарского государственного университета; masha_k90@mail.ru

Early years of A.V. Zhuravsky, a researcher of North Pechora: twists of fate

Andrey Vladimirovich Zhuravsky (1882-1914), a researcher of Pechora region in the North-East of Russia in the early 20th c. has been viewed by local historians as innovator in the field of botany and natural resources. The article analyses the development of the personality of the scholar.

Keywords: *A.V. Zhuravsky, personal development, North Pechora. .*

Maria Kochedykova, *postqraduate of the Institute of History and Law of the Syktyvkar State University; masha_k90@mail.ru*

И. Е. Андронов

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ “ИСТОРИИ БИОГРАФИЙ”

Новаторская концепция изучения богословского содержания творчества М. Флация Иллирика, предложенная в новом труде Л. Илича (Ilić L. Theologian of Sin and Grace. The Process of Radicalization in the Theology of Matthias Flacius Illyricus. Göttingen; Bristol, CT: Vandenhoek & Ruprecht, 2014), рассматривается на фоне сложившихся в исторической литературе традиций изучения крупнейшего лютеранского церковного историка.

Ключевые слова: *история Церкви, лютеранское богословие, М. Флаций, XVI век.*

Творчество знаменитого лютеранского богослова и историка Матиаса Флация Иллирика (1520–1575) привлекло внимание историков в середине XIX в.: в 1859–1861 гг. В. Прегер опубликовал двухтомное исследование, заложившее основу долгой исторической традиции, которая заключалась, прежде всего, в изучении творчества этого многогранного деятеля сквозь призму его собственной биографии, протекавшей на фоне событий бурной политической и религиозной истории. Недавно вышедшие исследования Луки Илича и Харальда Болбука[1] подтверждают эту традицию, придавая ей в то же время новое звучание и стимулируя внимание коллег новаторскими подходами и новым материалом. Вполне вероятно, эти сочинения станут началом новой волны исследовательского интереса к этому персонажу и его произведениям.

Матиас Флаций (Матия Влачич) родился в 1520 г. в Альбоне, на полуострове Истрия. Мать мальчика происходила из итальянской дворянской семьи; отец Андреа Влачич был выходцем из среды разбогатевших хорватских плебеев. Начальное образование Матия получил от отца и частных учителей, а в возрасте 16 лет был направлен на учёбу в столицу – Венецию. Венеция была в эти годы средоточием итальянского религиозного свободомыслия и протестных настроений в адрес католической церкви. Отказавшись от перспективы церковной карьеры и разочаровавшись в гуманистических занятиях, Флаций направился учиться в Германию. Укрепившись в своих протестантских воззрениях, он в 1541 г. осел в Виттенберге, где закончил университет и вошел в круг ближайших соратников Лютера и Меланхтона. Там же появились на свет его первые богословские сочинения.

В 1549 г. Флаций переехал в Магдебург. Вплоть до Тридцатилетней войны этот город играл важнейшую роль в интеллектуальной жизни лю-

[1] См. также: Bollbuck 2014.

теранского лагеря. Флаций отличился в полемике против Аугсбургского Интерима 1548 года. Основная критика пришлась на выдвинутое Меланхтоном понятие «адиафора» – буквально «несущественное», т.е. то, чем можно пожертвовать ради компромисса с Римом. Поддержав Кальвина, Флаций стал вскоре основным критиком как этого понятия, так и породившего его принципа. В те же годы разгорелся и спор относительно роли добрых дел в Спасении (т.н. Майористский диспут). Параллельно велись диспуты о природе Оправдания, о правилах интерпретации Священного Писания, о Евхаристии. Там же, в Магдебурге, постепенно сложился замысел основных историко-церковных сочинений Флация – «Каталога свидетелей Истины» и «Магдебургских Центурий».

С 1557 г. Флаций поселился в Саксонии, став профессором только что образованного Йенского университета. Там он активно выступал по поводу Вормсского религиозного диспута и в острой дискуссии о роли свободной воли человека (т.н. синергистский спор). Его мышление становилось всё более радикальным, что привело к глубокому конфликту с властями и университетской средой. В 1562 г. Флация изгнали из Йены и он был вынужден долго скитаться, часто – тайно, по городам Германии. С этого момента его вовлеченность в процесс создания «Магдебургских центурий» стала сокращаться и через несколько лет сошла на нет. Последовавший в конце 1560-х гг. конфликт рассорил его с другими ветеранами проекта, и авторский коллектив распался окончательно.

До 1566 г. Флаций жил в Регенсбурге, затем – в Антверпене и Страсбурге. Последние годы жизни он провёл в конфликтах, прочертивших окончательную границу между лютеранством и кальвинизмом (т.н. «спор о крипто-кальвинизме», разгоревшийся в 1562 г.), в острой дискуссии о евхаристии. В эти же годы он работает над своим основным сочинением по библейской экзегезе – «Ключом к Св. Писанию»[2]. Часто приводится высказывание Г.-Г. Гадамера, назвавшего этот текст «первой важной работой по герменевтике»[3]; главной проблемой, поднятой в этой книге, был вопрос о первородном грехе в лютеранской теологии. Трактовка Флация настолько расходилась с основным течением в лютеранстве, что стала поводом к новым яростным спорам; последние годы жизни Флация ушли на защиту от обвинений в ереси, написание апологий, выступления в диспутах, проводившихся в различных городах Германии. Скончался Флаций в 1575 г. во Франкфурте-на Майне.

Историки изучают творчество Флация, главным образом, применительно к историко-церковным сочинениям («Магдебургским центуриям» и в последние десятилетия – «Каталогу свидетелей истины»); остальные работы исследовались гораздо меньше, некоторые вообще лишь упоминались. Историки религии обращали основное внимание на роль Флация

---

[2] Clavis Scripturae Sacrae, 2 v., Basel, Episcopius, 1580-81.

[3] Gadamer 1966: 215-225.

в полемике, на некоторые аспекты его теологии. Таким образом, историзм его богословия и особенности теологических построений в историко-церковных произведениях долго оставались «на обочине» исследований. Разрешение этого противоречия, заполнение сложившихся за два столетия изысканий глубоких лакун – дело ближайшего времени; недавняя работа Л. Илича вносит в это весомый вклад.

Сложились две параллельные линии изучения творческой биографии Флация Иллирика. Одна может быть условно названа «немецкой» и ведет начало с середины XIX в.[4]; первым взявшимся за эту тему историком-профессионалом стал знаменитый историк религии и богослов Вильгельм Прегер. Гюнтер Молденке в 1936 г. выступил с проектом сочинения «Восприятие и значение Писания в эпоху Реформации», выпустив посвященный целиком Флацию первый том[5]. Различные обстоятельства не позволили ученому продолжить труд ни сразу же, ни после войны, однако книга сыграла важную роль. Молденке был учеником Эриха Зееберга и представлял новое поколение сложившейся в Берлинском университете евангелической историко-церковной школы, которая выдвинула на первый план проблему экзегезы Писания как основного маркера принадлежности к тому или иному явлению или течению церковной истории. Вследствие этого, история изучалась через посредство написанных в определенную эпоху текстов (почти исключительно богословского содержания), в отрыве от исторических перипетий и других внешних по отношению к церковной истории факторов. Г. Молденке собрал массу известных ему текстов Флация, как опубликованных, так и рукописных (многие автографы Флация после его смерти были выкуплены и хранятся в Библиотеке герцога Августа в Вольфенбюттеле). С исторической точки зрения показанная Молденке картина имела один большой недостаток – она не учитывала динамики, перемены во взглядах, которая неизбежно возникала под влиянием тех или иных событий. Тем не менее, книга стимулировала интерес к творчеству Флация, а также плодотворность на данном этапе герменевтического подхода[6]. Своего рода «компромиссом» между герменевтикой и историей протестантского богословия стали фундаментальные исследования Петера Майнхольда (тоже ученика Э. Зееберга), позволившие создать стройную историю протестантских учений и совместить ее с историей церковной историографии[7]. Данная исследовательская линия, для которой характерно помещение Флация в самый широкий исторический контекст и фактическое игнорирование его идейных или национальных корней, конечно, отнюдь не исчерпывается перечисленными выше работами.

---

[4] Важной точкой отсчета стала публикация: Twesten 1844.

[5] Schriftverständnis und Schriftdeutung im Zeitalter der Reformation. 1936.

[6] Ещё один пример – замечательное исследование финского историка, опубликованное в Швеции на немецком языке: Haikola 1952.

[7] Meinhold 1967.

Другая линия, напротив, придает особое значение условиям формирования личности и взглядов Флация, его контактам с другими лицами и современным событиям. Пионерами в этих изысканиях выступили хорватские (тогда еще югославские) историки[8]. Их интерес к теме как тогда, так и позднее объяснялся потребностью в поиске национальной идентичности, противостоянии культурной унификации социалистического лагеря и СФРЮ. Безусловно, роль Флация в становлении хорватской культуры весьма заметна, однако навязчивое подчеркивание его роли в лютеранстве, выдвижение его на положение непосредственного идейного наследника Лютера несколько искажают историческую перспективу. В частности, споры Флация с Меланхтоном и последующий конфликт между лютеранскими лидерами толковались порой как своего рода борьба за интеллектуальное наследство. Последним крупным явлением из этой историографической линии является отлично изданная, богато иллюстрированная книга американского исследователя Оливера Олсона[9]. Историк перенял положительные аспекты поиска национальных корней, изучения духовной и интеллектуальной среды во всех городах, в которых жил Флаций на протяжении своей полной скитаний жизни. К этому он добавил нечто очень важное, выйдя далеко за пределы народов или «стран», в контекст которых Флаций уже давно был вписан. Интернационализация этого персонажа оказалась очень плодотворным подходом.

Наконец, в 2014 г. вышло посвященное Флацию исследование хорватского историка и лютеранского священника Луки Илича «Богослов Греха и Благодати»[10], которое, как представляется, объединяет в себе преимущества обеих линий. С одной стороны, книга построена на творческом наследии Флация, причем в орбиту исследования включены как богословские сочинения, так и работы по церковной истории и другим отраслям знаний. За основу выбран хронологический принцип, а целью исследования является эволюция взглядов Флация. При всем богатстве предшествующей историографической традиции, перед нами – уникальный подход и замечательная работа. Содержащийся в ней материал интересен, прежде всего, историкам, но представляет ценность и для специалистов по историографии, а также, разумеется, по богословским дисциплинам. Стержнем данного сочинения является концепция отхода Флация от умеренного и компромиссного направления, олицетворяемого Меланхтоном, в сторону радикального лютеранства. Сама по себе эта концепция отнюдь не нова – историки воспринимают т.н. «гнесиолютеранство» Флация (позицию, занятую в адиафористском споре) как гораздо более широкое понятие и даже характеристику его богословия в

[8] Mirković 1960.

[9] Olson 2002. К сожалению, книга обрывается примерно на середине биографии Флация, что позволяет надеяться на появление однажды второго тома.

[10] Ilić 2014.

целом. Нам бы не хотелось судить о том, насколько это верно, однако очевидно, что ригоризм Флация, его тенденция следовать не только духу, но и букве учения Лютера не были имманентно присущими ему факторами, а развились вследствие определенных внешних причин.

Книга Илича дает ответ на многие вопросы, связанные с переменами в мышлении и мировосприятии Флация. Названный историком «радикализацией» процесс разделен на этапы, которые прослеживаются через группирование его богословских представлений по периодам жизни. Биография Флация тоже вплетена в структуру книги, однако представлена совершенно по-новому: не через реконструкцию событий одного за другим (Прегер), и не через изучение связей и контактов (Олсон). Илич придает особое значение переломным моментам в его жизни, в первую очередь – тем, которые привели к резким изменениям в его занятиях и взглядах. Такой подход производит оригинальный и даже отчасти неожиданный эффект: процесс конфессионализации, характерный для всего германоязычного мира этой эпохи, предстает не как нечто вызванное проповедью Лютера и последующими столкновениями богословов, не как единое явление, а как длительный процесс, ставший реальностью вследствие решений и инициатив множества людей, причем не обязательно связанных с богословием.

Деятельность богословов (и Флация в том числе) была важной, но не единственной причиной конфессионализации. Повсеместное проникновение новых религиозных настроений, публикаторская деятельность участников межконфессионального конфликта вовлекали в него широкие массы людей, и по необходимости диспут становился все менее специфичным и все более доступным сравнительно широкой читающей публике. Деятельность Флация пришлась на то время, когда лютеранская церковь, уже консолидировав свои богословские опоры, боролась не за последователей, а за признание в качестве полноправной альтернативы Римскому католицизму. Это стало причиной исключительной актуальности его теологических построений; его взгляды прекрасно характеризуют общий интеллектуальный мир эпохи, и их изучение будет полезно каждому историку, занимающемуся историей Германии или протестантских церквей XVI века.

Итак, пресловутая «радикализация» Флация имеет три фазы и развивается по нарастающей. Внутри этих фаз проблематика богословских трудов и споров, в которых Флаций участвовал, остается более или менее постоянной; кроме того, они соответствуют этапам его начавшейся и закончившейся университетской карьеры. Историк открыто признает, что крутые переломы в биографии Флация вызваны внешними причинами, и берется выяснить, в какой мере события в политике и церковной жизни сформировали его мышление.

Начальный этап интеллектуальной эволюции Флация приходится на 1536–1548 гг., ассоциируется в основном с его пребыванием в Виттенберге и именуется в книге «пред-радикализацией». Первый период собственно «радикализации» (1548–1557) соответствует пребыванию Флация главным образом в Магдебурге. В эти годы он борется по преимуществу против Аугсбургского Интерима и выдвинутой курфюрстом Саксонии альтернативы – т.н. Лейпцигского Интерима. Пережитые в Магдебурге лишения (Осада в ходе Шмалькальденской войны, отсутствие стабильного дохода, потребности растущей семьи) «интенсифицировали не только его рвение, но и апокалиптические настроения»[11]. Второй этап сравнительно короток (1557–1562) и соответствует пребыванию в Йене на высоких должностях в университете и в церкви. Взлет закончился катастрофой: увольнение Флация из университета и запрет на церковное служение фактически означали изгнание. Следующий этап (1562–1575), несмотря на постоянные попытки очиститься от обвинений, был отмечен углублением «радикализации» богословских взглядов Флация, что привело его к конфликтам, скитаниям, разрыву с большинством соратников и друзей. Отметим одно из важных наблюдений Илича: богословие Флация развивалось в качестве реакции на учения его оппонентов. Оно так и не получило целостного изложения, не было высказано вне контекста диспута единым сводом. Эта особенность богословского метода и даже менталитета Флация заставляла его постоянно конфликтовать, обрекая его даже в случае успеха на сужение круга согласных с ним людей. Под влиянием внешних факторов во взглядах Флация стала всё чаще просматриваться апокалиптическая линия; он видел для себя единственный выход в интенсификации борьбы за Истину. Это обстоятельство может предложить ответ обычному недоумению историков, наблюдающих яростные споры лютеран друг с другом в тот момент, когда, казалось бы, время требовало от них консолидации против вооруженной решениями Тридентского Собора католической церкви.

Историку вполне убедительно удалось показать, что переломные моменты в биографии Флация в целом соответствуют «этапам радикализации» его взглядов. Тем не менее, без ответа остается правомерный вопрос о том, что является причиной, а что – следствием. Так, первым важнейшим событием в биографии Флация Илич считает его встречу с Лютером. Эта точка зрения обычна для лютеранских историков, однако у нас она вызывает серьезное сомнение. Нам представляется гораздо более значимым как для понимания личности, так и для характеристики эпохи то, что произошло с Флацием еще до того, на малой родине и в Венеции. В самом деле, ведь человек, получивший вполне ортодоксальное католическое воспитание и затем отданный на воспитание католикам (пусть и инакомыслящим), поначалу желает вступить на путь церковной

[11] См. Ilić 2014: 131.

карьеры, но – при всей погруженности в религию и готовности пойти на необходимые лишения – легко дает себя разубедить! Вспомним, что вся последующая жизнь Флация стала примером служения вере и своим убеждениям, отказа от благ суетного мира ради битвы за дорогие ему истины. Встреча с Лютером (кстати, уже на закате жизни последнего) была не причиной, а скорее следствием предшествующей глубокой эволюции и напряженных исканий. Изучение источников показывает, что при всем уважении и даже пиететe по отношению к Лютеру Флаций не переоценивал важности своего знакомства и общения с ним для определения собственных взглядов на вещи. Последовавший конфликт с Меланхтоном стал тому доказательством: авторитет уважаемого учителя отступил перед потребностью отстаивать свое мнение, а соображения необходимости единства не остановили молодого человека. Кстати, важным достоинством подхода Илича является более сложный взгляд на природу взаимоотношений Флация с Меланхтоном, что, в свою очередь, имело важнейшие последствия для церковной историографии (в частности, для формирования концепций «Каталога» и «Центурий»).

Глубокое и во многом новаторское исследование Л. Илича ограничивается, на первый взгляд, богословской проблематикой. Разумеется, целью книги было не написание биографии «вообще», а изучение глубокой трансформации богословских взглядов Флация. Тем не менее, богословие далеко не исчерпывает интеллектуальной мощи Флация, а междисциплинарный контекст в работе Илича по глубине изображения существенно уступает богословскому. Отсутствие в книге развернутой характеристики культурной среды, интеллектуального климата городов, в которых Флаций жил, кратких биографий и взглядов его соратников обедняет картину. Она весьма тщательна и добротна. Тем не менее, для чисто богословского исследования в ней парадоксально «мало богословия»: изложение взглядов Флация могло бы быть подробнее, как и концепции его оппонентов-лютеран. Последнее обстоятельство в целом характерно для современной германской науки, из соображений корректности избегающей изложения взглядов противоположных сторон и особенно вынесения «окончательных» оценок. Тем не менее, Флаций-богослов в книге Илича повисает в воздухе. Из-за этого пресловутый процесс «радикализации» абсолютизируется, ему придается самодостаточное значение, и он начинает зависеть не столько от складывания объективных обстоятельств, сколько от воли самого Флация.

Все сказанное выше вполне объясняется тем обстоятельством, что автор (действующий лютеранский священнослужитель) ставит перед собой не задачу реконструкции прошлого по образцам исторической науки, а сугубо богословские цели. И все же его обращение к прошлому, к одному из известнейших сюжетов истории XVI века вынуждает применить к оценке его труда критерии историографии. Книгу обедняет

и практическое отсутствие еще одного противника – католического богословия в его противодействии флацианскому. Деятельность Флация разворачивается не только в среде бурных диспутов внутри протестантского течения, но и в более широком контексте, включающем в себя, разумеется, и католическое богословие.

Илич, как и некоторые его предшественники, стремится подчеркнуть хорватское происхождение своего героя и его принадлежность к германскому миру (у историка похожая судьба). В тени остался тот бесспорный факт, что в юности Флаций принадлежал к венецианской культуре. Практически всё «хорватское» в его воспитании и образовании, что удается найти сегодняшним историкам, на поверку предстает элементами более или менее провинциальной культуры венецианского хинтерланда. Если уместно вести речь в целом о «гуманизме» у Флация, то важно подчеркнуть, что гуманизм этот будет венецианским. Культурная связь Флация со своей родиной прервалась рано и быстро, однако это не дает нам права ее игнорировать. Венецианскими корнями мышления Флация еще никто серьезно не занимался, а жаль; впрочем, этот вопрос представляет больший интерес для историков, чем для богословов. В частности, недостаточно изучено знакомство Флация с различными «модными» произведениями эпохи его интеллектуального становления, а в более широком смысле – с проблематикой studia humanitatis. Историки часто сообщают читателям о многогранности Флация, о его вкладе в разные сферы деятельности, однако на поверку все развивается внутри богословского дискурса. Книга Илича подробно отвечает на вопрос, каким богословом был Флаций. Пока остается открытым другой вопрос: насколько он был еще кем-то? Исследование Илича показывает, что эта пресловутая «многогранность» исчезает, если ее рассматривать сквозь призму основной цели всей деятельности Флация – установления религиозной истины. Даже публикация хорватского Евангелия, предпринятая Флацием на закате жизни, на поверку оказывается не столько вкладом в развитие родной культуры, сколько оригинальным гуманитарно-религиозным опытом во славу божию.

Жизнь и деятельность Матиаса Флация стала в последние годы полем, на котором появляются новаторские по методологии и проблематике исследования. Основным достоинством работы хорватского историка Луки Илича является установка на динамику развития взглядов и личности в целом. Благодаря этому значение новой книги для современной науки простирается далеко за рамки германистики или истории Реформации. Тщательно реконструированная во времени интеллектуальная эволюция крупного религиозного мыслителя и борца – пример развитой методологии, образец и указатель исключительно перспективного подхода в рамках «истории биографий».

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Bollbuck H. Wahrheitszeugnis, Gottes Auftrag und Zeitkritik. Die Kirchengeschichte des Magdeburger Zenturien und ihre Arbeitstechniken. Wiesbaden: Harassowitz, 2014. 821 S.

Gadamer H.-G. Die Universalität des hermeneutischen Problems // Philosophisches Jahrbuch 73 (1966): 215-225.

Haikola L. Gesetz und Evangelium bei Matthias Flacius Illyricus. Lund, Gleerup, 1952.

Ilić Luka. Theologian of Sin and Grace. The Process of Radicalization in the Theology of Matthias Flacius Illyricus. Göttingen-Bristol, CT, USA: Vandenhoek & Ruprecht, 2014. 304 pp.

Meinhold P. Geschichte der kirchlichen Historiographie. Bd. I, Freiburg-München, K. Alber, 1967.

Mirković M. Matija Vlačić Ilirik. Zagreb, JAZU, 1960.

Olson O. K. Matthias Flacius and the survival of Luther's reform. Wiesbaden, 2002.

Schriftverständnis und Schriftdeutung im Zeitalter der Reformation. Teil I. Matthias Flacius Illyricus. Stuttgart, Kohlhammer, 1936.

Twesten A. Matthias Flacius Illyricus, eine Vorlesung. Berlin, G. Bethge, 1844.

***Андронов Илья Евгеньевич**, кандидат исторических наук, доцент кафедры Новой и Новейшей истории исторического факультета МГУ; orgizomenos@gmail.com*

A new study in the context of the "history of biographies"

The innovative concept of the theological content in the works by Matthaeus Flacius has been proposed in a recent study by Luka Ilić; this concept is reviewed within the context of the existing trends.

Keywords: Church history, Lutheran theology, Matthaeus Flacius, 16th Century.

***Ilya Andronov**, PhD (history), Associate Professor, department of Modern and Contemporary history, history faculty, Moscow State University; orgizomenos@gmail.com*

И. Е. Сироткина

НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ ДО, ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ ДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

Статья представляет собой рецензию на коллективную монографию «Науки о человеке. История дисциплин», сост. и отв. ред. А.Н. Дмитриев, И.М. Савельева (М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015). Книга, состоящая из 21 главы, – беспрецедентный труд по истории социогуманитарных дисциплин, которые не только для удобства, но и по теоретическим соображениям, авторы называют «науками о человеке». Для рассмотрения взят самый широкий период: от раннего Нового времени до наших дней, за которое многие дисциплины успели возникнуть, пройти век своего расцвета и исчезнуть или трансформироваться.

Ключевые слова*: *науки о человеке, история науки, социология знания, дисциплины, дисциплинарность.

Науки о человеке – термин сравнительно у нас новый, но емкий и многообещающий. Относительно нов он и в английском языке, а вот во французском “sciences de l’homme” – давняя и всеми принятая категория[1]. Генеалогию наук о человеке начал составлять сам автор понятия о генеалогии идей, Мишель Фуко. Науки о человеке, считал он, могли появиться и появились только в эпоху модерна. Лишь в конце XVIII в., утверждал Фуко, сложился тот тип рефлексии, в котором человек делает себя как субъектом, так и объектом исследования. Как известно, это привело его к радикальному утверждению, что вплоть до конца XVIII века не существовали не только науки о человеке, но и их предмет – «человек»[2]. Смелое заявление Фуко, впоследствии много раз оспоренное, стимулировало дискуссию: нужна ли категория «наук о человеке», чем эти науки отличаются от гуманитарных и естественных, где проходит граница. Категория эта шире, чем «гуманитарные науки», так как вмещает, к примеру, экономику; шире она и «социальных наук», поскольку включает историю и филологию. Водораздел начинается там, где идет речь о применении к человеку эволюционной теории и других биологических объяснений[3]. Такое разграничение выдает идейную ангажированность термина, но это только усиливает внимание к нему. Термин становится не просто крышей, прибежищем для тех наук, которые, с уничижитель-

[1] См.: Smith 1997. P. 4-25.

[2] Фуко 1994. С. 330; см. также обсуждение в: Смит 2014. С. 84-90.

[3] Тот же Роджер Смит, например, включает главу о теории эволюции в упомянутую «The Norton History of the Human Sciences”, но высказывается против включения биологических объяснений в знание о человеке в написанной десять лет спустя книге (Smith 2007); русский перевод: Смит 2014. Правда, эта последняя работа – апология исторического знания о человеческой природе и не претендует на охват всех наук о человеке.

ным названием «мягких», традиционно исключают из наук «твердых», «точных», «естественных». В этом разделении – вызов наук о человеке, их притязание, если не на первенство, то на суверенитет.

Итак, проект коллективной монографии, посвященной «наукам о человеке», таит в себе гораздо больше, чем просто намерение собрать под одной обложкой все имеющие отношение к изучению человека дисциплины. Пользуясь выражением философа науки М.А. Розова (много размышлявшего, в том числе, о дисциплинарности), можно сказать, что это – проект не только «коллекторский», но и «исследовательский»[4]. Кроме того, разговор о «дисциплинаризации» знания о человеке не может не затронуть вопрос о специфике этого знания. О том, что этот интересный во многих отношениях проект давно привлекал внимание философов, историков науки и социологов знания, нам напоминает вводная статья А. Дмитриева «Дисциплинарные порядки в гуманитарных и социальных науках». Автор-эрудит приводит целый набор определений дисциплинарности и версий того, как и когда возникают дисциплины. С общепринятой точки зрения, «дисциплины складываются в период так называемой второй научной революции в рамках университетов, благодаря системе специализации, работе семинариев и лабораторий»[5]. Дмитриев предлагает включить в рассмотрение и то, что было раньше, до дисциплинарной науки, и то, как менялся набор дисциплин на каждом историческом этапе, и, конечно, происходящее сейчас, в эпоху «пост», время трансформации дисциплинарности. Методологию исследований, представленных в монографии, автор определяет как соединение историко-научного анализа и социологического подхода, а образцами для подражания называет «работы широкого исследовательского диапазона от известных трудов Фрица Рингера или Пьера Бурдьё до функционалистских исследований Нормана Сторера или Ричарда Уитли» (9). Планку нашим историкам задают и знаменитые case-studies: книги Мартина Куша о психологизме или Курта Данцигера о конструировании психологией своего предмета, Стефана Коллини и Ребы Соффер об интеллектуальной жизни Великобритании рубежа XIX и XX веков, Лорана Мюкиелли о возникновении социологии во Франции, и, конечно, Вольфа Лепениса о социологии в Германии. Что ж, примеры вдохновляющие – посмотрим, как ими воспользовались авторы коллективной монографии.

Книга делится на три части: 1) истоки дисциплинарности в раннее Новое время; 2) дисциплинарное поле наук о человеке, как оно существовало на протяжении двух последних столетий; 3) современные тенденции дисциплинарного развития. В книге есть и любопытное приложение: перевод (выполнен К.А. Левинсоном) работы Арнальдо Момильяно «Древняя история и любители древностей» (1950). Я начала свое

[4] Розов 2004.

[5] Науки о человеке… С. 8 (далее указываются только страницы в скобках).

знакомство с томом именно с него и не пожалела об этом: через анализ практик «изучения древностей» можно ощутимее понять, с чем мы часто имеем дело в спорах о разграничении дисциплин (в данном случае, это спор ученых-историков и археологов с «любителями древностей»). Но вернемся к началу книги. В первой главе «Генеалогия метода в науках об историческом мире» Павел Соколов связывает возникновение дисциплин с проблемой автономии метода. Историю борьбы за автономию он ведет от гуманистов Петра Рамуса, Джамбаттисты Вико, Лоренцо Валла и Марио Низолио, полемизировавших с традиционной аристотелианской концепцией науки, в которой ни один из разделов гуманитарного знания формально не имел статуса scientia (42). Автор не склонен принимать расхожее представление о том, что сначала науки о человеке оставались под пятой метафизики, а потом попали в рабство к естественным наукам. Вместо этого, он рассматривает противостояние в XVII в. философов и филологов: первые совершенно игнорировали историю, литературу и право, а последние, привязанные к древним текстам, не терпели малейшего отступления от их буквы. Неудача «священной филологии» «продемонстрировала невозможность построения гуманитарной филологии из перспективы одной дисциплины» (52) и, следовательно, как можно предположить, необходимость целого корпуса наук о человеке.

В главе «“История идей” и “гражданская наука”: границы дисциплинарности в раннее Новое время» Юлия Иванова утверждает, что «дисциплинарное сознание» существовало еще до институциализации наук о человеке. Такой вывод она делает, рассматривая конфликт между проектом единой «гражданской науки» – scientia civilis или scienza nuova у Вико – и возникновением, примерно в это же время, дисциплинарной матрицы (53). Заодно автор пишет собственно о проекте Вико по «реконструкции подлинной – социальной – природы всякого знания». Этот проект мотивирован тем, что, по словам Вико, которого удачно цитирует автор, естественные науки на могут «защитить природные тела от разрушения и смерти» (63). И все же речь-манифест Вико 1708 года против изоляции наук не остановила этого процесса, и «оппозиция дисциплинаризации» стала лейтмотивом наук о человеке у таких мыслителей, как Шеллинг, Ницше, Гадамер и Хайдеггер (72). Заключительная глава этого самого краткого из разделов, написанная Наталией Осминской, посвящена проекту «всеобщей науки» Г.В. Лейбница. О такой науке, соединяющей в себе науку о творце и науку о творении, Лейбниц пишет, в частности, в «Опытах, возводящих к счастью» (1679). Автор рассматривает, как эта идея подготавливалась и формулировалась, начиная с юношеских работ Лейбница и до его «Плана написания Энциклопедии». Автор также отмечает изменения в лейбницевской классификации наук, связывая их с переосмыслением им учения о субстанции. К этому можно было бы добавить несколько слов о том, как на эти изменения влияла

многогранная деятельность Лейбница по организации науки. К сожалению, автор остается в рамках историко-философского анализа, не касаясь социальной, политико-экономической или какой-либо другой подоплеки изменений в грандиозном проекте Лейбница.

Второй раздел – «Золотой век дисциплиностроительства» – самый обширный. Открывает его статья Лорен Дастон о Берлинской академии наук и «мировой карте знания». Эта глава как бы принимает эстафету у главы про Лейбница (несмотря на то, что Н. Осминская, не сказав ничего о роли Лейбница в устроении этой академии, эстафетную палочку Л. Дастон не протянула). Цель этой статьи, как определяет ее автор, – понять, почему немецкие академики в XIX в. чувствовали себя «подмастерьями» и тосковали по «мастеру», который бы их объединил, – Лейбницу с его проектом всеобщей науки. Это особенно очевидно в сравнении с другими национальными академиями – Королевской академией наук в Париже и лондонским Королевским обществом. Обнаруживается парадокс: члены Берлинской академии и профессора Берлинского университета мечтали о фигуре типа Лейбница или братьев Гумбольдтов – символе утраченного единства наук; в то же время, именно Берлинский университет сделал все, «чтобы время таких синтетических умов ушло в прошлое» (117). Исследовательские семинары, государственые стипендии для студентов и правительственные субсидии на публикацию диссертаций – все это помогало росту и диверсификации университетской науки. Семинары, столь важные для формирования дисциплин (о них в книге упоминает не только Л. Дастон), интересны своими практиками, в том числе, телесными. Так, «Гельмгольц полагал, что специализация является неизбежной и необратимой из-за тех навыков, которыми должен обладать современный исследователь», включая ручные умения и навыки (119). Семинары были также тем местом, где между участниками возникали «невидимые нити доверия» и даже получили эллинистическое название «Thiasos» – собраний посвященных (123). Одна из причин того, что мечта о единстве наук не покидала немецких ученых кроется, по мнению Л. Дастон, в том, что само слово «единство» вызывало ассоциации с политическим объединением Германии.

Продолжая тему немецкой науки, Петр Резвых пишет о «мифологии» (Mythologie) как одной из дисциплин романтической Altertumswissenschaft (науки о древности). «Мифология» развивалась как филологическая субдисциплина, но могла рассматриваться и как самостоятельная наука. Автор детально описывает драматический момент в истории «мифологии», стоивший ей существования, – полемику Ф. Крейцера, И.Г.Я. Германна, И.Г. Фосса и др. по вопросу о древнейшей монотеистической религии и общей смысловой матрице всех мифов. Спор был нагружен политическими смыслами: стороны изображали друг друга «псевдонаучными шарлатанами, врагами свободы слова, противниками

Просвещения и тайными агентами католической церкви в протестантском университете» (154). Научная непроработанность и недостаточная дифференцированность «мифологии» превратила ее в арену политических противостояний. На ее останках выросли такие дисциплины, как древняя философия, древняя история, археология, история искусства и история религии. Коллапс романтической мифологии обусловил обособление истории религии и религиоведения, а также отозвался в классико-филологических штудиях раннего Ницше и Эрвина Роде, Вячеслава Иванова и Карла Кереньи, в теории архетипов К.Г. Юнга (156). В пандан статье Резвых – следующая глава, написанная Владиславом Боярченковым о «науке русских древностей» в первой половине XIX в. Критерием ее «онаучивания» выступало распространение на изучение русских древностей исторической критики источников. Становлению в России истории как дисциплины в XIX в. посвящено исследование Владимира Береловича, проанализировавшего несколько десятков предисловий к трудам по русской и украинской истории. Этот анализ показал, что наряду с профессионализацией истории, авторы сохраняли ориентацию на широкую аудиторию (что уже в наши дни получило название «публичной истории», о чем – статья И.М. Савельевой в заключительном разделе книги).

Восьмая глава, написанная Мишелем Тисье, – о российском правоведении. Автор начинает с обсуждения статуса правоведения, которое традиционно не считается одной из «гуманитарных» или «общественных» наук. На примере российской истории, он оспаривает мнение о «блестящей изоляции права и как университетской (и практической) дисциплины, и как “чистой” науки от иных сфер социогуманитраного знания» (238). Правоведы обращались к другим наукам о человеке, в частности, за тем, чтобы разрешать постоянно возникающие в их области конфликты между теорией и практикой, между «наукой» и «жизнью». Тем не менее, элитизм в правоведении, будь то на благо или во вред его дисциплинаризации, продолжал существовать. В следующей главе Григорий Юдин анализирует знаменитую дискуссию о Naturwissenschaften и Geisteswissenschaften, вернее, ту позицию, которую в ней занимал Э. Гуссерль. Интерес Гуссерля к этой проблематике вырос, как известно, из его попыток противостоять психологизму. Гуссерль принял дильтеанскую идею всеобщей науки о духе как «новый, лучший и дальше всего ведущий путь в феноменологию» (250). Его позиция противостояла «паритетной» модели знания, согласно которой «равноправие между естественными и гуманитарными науками опирается на общее для тех и других философское обоснование, в то время как критерий их разделения является специфическим предметом теории познания» (241). Утверждая, что «природа и дух не могут быть рядоположными регионами просто потому, что они не равны в своем отношении к конституирующей субъективности» (261), Гуссерль разрушил онтологический пари-

тет. По мнению Юдина, притязания наук о человеке на равенство с естественными науками и их отделение от философии сегодня уже не представляют эффективную стратегию. Гуманитариям надо, вслед за Гуссерлем, отказаться от паритетной модели знания и противопоставить экспансии натурализма «использование потенциала философии в научном познании духовного мира» (что бы это ни значило) (262).

Затем мы переходим к зарождению социологии как дисциплины в специфическом контексте Российской империи (статья Ильи Герасимова, Марины Могильнер и Александра Семенова). Авторы пишут, что социология в России развивалась по двум направлениям: во-первых, внутри народничества, где главной категорией в анализе социальных отношений являлся «народ», а не общественные институты и практики, и, во-вторых, как академическая университетская дисциплина в духе Огюста Конта, «обобщающая результаты, полученные в разных областях знания об обществе» (274). Представителем этой последней был М.М. Ковалевский, чьим именем названо первое в России социологическое общество. Если народническая социология видела в крестьянской общине основу будущего строя, эволюционная социология, которой придерживался Ковалевский, прогнозировала преодоление Россией своей отсталости и «сближение с европейскими формами социальной и политической организации» (277). Ковалевский одобрительно относился к американской модели ассимиляции (281). Не удивительно, что институциализация такой социологии началась в эмиграции, в Русской высшей школе общественных наук, основанной в 1901 г. в Париже (в том числе, Ковалевским). В самой Российской империи социология продолжала считаться неблагонадежным предметом. И только в первое десятилетие советской власти социология потеснила историю как обязательный предмет школьной и университетской программы. Правда, советская социология, где доминировала марксистская теория смены общественно-экономических формаций, очень мало походила на критическую теорию – об этом далее статья А.Ф. Филиппова.

От социологии – к психологии, которая в России получила свою институциализацию даже раньше, поскольку вызывала меньше вопросов со стороны властей. Говоря о дисциплинарном становлении русской психологии, Антон Ясницкий претендует на большее – фактически, на то, чтобы «ревизовать» историографию русской психологии и преодолеть «давний застой», который, по его мнению, существует в этой области. Видимо, делать это он предполагает в одиночку, поскольку надежды на «радикальное обновление и фундаментальный прорыв в этой области знания» связывает с собственными работами (сн. 3 на стр. 299). Читатель теряется в догадках: если, кроме работ самого Ясницкого, никто больше об истории психологии в России не писал, кого же и что именно собира-

ется ревизовать автор?[6] Посмотрим, что же новаторского в его статье. Психология, пишет он, – «сложное социокультурное явление, которое рассматривается на разных уровнях и в рамках, задаваемых двумя полюсами: с одной стороны, философия, с другой – индустрия и народное хозяйство». Но такое определение – общее место, и таблицы, которые приводит А. Ясницкий, вряд ли могут добавить что-то новое. То же относится к усиленно повторяемой им мысли об «импорте» психологии в Россию: читатель, знакомый с историей российской науки, которая со дня своего основания представляет «импортный продукт», укорененный Петром Первым на нашей почве, не увидит в этом заявлении ничего оригинального. Вероятно, взорвать сознание историков должен последний тезис статьи – мысль о том, что печально известный Педологический декрет 1936 года не нанес, как считалось раньше, урона развитию психологии, – а, напротив, ознаменовал начало ее «золотого века». В силу своей полемичности, это утверждение нуждается в особенно тщательном доказательстве, чего, к сожалению, читатель в статье Ясницкого не находит. Институционализация психологии в университетах, которую автор приводит в подтверждение своей мысли, приходится не на конец 1930-х, а на последующее десятилетие, и связана, главным образом, с основанием факультетов философии (об этом – отличная статья М. Дёмина в рецензируемой книге).

Ревизионистской скорее можно назвать главу «Советская социология как полицейская наука». Александр Филиппов – мастер точного и ясного изложения, и его работы – интеллектуальный пир для читателя. Термин, который он использует – «полицейская наука» – не оценочный, а означает «управленчески-экспертную систему полицейского государства» (331). В свою очередь, «полицейское государство» (не путать с тоталитарным) определяется как система бюрократического управления, опирающаяся на насилие. По мнению автора, социология появилась тогда, когда СССР перестал быть тоталитарным государством (хотя родовые черты тоталитаризма, замечает Филиппов, сохранялись в Советском Союзе до последних его дней). Но в 1970-е годы, когда увеличилась горизонтальная мобильность и расширился словарь мотивов, социология смогла побороться за место в системе экспертного знания с другими управленческими дисциплинами и, прежде всего, марксистской идеологией. Ей удалось встроиться в систему, назвавшись «теорией среднего уровня» – промежуточной между мировоззренческими, рамочными концепциями марксизма и эмпирическими исследованиями. Для того, чтобы

---

[6] С некоторой литературой читатель может познакомиться в библиографии к статье: *Sirotkina I., Smith R.* Russian Federation // The Oxford Handbook of the History of Psychology: Global Perspectives. New York: Oxford University Press. P. 412-442; русский перевод: *Сироткина И., Смит Р.* История психологии в России: краткий обзор с авторскими акцентами. Препринт ИГИТИ. М.: Высшая школа экономики, 2016.

отвести подозрения в покушениях на марксизм, институту социологии пришлось назваться Институтом конкретных социальных исследований. Предстояло еще вписаться в систему государственного планирования, когда все регулировалось сверху и заранее. Здесь социология позиционировала себя как полезную прикладную дисциплину, которая «отслеживает массовые процессы», открывает «законы-тенденции» и создает ресурсы для «целенаправленного развития» (348). Постольку, поскольку социология представляла себя как «науку о регуляции поведения, трансформации мотивов и распределении стимулов для достижения общего блага в бюрократическом социально-полицейском государстве», ее можно считать, заключает автор, «полицейской наукой».

Глава под счастливым номером 13 посвящена «дисциплинам и специальностям в практических профессиях и в исследовательской деятельности». Речь идет о соотношении в университетах преподавания и исследовательской деятельности, а также о критериях профессионализма в той и другой сферах деятельности. Автор, Рольф Тоштендаль, анализирует немецкие университеты с середины XIX в. до 1940-х гг. Преподавательский профессионализм, считает он, «укоренен в сообществе, которое охватывает различные дисциплины, но по составу членов является локальным или, самое большее, национальным, в то время как основа исследовательского профессионализма – сообщество, которое включает в себя ученых со всего мира, хотя при этом и является узко специализированным» (371). Эта глава завершает второй раздел.

В последнем разделе читатель может узнать о том, что случилось «после дисциплин». Вопрос ставится так: ждет ли нас «новая дисциплинарность» или нечто иное? О социологии профессий и социологии как профессии – вторая статья Г. Юдина в сборнике. Автор рассматривает предложенную Т. Парсонсом модель социологии как профессии, построенной вокруг научной дисциплины. Эта модель не только подверглась критике за узкое понимание профессионализации, но и стоила американской социологии потери поддержки широкой публики. К счастью, считает Юдин, эта модель легитимации – не единственная (388). Глубок и интересен анализ Борисом Степановым области cultural studies / культурологии, ее попыток конституировать себя как научную дисциплину, найти свою академическую идентичность. При этом ей приходилось конкурировать с социологией, литературоведением и другими дсицпилинами, подчас безуспешно. Культурные исследования, пишет автор (404), часто изображались как «академический Чужой» – или, добавим мы, академический Другой. Но поскольку проект с самого начала предполагался как «критический», рефлексивный по отношению к истеблишменту, неудачи представителей cultural studies не обескураживают. Сохранит ли свою левизну и радикальность этот проект, будучи перенесен на отечественную почву, – вопрос времени.

Глава, написанная одним из редакторов-составителей монографии, Ириной Савельевой, посвящена публичной истории – жанру, чье место по отношению к общей истории еще предстоит определить. Основное отличие публичной истории в том, что она делается историком вместе с его аудиторией, во взаимодействии с публикой (понятие «публика» при этом меняет свой смысл). Так, упомянутый автором публичный историк Людмила Иорданова (Jordanova) при изучении истории визуальности активно опирается на экспертное знание непрофессионалов – коллекционеров, энтузиастов, любителей. В ее случае, как и во многих других, речь идет не просто о популяризации науки, а о «совместном производстве исторического знания» (427). Похоже, отмечает И. Савельева, подходит к концу период, когда историки писали только для историков, а популяризация исторических знаний почти полностью перешла в руки посредников (431). Причина – демократизация западного общества, с одной стороны, и попытка «вернуть индивиду коллективную память», с другой (436). Оба процесса имеют непосредственное отношение к политическим интересам, и здесь очень остро встают вопросы о критериях качества, истинности знания и о профессионализме публичного историка. Взаимоотношения между научной и публичной историей – отличный повод отрефлексировать наши представления о научной истине, историческом методе и академическом письме.

Глава о разделении лингвистики и языкознания в отечественных университетах – не только содержательная, но и яркая и личная: за многими описаниями стоят глубокие чувства автора, Владимира Файера, по поводу происходящих событий. Речь идет об образовании в лоне филфака МГУ отделения структурной и прикладной лингвистики, о негативной реакции на это событие ортодоксальных языковедов и о том контексте, международном и отечественном, в котором всё происходило. Противостояние, утверждает автор, продолжается: наряду с лингвистикой продолжает существовать традиционная парадигма языкознания, не выделяющего себя из филологии. Ситуация дисциплинарной неопределенности осложняется различным отношением направлений к науке-метрополии (филология) и развитием новых научных направлений – семиотики или когнитивной науки, которые работают поверх сложившихся дисциплинарных границ (482).

Чрезвычайно интересен анализ Максимом Дёминым тех перемен, которые произошли в университетской философии после распада СССР. Автор начинает с описания философии как кафедральной науки или становления философских факультетов в советское время. Появление философии в советских университетах автор связывает с позднесталинским возвращением к имперской стилистике и оживлением интереса к классическим дисциплинам (488). Развитие кафедральной философии контролировалось столь тщательно, что снятие контроля в конце 1980-х не могло не привести философов в замешательство. Они, однако, не про-

шли переаттестацию (как в Восточной Германии) и отделались косметическими преобразованиями, касавшимися лишь названий (497). Так, на философском факультете МГУ кафедра диамата получила название кафедры теоретической философии, кафедра истмата была переименована в кафедру социальной философии, а кафедра теории и истории научного атеизма стала называться кафедрой религии и религиоведения. (Добавлю, из личных воспоминаний, что наш преподаватель научного атеизма не скрывал, что учился в Духовной академии, и мне легко представить его трансформацию в религиоведа). Результатом такой адаптации стало то, что советскому прошлому так и не было вынесено оценки, что весьма затрудняет текущие дискуссии в среде философов. Позицию университетских философов Дёмин характеризует как «смешение двух стратегий поведения – лояльности и саботажа» (507). А это приводит к изоляционизму философского знания, потери связи с другими дисциплинами, невозможности соотноситься с иными философскими традициями.

Глава, написанная Ростиславом Капелюшниковым, возвращает нас к экономике, правда, в новом ее варианте – экономике поведенческой. Выступив с критикой «велферистского» (welfare) подхода, поведенческая экономика продемонстрировала, насколько реальное экономическое поведение людей далеко от рациональной модели поведения, на которой зиждется ортодоксальная экономика. Одну из альтернатив как велферистской, так и поведенческой экономике автор видит в либеральной, в широком смысле слова, традиции, строящейся не вокруг идеи благосостояния, а вокруг идеи свободы. Следующая глава – «Транснациональные иерархии и локальные порядки знания в экономике» Олеси Кирчик – продолжает анализ экономической науки, фиксируя такие ее черты, как глобализация, американская модель, интернализация постсоветской экономики (правда, в ограниченном объеме) и др. Заключительную, 21-ю главу Александр Дмитриев и Оксана Запорожец посвятили обзору того, как меняется социология знания. По мнению авторов, от обобщенных схем социокультурной динамики и структурного описания академических организаций и сообществ, социология знания переходит к описанию знаний и практик (569). Важными становится понятия «агента» или «культуры знания». Авторы констатируют отказ от эссенциалистских трактовок дисциплинарности, внимание к социальным и практическим условиям ее устойчивости, учет макро- и микроконтекстов создания знания (598).

Книга порадует читателя не только свежим и содержательным анализом дисциплиностроения и дисциплинодеконструкции, но и своим единством (которого в коллективных монографиях далеко не всегда удается достичь). В ней также развитие социогуманитарных дисциплин – наук о человеке – рассмотрено на протяжении пяти веков, и один этот факт может сделать ее фундаментальным вкладом в историю науки и интеллектуальную историю в целом.

БИБЛИОГРАФИЯ

Науки о человеке. История дисциплин / Сост. и отв. ред. А.Н. Дмитриев, И.М. Савельева. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015.

Розов М.А. «Парадигма», «дисциплина», «коллекторская программа» // Высшее образование в России. 2004. № 9. С. 136-141.

Сироткина И., Смит Р. История психологии в России: краткий обзор с авторскими акцентами. Препринт ИГИТИ. М.: Высшая школа экономики, 2016.

Смит Р. Быть человеком: история и сотворение человеческой природы / Пер. с англ. И. Мюрберг под ред. И. Сироткиной. М.: Канон+, 2014.

Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. СПб.: A-cad, 1994.

Sirotkina I., Smith R. Russian Federation // The Oxford Handbook of the History of Psychology: Global Perspectives. New York: Oxford University Press, 2012. P. 412-442.

Smith R. The Norton History of the Human Sciences. N.Y.: W.W. Norton & Co. 1997.

Smith R. Being Human: Historical Knowledge and the Creation of Human Nature. Manchester: Manchester University Press; New York: Columbia University Press, 2007.

REFERENCES

Nauki o cheloveke. Istoriya distsiplin / Sost. i otv. red. A.N. Dmitriev, I.M. Savel'eva. M.: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2015.

Rozov M.A. «Paradigma», «distsiplina», «kollektorskaya programma» // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2004. № 9. S. 136-141.

Sirotkina I., Smit R. Istoriya psikhologii v Rossii: kratkii obzor s avtorskimi aktsentami. Preprint IGITI. M.: Vysshaya shkola ekonomiki, 2016.

Smit R. Byt' chelovekom: istoriya i sotvorenie chelovecheskoi prirody / Per. s angl. I. Myurberg pod red. I. Sirotkinoi. M.: Kanon+, 2014.

Fuko M. Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk / Per. s fr. V.P. Vizgina, N.S. Avtonomovoi. SPb.: A-cad, 1994.

Sirotkina I., Smith R. Russian Federation // The Oxford Handbook of the History of Psychology: Global Perspectives. N.Y.: Oxford University Press, 2012. P. 412-442.

Smith R. The Norton History of the Human Sciences. N.Y.: W.W. Norton & Co. 1997.

Smith R. Being Human: Historical Knowledge and the Creation of Human Nature. Manchester: Manchester University Press; N.Y.: Columbia University Press, 2007.

Сироткина Ирина Евгеньевна*, кандидат психологических наук, PhD, ведущий научный сотрудник Института истории науки и техники РАН; isiro1@yandex.ru*

The human sciences before, during, and after disciplinarity

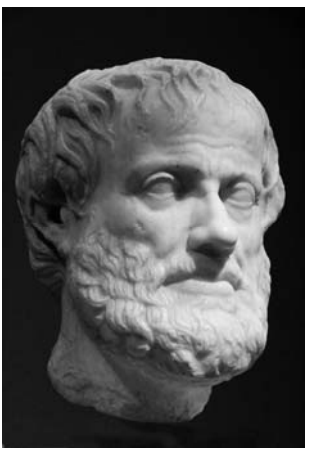
The article is a review of the collection, *The Human Sciences: History of Disciplines*, ed. by A.N. Dmitriev and I.M. Savelieva (Moscow: The Higher School of Economics Press, 2015). The collection of 21 articles-chapters is an unprecedented work of scholarship on the history of the social sciences and the humanities. For the reasons of both convenience and theoretical significance, they are termed, “the human sciences”. Chronologically the studies cover five centuries, from the early modernity till nowadays, a long period in which numerous disciplines emerged, flourished and either disappeared or were transformed.

Keywords: the human sciences, history of science, sociology of knowledge, disciplines, disciplinarity.

Irina Sirotkina, *Candidate of Science, PhD, Researcher at the Institute for the History of Science and Technology, of the Russian Academy of Sciences; isiro1@yandex.ru*

АРИСТОТЕЛЕВСКОЕ НАСЛЕДИЕ В БИОЛОГИИ, МЕДИЦИНЕ И ЭТИКЕ

ОСЕННЯЯ ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ*



В рамках поддержанного Российским научным фондом проекта «Наследие Аристотеля как конституирующий элемент европейской рациональности в исторической перспективе»[1] с 29 октября по 25 ноября 2015 г. в Москве прошла Осенняя школа молодых ученых «Аристотелевское наследие в биологии, медицине и этике»[2], что явилось важным научным и культурным событием в преддверии 2400-летнего юбилея греческого мыслителя, празднуемого в 2016 г.

Работу Школы, организованной Институтом всеобщей истории РАН, Кафедрой истории медицины, истории Отечества и культурологии Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова, Центром античной и средневековой философии и науки Института философии РАН, а также Новосибирским государственным университетом и Институтом философии и права СО РАН, открыли директор ИВИ РАН академик А.О. Чубарьян и заведующий Кафедрой истории медицины, истории Отечества и культурологии Первого МГМУ им. И.М. Сеченова Д.А. Балалыкин.

---

* Статья написана при поддержке РНФ (Проект № 15–18–30005). В обзоре публикуется фотография головы Аристотеля, сделанная В.В. Петровым (Музей истории искусств, Вена) и фотоматериал, предоставленный пресс-службой Первого МГМУ им. М.А. Сеченова.

[1] Предлагаемый проект является междисциплинарным и направлен на комплексное изучение наследия Аристотеля в истории европейской культуры. Созданный коллектив ученых работает по нескольким направлениям (в области как гуманитарного [интеллектуальная история, история философии, история идей и ментальности], так и естественнонаучного знания [в той части, в которой натурфилософия связана с античной медициной]). Задействуются (помимо базовых) инновационные методы и методики проведения исследований (метод релевантных контекстов, интертекстуальный подход к источнику, требующий специальных герменевтических процедур; просопографический анализ).

[2] Программа Школы выложена на сайтах: ИВИ РАН: http://www.igh.ru/about/news/1149/; ИФ РАН: http://iph.ras.ru/uplfile/ histsc/aristotle/Aristotle.pdf; НГУ – ИФиП СО РАН: http://www.nsu.ru/classics/Aristotle-October-2015.pdf (ноябрь, 2015).

Илл. 1–2.

Выступление академика А.О. Чубарьяна (ИВИ РАН) на открытии Осенней школы молодых ученых в Первом МГМУ им. М.А. Сеченова.

Во время работы Школы, широко освещавшейся средствами массовой информации институтов-организаторов[3], были прочитаны лекции, проведены виртуальные семинары и дискуссии, организован студенческий кружок (23 ноября). Также прошел симпозиум по темам, относящимся к учению Аристотеля и его наследию. В числе специалистов, выступивших с проблемными докладами, принявших участие в чтении лекций и проведении семинарских занятий, были не только российские специалисты, но и исследователи из зарубежных университетов и научных центров США, Швейцарии и Германии.

Илл. 3.

Осенняя Школа «Аристотелевское наследие...». Перед лекцией. Справа налево: П. Хаммерли (Швейцария), Д.А. Балалыкин (Россия), А.Л. Смит Илтис (США), К. Делкескамп-Хайс (Германия) и др.

[3] См., напр., сайты: ИФ РАН (Архив событий): http://iph.ras.ru/archives.htm; http://iph.ras.ru/page24643766.htm; ИВИ РАН (Новости): http://www.igh.ru/about/news/1149/; Первый ММГУ им. И. М. Сеченова (Новости): http://www.mma.ru/news/169021/; https://vk.com/1msmu_pressa; НГУ – ИФиП СО РАН: http://www.nsu.ru/classics/. Время доступа – ноябрь, 2015 г.

В первые дни работы Школы (29–30 октября) с лекциями, посвященными биоэтическим проблемам современной медицины и важности роли наследия Аристотеля в этой области научного знания, выступили профессор Университета Уэйк Форест (США) А. Л. Смит Илтис и доктор Университета Фрибурга (Швейцария) П. Хаммерли[4], доктор Международного центра по изучению философии и медицины (Германия) К. Делкескамп-Хайс[5]. Последующие дискуссии и обсуждение лекционного материала на виртуальных семинарах, состоявшихся 2 и 12 ноября, вызвали живой интерес не только у студентов, но и у специалистов, занимающихся биоэтикой.

Важным этапом в работе Школы стал симпозиум (11 ноября), привлекший внимание не только молодых ученых и аспирантов, но и специалистов из разных областей научного знания, касающегося аристотелеведения. С лекционными докладами на нем выступили приглашенные специалисты ведущих научных организаций Москвы и Санкт-Петербурга – ИФ РАН, ИВИ РАН, НИУ ВШЭ, Санкт-Петербургского Университета и др. Заседания, проводившиеся параллельно в двух секциях (А и Б), прошли в НИЦ Первого ММГУ им. И.М. Сеченова.

Доклады участников были направлены на рассмотрение самых разных проблем, связанных с учениями и концепциями Аристотеля, Аристотелизмом и Аристотелевской традицией. В целом, все сообщения участников Школы возможно распределить по четырем важнейшим направлениям, вызывающим в настоящее время наибольший интерес. Это, прежде всего, непосредственный анализ учений мыслителя, часто с акцентом на этическую[6] и натурфилософскую[7] составляющие; рассмотрение сформированных Аристотелем понятий и терминологии[8] (включая их становление до него[9]); трансформация Аристотелевских

---

[4] “Aristotle’s Ethics and Politics: Reflections on Bioethics and the Contemporary State” («Этика и политика Аристотеля: размышления о биоэтике и ее современном состоянии»).

[5] “Using Aristotle for Bioethics: Failed Rational Ambitions and the Benefit of Cautious Reserve” («Значение Аристотеля для развития биоэтики»).

[6] *Р.Г. Апресян* (ИФ РАН), «Проблема Другого в этике Аристотеля»; *А.В. Серёгин* (ИФ РАН), «Внешнее и телесное благо и зло в аристотелевской этике»; *О.П. Зубец* (ИФ РАН), «Μεγαλόψυχος Аристотеля: презирающий и неблагодарный добродетельный человек».

[7] *С.В. Месяц* (ИФ РАН), «Учение Аристотеля о чувственно воспринимаемых качествах»; *М.А. Солопова* (ИФ РАН), «Аристотель о причинах долготы и краткости жизни»; *П.А. Гаджикурбанова* (ИФ РАН), «Учение Аристотеля о произвольных и непроизвольных действиях»;

[8] *И.Н. Мочалова* (СПбГУ), «О роли эмбриологических аналогий Аристотеля в раннеакадемических дискуссиях»; *А.А. Даровских* (СПбГУАП), «Аристотелевское учение о причинах в трактате “О возникновении животных” и его роль в позднеантичной эмбриологии: Гален, Немесий Эмесский».

[9] *Е.А. Щербакова* (НИУ ВШЭ), «Пневма и пневматизм в ранних трактатах гиппократовского корпуса: замечания к истории понятия».

учений и их восприятие поздними авторами, как греческими[10], так и латинскими[11], иногда в сравнении с концепциями авторов, принадлежащих неевропейским культурам[12].

Илл. 4.
Модераторы секции А: В.В. Петров (ИФ РАН), в центре и
Д.А. Балалыкин (Первый МГМУ им. И. М. Сеченова), слева.

[10] *В.В. Петров* (ИФ РАН), «Аристотель и Александр Афродисийский о росте и растущем и проблема индивидуальной идентичности»; *И.В. Пролыгина* (МГМСУ им. А. И. Евдокимова), «Аристотелевское наследие в системе медицинского знания Галена согласно его биобиблиографическим трактатам»; *Н.П. Волкова* (ИФ РАН), «Индивидуальная душа и индивидуальный ум у Аристотеля и Плотина».

[11] *М.С. Петрова* (ИВИ РАН), «Рецепция естественнонаучного знания Аристотеля в латинской традиции Поздней Античности: “Сатурналии” Макробия»; *И.Г. Гурьянов* (НИУ ВШЭ), «Рецепция философии природы Аристотеля в сочинениях Марсилио Фичино: состояние исследований и перспективы»; *А.А. Россиус* (НИУ ВШЭ), «Отношение души и тела и тема живого мира в поздних сочинениях Бруно».

[12] *В.Г. Лысенко* (ИФ РАН), «Категории Аристотеля и категории (падартхи) индийского философа Прашастапады: сходства и различия»; *П.В. Соколов* (НИУ ВШЭ), «Трактат Аверроэса “О семени” в контексте рецепции аристотелевской эмбриологии у арабских средневековых авторов».

Илл. 5.
Модераторы секции Б: М.С. Петрова (ИВИ РАН) и Е.В. Егорочкин (ИФ РАН).

Илл. 7.
Работа секции А.
Слева направо: Р.Г. Апресян (ИФ РАН), Е.А. Щербакова (НИУ ВШЭ), Ю.В. Иванова (НИУ ВШЭ) и др.

Завершил работу Школы цикл лекций (23–25 ноября) зарубежных исследователей из Университета штата Огайо (США) Р.Р. Нэша[13] и Г. Фернгрена[14]. Чтение лекций традиционно сопровождалось дискуссиями, важнейшие их положения и трудности обсуждались на студенческом научном кружке (23 ноября)[15] и семинаре (25 ноября)[16].

Как представляется, состоявшаяся Школа, прежде всего организованная и проводившаяся для аспирантов и студентов, оказалась плодотворной и для специалистов из разных сфер научного знания – интеллектуальной истории, истории философии, истории науки, истории медицины и естествознания[17], объединив их в понимании и трактовке величайшего мыслительного наследия Аристотеля – наследия, послужившего фундаментом современного научного знания.

БИБЛИОГРАФИЯ

Афонасин Е.В. Дикеарх о душе // Платоновские исследования. Вып. 2/1 (2015). С. 226-243. – *Афонасин* (2015).

Афонасин Е.В., Афонасина А.С. Герофил о пульсе // ΣΧΟΛΗ (Schole) 9.1 (2015). С. 93-104. – *Афонасин, Афонасина* (2015).

Балалыкин Д.А. Микроструктура живой материи в натурфилософской системе Галена. Часть 1 // Философия науки. Научное издание по философии, методологии и логике естественных наук 2/65 (2015). С. 119-134. – *Балалыкин* (2015а).

Балалыкин Д.А. Микроструктура живой материи в натурфилософской системе Галена. Часть 2 // Философия науки. Научное издание по философии, методологии и логике естественных наук. 3/66 (2015). С. 95-112. – *Балалыкин* (2015б).

Балалыкин Д.А. Первая книга трактата Галена «О доктринах Гиппократа и Галена» // Вопросы философии 8 (2015). С. 124-143. – *Балалыкин* (2015в).

Петров В.В. Аристотелевская традиция о текучести и преемственности вечно изменчивых живых тел индивидов // Диалог со временем 52 (2015). С. 82-92. *Петров* (2015а).

---

[13] “Securing Foundations in Bioethics: On the Limits of Hippocrates, Aristotle, and Rawls in Modern Medical Ethics [Parts 1 – 3]” («Сохраняя основы биоэтики: Гиппократ, Аристотель, Дж. Ролз [Части 1 – 3]»).

[14] Лекция 1. “Aristotle and Hippocrates: Their changing Reputations through the Centuries” («Аристотель и Гиппократ: изменение значения их трудов через столетия»). Лекция 2. “Medicine and Spirituality: A Historical Perspective” («Медицина и духовность: историческая перспектива»). Лекция 3. “The Study of Science and Religion: Changing Perspectives in the Past 25 Years” («Изучение науки и религии: смена концепций в последние 25 лет»).

[15] Ведущие и организаторы кружка – проф. Д.А. Балалыкин (Первый МГМУ им. И. М. Сеченова) и Г. Фернгрен.

[16] Модератор и ведущая виртуальных семинаров (2, 12 и 25 ноября) – проф. Н.П. Шок (Первый МГМУ им. И. М. Сеченова).

[17] Важно отметить, что участниками Школы обсуждались и недавние публикации, выполненные в рамках проекта РНФ, имеющие прямое отношение к обсуждаемой тематике. См., напр.: *Афонасин* (2015). С. 226-243; *Афонасин, Афонасина* (2015). С. 93-104; *Балалыкин* (2015а). С. 119-134; *Балалыкин* (2015б). С. 95-112; *Балалыкин* (2015в). С. 124-143; *Петров* (2015а). С. 82-92; *Петров* (2015б). С. 393-402; *Петрова* (2015а). С. 60-62; *Петрова* (2015б). С. 72-81. *Серегина* (2015а). С. 197-207; *Серегина* (2015б). С. 208-249.

Петров В.В. Аристотель и Александр Афродисийский о росте и растущем // ΣΧΟΛΗ (Schole) 9/2 (2015). С. 393-402. – *Петров* (2015Б).

Петрова М.С. Круг чтения Макробия: на примере психологических и натурфилософских представлений // Мера вещей. Человек в истории европейской мысли (Коллективная монография) / Под ред. Г.В. Вдовиной. М.: Аквилон, 2015. С. 60-62 [55-96]. – *Петрова* (2015А).

Петрова М.С. Тексты Аристотеля в латинской традиции Поздней Античности // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории 52 (2015). С. 72-81. – *Петрова* (2015Б).

Серегина А.Ю. Аристотелевская традиция в медицине и «спор о женщинах» в XVII веке: «Книга повитух» Джейн Шарп // Адам и Ева 23 (2015). С. 197-207. – *Серегина* (2015А).

Серегина А.Ю. [Пер.] *Джейн Шарп*. Книга повитух / Пер. с англ. // Адам и Ева 23 (2015). С. 208-249. – *Серегина* (2015Б).

REFERENCES

Afonasin E.V. Dikearh o dushe // Platonovskie issledovanija. Vyp. 2/1 (2015). S. 226-243. – *Afonasin* (2015).

Afonasin E.V., Afonasina A.S. Gerophil o pulse // ΣΧΟΛΗ (Schole) 9.1 (2015). S. 93-104. – *Afonasin, Afonasina* (2015).

Balalykin D.A. Mikrostruktura zhivoj materii v naturfilosofskoj sisteme Galena. Chast' 1 // Filosofija nauki. Nauchnoe izdanie po filosofii, metodologii i logike estestvennyh nauk 2/65 (2015). S. 119-134. – *Balalykin* (2015A).

Balalykin D.A. Mikrostruktura zhivoj materii v naturfilosofskoj sisteme Galena. Chast' 2 // Filosofija nauki. Nauchnoe izdanie po filosofii, metodologii i logike estestvennyh nauk. № 3/66 (2015). S. 95-112. – *Balalykin* (2015Б).

Balalykin D.A. Pervaja kniga traktata Galena «O doktrinah Gippokrata i Galena» // Voprosy filosofii 8 (2015). S. 124-143. – *Balalykin* (2015B).

Petroff V.V. Aristotelevskaja tradicija o tekuchesti i preemstvennosti vechno izmenchivyh zhivyh tel individov // Dialog so vremenem 52 (2015). S. 82-92. – *Petroff* (2015A).

Petrov V.V. Aristotel' i Aleksandr Afrodisijskij o roste i rastushhem // ΣΧΟΛΗ (Schole) 9/2 (2015). S. 393-402. – *Petroff* (2015B).

Petrova M.S. Krug chtenija Makrobija: na primere psihologicheskih i naturfilosofskih predstavlenij // Mera veshhej. Chelovek v istorii evropejskoj mysli (Kollektivnaja monografija) / Pod red. G.V. Vdovinoj. M.: Akvilon, 2015. C. 60-62 [55-96]. – *Petrova* (2015A).

Petrova M.S. Teksty Aristotelja v latinskoj tradicii Pozdnej Antichnosti // Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii 52 (2015). S. 72-81. – *Petrova* (2015B).

Seregina A.Ju. Aristotelevskaja tradicija v medicine i «spor o zhenshhinah» v XVII veke: «Kniga povituh» Dzhejn Sharp // Adam i Eva 23 (2015). S. 197-207. – *Seregina* (2015A).

Seregina A.Ju. [Per.] Dzhejn Sharp. Kniga povituh / Per. s angl. // Adam i Eva 23 (2015). S. 208-249. – *Seregina* (2015B).

М.С. Петрова

Петрова Майя Станиславовна, *доктор исторических наук, руководитель Центра гендерной истории Института всеобщей истории РАН, beionyt@mail.ru.*

Maya Petrova*, Dr.Sc. (History), Head of the Center for Gender Studies of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences, beionyt@mail.ru*

CONTENTS

History – Memory – Identity

Andrey Vdovichenko
Myths of the unity of language and linguistic identity
Early Christianity and the "Russian world"……... 5

Olga Togoeva
Joan of Arc and the liberal French historiography of the 19th century
the creation of the "national heroine"…… 20

Natalia Alevras, Ivan Nohrin, Olga Bogomazova
Opening unknown Klyuchevsky the historian as creator of national ideas
(the edition of V.O. Klyuchevsky's lectures on the history of Western Europe) 41

Nadezhda Selounskaya
"Our" and "foreign" history
Medievalists between the World wars and social upheavals…..…….. 62

Evgeny Kauganov
The "Goldhagen debates" and its importance
for the German "dealing with the past"…….. 91

Oleg Khasyanov
The history of the post-war Soviet peasantry
as 'difficult memory' of the Russian society…..…… 106

Intellectual history today

Semen Ekshtut
Gates of chronotopes ……. 118

Maxim Kovalyov
Philosophical views of the members of the Tory opposition
in mid-18th century Britain……..……. 141

Ekaterina Zharova
Education in natural sciences vs education in biology
in the universities of the Russian Empire: the road to specialization.……. 154

Yervand Margaryan
Modern nomothetic approaches in the analysis
of the dynamics of world history: "reORIENTalization"
or "orientalization" of modern historical consciousness?..... 173

Dmitry Moiseev
Intellectual history of Italian Fascism: contemporary approaches 194

Svetlana Altukhova
British theories of multiculturalism: A Comparative aspect……..…….. 208

History, personality, biography

Mikhail Bazanov
Intellectual biography: the contours of a new genre
in Russian and Ukrainian historiography 221

Svetlana Domanina
Three mirrors for Claudius the Emperor: Images of Claudius
in Classical tradition, in books by R. Graves and in the film by H. Wise.... 235

World of sociocultural history

Andrey Fedin
Impact of epidemics on the process of Christianization
of the indigenous peoples of New France in the 17th century…… 247
Vera Ustyugova
"Cinema Rush" in the First World War
production and distribution trends……..…….. 268
Svetlana Golubkina, Michael Belov
"Where man never trod"
Africa in American cinema of the 1930s…...……. 287
Nadezhda Beliacova, Vera Kliueva
The phenomenon of suicide in the identification of collective mentality...…. 311

Historical notes

Alexandr Filipchuk
Byzantium and prisoners of war in the 11th century
blinding and killing……..... 330
Oksana Shevtsova
Plot lines of early modern history
in lecture course by T.N. Granovsky…….. 341
Ekaterina Chernetskaia
Advertisement in the media space
of German conservative newspapers (1888–1890)….…… 352
Maria Kochedykova
Early years of A.V. Zhuravsky, a researcher of North Pechora: twists of fate… 361

Reading books

Ilya Andronov
A new study in the context of the "history of biographies"...……... 368
Irina Sirotkina
The human sciences before, during, and after disciplinarity….…….. 377

Events

Maya Petrova
Aristotelian heritage heritage in biology, medicine and ethics
Autumn school for younger researchers…….. 388

CONTENTS…….. 396

СОДЕРЖАНИЕ

История – Память – Идентичность

А.В. Вдовиченко
Мифы единства «языка» и языковой идентичности
раннее христианство и русский мир……... 5

О.И. Тогоева
Жанна д'Арк в исторической культуре Франции XIX века
рождение "народной героини"..…… 20

Н.Н. Алеврас, И.М. Нохрин, О.В. Богомазова
Открывая неизвестного Ключевского
историк как творец национальной идеи……. 41

Н.А. Селунская
«Своя» и «чужая» история: историки-медиевисты
между мировыми войнами и социальными потрясениями…….. 62

Е.Л. Кауганов
«Спор Гольдхагена» и его значение для немецкой
«проработки прошлого»…….. 91

О.Р. Хасянов
История послевоенного советского крестьянства
как «трудная память» российского общества…… 106

Интеллектуальная история сегодня

С.А. Экштут
Ворота хронотопов……... 118

М.А. Ковалев
Философские взгляды представителей
торийской оппозиции в Великобритании в середине XVIII в…….. 141

Е.Ю. Жарова
Естественнонаучное vs биологическое образование
в университетах Российской империи: путь к специализации……. 154

Е.Г. Маргарян
Современные номотетические подходы
к анализу динамики всемирной истории
«переORIENTация» или «ориентализация» исторического сознания?..... 173

Д.С. Моисеев
Интеллектуальная история итальянского фашизма
современные подходы……..…….. 194

С.А. Алтухова
Британские теории мультикультурализма: сравнительный аспект…….. 208

История, личность, биография

М.А. Базанов
Интеллектуальная биография: контуры нового жанра

в российской и украинской историографии……... 221
С.А. Доманина
Три зеркала для императора Клавдия: Образ Клавдия
в античной традиции, дилогии Р. Грейвза и фильме Х. Уайза……. 235

В мире социокультурной истории

А.В. Федин
Влияние эпидемий на процесс христианизации
индейцев Новой Франции в XVII в. …… 247
В.В. Устюгова
«Кинолихорадка» времен Первой мировой войны
тенденции производства и проката.……. 268
С.Е. Голубкина
«Там, где никогда не ступала нога человека»
Африка в американском кино 1930-х гг……. 287
Н.А. Белякова, В.П. Клюева
Духовные поиски евангельских верующих в послевоенном СССР……. 311

Исторические заметки

А.М. Филипчук
Византийские подходы XI века к проблеме пленных
ослепление и убийство……... 330
О.Н. Шевцова
Сюжетные линии ранней новой истории
в лекционном курсе Т.Н. Грановского…… 341
Е.К. Чернецкая
Реклама в информационном пространстве
немецкой консервативной прессы (1888–1890 гг.)…… 352
М.М. Кочедыкова
Зигзаги судьбы исследователя Печорского Севера А.В. Журавского…. 361

Читая книги

И.Е. Андронов
Новое исследование в контексте «истории биографий»……... 368
И.Е. Сироткина
Науки о человеке до, во время и после дисциплинарности…….. 377

Хроника событий

М.С. Петрова
Аристотелевское наследие в биологии, медицине и этике
Осенняя школа молодых ученых…….. 388

CONTENTS…….. 396

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

55 / 2016

●

Главный редактор
Лорина Петровна РЕПИНА

Адрес редакции
119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, к. 1517
Тел. (495) 954-44-89
Web-страница: http://www.igh.ras.ru/intellect/books/index.htm
Электронная почта: dialogue.time@yandex.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-24798 от 29 июня 2006 г.

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Подписано в печать 15. 04. 2016
Формат 60x90 / 16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25. Тираж 600. Заказ №

Отпечатано в типографии Onebook.ru
ООО «Сам Полиграфист»
Москва, Волгоградский пр., дом 42, строение 5.
Тел.: +7 495 545–37–10
Электронная почта: info@onebook.ru
Адрес в интернете: www.onebook.ru
Тел.: +7 495 545–37–10

ISSN 2073–7564
Эл. № ФС 77-53624